

Леонид Смиловицкий

Евреи Беларуси: до и после Холокоста

Leonid Smilovitsky

Jews in Belarus: Before and After the Holocaust

Collection of selected articles

Jerusalem, 5781/2020

Леонид Смиловицкий

Евреи Беларуси: до и после Холокоста

Сборник избранных статей

Иерусалим, 5781/2020

Л. Смиловицкий. *Евреи Белоруссии: до и после Холокоста*: Сборник избранных статей. Иерусалим, 5781/2020. 491 с.

Статьи, включенные в настоящий сборник, были изданы автором с 1994 по 2019 г. в разных странах и впервые собраны под одной обложкой на русском языке. Они посвящены малоизученным вопросам истории евреев Беларуси до и после Холокоста: советская школа на идише; евреи в сельском хозяйстве, при НЭПе; участие евреев в юридической системе и правоохранительных органах; возврат имущества и жилищ евреям, вернувшимся из эвакуации, партизанских отрядов и Красной армии; роль евреев в экономической, финансовой, политической и культурной жизни республики; белорусское руководство и возникновение государства Израиль; «дело врачей»; работа евреев в цензуре. В сборник вошли также рецензии и интервью автора, очерки по истории еврейской семьи. Материалом для многолетних исследований Л. Смиловидского послужили главным образом архивные документы, дополненные сведениями из научных и популярных изданий, статистических сборников и периодической печати.

Предназначается для специалистов по истории, студентов исторических факультетов, а также для тех, кто интересуется советской историей Беларуси и России.

Редактор и корректор *Рина Глаубах*
Верстка и титульный лист *Шауль Симан-Тов*
Обложка *Александр Литин*

В оформлении обложки использовано фото семьи Чечик (1927 г.) из Турова Мозырского района Гомельской области Белорусской ССР

Предложения, отклики и заказы на книги направлять по адресу:
smilov@zahav.net.il или по тел. 054-6277543; + (972)-54-6277543

Типография «Ной», Иерусалим

ISBN 978-965-92411-2-5

© Л. Смиловицкий, 2020

© L. Smilovitsky, 2020

Содержание

От автора	9
Предисловие	11

ОТ РОМАНТИКИ РЕВОЛЮЦИИ ДО ГОСУДАРСТВА ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА (1919–1941 гг.)

Советская школа на идише	15
Евреи в сельском хозяйстве	61
Еврейская литература	75

ОТ ПОБЕДЫ НАД ГЕРМАНИЕЙ ДО СМЕРТИ ВЕЛИКОГО КОРМЧЕГО (1945–1953 гг.)

Евреи Беларуси в первое послевоенное десятилетие	91
Возврат имущества и жилищ	117
«Дело врачей»	139
Как это было в Могилеве	182
Евреи в юридической системе Беларуси	198
в органах прокуратуры	229
в органах милиции	249
в органах госбезопасности	267

БЕЛАРУСЬ И ИЗРАИЛЬ

Образование государства Израиль и отношение к этому в Беларуси	287
История Беларуси, отраженная в Израиле: обзор архивных коллекций документов и материалов	303

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

Раввин Арье-Лейб Шифман из Пуховичей	326
Резник Иегуда Пинский из Речицы	339
Сара из Ивацевичей	346
Семья Гузман из Речицы	356
Еврейская девушка из госбезопасности Мозыря	361
Майя Львовна Йосем из Минска	375
Мои встречи с Айзиком Платнером	389
Марк Тайц на параде физкультурников 1945 г.	396

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

Черта еврейской оседлости – неотъемлемая часть истории Беларуси ..	402
Скромное обаяние мастеров	411
Синагоги СНГ в прошлом и настоящем	414
Американский брат. «Джойнт» в России, СССР, СНГ	418
Евреи Могилева: второе дыхание	424
Евреи в Речице – далекое и близкое прошлое	427
Белорусские евреи в Америке	433
Устная история еврейской жизни в сталинскую эпоху	437

ИНТЕРВЬЮ

Беларусь и цензура // <i>Belarusian Review</i> (Прага)	441
Еврейский туризм – как это понимать? // <i>Radio Liberty</i> (Прага)	452
Уроженцы Беларуси – лидеры Израиля // <i>Intermarium</i> (Вильнюс)	456
Белорусы и евреи всегда между собой легко договаривались // <i>Radio Liberty</i> (Прага).....	459
Географический указатель	471
Именной указатель	477

Table of Contents

From the Author	9
Preface	11

FROM THE ROMANTICISM OF THE REVOLUTION TO THE STATE OF THE PROLETARIAT DICTATORSHIP (1919–1941)

The Soviet School in Yiddish	15
Jews in Agriculture	61
Jewish Literature	75

FROM THE VICTORY OVER GERMANY TO THE DEATH OF THE GREAT HELMSMAN (1945–1953)

The Jews of Belarus in the first post-war decade	91
Return of property and housing	117
“The Doctors' Plot”	139
As it was in Mogilev	182
Jews in the legal system of Belarus	198
Public Prosecutors' Offices	229
In the Ministry of the Interior	249
In the Security Service	267

BELARUS and the STATE of ISRAEL

Establishment of the State of Israel and the attitude towards this in Belarus	287
Israeli Reflections on the History of Belarus: A Review of Archival Collections and Research Centers	303

HISTORY in PERSONS

Rabbi Arye-Leyb Shifman from Pukhovichi	326
The ritual slaughterer Yehuda Pinsky from Rechitsa	339
Sara from Ivatsevichi	346
The Guzman family from Rechitsa	356
A Jewish girl from Mozyr state security	361
Maya Iosem from Minsk	375
My meetings with Izik Platner	389
Mark Taits at the 1945 Moscow athletic parade	396

REVIEWS

The Pale of Settlement – an integral part of the history of Belarus ...	402
The modest charm of the masters	411
Synagogues, Past and Present	414
The American Brother. The “Joint” in Russia, the USSR and CIS ...	418
Mogilev Jews: second breath	424
Jews in Rechitsa – a distant and close past	427
Belarusian Jews in America	433
The oral history of Jewish life in the Stalin era	437

INTERVIEWS

Belarus and censorship	
// Belarusian Review (Prague)	441
Jewish tourism – how to understand this?	
// Radio Liberty (Prague)	452
Natives of Belarus – Israeli leaders	
// Intermarium (Vilnius)	456
Belarusians and Jews always easily agreed among themselves	
// Radio Liberty (Prague)	459
Geographic index	471
Name index	477

От автора

Когда в субботу моя семья садится за праздничный стол, я беру в руки Тору, которую получил от отца. Это Тора, напечатанная в начале позапрошлого века, принадлежала моему дедушке Мотель-Боруху Смиловицкому из Речицы. Огрубевший кожаный переплет и пожелтевшие страницы говорят, сколько рук ее держали и свидетелем судебных скольких людей она была. Тору отец подарил моей сестре, когда в 1990 г. она с семьей уезжала в Израиль. Тогда люди прощались навсегда, считая, что больше друг друга не увидят. Тора как семейная реликвия должна была напоминать о родительском доме.

Я же никуда не собирался и был полон радужных надежд, что здравый смысл победит и все образуется. Но через два года оказался в Израиле, и дедушкина Тора попала в мой дом.

Напротив субботнего стола висит старое семейное фото другой части нашей семьи – моего дедушки по матери Израиля Ароновича Чечика из Турова. Фото 1920-х гг. запечатлело образы родственников, которых я никогда не видел. На нем три поколения: седобородые старики в ермолках, женщины с покрытыми платками головами, среднее поколение и дети. Все мужчины в городских костюмах с галстуками, и это в сельском Турове! Они полны достоинства, уверены в собственной правоте, знают себе цену. Снимок прислали родные из Америки. Моя мать, Галина Израилевна, перечислила имена и фамилии людей на фотографии. Но этим мои знания о них исчерпываются.

Сколько всего должно было произойти, чтобы появилась возможность узнать историю жизни каждого из них... Люди, лица которых я вижу на фото, не все прожили долгий век. Кого-то репрессировали, кто-то погиб на фронте, кто-то умер в эвакуации, кто-то погиб в Холокосте, и только немногие достигли преклонных лет. Их жизнь не стала выдающейся, но каждый буднично делал свое дело.

Став профессиональным историком, я не представлял, что судьба евреев Беларуси станет моей академической темой, поскольку такой науки в бывшем Советском Союзе не существовало. Но вот уже

тридцать лет я занимаюсь историей еврейского народа, будучи университетским исследователем. Моя задача – изучить историю общины, которой уже в Беларуси нет, но которая так много для нее сделала, и рассказать о ней. Рассказать, как евреи встретили большевистский переворот в 1917 г., как пережили гражданскую войну, какое участие приняли в социалистическом строительстве. Как они воевали и погибали во Вторую мировую и как советская власть с ними обошлась после войны. С какими надеждами они встретили победу над Германией и как надежды эти не оправдались. Как евреи переносили отсутствие национальной жизни и тот компромисс, к которому их вынуждали власти. Обо всем этом очень мало сказано и еще меньше написано.

Традиция хранить семейные истории возобновилась только после распада СССР, когда большинство евреев покинули Беларусь и оказались в Израиле, Америке, Канаде, Германии и даже в Австралии. Я занимался исследованиями, всегда помня о своих родных, лишенных советским государством права национального голоса, языка и традиции, подспудно чувствуя связь с ушедшими поколениями, о которых должен рассказать. И только спустя годы, подводя итог этой работы, я почувствовал, что будто какая-то сила направляла мой научный поиск, посвященный истории белорусского еврейства.

Леонид Смиловицкий

Предисловие

Статьи, включенные в настоящий сборник «Евреи Беларуси: жизнь до и после Холокоста», написаны мной в течение последней четверти века – с 1994 по 2019 г. – в Израиле. В большинстве своем они увидели свет на английском языке или иврите и впервые публикуются на русском, в данный сборник включены без значительных исправлений и дополнений, поэтому некоторые оценки автора могут показаться современному читателю наивными, самонадеянными, предвзятыми или не вполне оправданными.

Представленные в сборнике статьи расплывлены по малотиражным научным журналам и специализированным изданиям, ставшим уже библиографической редкостью, однако в настоящем виде – под одной обложкой – они представляют собой единое целое. Их объединяет, в частности, и то, что объяснения или перевод слов на иврите и идише, названия еврейских праздников даются в тексте в круглых скобках в случаях первого употребления в пределах раздела, в дальнейшем эти слова приводятся без перевода как уже освоенные читателем.

Темы большинства статей до сих пор мало изучены историками, в частности: советская школа на идише; евреи в сельском хозяйстве при НЭПе; евреи в правоохранительных органах Белорусской ССР; возврат имущества и жилищ евреям, вернувшимся из эвакуации, партизанских отрядов и Красной армии; роль евреев в экономической, финансовой, политической и культурной жизни республики; белорусское руководство и возникновение государства Израиль; «дело врачей» в БССР; работа евреев в цензуре.

Изучение трагедии Холокоста справедливо всегда привлекало к себе главное внимание современных историков. Однако моя задача на этот раз – показать, как жили евреи Беларуси в невоенное время, какое участие они принимали в советском строительстве, в какой мере верили

советской власти и считали ее своей, насколько их расставание с собственной культурой, религией и традицией было добровольным, а насколько вынужденным компромиссом, чего лишилась Беларусь в результате нацистского геноцида евреев и как это повлияло на дальнейшую судьбу выживших евреев.

До сих пор нет ответа на вопрос: чего больше получили евреи от советской власти, хорошего или плохого? Выиграли они от этого сотрудничества или проиграли? Какую цену заплатили евреи за свое гражданское равноправие? Как складывались отношения евреев и белорусов, титульной нацией в БССР? Являются ли евреи неотъемлемой частью истории Беларуси? Насколько история может быть полной без еврейской составляющей? Так или иначе, но с уверенностью можно сказать только одно – судьба Беларуси сложилась бы по-другому, если бы евреи как народ не были уничтожены нацистами в годы Холокоста.

Период конца 1990 – начала 2000-х гг. оказался одним из наиболее благоприятных в развитии исторической науки на постсоветском пространстве: открылись архивы, были упразднены спецхраны, началась масштабная переоценка ценностей, люди впервые начали открыто говорить и писать то, что они думают.

Я оценивал события прошлого глазами еврея, бывшего советского человека, ставшего израильтянином. Многие статьи, представленные в настоящем сборнике, послужили эскизами глав моих будущих книг. Они содержат много важного, нужного и содержательного материала, который до сих пор востребован. Метод сочетания архивного материала и устной истории, которым я руководствуюсь, позволяет связать исторический документ с народной памятью, выяснить, каким историческое событие отложилось в умах людей, их участников, очевидцев и современников. Именно такой подход позволяет историку оставаться объективным, а истории – интересной, познаваемой и поучительной. Большинство устных свидетельств были собраны мной в ходе многочисленных аудио- и видеоинтервью в Израиле и Беларуси. Они систематизированы и находятся в свободном доступе в моем архиве, который хранится в Центре диаспоры при Тель-Авивском университете.

Для того чтобы оценить советский архивный документ, нужно хорошо понимать менталитет советского человека, рожденного и воспитанного вне гражданского общества, не имевшего связи с внешним миром, не знавшего иностранных языков, остававшегося в плену идеологических штампов и догм. Непонимание этих особенностей вызывало и вызывает немалую трудность для моих коллег из-за

рубежа, которые впервые получили возможность обратиться к документам рассекреченных советских архивов. То же самое испытывает и новое поколение белорусских исследователей, родившихся после 1991 г.: у них есть историческое образование, они сделали первые шаги в науке в условиях относительной интеллектуальной свободы, но также лишены знания советского менталитета, и поэтому молодым историкам приходится о многом догадываться.

Архивы Израиля, Беларуси и России за последнюю четверть века несколько раз меняли свою структуру и названия: Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР БССР) и Партийный архив при ЦК КПБ в 1995 г. были объединены в Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ); партийные архивы обкомов Компартии Беларуси стали областными архивами общественных объединений; Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ) при ЦК КПСС в Москве превратился в Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), а потом преобразовали в Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ); ЦГАОР СССР стал Государственным архивом Российской Федерации (ГАРФ).

Особое место среди моих научных находок занимают уникальные материалы из Центрального архива КГБ Республики Беларусь в Минске и архив Управления КГБ по Гомельской области, куда я первым из ученых Израиля был официально допущен для работы с документами.

Очень важные сведения я обнаружил в израильских архивах, что позволило со временем написать отдельную обзорную статью «История Беларуси, отраженная в Израиле» и выступить с одноименным докладом в Институте Лазарского в Варшаве в 2010 г., полная версия которого представлена в настоящем издании. Большинство статей сборника снабжены таблицами, составленными автором по указанным архивным источникам (исключения отмечены ссылками на источник заимствования).

Сборник состоит из шести разделов, последовательно раскрывающих историю белорусского еврейства до и после Холокоста, в число которых входит раздел «История в лицах», наглядно демонстрирующий, как в судьбе отдельно взятой еврейской семьи преломились глобальные исторические события. Записывая частные истории, мне нередко приходилось преодолевать скептицизм пожилых людей: «зачем это нужно?» или «кому это интересно?»

Рецензии, помещенные в сборнике, отражают, что мне показалось наиболее важным, интересным, самобытным в исследованиях моих коллег по цеху и на что я хотел обратить внимание читателей. Книги Анищенко, Бейзера, Мельцера, Штерншис, Кагановича, Литина – по-своему новаторские, и я горжусь тем, что мне выпала честь одним из первых сообщить об этом читательской аудитории.

Заключительную часть сборника составляют мои интервью газетам и журналам, радио «Свобода». Они дают представление о моих взглядах на судьбу евреев и их место в истории Беларуси.

ОТ РОМАНТИКИ РЕВОЛЮЦИИ ДО ГОСУДАРСТВА ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА (1919–1941 гг.)

Советская школа на идише

Начало строительства массовой еврейской школы было положено еще в феврале 1917 г., когда в городах и местечках бывшей черты оседлости открылись десятки школ для обучения детей еврейских беженцев из прифронтовой полосы¹. Большинство еврейских школ всегда находилось в ведении синагоги. К началу Первой мировой войны их количество в России составило 8 942 (325 тыс. учащихся), а к 1917 г. традиционный *хедер* (еврейскую религиозную начальную школу для мальчиков) посещали почти 400 тыс. учеников, тогда как светские еврейские школы с русским языком обучения – только 30 тыс. чел.² После октябрьских событий 1917 г. в Москве был образован Еврейский комиссариат, отдел культуры и просвещения которого курировал работу школ. Однако из всех еврейских учебных заведений поддержку получили только школы на идише. Причиной этого предпочтения послужило отрицательное отношение большевиков к еврейской религии и сионизму. В их глазах иврит был олицетворением «религиозного дурмана» и средством пропаганды сионизма. По свидетельству Иегошуа А. Гильбоа, редактор «Дер Эмес» Моше Литваков сравнивал

¹ Л. Мышкоўскі. «Жыдоўская асветная праца у Беларусі» // *Асвета*, № 2, 1924, с. 32-37; Ю. Дардак «Да гісторыі яўрэйскай школы у БССР» // Там же, № 6, 1926, с. 168-174.

² *Yiddn in USSR*. Moskva, 1935, z. 258; Kh. Fialkov, *Vestnik OPE*, February 1914, St. Petersburg / Quoted by Ch. Fazhdan; *Fun Kheyder un Skoles Tsu Tsisho*. Mexico City, 1956, z. 138.

иврит с языком готтентотов³. Деятели Еврейской секции РКП(б) утверждали, что иврит является языком классового врага, поскольку им пользуются только сионисты, клерикалы и крупная буржуазия. Идиш, напротив, они считали языком трудящихся масс. Перевод детей из религиозных школ в светские учебные заведения атеистического направления, отрицавшие опыт традиционного воспитания и обучения, был большим испытанием для учащихся и их родителей.

Языком обучения в советской еврейской школе был избран идиш. В феврале 1919 г. статут-программа Еврейской коммунистической партии Белоруссии отмечала, что все предметы в школе должны изучаться на идише как родном языке учащихся⁴. Согласно переписи 1920 г., на нем говорили 71% евреев Советского Союза, в том числе в РСФСР – 48%, на Украине – 76%, а в БССР – 91%. В местечках же и деревнях Белоруссии идишем пользовались 97% евреев⁵. Вместе с тем будущее самого идиша как средства обучения и воспитания в еврейской школе оставалось проблематичным.

В эпоху военного коммунизма утверждали, что в интересах революции евреи должны пренебречь своим языком. Руководитель Еврейского комиссариата Самуил Диманштейн заявлял в 1918 г., что коммунисты, в отличие от еврейских националистов, не являются фанатиками еврейского языка и идиш для них – не священный язык: «Возможно, что в близком будущем более богатые языки вытеснят повсюду еврейский язык. Мы, коммунисты, не прольем ни слезинки по этому поводу»⁶. Только с началом НЭПа эта точка зрения на национальное школьное строительство изменилась. На смену разрушенной революцией старой буржуазно-дворянской системе просвещения пришла советская единая трудовая политехническая школа, основанная на классовом принципе, с бесплатным и обязательным обучением детей обоего пола. Она исключала религиозные влияния и была увязана с общественно-полезным трудом. Такая школа должна была в перспективе обеспечить широкое развитие профес-

³ См. *Еврейский камертон*. (Тель-Авив), 8 авг. 1997 г.

⁴ *Бунд в Белоруссии, 1897–1921 гг.*: Сб. документов и материалов / Сост. Э.М.Савицкий; БелНИИДАД, Минск, 1997 г., с. 495.

⁵ Велвел Зингер. *Еврейское население СССР в таблицах и диаграммах*. Табл. 24. Москва, 1930 г.; *Евреи в БССР*: Бюллетень / Белорусская Академия наук. Еврейский сектор: Минск, 1929 г., с. 11 (идиш).

⁶ Юдель Марк. «Еврейская школа в Советском Союзе» // *Книга о русском еврействе 1917–1967 гг.* / Под ред. Я.Г. Фрумкина и др. Нью-Йорк, 1968 г., с. 234.

сионального обучения и открыть рабочим и крестьянам доступ к высшему образованию. В феврале 1921 г. вторая сессия Советов Центрального комитета БССР поручила Народному комиссариату просвещения обеспечить всем национальностям, проживающим в республике, возможность получать образование на родном языке. В официальной белорусской историографии эта дата считается точкой отсчета национальной школьной политики⁷.

Состав населения в республике был традиционно многонациональным. В 1926 г. оно составляло 4 983 240 чел. Из них: 4 017 301 – белорусы (80,6%), 407 059 – евреи (8,2%), 383 806 – русские (7,7%), 97 498 – поляки (2,0%), а также 34 681 – украинцы (0,69%), 14 061 – латыши (0,28%), 7 075 – немцы (0,15%), 6 863 – литовцы (0,14%), 3 777 – татары (0,07%) и в небольшом количестве эстонцы, цыгане и представители других национальностей⁸. Формальное равноправие четырех главных национальностей закреплялось Конституцией БССР 1924 г. через государственные языки: белорусский, русский, еврейский и польский. До 1930 г. при ЦК Компартии республики действовали четыре национальных бюро – белорусское, еврейское, русское и польское, работали соответствующие национальные секции при Центральном Исполнительном Комитете Всебелорусского съезда Советов, Совете народных комиссаров, Наркомпросе и других государственных ведомствах БССР. Национальное равноправие сказывалось и в делопроизводстве⁹.

Идеология советской еврейской школы в своих основных положениях была сформулирована в начале 1920-х гг. В 1923 г. руководитель еврейского бюро Наркомпроса Михл Левитан заявил, что советская единая трудовая школа на идише является важнейшим элементом коммунистического воспитания еврейской молодежи, основным способом борьбы с религией, националистическими и сионистскими предубеждениями, средством утверждения атеистического и интернационального мировоззрения. Олицетворением старой школы были учебные заведения, где преподавание велось на иврите. В сентябре 1918 г.

⁷ *Народная адукацыя і педагагічная навука у Беларусі, 1917–1945 гг.* Мінск: Народная асвета, 1993 г., с. 74–75.

⁸ А. Раков. *Белоруссия в демографическом измерении.* Минск: Голас Радзімы, 1974 г., с. 74.

⁹ А.М. Платун. *Итоги культурного строительства в БССР за десять лет.* Минск: Госполитиздат БССР, 1931 г., с. 22.

Государственный комитет по просвещению постановил прекратить занятия в хедерах, однако до окончания гражданской войны во многих местах Белоруссии они продолжали функционировать явочным порядком. Поэтому сначала в апреле, а потом и в сентябре 1921 г. Наркомпрос издает специальный приказ о запрещении деятельности хедеров и *иешив* (еврейских религиозных высших учебных заведений)¹⁰.

Хедер представлял собой своеобразную начальную школу, которая располагалась на дому у *меламеда* (учителя). Главное внимание в ней уделяли не общеобразовательным предметам – письму, чтению, счету, а еврейским традиционным знаниям. Все изучавшиеся тексты были на иврите или арамейском языке, хотя в быту употреблялся только идиш. Обучение в еврейской религиозной начальной школе было платным. В Талмуд-Торе за счет общины обучались дети бедняков и сироты. Как правило, для нуждающихся устраивали интернат. Причин, которые помогали хедеру выжить, было много. Туда приводили мальчиков с трех лет, и в этом смысле такая школа заменяла детский сад. Родители хотели, чтобы дети научились читать хотя бы заупокойную молитву, полагая, что это смягчит их загробные муки. Важную роль играло и отсутствие альтернативы. Когда вышел Закон об отделении школы от церкви¹¹, православные церковные приходские школы, епархиальные училища и духовные семинарии были превращены в светские учебные заведения. Однако реформы почти не коснулись хедера. У приходских школ, училищ и семинарий имелись помещения, учебный инвентарь, педагоги, которые обучали грамоте и счету, – словом, отделам народного образования было из чего создавать новые светские школы. С хедером все обстояло иначе: нельзя было превратить в школу дом или квартиру меламеда, где велись занятия, а его самого – в советского педагога. Оставалось только закрыть традиционные еврейские школы, а детей распределить по другим школам. Однако одновременно открыть тысячи новых учебных заведений, способных охватить сотни тысяч учеников, не представлялось возможным. Поэтому местные власти вынужденно временно смотрели на хедеры «сквозь пальцы», надеясь на постепенное вытеснение их советской школой.

¹⁰ См. *Дер Векер*: Газ. Минск, 7 сент. 1921 г. («Будильник», идиш).

¹¹ «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»: Декрет СНК РСФСР от 20 янв. 1918 г. // *Народное образование в СССР*: Сб. документов, 1917–1973 гг. Москва, 1974 г., с. 7–9.

Борьба с хедером была частью атеистической кампании в республике. Во время религиозных праздников проводились демонстрации, направленные против религии, читались лекции по атеизму, устраивались импровизированные «суды» над подростками или молодыми рабочими, побывавшими в синагоге или участвовавшими в отправлении обрядов. По свидетельству Нехемии Маккаби, создавались специальные отряды, «бригады», которые во время пасхального *седера* (пасхальной трапезы) врываются в дома с проверками: не участвуют ли комсомольцы в «контрреволюционных пиршествах»? Когда такая бригада явилась в их дом в Минске, за столом сидела вся семья, включая брата Нехемии – комсомольца Арона. Услышав стук в дверь, отец запер Арона в шкафу. С уходом незваных гостей все вернулись к пасхальной трапезе с чтением *Агады*¹².

В 1921–1922 гг. такие массовые проверки имели особенно широкий размах в Минске, Витебске, Гомеле, Чаусах и Рогачеве. В Гомеле в проверках приняли участие полторы тысячи человек, в Витебске – две, а в Минске – три тысячи. В Минске 23 сентября 1922 г. (первый день *Рош ха-Шана* [еврейского нового года]) в домах культуры пищевиков, транспортников, металлистов, печатников, строителей и в еврейском клубе им. Гроссера состоялись митинги, в которых участвовали сотни рабочих, и агитационные концерты. 2 октября, в *Йом Кипур* (Судный день), день поста и молитвы, также состоялся большой митинг, перед которым собравшимся бесплатно раздавали обеды. В Слуцке на заседаниях ячеек РКП и РКСМ с участием беспартийных и на делегатском собрании женотделов читали лекции на антирелигиозные темы, а 30 сентября 1922 г. был инсценирован суд над комсомольцем, посетившим синагогу в *Йом Кипур*, и организована антирелигиозная демонстрация молодежи с факелами, флагами, транспарантами и оркестром. В Бобруйске доклады на антирелигиозные темы проводили на промышленных предприятиях. Два дня продолжалась инсценировка суда над верующими, на которой присутствовали две тысячи рабочих. В Борисове прошло три митинга на антирелигиозные темы, а в *Йом Кипур* – демонстрация молодежи и субботник; в Мозыре – концерт на фабрике «Прима», собрание в Доме труда, демонстрация молодежи, а в городском театре – суд над иудаизмом, который затянулся на всю ночь и закончился лишь после полудня следующего дня. В Игумене в *Йом*

¹² Нехемия Маккаби. *Проблеск во мраке*. Ришон ле-Цион, 1991 г., с. 26.

Кипур власти раздавали бесплатные обеды и т. д. и т. п.¹³

В 1921 г. в Полоцке и Мозыре проводили суды над меламедами. Самый большой процесс устроили в Витебске в январе 1921 г. над 49 меламедами, работавшими в 35 хедерах. В них обучались 1 358 детей, 400 из которых утром посещали советские школы и приходили в хедеры после обеда. Остальные дети 8–13 лет учились только в религиозных школах. Учащиеся хедеров делились на небольшие возрастные группы, начиная с 5–7 лет. В некоторых хедерах кроме традиционных предметов изучали русский язык и арифметику. В части хедеров преподавание велось на идише, в других – на иврите. Против меламедов были выдвинуты надуманные и клеветнические обвинения, что послужило основанием для закрытия хедеров и перевода учащихся в советские еврейские школы¹⁴.

Процесс в Витебске послужил сигналом к подобным действиям в других местах. Еврейские бюро при отделах народного образования привлекали комсомольцев, учителей и членов культкомиссий при профсоюзах и женотделах для проверки хедеров. Осенью 1921 г. съезд работников просвещения в Минске принял решение о борьбе с хедерами. Центральное евробюро при Наркомпросе, со своей стороны, распорядилось перейти к систематическим акциям; профсоюзы начали выяснять, кто из их членов посылает детей в хедер, на предприятиях принимали резолюции о недопустимости поддержки религиозных школ. Конференции трудовых коллективов избирали особые комиссии по ликвидации хедеров, одновременно создавали условия для открытия дополнительных советских школ на идише. Подобные кампании проводились в Минске, Бобруйске, Гомеле, Могилеве, Рогачеве, Слуцке и других городах. В Бобруйске после закрытия хедеров была устроена советская детская демонстрация, которая, по словам очевидцев, произвела «неизгладимое впечатление». На борьбу с хедерами власти мобилизовали женщин, которые прежде считались преданными защитницами традиционного образования. Вопрос о хедере был поставлен на обсуждение на конференции женщин-работниц и домашних хозяек Могилева, Витебска и Слуцка. Конфе-

¹³ М. Фрумкина (Эстер). «Долой раввинов»: Очерк антирелигиозной борьбы среди еврейских масс // *Красная новь*: Журн. Москва: Главполитпросвет, 1923 г., с. 20, 23–24.

¹⁴ L. Abram, I. Khinchin, K. Kaplan. *Der Mishpet Ibern Kheyder* (Суд над хедером) / Бюро еврейской секции РКП. Витебск, 1922 г., с. 45–49, 87–88.

ренции принимали резолюции, призывавшие к закрытию хедеров, этих «тюрем, притуплявших детские души»¹⁵.

Известие о суде над меламедами в Витебске получило большой международный резонанс. О нем писали газеты от Варшавы до Нью-Йорка. Возмущение закрытием хедеров выражали раввины Вильно, митинги протеста прошли в Варшаве, письма протеста были направлены даже на международную Генуэзскую конференцию. Свое негативное отношение к политике закрытия хедеров и иешив высказал Максим Горький, находившийся в это время в Италии¹⁶. Однако реакция международной общественности не смогла изменить ситуацию. Советские газеты писали, что «вой» буржуазии не смущает советскую власть, и железная рука революционного закона настигает «мракобесов», что за попытку подпольного возрождения хедера виновные будут преданы суду и отправлены в концлагеря. Школу на иврите сравнивали с толстым слоем плесени, который лежал на еврейских массах и копился тысячелетиями, а теперь слетает под живительным дуновением революционной бури. Отмечалось, что еврейские рабочие, руководимые партией, объявили войну рабству, и под ударами их молота падает старое здание предрассудков и фанатизма. В мае 1922 г. Совет народных комиссаров БССР потребовал закрыть все еврейские начальные школы на территории республики.

В защиту тех, кто не подчинился, выступили деятели культуры и рядовые граждане. Не было ни одного города БССР, откуда бы сторонники хедера не посылали жалоб в Наркомпрос, ВЦИК, Совнарком, ЦК РКП и лично Ленину. Закрытие традиционных еврейских школ они понимали как гонение на иудаизм. В ЦИК республики поступали жалобы на преследования меламедов и раввинов. В Руденске под ними подписались 41 человек, в Минске – 2 900. В Слуцке весной 1922 г. в адрес местного отдела народного образования были направлены обращения с возмущением, что в еврейских детских домах воспитанников кормили свининой¹⁷. Систематическое противодействие закрытию хедеров оказывали религиозные общины и сионисты. В Витебске осенью 1922 г. верующие напали на коммунистов, осквернявших их праздник, в Гомеле раввин Баришанский появился на

¹⁵ М. Фрумкина (Эстер). Указ. соч., с. 33, 36.

¹⁶ Михл Левитан. «Культурные достижения еврейских масс РСФСР» // *Жизнь национальностей*: Журнал (Москва), январь 1923 г., с. 247.

¹⁷ См. *Дер Векер*. 1922 г., 22 января; *Oktiaber*. 1927 г., 19 янв. (идиш).

городском митинге коммунистов, устроенном властями, и призвал сопротивляться закрытию хедеров. В ответ на протесты власти грозили репрессиями. Типичными были решения исполкома в Климовичах от 7 июля и 21 августа 1922 г. о немедленном закрытии всех хедеров и иешив под угрозой передачи дела в суд по статье 121 УК БССР¹⁸.

Репрессиям подвергали тех, кто отказывался принять новые школьные порядки¹⁹. Дочери главного раввина Минска, любавичского хасида рабби Мендла Глускина, пострадали от этих нововведений. Лею исключили из 6-го класса, а Соню из 5-го класса за пропуск занятий по субботам, хотя обе девочки прекрасно учились. В 1929 г. арестовали Эстер, старшую дочь Глускина, по обвинению в сионистской деятельности. Лея и Соня вынуждены были уехать в Москву, чтобы окончить там хотя бы семилетнюю школу²⁰.

Сломить сопротивление верующих оказалось непросто. Часть из них пыталась организовать преподавание иврита подпольно, другие учили детей дома. В Минске уроки иврита давали учителя Кац, Розенштейн, Новиков и др. По свидетельству Бориса Быховского, его родители Вульф Лазаревич и Брайна Львовна решили не отдавать сына в еврейскую советскую школу на том основании, что там учились по субботам и не изучали иврит. Отец брал Бориса с собой в хасидскую синагогу «Штибл» на ул. Немига в Минске, а затем настоял, чтобы сын начал посещать иешиву. Для того чтобы Борис смог получить также общее образование, родители пригласили ему домашнего учителя – Сарру Каплан, студентку педагогического факультета Белгосуниверситета, которая готовила мальчика по всем предметам. В 1925 г. Борис успешно сдал экстерном экзамены, и его приняли в пятый класс Минской общеобразовательной русско-еврейской школы № 12. Подобным образом домашнее образование получили Нехемия Макобоцкий (Маккаби), Эля Шапиро, братья Розенштейн – Цви, Аврам и Шломо, их сестра Рахель. Гита Глускина изучала дома *Танах*, русский язык и арифметику²¹.

В еврейских общинах тайно собирали деньги для оплаты труда и

¹⁸ Арон Скир. *Духовная культура евреев Беларуси*. Минск, 1995 г., с. 61.

¹⁹ Б. Розенфельд. «Барацьба з хедэрамі і русіфікацыйнымі настроямі у яўрэйскай школе на Барысыўшчыне» // *Асвета*, № 3, 1927 г., Мінск, с. 126.

²⁰ “Der Minsker goibt rav und zine tehter” // *Der Noie Zeitung*. 25.12.1997, 1.01.1998, Tel Aviv.

²¹ Письмо Бориса Быховского из Хадеры от 22 дек. 1997 г. // Архив автора.

поддержания учителей, продолжавших работать вопреки категорическим запретам. Наибольшее упорство проявили последователи движения Хабад. В Дараганово Осиповичского района в течение зимы 1924/25 г. в хедере обучалось 16 учеников, учителю была оказана помощь в 75 руб. В Минске в 1926 г. хедеры посещали 273 ребенка, а в 1928 г. – 324. В том же году раввин Рафаэль Каган обратился к любавичскому ребе Йосефу-Ицхоку Шнеерсону с просьбой выплатить 50 рублей шести учителям хедеров из Витебска, у которых обучались 103 ученика²². В 1928 г. нуждавшихся учеников иешив в Минске насчитывалось 400 человек, в Витебске – 350, в Могилеве и Полоцке – по 100. Небольшие группы учащихся существовали в Бобруйске, Слуцке, Мозыре; в Борисовском районе работало восемь хедеров, которые посещали 142 ученика. В 1930 г. евсекция Компартии Белоруссии выступила с заявлением о том, что «еврейская черная сотня» не только не подчиняется приказу о закрытии хедеров и иешив, но и открывает новые²³. Летом 1933 г. газета «Дер юнгер ленинец», издававшаяся в Минске, ставила в пример тех пионеров, которые помогали разоблачать «контрреволюционный хедер»²⁴. В некоторых местечках республики подпольные еврейские учебные заведения продержались вплоть до конца 1930-х гг. В Щедрине Паричского района, по данным властей, подпольный хедер содержал раввин Фрадкин²⁵. Ликвидация традиционного образования, основного канала передачи еврейского культурного наследия, и запрет на изучение иврита нанесли тяжелый урон еврейской культуре в Советском Союзе.

Планы Еврейского комиссариата открыть советские учебные заведения на идише встретили сопротивление образованной части еврейства. Заместитель председателя евсекции РКП(б) Самуил Агурский, бывший комиссар по еврейским делам Витебской губернии, вспоминал, что вначале эта задача казалась абсолютно невыполнимой из-за саботажа еврейской интеллигенции: «Найти образованного лояльного работника было чрезвычайно сложно»²⁶. Первые 62 советские школы на идише

²² Дэвид Фишман. «Религиозные лидеры советского еврейства, 1917–1934» // *Исторические судьбы евреев в России и СССР – начало диалога*: Сб. статей. Москва, 1992 г., с. 189–200.

²³ А. Розин. «Еврейское население в Минске, 1917–1941 гг.» // *Минск – город и мать*. Иерусалим, 1985 г., т. 2, с. 73 (иврит).

²⁴ См. *Дер юнгер ленинец* («Молодой ленинец»). 4 авг. 1933 г.

²⁵ Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ), ф. 42, оп. 21, д. 1099, л. 9.

²⁶ Samuil Agurskii. *Der Yiddisher Arbeter in der Komunistisher Bavegung 1917–1921*. Minsk, 1925, z. 2.

появились в Белоруссии в 1920 г., трудность их открытия официальные источники объясняли последствиями «белопольской» оккупации²⁷. Тем не менее постепенно их количество увеличивалось – в 1921 г. добавилось еще 38 школ. В 1922 г. в республике насчитывалось 106 еврейских школ, в которых учились 10 745 учеников. В 1924/25 учебном году количество учащихся возросло до 19 083 человек, а в 1925/26 – до 22 090.

В Бельничском районе Могилевской области еврейская школа работала в деревне Мартиновка; в Мстиславском районе – в Шамовщине; в Костюковичском районе – в Самотевичах, а также в районных центрах Кричев, Климовичи, Милославичи, Росны, Хотимск и др. Это было только начало большой работы, предстояло создать и укрепить сеть семилетних школ в местечках. Учебно-материальная база еврейских школ, в сравнении с белорусскими, была беднее. Не хватало помещений, учебного инвентаря и мебели, пособий и письменных принадлежностей. Соотношение учащихся еврейских школ на идише и общего числа детей школьного возраста представлено в следующей таблице:

Таблица 1

**Еврейские школы БССР
первого и второго концентров в 1927 г., %**

Тип учебного заведения	Города	Местечки	Сельская местность
Четырехлетняя школа (первый концентр)	22,3	53,9	1,2
Семилетняя школа (второй концентр)	28,7	17,3	1,5

Составлено по: I. Dardak. “Unzere Dergreikhungen far 15 Yor Oktiaber ofn Gebit fun Folk Bildung” (Наши достижения к 15-летию Октября в сфере народного образования) // *Almanak Tsum 15 Yorteg fun der Oktiaber Revolutsie, Sotsial-Ekonomisher Zambluch*. Minsk, 1932, z. 146-147, 152.

²⁷ Из доклада Центрального еврейского бюро Народного комиссариата просвещения БССР // *Дер Векер*, 8 авг. 1921 г.

Большинство начальных школ были открыты в местечках и сельской местности, а семилетние – в городах. В целом школы на идише посещали 27 124 учащихся, что составляло 46,1% всех еврейских детей и подростков школьного возраста, которым преподавали 1 356 учителей. Качество занятий в еврейских школах было выше, чем в белорусских. В классах занималось по 30 учеников, тогда как в белорусских – не менее 40²⁸. Наряду с общеобразовательными школами в систему социального воспитания Наркомпроса входили дошкольные детские учреждения, детские дома и сиротские приюты, национальный состав которых был следующим:

Таблица 2

**Национальный состав детсадов, детдомов и приютов
в БССР в 1926/27 уч. г.**

Тип учреждения	Белорусские	Еврейские	Русские	Польские	Всего
Детские сады	34	21	5	2	62
Детские дома и приюты	45	26	8	4	83

Составлено по: Л. Лыч, Л., У. Навіцкі. *Гісторыя культуры Беларусі*. Мінск, 1996 г., с. 220.

Помимо учебных заведений социального воспитания Наркомпроса еврейские подростки получали образование в системе профессионального образования, фабрично-заводских семилетних школах (ФЗС) и школах крестьянской молодежи (ШКМ). В ФЗС принимали после окончания школы первого концентратора и в течение трех лет давали не только семилетнее образование, но и профессию квалифицированного рабочего-металлиста, строителя, текстильщика, обувщика, швейника, кожевника или полиграфиста. В ШКМ готовили «культурного» и политически подготовленного крестьянина, «передовика-землероба», кооператора.

²⁸ *History of Jewish Education in the Soviet Union 1918–1948* / By Elias Shulman. Ktav Publishing House, Inc. New York, 1971, p. 92.

Идиш как язык обучения был введен в 19 из 24 учебных заведений системы профессионального образования Наркомпроса; в республике открыли на идише девять торговых школ и два индустриальных техникума, четыре еврейских отделения на вечерних и шесть отделений на дневных рабфаках, готовивших к поступлению в высшее или среднее специальное учебное заведение, а также еврейские отделения в педагогических институтах в Витебске и Минске²⁹.

В 1926 г. дополнительно были открыты еврейский детский дом в Черикове, еврейская группа в детском саду Климовичей, планировалось создать детские площадки при белорусских дошкольных учреждениях в Хотимске и Краснополье. К 1927 г. в Белоруссии, по сравнению с аналогичными учебными заведениями России, Украины и Крыма, количество учащихся, посещавших школу на идише, было самым большим, что наглядно представлено в следующей таблице:

Таблица 3

**Соотношение еврейских учеников в школах
с разными языками обучения на 15 дек. 1927 г., %**

Республика	На идише	На двух языках, включая идиш	На русском	На других языках
Белорусская ССР	55,5	1,6	11,15	31,4
Украинская ССР	49,6	3,4	19,6	27,4
Рос. Федерация	8,0	3,1	86,6	2,3
Крымская АССР	10,0	9,7	78,4	1,9

Составлено по: *Национальная политика ВКП(б) в цифрах*.
Москва, 1930 г., с. 278-279.

В 1924–1925 гг. из общего количества школ для взрослых на белорусском языке работало 3%, на польском – 0,2%, а на идише – 15%³⁰. На идише работали четыре профессионально-технические

²⁹ I. Dardak. Op. cit, z. 148.

³⁰ См. *Полымя*, № 5, 1925 г., с. 189.

школы, тогда как на белорусском языке к тому времени еще не существовало ни одной такой школы³¹. В целом сеть школ с преподаванием на идише выглядела следующим образом:

Таблица 4

**Еврейские школы с обучением на идише
в БССР в 1922–1937 гг.**

Год	Количество начальных, неполных средних и средних школ	Число учащихся	Доля учащихся от всех еврейских детей школьного возраста, %
1922	106	10 745	22,0
1926	175	22 535	44,5
1928	190	26 020	54,6
1930	209	28 310	—
1932	334	33 398	64,0
1933	339	36 501	—
1935	—	26 679	36,3
1937	182	26 163	39,0

Составлено по: Raphael Abramovitch. “Geshikhte fun yidn in poiln, lite, un rusland” // *Algemeine Entsiklopedie*, Series “Yidn” / World Jewish Cultural Congress. New York, 1950. Vol. 4, p. 188.

Успех идишизации еврейского образования был чреват последствиями для евсекции ЦК Компартии Белоруссии обвинениями в еврейском национализме, в пренебрежении к белорусам и русским. Поэтому при любой возможности члены евсекции подчеркивали, что учащиеся школ на идише ничем не отличаются от других советских школьников и так же преданы идеям партии Ленина–Сталина, а само еврейское местечко неузнаваемо изменило свой облик после революции.

³¹ См. *Польмя*, № 4, 1925 г., с. 119, 129, 131, 133.

Много внимания уделялось обеспечению школы педагогическими кадрами. С тревогой сообщалось о подверженности еврейских школ влиянию сионистов, об «оживании» и распространении хедеров, о невыполнении постановления еврбюро, требовавшего ввести преподавание белорусского языка. Педагоги-евреи без большого энтузиазма относились к Коммунистической партии. Поэтому предлагалось больше внимания уделять влиянию на учителей, прекращению ненужного их «дерганья» и «перебросок» (внезапных переводов на другие участки работы, часто не связанные с педагогической деятельностью). Предлагалось вовлекать учителей в систему политпросвещения, содействовать их самообразованию, обеспечивать подпиской на периодические издания, увлекать краеведческой работой и т. д.³²

По своему социальному положению 25% учителей были выходцами из семей рабочих, 8% – из крестьян, 10,5% – из торговцев, 27% – из кустарей, а 28% – из бедноты. Далеко не все учителя имели профессиональное образование. В 1926 г. из 347 педагогов еврейских школ системы Наркомпроса БССР только у 14% учителей была специальная подготовка, а 13% из них не имели даже законченного среднего образования³³. Еврейские педагогические техникумы были открыты в Витебске и Минске (на базе национализированной городской Талмуд-Торы), а в Гомеле – техникум дошкольных работников. Педагогов готовили также учительские институты, еврейские отделения при педагогических институтах, языком преподавания в которых служил идиш, с 1922 г. активно действовало еврейское отделение педагогического факультета Белгосуниверситета³⁴.

Основной контингент студентов составляли учителя еврейских школ, партийные работники и сотрудники культурно-просветительных учреждений, молодые еврейские литераторы. Здесь преподавали профессора Николай Никольский, Самуил Лозинский, Иехиэль Равребе, Израиль Сосис и др. Учебные планы и программы были написаны на идише. Увеличивалось количество часов, отводившихся на преподавание учебных предметов с углубленным изучением истории и филологии: «История евреев Литвы, Украины и Белоруссии», «Введение в семитское языкознание», «Иврит», «История

³² НАРБ, ф. 4, оп. 7, д. 70, л. 334; д. 77, л. 131.

³³ Там же, д. 14, л. 164.

³⁴ Zvi Halevi. *Jewish University Students and Professionals in Tsarist and Soviet Russia* / Diaspora Research Institute. Tel Aviv, 1976, p. 165-185.

еврейского народного образования», «Грамматика древнееврейского языка» и др. Для изучения идиша отводилось 4–6 часов в неделю. В 1926 г. была предпринята реорганизация еврейского отделения педфака БГУ. В ходе ее выполнения предусматривался выпуск национальных учебников по всем учебным предметам (свыше 50 названий), а также постепенный перевод всех учебных дисциплин на идиш³⁵. На работу в БССР направляли часть выпускников московского Коммунистического университета национальных меньшинств Запада им. Ю. Мархлевского (КУНМЗ) и ленинградских вузов – Института дошкольного образования, Института внешкольного образования, Педагогического института им. Герцена, Института социального воспитания, а также Саратовского и Смоленского университетов³⁶. Общий удельный вес еврейской молодежи в учебных заведениях БССР, включая и белорусские отделения, был достаточно высоким. Евреев насчитывалось 27,8% среди студентов техникумов, 27,6% – в вузах, а в профессионально-технических школах – 38,4%³⁷. К началу 1930-х гг. педагогические коллективы по уровню образования, профессиональной подготовке и социальному составу представляли следующую картину:

Таблица 5

**Преподавательский состав еврейских школ
в БССР в 1930/31 уч. г.**

Показатель		Концентр		
Педагогический стаж	первый, 656 чел.	%	второй, 392 чел.	%
до 1 года	154	3,5	40	0,2
1 – 5 лет	253	8,5	144	6,8
5 – 10 лет	108	5,3	76	9,5

³⁵ Іна Герасімава. «Габрэўская вышэйшая школа ў сістэме народнай адукацыі Беларусі ў 20–30-я гады» // *Габрэўская культура Беларусі і яе ўзаемадзеянне з беларускай і іншымі культурамі*: Міжнародная навуковая канферэнцыя. Мінск, май 1994 г. Беларусіка–Albaruthenica. Мінск, 1995 г., с. 126.

³⁶ Д. Сцепуро. *Всеобщее обучение в БССР*. Москва–Ленинград, 1930 г., с. 22; НАРБ, ф. 4, оп. 7, д. 19, л. 57.

³⁷ И.А. Файкин. *О демографической переписи в журнале «Цайтшифт» («Временник»)*. Минск, 1930 г., т. 4, с.193; А.М. Платун. Указ. соч., с. 42.

От романтики революции
до государства диктатуры пролетариата (1919–1941 гг.)

свыше 10 лет	141	2,0	132	3,5
Уровень образования				
выс. педагогическое	37	5,6	159	40,5
высшее общее	3	0,5	3	0,8
незаконч. высшее	13	2,0	18	4,7
сред. педагогическое	406	61,9	108	28,0
среднее общее	165	25,1	89	22,0
незаконч. среднее	33	5,5	15	3,9
Пол				
мужчины	165	25,1	178	45,0
женщины	491	74,9	214	55,0
Партийная принадлежность				
члены КП(б)	19	3,0	28	7,1
члены ЛКСМБ	113	17,2	38	9,7
беспартийные	524	79,8	32	83,2
По социальному происхождению				
рабочие	91	14,0	58	14,7
крестьяне	56	8,6	46	12,0
колхозники	20	3,1	5	1,3
единоличники	152	23,2	67	17,0
служащие	222	34,7	159	40,5
духовенство	24	3,6	16	4,0
торговцы	69	10,5	25	6,0
прочие	22	3,5	16	9,0

Составлено по: НАРБ, ф. 4, оп. 14, д. 29, лл. 230, 233.

В педагогические коллективы входили люди из разных социальных слоев, которым разрешалось заниматься педагогической деятельностью. По понятным причинам преобладали служащие, в разряд которых включали представителей интеллигенции, детей бывших учителей. За ними шли выходцы «из единоличников», к которым были причислены многие бывшие представители свободных профессий. Далее следовали выходцы из «торговцев». Как известно, торговля и посредничество были до 1917 г. занятием почти половины всех евреев края. Учителя из рабочих и колхозников стояли на предпоследнем месте, несмотря на то, что власти откровенно оказывали им предпочтение. На последнем месте оказались выходцы из семей служителей культа – дети или родственники раввинов, меламедов, синагогальных служек, старост, *шойхетов* (резников), *мозлей* (делающих обрезание). Допуск их в школу был вынужденной и временной мерой, вызванной острой нехваткой грамотных работников. Многие из них публично отреклись от религии и даже от верующих родителей.

Партийная и комсомольская прослойка была тонкой. Из общего числа педагогов первого и второго концентров коммунисты составляли 3,0% и 7,1% соответственно, а комсомольцы – 17,2% и 9,7%. Коммунистов в первую очередь назначали на руководящие должности и поручали им наиболее ответственные участки работы. Они были директорами и заведующими учебной частью, председателями месткомов, возглавляли предметно-методические комиссии, отвечали за работу учебных кабинетов. Педагогам-комсомольцам поручали организацию пионерской и шефской работы.

Стремление пополнить ряды первичных школьных парторганизаций усиливало карьеризм и приводило к ущемлению беспартийных. В апреле 1930 г. ответственный работник Наркомпроса Щербаков, выступая на республиканском партийном совещании по проблемам народного образования, говорил о недооценке роли беспартийной интеллигенции в учебных заведениях. В частности, он отметил, что в ряде случаев в школах «гасили» инициативу учителей, близких советской власти. По его словам, замена беспартийных учителей коммунистами далеко не всегда оправдана: порой так поступали просто

с целью трудоустроить коммуниста³⁸. Режим нуждался в верных исполнителях, послушных воле партии и готовых беспрекословно проводить в жизнь любые ее директивы.

Педагоги составляли тонкий слой образованных людей, и власти использовали их на участках работы, не связанных с их основной деятельностью. Бригада культпропа ЦК КП(б) Белоруссии проверила положение учителей начальных и средних школ 50 учебных заведений в Оршанском, Лепельском, Дриссенском и Ушачском районах. В отчете отмечалась огромная перегруженность большинства педагогов общественными поручениями. Примером такой перегруженности служил учитель школы в Кубличах Ушачского района Каплан, который не только был завучем школы, преподавал обществоведение, но и являлся председателем сельского Совета и товарищеского суда, председателем ревизионной комиссии колхоза. Одновременно он редактировал стенную газету, был членом правления сельпо, председателем кассы взаимопомощи, членом пленума РК ЛКСМБ и заведовал вечерней школой. Понятно, что при подобной нагрузке о качестве педагогической работы говорить не приходилось. В 1932 г. ЦК КП(б) Белоруссии обязал Наркомпрос и ЦК рабпроса (профсоюз работников просвещения) уменьшить нагрузку учителей, освободить им не менее трех свободных вечеров в неделю для самообразования, не использовать педагогов на работах, не имеющих отношения к школе и требующих значительных затрат времени³⁹. Однако реализовать это решение на практике оказалось невозможным, так как заменить учителей было нечем.

На рубеже 1920–1930-х гг. школа испытала последствия политики «большого скачка» – форсированного развития экономики, призванного в сжатые сроки ввести Советский Союз в число индустриально развитых стран. В декабре 1930 г. еврейское бюро ЦК КП(б) Белоруссии отмечало, что «быстрые темпы индустриализации, перевод деревни на социалистические рельсы» нашли свое отражение среди национальных меньшинств⁴⁰. В 1930 г., по сравнению с 1929 г., число

³⁸ НАРБ, ф. 4, оп. 14, д. 8, л. 147.

³⁹ Там же, д. 113, лл. 153, 293.

⁴⁰ Там же, д. 1, л. 123.

студентов на еврейских отделениях рабфаков и педучилищ, в техникуме политико-просветительской работы и на педагогическом факультете БГУ увеличилось на 200 человек. Вместе с тем признавалось, что ни количество, ни качество подготовки специалистов не отвечают намеченным партией темпам реконструкции народного хозяйства. Было решено, в частности, увеличить прием еврейских абитуриентов на педагогический факультет Белгосуниверситета (на 120 человек), в педтехникумы (на 225 человек), в политпросветтехникум (на 45 человек). Кроме этого, намечалось организовать еврейское отделение при Коммунистическом университете в Минске, направить из Москвы десять выпускников Коммунистического университета национальных меньшинств Запада имени Ю. Мархлевского (КУНМЗ), довести количество аспирантов-евреев в БГУ до 45 человек, а в Академии наук БССР – до 10 человек. Предполагалось также создать условия для приглашения лучших научных и педагогических кадров из других республик⁴¹. В 1932 г. была совершена попытка открыть в республике национальные – еврейский и польский – пединституты, однако от этой идеи пришлось отказаться⁴².

Условия жизни большинства педагогов и студентов оставались тяжелыми. В марте 1927 г. и в мае 1928 г. Пролетстуд (Союз пролетарского студенчества) сообщал в Секретариат ЦК КП(б) Белоруссии о крайне неудовлетворительном материальном положении студентов. При переходе на старшие курсы у 80% из них отмечался общий рост заболеваемости⁴³. Только половина получала стипендии, размер которых был мизерным. Средний заработок рабочего и служащего составлял в БССР в конце 1920-х гг. 75 руб. В то же время слушатели подготовительных рабочих факультетов с трехлетним сроком обучения получали 20 руб. в месяц, студенты вузов – 15 руб., а на периферии даже 13 руб. Ясно, что стипендии не хватало на жизнь, ее размер не покрывал даже элементарных расходов. Об этом красноречиво свидетельствуют две приведенные ниже таблицы:

⁴¹ НАРБ, д. 8, лл. 127-129.

⁴² Там же, д. 113, л. 7.

⁴³ Там же, д. 8, по материалам БГУ, Коммунистической и Сельскохозяйственной академий БССР.

Таблица 6

**Бюджет студента высшего и среднего
специального учебного заведения БССР
в 1927–1929 гг., руб. в месяц**

Обед (30 коп.)	9,0
Завтрак и ужин (по 15 коп.)	9,0
Чай с сахаром	1,0
Баня (2 раза в месяц)	0,5
Стрижка и бритье	0,4
Стирка белья	0,6
Мыло и зубной порошок	0,25
Бумага, карандаш и почтовые марки	0,5
Членские взносы (обществ., добр. товар-ва)	0,5
Газеты, кино, театр	0,5
Одежда и обувь	6,65
Транспорт	7,5
Табак, бумага, спички	0,7

Составлено по: НАРБ, ф. 4, оп. 7, д. 141, лл. 271, 278-279.

Только незначительная часть студентов могла позволить себе отдыхать во время каникул, остальные отправлялись на заработки. Среди студентов было много «закордонников» (жителей Западной Белоруссии), воспитанников детских домов, положение которых оказалось еще тяжелее. В других союзных республиках студенты получали более высокие стипендии: в России – 25 рублей, на Украине – 22 рубля. Несмотря на это, Наркомпрос не пошел навстречу Пролетстуду и даже запланировал сокращение стипендиального фонда⁴⁴.

⁴⁴ НАРБ, ф. 4, оп. 7, д. 141, лл. 271, 278-279.

Таблица 7

**Бюджет на приобретение одежды и обуви
студента в БССР в 1928/29 уч. г., руб.**

Пальто среднего качества за 35 руб. на 2 года	17,5
Две пары брюк на год (зимние и летние)	15,0
Две сорочки	8,0
Две пары белья и их починка	9,0
Носки, чулки, портянки	2,5
Ремень на пояс	1,0
Одна пара ботинок и две починки в год	12,5
Шапка, фуражка, платок	2,5
Простыня и два полотенца	5,0
Наволочки и носовые платки	2,0
Одна пара галош	3,6

Составлено по: НАРБ, ф. 4, оп. 7, д. 141, лл. 271, 278-279.

Не менее тяжелое положение создалось и в школах. В 1929–1930 гг. в Суражском районе учителя совсем не получали мяса и растительного масла, а мука и сахар доставались с перебоями. На учительскую конференцию там смогли собраться только 80 педагогов из 130, причина – отсутствие обуви! В Хойницком районе учителей обеспечивали хлебом, крупами и сахаром, но не было мяса, рыбы и масла, которые выдавались только строительным рабочим и мелиораторам. В целом материальное положение учителя было хуже, чем у рабочего. Средняя зарплата педагога составляла всего 58 рублей, из которых не менее 60% уходило на скромное питание, 2% – на подписку и приобретение периодических изданий и 4% – на различные взносы.

Полуголодное существование заставляло искать выход. В Дубровенском районе учителя заводили приусадебное хозяйство – 41 чел., но

чаще педагоги просто уходили из школы. Местные власти пытались бороться с этим явлением. Бегство учителей они расценивали как проявление «шкурного интереса». Учительская конференция Озаричского района под давлением местного Совета приняла резолюцию, обязавшую педагогов не покидать места работы до конца первой пятилетки (1933 г.). Кое-где, исходя из имевшихся возможностей, власти оказывали учителям посильную материальную помощь. В Копаткевичском районе учителя стали получать месячную рабочую норму: 700 г сахара (и еще 400 г на каждого члена семьи), 1,5 кг крупы (1 кг на члена семьи), 12 кг муки (6 кг на члена семьи). В Межинском районе учителям раз в три месяца выдавали полтора куса мыла и две «четверти» махорки. К рабочим нормам приравнивали снабжение 132 учителей в Лоевском районе. В октябре 1930 г. им выделили 15 пальто, 39 пар обуви, 11 костюмов, 25 женских платьев, 37 пар белья, 38 пар галош и пр.⁴⁵ Дети местечковой бедноты, учащиеся 5–7 классов, получали дотации. Размер их колебался год от года и в 1928/29 учебном году составил 25 руб.⁴⁶ Стипендиальные фонды создавались из средств, отпускавшихся по бюджету Наркомпроса и специальных ассигнований хозяйственных организаций. Дотации могли быть использованы только на питание, приобретение одежды и обуви.

Однако все усилия оказались недостаточными. Нищета педагогов приобрела хронический характер. В 1932 г. их материальное положение стало еще хуже. Больше других бедствовали учителя в Суражском, Пропойском, Березинском, Могилевском, Жлобинском и Сиротинском районах республики. Их положение проверяющие характеризовали как «недопустимо плохое»⁴⁷.

Даже скудное жалованье не выплачивали по два-три месяца, а колхозы, совхозы и потребительская кооперация задерживали выдачу продуктов питания. Многие педагоги не получали дров, промышленных товаров, им не выдавали талоны на продукты. Состояние столовых общественного питания было ниже всякой критики. Четыре тысячи пайков для учителей, выделенных Народным комиссариатом снабжения БССР, Белкоопсоюз использовал не по назначению, а

⁴⁵ НАРБ, ф. 4, оп. 14, д. 64, лл. 188–192, 199, 211, 216, 346.

⁴⁶ Там же, оп. 7, д. 166, лл. 37, 90.

⁴⁷ Там же, оп. 14, д. 113, л. 1.

учительские фонды, созданные усилиями местной потребкооперации, оказались разбазаренными.

Решить эту проблему власти пытались с помощью административных мер – поиска виновных, наложения взысканий и перераспределения фондов. В середине 1932 г. Президиум ЦК БССР принял специальное постановление «Об обеспечении учительства». Народным комиссариатам снабжения, торговли, финансов, земледелия, Белкоопсоюзу поручили в течение 20 дней провести проверку снабжения учителей, ликвидировать имевшуюся задолженность и наладить своевременную выдачу продуктов. Белконторе «Заготзерно» указали выдавать учителям хлеб не мукой или зерном, а в испеченном виде. Прокуратуре республики отдали распоряжение проверить все дела о невыполнении норм материального обеспечения учительства, а Рабоче-крестьянской инспекции (центральный государственный контрольный орган) выяснить, почему не все учителя в городах прикреплены к закрытым рабочим распределителям, назвать виновных и привлечь их к уголовной ответственности⁴⁸. «Виновные» были найдены и наказаны – одних уволили с работы, других исключили из партии, третьих отдали под суд. Однако легче учителям не стало, поскольку административные и юридические меры не затрагивали причин кризиса, а лишь отражали стереотипы мышления руководителей того времени.

Большое влияние на развитие еврейской школы оказала политика белорусизации – широкая программа национально-государственного и культурного строительства в БССР, развернутая в 1920-е гг.⁴⁹ Ее инициаторы рассматривали русскую и польскую культуры как угрозу своей самобытности, но не опасались еврейской, ведь белорусскому языку, как и идишу, приходилось бороться за свое признание. Кроме того, власти БССР стремились к тому, чтобы евреи не стали русифицирующим фактором, поэтому правительственная помощь еврейскому школьному строительству в 1920-е гг. была значительной⁵⁰.

В 1926 г. был образован еврейский отдел Института белорусской культуры (Инбелкульт), который включал три комиссии: историчес-

⁴⁸ НАРБ, оп. 14, д. 113, лл. 2-3.

⁴⁹ Подробнее см.: Леанід Лыч, Уладзімір Навіцкі. *Гісторыя культуры Беларусі* / НКФ Экаперспектыва. Мінск, 1995 г., с. 196-210.

⁵⁰ Abraham Greenbaum. *Jewish Scholarship and Scholarly Institutions in Soviet Russia, 1918–1953*. Jerusalem, 1994, p. 30-33.

кую, лингвистическую и литературную. В 1927 г. отдел преобразовали в еврейский сектор и добавили две новые комиссии: фольклорную и социально-экономическую. Особенно плодотворно работала лингвистическая комиссия, которая подготовила для академического словаря идиша 200 тыс. карточек, издала два терминологических словаря – по математике и юриспруденции. При Белорусской ассоциации пролетарских писателей (БелАПП) вместе с польской и литовской успешно работала еврейская секция. В 1932 г. на базе еврейского сектора АН БССР был основан Институт еврейской пролетарской культуры, в котором работали историческая, литературная, лингвистическая, социально-экономическая и антирелигиозная комиссии. В середине 1935 г. все научные подразделения, занимавшиеся изучением истории и культуры народов, проживавших на территории республики, объединили в Институт национальных меньшинств, директором которого назначили Станислава Матулайтиса, а его заместителем – Самуила Агурского. При составлении издательских планов учитывались потребности всех национальных меньшинств. Для литературы на белорусском языке отводилось 70% от общего объема печатной продукции; на идише – 15%, русском – 8%, польском – 5%, латышском и других – 2%. В БССР издавался ежемесячный литературный журнал «Штерн» («Звезда»), дважды в месяц выходил «Дер юнгер арбетер» («Молодой рабочий»), выпускалась ежедневная газета «Октябрь», пионерская газета «Дер юнгер ленинец» («Юный ленинец»), при Государственной библиотеке Белоруссии работал еврейский отдел, фонды которого составляли 40 тыс. томов, а в Центральной еврейской библиотеке города Минска было 6 928 книг⁵¹.

В учебных заведениях проводились вечера интернациональной дружбы с участием белорусских, русских, еврейских и польских учащихся. Их организаторы задавались целью показать, что при строительстве социализма стираются национальные различия. Действительно, школьники не придавали особого значения национальной принадлежности своей школы. По свидетельству члена Союза художников Беларуси Евгения Ганкина, в Щедрина Паричского района

⁵¹ Подробнее: И. Герасимова. «К истории еврейского отдела Инбелкульту и еврейского сектора Белорусской Академии наук в 1920–1930-х гг.» // *Вестник Еврейского университета в Москве*, № 2 (12), 1996 г., с. 144-167.

работала единственная в округе семилетняя школа, и это была школа на идише. В классе, где учился Ганкин, было несколько девочек из белорусских семей. Не существовало языкового барьера, и они прекрасно усваивали школьную программу, хотя преподавание всех предметов велось на идише⁵². Об этом же свидетельствует член Союза писателей Беларуси Григорий Релес. В Чашниках Витебской области почти все белорусские дети, как и их родители, свободно владели идишем. Они родились и выросли среди евреев, работали рядом с ними и общались на двух языках. Главным критерием при общении было взаимопонимание. Только спустя годы Релес, по его словам, понял, что язык – это не только средство общения, но и культурный генофонд нации, ключ к пониманию и сохранению культуры, традиций и истории народа⁵³.

Два важных примера отношения к идишу, белорусскому и русскому языкам как средству общения и обучения приводит Абрам Лежнев, который в 1930 г. совершил поездку в Борисов, Бобруйск и Гомель. В Бобруйске он посетил семью Каплан и обратил внимание, что хотя между собой родители разговаривали на идише, с детьми они говорили только по-русски. По их словам, так поступало большинство местных рабочих. Русский язык в их глазах означал разрыв с местечковым прошлым, открывал двери в новую жизнь. Лежнев писал, что еврейское отделение рабфака в Бобруйске пустовало, ибо евреи предпочитали посещать белорусское, считая идиш пережитком⁵⁴. Для них русский и белорусский языки символизировали желанное освобождение от пут прошлого.

Однако у политики белорусизации были и свои противники. Ускоренный перевод учреждений культуры и учебных заведений с русского на белорусский, введение делопроизводства на этом языке, административный нажим и кампанейщина, неоправданное форсирование темпов белорусизации, вызывали негативную реакцию. Главным образом она проявилась в традиционно русскоязычных Гомельском и

⁵² Запись беседы с Евгением Марковичем Ганкиным 25 дек. 1990 г. в Минске // Архив автора.

⁵³ Запись беседы с Григорием Львовичем Релесом 12 марта 1991 г. в Минске // Там же.

⁵⁴ Абрам Лежнев. *Деревянный ключ*. Москва: Федерация, 1932 г., с. 196-198.

Речицком уездах, включенных в состав БССР лишь в декабре 1926 г.⁵⁵ В Гомельской области евреи составляли 24% жителей (около 60 тыс. человек). В отчете Наркомпроса 1930 г. говорилось о сопротивлении части населения политике белорусизации. Учительница Петрашень называла белорусский язык «грубым» и «варварским», утверждала, что рано или поздно его поглотит русский. На этом основании она заявила, что будет работать только в русской школе.

Против белорусизации выступали не только работники учебных заведений, но и служащие окружного суда, рабочие Гомельского железнодорожного узла. Они называли белорусский язык «глупым», «идиотским» и «хамским», считали, что белорусской культуры не существует и она создается искусственно. В ответ сторонники белорусизации не принимали русский язык в любых его формах, принижали достижения русской культуры. Подобную «кулацкую» и «контрреволюционную» работу проводил преподаватель Гомельского педагогического техникума Коршук. Учителя ряда школ не хотели отвечать на вопросы учеников, заданные по-русски, отказывались выписывать и читать газету «Правда» на том основании, что она выходила на русском языке. ЦК КП(б) Белоруссии констатировал отсутствие в Гомельской области перелома в деле белорусизации, а взятый темп ее проведения недостаточным. Недооценка белорусизации определялась как проявление великодержавного шовинизма старого чиновничества, «затесавшегося» в советский аппарат⁵⁶.

«Перегибы» порой приводили к трагическим последствиям. В Наровле районная учительская конференция в январе 1932 г. лишила звания педагога учителя Кормова. Поводом для этого послужил «паклёп на партыю», который Кормов «зрабіў» осенью 1931 г., обвинив ее в том, что белорусизация проводилась аврально, а не как постоянная линия в национальном строительстве. Уроки обществоведения Кормов вел на русском языке, что посчитали проявлением великодержавного шовинизма. На следующий день после конференции (25 января 1932 г.) Кормов покончил с собой, отравившись серной кислотой. Но вместо проявления товарищеского сочувствия учительская конференция расценила гибель коллеги как вылазку классового врага, причем такая

⁵⁵ Анатолий Цытоў. «Узбуйненне» // *Спадчына*, № 5, 1991 г., с. 17-23.

⁵⁶ НАРБ, ф. 4, оп. 14, д. 57, лл. 202, 210-211.

оценка была заранее согласована с местным райкомом партии. Потребовалось вмешательство Секретариата ЦК КП(б) Белоруссии для того, чтобы Наровлянский райком снял свое обвинение, а прокуратура БССР отменила решение районной прокуратуры по делу Кормова. Чтобы не допустить подобных перегибов впредь, наркомату юстиции рекомендовали организовать показательный судебный процесс над виновными в этой трагедии⁵⁷.

Одним из недостатков идишизации школы, как и ее белорусизации, был административный подход, при котором национальный фон искусственно сгущался. Белорусские власти не были заинтересованы в том, чтобы родители посылали своих детей в русские школы, к чему те часто стремились. Поэтому контингент учащихся формировали по национальному признаку в административном порядке: белорусов отправляли учиться в белорусские школы, евреев – в еврейские и т. д. Отступлений не допускалось. К 1931/32 учебному году количество еврейских школ в республике возросло с 220 до 230, польских – со 147 до 226, других национальных меньшинств – с 39 до 55, и только число русских школ осталось на прежнем уровне – 84⁵⁸.

Далеко не все родители смирялись с подобным административным вмешательством. Их отказ отдавать детей в национальные учебные заведения рассматривался как непонимание национальной политики партии, национальная ограниченность. В 1932 г. в Борисове родители Якова Рубинчика не получили разрешения определить его в русскую школу. Не желая отдавать Яшу в еврейскую школу, они оставили его дома, и мальчик два года вообще не посещал школу. Все это время старшие братья и сестры помогали ему заниматься самообразованием. Так продолжалось до тех пор, пока Борисовский городской отдел народного образования не пошел на уступки. Якову было разрешено сдать экзамены экстерном за два класса, и его зачислили в белорусскую школу⁵⁹. Некоторые исследователи считают, что в 1923–1931 гг. в Советском Союзе проводилась принудительная идишизация школы. По данным Юдея Марка, масштабы перевода школ на идиш выглядели следующим образом:

⁵⁷ НАРБ, ф. 4, оп. 14, д. 13, лл. 13-17.

⁵⁸ Там же, д. 113, л. 156.

⁵⁹ Запись беседы с Яковом Самуиловичем Рубинчиком 22 сент. 1990 г. в Минске
// Архив автора.

Таблица 8

Школы на идише в Советском Союзе в 1923–1931 гг.

Год	Число школ	Количество учащихся
1923	495	70 000
1926	800	110 000
1929	900	148 000
1931	1 047	162 000

Составлено по: Юдель Марк. «Еврейская школа в СССР» // *Книга о русском еврействе, 1917–1967 гг.* / Под ред. Я.Г. Фрумкина. Нью-Йорк, 1968, с. 236.

При всем том советские еврейские школы можно лишь условно назвать национальными. Их еврейский характер составлял лишь язык преподавания. На уроках литературы изучались советские писатели и частично произведения Менделе Мойхер-Сфорима, Шолом-Алейхема и Ицхок-Лейбуша Переца. Представление о программе, составе авторов и темах для изучения еврейской литературы можно получить по учебнику, выпущенному в 1933 г. в Минске для педтехникумов и педагогических вузов. Хаим Орланд подготовил для этого учебника раздел о творчестве Менделе Мойхер-Сфорима, Авраам Абчук – раздел о творчестве Ицхок-Лейбуша Переца, Моше Кульбак – о творчестве Мориса Винчевского, Ноте Лурье – Давида Эстельдадта, Перец Маркиш – раздел о творчестве Иосифа Бовшовеера, Давид Гофштейн – о творчестве Давида Бергельсона, Арон Кушников – об Ицике Фефере, Даниэль Меерович – об Изи Харики, а Эзра Фенинберг – о Хаиме Гильдине⁶⁰. Учащихся не знакомили ни с еврейской историей, ни с культурой, ни с традициями, зачастую занятия проводились с вульгарно-социологических позиций. Наступление еврейских праздников Рош ха-Шана, Йом Кипур, *Суккот* (праздник кущей), *Пурим* (праздник в память о спасении), *Песах* (праздник освобождения) давало повод для организации антирелигиозных кампаний и усиления атеи-

⁶⁰ Y. Ravin, V. Shatz. *Literatur: lernbukh farn 4tn shulyor*. Minsk, 1933.

стической пропаганды, детям внушали неповиновение родителям. В большинстве случаев еврейские писатели, жившие за пределами Советского Союза, не считались вполне еврейскими. Под запретом находились не только те, кто писал на иврите, но и известные идишские писатели. Запрещено было знакомить учащихся с произведениями Моше-Лейба Гальперина, Мани Лейба, Ицхака Мангера, Ламеда Шапира, Исаака Башевиса-Зингера, Залмана Шнеура, Моше Надира, Якова Глатштейна, Иешуа и Авраама Лейсиных. Лакуны заполняли изучением еврейского рабочего движения.

По инициативе евсекции началась реформа самого идиша, который сделался объектом языковых экспериментов. Его стремились максимально избавить от гебраизмов, вводили в него международные и славянские заимствования, предпринимали новации в области орфографии. Наконец, самые серьезные перемены в работе школы произошли после постановления ЦК ВКП(б) Белоруссии от 5 сентября 1931 г. о пересмотре учебных программ. Из новых учебников окончательно изъяли все, что имело отношение к еврейским писателям за пределами Советского Союза. Большое внимание было уделено росту технических знаний, улучшению преподавания математики, естествознания и географии. Все учебники на идише переполняли восхваления строительства социализма и сталинского патриотизма, но в них отсутствовали даже слова «еврей» и «еврейский». Советская еврейская школа окончательно утратила свой национальный характер. Она превратилась в общеобразовательную школу с преподаванием «классово выдержанных» предметов на идише.

Главным направлением воспитательной работы стала идеологическая закалка учащихся, воспитание нового человека, энтузиаста социалистического строительства, беззаветно преданного делу Коммунистической партии. Общечеловеческие ценности и гуманистические идеалы отодвинулись на задний план. Директивные органы требовали применять классовый подход ко всем аспектам школьной жизни. По оценке историка и философа Шимона Дубнова (уроженца Мстиславля), школы на идише не имели ничего еврейского, за исключением языка инструкций. Дети должны были изучать историю большевизма и воспитывать в себе чувство классовой ненависти, даже если в роли «буржуев» выступали их родители. Марксизм, в его

сталинской интерпретации, призван был выкорчевать еврейские корни и заменить собой национальную культуру⁶¹.

В январе 1931 г. ЦК Компартии Белоруссии принял резолюцию «О работе среди учительства», в которой дал характеристику педагогических кадров. В начале резолюции говорилось об улучшении качественного состава педагогов, увеличении среди них выходцев из рабочих, крестьян и бедноты, выпускников советских педагогических учебных заведений, о росте комсомольской прослойки, участии учителей в хозяйственных и политических мероприятиях, в осуществлении программы всеобща. В заключительной же части резолюции городских учителей упрекали в слабой связи с рабочим классом, а сельских – с батрачеством, в отсутствии ударничества и подлинного социалистического соревнования, в том, что политчистки в учебных заведениях не поставлены на «принципиальную политическую высоту» и т. п.⁶²

Режим относил указанные недостатки главным образом на счет «нэпмановского» окружения, выступал против «идеализации героев», отважившихся на борьбу с «всемогущей ВКП(б)». Характеристика учителей-евреев также была противоречивой. С одной стороны, признавалась их активность в общественной работе, с другой – отмечалось ложное убеждение части еврейских учителей в том, что советская власть не все делает для развития национальной еврейской жизни. В 1929 г. в Бобруйском округе педагоги проявляли откровенное равнодушие к атеистической работе. В Рогачевском районе Исаак Гиндин оставил педагогическую деятельность и стал раввином, Сара Хайкина водила своих учеников в синагогу слушать кантора. В 1930–1933 гг. учителя Орши, Мстиславля и Дубровно участвовали в отправлении религиозных обрядов, пекли мацу и т. д. 18 января 1930 г. еврейское бюро при ЦК КП(б) Белоруссии подвергло резкой критике уровень преподавания обществоведения в еврейских школах.

В принятой резолюции говорилось о несоответствии образования, социального происхождения и идеологических взглядов учителей предъявляемым требованиям. В ходе обследования 15 еврейских неполных средних школ выяснилось, что педагоги не давали учащимся представления о классовом расслоении деревни, коллективизации,

⁶¹ Simon Dubnov. *Divrei Yimei Am Olam*. Tel Aviv. Dvir, 1940, vol. 11, p. 26.

⁶² НАРБ, ф. 4, оп. 14, д. 113, л. 371.

обострении классовой борьбы, «замазывали» роль партии и не вели антирелигиозную работу. Резолюция еврейского бюро указывала, что этим воспользовались враждебные элементы, которые перенесли классовую борьбу в стены школы и через детей критиковали политику партии, агитировали против советской власти⁶³.

Неоднозначным было отношение учителей к коллективизации сельского хозяйства. В марте 1929 г. руководитель пропагандистской группы ЦК ВКП(б) по Белоруссии Медэн докладывал, что в республике выделились три группы учителей, по-разному относящихся к коллективизации. К первой он отнес реакционных и «прокулачки» настроенных педагогов, которые высказывали свои взгляды открыто и в резкой форме; к другой – «прогрессивно настроенных» учителей, поддерживавших советскую власть, а к третьей, наиболее многочисленной, – «примиренчески настроенных» педагогов, которые вели себя пассивно и отмачивались⁶⁴.

В ноябре-декабре 1930 г. бригада ЦК КП(б)Б обследовала Дубровенский район, отметив, что учителя еще не полностью приблизились к батрацко-бедняцкой и колхозной массе: «На штурм кулака ня вельмі кідаюцца»⁶⁵. В Гомельском округе выявили группу учителей, негативно воспринявших политику партии в деревне. Стерлин, учитель еврейской школы «Юнгвальд», утверждал, что коллективизация приведет к дальнейшему истощению и обнищанию страны, что советская власть своими действиями вызывает не только раздражение крестьян, но и протесты из-за рубежа. Стерлин ставил в пример слова Льва Троцкого о том, что нельзя построить социализм в отдельно взятой стране. Учительница Николаева из Новобелицы по поводу коллективизации заявляла: «Поморят людей с голоду, все уничтожат, пока чего-нибудь добьются»⁶⁶. Порой страдали и учителя, активные сторонники «революции в деревне». Зимой 1929/30 г. ударную группу учителей и директоров школ Могилева направили в Княжецкий сельсовет. В деревне Толпечицы один из крестьян внезапно напал на молодую учительницу-еврейку. Волосы у девушки были черные, густые и курчавые. Нападавший схватил их, намотал на кулак, с силой рванул и

⁶³ НАРБ, ф. 4, д. 1, лл. 124-125.

⁶⁴ Там же, оп. 7, д. 129, л. 75. Более подробно: Л. Смілавіцкі. «Настаўнікі Беларусі і калектывізацыя» // *Народная асвета*, № 11, 1991 г., с. 78-80.

⁶⁵ Там же, оп. 14, д. 64, л. 345.

⁶⁶ Там же, д. 57, л. 201.

сорвал скальп. Учительница и вскрикнуть не успела – ее лицо залила кровь, и она упала без чувств. Ударили в набат, прибежали люди, вызвали ОГПУ, пострадавшую отвезли в Могилев, где к вечеру она скончалась⁶⁷.

Работе еврейских школ препятствовал антисемитизм. В 1928 г. Секретариат ЦК КП(б) Белоруссии принял постановление по докладу фракции центрального правления Союза Белрабпроса (профсоюза работников просвещения БССР) о работе среди учительства. Наряду с проявлениями администрирования и невнимания к учителям, «смазывания» классовой линии называли такие недостатки, как пережитки шовинизма, антисемитизма и религиозных настроений⁶⁸. В 1930 г. учитель школы № 3 Могилева Николай Слижков в период проведения антирелигиозной кампании рисовал антиеврейские карикатуры. В польской школе № 5 Могилева группа учащихся при пассивной поддержке учителей травила своего соученика-еврея. При этом от педагогов школы можно было услышать, что обращать внимание на антисемитизм «непедагогично», а в Хотимском районе учителя ряда учебных заведений утверждали, что евреи «захапали» лучшие места. В школе Быховского района учитель отказался работать вместе с учительницей-еврейкой, бойкотировал ее и натравливал на нее учеников. В Милославицкой, Черневской, Чечёвицкой семилетках, в педагогическом и медицинском техникумах Могилева администрация не реагировала на проявления антисемитизма, объявляя их «детской шалостью»⁶⁹. В Ветке Гомельской области еврейским детям кричали вдогонку: «Жыды, жыды – чэрці, скоро вам памерці»⁷⁰. Аналогичные явления отмечались в Паричах, Свислочи, Рогачеве, Бобруйске, Минской, Витебской, Гомельской областях. В Минске заведующий вечерней школой при заводе «Октябрь» М.С. Кардиман ставил на вид учителю К.П. Русецкому, что тот встречался с «жидовками»⁷¹. Со своей стороны, евреи отвечали на подобные нападки национальной обособ-

⁶⁷ Запись беседы с Виктором Андреевичем Гусаревичем 18 марта 1990 г. в Ждановичах // Архив автора. Подробнее см. Л. Смиловицкий. «Второе крепостное право (большевики)» // *Родник*, № 9, 1991 г., с. 14-15.

⁶⁸ НАРБ, ф. 4, оп. 7, д. 70, л. 333.

⁶⁹ Там же, оп. 14, д. 4, л. 246.

⁷⁰ Запись беседы с Зиновием (Зеликом) Шоломовичем Фейгиным 12 нояб. 1997 г. в Иерусалиме // Архив автора.

⁷¹ НАРБ, ф. 4, оп. 14, д. 64, л. 340.

ленностью. В 1932 г. в местечке Селиба Свислочского района учитель Абрам Генерсон противился браку своей дочери с учителем-белорусом.

О необходимости борьбы с проявлениями антисемитизма говорилось в январе 1930 г. на заседании коллегии Наркомпроса БССР⁷². Нередко на общей атмосфере пагубно сказывались неумышленные действия. В июле 1932 г. директор Белорусского объединения культуртоваров (БОКТ) Любич направил протест в прокуратуру Могилева, где указывались факты принудительной продажи книг в качестве нагрузки к водке. При этом подчеркивалось, что особенно «агідны» (обидный – бел.) факт имел место в д. Луполово, где в нагрузку к водке белорусу дали еврейскую книгу. Заявитель просил прокуратуру расследовать это дело и привлечь виновных к судебной ответственности⁷³.

Противостояние антисемитизму облегчалось тем, что в довоенный период в партийных и государственных инстанциях, на важных хозяйственных и административных должностях БССР работало большое число евреев. Это объяснялось их высокой квалификацией, образовательным уровнем, профессиональным опытом. В 1927 г. среди ответственных работников центральных органов республики евреи составляли: в аппарате земельных органов – 10%, в административных органах – 24,8%, в судебных – 42,1% и в хозяйственных – 49,3%⁷⁴. В 1928–1929 гг. первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии был еврей Ян Гамарник, переведенный затем в Москву на должность начальника Главного политического управления Красной армии. В январе 1931 – мае 1932 г. в составе бюро районных и городских комитетов КП(б) Белоруссии евреев насчитывалось 20,5%. В 1939 г. внушительным было представительство евреев и в аппарате ЦК Компартии Белоруссии. Особый отдел ЦК состоял из 26 человек: 14 евреев и только восьми белорусов; отдел руководящих партийных органов ЦК – из 27 человек: 11 евреев и 12 белорусов; промышленно-транспортный отдел – из шести человек: четырех евреев и двух белорусов; отдел пропаганды и агитации: трех евреев, четырех белорусов и двух русских⁷⁵. Секретарями Могилевского, Минского, Гомельского, Пинского, Барановичского, Витебского и Вилейского обкомов партии

⁷² НАРБ, ф. 4, оп. 14, д. 1, лл. 97-98.

⁷³ Там же, д. 136, л. 32.

⁷⁴ «Аб антысэмітызме»: Матэрыялы для дакладчыкаў і групавых агітатараў / Агітпроп ЦК КП(б)Б. Вып. 3. Мінск, 1927 г., с. 32-33.

⁷⁵ НАРБ, ф. 4, оп. 5, д. 1459, лл. 10-31.

были Яков Горелик, Хана Ривкина, Юда Гутнер, Арон Соркин, Хаим Столин, Яков Гинзбург, Борис Перочинский, заместителем председателя СНК БССР – Исаак Черный, наркомом местной промышленности – Яков Каган, наркомом промышленности строительных материалов – Исаак Кунин, председателем Радиокomiteта БССР – Моисей Хасин, заместителем наркома юстиции республики – Лев Коган, заместителем наркома торговли – Давид Гелин, заместителем прокурора БССР – Гинзбург, заведующим военным отделом ЦК ЛКСМБ – Эпштейн и т. д. Эти люди, как правило, болезненно воспринимали проявления антисемитизма и на своем уровне противодействовали ему.

К середине 1930-х гг. развеялся миф об исключительном характере законов экономической жизни при социализме. Провалом закончились политика сплошной коллективизации сельского хозяйства, гигантомания в промышленности и надуманная культурная революция. Волонтаризм в экономике привел к голоду и хозяйственной разрухе, стремительному падению жизненного уровня населения. Первой, кто осознал настоящие причины этого, была интеллигенция и ее самая массовая часть – учительство. Стараясь предупредить возможные разоблачения, режим готовил упреждающий удар. Среди тех, по кому его нанесли, оказались и еврейские педагоги. В одном из документов Наркомпроса при характеристике учительства республики утверждалось, что хотя группы еврейской интеллигенции отражали существующее разделение интеллигенции белорусской, однако национальный демократизм у евреев «отливался» в форму сионизма. Отмечалось недовольство учителей тяжелым экономическим положением еврейского местечка и «своеобразная тоска» некоторых педагогов по еврейской государственности. Органам народного образования вменялось в вину то, что они не развернули вовремя большевистской критики и самокритики, не вскрыли своевременно «враждебные гнезда» и не противодействовали замаскировавшимся противникам советской власти⁷⁶.

Быстрый упадок советской школы на идише в Белоруссии начался в 1935–1937 гг. Почти все проявления еврейской культурной жизни объявили националистическими. Русификация учебных заведений подавалась как образец пролетарского интернационализма. Гонениям подвергли деятелей еврейской культуры и искусства, ученых, эконо-

⁷⁶ НАРБ, ф. 4, оп. 17, д. 16, лл. 5-6.

мистов, военных, включая и работников евсекции при ЦК Компартии Белоруссии. В обстановке психоза и шпиономании ломались судьбы тысяч людей. Соученика Григория Релеса на комсомольском собрании школы спросили, кто такой Сталин, и 14-летний подросток ответил, как понимал: «Заведующий советской властью». Этого оказалось достаточно, чтобы его исключили из комсомола и выгнали из школы. Доносительство объявлялось добродетелью. Учащиеся должны были верить, что, поступая таким образом, они совершают необходимое для блага страны, партии и лично Сталина. В отчете Наркомпроса БССР «О троцкистско-зиновьевских контрреволюционных вылазках среди учителей и учащихся в 1935–1936 гг.» приводились сведения о том, что Павлова, ученица 7-го класса Каркалецкой школы Дриссенского района, расшифровала аббревиатуру МТС (машинно-тракторная станция) как «могила товарища Сталина»; студента Исаака Миронovichа исключили из Витебского педагогического института за то, что он «защищал контрреволюционных подонков», утверждая, что Лев Троцкий и Григорий Зиновьев были лучшими друзьями Ленина; Арона Кацнельсона, студента III курса БГУ, исключили за то, что он разносил «поклепнические» сплетни о причинах смерти жены Сталина Надежды Аллилуевой, а Эстер Кацман, студентку I курса, – за то, что она защищала своего «мужа-троцкиста»; С.М. Шеймана, студента III курса химического факультета БГУ, расстреляли как контрреволюционера. Пострадали директора еврейских неполных школ: Григория Мезита, работавшего в Кармовичах Лиозненского района Витебской области, освободили от занимаемой должности за то, что он осмелился выступить против изъятия из библиотеки запрещенной литературы и ставил слушать «троцкистские» патефонные пластинки в учительской; Александра Быковского из Махновки Оршанского района сняли за восхваление Троцкого как идеолога пролетарской революции. Репрессиям подверглись руководители ряда педагогических техникумов и отделов наробраза, в том числе директор Полоцкого техникума Менделевич, Слуцкого – Эскин, Могилевского – Печатников, заведующие районными и городскими отделами наробраза Нодельман (Пуховичи), Лемец (Сенно), Савика (Ветрено) и др.⁷⁷

Для закрытия еврейских школ использовался такой прием, как выражение недоверия евреям-педагогам. Поводом для этого служило

⁷⁷ НАРБ, ф. 4, оп. 17, д. 9, лл. 1-13, 15.

социальное происхождение, предыдущая политическая деятельность, религиозные убеждения, связи с заграницей и т. п. В июле 1938 г. в докладе заведующего отделом народного образования Минска говорилось, что в восьми еврейских школах города из 148 преподавателей 35 человек были связаны с Польшей, Литвой, Германией и Англией, 38 человек – с Палестиной. Бундовцами и сионистами были названы пять учителей, у 26 учителей родители в прошлом имели отношение к торговле, а у шести были раввинами⁷⁸.

Главное Управление литературы и издательств (Главлит) БССР подготовило в 1937 г. огромный (110 с.) список литературы, подлежащей изъятию из библиотек общественного пользования, учебных заведений и книготорговой сети. В нем фигурировало 1 595 названий книг и журналов, выпущенных в РСФСР, 399 – в БССР, 253 – в УССР, а также 37 произведений на идише и 11 на польском языке. Изымались все без исключения книги таких авторов, как Л. Авербах, А. Айхенвальд, К. Берман-Юрин, Я. Бронштейн, И. Вардин, Я. Дребнис, А. Волобринский, Х. Дунец, Г. Зайдель, Г. Зиновьев, Л. Зискинд, Л. Каменев, Н. Ленцнер, М. Лурье, Р. Пикель, И. Рейнгольд, К. Радек, Г. Сокольников (Бриллиант), С. Розенблюм, Л. Троцкий, Б. Фельдман, Фриц Давид (Круглянский), Ц. Фридлянд, Е. Цейтлин, Р. Эйдельман, И. Харик, И. Якир – всего 266 авторов.

Опасными были признаны произведения, которые еще недавно рекомендовались к чтению в учебных заведениях, в сети партийной учебы и политического просвещения, ставились в пример другим авторам. Запретными стали: С. Агурский «Революционное движение в Белоруссии» (Минск, 1925); С. Вольфсон «Исторический материализм» (Минск, 1931); Ю. Дардак и Ю. Дорофеев «Классовая борьба в школе» (Минск, 1933); Алесь Кучар «Великая перестройка» (Минск, 1931); Ю. Майзель и М. Шаповалов «Краткий очерк истории КП(б)Б» (Минск, 1929); Оликер и Розенблюм «Очерки истории комсомола Белоруссии» (Минск, 1926) и др.⁷⁹

1938 год стал роковым для школы на идише. В газетах появились сообщения о том, что родители перестали отдавать детей в нацио-

⁷⁸ НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1378, л. 12.

⁷⁹ Там же, оп. 16, д. 175. Подробнее см.: Л. Смиловицкий. «Книга в годы сталинских репрессий» // *Кніга, бібліятэчная справа і бібліяграфія Беларусі: Зборнік навуковых артыкулаў* / Центральная навуковая бібліятэка АН Беларусі. Мінск, 1993 г., с. 128-133.

нальные школы и классы этих школ опустели. Еврейские школы действительно ощущали недостаток учащихся, и причин этому было несколько. В еврейской школе приходилось изучать идиш, белорусский, русский, а в старших классах еще и английский, немецкий или французский. Скоро выяснилось, что внимания русскому языку уделялось недостаточно. Часть родителей была настроена прагматично, и считала более перспективным, чтобы их дети получали образование в русских школах и затем могли продолжить образование за пределами БССР. Они видели, что к концу 1930-х гг. различие между школами еврейскими, русскими и белорусскими свелось только к языку обучения. Другая часть родителей продолжала настаивать, чтобы их сыновья и дочери получали образование на идише, которым они пользовались традиционно в своем кругу. Уничтожение иудаизма, осуждение традиций и уклада еврейской национальной жизни, запрещение иврита – все это неизбежно сказывалось на состоянии школы. Агитация за запись детей в еврейскую школу считалась опасным «уклоном». Лучшие учителя стали покидать школу, начальные классы все больше пустели. Аналогичные процессы охватили и дошкольные учреждения. Весной 1937 г. газета «Дер Эмес» опубликовала отчет из Бобруйска о преобразовании городских еврейских детских садов в белорусские и русские⁸⁰. Это сообщение можно считать показательным, учитывая, что по переписи 1939 г. в Бобруйске проживало 26 703 еврея, или 37,7% всего городского населения, а в обыденном сознании Бобруйск закрепился как еврейская столица Белоруссии. Подобное происходило и в Минске, где еврейское население составляло 70 998 человек, или 29,7%, в Гомеле – 40 880 человек (29,4%), в Витебске – 37 095 человек (22,2%), в Могилеве – 19 715 человек (19,8%) и в других местах⁸¹. Вскоре Бюро ЦК КП(б) Белоруссии приняло постановление «О реорганизации еврейских детских садов и особых еврейских групп в белорусских детских садах в белорусские»⁸².

Летом 1938 г. Народный комиссариат просвещения принял к исполнению решение ЦК Компартии республики от 3 июля 1938 г.

⁸⁰ См. *Der Emes*, 21 мая 1937 г.

⁸¹ *Distribution of the Jewish Population of the USSR, 1939* / By Mordechai Altshuler (ed.); Centre for Research and Documentation of East European Jewry. Jerusalem, 1993, p. 39.

⁸² НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 576, л. 39.

«О реорганизации еврейских школ в Белоруссии в белорусские школы»⁸³. Под предлогом избытка преподавателей на идише Витебское еврейское педагогическое училище слили с Минским и вскоре вовсе расформировали. Так же обстояло с национальными отделениями в педагогических институтах и Белгосуниверситете⁸⁴. Достоверная статистика о работе еврейской школы в Советском Союзе после 1935 г. не публиковалась, и о наличии национальных школ можно судить только по отрывочным и противоречивым сообщениям прессы. Московская «Дер Эмес» в 1937–1938 гг. писала о закрытии еврейских школ, но в то же время призывала готовиться к новому учебному году⁸⁵. В июне 1938 г. эта газета рассказывала о системе народного образования в Белоруссии, а в июле поместила репортаж, в котором главное внимание обращалось на малочисленность еврейских классов. Как пример приводился Бобруйск, в котором школы на идише посещали 400 учеников, а в первые классы пришло всего 26⁸⁶. Вместе с тем в Бобруйске, Быхове, Витебске, Гомеле, Минске, Житковичах и ряде других мест родители не допустили реорганизации еврейских школ, и школы приступили к работе в 1938/39 учебном году. В некоторых местах (Осиповичи, Мозырь, Гомель) еврейские школы продолжали работать до окончания 1939 г., как и еврейские детские дома в Могилеве, Бобруйске, Борисове, Полоцке и Речице. Однако к январю 1940 г. в восточной части республики уже не осталось ни одного еврейского учебного заведения⁸⁷.

В целом причины упадка и ликвидации советской школы на идише в Белоруссии, как и в других союзных республиках, были неоднозначными. Борьба против еврейского национализма, «национал-демократизма», принудительной белорусизации и форсированной идишизации привела к широкому распространению русскоязычных школ. Многие учителя, завучи, учебные мастера и директора еврейских школ были обвинены в сионизме, «бундизме» и уволены. Других арестовывали как врагов народа по обвинению в троцкистско-зиновьевской оппозиции, «правом уклоне», как шпионов иностранных

⁸³ НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 407, л. 299а; д. 575, л. 287.

⁸⁴ Там же, оп. 17, д. 19, л. 30; *Чырвоная змена*, 18 верасня 1938 г.

⁸⁵ См. *Der Emes*. 24 июня 1937 г.; 17 февр. и 26 авг. 1938 г.

⁸⁶ Там же, 22 июня и 8 июля 1938 г.

⁸⁷ И. Герасимова. «Еврейское образование в Беларуси в 20-е и 30-е гг. XX в.» // *Евреї Беларусі. Історыя і культура*. Вып. 2. Минск, 1998 г., с. 70–71.

разведок, саботажников и уклонистов от генеральной линии партии. Еврейское образование фактически было лишено национального содержания, а идиш как язык обучения перестал устраивать многих родителей, которые отдавали предпочтение более перспективному русскому языку.

Вслед за школой наступил черед других учреждений культуры. Упразднялись еврейские творческие союзы, закрывались газеты и журналы на идише. Во второй половине 1937 г. были закрыты «Дер юнгер арбетер» и «Дер юнгер ленинец», прекратился выпуск бюллетеня еврейского сектора Академии наук БССР «На фронте науки» и Лингвистического сборника, а в январе 1938 г. был закрыт еврейский отдел Государственной библиотеки им. Ленина. В 1940 г. вышли из печати всего восемь изданий художественной литературы на идише. Накануне советско-германской войны из 199 периодических изданий, выпускавшихся в республике, на белорусском языке выходили 149 и только два на идише («Октябрь» и «Штерн»). По ложным обвинениям были осуждены Яков Бронштейн, Моисей Кульбак, Рувим Выдра, Изи Харик, Самуил Агурский, Хаскель Дунец, Юрий Дардак и др. Репрессии затронули сотрудников еврейского отдела Института белорусской культуры и еврейского сектора Академии наук Белоруссии, преподававших в разных учебных заведениях: Арона Волобринского, Шолома Гольдберга, Льва Гольмштока, Льва Домосека, Иехеля Равребе, Макса Эрика, Гилеля Александрова, Якова Рубина, Хану Либман, Владимира Гессена и многих других. Большинство из них были расстреляны или погибли в сталинских лагерях. Исподволь в сознание населения внедряли убеждение, что почти каждый творческий работник-еврей – в душе сионист.

Вместе с тем репрессии в Белоруссии не носили антиеврейского характера. Наряду с работниками культуры и народного образования пострадали представители всех слоев населения. Только с июня по сентябрь 1938 г. силами 3-го отдела Управления госбезопасности БССР было репрессировано 6 530 человек. Национальный и профессиональный состав арестованных в июне-сентябре 1938 г. 524 членов Компартии Белоруссии выглядел следующим образом:

Таблица 9

Репрессированные члены КП(б)Б в июне-сентябре 1938 г., чел.

Социальное происхождение	Национальность					Всего
	белорусы	поляки	евреи	русские	прочие	
Колхозники	42	8	–	2	1	53
Служащие	109	59	92	9	5	274
Рабочие	23	21	23	9	1	77
Науч. работники	4	1	–	–	1	6
Инженеры	2	7	7	1	3	20
Техники и мастера	9	7	7	1	3	27
Военнослужащие	26	43	–	12	8	89
<i>Итого</i>	215	146	129	34	22	546

Составлено по: Расціслаў Платонаў. *Палітыкі, ідэі, лесы*. Мінск: БелНІИДАД, 1996 г., с. 355-356; НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1412, лл. 1-18.

Еврейского происхождения было достаточно для обвинения многих арестованных в сионизме и бундизме. Другая часть евреев – бывшие работники советских учреждений, школ, отделов народного образования и просвещения – подвергались арестам по общему обвинению в троцкизме, национал-фашизме, меньшевизме и т. п. Всего по БССР со второй половины 1937 г. по 1 июня 1938 г. было репрессировано 2 570 участников «объединенного антисоветского подполья». Из них: 376 троцкистов и зиновьевцев, 177 «правых», 138 национал-фашистов, 585 эсеров, 198 бундовцев, 27 сионистов, 7 меньшевиков, 1015 церковников и сектантов, 57 клерикалов. В 1937–1938 гг. органы НКВД «вскрыли и ликвидировали» в Белоруссии бундовско-сионистскую организацию, которую «возглавлял» редактор газеты «Октябрь», «агент» польской и литовской разведок Ошерович. Следствие «установило» в Минске

существование нелегального комитета «Бунда» в СССР, куда входили Вайнштейн, Киппер, Либерберг, Литваков, Шпрах, Фрумкина и др.⁸⁸

Учителя школ находились под постоянным контролем. 25 июня 1938 г. руководство НКВД республики сообщало в Москву, что в результате тайной проверки был выявлен компрометирующий материал на 266 (из общего числа 1 057) школьных педагогов Минска как носителей антисоветских взглядов или выходцев из социально чуждых слоев населения. В Полесской области такой материал был составлен на 274 учителей, в Гомельской – на 98, в Витебской – на 111, в Борисовском районе – на 41. При этом национальная принадлежность учителей не уточнялась. Как следует из документа, вредительством нередко признавались недостатки в учебной работе, устранение которых не всегда зависело от педагога⁸⁹.

Необоснованное закрытие еврейских школ вызвало протест родителей и части интеллигенции, работников культуры и писателей. В начале 1939 г. члены еврейской секции Союза писателей БССР Гирш Каменецкий и Зелик Аксельрод посетили первого секретаря ЦК Компартии республики Пантелеймона Пономаренко в попытке добиться отмены решения о ликвидации школы на идише⁹⁰. С одной стороны, это свидетельствует об их большом гражданском мужестве, а с другой – о полной неосведомленности. Ликвидация национальных школ была спланирована в Москве и осуществлялась последовательно во всех союзных республиках. Пономаренко, называвший себя «солдатом партии», являлся не автором этой идеи, а ее исполнителем. Наступление на национальную школу было задумано как начало форсированного решения национального вопроса. Считалось, что при строительстве социализма в отдельно взятой стране неважно, каким языком пользоваться. Более того, унифицированный язык, роль которого отводилась русскому, представлялся намного более удобным.

Упразднение еврейской школы временно приостановили осенью 1939 г. Советский Союз по договоренности с Германией оккупировал восточную часть Польши, в состав которой с 1920 г. входила Западная Белоруссия. Сразу преобразовать национальные школы в западных

⁸⁸ Степан Почанин. «Партия должна знать все» // *Правда истории: память и боль*: Сб. статей и материалов / Сост. Н.М. Жилинский. Минск: Беларусь, 1991, с. 83, 86.

⁸⁹ *Нарысы гісторыі Беларусі*: У двух частках. Мінск: Беларусь, 1995, ч. 2, с. 180; НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1400, л. 2, 7, 9.

⁹⁰ Центральный архив КГБ Республики Беларусь, д. 9959, т. 2, л. 70.

районах было невозможно. Новые власти провозгласили политику национального возрождения и культурного развития для всех народов, страдавших от дискриминации польского режима. В декабре 1939 г. ЦК КП(б) Белоруссии принял постановление «О мероприятиях по организации народного образования в западных областях БССР»⁹¹.

В срочном порядке созывались уездные и окружные учительские конференции. На работу в районы Бреста, Барановичей, Гродно, Белостока направили 697 чел., которые должны были определить язык преподавания в школе⁹². О том, как это делалось, свидетельствует Яков Марголин. В 1939 г. его командировали в Лиду для организации перевода школ на советские учебные планы и программы. Местные учителя встретили Марголина недружественно и собирались бойкотировать. Большинство еврейских школ в Лиде работали не на идише, а на иврите. Значительное место в учебных программах уделялось еврейской истории, традиции и литературе на иврите. Марголин вспоминал, что советские чиновники запретили пользоваться ивритом, распорядились открыть школы в субботу и проводить в них занятия. Не подчиниться означало вызвать репрессии и аресты. Поэтому в школу учителя и учащиеся приходили, но писать на уроках категорически отказывались. Первое время власти вынуждены были закрывать на это глаза, но постепенно сила взяла верх, и ивритские школы превратились в идишские⁹³. Многие еврейские дети были определены на учебу в нееврейские школы. В 1939–1940 гг. в Пинском округе работало 486 белорусских школ, девять польских и всего 20 школ на идише, хотя более половины населения края составляли евреи⁹⁴.

Для подготовки учителей из местного населения были открыты педагогические училища в Бресте, Белостоке, Гродно, Молодечно, Пинске, Новогрудке и в дополнение к ним – два педучилища (в Лиде и Волковыске), готовившие воспитателей для детских садов и яслей. В Белостоке приступил к работе новый педагогический институт. В феврале 1941 г. Наркомпрос БССР объявил набор на шестимесячные курсы с целью восполнить недостаток учителей для вновь открытых еврейских начальных школ. На этих курсах планировалось подготовить

⁹¹ НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 850, л. 80.

⁹² Там же, лл. 80–81.

⁹³ Запись беседы с Яковом Абрамовичем Марголиным 18 авг. 1990 г. в Минске // Архив автора.

⁹⁴ См. *Oktiaber* (Минск), 15 авг. 1940 г., с. 3.

150 учителей для еврейских школ на западе республики. Они должны были приступить к работе в 1941/42 учебном году. Курсы предполагалось провести в Пинске, для слушателей выделялись средства на питание и жилье. Энергичные меры предпринимались для обеспечения школ учебниками, пособиями и учебной литературой⁹⁵. Наиболее значимым центром подготовки учителей должен был стать факультет идиша в Виленском университете, который возглавил известный идишист Ноах Прилуцкий. Программа обучения была рассчитана на пять лет и включала изучение истории еврейского народа, фольклора, фонетики, грамматики, стилистики и морфологии языка идиш, истории еврейской культуры, истории еврейского театра и искусства. Весной 1941 г. на курс приняли 35 студентов, среди которых были выпускники гимназий на идише, иврите, польском и литовском языках. Ожидалось, что в следующем учебном году количество студентов достигнет нескольких сотен, включая абитуриентов из Белоруссии и Москвы⁹⁶.

Стандартные советские учебники по физике, химии, естественным наукам, геометрии срочно перевели на идиш и отпечатали вне очереди в типографиях Минска и Киева. Прежние учебники, использовавшиеся в упраздненных еврейских школах восточных областей БССР, переиздали. В июне 1941 г. было объявлено о подготовке к изданию на идише «Краткого курса истории СССР» и русско-еврейского (идиш) словаря для начальной школы, сообщалось о подготовке новых учебников по истории древнего мира, средних веков, новой истории и истории СССР.

Программы напоминали те, что использовались в республике до 1938 г. При этом изучение еврейской истории, основ иудаизма и иврита полностью исключались. Единственным еврейским предметом оставалась литература, подававшаяся в советской интерпретации. Несмотря на большое сходство, учебные программы для новых школ все же несколько отличались от тех, которые существовали в БССР до 1938 г. В 1939–1940 гг. эти школы еще не имели новой программы по литературе для 5–10 классов, и в 9-м классе школьники изучали произведения Шолом-Алейхема и Переца, а в 10-м – Бергельсона “Baim Dneper”⁹⁷.

⁹⁵ Zvi Halevi. *Jewish Schools under Czarism and Communism*. New York, 1974, pp. 260–265.

⁹⁶ См. *Emes* (Ковно), 11 апр. 1941 г.

⁹⁷ См. *Oktiaber*, 28 июля 1940 г.

Своеобразной реакцией на политические перемены в Западной Белоруссии стали трения на национальной почве между еврейскими и нееврейскими учащимися. В докладной записке секретарю Барановичского обкома КП(б)Б от 10 мая 1940 г. говорилось, что в бывшей гимназии Несвижа дети поляков держались обособленно, в школе ФЗО № 23 Пинска ученики-евреи называли польских учащихся «польскими собаками». В декабре 1940 г. подростку-еврею в общежитии ФЗО ночью нарисовали на лице крест и забили в уши бумагу⁹⁸.

Общая картина общеобразовательных школ по языкам обучения в этом регионе БССР выглядела следующим образом:

Таблица 10

Средние учебные заведения Западной Белоруссии в 1940 г.

Язык обучения	Количество школ	Количество школ, %
Белорусский	4 192	74,4
Польский	987	17,5
Русский	173	3,1
Еврейский	169	3,0
Литовский	63	1,2
Украинский	49	0,8
<i>Итого</i>	5 633	100,0

Составлено по: *Савецкая школа*: Журнал (Мінск). 1940 г., № 1–2, с. 25.

После воссоединения БССР часть интеллигенции предприняла попытку убедить власти в необходимости существования еврейской школы на всей территории республики. В ноябре 1939 г. еврейские писатели Зелик Аксельрод, Эля Каган и Григорий Березкин обратились в ЦК КП(б) Белоруссии с просьбой возобновить работу не только еврейской школы, но и секции идиша при Академии наук. В их письме шла речь о том, что в западных областях существовали много-

⁹⁸ Е. Розенблат, И. Еленская. *Пинские евреи, 1939–1944 гг.* Брест, 1997 г., с. 45.

численные еврейские школы, накопившие ценный опыт, который следует сохранить для всего белорусского еврейства. Писатели выражали опасение, что в противном случае круг читателей на идише будет неуклонно сокращаться и под угрозой окажется само существование советской литературы на идише, что не соответствует интересам партии⁹⁹. Действительно, если в 1926 г. идиш называли родным языком 72% советских евреев, то к 1939 г. – только 41%¹⁰⁰. Однако эта инициатива, как и многие другие, была оставлена без внимания. По сведениям Юделя Марка, в 1940 г. группа родителей, учащихся из Минска была даже отправлена в ссылку за подачу петиции о сохранении там единственной еврейской школы¹⁰¹.

Накануне советско-германской войны периодическая печать не только Белоруссии и Украины, но и Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, включенных в состав СССР в 1940 г., отмечала оживление еврейских национальных учреждений, публиковала исследования по еврейской истории, но не писала о школе¹⁰². Новые еврейские школы, даже лишенные иврита, традиции и переведенные на советские программы, не могли просуществовать долго. Власти опасались, что учебные заведения станут центром противостояния режиму в его политике ликвидации еврейской культуры и насаждения национального нигилизма. Педагоги и учащиеся, сионистски настроенная молодежь Западной Белоруссии, несмотря на запрещение многочисленных еврейских организаций и клубов, не прекратили своей деятельности. Влияние их на восточные районы БССР считалось опасным. В целом в 1940 г., по подсчетам Якова Лещинского, школу на идише в Советском Союзе посещали от 85 до 90 тыс. учащихся, или 20% всех еврейских детей школьного возраста. Из них 25 тыс. учились в БССР, 50 тыс. – в УССР, 3 тыс. – в Биробиджане, 3 тыс. – в Крыму, 5 тыс. – в РСФСР и примерно 14 тыс. – в других регионах Советского Союза¹⁰³.

⁹⁹ Центральный архив КГБ Республики Беларусь, д. 5545, лл. 41-42.

¹⁰⁰ Harry Lipset. "A Note on Yiddish as Language of Soviet Jews in the Census of 1939" // *The Jewish Journal of Sociology*, vol. 12, № 1, June 1970, p. 56.

¹⁰¹ Юдель Марк. Указ. соч., с. 240.

¹⁰² См. *Oktiaber* (Минск), *Bialystoker Shtern* (Белосток), *Ufboi un Kamf* (Рига), *Emes* (Ковно). Июль-декабрь. 1940 г.

¹⁰³ Yacob Leshchinsky. "Jews in the USSR" // *Contemporary Jewish Record*, vol. 3. November-December 1940, p. 608.

Окончательно школа на идише прекратила свое существование в Белоруссии с началом немецкой агрессии летом 1941 г. Она не возродилась и после окончания войны, потому что восстановление культурно-национальной жизни нерусских народов СССР не входило в планы режима. Это нашло свое подтверждение в организации целого ряда идеологических кампаний и чисток 1946–1949 гг. Так национальному самосознанию евреев, чей генофонд был непоправимо подорван в годы Холокоста, нанесли новый удар. Эта политика фактически продолжалась и после смерти Сталина, несмотря на неоднократные заявления нового руководства страны о своей приверженности идеям интернационализма. Вплоть до конца 1980-х гг. вопрос о восстановлении школы на идише в БССР не поднимался.

Опубликовано:

Л. Смиловицкий. «Школа на идиш в первые десятилетия советской власти в Белоруссии, 1921–1941 гг.» // *Новая еврейская школа* (Санкт-Петербург), № 11, 2002 г., с. 171–212.

Евреи в сельском хозяйстве

В начале 1920-х годов советское руководство рассматривало устройство евреев на земле как ведущее направление в борьбе с перенаселением местечка. Сельскохозяйственные заботы были знакомы евреям так же хорошо, как и белорусам. Засухи и наводнения, неурожайные годы неминуемо отражались на местечке, связанном с деревней неразрывными узами. Падало количество заказов, выполненная работа не оплачивалась, цены на сырье и продукты питания взлетали. Земледелие велось экстенсивным способом и усугублялось семейными раздорами. Большая часть сельскохозяйственных угодий, леса и сенокосы до революции принадлежали помещикам, церкви, казне и только незначительная часть – крестьянам, которые вынуждены были обрабатывать поляны, удаленные от основной усадьбы, среди болот и лесов.

Не случайно бывшую черту оседлости называли «инвалидным домом Европы» – замкнутым тесным пространством, где население занималось примитивными ремеслами и «копошилась» ущербная мелкая торговля, имевшая выход лишь на ограниченный местный рынок¹. В Беларуси существовали объективные трудности для претворения в жизнь плана занять евреев сельскохозяйственным трудом, вызванные нехваткой пригодных для возделывания земель. Свободные наделы находились большей частью в отдаленных местах. Евреи предпочитали жить в местечке или недалеко от него, тогда как крестьяне тяготели к хуторам. В первую очередь власти стремились удовлетворить запросы белорусов.

Евреи давно усвоили навыки работы на земле и, когда им это позволяли власти, успешно ее возделывали. Они арендовали сады, выращивали и продавали овощи и фрукты, готовили сыры и колбасы,

¹ Абрам Лежнев. *Деревянный ключ*. Москва: Федерация, 1932 г., с. 92.

теребили шерсть, заготовливали и сплавляли лес, курили смолу, делали лодки, плели сети, ловили рыбу. Однако для большинства евреев земледелие не являлось единственным источником дохода. Многие одновременно продолжали заниматься извозом, торговлей и ремеслом, производством кирпича и обжигом извести. В случае необходимости евреи обращались за помощью к белорусам при покосе, обработке огородов и уборке урожая зерновых и картофеля.

Еврейское землепользование имело несколько направлений: при-местечковое, еврейские колонии, единоличные и коллективные хозяйства. Земледелием занимались в основном евреи, жившие в деревнях. Перевод евреев на землю способствовал бы сближению их с белорусами, преодолению стереотипа неприспособленности местечкового жителя к сельскому хозяйству как следствие царских запретов и ограничений. Когда первая коммунистическая эйфория и уравнилельный принцип распределения исчезли, то доходы начали распределять по количеству «едоков» и рабочих рук.

ЦИК и СНК БССР 25 июня 1924 г. приняли постановление «О землеустройстве трудящихся евреев». Председателем БелкомЗЕта² стал заместитель наркома земледелия Дмитрий Прищепов³. Специальная комиссия приравнивала евреев к безземельному и малоземельному крестьянству⁴. Переселение на землю и превращение разоренных местечковых ремесленников и торговцев в крестьян давались с трудом. Они начинали заново, с землянок, первой в жизни борозды, экономии на всем и полуголодном ожидании первого урожая. Женщины и старики трудились наравне с молодыми мужчинами, подростки учились ездить верхом. Большинство евреев, выразивших желание заняться сельским хозяйством, сделали свой выбор из прагматических соображений в условиях экономического кризиса и усиления налогового пресса. Охотнее других в сельскохозяйственные

² БелкомЗЕТ – Белорусский комитет по земельному устройству трудящихся евреев СССР.

³ Дмитрий Филимонович Прищепов (1896–1940) – уроженец Крупского района Могилевской области, нарком земледелия БССР (1926–1929), сторонник фермерского развития сельского хозяйства, арестован в 1930 г., 22 ноября 1939 г. приговорен к высшей мере наказания, умер в тюремной больнице, реабилитирован в 1988 г.

⁴ *Зборнік чынных законаў БССР за 1921–1924 гг.* Мінск, 1924 г., с. 138-143; М.А.Беспалая. *Беларуская вёска ў першыя гады НЭПа, 1921–1923 гг.* Мінск, 1999 г., с. 32.

артели записывались малоимущие. Названия первых колхозов отражали оптимизм их членов и надежду на скорые перемены в будущем: «Прогресс», «Культура», «Судьба», «Возрождение», «Звезда», «Вперед» и др.

В сельскохозяйственных артелях за пределами местечка евреев привлекала возможность скорее сообща приспособиться к незнакомому труду, получить больше земли, ссуду на выгодных условиях и агротехническую поддержку. Совместная жизнь и работа позволяли соблюдать национальные и религиозные традиции, сохранять привычный образ жизни. Одним из мотивов вступления в артель было стремление уменьшить дискомфорт, возникавший из-за понижения социального статуса после перехода на положение *ишувника* (деревенского еврея). Для нужд еврейского землеустройства в Турове (в лесных кварталах), Наровле, Житковичах (в заболоченных местах) выделили по 100 десятин земли, Лельчицах и Озаричах – по 50, Ельске и Петрикове – по 150, Калинковичах и Юревичах – по 200, а всего по Мозырскому округу – 1 200 десятин земли. Большинство участков нарезали в границах округа, недалеко от районных центров, где концентрировалось еврейское население⁵.

Первые еврейские коллективные хозяйства специализировались на молочном животноводстве и садоводстве. Породистый скот закупали на Волыни и в немецких колониях. Летом 1927 г. в 148 еврейских колхозах республики имелось 1 210 лошадей, волов и быков, 3 037 коров и 125 овец. Однако евреи по-прежнему избегали свиней, которых у них насчитывалось всего 114. По оценке газеты «Трибуна еврейской советской общественности», еврейские землепашцы в БССР, раньше других осмелившиеся нарушить традицию, не могли побороть суеверие, связанное с «нечистой» свиньей⁶.

Наряду с коллективным владением скотом евреи-колхозники в БССР продолжали содержать большое личное стадо. В частном пользовании оставались 133 лошади из 997 и 1 064 коровы из 1 907. Хозяйки норовили отдать своей скотине лучшие корма в ущерб общественным. Наиболее обеспеченные колхозники увеличивали количество домашнего скота. По мнению властей, это углубляло нера-

⁵ Зональный государственный архив (далее – ЗГА) в Мозыре, ф. 60, оп. 1, д. 893, л. 14.

⁶ «Еврейское землеустройство в Белоруссии» // *Трибуна еврейской советской общественности*, 1928 г., № 19, с. 21.

венство между членами коллективов, вело к зависти и недоброжелательству, ненужным трениям. Партийные и советские органы добивались отказа от индивидуального владения «живым инвентарем», призывали продавать его колхозам, чтобы достигнуть полного обобществления⁷.

В еврейских хозяйствах развивали подсобные промыслы, там располагали мельницами, маслобойками, сукновальнями, сыроварнями и другими механизмами и приспособлениями⁸. В полеводстве предпочитали рожь (21%), овес (17%), гречиху, просо, картофель (15%) и семенные травы (24%). В 1928 г. было засеяно 1 254 гектара, а в 1929 г. – 1 361. Пшеница составила всего 1,2%, ячмень – 1,9%, корнеплоды, конопля, лен, бобовые и просо – 1%⁹. Сборы урожая вначале были скромными, но постепенно они росли, что можно проследить в следующей таблице:

Таблица 1

**Рост урожайности в первых еврейских колхозах
в БССР в 1927–1928 гг., ц/га**

Сельхозкультура	1927 г.	1928 г.
Картофель	98,85	114,7
Рожь	7,5	8,9
Ячмень	9,45	10,1

Составлено по: НАРБ, ф. 11, оп. 1, д. 187, л. 36.

Постепенно евреи овладевали непривычным занятием и приобретали хозяйственный опыт. Опираясь на поддержку государства, международных благотворительных фондов, используя достижения агроно-

⁷ «Еврейское землеустройство в Белоруссии» // Трибуна еврейской советской общественности, 1928 г., №19, с. 21.

⁸ К 1927 г. еврейские коллективные хозяйства БССР имели 39 маслоделен, 15 сыроварен и 37 производств по переработке сельхозпродукции (мельницы, крахмальные фабрики и т. п.). См. М. Каменштейн. *Советская власть, еврейское землеустройство и ОЗЕТ*. Москва, 1928 г., с. 40.

⁹ НАРБ, ф. 11, оп. 1, д. 187, л. 34.

мии, они уверенно продвигались вперед. Динамика роста еврейских коллективных хозяйств Белоруссии досталинского периода представлена в следующей таблице:

Таблица 2

**Рост числа еврейских коллективных хозяйств
в БССР в 1918–1929 гг.**

Год	Артели и кооперативы	Год	Артели и кооперативы
1918	9	1924	50
1919	28	1925	79
1920	38	1926	95
1921	38	1927	145
1922	39	1928	204
1923	41	1929	237

Составлено по: НАРБ, ф. 11, оп. 1, д. 187, л. 34.

Первые девять еврейских колхозов напоминали коммуны. Они просуществовали недолго и распались после начала иностранной интервенции. Однако уже в 1919 г. идея перехода на землю из перенаселенных местечек возродилась и привела к образованию 28 хозяйств. Постепенно новая инициатива находила сторонников, и к 1920 г. еврейских сельхозартелей стало 38. В условиях продразверстки военного коммунизма их рост на несколько лет замер. НЭП оживил еврейские коллективные хозяйства и довел их количество сначала до 95 (1925 г.), а потом и 204 (1928 г.). Накануне всеобщей коллективизации в БССР насчитывалось 237 еврейских хозяйств, основанных на рыночных отношениях¹⁰.

¹⁰ Л. Смиловицкий. «Досталинские колхозы» // *Человек и экономика*: 1991 г., № 7, с. 34-35.

Большую помощь КомЗЕТу как государственной организации¹¹ оказывало «Общество по земельному устройству трудящихся евреев» (ОЗЕТ) – общественная организация, количество членов которой возросло год от года¹². Для сбора пожертвований в помощь еврейским крестьянам ОЗЕТ устраивало лотереи, организовывало коммерческие предприятия – от книжных и газетных киосков до производства мацы¹³.

Беларусь по проведению кампании землеустройства опережала другие регионы Советского Союза. К 1928 г. на земле объединились 8,5 тыс. еврейских семей, или 13% всего еврейского населения БССР. Они обрабатывали 50 тыс. гектаров земли, и их хозяйства отличались большей продуктивностью, чем белорусские. Первый пятилетний план развития народного хозяйства республики выдвинул задачу выделить 75 тыс. гектаров заболоченных земель, чтобы поселить на них 12 800 еврейских семей. Республиканская газета «Октябрь», выходившая на идише, два раза в месяц выпускала специальное приложение «Еврейский крестьянин». В Минске к 10-й годовщине Октябрьской революции открыли выставку достижений еврейского сельского хозяйства, а на демонстрации 7 ноября 1927 г. еврейские колхозники шли отдельной колонной¹⁴.

Вместе с тем для большинства евреев, обратившихся к сельскому хозяйству, этот шаг оставался вынужденным. Еврейское земледелие оставалось распыленным и мелким, а его общее экономическое состояние тяжелым, притока новых членов не происходило. Удобных наделов не хватало, требовались мелиорация заболоченных участков и удобрение полей на месте высеченных лесов. Выделенные для евреев участки раньше принадлежали нерентабельным и распавшимся совхозам. Земля на них была истощена, сады запущены, скота не хватало. Многие евреи не столько испытывали тягу к земле, сколько желание

¹¹ КомЗЕТ был образован 24 августа 1924 г. при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР для «продуктивизации» еврейского населения, в первую очередь привлечения к сельскохозяйственному труду.

¹² БелОЗЕТ насчитывало в своих рядах в 1926 г. 4 тыс. чел., в 1927 г. – 6 тыс., в 1928 г. – 18 тыс., а к 1929 г. – 50 тыс. чел., четверть из которых составляли рабочие. См. *Трибуна еврейской советской общественности*, 1929 г., № 2, с. 17.

¹³ «Ресурсы ОЗЕТа и коммерческие предприятия» // *Трибуна еврейской советской общественности*, 1928 г., № 20, с. 4.

¹⁴ К 1928 г. еврейские земледельцы в БССР были распределены по 206 колхозам и 40 поселкам единоличников. См. *Трибуна еврейской советской общественности*, 1928 г., № 19, с. 21.

приобрести «огородик» возле дома. Бывшие приказчики, извозчики, мелкие торговцы, лесники, ремесленники страдали из-за отсутствия навыков работы на земле. В лучшем положении оказались бывшие арендаторы и огородники, но они составляли меньшинство¹⁵.

Итоги еврейского землеустройства подводились на первом (1924 г.) и втором (1928 г.) Всебелорусских съездах евреев-крестьян. Степень полного обобществления в хозяйствах достигла 60%, частичного – 6%, а в полеводстве – 24%. В отчетах окружных агрономов Наркомзема БССР отмечалось, что агрикультурные мероприятия в колхозах воспринимают лучше, проводится интенсивное хозяйственное и жилищное строительство, растет благосостояние членов артелей¹⁶. К 1928 г. в Беларуси евреев-крестьян насчитывалось в 3,5 раза больше, чем в Палестине, и в два раза больше, чем в Крыму¹⁷.

Вместе с тем не была преодолена текучесть членов еврейских «коллективов», молодежь покидала колхозы в поисках заработков, уходила на стройки в большие города или уезжала на учебу. Недостаточно бережным оставалось отношение к машинам и механизмам, не было изжито администрирование. Дело осложняли нестабильность урожаев, нехватка удобрений и кормов. Недостаточно удовлетворялись культурные запросы бывших жителей городов и местечек, переселившихся на землю. По уровню жизни сельскохозяйственные коллективы мало отличались от местечка, а санитарные условия были даже хуже. Земледельцы страдали от произвола налоговых чиновников и властей. Несмотря на «сносные», по мнению Советов, отношения с белорусскими крестьянами, временами случались поджоги имущества артелей или выпас скота на полях, засеянных евреями.

К началу 1930-х гг. ОЗЕТ в связи с переменой общего экономического курса в стране изменило свое лицо. В мае 1928 г. в Общество закрыли доступ лишенцам и начали усиленно привлекать неевреев. Любая коммерческая деятельность оказалась под запретом. Это превратило ОЗЕТ в массовую советскую организацию. Если раньше она помогала еврейским земледельцам бороться с бюрократией,

¹⁵ Ch. Shmeruk, “Jewish Community and Jewish Agricultural Settlement in Soviet Belorussia, 1918–1932”: Ph. D. Thesis / Hebrew University of Jerusalem, 1961, p.13.

¹⁶ Потребительская корзина на одну семью в еврейском колхозе в 1928 г. составляла 31 руб. в месяц.

¹⁷ «Итоги съезда евреев-крестьян БССР» // *Трибуна еврейской советской общественности*, 1928 г., № 3, с. 16.

получать кредиты, защищала их права в суде, делала достоянием гласности недостатки землеустройства, то в последующие годы, когда на смену старым кадрам пришли партийные выдвиженцы и функционеры, утратила национальный характер, а к середине 1930-х гг. сеть ОЗЕТ начала распадаться. Центральное белорусское руководство в Минске выражало недовольство тем, что ОЗЕТ мешало агитации переселенцев ехать в Биробиджан. Окончательно его упразднили в соответствии с постановлением СНК СССР от 11 мая 1938 г.¹⁸

Практика национального строительства, существовавшая в Советском Союзе до середины 1930-х гг., требовала использования евреями сельскохозяйственной «ниши» как примера торжества ленинско-сталинской политики в деревне. Еврейские хозяйства были построены по принципу отказа от частной собственности в пользу общественного сектора и искусственно поддерживались государством, находились под жестким контролем партийных комитетов, были подотчетны в своих действиях перед Советами и не обладали экономической свободой.

Идея массового перевода евреев на землю имела не только сторонников, но и оппонентов, она вызывала скепсис у одних и острое неприятие у других. Категорическими противниками политики землеустройства выступили сионисты. Они доказывали, что запрет купли-продажи земли станет препятствием к ее рациональному использованию, отсутствие частной собственности на землю не позволит распоряжаться плодами собственного труда. Сионисты обвиняли евсекцию в связях с ГПУ (НКВД) и заявляли, что при новом стечении обстоятельств землю конфискуют со всем имуществом. Для борьбы с сионистами ЦК КП(б)Б требовал активизировать процесс землеустройства, снизить налоги, провести разъяснительную работу, приспособивая ее к нуждам населения местечка¹⁹.

Наделение евреев землей неоднозначно восприняли за пределами БССР. Депутат польского сейма от Западной Белоруссии Еремич доказывал, что землеустройство евреев проводилось за счет остального населения, что евреев переселяли в Крым («на курорт!»), а крестьян-белорусов отправляли на Дальний Восток. При организации еврейских хозяйств возникали споры с нееврейским населением. Со стороны

¹⁸ "OZET and the Soviet Self-Criticism Campaign of 1937" / Publication by A. Zeltser // *Jews in Eastern Europe*, 1999, No 3(40), pp. 62-63.

¹⁹ НАРБ, ф. 4, оп. 7, д. 14, л. 159.

крестьян раздавались упреки в адрес землемеров, которые отдавали преимущество еврейским семьям, изъявившим желание заняться сельскохозяйственным трудом. Ревность крестьян не принимала во внимание, что льготы носили временный характер, чтобы поддержать в новом деле людей без опыта и традиции возделывания земли. Во время раздачи участков можно было услышать: «Жыдам адводзюсць самы агурчак (самы асяродак маентку), а нас садзяць на пустэшу, ды ім даюць яшчэ гроші, а нам нічога не даюць. Жыдоу перасяляюць у цеплы край [Крым] і даюць 1500 руб. дапамогі, а нас гонюць у Сібір, ды патрабуецца яшчэ каб меу некалькі соцен гатоўкі». Успехи евреев на земле порой вызвали недовольство белорусских крестьян: «Каб не яўрэі, дык бядняку засталася б больш зямлі»²⁰.

Власти предпочитали объяснять межнациональные противоречия «происками кулачества» и использованием наемного труда в ряде хозяйств. Вместе с тем материально-технический потенциал создаваемых хозяйств оставался бедным, и их относительно устойчивое существование было возможно только при государственных дотациях²¹.

К 10-летию Октябрьской революции (1927 г.) Совнарком БССР издал декрет, который намечал оздоровление обнищавшего местечка. С этой целью планировали: 1) создание дополнительного земельного фонда, землеустройство, агрономическую помощь; 2) укрепление кустарной кооперации и организацию новых артелей; 3) обеспечение строительными материалами и кредитами. Госплану республики было поручено разработать и представить на утверждение правительства план осуществления этих мероприятий²².

Программа по хозяйственному укреплению местечка включала осушение заболоченных участков и мелиоративные работы, чистку от кустарника и молодого леса, возведение жилья, строительство помещений для скота, приобретение орудий труда и семенного материала. Динамика расходов за 1928–1931 гг. представлена в следующей таблице:

²⁰ Ю. Снітко. «Шляхі калектывізацыі» // *Часопіс*, 1931 г., № 8, с. 12.

²¹ Акт обследования деятельности Мозырского окружного исполкома и его отделов инструкторами ЦИК БССР И. Шапило и А. Корф в апреле 1925 г. // ЗГА в Мозыре, ф. 60, оп. 1, д. 692, л. 124.

²² «О хозяйственном устройстве местечек БССР»: Постановление СНК БССР от 4 ноября 1927 г.; М. Каменштейн. *Советская власть, еврейское землеустройство и ОЗЕТ*. Москва, 1928 г., с. 55-56.

Таблица 3

**Хозяйственные расходы еврейских семей, перешедших
к землепользованию в 1928–1931 гг., руб.**

Статья расходов	Бюджет	1928 – 1929 гг.	1929 - 1930 гг.	1930 - 1931 гг.
Раскорчевка 100 га	50 000	10 000	25 000	15 000
Строительство жилья	30 000	6 000	15 000	9 000
Приобретение скота	42 500	8 500	21 250	12 750
Устройство садового питомника	2 800	1 300	1 500	–
<i>Итого</i>	125 300	25 800	62 750	36 750

Составлено по: НАРБ, ф. 11, оп. 2, д. 9, л. 223.

Как следует из табл. 3, самые большие средства были затрачены на создание пригодных для землепользования участков (50 тыс. руб.). Это было вызвано тем, что выкорчевывание деревьев и освоение целины были крайне трудоемкой работой, за которую платили по 50 руб. за гектар. Затем шли расходы на строительство жилья для новоселов (30 тыс. руб.). Обзаведение общественным стадом стояло на третьем месте, а затраты на садовый питомник замыкали смету, садоводством и огородничеством занимались 12 семей.

До начала коллективизации большинство индивидуальных крестьянских хозяйств имели экстенсивный характер. Часто на весь район приходился один трактор, и землю обрабатывали при помощи сохи и плуга. Единоличники пользовались чересполосицей и не могли увеличить производительность. В октябре 1930 г. пленум ЦК КП(б)Б поставил задачу форсировать коллективизацию национальных меньшинств. До «кулацких» хозяйств были доведены твердые задания на сдачу сельхозпродукции, которые намного превышали их возможности, начались декады «сталинского призыва». Это привело к конфискации имущества у многих еврейских семей²³. Коллективизация сопровож-

²³ «Известия заграничного отдела сионистов-социалистов», 1929 г., № 3, с. 6. См. Central Zionist Archive in Jerusalem, F30/64.

далась насилием и утратой экономической свободы, небрежным отношением к общественному имуществу и вызвала антиколхозное движение²⁴.

Особенно негативно в деревне встречали городских и местечковых евреев, которых направляли оказывать «пролетарскую поддержку» колхозному движению. Часто это имело плачевные последствия. Колхозные активисты угрожали отправить несговорчивых людей на Соловки, загоняли личный скот на колхозный двор. Не всегда приезд городских шефов заканчивался бескровно (например, ужасный случай гибели учительницы в д. Толпечицы, описанный ранее).

Политика всеобщей коллективизации, отрицавшая материальную заинтересованность работников в результатах своего труда, обернулась народной трагедией. Известия о голоде в Белоруссии поступали в Минск с лета 1932 г. В конце сева многие колхозники не могли выйти в поле из-за физической слабости. Непринятие властями решительных мер грозило массовым бегством из сельской местности. Работники Наркомата рабоче-крестьянской инспекции обнаружили, что при составлении плана государственных поставок в ряде районов республики у населения отняли последний хлеб.

Отсутствие продуктов питания вызвало забой домашнего скота. Сокращение поголовья происходило из-за нехватки кормов, сознательного увечья животных или утаивания приплода с последующим забоем. Крестьяне горько шутили: «Дожили, что едим мясо с хлебом вместо хлеба с мясом». Голодающие выкапывали незрелый картофель, срывали неспелые плоды и колосья – в пищу шло все, что притупляло голод. Такие кражи власти объясняли действиями антисоветских и разложившихся элементов, провал политики сплошной коллективизации списывали на происки «антисоветского подполья в республике» и сознательное вредительство в области сельского хозяйства. По ложному обвинению безвинно пострадали инициаторы колхозного движения. «За организацию голода» расстреляли руководителей Народного комиссариата земледелия БССР, была репрессирована значительная часть республиканских, областных и районных руководителей.

Во второй половине 1930-х годов значительное количество хозяйств в БССР находилось в отдалении от поселков и деревень, на

²⁴ НАРБ, ф. 701, оп. 1, д. 101, л. 260.

хуторах. 50 тыс. хуторов были основаны здесь в начале XX в. в ходе столыпинской реформы, а в 1920-е годы их количество резко возросло. В октябре 1937 г. 160 тыс. хуторских дворов составляли почти пятую часть всех хозяйств²⁵. Нарком земледелия Д. Прищепов видел в хуторах начало будущих богатых хозяйств: «Белоруссия станет Данией на Востоке Европы»²⁶.

Всеобщая коллективизация объявила хутора незаконными. По оценке наркома внутренних дел БССР Б. Бермана²⁷, хуторские хозяйства являлись серьезным политическим и экономическим препятствием становлению новых отношений в деревне. Хутора со всех сторон были окружены колхозной землей. Выпасов для скота не было, случаи потравы колхозных полей рассматривались как вредительство. В колхозах вводилась жесткая дисциплина. Было решено начать перевод жилых и хозяйственных построек хуторян в колхозы, чтобы к 1937 г. «стянуть» в Белоруссии не менее 13 тыс. хуторов²⁸.

Переезд с хуторов осуществлялся якобы добровольно. Больше всего желающих привлекал обещанный кредит. Хуторяне использовали его, чтобы укрепить хозяйство, но со сменой места жительства не спешили. Охотно переселялись бедные и многодетные семьи, которые фактически бесплатно получали дом и возможность отправить детей в школу. В то же время переезд хуторян требовал больших расходов. Значительная часть тех, кто жил на хуторах, отказывались вступать в колхоз. В январе 1937 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О льготах для единоличников Белорусской ССР, которые вступают в колхоз». С хуторян списывали недоимки, наделяли приусадебными участками и оставляли им урожай с полей в три гектара. Предполагалось, что это заинтересует местных жителей и поможет коллективизации²⁹. Однако этот план не выполнялся. Добро-

²⁵ НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1098, л. 78.

²⁶ Т.С. Протьюко. *Становление тоталитарной системы в Беларуси, 1917–1941 гг.* Минск, 2002 г., с. 555.

²⁷ Борис (Борух) Давидович Берман (1901–1939) – уроженец Читинской области, член ВКП(б) с 1923 г., нарком внутренних дел БССР (1937–1938 гг.), организатор массовых репрессий, приговорен к расстрелу 22 февр. 1939 г.

²⁸ Председатель СНК БССР Н.М. Голодед планировал «стянуть» 50 тыс. хуторов, что оказалось нереальным // НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1098, л. 92.

²⁹ Т.С. Протьюко. Указ. соч., с. 558.

вольно переезжали только крестьяне, дома которых находились в аварийном состоянии, или молодые семьи, желавшие отделиться от родителей. Многие, получив извещение о переселении, предпочитали распродать имущество и навсегда покинуть родные края. Хуторяне зло шутили, что ВКП(б) – это не что иное, как «второе крепостное право (большевиков)»³⁰.

Несмотря на давление со стороны властей, хутора не исчезали. В 1938 г. руководство БССР выступило с инициативой их полной ликвидации. Секретарь ЦК КП(б)Б Пономаренко направил в Москву просьбу выдавать кредиты только при условии уничтожения хутора, что и было одобрено. С помощью милиции и спецслужб дело сдвинулось. В 1939 г. в республике переселили свыше 100 тыс. дворов, в том числе в Полесской области 13 158 семей, для которых в колхозах построили 7 160 домов³¹.

Строительство нового жилья продолжалось непрерывно, были выделены каменщики, печники, столяры, значительное количество транспортных средств и топлива. Однако решение этой проблемы вызвало серьезные препятствия. Власти, разрушив хутора, занимались урожаем и мало обращали внимания на переселенцев. В спешке для новых поселков выбрали неудачные участки – в низинах, далеко от дорог. При этом порой не принимали во внимание санитарные нормы и противопожарную безопасность. После 17 сентября 1939 г. была поставлена аналогичная задача в западной части Белоруссии. Однако выполнение этой программы встретило много препятствий, а окончательному решению проблемы хуторов помешала война.

Относительная стабилизация положения в сельском хозяйстве республики наступила только к концу 1930-х гг., но цена ее оказалась непомерно высокой. Принудительный перевод деревни на коллективное хозяйствование сопровождался разрушением сложившихся производственных отношений. Административный нажим и методы запугивания, утрата личной заинтересованности крестьян в результатах своего труда намного снизили производительность. Поддерживать на минимальном уровне рентабельность коллективных хозяйств позво-

³⁰ Л. Смиловицкий. «Второе крепостное право (большевиков)» // *Родник*, № 9, 1991 г., с. 14-15.

³¹ НАРБ, ф. 4, оп. 28, д. 517, л. 8.

ляли только государственные субсидии, низкая оплата труда и минимальные затраты на социальные нужды. Права выхода из колхозов не существовало, за исключением случаев наказания за нарушение устава сельхозартели. Однако это не говорило о том, что колхозники были довольны своим положением. Эпоха раскулачивания, арест имущества сделали свое дело – запуганные люди не протестовали.

К началу 1940-х гг. рост производства продуктов питания стал возможным только за счет экстенсивных факторов – расширения посевных площадей. Отсутствие свободных территорий предполагало широкие мелиоративные работы.

Путь, пройденный от землеустройства до сплошной коллективизации, вместил в себя целую эпоху преобразований. Перевод евреев на землю, задуманный как способ преодоления перенаселения местечка, обеспечение его жителей сырьем для подсобных промыслов и продовольствием, не удался из-за резкой перемены курса. Социалистические преобразования в деревне стали неизбежным шагом для государства диктатуры пролетариата, опасавшегося утраты экономического влияния и политического перерождения. Запрет частной инициативы и административный нажим привели деревню к разорению, падению жизненного уровня и голоду. К середине 1930-х годов еврейские колхозы фактически слились с белорусскими и незаметно сошли на нет. Идея привлечения еврейского населения местечек к производительному труду в области сельского хозяйства осталась нереализованной. Принудительное обобществление земли привело к утрате опыта землепользования, заставило жителей местечка отказаться от подсобных промыслов, подтолкнуло к переселению в Крым, в большие города, к уходу на стройки промышленных гигантов или учебу. На передний план был выдвинут Биробиджанский проект. Государство пообещало евреям за освоение районов Дальнего Востока и укрепление границы с Китаем создать автономную еврейскую республику. Однако, как вскоре выяснилось, этот проект тоже оказался утопическим.

Опубликовано:

L. Smilovitsky. "The Jewish Farmers in Belarus During the 1920s" // *Jewish Political Studies Review* (Jerusalem), Vol. 9, No 1-2, 1997, pp. 59-72.

Еврейская литература

Утверждения о том, что книги по истории иудаизма, молитвенники, календари, еврейские теологические научные и справочные издания были запрещены сразу после октября 1917 г., неверны. Несмотря на большие трудности, незначительными тиражами религиозные издания выходили до 1928 г. Последними из них стали «*Ягдил Тора*» – собрание статей, очерков и эссе по проблемам еврейской религии, предпринятое раввином из Слуцка Йехезкелем Абрамским совместно с раввином Шломо-Йосефом Зевиним в Бобруйске¹ на государственном предприятии; две «Пасхальные *агады*» в 1927 и 1928 гг. тоже в Бобруйске²; *сидурим* (молитвенники) в 1928 г. в Бердичеве (Украина) и Ленинграде (Россия)³; календарь на 5688-й год по еврейскому летоисчислению в 1928 г. в Бобруйске (следующий – на 5690-й год – был издан кустарным способом; затем карманные иудейские календари появились только почти через 30 лет в Москве и Ленинграде); *махзор* (молитвенная книга для главных еврейских праздников) в 1926 г. в Бердичеве⁴; книга религиозных толкований в виде комментариев

¹ В 1930 г. раввин Абрамский был осужден на 10 лет за «контрреволюционную деятельность», но в 1931 г. освобожден и выехал в Англию. С 1951 г. он жил в Палестине, где был избран президентом Объединения иешив Израиля; Зевин эмигрировал в Палестину в 1934 г., стал членом Верховного раввинского совета Израиля. См. *Yagdil Torah, maasaf torani mukdash le-hidushei Torah, pilpulim be-halakha le-maase* / Aruch u-mesudar al yadei Yehazkel Abramski, Vol., 1-2 Bobruisk, 1968; Yosef Cohen, *Pirsumim Yehudiyim be-Brit ha-Moatzot, 1917–1960*. Jerusalem, 1961, No 32, p. 38.

² *Seder ha-agada shel-pesakh im persumim nifloyim*. Bobruisk, beis mishar shel Yaakov ha-Kohen Ginzburg, 1927; *Ha-Agada shel Peskh mit Yivri Teish Oif Reinem Zhargon*, etc., Bobruisk, Izdanie Magazina Ginzburga, 1928; Yosef Cohen, *Pirsumim Yehudiyim be-Brit ha-Moatzot, 1917–1960*, Jerusalem, 1961, No 121-122, p. 18.

³ *Sidur tefilt* Yaakov ha-Sholem, Berdichev, Yakov Ginzburg. Printing plant “Radianskii Shliakh”, 1927; *Sidur Tefilat Adonai*, 5th ed. Leningrad, Z. Kalmanson, 1928 // Yosef Cohen, *ibid.*, p. 25, No 145, 146, p. 22, No 149.

⁴ Cohen, *ibid.*, p. 19, No 145, 146, p. 22, No 149.

трудов Маймонида, – в 1926 г. в Полтаве⁵. *Хумаиш* (Пятикнижие Моисея), Библия и Талмуд в Советском Союзе никогда не публиковались. Набирающие обороты атеистические кампании в конце 1920-х и начале 1930-х гг. сделали невозможными любые теологические издания.

Запрет на издание литературы на иврите претворялся постепенно. Учитывалось, что среди религиозных евреев насчитывалось много противников сионизма, которые призывали терпеливо ожидать прихода Мессии. При роспуске общин и закрытии синагог чиновники отказывались передавать верующим предметы молитвы и книги, зная, что за этот произвол спроса не будет. Встречались ситуации, когда религиозная литература и предметы ритуала конфисковывались в действующих синагогах. Предлоги для этого были, как правило, надуманными. Историческую, справочную и теологическую, учебную литературу, как и книги на иврите вообще, изымали на том основании, что это не молитвенники, а синагога не учебное заведение. Еврейские печатные издания отправляли как макулатуру для переработки на фабрики вторичного сырья. Тем не менее часть духовных книг и ритуальных принадлежностей после закрытия синагог и молитвенных домов перешла к верующим⁶.

Большую роль в издании религиозной литературы сыграла новая экономическая политика (НЭП). Это был временный компромисс со стороны советского режима, допустивший частный капитал и рыночные отношения. Издание книг по еврейской традиции, молитвенников и календарей приносило доход. Сохранились дореволюционные матрицы, что упрощало выпуск. В то же время если печатать молитвенники, псалмы, *агадот* (пасхальные сказания) оставалось делом привычным, так как в разных вариантах это делали в течение многих десятилетий, то выпускать богословские сочинения было намного

⁵ Yizhak Aizik Krasil'shchikov. *Sefer tvunah be-mishne torah le-ha-rambam*, Vol. 1. Poltava, 1926 (Cohen, *ibid.*, p. 22, No 153).

⁶ 4 декабря 1929 г. в Минске состоялось совещание ответственных советских и партийных работников, на котором выступил представитель ЦК ВКП(б) Бенек. Он призвал использовать в Белоруссии опыт вывоза за границу старых еврейских религиозных изданий для обмена на промышленное оборудование, сельхозтехнику. Приводился пример продажи «этой дряни» (партии религиозных книг) за 25 тыс. дол. США, которые были использованы для покупки тракторов. См. НАРБ, ф. 4, оп. 7, д. 237, л. 9-12; Ф. Гарковенко. *О религии и церкви*. Москва, 1965 г., с. 100; A. Gershuni. *Yahadut be-rusiah ha-sovietit*. Jerusalem, 1970, p. 93.

сложнее. Их публикация оказывалась редкой и нестандартной, сопровождалась огромными трудностями, начиная с подбора шрифтов, сложной корректуры текста, изобилующего арамеизмами, и кончая причудливой версткой. Издание религиозных еврейских книг имело определенную специфику. Иврит, на котором было написано большинство из них, допускал различие значений слов и грамматических форм. Поскольку в иврите каждой букве соответствовала та или иная цифра, ими зачастую зашифровывали определенное число. Существовала определенная традиция в выборе названий книг, своеобразная система цитирования, когда источник упоминался без указания автора, и т. д. Незнание этих особенностей приводило к курьезам и ошибкам, с которыми приходилось часто сталкиваться⁷.

В ряде мест республики еще сохранялась профессия *сейфера* – переписчика Торы. Рукописные пергаментные свитки *сефер-Тейры* (книги Торы) длиной до 60 м выполнялись на тонко выделанной по всем правилам *кашрута* (пригодности, дозволенности с религиозной точки зрения) телячьей коже. Для написания текстов Пятикнижия Моисея пользовались обычными чернилами и индюшиными, но не гусиными или металлическими перьями. На выполнение одного свитка требовалось не менее полугода, и стоил он дорого. В Лядах этим занимался Арон Эйдинов. В мастерстве каллиграфии ему могли позавидовать профессиональные художники. У Арона было много заказчиков из разных концов страны. С началом репрессий семья Эйдиновых покинула Белоруссию. Арон уехал в Воронеж, его брат Нохем – в Казань, Хацкель – в Симферополь, а Гирша призвали в Красную армию. После войны Арон с семьей переехал в Казань, купил дом, посещал *миньян* (группу для общественного богослужения) и продолжал тайно переписывать Тору, за что пострадал⁸.

⁷ А. Bick. “Jewish Religious Literature in the Soviet Union” // *Shvut*, № 1, 1973, pp. 48-61; Цалерий Зайчик. «Название еврейских религиозных книг» // Еврейская цивилизация, проблемы и исследования: Материалы конференции «Сэфер», Москва, 1998, с. 42.

⁸ Несмотря на свой отъезд из БССР, избежать ареста Эйдинову не удалось; после смерти Сталина он вернулся из лагеря и возобновил свои занятия; умер в 1965 г. в возрасте 73 лет; его внук Григорий стал профессиональным книжным графиком, оформившим более 200 книг, лауреатом Всесоюзного и Всероссийского конкурсов искусства книги, членом Союза художников России, за разработку нового герба России получил благодарность от президента Бориса Ельцина. См. *Мишпоха*, № 4, 1998, с. 7.

Отношение писателей-идишистов к иудейской традиции

Тема религии и национальных традиций нашла отражение в произведениях писателей-идишистов. Предвоенные репрессии обескровили секции Союза советских писателей Белоруссии, многих его членов обвинили в национализме и шовинизме. С началом войны уцелевшие писатели эвакуировались в тыл, ушли на фронт. В действующей армии оказались Арон Гурштейн, Меер Винер, Арон Кушников, Шмуль Годицер, Эзра Фининберг, Самуэль Росин, Яков Зельдин, Эммануил Казакевич, Тевье Ген, Илья Фалькович, Катер, Мойше Гольдштейн, Шимон Гольденберг, Йошуа Любомирский, Перец Маркиш, Борис Олевский, Арон Вергелис и др. Украинскую группу возглавили Ицик Фефер, Гершл Полянкер, Кашеватский и Хаскель Табачников. Из Львова к частям Красной армии присоединились Бомце, Исроэль Ашендорф. Из Белоруссии ушли на фронт Генах Шведик, Хаим Мальтинский, Мотл Грубиян, Зяма Телесин и др. Часть писателей погибли в боях: Арон Гурштейн, Меер Винер, Самуэль Росин, Мойше Гольдштейн, Шимон Гольденберг, Борис Олевский, Генах Шведик и др.⁹

В годы войны еврейская литература в целом носила оптимистический характер. Еврейские типографии, которые удалось эвакуировать, продолжили свою работу в тылу. Издательство «Эмес» только за первые три месяца войны выпустило книги 35 наименований общим тиражом 400 тыс. экз. Давид Бергельсон закончил памфлеты «Евреи в Отечественной войне» и «Евреи в борьбе против гитлеризма». Перец Маркиш издал сборник стихотворений «Смерть каннибалам», Лейб Квитко – «Огонь по врагу». Авторами стихотворений, рассказов и статей, вошедших в сборник «Битва за твою Родину», стали Иехесель Добрушин, Шахно Эпштейн, Меер Винер, Арон Кушников, Арон Гурштейн, Шмуэль Годицер, Исаак Нусинов, Бер Оршанский. Особый интерес представляет сборник рассказов выживших жертв нацистского террора в оккупированной Польше «Кровь зовет к отмщению», составленный Л. Квитко под редакцией Ш. Эпштейна¹⁰.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 8114, оп. 1, д. 1130, лл. 19-20.

¹⁰ Там же, ф. 8114, оп. 1, д. 1131, л. 487.

Холокост оказал сильнейшее воздействие на писателей-идишистов. Сотрудник МГБ Васильева, составляя справку по статье Л. Ленберт «Еврейские советские писатели и издатели в дни войны», написанной для газеты «Давар» («Слово», Тель-Авив), обращала на это особое внимание. В октябре 1946 г. Управление кадров ЦК ВКП(б) подготовило записку «О националистических и религиозно-мистических тенденциях в советской еврейской литературе», в которой говорилось, что, рассказывая о судьбах евреев, писатели выражали настроения глубокой скорби, трагической обреченности и мистики. Ицик Фефер в поэме «Я еврей» писал, что еврейский народ могуч и силен мудростью своих библейских пророков. Перец Маркиш призывал воина-еврея не разлучаться со своей винтовкой, «как с Библией твои не разлучались предки...» Религиозная символика была использована им в поэме «Война» и некоторых других произведениях. Шимон Гордон поместил историю подвига еврея-врача в рамки молитвы, которая совершается в синагоге при поминальной службе. Дер Нистер (Пинхас Каганович) в рассказе «Дедушка и внук» показал раввина и его внука – руководителя подпольной организации. У виселицы раввин отказался надругаться над значком Ленина, а внук – над Священным писанием. Рассказ изобилует духовными изречениями и молитвенными возгласами раввина. Давид Гофштейн в стихотворении «Библия» благословлял день, когда он взял в руки это «удивительное сказание». В его стихотворении «Весна» содержалось прямое утверждение Бога как высшей силы, руководящей миром. Безыдейными были названы властью стихотворения Д. Гофштейна «Пенициллин», пьеса М. Пинчевского «Я жду», Л. Кацовича «На новых местах» и др. Как ошибочные были задержаны цензурой стихотворения И. Фефера «Разве это значит быть другом?», Д. Гофштейна «Библия», «Весна», «День», Х. Моргентау «Я был в парке», М. Бродерзона «Нет такого мгновения», рассказы Ш. Гордона «Молящийся за упокой», Д. Бергельсона «Контрибуция». В тексты остальных произведений были внесены существенные исправления: «Варшавское гетто» Б. Марка, стихотворения А. Гольбштейна, Л. Талалаевского и др.¹¹

После войны тема Холокоста оказалась фактически под запретом. Нежелательным было придавать особое значение нацистской политике

¹¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 17, оп. 125, д.459, лл. 24-35.

геноцида именно еврейской части советского населения. Некоторые писатели в поиске выхода переносили географически место действия за пределы СССР, главным образом в Польшу: «Карбонес» «Жертвы» Дер Нистера, «Милхоме» («Война») Переца Маркиша, «Аф тойт ун аф лебен» («Вопрос жизни и смерти») – поэма, посвященная восстанию в Варшавском гетто Самуила Галкина. Касаться же не менее драматических событий в Белоруссии и на Украине не рекомендовалось¹².

В сентябре 1946 г. в Москве на общем городском собрании еврейских писателей приняли резолюцию, в которой отмечалось, что еврейской литературе необходимо освободиться от существенных недостатков, чтобы лучше служить партии, родине и народу. В числе подобных недостатков называли гипертрофию национального чувства, пессимистические настроения, безыдейность, идеализацию библейского прошлого евреев, злоупотребление образами еврейской мифологии¹³. Идишистам вменили в вину «выпячивание» страданий еврейского народа в годы войны, пропаганду национализма, сионизма и религиозных мотивов¹⁴.

Убийство Соломона Михоэлса в Минске в январе 1948 г. стало началом антиеврейской кампании в общегосударственном масштабе. В Москве, Киеве и Минске закрыли еврейские театры, отделения издательства «Дер Эмес» («Правда»)¹⁵. Были ликвидированы Еврейский антифашистский комитет и газета «Эйникайт» («Единство»), распущены объединения еврейских писателей и творческие союзы, закрыты альманахи «Геймланд» («Родина») и «Дер Штерн» («Звезда»). В 1949 г. арестовали весь цвет еврейской литературы. Репрессии получили продолжение в кампании по борьбе с «безродными космополитами». Еврейская культура была практически уничтожена. Исаак Нусинов и Дер Нистер умерли в тюрьме, а 12 августа 1952 г. расстреляли Переца Маркиша, Давида Гофштейна, Лейба Квитко, Ицика Фефера, Самуила Персова и Давида Бергельсона.

¹² А.В. Блюм. *Еврейский вопрос под советской цензурой, 1917-1991 гг.* Санкт-Петербург, 1996 г., с. 92.

¹³ См. Yad Vashem Archives (YVA), collection M-40/RCM-5.

¹⁴ А.В. Блюм. Указ. соч., с. 92.

¹⁵ Был арестован Лейб Израилевич Стронгин (1896–1968), директор издательства «Дер Эмес» с 1939 по 1949 г. Стронгин родился в Минске, где с 13 лет работал в типографии. В 1917 г. он вступил в партию, был участником гражданской войны, окончил Промышленную академию в Москве. Одним из пунктов обвинения против него было то, что он получил традиционное еврейское религиозное образование.

Попытки возобновить издания по иудаизму после войны. Календари

Далеко не все евреи, пережившие Катастрофу, вернулись на свои пепелища. Многие оказались рассеянными по разным концам страны, перебрались в большие города. Талмуд, Библия, Пятикнижие, молитвенники, любые другие книги на иврите и идише стали редкостью. Отсутствие их составляло для верующих большую проблему. Издание религиозной литературы, молитвенников, комментариев и толкований религиозных постановлений, произведений по истории иудаизма, календарей, изготовление свитков Торы, *тфилинов* (молитвенных охранных амулетов), *талесов* (молитвенных покрывал), *мезуз* (футляров с молитвенным свитком) не разрешались, а ввоз их из-за пределов Советского Союза был воспрещен. Книги, по которым молились после войны в трех синагогах Белоруссии, разрешенных властями (в Бобруйске, Минске и Калинковичах), главным образом сохранились у тех, кто вернулся из эвакуации. В обиходе оставались дореволюционные издания, сколько-то передали как подарок родственники из-за рубежа и туристы.

Так продолжалось до смерти Сталина в марте 1953 г., но только почти три года спустя режим согласился на незначительные послабления. После многочисленных обращений в 1956 г. раввин Соломон Шлифер из центральной Московской синагоги получил разрешение на выпуск десяти тысяч молитвенников «*Сидур ха-шалом*». Их изготовили полукустарным способом: фотографировали и искусно компоновали страницы старого издания. *Кадииш* (особая молитва) имел параллельный текст, набранный кириллицей. Еврейский алфавит прилагался к нему с пояснениями на русском языке, что при желании позволяло самостоятельно изучать иврит. На волне либерализма «оттепели» Н.С. Хрущева после XX съезда КПСС было обещано ежегодное переиздание сидура, а также выпуск хасидского молитвенника. «Сидур ха-шалом» разошелся очень быстро, его разослали в 76 городов Советского Союза от Бреста до Биробиджана¹⁶.

¹⁶ Salo Baron. *The Russian Jews under Tsars and Soviets*. New York, 1962, p. 340; B.Z. Goldberg, *Yidn in Ratn-Farband*. Tel Aviv, 1965, p. 142.

Большие затруднения у соблюдающих иудейскую традицию вызывало отсутствие календарей, которые раньше были неотъемлемой частью каждой еврейской семьи. Календарь помогал знать, когда отмечать тот или иной еврейский праздник, точное время наступления субботы и зажигания свечей, *йорцайт* (годовщину смерти родственников), дату *бар-мицвы* (религиозного совершеннолетия) и др. Кроме того, часы зажигания субботних и праздничных свечей отличались в зависимости от часового пояса. Если одним и тем же молитвенником или Пасхальной агадой можно было пользоваться ежегодно, то календарь нужно было составлять заново.

С 1922 по 1929 г. в Советском Союзе было издано 15 календарей, некоторые из них тиражами от 30 до 70 тыс. экз. Их быстро раскупали, а потом множили вручную, пересылая из города в город. Знающие вносили необходимые изменения. Начиная с 1930 г. выпуск календарей запретили, и в стране не нашлось типографии, которая согласилась бы их набрать. Получение календарей из-за границы было проблематичным, и приходилось переписывать их от руки¹⁷. В Борисове этим занимался бывший меламед Лейб Бенционович Чернин (1878–1941). Владелец богатой библиотеки по иудаике, знаток Торы и Библии, он изготавливал изящные и разнообразные кустарные календари, которые пользовались большим спросом¹⁸.

После войны изготовление календарей производилось кустарно. С каждым годом в них становилось все больше русского текста – названия праздников, постов и месяцев, различные пояснения и комментарии. Это диктовалось жизненной необходимостью. Запрет еврейской школы, других учебных заведений и курсов на идише, ликвидация книгоиздательства и периодической печати, роспуск творческих союзов и запрет изучать еврейскую историю приводили к утрате

¹⁷ В еврейском календаре начало и продолжительность месяцев основаны на смене лунных фаз. Лунный год короче солнечного на 11 дней, и еврейский календарь преодолевает это расхождение, прибавляя дополнительный месяц к каждому году, когда накапливается 30 дней разницы. Простые и високосные годы в зависимости от своей продолжительности делятся на недостаточные, обычные и полные. Строгие циклы последовательности лет отсутствуют, поэтому для сопоставления дат григорианского и еврейского календарей пользуются специальными сравнительными таблицами.

¹⁸ А. Розенблюм. *Память на крови. Евреи в истории Борисова*. Петах-Тиква, 1998 г., с. 177.

языка. Идиш помнили только люди старшего и преклонного возраста, а молодые не знали даже еврейского алфавита. В календарях в русской транслитерации приводили не только кадиш, но и простейшие *брахот* (благословения), которые раньше знал наизусть любой еврейский ребенок.

Переписчиков календарей высмеивали как носителей пережитков, а милиция штрафовала изготовителей как незаконных предпринимателей. В Витебске, Гомеле, Могилеве, Полоцке, Пинске и Бобруйске партийные комитеты говорили о еврейских календарях как о продукте «грязной» инсинуации буржуазных идеологов, фальсифицирующих историю. Абсурдность этих обвинений состояла в том, что календари не упоминали большевистскую революцию, не содержали сведений о советских и международных праздниках¹⁹. Составителей упрекали в том, что они «скрывали» связи Израиля с Западной Германией, «замалчивали» решения международного трибунала в Нюрнберге и т. д. Только двум еврейским общинам в Советском Союзе (московской и ленинградской) в разовом порядке разрешили издать еврейские календари на 5717 (1956/1957) и на 5718 г. (1957/1958)²⁰.

Пытаясь объяснить свое нежелание выпускать календари, власти ссылались на непреодолимые технические трудности, сложность алфавита иврита и идиша, ограниченные финансовые возможности. В то же время они отказывались от предлагаемой им безвозмездной поддержки. «Американский еврейский комитет по оказанию помощи в восстановлении Белоруссии» (American Jewish Committee to aid Belorussian Rehabilitation), объединявший более 700 землячеств, сообщал в июле 1947 г., что в США проживает около 1 млн евреев, выходцев из Белоруссии. В благодарность за все, что СССР сделал для разгрома Германии и уничтожения нацизма, Комитет объявил сбор средств для устройства больниц, детских домов и еврейской типографии. С аналогичным предложением обращались американские землячества выходцев из Барановичей, Бреста, Гомеля, Мозыря и других городов. В августе 1947 г. помощь в организации типографий на идише

¹⁹ *Jewish Religion in the Soviet Union* / By Joshua Rothenberg. New York, 1971, pp. 130-137.

²⁰ В Советском Союзе 7 ноября отмечали годовщину Октябрьской революции, 5 декабря – День сталинской Конституции (1936 г.), 8 марта – Международный женский день, 1 мая – День международной солидарности трудящихся, 9 мая – годовщину победы над Германией.

предлагал «Еврейский братский орден», который сотрудничал в СССР через свои федеративные землячества. Они включали в себя Белорусское, Украинское, Бессарабское, Литовское, Латвийское и несколько тысяч групповых землячеств. Все они, и особенно Киевское, Одесское, Бердичевское, Кишиневское, Рижское, Таллинское, Саратовское, Минское, Мозырское, Борисовское, Пинское и другие, хотели установить непосредственную связь со своими родными городами. Непременным пунктом этой помощи было содействие еврейским общинам и синагогам, обеспечение их литературой и ритуальными принадлежностями. В октябре 1947 г. «Американский еврейский Совет по делам содействия восстановлению Советской России» сообщал о больших трудностях в поддержании контактов с СССР. В пример приводились Мозырское и Борисовское землячества, откуда давно не было сведений. Совет беспокоился, получены ли высланные им помощь и подарки, в каком состоянии находятся местные еврейские общины, работают ли синагоги.

В ноябре 1947 г. на безуспешность попыток установить контакты с еврейской общиной Гомеля жаловались из организаций “United Jewish Appeal”, “Gomler Brothers' Society”, “United Gomler Relief”. В апреле 1948 г. в Еврейский антифашистский комитет в СССР обратились сотрудники Еврейского университета в Иерусалиме с просьбой оказать содействие в получении сведений о статистике, демографии, культурной и религиозной жизни России, Украины и Белоруссии. В свою очередь они обещали прислать литературу на иврите²¹. Все названные обращения остались либо без ответа, либо на них получили неопределенные или двусмысленные отписки. Советская сторона не была заинтересована в установлении международных связей с еврейскими организациями и оживлении религиозной жизни. Еврейские общины в союзных республиках, особенно в Белоруссии, разрушенной войной, представлялись режиму умирающими и бесперспективными.

Гонения и преследования

Любые попытки несанкционированных изданий, которые время от времени предпринимались отдельными смельчаками, подавлялись. Натан Забара из Рогачева (1908–1975) был арестован в 1950 г. по обвинению в еврейском национализме и отправлен на каторжные

²¹ ГАРФ, ф. 8114, оп. 1, д. 843, лл. 91, 94-95, 103, 129-131, 234-237.

работы на Колыму. За изучение и распространение иврита арестовали специалиста по еврейской филологии и иудаизму Бенямина Блюм-Махлина (1900–1976) и Рахель Махлину (1892–1979), уроженцев Бобруйска²². В этом отношении уникален пример Исаака Каганова (1904–1978) из г. Горки Могилевской области. В 1947 г. при помощи *Танаха* (Священного писания) и словаря иврита дореволюционного издания он взялся за сочинение автобиографического романа «Под хмурыми небесами». В Москве Каганов встретился с Цви Прейгерзоном и Моше Абрамсоном (Григорием Плоткиным), с которыми в 1926 г. он участвовал в выпуске литературного альманаха «Берешит». При попытке переправить первые главы романа для издания в Палестине все трое были арестованы. Каганова арестовали в Симферополе в сентябре 1948 г. и в кандалах отправили в Москву. В январе 1950 г. его приговорили к десяти годам лагерей за антисоветскую деятельность и принадлежность к сионистской организации²³.

Пока шло следствие, Каганов в уме составил ивритско-русский словарь на 12 тыс. слов. В заключении он написал первые десять стихотворений, заложивших основу целого тома стихотворений «Гласом *шофара*», насчитывающего 480 произведений на иврите. Они были созданы без карандаша, пера и бумаги, сохранившись в память благодаря повседневному повторению в уме. Первую книгу стихов Исаак составил в декабре 1949 г. в тюрьме Лефортово (Москва), вторую и третью книги – в октябре и ноябре 1950 г. в Песчаном лагере (Караганда), четвертую – в апреле и мае 1953 г. во внутренней тюрьме Караганды. Там же он задумал новое прозаическое произведение на иврите «Учение о сокровенном». Каганов примкнул к группе заключенных, которая готовила восстание в лагере, но был арестован. Ему удалось убедить следователей, что рукописи (которых не было) он сжег в котельной. В октябре 1953 г. Военный трибунал приговорил поэта к

²² Супруги Махлины были освобождены из лагеря в 1955 г., но полностью реабилитированы только в 1963 г. При репатриации в Израиль в 1969 г. власти запретили им взять с собой рукописи, которые сохранил и переправил в Израиль Авраам Белов (Элинсон).

²³ Составители «Берешит» хотели сделать альманах периодическим изданием всех прокоммунистических литераторов страны, но им не удалось опубликовать даже второй номер. «Берешит» печатался в Берлине и вышел с сотнями опечаток. В СССР разрешили доставить только 300 экз. В борьбе с евсекцией группа «Берешит» распалась.

смертной казни, которая была заменена 25 годами каторги. В 1955 г. Каганова освободили по инвалидности, он записал стихи (10 тыс. строк) в крохотные, размером со спичечный коробок, блокноты и вынес их на волю. В 1976 г. семья Кагановых репатриировалась в Израиль. Профессор Дов Садан, готовя отзыв для издательства «Мосад» на рукопись книги Каганова, определил ее как классическую картину еврейского мира. Последним произведением писателя стала его автобиографическая повесть на иврите «Скрытыми тропами», которая ждет своего издания.

В январе 1949 г. арестовали учителя Мордехая Лапана (1897–1981) из Пинска. Это был его пятый арест по обвинению в сионистской и националистической деятельности. Лапана приговорили к вечной ссылке в Барабинскую степь в Восточной Сибири. Через год после смерти Сталина его освободили, а в августе 1956 г. Верховный суд Белорусской ССР полностью реабилитировал учителя. Лапан переехал в Ленинград, где регулярно посещал хоральную синагогу, вновь преподавал иврит, еврейскую историю и традицию. Дом Лапана стал популярным центром для отказников и желающих изучать иврит и Библию, приобщиться к иудаизму. Среди его учеников были Юлия Дымшиц, дочь летчика Марка Дымшица, осужденного на процессе «угонщиков самолета», известная шахматистка Любовь Кристал, инженер-химик, а впоследствии заместитель мэра Иерусалима Лариса Герштейн, врач-психиатр Арье Левитин и др.

Политика советского правительства отличалась в зависимости от того, к какой конфессии принадлежали верующие. Тотальный запрет не имел отношения к православной и католической церквям. В 1956 г. Московскому патриархату русской православной церкви разрешили издать полный перевод Библии в количестве 50 тыс. экз. В 1957 г. баптистский вариант Библии был напечатан тиражом 10 тыс. В дополнение к этому ежемесячно начал выходить «Журнал Московской патриархии» (80 страниц) тиражом от 15 до 25 тыс. экз., а во Львове на украинском языке – «Православный Вестник» тиражом 3 тыс. экз. Армянская церковь в 1956 г. получила разрешение установить типографское оборудование, полученное из США. Даже немецким лютеранам, сосланным в Сибирь, позволили получать по почте Евангелие и Катехизис. В 1948 г. советские мусульмане легально смогли издать Коран, в 1957 г. вышла книга «Исламское богослу-

жение» под редакцией главы мусульман Евразии и Сибири на татарском и арабском языках, а в 1958 г. Совет мусульман Центральной Азии и Казахстана добился публикации 12-страничного календаря на узбекском и арабском языках тиражом 10 тыс. экз.²⁴

Усиление давления на рубеже 1950–1960-х гг.

В конце 1950-х гг. ситуация осложнилась еще больше. 4 октября 1958 г. ЦК КПСС принял постановление «О записке Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”». Все проекты переиздания сидура, ставшего к тому времени раритетом и предметом спекуляции (за него платили 1000 руб.), были отложены. В ряде мест нехватка сидуров приводила к тому, что верующие выпрашивали молитвенники у посещавших синагоги иностранцев. Раввин И. Левин обратился в Совет по делам религиозных культов с письмом, в котором подчеркивалась нетерпимость сложившейся ситуации с нехваткой религиозной литературы, по его мнению, имеющей «отрицательные пропагандистские последствия». Возможно, поэтому ускорилось принятие новой инструкции Главлита «О порядке ввоза религиозной литературы» (1959 г.) во избежание легального поступления в СССР молитвенников, календарей и другой религиозной литературы из-за границы. Инструкция содержала специальное обращение к иностранным гражданам воздерживаться от раздачи печатных изданий религиозного содержания при встречах с верующими и посещении молитвенных заведений²⁵. ЦК КПСС рекомендовал Госполитиздату, редакции журнала «Наука и религия», центральным и местным органам печати раскрывать националистический характер еврейской религиозной литературы. Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний

²⁴ *Religion in the Soviet Union* / By Walter Kolarz. London, 1961, pp. 94, 173; *Братский вестник*, 1958, № 1, с. 33; Josef Schechtman, *Star in Eclipse*. New York, 1961, p. 126; *Judaism in the Soviet Union: A Second Class Religion?* / By Joshua Rothenberg, Brandeis University, 1971, p. 19.

²⁵ С. Чарный. «Издание еврейской религиозной литературы в период “оттепели”»: Материалы 7-й ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Москва, 2000, с. 155.

было поручено подвергнуть критике иудаизм, сионизм и подрыв дружбы народов СССР²⁶.

В сентябре 1959 г. отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС распространил на союзные республики, включая Белоруссию, вердикт КГБ Украинской ССР о содержании еврейских молитвенников, Торы и другой религиозной литературы. Экспертизе КГБ были подвергнуты Тора, Танах, Талмуд, молитвенники *«Сидур ха-шалом»*, *«Кол-бэй»*, *«Махзор»*, *«Тфилес Исроэл»*, *«Ам Исроэл»*, *«Меирас эйнаим»*, *«Тфилат ха-ходеш»*, *«Дерех ха-хаим»* и др.²⁷ В документе подчеркивалось, что еврейская религиозная литература, проникнутая духом воинствующего национализма и «духовного расизма», вбивает клин между социалистическими нациями и толкает верующих евреев на путь антипатриотизма. При этом уточнялось, что евреи СССР связаны с заокеанскими и израильскими капиталистами еврейского происхождения и в большой мере подвержены их влиянию. Выражалось беспокойство тем, что читающие Тору, книги Пророков, молитвенники и соблюдающие еврейскую традицию считают материализм и атеизм «ересью» на том основании, что они не соответствуют догмам иудаизма. «Сидур ха-шалом» был назван самым реакционным молитвенником за последние сто лет, а молитвы *«Алейну»*²⁸ и *«Кол нидрей»*²⁹, помещенные в нем, якобы открыто проповедуют сионизм, еврейскую исключительность, превосходство и конечное господство евреев во всем мире. В действительности молитвенник «Сидур ха-шалом» был напечатан в соответствии с принятыми канонами и не содержал в себе ничего предосудительного³⁰.

Запреты и ограничения коснулись и еврейских календарей.

²⁶ Центр хранения современной документации Комитета по делам архивов при правительстве Российской Федерации. (Москва), ф. 5, оп. 33, д. 127, лл.31-37.

²⁷ *Еврейская эмиграция в свете новых документов* / Под ред. Бориса Морозова. Тель-Авив, 1998 г., с. 36-38.

²⁸ *«Алейну»* («Нам надлежит», иврит) – молитва, которую читают по окончании каждой ежедневной, субботней или праздничной службы, она включена во все молитвенники.

²⁹ *«Кол нидрей»* (букв. «Все обеты») – провозглашение отказа от обетов и клятв происходит один раз в году в Йом Кипур, что в глазах властей служило доказательством неблагонадежности любой присяги, приносимой евреями.

³⁰ A. Greenbaum. "Rabbi Shlomo (Solomon) Shlifer and Jewish Religious Life in the Soviet Union, 1943–1957" // *Shvut*, № 8 (24), 1999, Tel Aviv University, pp.124-132.

В 1960–1961 гг. в два раза был сокращен тираж *луаха* (календаря) – с 10 до 5 тыс. экз., а затем и до 3 тыс. в Москве и 1 тыс. в Ленинграде. Из него были исключены молитвы и алфавит иврита. В 1961 г. из сидура исключили молитву за мир, молитву за советское правительство, а также места, где, по мнению чиновников, говорилось о «превосходстве» Израиля.

В 1964 г. правлению синагоги в Марьиной Роще (Москва) было отказано «за ненадобностью» выпустить трактат Н. Олевского об *агунах* (соломенных вдовах). Его планировалось распространить не только в городах Российской Федерации, но и Белоруссии, Украины, Прибалтики и Молдавии. Эти действия властей расценили на Западе и в Израиле как неприкрытое давление на верующих и отсутствие свободы вероисповедания. Совет по делам религиозных культов выражал опасение, что отказ напечатать сидур будет использован «буржуазной пропагандой» как доказательство гонений на иудаизм. В связи с этим 10 января 1965 г. СДРК направил в ЦК КПСС просьбу о переиздании сидура в качестве «контрпропагандистской акции». Расходы на издание молитвенника возлагались на еврейские религиозные общества Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси и Минска. Этот шаг стал возможен после некоторой паузы, возникшей в результате смены партийного и государственного руководства в стране в ноябре 1964 г. Недостатки и просчеты объявили результатом волюнтаризма Н.С. Хрущева, хотя вскоре все вернулось «на круги своя».

Таким образом, в Белоруссии, как и в Советском Союзе в целом, еврейские верующие не имели права издавать религиозную литературу. По сравнению с другими конфессиями неравное положение еврейских верующих было очевидно, и режим даже не пытался это отрицать. Единственным оправданием служили утверждения о незначительном количестве верующих, посещавших синагоги и миньяны, их преклонном возрасте, незнании молодым поколением иврита и идиша. За годы советской власти отношение к иудаизму пережило несколько этапов: от ограничений и косвенных препятствий (1921–1929 гг.), тотального наступления и репрессий (1929–1938 гг.), временного затишья после принятия сталинской Конституции и начала войны в Европе (1939–1941 гг.). Агрессия Германии против СССР и Холокост на его территории привели к уничтожению большей части советских евреев и сделали соблюдение еврейской традиции почти невозможным. Сразу после войны (1946–1948 гг.) появились иллюзии возрождения духовной

жизни, допускались регистрация общин и открытие некоторого количества синагог. Однако на смену этому быстро пришли мрачные, беспросветные для советских евреев годы клеветы и преследований (1949–1953 гг.). Кампанию борьбы с космополитизмом и «дело врачей» остановила смерть Сталина, но его преемники не отказались от политики государственного антисемитизма. Они только видоизменили ее, сделав менее откровенной, в 1954–1964 гг. относительная либерализация советского общества не коснулась иудаизма. Все это подтверждало существование общей «генеральной линии», которая не оставляла места синагоге в новом социалистическом обществе.

Выпуск еврейской религиозной литературы, книг по еврейской традиции, молитвенников, календарей, любых других изданий на иврите, изготовление предметов культа оставались запрещенными по идеологическим причинам. В еврейской обрядности режим видел угрозу себе. Меры противодействия были заранее продуманы, хотя на местах могли носить и стихийный характер: оскорбление чувств верующих, хранение священных книг в непригодных условиях, умышленная порча и открытое уничтожение религиозных изданий. Власть преследовала цель лишить еврейских трудящихся духовного «опиума», «оков» старой жизни и включить их в борьбу за светлое будущее вместе с другими народами СССР. Общая политика национального нигилизма режима оказалась наиболее пагубной для евреев. После ликвидации национальной школы и творческих союзов, фактического запрета языка идиш, религия осталась единственным хранилищем еврейской традиции. Каток ассимиляции, принявший особое ускорение в послевоенный период, должен был навсегда подмять иудаизм. В результате еврейская духовная жизнь на долгие годы была заморожена в ожидании лучших времен, которые наступили только с распадом Советского Союза.

Опубликовано:

Л. Смиловицкий. «Издание религиозной еврейской литературы в Советском Союзе на примере Белоруссии, 1921–1961 гг.» // *Беларусь у XX стагоддзі*. Вып. 2, Минск 2003 г., с. 301-309.

ОТ ПОБЕДЫ НАД ГЕРМАНИЕЙ ДО СМЕРТИ ВЕЛИКОГО КОРМЧЕГО (1945–1953 гг.).

Евреи Беларуси в первое послевоенное десятилетие

В результате Второй мировой войны произошли необратимые изменения в демографической структуре населения Белоруссии. В июле 1944 г., когда территория республики была освобождена, ее общее население составило 6 млн 293 тыс. 600 чел. по сравнению с 10 млн 528 тыс. чел. в мае 1941 г.¹ По официальным данным, потери населения, включая тех, кто погиб в ходе боевых действий и акций по уничтожению мирного населения, умер от ран, голода и болезней, составили 2 млн 200 тыс. чел.² По другим сведениям, людские потери в БССР составили около 3 млн чел.³ Нацистский геноцид в первую очередь был направлен против евреев⁴.

Существуют различные оценки числа евреев, погибших на оккупированной немцами территории Белоруссии. М. Гилберт считает, что

¹ Статистический справочник состояния народного хозяйства и культуры БССР к началу Великой Отечественной войны / СНК БССР. Москва, 1943 г., с. 25.

² Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР, 15–29 января 1946 г. Минск, 1947 г., с. 461.

³ С. Польскі, С. Мацёнін. «Цана перамогі» // *Літаратура і мастацтва*, 6 ліпеня 1990 г.

⁴ Sh. Cholawski. *The Jews of Belorussia During World War II*. Amsterdam, 1998, pp. 35-37; Д. Романовский. «Сколько евреев погибло в промышленных районах Восточной Белоруссии в начале немецкой оккупации (июль – декабрь 1941 г.)?» // *Вестник Еврейского университета*, № 4 (22), 2000 г., с. 151.

погибло 245 тыс. евреев⁵, Р. Черноглазова – 376 тыс. 851 чел.⁶, В. Адамушко – 455 тыс. 100 чел.⁷, А. Багрович – 500 тыс. чел.⁸, Д. Мельцер и В. Левин – 700 тыс. 390 чел.⁹, А. Лейзеров – 800 тыс. чел.¹⁰, Э. Иоффе – 811 тыс. чел.¹¹, Р. Хилберг – 1 млн чел.¹² Все эти оценки не учитывают евреев, мобилизованных и вступивших добровольно в Красную армию и погибших на фронте. Всего в армии служили 110 тыс. евреев Белоруссии¹³. Из общего количества сражавшихся с нацистами полумиллиона советских солдат и офицеров – евреев погибло 216 тыс. чел. По подсчетам Э. Иоффе, 48 тыс. из них составили выходцы из БССР¹⁴. На наш взгляд, правомерно говорить о более чем 700 тыс. евреев, убитых в годы войны. Почти полностью было уничтожено еврейское население Западной Белоруссии. Кроме убыли за счет погибших, численность евреев Белоруссии после освобождения уменьшилась и потому, что многие довоенные жители решили не возвращаться домой и осели в местах эвакуации или переехали в другие районы СССР: Сибирь, Урал, Среднюю Азию, Украину, Прибалтику – туда, где была работа, другие остались в армии.

В 1945–1947 гг. тысячи евреев покинули территорию Белоруссии в качестве бывших польских граждан или вместе с бывшими польскими гражданами. Это стало возможным в результате соглашения между

⁵ M. Gilbert. *Atlas of the Holocaust*. London, 1982, p. 244.

⁶ Р. Черноглазова. *Трагедия евреев Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, 1941–1944 гг.*: Сб. материалов и документов. Изд. 2-е, Минск, 1997 г., с. 127-137.

⁷ *Handbuch der Haftstätten für Zivilbevölkerung auf dem besetzten Territorium von Belarus 1941–1944* // Verfasser: W.I. Adamushko u.a. Minsk, 2001, s. 86-146.

⁸ А. Багрович. *Жыхарства Беларускай ССР у святле перапісу 1959 г.* Нью-Ёрк–Мюнхен, 1962 г., с. 65.

⁹ В. Левин, Д. Мельцер. *Черная книга с красными страницами. Трагедия и героизм евреев Белоруссии*. Балтимор, 1996 г., с. 90-94.

¹⁰ А. Лейзеров. «Двуликая правда. Геноцид евреев на Беларуси в свете советской пропаганды» // *Мишпоха*, № 3, 1997 г., с. 79.

¹¹ Э. Иофе. «Колькі ж яўрэяў загінула на беларускай зямлі ў 1941–1944 гг.?» // *Беларускі гістарычны часопіс*, № 4, 1997 г., с. 52.

¹² R. Hilberg. *The Destruction of European Jews*. New York, 1961, p. 767.

¹³ Э. Иоффе. «Сопротивление в Белоруссии» // *Очерки еврейского героизма*. Киев, 1997 г., Т. III, с. 466.

¹⁴ Там же, с. 462.

правительством Белорусской ССР и Польским комитетом национального освобождения об эвакуации белорусского населения с территории Польши и польских граждан с территории БССР, подписанном в Люблине 9 сентября 1944 г. Дополнительный протокол к этому соглашению, подписанный в Варшаве 25 ноября 1945 г., продлил первоначальный срок эвакуации до 15 января 1946 г. Заявления на выезд принимали у людей, которые могли доказать, что до 17 сентября 1939 г. они являлись польскими гражданами. Тем, кому выдали разрешение на выезд, предоставлялось право взять с собой семьи: жену, детей, мать, отца, внуков, питомцев и воспитанников и других домочадцев, которые вели совместное хозяйство с получившими разрешение. Таким образом, покинуть пределы Советского Союза в принципе могли и люди, не имевшие польского гражданства, что и было использовано частью советских евреев. В итоге в этот период западную границу Советского Союза в сторону Польши пересекли 85 тыс. евреев, 120 тыс. поляков и 469 тыс. этнических белорусов¹⁵. Многие евреи, оказавшиеся в Польше, вскоре уехали в Израиль.

В 1947–1949 гг. в Калининградскую область из БССР переехали 2 тыс. 494 чел., а в 1950 г. – 2 тыс. 324 чел.¹⁶ Среди них много еврейских семей, искавших жилье или работу. Одних привлекли существенными льготами, других отправили принудительно в качестве так называемого «организованного набора рабочей силы». Тысячи людей были направлены из Белоруссии в Карело-Финскую ССР, Архангельскую, Томскую, Тюменскую, Иркутскую, Челябинскую, Молотовскую (ныне Пермскую), Сахалинскую и другие области, Красноярский, Алтайский и Приморский края Российской Федерации. Всего с 1947 по 1953 г. сюда выехало из БССР 89 тыс. 936 чел.¹⁷

В 1954–1956 гг. фактически принудительное переселение продолжалось – людей из Белоруссии направляли в Северный Казах-

¹⁵ Mikola Volacic. “The Population of Western Belorussia and its Resettlements in Poland and the USSR” // *Belorussian Review*, No 3, Munich: Institute for the Study of the USSR, 1956, p. 26.

¹⁶ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ), ф. 5675, оп.1, д. 678, ч. 1, л. 170.

¹⁷ Там же.

стан и другие республики Средней Азии на освоение целинных и залежных земель. Преимущественно это были несемейная молодежь и молодые бездетные пары, демобилизованные военнослужащие, студенты или молодые специалисты, которых власти увлекли романтикой «покорения новых просторов» или направили «по распределению». Известную часть среди них составляли молодые евреи, которые пережили Катастрофу. В своем большинстве эти люди уже не вернулись в республику¹⁸.

Имела место также и внутренняя миграция населения из разрушенных районов Белоруссии в относительно благополучные западные области. В 1944–1946 гг., спасаясь от неурожая и голода, тысячи семей из Гомельской области переехали в Пинскую область¹⁹. Среди них были и евреи, которые, возвратившись из эвакуации, не захотели жить там, где были уничтожены их близкие, нередко при участии местного населения. Процент евреев среди нового пополнения призывников был гораздо ниже, чем среди демобилизованных, и даже ниже, чем процент евреев призывного возраста. Дело в том, что в эвакуации еврейские дети продолжали ходить в школу, тогда как их нееврейские сверстники на оккупированной территории систематически не учились. В результате в 1944–1945 гг. значительная часть еврейской молодежи поступила в средние специальные и высшие учебные заведения, получив отсрочку от действительной воинской службы. Дети неевреев, наоборот, к 18 годам имели за плечами только 5–6, в лучшем случае 8 классов образования, и поэтому в большинстве своем были призваны в армию.

К 1953 г. численность населения БССР достигла 7 млн 693 тыс. 400 чел. благодаря увеличению рождаемости, возврату части населения из эвакуации, за счет военнослужащих, демобилизовавшихся из Советской армии и Военно-морского флота, рабочих и специалистов, направленных на работу из других союзных республик, репатриантов из Германии и других стран Европы. В целом о количестве еврейского населения БССР в конце 1940 – начале 1950-х гг. судить трудно,

¹⁸ *Genocide in the USSR* / Institute for the Study of the USSR. Munich, 1958, p. 87.

¹⁹ РГАСПИ, ф.17, оп. 88, д.718, лл. 4, 20, 24.

поскольку специальная статистика не велась. Однако, согласно первой послевоенной всесоюзной переписи 1959 г., в БССР среди общего населения 8 млн 46 тыс. 700 чел. насчитывалось 150 тыс. 100 евреев²⁰, следовательно, можно предположить, что к 1953 г. евреев в республике было примерно 140 тыс. чел.

Катастрофа привела к утрате почти 80% еврейского населения республики. Евреи, ранее устойчиво занимавшие в БССР второе по численности место после белорусов, навсегда уступили его русским. Евреи перестали проживать компактно, усилились процессы миграции, ослаб интерес к идишу, возросло количество браков с неевреями. При этом последствия Холокоста обострили национальное самосознание многих евреев. Изменилась и политика властей Белоруссии в отношении разных народов. Дискриминация коснулась евреев, как и поляков. Атрибуты национальной жизни были оставлены только белорусам как коренному этносу. По сути же и эти атрибуты оказались формальными, и в действительности в Белоруссии широко распространилась политика русификации всего населения.

Евреи в структурах власти

Сразу после окончания войны государственный антисемитизм в Белоруссии был умеренным. При подборе кадров в структуры управления нижнего и среднего звена еврейское происхождение кандидата не являлось существенным препятствием. В 1945 г. доля евреев в партийном и советском руководстве областей республики равнялась 2,9%, среди руководящих работников²¹ областных комитетов – 8,1%, среди работников ЦК КП(б)Б – 8,0%, а в числе руководителей хозяйственных организаций на республиканском уровне – 10,2%²². О том, как евреи были представлены в руководстве БССР во второй

²⁰ *Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Белорусская ССР.* Москва, 1963 г., с. 124-132.

²¹ Под категорией «руководящие кадры» имеются в виду не только партийные и государственные чиновники, но и управляющие отделениями Госбанка, директора учебных заведений, начальники отделов народного образования и здравоохранения, директора предприятий и учреждений.

²² НАРБ, ф. 4, оп. 109, д. 5, лл. 35-37.

половине 1940-х гг. по сравнению с другими национальностями, можно судить по следующим данным:

Таблица 1

**Национальный состав руководящих кадров в БССР
в 1944–1949 гг.**

Год	Всего	Белорусы	Русские	Украинцы	Евреи	
					кол-во	%
1946	4 569	2 818	1 229	174	279	6,1
1948	4 605	2 879	1 172	192	299	6,49
1949	4 420	2 748	1 185	247	240	5,42

Составлено по: НАРБ, ф. 4, оп. 109, д. 5, л. 35; д. 13, л. 2; оп. 29, д. 539, л. 24.

Приведенные данные показывают, что в тот период евреи играли заметную роль во многих областях экономики, просвещения, научно-исследовательской работы и искусства БССР. Однако уже тогда началось поэтапное отстранение их от ключевых должностей, затруднялось выдвижение на ответственные посты. Среди председателей областных и городских исполкомов количество евреев было мизерным. В 1944–1945 гг. в десяти из двенадцати областей республики из 161 председателя горисполкома – только два еврея, правда, в исполкомах Минска и Могилева. В 1946–1949 гг. среди председателей районных, городских и областных исполкомов Советов республики уже не осталось ни одного еврея²³.

Желающие сделать карьеру должны были вступать в Коммунистическую партию. Перед войной в КП(б)Б состояли представители 52 национальностей, среди которых евреи занимали второе место (21,6%) после белорусов, хотя их доля в общем населении БССР равнялась 8%. За годы войны число коммунистов резко сократилось,

²³ НАРБ, ф. 4, оп. 109, д. 1, лл. 87-96, д. 5, л. 51.

причем процент евреев резко снизился, что подтверждается следующими данными:

Таблица 2

**Национальный состав
Коммунистической партии Белоруссии в 1941–1945 гг.**

Дата	Всего	Белорусы	Русские	Украинцы	Поляки	Другие	Евреи	
							кол-во	%
янв. 1941	2 177	39 573	12 606	2 557	867	1 002	15 572	21,6
янв. 1945	9 515	13 726	10 885	1 502	115	585	2 702	9,2

Составлено по: *Коммунистическая партия Белоруссии в цифрах, 1918–1978 гг.* Минск, 1978 г., с. 102-103; *Страницы истории Компартии Белоруссии: Суждения, аргументы и факты* / Под ред. Р.П. Платонова. Минск, 1990 г., с. 285.

Общее сокращение рядов КП(б)Б за годы войны составило 41%. К январю 1945 г. в республиканской партийной организации белорусов стало меньше (46,5%) по сравнению с 1941 г. (54,8%), хотя они по-прежнему преобладали. Немного повысился процент украинцев – 5,0% вместо 3,5%, в три раза уменьшилась доля поляков – с 1,2 до 0,4%. Что касается евреев, то их доля в Компартии Белоруссии уменьшилась в 2,3 раза – с 21,6 до 9,2%. Они уступили второе место русским и переместились на третье. Стремительное сокращение численности евреев в партии произошло, главным образом, вследствие нацистского геноцида. Разница была бы еще более ощутимой, если бы многие евреи не вступили бы в партию в действующей армии, в партизанских отрядах и в тылу²⁴. В ЦК Компартии Белоруссии в 1944–1949 гг.

²⁴ А.Т. Лейзеров. «Национальный состав партийного, государственного, хозяйственного аппарата в Белоруссии в 1920–1950 гг.» // *Актуальные проблемы*

количество евреев оставалось неизменным: пять человек в 1944–1945 гг. (2 из 8 заместителей заведующих отделами ЦК, 1 из 22 заведующих секторами ЦК и 2 из 81 инструктора ЦК); пять евреев из 62 членов ЦК в 1946 г. и 5 из 54 – в 1949 г. Вместе с тем евреев уже не назначали на должности секретарей городских комитетов партии и первых секретарей райкомов комсомола Белоруссии. В список кандидатов, рекомендуемых на учебу в Республиканскую высшую партийную школу при ЦК КП(б)Б набора 1949 г., не был включен ни один еврей.²⁵

Участие евреев в восстановлении экономики БССР

Оккупация причинила Белоруссии огромный материальный ущерб, который оценивался в 75 млрд руб., что в 35 раз превышало бюджет республики 1940 г. Восстановление экономики проходило в тяжелых условиях. Несмотря на то, что в 1945 г. в БССР удалось произвести промышленной продукции в 3,7 раза больше, чем в 1944 г., по сравнению с 1940 г. это составляло только 20,4%. Евреи активно включились в процесс восстановления хозяйства республики. Благодаря своим знаниям, образованию, опыту и организаторским способностям они оставались востребованными во многих отраслях экономики. В составе инженерно-технических служб республики евреи были представлены следующим образом:

Таблица 3

Национальный состав инженерно-технических работников в Белорусской ССР в 1946–1949 гг., %

Год	Белорусы	Русские	Украинцы	Евреи	Другие
1946	42,5	36,5	1,3	17,9	1,8
1949	48,0	29,0	6,0	15,5	1,5

Составлено по: НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 539, лл. 50–51.

государства и права: Науч. тр. Белорусского гос. ун-та. Вып. 4. Минск, 1994 г., с. 104–105; НАРБ, ф. 4, оп. 109, д. 1, лл. 1–4, 87–96; д. 5, лл. 7–10, 35; д. 13, л. 3, 18.

²⁵ НАРБ, ф. 1, оп. 22, д. 15, л. 200.

Увеличение общей доли белорусов за счет представителей других национальностей объяснялось, с одной стороны, политикой выдвижения кадров из состава титульной нации, а с другой – ростом количества выпускников средних школ из числа белорусской молодежи. Дети неевреев, в своем большинстве не получавшие систематического образования в годы оккупации, возобновили учебу, получили аттестаты зрелости и стали абитуриентами вузов. К концу 1940-х гг. они потеснили еврейскую молодежь.

Евреи были заняты в здравоохранении, народном образовании, культуре, науке и искусстве. О национальном составе кадров научных и культурных учреждений БССР в 1947 г. можно судить по следующим показателям: белорусы – 59%, русские – 21%, евреи – 16%, украинцы – 3%. Национальный состав работников печати и издательств выглядел следующим образом: белорусы – 53%, русские – 27%, евреи – 23% и другие национальности – 1,4%²⁶.

Степень участия евреев в руководстве финансами, сельским хозяйством, средствами массовой информации, образованием, здравоохранением, в надзоре за соблюдением законности в 1944–1950 гг. была наиболее заметна на районном и городском уровне (см. табл. 4). Они нередко заведовали отделами сельского хозяйства и торговли исполкомов местных районных и городских Советов. Евреи довольно часто возглавляли районные и городские (реже областные) отделы народного образования и здравоохранения Министерства просвещения и Министерства здравоохранения БССР, отделения потребительской кооперации, были управляющими районных и городских отделений Государственного банка. Однако редко они занимали должности директоров совхозов, главных редакторов газет и прокуроров.

²⁶ НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 539, лл. 62, 72.

Таблица 4

**Евреи на руководящих должностях
в Белорусской ССР в 1944–1950 гг., %**

Наименование отрасли	1944 г.	1946 г.	1949 г.	1950 г.
Зав. районными отделами потребительской кооперации	8,9	15,6	16,9	17,2
Управляющие районными и городскими отделениями Госбанка БССР	7,9	7,5	8,8	10,8
Зав. финансовыми отделами	4,7	7,0	4,0	6,9
Зав. торговыми отделами	10,0	8,2	3,6	5,5
Зав. отделами здравоохранения	11,6	10,4	7,2	9,6
Зав. отделами народного образования	4,9	4,6	2,4	2,4
Зав. отделами сельского хозяйства	3,7	2,4	1,8	1,8
Директора совхозов	3,1	3,7	3,1	4,0
Редакторы газет	8,4	10,4	14,4	17,6
Прокуроры	2,2	4,5	3,5	3,4

Составлено по: НАРБ, ф. 4, оп. 109, дд. 1, 5, 13, 16.

В исключительно трудных условиях происходило восстановление научного потенциала республики. Первые два-три года после освобождения Минска сотрудники Академии наук помогали рабочим отстраивать сожженные корпуса и лаборатории институтов, возводить жилье. Такая практика в тот период считалась общепринятой.

31 октября 1944 г. СНК БССР и ЦК КП(б)Б приняли постановление «О мероприятиях по возобновлению работы Академии наук БССР». Согласно этому решению полностью восстанавливалась существовав-

шая до войны сеть научно-исследовательских учреждений академии. На содержание научных учреждений в 1945 г. было отпущено 29 млн 500 тыс. руб., в том числе на нужды Академии – 9 млн 100 тыс. руб. К концу 1945 г. численность работников Академии достигла 360 чел.²⁷

Большинство институтов Академии наук БССР формировали заново. Научные кадры пострадали еще в результате предвоенных репрессий. Среди арестованных в 1937–1939 гг. ученых были и евреи: действительный член Академии, математик Целестин Бурстин, члены-корреспонденты: историк Самуил Агурский, литературовед Яков Бронштейн, поэт Исаак (Изя) Харик, химик Борис Шпенцер и др.; многие из них были расстреляны или умерли в заключении²⁸.

Некоторые институты Академии наук начали работу уже в 1944 г. Общее количество научных учреждений в республике выросло с 8 в 1945 г. до 28 в 1950 г., и среди них было 15 научно-исследовательских институтов²⁹.

Постепенно возвращался из армии и эвакуации научный персонал. В частности, Лев Моисеевич Островский, сотрудник Института геологии (1935–1941 гг.), который в годы войны командовал саперным взводом на Южном фронте, затем был инженер-капитаном управления военно-полевого строительства Донского фронта (1942–1943 гг.), начальником штаба эвакопоезда 1-го Украинского фронта (1944–1945 гг.). Профессор Яков Гдальевич Раков, директор Института экономики АН БССР (1935–1941 гг.), служил в военно-политическом училище Западного и 3-го Белорусского фронта, демобилизовался в звании подполковника (1946 г.) и вернулся в свой институт на должность старшего научного сотрудника (1947–1954 гг.). Заир Азгур в годы войны был редактором газеты «Раздавим фашистскую гадину», органа Центрального штаба партизанского движения (в Москве). В Институт литературы Академии наук БССР в 1946 г. пришел Наум Соломонович Перкин – литературовед и критик, доктор филологических наук; в годы войны он возглавлял штаб Рогнединской бригады Западного (Смоленского) штаба партизанского движения, преподавал в высшей артиллерийской школе в Горьковской области, а также воевал на

²⁷ *Национальная Академия наук Беларуси: 1929–1999 гг.* / Ред. Н.А. Борисевич, А.П. Войтович. Минск, 1999 г., с. 42.

²⁸ *Возвращенные имена. Сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период сталинских репрессий.* Минск, 1992 г., с. 11–12.

²⁹ *Национальная Академия наук Беларуси*, с. 45.

Курляндском и Либавинском плацдармах, был дважды ранен. Ефим (Хаим) Шлосберг воевал на 2-м Прибалтийском и 1-м Белорусском фронтах, демобилизовался в звании майора, затем с 1946 г. до своего ареста в 1948 г. работал старшим научным сотрудником Института истории Академии наук. Исаак Лейбович Гинзбург во время войны был заместителем командира 156-го отдельного армейского штрафного батальона; в 1946 г. он демобилизовался в чине капитана и потом работал в Институте истории³⁰.

Академия наук республики уделяла много внимания подготовке научных кадров через аспирантуру. С 1945 по 1951 г. набор в аспирантуру АН БССР увеличился более чем в три раза. В 1947 г. в аспирантуру было принято 186 чел., в их числе – 124 белоруса, 29 русских и 33 еврея. В 1949 г. из четырех молодых ученых, успешно окончивших ее с защитой кандидатских диссертаций, было два еврея: И.З. Фишер (Физико-технический институт) и С.А. Левина (Институт химии). Фишер и Левина входили в первый набор в аспирантуру 1945 г. Во второй половине 1940-х гг. прием в аспирантуру Академии наук БССР для евреев был ограничен, но не прекращен полностью, о чем говорит факт приема 33 евреев в 1947 г. Начиная с 1948 г. ни один научный сотрудник-еврей с ученой степенью кандидата наук не был направлен от Белоруссии в докторантуру АН СССР.

В 1949 г. в систему Академии наук БССР приняли 66 научных сотрудников, включая восемь евреев. В целом в академических институтах имелось уже мало ученых-евреев. В Институте истории работал Залман Абезгауз, в Институте теоретической медицины – Геля Виленчик, в Институте экономики – Абрам Русинов (ученый секретарь института), в Институте торфа – Калман Лундин, в Институте мелиорации – Мира Беккер, Генус Гинзбург, Иосиф Лифшиц и др.³¹ Заведовал лабораторией морфологии Института теоретической медицины доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент АН БССР Давид Голуб³². Национальный состав Академии наук республики во второй половине 1940-х гг. был следующим:

³⁰ *Военные судьбы: Сотрудники АН Беларуси – участники Великой Отечественной войны.* Минск, 1995 г., с.18, 46, 57; В. Кузьменко. *Интеллигенция Беларуси в период немецко-фашистской оккупации, 1941–1944 гг.* Минск, 2001 г., с. 160-168.

³¹ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 34, лл. 104, 111; ф. 4, оп. 29, д. 539, л. 62.

³² Г.В. Корзенко. *Подготовка научных кадров в Белоруссии. Взгляд сквозь годы.* Минск, 1998 г., с. 21-22, 51-53.

Таблица 5

**Национальный состав научных работников
и вспомогательного персонала Академии наук БССР в 1948 г.**

Ученые степени и должности	Всего	Белорусы	Русские	Украинцы	Евреи	Другие
Академики	27	7	19	–	–	–
Члены-корреспонденты	25	6	13	3	2	1
Доктора наук	10	1	5	–	3	1
Кандидаты наук	116	49	41	8	7	1
Ст. научные сотрудники	8	5	1	–	2	–
Мл. научные сотрудники	199	94	48	11	3	3
Инженерно-технич. персонал	13	7	1	–	5	–
Научно-вспомогат. персонал	60	38	12	2	8	1
Адм.-технический персонал	225	142	37	8	34	4
<i>Итого</i>	683	349	177	32	14	11

Составлено по: Архив Национальной академии наук Беларуси // *Национальная Академия наук Беларуси. Персональный состав* / Сост. О.А. Гапоненко. Минск, 1998 г.

Достижения ученых Белоруссии в послевоенные годы были скромными. На развитии науки отрицательно сказывалась не только слабость ее материальной базы, но и административные методы руководства. Самые негативные последствия имело шельмование представителей целых научных направлений, включая генетику, биологию, кибернетику и т. д. В сложных условиях оставались гуманитарные и общественные науки, где идеологический диктат и догматизм проявились во время дискуссий по философии, языкознанию, политической экономии.

Евреи в средней и высшей школе

Одной из первоочередных задач считалось возобновление работы учебных заведений. За годы оккупации в БССР было уничтожено 6 808 школ, а материальные потери учреждений народного просвещения составили 4,6 млрд руб. в ценах 1941 г.³³ Поскольку речи о восстановлении школ на идише, закрытых в 1937–1938 гг., не шло, учителя-евреи вынуждены были пойти в школы с белорусским, русским, украинским и польским языками обучения. Советские и партийные инстанции использовали педагогов в идеологических целях. Их обязывали выступать с лекциями пропагандистского характера: «О советском патриотизме», «Преодоление пережитков в сознании людей», «Что дала советская власть трудящимся», «Дружба народов в советском многонациональном государстве» и др.³⁴

Школы работали в трудных условиях. Они ютились в непригодных и плохо отапливаемых помещениях, не хватало учебников и письменных принадлежностей. Результатом стала низкая успеваемость и высокий отсев учащихся. В первом полугодии 1946/47 учебного года неудовлетворительные отметки получили 254 тыс. учащихся, а 40 тыс. учеников вообще оставили школу. Власти беспокоило, что 62% всех учителей республики (35 тыс. чел.) находились в годы войны на оккупированной территории. Часть из них работали в учебных заведениях, открытых с разрешения нацистов, другие занимались мелкими промыслами и сельским хозяйством, значительно снизив этим свой профессиональный уровень. Три года оккупации и воздействие нацистской пропаганды превратили многих педагогов в антисемитов³⁵.

В 1944/45 учебном году открылись Белорусский государственный университет и еще 22 высших учебных заведения из 25 довоенных вузов. В них трудились около 600 преподавателей и научных работников. Доля евреев среди работников высшей школы была значительной. Национальный состав профессорско-преподавательского состава представлен в следующей таблице:

³³ *Навіны Беларускай Акадэміі*. Мінск, 15 сакавіка 1991 г.

³⁴ Л. Смиловицкий. «Из истории национальной школы Белоруссии» // *Народная асвета*, Минск, № 11, 1990 г., с. 79.

³⁵ НАРБ, ф. 4, оп. 9. д. 53, л. 67.

Таблица 6

**Национальный состав преподавательского состава
вузов БССР в 1946/1947 уч. г.**

Наименование вуза	Преподаватели					
	Всего	Белорусы	Русские	Другие	Евреи	
					кол-во	%
Юридический	26	7	2	–	17	65,38
Политехнический	154	48	29	9	68	44,15
Медицинский (Минск)	176	33	49	7	87	49,43
Народного хозяйства	50	18	10	1	21	42,0
<i>Итого</i>	406	106	90	17	193	47,53

Составлено по: НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 571, лл. 35-37.

Вузы не могли набрать достаточное количество студентов. Первые выпуски общеобразовательных школ были малочисленными, окончивших школу отправляли на стройки, промышленные предприятия, на работу в сельское хозяйство и транспорт. Часть из них не имели возможности учиться в вузе из-за тяжелого материального положения. Контингент абитуриентов делился на три категории: участники войны, возвратившиеся из эвакуации и пережившие оккупацию. В июле 1945 г. были утверждены льготы для участников Великой Отечественной войны, поступающих в вузы и техникумы³⁶. Демобилизованных из армии, успешно сдавших вступительные экзамены, принимали вне конкурса и освобождали от платы за обучение. Осенью 1945 г. газета «Правда» писала, что участники Великой Отечественной войны, пришедшие в учебные заведения, представляют собой золотой фонд советской учащейся молодежи. При этом подчеркивалось, что, будучи в армии и партизанских отрядах, они возмужали, закалились, приобрели такие драгоценные качества, как чувство ответственности за

³⁶ НАРБ, ф. 42, оп. 4, д. 2, л. 208.

порученное дело, умение преодолевать трудности, решительность и самостоятельность³⁷. В 1947 г. из 13 тыс. 633 студентов всех вузов республики 22,3% составляли демобилизованные войны³⁸. Соотношение евреев и неевреев среди обучавшихся в высших учебных заведениях во второй половине 1940-х гг. представлено в следующей таблице:

Таблица 7

**Национальный состав студентов
высших учебных заведений БССР в 1947/48 уч. г.**

Наименование вуза	Всего	Белорусы	Русские	Другие	Евреи	
					кол-во	%
Белгосуниверситет	1 278	793	202	25	258	20,2
Политехнический	1 454	733	268	45	408	28,0
Лесотехнический	524	315	104	33	72	13,7
Народного хозяйства	448	222	64	45	117	26,2
Сельскохозяйственный	813	325	452	23	13	1,6
Ветеринарный	382	161	204	8	9	2,4
Юридический	657	244	159	17	237	36,1
Физической культуры	310	183	102	16	9	3,0
Театральный	69	25	32	4	8	11,6
Консерватория	157	53	47	4	53	33,7
Медицинский (Минск)	2 240	1 211	340	92	597	23,5
Медицинский (Витебск)	629	351	137	30	111	17,6

³⁷ См. *Правда*, 1945 г., 21 сент.

³⁸ Подсчитано по: НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 571, л. 168.

Пять педагогич. ин-тов	2 661	1 601	521	75	464	17,4
Девять учител. ин-тов	2 101	1 563	361	76	101	4,8
<i>Итого</i>	13 723	7 780	2 993	493	2 457	18,2

Составлено по: НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 571, л. 168.

Во второй половине 1940-х гг. еврейская молодежь обучалась во всех без исключения вузах республики. Большинство из них отдали предпочтение юриспруденции и искусству (36,1% и 33,7%), финансам и точным наукам (26,2% и 28%), медицине (23,5%). Многие решили связать судьбу с педагогической работой (18,02%). Намного меньше евреев обучалось сельскохозяйственным наукам, ветеринарному делу и спортивным дисциплинам. Ситуация, при которой евреи, составлявшие немногим более 1,5% населения республики, оказались настолько широко представлены в высших и средних специальных учебных заведениях, была расценена руководством БССР как условие для возникновения мощной интеллектуальной еврейской элиты и скрытая угроза белорусской государственности.

Усиление государственного антисемитизма

Кампания по борьбе с «проявлениями национализма» началась в Белоруссии уже в 1946 г. Она не могла миновать евреев ввиду особого положения, которое они занимали в политических, идеологических, экономических и военных структурах страны. За постановлениями ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», «О кинофильме “Большая жизнь”», «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели», принятыми в 1946–1948 гг.³⁹, последовали соответствующие постановления ЦК Компартии Белоруссии «О политической и идеологической работе среди интеллигенции» (1947 г.), «О работе Союза советских писателей БССР» (1947 г.), «О литературно-художественных журналах “Полымя” и “Беларусь”» (1948 г.), «О газете “Літаратура і мастацтва”» (1948 г.)⁴⁰,

³⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8, 1946-1955 гг. Москва, 1985 г., с. 83-88.

⁴⁰ Нарысы гісторыі Беларусі: У 2 ч. Ч. 2 / М.П. Касцюк, І.М. Ігнаценка, У.І.Вышыньскі [і інш.]. Мінск: Беларусь, 1995, с. 339.

конечно, в духе генеральной линии. В ходе этой кампании видных еврейских писателей, поэтов и драматургов, ученых Белоруссии обвиняли в аполитичности, а их произведения – в отсутствии идейных основ и национализме. В 1947–1948 гг. была развернута широкая кампания против идеализации еврейского исторического прошлого, злоупотребления библейскими мотивами и заимствованиями из иврита, некритического подхода к оценке национального наследия, преувеличений при описании национальных чувств еврейского народа, постоянного обращения к теме Холокоста и т. д. В учреждениях и учебных заведениях Минска, Гомеля, Могилева, Бреста и Гродно проводили массовые собрания трудовых коллективов с обличением подозреваемых в «низкопоклонстве перед Западом». При этом часто называли еврейские фамилии⁴¹.

Институт истории Академии наук БССР обвинили в том, что он вместо изучения истории белорусского народа чрезмерно много внимания уделял истории античного мира и средних веков. В пример приводили такие институтские темы научных исследований, как «Религиозная идеология крестьянства и земледельческие культы по комедиям Аристофана», «Община в Древнем Израиле», «Иудея и Рим»⁴².

1948–1953 гг. вошли в историю советского еврейства как «черные годы». Это было время кампаний по борьбе с еврейским буржуазным национализмом. В театральной и литературной критике Белоруссии якобы имели место антипатриотические проявления безродного космополитизма и буржуазного эстетства. Утверждалось, что группа театральных критиков: Лев Литвинов (Гуревич), Михась Модель (Мендель Мовшевич) и другие – «стояла на позициях формализма» и «встречала в штыки» лучшие советские патриотические пьесы, противодействовала их постановке в театрах и «восхваляла трюкачества» врага советского реалистического искусства Мейерхольда. Режиссеры Штейн и Марголин будто бы превозносили буржуазную Америку в спектакле «Тевье-молочник» по роману Шолом-Алейхема и пьесе «Музыкант» Самуила Галкина. В области литературоведения

⁴¹ Л.П. Храпко. «Уплыў грамадска-палітычнай сітуацыі другой паловы 40-х – першай паловы 50-х гадоў на развіццё гістарычнай навукі у БССР» // *Старонкі гісторыі Беларусі*. Мінск, 1992 г., с. 144–146.

⁴² См. *Культура и жизнь*, 11 янв. 1947 г.; *Советская Белоруссия*, 15 янв. 1947 г.

космополитизм обнаружили в работах преподавателей Льва Барага и Марии Меерович из Минского государственного педагогического института им. А.М. Горького. Им приписывали утверждение, что белорусский фольклор формировался под влиянием стран Западной Европы, включая Норвегию и Данию. В литературной критике «безродные космополиты» «принижали» и «охаивали» достижения культуры белорусского народа. Алесь (Айзик Евелевич) Кучар «оболгал» писателя-демократа Франца Богушевича, назвав его идеологом шовинизма и проповедником католицизма, а Лев Гальперин представил белорусского поэта Максима Богдановича мистиком и декадентом⁴³.

В январе 1948 г. в Минске по приказу Сталина был тайно убит народный артист СССР, главный режиссер Московского еврейского театра и председатель Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) Соломон Михоэлс. Убийство скрыли и Михоэлса похоронили с большими почестями в Москве, но уже осенью 1948 г. объявили еврейским националистом. Официальной версии поверили далеко не все. В ноябре 1948 г. ЕАК был распущен, а его члены арестованы и отданы под суд. Культуру на языке идиш, единственную разрешенную в СССР форму еврейской национальной жизни, запретили.

В феврале 1949 г. травлю «космополитов» и еврейской культуры автоматически поддержал XIX съезд Коммунистической партии Белоруссии. Государственный академический театр оперы и балета БССР (ГАБТ) обвинили в пропаганде буржуазной морали. Жертвами кампании стали Константин Мулер – главный балетмейстер ГАБТа, Лев Литвинов (Гуревич) – главный режиссер Белорусского академического театра им. Янки Купалы, фольклорист Лев Бараг, литературный критик Яков Герцович, театральный критик Михаил Модель и др. Их подвергли осмеянию, несправедливой критике и уволили с работы. В идеализации еврейского национализма уличили Заира Азгура, который выполнил скульптурные портреты Иегуды Галеви и Соломона Михоэлса с ребенком на руках, символизовавшим «новорожденную еврейскую нацию»⁴⁴.

⁴³ М. Иовчук. «Неустанно развивать и пропагандировать идеи советского патриотизма» // *Советская Белоруссия*, 13 сент. 1947 г.

⁴⁴ Николай Гусаров. Отчетный доклад ЦК КП(б)Б XIX съезду Компартии Белоруссии. Минск, 1949 г., с. 86.

Центром еврейского национализма и космополитизма объявили Белорусский государственный еврейский театр (БелГОСЕТ). В годы войны театр был эвакуирован в Новосибирск и вернулся в Минск только в июле 1946 г. Его помещение на ул. Володарского, перестроенное из Минской хоральной синагоги, оказалось разрушенным, а другого здания театр не получил. Несмотря на это, спектакли шли два раза в неделю в единственном уцелевшем в Минске театральном здании – театре им. Янки Купалы. Артистам постоянно приходилось ездить по республике, что пагубно сказывалось на декорациях и состоянии труппы. Большие гастроли удалось организовать лишь дважды – в Ригу и Вильнюс. В октябре 1946 г. из театра вынудили уйти художественного руководителя Виктора Головчинера. В 1948 г. в преклонении перед Западом, формализме и искажении творческой линии белорусского национального искусства обвинили нового главного режиссера этого театра Литвинова (Гуревича). После этого он уехал из республики и, как и Головчинер, в Минск больше не возвращался. БелГОСЕТу пришлось пережить три сокращения штатов, а в 1948 г. вышло постановление Комитета по делам искусств СССР «О сокращении государственной дотации театрам», и еврейский театр в Минске полностью лишили финансирования. 30 марта 1949 г. театр был закрыт постановлением Совета министров БССР. Это обосновывалось отсутствием в репертуаре значительных современных пьес, ограниченным количеством зрителей, невыполнением финансового плана. БелГОСЕТ был ликвидирован, как и все другие еврейские театры страны (за исключением Вильнюсского)⁴⁵.

Важной ареной борьбы с «космополитами» стали киностудии, где работало много евреев. В них начали видеть главных виновников трудностей белорусского кино и проводников влияния Запада на зрителя. В конце 1947 г. министр кинематографии БССР Николай Садкович жаловался в ЦК КП(б)Б, что ряд старых работников-евреев «Беларусьфильма» препятствовали привлечению к работе белорусских национальных кадров. Он просил очистить белорусский кинематограф от бездельников и проходимцев, удалив таких режиссеров, как Натан Любошиц, Иосиф Шульман, Николай Гастелович и Иосиф Вейнерович,

⁴⁵ ГАРФ, ф. 17, оп. 132, д. 239, лл.4-6; M. Altshuler. “The Agony and Liquidation of the Jewish Theatre of Belorussia 1948–1949” // *Jews in Eastern Europe*, No. 25 (3) 1994, pp. 64-72; А.Г. Герштейн. *Судьба одного театра*. Минск, 2000 г., с. 87-89; С. Лиокумович. «Триумф и трагедия театра» // *Авив* (Минск), сент.-окт. 2001 г.

и поставив на их место политически безупречных работников. Для вытеснения евреев предпочитали киноартистов белорусов по национальности, музыку к кинофильмам заказывали теперь только белорусским композиторам – Евгению Тикоцкому и Анатолию Богатыреву. Авторами сценариев и дикторских текстов стали почти исключительно белорусские писатели: Вячеслав Полесский, Пимен Панченко, Константин Губаревич, Павел Ковалев, Макар Последович и другие⁴⁶. Больше внимания уделялось дублированию на белорусский язык. Все это снизило уровень белорусского кино.

Начиная с 1945 г. еврейские писатели Белоруссии пытались возобновить выпуск литературы на идише. Однако после встречи с первым секретарем ЦК КП(б)Б Пономаренко в начале 1946 г. эти иллюзии развеялись. Деятельность еврейской секции Союза писателей Белоруссии, существовавшей до войны, возродили только формально. В ее состав вошли Гирш Каменецкий, Григорий Релес и Хаим Мальтинский (ответственный секретарь). Они добились от секретаря по идеологии ЦК КП(б)Б Иовчука согласия на проведение нескольких литературных вечеров на идише и издание художественного сборника «Твердой поступью». Наряду с белорусскими еврейскими авторами в нем приняли участие коллеги из Москвы – Рубина, Лившиц, Грубиян, Телесин, Баумволь и Тейф. Это был компромисс, поскольку постоянный еврейский альманах в БССР не разрешили. Более того, вскоре после выхода в свет в сборнике обнаружили ряд националистических ошибок, и особенно в стихотворениях Мальтинского. Когда в ЦК Компартии Белоруссии последнему предложили написать покаянное письмо с указанием «националистических просчетов», тот отказался, заявив, что их нет.

После разгрома ЕАК еврейских писателей Белоруссии обвинили в том, что в их корреспонденциях в «Эйникайт», стихах, очерках и рассказах содержались материалы информационного характера о промышленных и других объектах республики, которыми интересовались американские органы. В одном из очерков М. Грубияна под предлогом показа трудовых подвигов евреев якобы подробно описывалась работа Минского радиозавода и его промышленная продукция. А. Платнер поместил рассказ о 13 евреях, оставшихся в живых после ликвидации Минского гетто и дождавшихся освобождения города. По мнению старшего следователя по особо важным делам МГБ СССР

⁴⁶ НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 651, лл. 93-98.

подполковника Носова, очерк «изобиловал тирадами из Библии, древнееврейских сказаний с националистическим привкусом»⁴⁷. Летом 1949 г. в МГБ БССР сфабриковали «дело» о еврейских писателях Белоруссии, якобы занимавшихся сбором секретной информации для иностранных разведок по заданию ЕАК, «извращавших» советскую действительность, «клеветавших» на партийные органы препятствовавшие развитию еврейской культуры в БССР, «искажая» национальную политику в СССР. В числе арестованных оказались Айзик Платнер, Гирш Каменецкий, Хаим Мальтинский, Григорий Березкин, журналист Айзик Коган из Бобруйска, библиотекарь из Орши Брукаш и некоторые другие. Айзик Платнер, Гирш Каменецкий, Хаим Мальтинский, Григорий Березкин и Айзик Коган были осуждены за антисоветскую деятельность на разные сроки заключения от 10 до 25 лет и реабилитированы только после смерти Сталина в течение 1954–1956 гг.

Обвинения евреев в протекционизме и коррупции

Евреев стали обвинять в профессиональной некомпетентности, стяжательстве, местничестве, преследовании узких национальных целей в ущерб общим производственным интересам. Осенью 1947 г. Центральный комитет КП(б)Б отмечал, что в ряде промышленных министерств республики вскрыты большие недостатки в подборе кадров руководителей, слабый контроль за их деятельностью, недостаточная воспитательная работа. Евреев – директоров магазинов и руководителей потребительской кооперации обвиняли в том, что они, используя бесконтрольность и самотек, подбирали сотрудников без учета необходимых деловых качеств, по знакомству. Так, министра местной промышленности БССР Кагана обвинили в том, что он необоснованно снял с работы директора Борисовского завода «Красный металлист» Фурсова, назначив на его место «по знакомству» бывшего директора Могилевского труболитейного завода Райхлина, министра лесной промышленности Лахтанова – в приеме на работу некоего Хеймана, уволенного из Осиповичского леспромхоза. В Полоцком городском пищепротомрге ревизия «обнаружила» 90 работников-евреев. Высокая концентрация евреев была отмечена в Минском тресте

⁴⁷ Из протокола допроса М. Грубияна 19 окт. 1949 г. // ЦА КГБ РБ, д. 9959, т. 2, лл. 148-150.

столовых и ресторанов, Гомельском горпищеторге и других организациях. Все это расценивалось как бесконтрольность в кадровом вопросе, которая позволила «жуликам» и «проходимцам» проникнуть на государственную службу⁴⁸.

Как нарушители евреи доминировали в отчетах контролирующих организаций, их отдавали под суд и приговаривали к различным срокам заключения даже за незначительные правонарушения. Сапожника Абрама Шика из Минска обвинили в перепродаже кожаных товаров (15 пар подошв) и осудили на пять лет; заведующего магазином в г. Дзержинске Гирша Окуня, который завысил цены на трехгранные напильники и закройные ножницы на 1 руб., – на три года и т. д.⁴⁹ Частые публикации в периодической печати, где евреев представляли в невыгодном свете, обвиняли во всех реальных и вымышленных просчетах, допущенных в управлении, торговле, культуре и науке, позволяют утверждать, что это была целенаправленная политика их дискредитации.

Обвинения евреев в связях с заграницей

С началом холодной войны советские евреи сделались ее невольными заложниками. Поддержка, оказанная Москвой Израилю в момент его образования, не привела, как ожидалось, к смягчению позиций советского руководства по отношению к сионизму. В декабре 1947 г. в Минске состоялся пленум ЦК КП(б)Б, на котором утверждалось, что разведки США и Англии и находящиеся у них на службе зарубежные центры белорусских, польских, украинских и еврейских националистов усилили свою активность. Сионисты якобы пытались внушить белорусским евреям раболепие и угодничество перед заграницей, обособить от белорусов и русских, посеять национальную рознь. Утверждалось, что евреи забыли о достоинстве советских граждан, установили связи с заграничными еврейскими организациями, особенно американскими, лживо информировали их об экономическом положении в БССР, «выклянчивали» подачки из-за границы⁵⁰.

⁴⁸ НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 539, л. 51.

⁴⁹ Там же, оп. 22, д. 13, л. 227; д. 14, л. 22, 24-25, 32, 186; д. 15, л. 29; д. 18, л. 166; д. 19, лл. 43, 171.

⁵⁰ *Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 4 (1945–1955 гг.).* Минск, 1986 г., с. 200.

Во второй половине 1940-х гг. продолжились чистки партийных организаций и советских учреждений. Прежде всего, они отразились на людях, имевших родственников за границей, главным образом в Соединенных Штатах Америки, Англии, Франции и Израиле, в 1949–1953 гг.⁵¹ Серьезным проступком считалось сокрытие социального происхождения родных и близких. Это означало конец служебной карьеры, большие трудности с устройством на новую работу, отказ в приеме в высшие учебные заведения и пр. Вокруг таких людей создавалась атмосфера недоверия и подозрительности, они оказывались вне общества. Для евреев эти последствия усугублялись проявлениями местного антисемитизма, который официально не афишировался и часто оставался ненаказуемым.

Гонения на еврейских верующих

Из нескольких сотен синагог, существовавших в Белоруссии до 1917 г., после войны уцелели только несколько десятков зданий, да и они были отняты у верующих. Синагогу на ул. Советская в Гомеле «забрал» областной отдел местной промышленности, а на улице Интернациональная – горвоенкомат. В Новобелице в синагоге на ул. Калинина устроили сиротский приют и общежитие для инвалидов войны⁵². В Калинковичах в синагоге разместили детский сад-ясли, а в Мозыре одну синагогу превратили в семейное общежитие, а другую – в пекарню. В Кобрине синагогу отдали под пивной завод, а в Осиповичах – под парикмахерскую⁵³. В Столине в одной синагоге (на ул. Советской) открыли мастерскую по изготовлению гробов, а в другой разместили городскую прокуратуру⁵⁴. В Бобруйске три синагоги превратили в культурно-просветительные учреждения, четыре – в жилые дома, а две заняли производственные организации⁵⁵, в Борисове в одной синагоге устроили дом пионеров, а в другой – типографию. Синагогальные здания сохранились в Дедиловичах, Зембине, Ивенце, Лошнице, Черневке и некоторых других местах⁵⁶.

⁵¹ НАРБ, ф. 4, оп. 22, д. 14, л. 186; д. 17, лл. 112-113; д. 18, л. 165; д. 21, лл. 163, 169-170, 172.

⁵² ГАРФ, ф. 6991, оп. 3, д. 287, л. 2.

⁵³ Там же, д. 335, л. 3.

⁵⁴ См. *Мезуза* (Минск), № 7-8, 1997 г., с. 10.

⁵⁵ ГАРФ, ф. 6991, оп. 3, д. 272, л. 6.

⁵⁶ Central Archive for the History of the Jewish People in Jerusalem, collection RU, file 217/63, p. 9.

В послевоенные годы верующие евреи Белоруссии настойчиво пытались зарегистрировать свои общины и вернуть хотя бы часть синагог. К 1 июля 1947 г. такие ходатайства были поданы евреями Орши, Пинска, Калинковичей. В стадии оформления в исполкомах местных Советов находились заявления от верующих евреев Витебска, Полоцка, Могилева, Гомеля, Речицы, Жлобина, Лиды, Радошковичей и некоторых других городов. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ БССР Кондратий Уласевич отмечал, что до войны евреи «не проявляли большого рвения к религии», а сейчас они сделали «сильный крен в сторону религиозного фанатизма, пожалуй, больше, чем какая-либо другая народность». Советские чиновники на местах отмечали «реакционность» религиозных объединений и требовали их ограничить. На 1 января 1948 г. в Белоруссии фактически действовали 634 религиозные общины всех конфессий, включая 17 иудейских. Из них официальное признание в форме регистрации сумели пройти 476 (две иудейские)⁵⁷.

В конце 1940-х гг. из всех многочисленных ходатайств о возвращении синагог удовлетворены были просьбы только трех общин – Минска, Калинковичей и Бобруйска⁴⁸. Верующие не могли свободно посещать синагоги и *миньяны* (группы для совместного богослужения), изучать Тору, придерживаться *кашрута* (пригодности, дозволенности с религиозной точки зрения), выпекать мацу, совершать обряд обрезания, ставить *хуцу* (свадебный балдахин) и соблюдать ритуал похорон в соответствии с иудейской традицией. Им нельзя было открывать *хедеры* (еврейские религиозные начальные школы для мальчиков) и *иешивы* (еврейские религиозные высшие учебные заведения), собирать пожертвования, издавать религиозную литературу и изготавливать предметы культа. Власти стремились разрушить общины изнутри, поощряли доноительство, противопоставляли верующих родителей их детям. Категорический запрет был наложен на участие лидеров синагогальных общин в международном обмене с другими центрами иудаизма. Столкнувшись с отказом властей регистрировать их общины, верующие перенесли свою активность в полуполигальные домашние миньяны, которые не требовали официальной регистрации⁵⁸. Эти неформальные объединения включали от десятков до ста человек и

⁵⁷ Л. Смиловицкий. *Евреи Беларуси: Из нашей общей истории, 1905–1953 гг.* Минск: Арти-Фекс, 1999 г. с. 279.

⁵⁸ Michael Beizer. *Our Legacy: The CIS Synagogues, Past and Present.* Jerusalem–Moscow, 2002, p. 38.

существовали во многих городах БССР. Преследования и гонения имели место повсеместно, а апеллировать было не к кому. В документах Совета по делам религиозным культов при Совете министров БССР не было отмечено ни одного случая обращения верующих в суд или привлечение адвокатов для отстаивания их законных прав. Сохранить приверженность вере и соблюдать традицию в этих условиях становилось все труднее. Однако всех сломить не удавалось. Упорство верующих стало особой формой противостояния режиму, было скрыто от посторонних глаз, но негласно продолжалось все годы.

Таким образом, в 1944–1953 гг. евреи, уцелевшие после Холокоста, активно участвовали в восстановлении и реконструкции экономики и культуры, науки и образования Белоруссии. Послевоенное, «сталинское» десятилетие имело два этапа. Первый охватывал 1944–1948 гг., когда отсутствие опытных работников заставляло прибегать к помощи специалистов независимо от их национальности. Евреи тогда были востребованы на равных с белорусами, русскими и украинцами, в то время как поляки и литовцы, латыши и эстонцы не пользовались доверием властей. Второй этап, 1948–1953 гг., существенно отличался усилением государственного антисемитизма: кампанией по борьбе с «космополитизмом», разгромом идишской культуры и арестом членов Еврейского антифашистского комитета, замалчиванием последствий Холокоста и вклада евреев в победу над Германией и, наконец, «делом врачей». В проведении этих кампаний белорусские власти отличались особенным рвением, а белорусские евреи в результате пострадали не меньше, а может быть и больше, остальных евреев СССР.

Опубликовано:

“Die Partizipation der Juden am Leben der Belorussischen Sozialistischen Sowjetrepublik (BSSR) im ersten Nachkriegsjahrzehnt, 1944–1954” // “Existiert das Ghetto noch?” Weißrussland: Jüdisches Überleben gegen nationalsozialistische Herrschaft // *Projektgruppe Belarus (Hg.), Assoziation A, Berlin 2003, s. 277-295.*

Возврат имущества и жилищ евреев

После войны с Германией советские евреи столкнулись с огромными трудностями в налаживании мирной жизни. Их жилища и имущество если не были уничтожены в ходе боевых действий, то в значительной степени расхищены. Евреи не могли объединить усилия для борьбы за свои права, чтобы не быть обвиненными в организованном противостоянии режиму, и вынуждены были действовать в одиночку. Советская власть, опасавшаяся подобных протестов, объявляла, что выступает гарантом прав и свобод граждан независимо от национальности.

Состояние жилищного фонда после окончания войны

После трех лет немецкой оккупации народное хозяйство республики находилось в бедственном положении: не работало большинство промышленных предприятий и электростанций, были взорваны и уничтожены мосты и дороги, прервана связь. Военные действия серьезно подорвали жилищный фонд Белоруссии, лишили крова над головой около 3 млн человек. На селе сожженными оказались 1 млн 200 тыс. строений, в том числе свыше 500 тыс. общественных построек и 420 996 домов колхозников и крестьян-единоличников. Особенно пострадали города¹. На Витебскую, Минскую, Полоцкую, Полесскую, Могилевскую, Гомельскую области пришлось 63% всех разрушений в республике. В 38 районах этих областей было уничтожено до 90%

¹ Из отчета ЦК КП(б)Б Центральному комитету ВКП(б) о людских и материальных потерях, понесенных Белорусской ССР в результате немецко-фашистской оккупации, от 1 декабря 1946 г. См.: *Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии*: Сб. документов. Минск, 1963 г., с. 353.

жилых домов, культурно-бытовых и административных зданий. В Минске, Гомеле, Могилеве из 1 млн 868 тыс. кв. м жилья осталось только 438 тыс. кв. м, или около 23%².

Не лучше оказалось положение и в других населенных пунктах республики. Из 10 млн 773 тыс. кв. м жилой площади городов и районных центров сохранилось всего 2 млн 762 тыс. кв. м. Разрушенными оказались 70 тыс. жилых зданий, которые принадлежали государству, и 391 тыс. частных домов граждан. Уцелевшая часть помещений пребывала в аварийном состоянии и требовала серьезного ремонта. Прекратили существование городской транспорт и все жилищно-эксплуатационные службы. После освобождения республики часть населения переехала в менее пострадавшие районы Белоруссии, Украины, Литвы, Латвии и России³.

Городское и коммунальное хозяйство

Городское население оказалось в тяжелейших санитарных условиях: свирепствовали тиф, дизентерия, малярия, чесотка. Отсутствие в течение трех лет оккупации медикаментов и лечебно-профилактической помощи привело к высокой смертности. Хронически не хватало предметов первой необходимости: керосина, спичек, мыла. Общие потери коммунального хозяйства БССР составили 4 млрд 689 млн 700 тыс. руб. в ценах 1941 г.⁴ По подсчетам Белорусской республиканской комиссии содействия в работе Чрезвычайной государственной комиссии СССР (ЧГК СССР) по установлению ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками народному хозяйству и гражданам БССР в 1941–1944 гг., потери личного имущества граждан составили 23 млрд 600 млн руб., в том числе было разграблено и уничтожено мебели, одежды и домашних вещей на сумму 4 млрд 968 млн руб. в ценах 1941 г.⁵

Восстановление жилого фонда и коммунального хозяйства стало первостепенной задачей послевоенного времени. К 1947 г. были

² РГАСПИ, ф. 17, оп. 88, д. 718, л. 24.

³ *Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии*: Сборник документов, с. 353.

⁴ *Достижения Советской Белоруссии за 40 лет*: Стат. сб. Минск, 1958 г., с. 13.

⁵ НАРБ, ф. 7021, оп. 80, д. 111, лл. 2-4, 14-17, 21.

восстановлены водопроводы в 14 городах республики (462 км из существовавших 470 км), 70 км канализации против 165 км до войны, отстроены 162 бани, 98 гостиниц. Серьезные затруднения для налаживания городского хозяйства и промышленного строительства создавали недостаток или полное отсутствие общественного транспорта. В одном только Минске в 1945 г. были восстановлены и введены в эксплуатацию трамвай и автобусное движение, хотя протяженность трамвайных путей составила только 15 км (в 1941 г. – 70 км), а парк трамвайных вагонов насчитывал 7 поездов (вместо 36); автобусный парк БССР состоял всего из 86 машин⁶.

Десятки тысяч людей, живших в условиях большой скученности на подселении, необходимо было вывести из землянок, бараков, полуразрушенных зданий. Любые помещения, которые можно было приспособить под временное жилье, ставили на учет⁷. Для расчистки развалин, расширения улиц, уборки мусора, подготовки строительных площадок организовывали массовые воскресники. В нерабочее время люди безвозмездно трудились на восстановлении разрушенного. Эта работа приняла характер народной стройки. Вместе работали служащие, интеллигенция, рабочие и студенты. В Гомеле за первые месяцы после освобождения города было проведено шесть воскресников, в Витебске – восемь, в Могилеве – 10, в Бресте – 12. В Минске с октября 1944 г. по май 1945 г. горожане отработали 1 млн 200 тыс. человеко-часов и подготовили 1100 т строительных материалов, в строй было введено 52 тыс. кв. м жилья⁸.

Для преодоления жилищного кризиса власти разрешили индивидуальное строительство. Было принято решение открыть на местных строительных материалах 350 кирпичных заводов с малыми гофмановскими печами мощностью по 1,5 млн штук кирпича в год. В каждом районе республики запланировали по два таких завода. В 1946 г. ввели в строй 65 заводов. Налаживалось производство новых для Белоруссии видов стройматериалов: керамическая сантехника, огнеупорный и облицовочный кирпич, сухая штукатурка, минеральная вата, метлахская плитка. За 1945–1947 гг. в городах республики было отстроено

⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 88, д. 718, л. 24.

⁷ НАРБ, ф. 119, оп. 212, лл. 230–231.

⁸ А.Е. Козловская. *Рост материального благосостояния рабочего класса, 1946–1970 гг.* Минск, 1987 г., с. 14.

1 млн 678 тыс. кв. м жилой площади⁹. Несмотря на это, условия жизни оставались чрезвычайно трудными. Не хватало строительных механизмов, приспособлений и рабочей силы. План подрядных работ Наркомата жилищного и гражданского строительства БССР за 1945 г. был выполнен только на 31,5%. Дома оставались перенаселенными, большинство людей ютилось в землянках, подвальных помещениях и временных строениях¹⁰.

Положение еврейского населения

Евреи не выделяли себя из общего населения республики – вместе с белорусами и русскими они активно участвовали в восстановительных работах, однако положение их во многом отличалось. В большинстве случаев это были одиночки, потерявшие всех своих близких, вдовы, дети и старики. Родственники оказались уничтожены в гетто, умерли в эвакуации, не вернулись с фронта. Евреи не располагали никаким имуществом, не имели элементарных вещей для бытового устройства. Доказательству права на домовладение мешало отсутствие необходимых документов, утерянных в годы войны. Нехватка жилого фонда, остро ощущавшаяся еще до войны, чрезвычайно обострилась. Одни дома и квартиры, принадлежавшие ранее евреям, были разрушены, сгорели или были разграблены, другие самовольно заняты. В августе 1944 г. офицер Советской армии Самуил Мельцер писал Илье Эренбургу, что он побывал в нескольких городах Белоруссии (Брестской, Барановичской и Белостокской областях) сразу после их освобождения от нацистов и встретил там «очень небольшое» количество евреев. Мельцера возмущало, что евреи, даже опознав свои вещи, не могли получить их обратно у неевреев¹¹.

Шолом и Любовь Фейгины с детьми Зеликом и Раей в июле 1945 г. вернулись в г. Ветку Гомельской области из Казахстана, где они находились в эвакуации. Первое, что им бросилось в глаза, — временки, оборудованные под лестничными маршами разрушенных

⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 88, д. 718, лл. 24.

¹⁰ *Восьмая сессия Верховного Совета БССР, 9–11 сентября 1946 г.* Минск, 1946, с. 167.

¹¹ *Советские евреи пишут Илье Эренбургу* / Под ред. М. Альтшулера, И. Арада, Ш. Краковского. Иерусалим, 1993 г., с. 145.

зданий. Дом Фейгиных сгорел в сентябре 1943 г. от прямого попадания снаряда. Они жили на съемной квартире, а потом на собственные средства отстроили дом на прежнем месте. В Речицу вернулись семья Чечиков из Бузулукского района Чкаловской области РСФСР и семья Верткиных из Уфимской области Башкирской АССР. Они нашли свои дома на ул. Карла Маркса и ул. Комсомольской разграбленными: были вынесены не только мебель и имущество, домашняя утварь и хозяйственный инвентарь, но и оконные рамы, сняты с петель двери¹².

Дом Сары Семеновны Шкляр в м. Городок Витебской области был добротным и просторным — наследство ее отца Абрама Гиршевича, потомственного стекольщика. Еще до революции в него привезли мебель красного дерева из Варшавы, красивые сервизы, которыми пользовались только по праздникам. В доме Шкляров впервые в местечке установили радио, послушать которое часто приходили соседи. В 1938 г. купили пианино, граммофон с набором пластинок. Родители Сары погибли в гетто, а дом в 1943 г. сгорел при освобождении Городка частями Красной армии. Остался только высокий фундамент на уровне первого этажа, где открыли городскую хлебопекарню¹³.

Роль Еврейского антифашистского комитета

Большое количество писем и жалоб приходило в адрес Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) в Москву. В них нашли отражение самые острые и неотложные проблемы, возникавшие на ранее оккупированных территориях. В мае 1944 г. Соломон Михоэлс и Шахно Эпштейн обратились с письмом к заместителю Председателя СНК СССР Вячеславу Молотову. В нем говорилось, что изо дня в день Комитет получает из освобожденных районов тревожные сообщения о чрезвычайно тяжелом положении выживших евреев, которым не возвращают их жилье и опознанное имущество. Местные власти не только не уделяют бывшим узникам гетто должного внимания, но и отказываются предпринимать усилия для создания с о в е т с к и х условий жизни (разрядка моя. — Л.С.). В письме подчеркивалось, что Комитет располагает сведениями о препятствиях в реэвакуации евреев, несмотря

¹² Архив автора.

¹³ Письмо Сары Семеновны Шкляр из Ашдода от 3 мая 1998 г. // Архив автора.

на большую потребность в квалифицированных кадрах. Когда же евреи приезжают в места, где «жили их деды и прадеды», они находят свои дома заселенными посторонними людьми и остаются без крова. Не лучше обстоит дело с предоставлением работы и оказанием материальной помощи. Даже поддержка (посылки и пожертвования) через Красный Крест доходит до нуждающихся евреев крайне редко. Международные организации, оказывающие гуманитарную помощь, выражают неудовлетворение таким положением дел.

Михоэлс и Эпштейн предлагали создать особую государственную комиссию по оказанию помощи евреям, пострадавшим от нацистского геноцида. Ознакомившись с письмом, В.М. Молотов обратился с запросом к секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову, члену Комитета СНК СССР по восстановлению народного хозяйства в освобожденных районах А.И. Микояну, Председателю Госплана СССР А.А. Вознесенскому и Народному комиссару НКВД СССР Л.П. Берии. Однако этим дело и ограничилось¹⁴. В конце лета 1944 г. работники ЕАК встретились с комиссаром еврейского партизанского отряда № 106 в Белоруссии Вертгеймом, начальником штаба Фейгельманом и начальником особого отдела отряда Мельцером. Партизаны отмечали, что со стороны населения слышится много антисемитских заявлений. Началась борьба за жилье, далеко не все соглашались пустить евреев в прежние квартиры. Пропало много вещей, которые никто не собирается разыскивать и возвращать, существуют трудности при устройстве на работу¹⁵.

Сам Комитет подвергся критике за свои усилия оказать помощь нуждающимся. В мае 1943 г. ответственный секретарь Совинформбюро В.С. Кружков направил письмо секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову с выражением возмущения, что ЕАК, получая письма с ходатайствами материально-бытового характера, принимает на себя заботу об их удовлетворении и затевает переписку с советскими и партийными органами¹⁶. 25 декабря 1945 г. А.А. Андреев и М.Ф. Шкирятов в записке Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) указывали, что в ЕАК обращаются евреи с жалобами по жилищным проблемам, с заявлениями, что к ним несправедливо относятся советские и

¹⁴ РГАСПИ, ф.17, оп. 127, д. 478, л. 44.

¹⁵ ГАРФ, ф. 8114, оп. 1, д. 1053, лл. 238-261.

¹⁶ Там же, д. 792, л. 9.

хозяйственные органы, а отдельные работники Комитета ведут с ними переговоры по этим вопросам и дают разъяснения. По мнению заявителей, это политически вредно и может превратить ЕАК в некий комиссариат по еврейским делам, что не соответствует задачам, поставленным при его образовании¹⁷.

Несмотря на это, ЕАК, хотя и с оговорками, продолжал содействовать обустройству евреев, возвратившихся на пепелища. Руководители Комитета верили, что советское руководство не останется безучастным к евреям после перенесенного ими геноцида, поддержит идею переселения евреев в Крым для создания там Еврейской советской республики. Этому были свои основания. В 1920–1930 гг. советское правительство начало землеустраивать евреев в Крыму, создав несколько еврейских национальных районов. Накануне войны в Крыму уже проживало 65 тыс. евреев, или 8% городского и 3% сельского населения полуострова. Такая перспектива представлялась реальной еще и потому, что татарское население Крыма в мае 1944 г. депортировали в Среднюю Азию и другие отдаленные районы СССР по обвинению в массовом коллаборационизме. Однако это предложение не было поддержано Сталиным, а впоследствии послужило одним из предлогов для ликвидации ЕАК¹⁸.

Положение в Минске

В июле 1944 г. город нельзя было узнать. На месте жилых и административных зданий, промышленных предприятий, парков и стадионов остались только пустыри и развалины. Центр города практически весь был разрушен. С привокзальной площади были видны развалины Театра оперы и балета. Люди ютились в домиках на окраинах¹⁹. Если на 1 июня 1941 г. жилой фонд Минска насчитывал 12 млн 96 тыс. кв. м, то к 1 мая 1945 г. он сократился до 4 млн 59 тыс. кв. м, из которых в распоряжении местных Советов находились 1 млн 849 тыс. кв. м²⁰. Прирост населения намного обгонял темпы жилищного

¹⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 317, лл. 288–292.

¹⁸ *Еврейский антифашистский комитет в СССР: Документальная история.* Москва, 1996 г., с. 95–98.

¹⁹ Г.К. Жуков. *Разгром немецких войск в Белоруссии.* Москва, 1974 г., с. 33.

²⁰ НАРБ, ф. 4, оп. 51, д. 103, л. 296.

строительства. Если на день освобождения – 3 июля 1944 г. – в городе насчитывалось 30 тыс. чел., то на 1 ноября 1944 г. – 45 тыс. чел., на 1 января 1946 г. уже было свыше 180 тыс. чел. из 250 тыс., проживавших до войны, тогда как жилой фонд Минска в 1946 г. составлял только 1,5 кв. м на одного горожанина²¹.

Доля еврейского населения среди минчан резко уменьшилась по нескольким причинам, главной из которых стал геноцид (евреи составляли 29,7% горожан в 1939 г.). По оценке Гирша Смоляра, к августу 1944 г. в город вернулось не менее 5 тыс. партизан-евреев и членов их семей, или половина из тех, кто сумел бежать из оккупированного Минска. Еще через два года их количество удвоилось за счет демобилизованных военнослужащих и реэвакуированных граждан. К началу 1950-х гг. количество еврейского населения в столице Белоруссии достигло 15 тыс. чел. К 1959 г. евреи в Минске насчитывали 38,8 тыс. чел., или всего 7,6% от общего населения города²².

Первые попытки обратить внимание на положение еврейского населения в республике были предприняты уже в 1944 г. Гирш Смоляр вместе с Наумом Фельдманом и Хаимом Александровичем обсуждали проблему «крыши» над головой, поисков работы, возврата к мирной жизни. Дома, уцелевшие на территории гетто, были заняты русскими и белорусами. Пользуясь своим авторитетом и связями, накопленными в ходе совместной борьбы с нацистами, ряд бывших еврейских партизан обратились в правительство и ЦК Компартии Белоруссии. Смоляр встретился с заведующими отделами ЦК Компартии Белоруссии Закурдяевым, Малининым и первым секретарем ЦК КП(б)Б Пономаренко. Все они отказались принять во внимание трудности еврейского населения и помочь решить хозяйственные и социально-бытовые проблемы, сославшись на занятость и нехватку средств²³. Нежелание партийных и государственных руководителей принять во внимание особые обстоятельства, в которых оказались евреи, фактически стало проявлением дискриминации.

Власти старались удержать часть жилого фонда не вернувшихся евреев в пользу государства. В июле 1944 г. Борис Млынский из отряда им. Кутузова обнаружил, что дом на ул. Мясникова (двухэтажное

²¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 88, д. 718, лл. 24.

²² Л. Смиловицкий. *Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг.*, с. 30-31.

²³ Гирш Смоляр. «“Теплая” встреча евреев-партизан в освобожденном Минске» // *Возрождение* (Иерусалим), № 4-5, 1975 г., с. 178-183.

деревянное здание), в котором он жил до войны, занят под Штаб белорусского партизанского движения. Во дворе находилось много партизан, оседланных лошадей, привязанных к лестнице. Квартира Млынских была на первом этаже, теперь в комнате, уставленной столами, несколько человек писали отчеты, кто-то отдавал распоряжения, звонили телефоны. Борис попытался выяснить судьбу прежних жильцов, но безуспешно. Отряд им. Кутузова был расформирован и влит в одну из частей Красной армии, которая продолжила путь на Запад. Больше Борис, родные которого погибли в гетто, в Минск не возвращался²⁴.

Целый ряд квартир и домов евреев были заняты руководящими работниками республиканских и областных организаций. Заведующий Особым сектором ЦК КП(б)Б Матузов проживал в квартире семьи Нодельштейн, заместитель Председателя СНК БССР Шавров – в доме семьи Гимельштейн, начальник отдела кадров СНК БССР Матвеев – в доме Картовенко, начальник Белглавснаба при СНК БССР Смирнов – в квартире Этуса, заместитель Народного комиссара внутренних дел республики Хоняк – в доме Трояна, а заведующие промышленным отделом и отделом школ ЦК КП(б)Б Колышкин и Ломтев – в квартирах, принадлежавших евреям, но отремонтированных Управлением делами ЦК КП(б)Б²⁵.

Оставшиеся без крова жаловались в различные инстанции, а когда это не давало результата, обращались в Москву. 13 декабря 1945 г. уполномоченный Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Белоруссии Филимонов составил докладную записку «О фактах бездушного отношения к устройству демобилизованных воинов и семей военнослужащих со стороны ряда руководящих работников Белорусской ССР». В документе среди граждан, пострадавших от произвола чиновников, более двух третей составляли еврейские фамилии. В частности, указывалось, что постановление СНК БССР от 20 октября 1945 г. об освобождении жилой площади в домах, занятых под конторы учреждений и организаций, эффекта не дало. Были высвобождены всего 1 938 кв. м, на которых в большой скученности разместили 58 семей демобилизованных воинов, 33 семьи инвалидов

²⁴ Б.М. Млынский. *Страницы жизни времен Катастрофы*. Хадера, 1998 г., с.100.

²⁵ НАРБ, ф. 4, оп. 51, д. 103, л. 298.

Великой Отечественной войны и 16 семей военнослужащих. Несмотря на грозные формулировки и требования наведения порядка, московские инстанции не вынуждали своих белорусских коллег принимать невыгодные им решения. Докладную записку Филимонова положили «под сукно» по той причине, что ее автор тоже проживал в бывшей еврейской квартире²⁶.

Вместе с тем иногда случались исключения. В июле 1945 г. жена известного еврейского белорусского поэта и прозаика Змитрока Бядули Мария Исааковна Плавник, вернувшись из эвакуации, обнаружила, что их дом и имущество сгорели. Вместе с детьми Ефимом (10 лет) и Софьей (15 лет) они скитались по знакомым. Отчаявшись, женщина обратилась за помощью, написав Председателю правительства БССР П.К. Пономаренко выделить ей комнату или временно предоставить номер в гостинице за счет Литфонда республики. Неожиданно ходатайство было удовлетворено²⁷. В данном случае семье Бядули повезло, однако не потому, что функционеры были поклонниками его творчества или с симпатией относились к еврейской интеллигенции. Если бы Бядуля не умер в ноябре 1941 г., а был репрессирован накануне войны, как это произошло с Изи Хариком, Хаимом Дунцом, Моисеем Кульбаком, Эли Каганом, Зеликом Аксельродом, Яковом Бронштейном и многими другими, то отношение к его вдове и детям было бы другим.

Опасения расхитителей еврейского имущества

Реальными оставались опасения части населения, самовольно присвоившей еврейское имущество в годы оккупации. В мае 1944 г. в письме руководителей ЕАК В.М. Молотову говорилось, что оставшиеся на местах пособники Гитлера, принимавшие участие в убийствах и грабежах советских людей, боятся живых свидетелей и препятствуют возвращению евреев в их родные места²⁸. Летом 1941 г. часть неевреев воспользовалась общим хаосом и безвластием. Они взламывали

²⁶ НАРБ, ф. 4, оп. 51, д. 103, л. 298.

²⁷ Там же, ф. 7, оп. 3, д. 1786, л. 47.

²⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 127, д. 478, лл. 44.

квартиры, уцелевшие после пожаров склады и магазины и присваивали продукты, промышленные товары, одежду и мебель²⁹.

В июле-сентябре 1941 г. нацисты организовали гетто в большинстве городов и местечек. Евреи, жившие на улицах, не вошедших в гетто, вынуждены были совершить принудительный обмен или просто покинуть свои жилища. Часть имущества кто-то смог взять с собой в гетто, а часть отдать своим соседям на хранение. Семья Сосновских из Хотенчиц Вилейского района владела мельницей. С приходом немцев они обратились к знакомому хозяину хутора Степке, жившему в полутора километрах от местечка, взять на хранение часть их имущества. На хуторе укрыли запасы зерна, муки, крупы, вещей и некоторые ценности. После освобождения республики Сосновские хотели забрать свое имущество. Однако получили обратно только подростковый велосипед, который удалось обменять на мешок ржаной муки. Остальное, по словам хозяина хутора, забрали немцы, полицейские и партизаны³⁰. Были и такие, кто обещал укрыть за вознаграждение, а потом доносил. Так поступал крестьянин Кабанов в Елизово Осиповичского района, предлагавший евреям помощь, но, когда завладевал их имуществом и ценностями, выдавал³¹. В Гомеле домработница Александра Зверева выдала еврейскую семью, в которой работала до войны. Мебель их она вывезла к себе в деревню³².

Еврейское имущество иногда служило причиной гибели хозяев от бывших соседей. Залмана и Брусю Фурман из Ушачей убил местный житель, вызвавшийся вывезти их на телеге с вещами³³. Ицхак Роговский перед побегом из Радуні оставил мебель, одежду и драгоценности у своих друзей Шемянских в д. Ковалки. Когда через некоторое время сын Роговского Мейшке хотел взять что-нибудь из одежды, Шемянские не захотели расставаться с полученным добром и сказали, что отдадут все, когда он придет с братьями. На другой день едва сыновья и племянник Ицхака приблизились к дому, их обстреляли

²⁹ L. Smilovitsky. "Nazi Confiscation of Jewish Property in Belorussia" // *Jews in Eastern Europe*, № 1(37), 1998, pp.75-79.

³⁰ Из письма Михаила Сосенского от 4 апр. 2000 г. // Архив автора.

³¹ Из письма Михаила Баршая от 24 апр. 2000 г. // Там же.

³² Из письма Майи Идовой от 12 марта 1998 г. // Там же.

³³ Из письма Людмилы Баскиной от 20 мая 2000 г. // Там же.

из пулемета. Мейшке погиб, Номку ранили в ногу, но ему вместе с Лейбой удалось бежать в лес³⁴.

В первую очередь еврейское имущество расхищали полицейские, их родные и знакомые. Все, что принадлежало евреям, считалось бесхозным³⁵. В Ляховичах дом Ноаха Мельника грабили соседи Лукашевичи. Старались, кто больше. Рядом с Мельниками жили Спровские. Осенью 1941 г. во время акции они спрятались в подвале. Квартирант Куликовский привел карателей-литовцев – выдал хозяев и поселился в их доме. Уцелел только Мотл Спровский, которого мобилизовали в Красную армию в 1940 г. После окончания войны он выгнал Куликовского и вернул себе дом³⁶. В Ракове еврейское имущество забирали Антон Шидловский, Ян Цыбульский, Владислав Курьян, Ян Лукашевич, Ян Алешко, Василий Яцкевич. В сентябре 1941 г. комендантом полиции Ракова назначили Ясинского, уроженца хутора у станции Алехновичи, а его помощником – Сурвилло. Они требовали, чтобы евреи снабжали их любовниц одеждой и обувью. В сарае Рословской, которая сожительствовала с заместителем гебитскомиссара Вилейки Генделем, обнаружили много мебели, посуды, личных вещей евреев. В Дуниловичах в марте 1942 г. полицейский Шахович потребовал у Моты Лифшица кожаные перчатки, которых у того не оказалось. Тогда он передал Лифшица гестапо³⁷. В Речице Гарай, проживавший на ул. Луначарского, за корову и домашнее имущество убил старика Кравцова еще до массового расстрела евреев в ноябре 1941 г.³⁸

В Кривичах в апреле 1942 г. арестовали Сару Ходос. За солидный выкуп ее освободили. Возвращаясь домой, она увидела, как немецкие жандармы, бургомистр Петр Венцкович, полицейские Мазур и Мелько укладывали на подводы ее вещи. Женщина потребовала вернуть все, на что последние засмеялись и ответили, что хозяев уже давно нет в

³⁴ В начале 1943 г. евреи из Радуни и окрестных сел влились в партизанский отряд Станкевича бригады им. Ленинского комсомола. Братья Роговские пришли к Шемянским, расстреляли их и сожгли дом. См. Adam Rogowski. *B'akalton Yelech Adam*. Tel Aviv, 1995, p. 90.

³⁵ *Нацистское золото из Беларуси: Документы и материалы* / Составители В.И. Адамушко, Г.Д. Кнатько, Н.А. Редкозубова, В.Д. Селеменев. Минск: НАРБ, 1998 г., 413 с.

³⁶ Из письма Ноаха Мельника от 30 мая 2000 г. // Архив автора.

³⁷ ГАРФ, ф. 8114, оп. 1, д. 964, лл. 245, 249-250, 257, 322.

³⁸ Из письма Михаила Балтэ и Сары Бер от 20 янв. 2000 г. // Архив автора.

живых³⁹. В Борисове под руководством начальника полиции Станислава Станкевича делили еврейское имущество, значительную часть которого забрали немцы. Петр Ковалевский присвоил дом Шейнемана. Михаил Тарасевич, Григорий Верховодко, Иван Копытко получили одежду, предметы обихода, мебель и ценности: женскую доху, пальто, овчинную шубу, патефон, этажерку, 55 руб. золотой монетой царской чеканки и советские денежные знаки, ручные и настенные часы. Часть награбленного отдали в магазин для продажи и распределения по талонам среди нуждающихся белорусов⁴⁰.

Поделить награбленное еврейское имущество не всегда получалось мирно. В Дуниловичах в июне 1942 г. вещи евреев привезли на склад бывшего райпотребсоюза (районного отделения Союза потребительской кооперации). Староста Евгений Спичонок хотел взять себе новый костюм, который ему не уступал заведующий складом Петровский. Они подрались, и их вынужден был разнимать немецкий жандарм. Сын Адольфа Мацкевича ехал на возу и брал, что попадалось под руку. Около одного из домов он погрузил рулон кожи. Это заметил сын Карла Ичковского и, как более сильный, избил первого до потери сознания, отняв рулон. Побои и драки из-за еврейского имущества были повседневным явлением. Немцы высмеивали своих помощников из местного населения, спрашивая, кто же будет им наследовать, когда они погибнут?⁴¹

Препятствия в возврате еврейского имущества

После окончания войны местные жители неохотно возвращали евреям их собственность. Обращения в суд осложнялись отсутствием свидетелей, утратой документов и другими объективными причинами. Давид Залманович в 1943 г., приехав на побывку с фронта в только что освобожденный Городок Витебской области, обнаружил свой дом занятым многодетной семьей бывшего полицейского⁴². В Червень вернулась семья Цодика Рытова. Сохранился дом их бабушки. Все дома евреев заняли жители окрестных сел, от их имущества почти ничего не

³⁹ ГАРФ, ф. 8114, оп. 1, д. 964, лл.131, 181.

⁴⁰ А. Розенблум. *Память на крови. Евреи в истории Борисова*. Петах-Тиква, 1998 г., с. 123.

⁴¹ НАРБ, ф. 845, оп. 1, д. 64, л. 35; ГАРФ, ф. 8114, оп.1, д. 964, л. 34.

⁴² А. Шульман. «Еврейский Городок» // *Мишпоха* (Витебск), № 4, 1998 г., с. 53.

осталось, но местные жители упорно не хотели уступать. Больше года Рытовы вынуждены были добиваться возврата принадлежавшего им по праву⁴³. Нехемия и Браха Ладины пережили эвакуацию в Курганской области. Их дом в Речице на ул. Советской в 1944 г. был занят соседями Кандеевыми. По требованию законных хозяев Кандеевы нехотя освободили помещение, но имущество и мебель Ладины востребовали уже по суду. Дом Рубинчиков в Речице, с мебелью, одеждой и библиотекой, разобрали и увезли в сельскую местность. После долгих уговоров соседка вернула только стенные часы и кровать. Сапожнику Абраму Грайферу отдали сарай, самовар и ватное одеяло, но вернуть дом отказались⁴⁴.

Подобных случаев было много. Каждый раз приходилось заново доказывать свои права, хотя главными расхитителями были соседи, жившие рядом с евреями многие годы. В случаях, когда жилища реэвакуированных не сохранились, власти и местные жители часто чинили препятствия в том, чтобы вернувшиеся из эвакуации вступили в законные права наследников своих родных, погибших в гетто, на фронте или пропавших без вести. Абрам Левин из Василевичей Гомельской области пережил эвакуацию в Бурлинском районе Западно-Казахстанской области. Когда он вернулся домой в июне 1944 г., ему отдали корову, перину, подушки, шкаф, стол и другие вещи, однако поселиться в доме своего близкого родственника Гершона Левина не разрешили⁴⁵. Нехама Протас бежала из горящего Минска с грудным ребенком на руках. В гетто погибла вся ее большая родня — около 100 чел. В 1946 г. женщина вернулась в Минск и обнаружила, что в ее доме на ул. Комаровской (ныне ул. Варвашени) живут чужие люди. Дом был частный, деревянный, из пяти комнат и кухни. Нехама отсудила полдома, записанные на нее. Однако когда дело коснулось второй половины, принадлежавшей родителям, то самовольно занявших ее людей пришлось выселять через суд. Минчане Пейсах и Шпринца Гольдины нанимали адвоката для возврата своего жилья. Вся мебель и имущество в доме были расхищены⁴⁶.

⁴³ Письмо Цодика Рытова 4 авг. 1998 г. // Архив автора.

⁴⁴ Письмо Марии Рубинчик от 27 апр. 1998 г. // Там же.

⁴⁵ Письмо Сары Левиной от 28 марта 1998 г. // Там же.

⁴⁶ Письма Марии Гальпериной от 18 и 28 марта 1998 г. // Там же.

Не стали исключением бывшие партизаны, местные советские и партийные работники, занимавшие уцелевшие еврейские дома. В 1943 г. в Гомеле дом Рейзы-Гнесы и Мовши-Лейба Фишер на ул. Тельмана занял бывший комиссар партизанского отряда, избранный вторым секретарем Гомельского ГК КП(б) Виктор Юдин с женой Диной. Дом был маленький, всего 30 кв. м. Мебели не осталось, только дубовый шкаф, который мародеры не смогли вытащить. Новые хозяева не хотели признавать семью Фишер, несмотря на то, что у Мовши-Лейбы сохранились документы на владение домом, который он построил в 1927 г. В сентябре 1944 г., когда вернулись Фишеры из эвакуации, ночевать на улице было холодно. Юдины пустили их на кухню. Там они спали, и только спустя два месяца Юдину как ответственному партийному работнику дали жилье и он переехал⁴⁷.

Часть евреев, воевавших в партизанских отрядах и на фронте, не надеясь на помощь властей, возвращали жилплощадь и имущество самостоятельно. Одни действовали силой оружия по праву победителей, другие использовали служебное положение. Дом Рубенчиков в Минске в Зеленом переулке остался цел, но там проживали посторонние люди, которые утверждали, что откупили его у хозяев и даже называли сумму. Когда в июле 1944 г. Абрам и его сестра Ёха, бывшие узники гетто и партизаны, потребовали освободить помещение, то услышали в ответ, что всех евреев убили, в том числе и хозяина этого дома. Тогда Ёха, участница закончившегося накануне партизанского парада, сняла с плеча автомат и выстрелила в воздух. Это подействовало, и лжехозяева покинули дом⁴⁸. Давид Бернштейн после освобождения Минска стал работником прокуратуры Белорусского военного округа. Его дом на ул. Комсомольская, 13 уцелел. Это была маленькая квартира на первом этаже, состоящая из комнаты 25 кв. м, кухни, санузла. Весь город, и особенно его центр, был разрушен. Посреди развалин остались только несколько кирпичных домов на ул. Комсомольской. В квартире Бернштейнов проживал посторонний человек, отказавшийся уйти. Давид предъявил паспорт с довоенной пропиской, но это не помогло. Тогда он привел взвод солдат и выпроводил самозванца с вещами. Претензий не предъявили, такое

⁴⁷ Запись беседы с Инной Беловой (Миркиной) 31 марта 2000 г. // Архив автора.

⁴⁸ А. Рубенчик. *Правда о Минском гетто*. Тель-Авив, 1999 г., с. 161.

поведение в то время считалось оправданным, и не только потому, что офицер поступил по праву сильного. Будучи юристом, Давид знал, что мог сослаться на особые права, которые имели военнослужащие и члены их семей по сохранению за собой довоенной жилплощади⁴⁹. Постановлением СНК СССР от 5 августа 1941 г. за всеми лицами, находившимися на службе в армии, сохранялась их жилая площадь по бывшему месту жительства. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию» был расширен круг наследников. К ним причислили родителей, а если их не было в живых – братьев и сестер умершего⁵⁰.

Случалось, что местные органы власти шли на сознательный подлог, чтобы не возвращать довоенное жилье законным хозяевам. Они не отвечали на запросы, искажали сведения, о которых запрашивали их бывшие земляки, и даже отправляли заведомо ложные данные. Залман-Евнон и Цивья Коган, находясь в эвакуации, послали письменный запрос в горисполком Бобруйска о том, сохранился ли их дом. От этого зависело их возвращение в родные края. Работники горисполкома сообщили, что дом разрушен. В 1945 г. их сын Илья, студент факультета журналистики Уральского университета, проходил учебную практику в Минске. Он приехал в Бобруйск и на предполагаемом пепелище обнаружил, что родительский дом цел. Он был занят конторой городской хлебопекарни. Илья направился в горисполком и потребовал разъяснений. Его удостоверение корреспондента газеты «Советская Белоруссия» произвело впечатление. Председатель Совета отдал распоряжение освободить дом. Однако исполнить это чиновники не торопились. В начале 1946 г. Коганы вернулись в Бобруйск из Свердловска, но так и остались бездомными. Потребовалось много месяцев и значительные усилия, чтобы выполнить уже имевшееся постановление. Неизвестно, чем бы закончилось дело, если бы их сын не имел отношения к средствам массовой информации и не мог предать огласке нежелательные для городской администрации факты⁵¹.

Некоторые евреи, чтобы узнать судьбу близких, отказывались от прав на свое бывшее имущество. Бася Житниция через две недели

⁴⁹ Запись беседы с Марком Бернштейном в Иерусалиме 14 марта 2000 г. // Архив автора.

⁵⁰ В.А. Круталевич, І.А. Юхо. *Гісторыя дзяржавы і права Беларусі, 1917–1945 г.* Мінск, 1998 г., с. 232.

⁵¹ Письмо Даши Плоткиной от 7 февр. и 5 марта 1998 г. // Архив автора.

после освобождения Минска приехала в город в поисках сестры Нехамы и племянницы Ларисы. Часть ее дома уцелела и годилась для жилья. На расспросы о судьбе Нехамы соседи посоветовали обратиться к Косаревым, с которыми у Нехамы была связь из гетто. При встрече Косаревы смутились, потому что в их квартире оказалось много вещей и мебели Житницких, но Бася не подала вида. Дочь Косаревых, Нина, работала в полиции и якобы помогла сделать Нехаме «белорусский» паспорт. Некоторое время она жила в семье скульптора Бембеля, а потом была арестована. Племянницу Ларису забрала к себе Нина Глебко, работавшая на радио у немцев⁵².

Возврат евреям их собственности обычно имел затяжной характер. Бухгалтер Гирш Чернов возвратился в Бобруйск летом 1945 г. из эвакуации в Мордовской АССР. Его дом, принадлежавший до войны ЖЭКу (жилищно-эксплуатационной конторе), был занят. Гирш хотел поселиться у брата Пинкуса на ул. Красноармейской, семья которого погибла в гетто, но этот дом тоже был занят. Только через два года после разбирательства дела в суде он смог утвердить за собой это наследование⁵³. Цира Рубина вернулась в Минск в 1946 г. и долго судилась с людьми, которые заняли половину ее дома (28 кв. м) на ул. Сухая, д. 4, в районе еврейского кладбища. Дом был собственностью ее матери и перешел к Рубиной по наследству. В годы войны это была территория гетто, и в его подполье было устроено тайное убежище («малина»). Одну половину дома разрушили, чтобы замаскировать вход в тайник. Оставшаяся часть дома стала предметом тяжбы. Жалобу рассматривал народный суд Фрунзенского района Минска. Дело было выиграно после того, как соседи подтвердили, что «спорный» дом принадлежал Рубиным⁵⁴. Малка и Янкель Пейсаховичи пережили эвакуацию в Башкирии. В 1944 г. они вернулись в Минск, где их дом в центре города из двух комнат и кухни (ул. Советская, д. 6) был занят. Только через суд они смогли восстановить свое право и вселиться⁵⁵.

В ряде случаев представители местных органов власти допускали прямой произвол, чтобы не возвращать занятые дома. В 1944 г. Ита-Сейна Френкель, приехав в Речицу, обнаружила, что в ее доме по ул. Калинина, проживает милиционер с семьей. Новые хозяева разрешили

⁵² Бася Житницкая. *Жизнь, прожитая с надеждой*. Рамат-Ган, 1998 г., с. 44.

⁵³ Письмо Вениамина Чернова от 5 февр. 1998 г. // Архив автора.

⁵⁴ Письма Рашель Каплан от 15 марта и 28 апр. 1998 г. // Там же.

⁵⁵ Письмо Арона Пейсаховича от 12 янв. 1998 г. // Там же.

Френкель переночевать при условии, что утром она с детьми покинет дом. Только с помощью соседей им удалось поселиться в одной комнате. Но милиционер не оставлял Иту-Сейну в покое. Он продолжал жить в другой половине дома и всякий раз, возвращаясь с дежурства, стрелял в воздух из своего табельного оружия. По совету знакомых женщина обратилась в суд. Только в июле 1946 г. суд признал ее полноправной собственницей, но в доме уже ничего не осталось, кроме разбитого дивана. В 1951 г. Барановичский исполком передал на баланс городского жилищного управления более 600 домов убитых евреев. Документация отчуждения содержала подробные сведения о местоположении строений, планы улиц с нумерацией домов, степень технической изношенности, оценочную стоимость и пр. Имена и фамилии бывших владельцев не уточнялись под предлогом, что они погибли и не могли претендовать на это жилье. Вопрос о сохранении прав их наследников игнорировался. Отчужденные дома заселили по усмотрению местной администрации⁵⁶.

Белорусы и русские, не желавшие уступать, жаловались на «необоснованные» претензии евреев. В январе 1946 г. в Логойском районе колхозница Фаина Носевич с возмущением говорила, что «евреи нас из квартир выгоняют», приведя в пример свою сестру, которую евреи выселили из квартиры в Минске⁵⁷. Проверки подобных заявлений не всегда разрешались в пользу евреев, даже если это и казалось очевидным. Порой борьба за возврат жилища заканчивалась трагически. В 1945 г. произошло событие, которое потрясло г. Речицу Гомельской области. Ципа Каганович, вдова погибшего на фронте солдата с двумя малолетними дочками, отсудила свой дом на улице Пролетарской. Ципа пустила на квартиру девушку из деревни, работавшую в городе. Однажды поздно вечером в дверь постучали, хозяйка решила, что это квартирантка, и открыла дверь. Ее тут же застрелили из темноты. Убийцу не нашли, дело замяли. Остались двое сирот, которых определили в детский дом⁵⁸.

Известны случаи, когда в суды направлялись лжесвидетели. Часто домовладение оспаривалось на том основании, что оно было национализировано после революции. В Борисове в течение многих месяцев тяжбу с государственными учреждениями вели братья Арон и

⁵⁶ См. *Хаверим*, № 5, 1999 г., с. 3.

⁵⁷ НАРБ, ф. 1, оп. 9, д. 26, л. 10.

⁵⁸ Письмо Марии Рубинчик из Ашдода от 3 мая 1998 г. // Архив автора.

Яков Мазо. Постановлением городского суда их дом на улице Дзержинского был отнят под магазин. Судья Галина Акулич, жившая до войны по соседству, хорошо знала, что семья Мазо является действительным владельцем, но не захотела принять это во внимание. Отказали в иске часовому мастеру Мотлу Гольдбергу. Лишь после его обращений в Верховный суд БССР справедливость восстановили. Получив сообщение об исходе дела, Мотл отправил в Минск восторженную телеграмму с благодарностью советскому суду, «самому справедливому в мире»⁵⁹.

Однако часто складывалось по-другому. Верховный суд аннулировал ранее принятые положительные решения предшествовавших районных и городских судебных инстанций и оставлял жалобы евреев без удовлетворения. В апреле 1946 г. решением народного суда 6-го участка Минска Яков Шмулевич Зыглин был признан собственником части дома № 11 на ул. Сухая, в котором уже проживали Валентина Осипчук, Петр Овсянкин и Ольга Липай. В октябре 1947 г. Верховный суд БССР отменил прежнее решение народного суда и передал дело на новое рассмотрение. Так тянулось почти два года, но в июне 1949 г. народный суд 1-го участка Кагановичского района Минска признал правоту Якова Зыглина. Несмотря на это, в мае 1950 г. Верховный суд республики повторно признал недействительным решение Минского городского суда и отказал Зыглину за «необоснованностью» иска⁶⁰.

Во второй половине 1949 г. первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Николай Гусаров в связи с многочисленными жалобами дал указание прокуратуре республики проверить судебные решения и определения, связанные с установлением нарушения права граждан на личную собственность. В порядке надзора было изучено 935 гражданских дел и принесено 87 протестов. Большинство дел решилось не в пользу евреев. Прокуратура отмечала, что в связи с утратой документов в военное время некоторые суды подходили к существу проблемы формально. Только в одном Минске в коммунальный фонд районных Советов после этого передали 11 домов. Моисей Тейф обратился в суд с заявлением установить факт принадлежности дома его сестре Доре Левиной, погибшей в гетто. Народный суд 2-го участка Сталинского района Минска в октябре 1948 г. положительно решил

⁵⁹ А. Розенблюм. *Память на крови. Евреи в истории Борисова*, с. 22.

⁶⁰ НАРБ, ф. 4, оп. 53, д. 17, лл. 1-3.

этот вопрос. Однако по протесту Прокуратуры БССР данное постановление суда отменили как необоснованное. Были пересмотрены и постановления народного суда 1-го участка Ворошиловского района о возврате дома № 22 на ул. Замковая гражданам Каплану, Дрейцер и Люблиперман и решение Минского областного суда (май 1948 г.) о признании права собственности Самуила Вольмана на дом по улице Ратомская, ранее принадлежавший его супруге Ю.А. Лукиной, погибшей в гетто. Прокурор БССР А. Бондарь сообщал руководству республики о фактах, когда представители районных исполнительных Советов давали в суде ошибочные заключения о принадлежности домов отдельным лицам. При этом большинство подобных случаев касались евреев, например, подтверждение инспектором Ворошиловского райуправления Авраамец принадлежности дома в Комаровском переулке в Минске гражданке Цукерман; отчуждение в пользу государства двух домов в Столбенецком переулке, якобы присвоенные Березинской, и т. д.⁶¹

Людей, прилагавших усилия для объективного рассмотрения дел, подвергали административному давлению и угрозам, увольняли и даже арестовывали. В 1944–1948 гг. Арону Шеру, заместителю начальника, а затем начальнику государственного архива Пинской области, выдававшему справки об утрате еврейского имущества на основе имевшихся в архиве сведений, угрожали увольнением. Его неоднократно вызывали в партийные органы и требовали прекратить «разбазаривать государственный жилой фонд». Особое усердие проявлял первый секретарь Пинского ГК КП(б)Б Вдовенко, обещавший лишить А. Шера партийного билета и привлечь к ответственности. Это была не пустая угроза⁶². В декабре 1947 г. Александра Штейрина, главного архитектора Могилева, осудили на пять лет лишения свободы. Его обвинили в незаконной выдаче документов на снятие домов с учета в горсовете только на основании карточек, заполненных в период немецкой оккупации. Это позволяло начать строительство нового жилья. Особое неудовольствие вызвал случай, когда Штейрин помог Берте Шапиро «сфабриковать» акт о принадлежности ей дома на улице Вербовая. Главный архитектор подготовил проект постановления о возвращении Шапиро домовладения и добился утверждения его на

⁶¹ НАРБ, ф. 4, оп. 53, д. 17, лл. 4-6.

⁶² Письмо Арона Шера 23 марта 2001 г. // Архив автора.

заседании горисполкома. Действия Штейрина были признаны «преступными» на том основании, что названные дома ранее принадлежали не Берте Шапиро, а ее мужу Иофану, осужденному в 1937 г. за «контрреволюционные преступления», и переданы на баланс местного домоуправления⁶³.

В апреле 1949 г. в Минске за «вражескую деятельность» (превышение служебных полномочий) был исключен из партии и арестован 27 апреля 1949 г. прокурор Ворошиловского района Минска Давид-Хаим Рувимович Кисель, который добивался возврата жилья демобилизованным воинам и их семьям⁶⁴. Его посадили в одиночную камеру следственного изолятора МГБ и стали добиваться признания. Не помогло и то, что Давид был участником подполья в Минском гетто, а затем политическим руководителем роты партизанского отряда им. Жданова Барановичского соединения. Ни к чему не привело заступничество прокурора БССР Ивана Ветрова, и Давида Киселя приговорили 10 годам лишения свободы с последующим поражением в правах на пять лет; наказание он отбывал в мордовских лагерях. В 1955 г. его реабилитировали по политическим статьям, оставив обвинение в злоупотреблении служебным положением⁶⁵.

Усилия евреев вернуть утраченное в годы войны имущество и жилища имели для них большое значение. От этого во многом зависело успешное возвращение к мирной жизни, способность пережить последствия Холокоста и найти силы для созидательного труда. При этом отношение местного населения и властей к желанию законных владельцев отстоять свои права показывает действительные отношения между евреями и неевреями. Огромные разрушения и жилищный кризис сделали эту проблему крайне болезненной. Население большинства еврейских местечек Белоруссии погибло. Еврейская собственность считалась бесхозной. В годы оккупации таковой ее объявили немецкие власти, что послужило основой для грабежа и хищений. После изгнания нацистов в еврейских домах поселились их недавние соседи, рассчитывавшие, что еврейское имущество некому будет уступать. Вместо сочувствия немногие уцелевшие евреи встретили скрытую

⁶³ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 72, л. 50.

⁶⁴ Там же, ф. 1, оп. 22, д. 15, л. 137.

⁶⁵ В монографии В. Левина и Д. Мельцера *Черная книга с красными страницами. Трагедия и героизм евреев Белоруссии* (Балтимор, 1996) на с. 134 ошибочно указывается дата ареста Давида Киселя 9 августа 1945 г.

неприязнь или откровенное недовольство. Нацистская пропаганда за годы оккупации подогрела антисемитские настроения. На этом фоне товарищеская поддержка и взаимопомощь части местного населения, делившегося с теми, кто вернулся из эвакуации последним, становились бесценными. В то же время отсутствовала государственная программа адаптации жертв Холокоста к мирной жизни, а отдельные мероприятия властей по оказанию помощи евреям, прибывшим на свои пепелища, носили разовый характер. Решения большинства насущных вопросов были отданы на откуп местной администрации, которая не всегда была заинтересована в справедливом решении проблемы. В результате многие еврейские семьи сочли невозможным продолжать жить в родных местах. Они переехали в районные центры и большие города, где можно было получить новое жилье, устроиться на работу или поступить на учебу. Только немногие смогли отстоять свои права и поселиться в принадлежавших им домах.

Опубликовано:

“Struggle of Belorussian Jews for the Restitution of Possessions and Housing in the First Post War Decade” // *East European Jewish Affairs*, vol. 30, No 2, Winter 2000, pp. 53-70.

«Дело врачей»

«Дело врачей» вошло в историю как пример агонии режима, готового на любые крайности ради самосохранения, и как апогей большой послевоенной чистки, неожиданно обернувшейся против ее организаторов¹. Первые годы после войны стали временем напряженного противостояния Советского Союза странам Запада, в котором антиеврейская политика Москвы оказалась оружием первостепенной важности. После идеологических кампаний второй половины 1940-х гг. еврейская тема не рассматривалась иначе как борьба с национализмом, космополитизмом и сионизмом. Не одобряли власти и проявление интереса к судьбе евреев в годы войны. В связи со смертью Сталина дело о «врачах-отравителях» просуществовало недолго, но его резонанс ощущался еще многие годы. Официальная интерпретация событий была дана Н.С. Хрущевым на XX съезде КПСС в 1956 г. и оставалась таковой вплоть до конца 1980-х гг.² Советским историкам не разрешалось знакомиться с архивными материалами, следственными делами обвиняемых или упоминать западную точку зрения на то, что произошло в начале 1953 г.³ Только после распада Советского Союза в

¹ Общие положения настоящей темы изложены, например, в следующих работах: Я.Л. Рапопорт. *На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 г.* Москва, 1988 г.; Г. Костырченко. *В плену у красного фараона.* Москва, 1994 г., с. 348-357; Его же. *Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм*; Я. Айзенштат. *О подготовке Сталиным геноцида евреев.* Иерусалим, 1994 г., с. 61-78; Ф. Лясс. *Последний политический процесс Сталина, или Несостоявшийся геноцид.* Тель-Авив, 1995 г.

² «О культе личности и его последствиях»: Доклад первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева XX съезду КПСС 25 февр. 1956 г. // *Реабилитация. Политические процессы 1930–1950-х гг.* Москва, 1991 г., с. 53.

³ R. Conquest. *Power and policy in the USSR: The Struggle for Stalin's Succession, 1945–1960.* New York, 1967; Y. Gilboa. *The Black years of Soviet Jewry, 1939–1953.* Boston, 1971; B. Pinkus. *The Jews of the Soviet Union* / Cambridge University Press, 1988; M. Altshuler and A. Chenstov. *Party and Popular Reaction to the “Doctor's Plot”*,

августе 1991 г. возникли условия, позволившие выяснить причины, логику и ход этой последней идеологической кампании Сталина, которая могла оказаться роковой для советского еврейства⁴.

Подготовка кампании

В послевоенной Белоруссии евреи были широко представлены в партийном и советском руководстве, среди деятелей науки, культуры и образования. В 1947 г. в Борисове среди 360 представителей городской интеллигенции евреи составляли 53 чел., а в Ворошиловском районе Минска из 3 438 чел. – 748 чел.⁵ В Бобруйске среди 539 номенклатурных работников горкома партии было 112 евреев⁶, в 1952 г. в Академии наук Белоруссии работали 429 научных сотрудников, в том числе 63 еврея, и т. д.⁷ К началу 1953 г. евреи в Белоруссии продолжали занимать многие важные должности в средствах массовой информации. Среди редакторов республиканских газет и журналов они составляли 11,1%⁸. Ответственным секретарем журнала «Коммунист Белоруссии» работал Б.Г. Зельцер, ответственным секретарем журнала «Работніца і сялянка» («Работница и крестьянка») – И.О. Шифрина⁹. Главными редакторами газеты «За радзіму» («За Родину») и гродненской районной газеты были Абрам Менделевич Левин и Исаак Фомич Авилов¹⁰, в Бресте ответственным секретарем Общества по распространению политических и научных знаний работала Бетя Наумовна Лойберг. На курсах пропагандистов при Минском городском комитете партии читали лекции заведующие кафедрами основ марксизма-ленинизма

Dnepropetrovsk Province, Ukraine, pp. 49-65; “More about Public Reaction to the Doctors' Plot (in Ukraine)”: Documents, introduced by M.Altshuler // *Jews in Eastern Europe*, 1997, №2 (30), pp. 24-57.

⁴ К.А. Столяров. *Голгофа*. Москва, 1991 г.; Л.Л. Бернштейн. *Евреи и политические процессы в Советском Союзе в 20–80 гг. XX столетия*. Киев, 1994 г.; А. Борщаговский. *Обвиняется кровь*. Москва, 1994 г.

⁵ НАРБ, ф. 1, оп. 9, д. 53, лл. 104, 127.

⁶ Там же, ф. 4, оп. 62, д. 328, л. 481.

⁷ Там же, оп. 73, д. 19, л. 130.

⁸ Там же, оп. 5, д. 38, лл. 40-51.

⁹ Там же, оп. 7, д. 388, л. 318.

¹⁰ Государственный архив общественных объединений Гродненской области (бывший партийный архив областного комитета партии Гродненской области; далее – ГАОО Гродненской области), ф. 1, оп. 1, д. 52, л. 88.

Я. Левин (юридический институт) и Б. Харик (институт народного хозяйства), старшие преподаватели педагогического института Г. Фридман, М. Канторович и др.¹¹ Среди инженерно-технических работников промышленности БССР евреи составляли 15,5%, а среди кадров науки и культуры – 16%¹².

Что касается медицинских учреждений, то в Минске должность главного врача 1-й клинической больницы занимал Шульц, главного врача 5-й поликлиники – Дрейзен, ассистентов терапевтической клиники – Нейфах и др., за просвещение отвечали доценты медицинского института Гинзбург, Кацман, Канторович и Меламед¹³.

В республиканском Комитете радиоинформации из четырех работников был один еврей, а в числе трех областных корреспондентов этого Комитета работали два еврея: Эпштейн и Рубинчик. В Главном управлении по охране литературных тайн в печати при Совете министров БССР из восьми цензоров двое были евреи¹⁴. В 1952 г. доля евреев в руководящих кадрах республики составляла 3,89%, в том числе на уровне городского и районного звеньев – 4,12%¹⁵. Вследствие этого власти в республике оказались в затруднительном положении. С одной стороны, они обязаны были выполнять указания общесоюзного центра, с другой – вынуждены считаться с конкретными исполнителями, многие из которых оставались прекрасными работниками с многолетним стажем, участниками партизанского движения, ветеранами войны. Успех начатой кампании во многом зависел от активности пропагандистов и агитаторов местных Советов, преподавателей учебных заведений. При этом следовало сохранить контроль за идеологическими работниками – не допустить инакомыслия, предупредить возможные отклонения от заданной генеральной линии партии.

Важная роль отводилась периодической печати. Отсутствие в Советском Союзе альтернативных источников информации облегчало эту задачу, и официальная пропаганда без труда манипулировала обще-

¹¹ НАРБ, ф. 1, оп. 22, д. 15, л. 198.

¹² ГА Брестской области, ф. 1, оп. 6, д. 57, л. 8.

¹³ НАРБ, ф. 1, оп. 9, д. 119, лл. 46, 48, 54.

¹⁴ Там же, ф. 4, оп. 109, д. 32, лл. 113, 115, 125; оп. 9, д. 22, л. 125.

¹⁵ А.Т. Лейзеров. «Национальный состав партийного, государственного, хозяйственного аппарата в Белоруссии, 1920–1950 гг.» // *Актуальные вопросы государства и права*: Научные труды Белорусского государственного университета. Вып. 4. Минск, 1994 г., с. 102.

ственным сознанием. Людей приучили к тому, что печатное слово обладало реальной силой, с которой нельзя не считаться. Вслед за центральными изданиями, выходившими в Москве: «Правда», «Известия», «Труд», «Коммунист» и др. – в антисемитскую кампанию включились республиканские, областные и районные газеты. Вначале все сводилось только к перепечатке материалов центральной прессы. 14 января 1953 г. «Советская Белоруссия» (Минск) поместила полный текст сообщения ТАСС и целиком передовую статью «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей», опубликованную в «Правде» за 13 января. В тот же день это сделали «Заря» (Брест), «Гродненская правда» и все остальные областные газеты республики. Затем читателям предложили интерпретацию событий в местной прессе. Газета «Знамя коммунизма» в Полоцке в середине января опубликовала статью под названием «Черные пятна на белом халате». В ней в негативном свете представляли самые уважаемые медики города и области: главный врач Полоцкой областной больницы Яков Кореневский, заведующие хирургическим и детским отделениями этой же больницы Исаак Кристалл и Анна Лейкина, заведующая туберкулезным диспансером Нина Кренгауз, заведующий станцией переливания крови Семен Лэках, областной врач-уролог Марк Тайц и др.

В газетах и журналах страны появилось множество статей о «Джойнте», в их числе: «Факты о “Джойнте”» Д. Картена¹⁶, «Сионистская агентура доллара» Н. Сергеева¹⁷, «Ощипанный “Джойнт”» Н. Грибачева¹⁸, ответы на вопросы читателей «Что такое “Джойнт”?»¹⁹ Эту инициативу подхватили республиканские издания. 25 января 1953 г. «Советская Белоруссия» поместила статью В. Минаева²⁰, которая называлась «Сионистская агентура американской разведки». В ней разъяснялось, что сионизм представляет собой реакционное буржуазно-националистическое течение, что сионисты враждебно относятся ко всему лагерю мира и демократии, ведут клеветническую кампанию против СССР и поддерживают политику США, направленную на

¹⁶ См. *Литературная газета*, 24 янв. 1953 г.

¹⁷ См. *Труд*, 15 февр. 1953 г.

¹⁸ См. *Крокодил*, № 5, 1953 г.

¹⁹ См. *Литературная газета*, 24 февр. 1953 г.

²⁰ См. *Новое время*, № 4, 1953 г.

завоевание мирового господства. В заключение делался вывод о том, что разоблачение шайки врачей-убийц наносит удар по главарям сионизма и их хозяевам, а пойманных агентов настигнет неизбежное возмездие.

С 17 по 21 февраля 1953 г. большинство республиканских и областных периодических изданий: «Советская Белоруссия», «Могилевская правда», «Витебский рабочий», «Заря», «Гродненская правда», «Бальшавік Беларусі» и др. – перепечатали статью Яна Марека из журнала «За прочный мир, за народную демократию» (№ 6, 1953 г.) под заголовком «“Джойнт” – филиал американской разведки». В ней утверждалось, что сионистский «Джойнт» целиком зависит от американских секретных служб и очень щедр, когда речь идет о троцкистах, меньшевиках, эсерах, бундовцах и буржуазных националистах, членах кулацких партий, шпионах и предателях. В феврале 1953 г. в республике был перепечатан фельетон из «Правды» «Простаки и проходимцы», в котором в роли проходимцев представляли евреи, а простакими те, кто им верил и брал их на работу. Подобные фельетоны, в которых полностью назывались фамилии, имена и отчества «евреев-вредителей» и «жуликов», захлестнули столичную и провинциальную прессу. Термины «сионисты», «бундовцы», «националисты», «вредители» стали синонимами слова «еврей».

Одновременно газеты писали о честной, простой и мужественной русской женщине Лидии Тимашук, которая помогла разоблачить «убийц в белых халатах». 21 февраля 1953 г. «Советская Белоруссия» продолжила эту тему перепечаткой очерка Ольги Чечеткиной «Почта Лидии Тимашук» из «Правды» за 20 февраля 1953 г. В ней говорилось, что советские люди по всей стране: в Иркутске, Риге, Клайпеде, Ленинграде, Симферополе, Минске и других местах – полны благодарности человеку, разоблачившему врачей-убийц. При этом подчеркивалось, что, где бы ни находился советский человек, ему необходимо помнить о попытках иностранных империалистов заслать агентов, шпионов-диверсантов и убийц. Так продолжалось до 4 апреля 1953 г., когда все газеты страны известили об окончании кампании, опубликовав стандартное сообщение Министерства внутренних дел СССР, в котором говорилось о допущенной органами МГБ ошибке, невинности врачей и их полной реабилитации.

Начало кампании и социальный состав выступавших

Первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Николай Патоличев сообщал в Москву, что рано утром 13 января 1953 г. в Минске у киосков «Союзпечать» образовались длинные очереди за газетами. Люди громко читали и перечитывали сообщение ТАСС, выражая свое возмущение коварными приемами врачей-вредителей. Далее, используя терминологию «Правды», Патоличев писал, что белорусский народ заклеил поведение изменников Родины, ставших извергами человеческого рода, растоптавших священное знамя науки, продавших честь и совесть американскому и английскому империализму за кровавые доллары. В информации говорилось, что партийные организации Белоруссии немедленно усилили политическую работу по повышению бдительности трудящихся, улучшению работы с кадрами, в том числе и в медицинских учреждениях.

На предприятия, в учреждения, колхозы, машинно-тракторные станции (МТС) и учебные заведения немедленно направили агитаторов для публичного чтения сообщения ТАСС и проведения бесед об усилении политической бдительности в борьбе с беспечностью и ротозейством. Во всех областях, городах и районных центрах БССР срочно проводили «летучие» митинги протеста, на которых говорили не только о «врачах-убийцах», но и об ошибках в работе промышленных предприятий, учреждений и сельского хозяйства. Партийные комитеты на местах сообщали о резком увеличении количества «сигналов», «писем трудящихся» о неблагополучии с кадрами в советских, хозяйственных органах и учреждениях здравоохранения. ЦК КПБ обязал областные, городские и районные партийные комитеты немедленно доложить об этих «откликах и предложениях».

Первые митинги и собрания по материалам ТАСС были организованы на промышленных предприятиях республики уже в утренние и ночные смены 13 и 14 января. В Минске они состоялись в цехах тракторного и автомобильного заводов, паровозного депо, обувной фабрики им. Тельмана, станкостроительного завода им. Кирова, галантерейного комбината им. Фрунзе, телефонного завода, завода металлических конструкций, мотовелозавода, в высших и средних учебных заведениях, Академии наук БССР²¹, в Витебске – на фабрике

²¹ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 324, лл. 162-170, 180-182, 203-212.

«Знамя индустриализации», в домостроительном комбинате, педагогических и медицинских учреждениях, колхозах и МТС области; в Полоцке – на фабрике «Красный Октябрь»; в Бобруйске – на заводе им. Сталина, фабрике «Красный пищевик», лесокомбинате, судоремонтном заводе, в школах, техникумах и других местах²². 14–19 января 1953 г. обобщенные информационные отчеты об этом поступили в ЦК Компартии республики из Минской, Брестской, Гомельской областей; 20 января – из Бобруйской и Витебской; 21 января – из Гродненской, Могилевской и Полесской областей. Местные партийные комитеты подчеркивали, что они обобщили отклики трудящихся из районов и отдельных промышленных предприятий, учреждений и колхозов. В Бресте на собрании в типографии им. Ворошилова присутствовали 86 чел., на городской электростанции – 87, в мастерских городского промышленном комбината – 60 чел., в железнодорожных мастерских – 96 чел.²³ В Полесской области к 21 января 1953 г. провели 1 346 бесед по материалам сообщения ТАСС, на которых присутствовали 53 тыс. 850 чел. и выступили 1 963 оратора. 3 февраля 1953 г. Могилевский ОК КПБ докладывал в ЦК КПБ, что беседы агитаторов по разъяснению материалов газеты «Правда» о врачах-вредителях были «как никогда многолюдны»²⁴.

Партийные и советские инстанции считали принципиально важным максимально расширить социальный состав выступавших. В присланных материалах приводились примеры высказываний рабочих, колхозников, служащих и интеллигенции. Однако особое внимание уделялось выступлениям рабочих, которые олицетворяли, по мнению властей, неподкупный и объективный голос всех советских людей. В информации первого секретаря ЦК КПБ Патоличева от 14 января 1953 г. приводились примеры из 39 выступлений по Минску и Минской области. Ораторами были 28 рабочих, в том числе один шофер, один сталевар, один электрик и одна уборщица, восемь мастеров и инженерно-технических работников и три секретаря первичных парторганизаций институтов Академии наук БССР²⁵.

В докладных записках из Полесской области приводились примеры из семи выступлений, авторами которых были один токарь, два рабочих

²² НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 352, лл. 1-4.

²³ ГА Брестской области, ф. 1, оп. 10, д. 170, лл. 5-9.

²⁴ НАРБ, д. 352, лл. 18, 55.

²⁵ Там же, д. 324, л. 162-169.

железнодорожника, три колхозника, служащая и главный врач туберкулезного диспансера. В информации по Бобруйской области использовались примеры из восьми выступлений, все авторы которых являлись тружениками «от станка». По Витебской области 14 выступавших были подобраны следующим образом: один тракторист, два разнорабочих, портниха, мастер завода, два колхозника, диспетчер железной дороги, секретарь партийной организации коммунального банка, начальник цеха домостроительного комбината и заведующий кафедрой педагогического института²⁶. В Бресте власти отдали предпочтение машинисту паровоза, стрелочнику, бухгалтеру, составителю поездов, счетоводу из отдела рабочего снабжения, стрелку военизированной охраны, маляру, электросварщику, диспетчеру, заведующему базой и др.²⁷ В отчете по Гродненской области приводились примеры, среди которых были рабочий, заведующий кафедрой сельскохозяйственного института, врач областного отдела здравоохранения, работник Дома народного творчества, директор средней школы, секретарь комитета ВЛКСМ педагогического института, бригадир колхоза и рабочий фанерного завода²⁸.

Анализ социального состава тех, кого власти использовали для проведения кампании против «банды врачей-отравителей», показывает, что большинство их привлекали из рабочих далеко не всегда передовых промышленных предприятий и колхозников из отсталых хозяйств. Бросается в глаза минимальное количество интеллигенции, недостаток которой возмещался партийными функционерами (секретари первичных партийных организаций), ответственными работниками учебных заведений (директора школ, заведующие кафедрами вузов, руководители отделов народного образования) и медицинских учреждений (главные врачи больниц и поликлиник, работники областных и городских отделов здравоохранения). И те и другие входили в номенклатуру партийных комитетов. Такой выбор был неслучайным. Власти считали, что мнения людей труда и лидеров-партийцев (функционеров) будет вполне достаточно для того, чтобы успешно провести кампанию и скрыть отсутствие аргументов у обвинения. На самом деле способность выступавших оценить деятельность профессоров-медиков, многие из

²⁶ НАРБ, д. 324, лл. 211-212; д. 352, лл. 1-3.

²⁷ ГА Брестской области, ф.1, оп. 10, д. 170, лл. 1-4.

²⁸ ГАОО Гродненской области, ф. 1, оп. 29, д. 12, лл. 13-19.

которых пользовались мировой известностью, была чрезвычайно ограничена, да она и не требовалась.

Проявления массового психоза, антисемитизм

Антисемитская кампания 1953 г. имела целью не только оклеветать «врачей-отравителей», но и выяснить отношение населения к евреям вообще, оценить, насколько советская общественность готова к радикальным мерам – депортации, высылке, созданию замкнутого еврейского псевдогосударственного образования в отдаленном географическом районе СССР и пр. Лейтмотивом выступлений на митингах, собраниях, лекциях и политинформациях стало утверждение, что евреи не заслуживают никакого доверия и отношение к ним должно быть соответствующим. В публичных высказываниях в Минске отмечалось, что «еврейская нация» начиная с 1918 г.²⁹ непрерывно предает родину, в Витебской области – что большинство ран стране было нанесено при участии евреев или под их руководством: покушение на жизнь Ленина, убийства Горького, Куйбышева, участие в троцкистской оппозиции и шпионаж³⁰. В Гродно работники предприятия пищевой промышленности заявляли, что евреи, работая во всех отраслях народного хозяйства, только «мешают, вредят, обворовывают и пользы никакой не приносят», а сотрудники педагогического института – что евреи от других народов СССР отличаются семейственностью, продажностью и космополитизмом³¹. В Витебске призывали не допускать евреев на работы, связанные с материальными ценностями³². В Бресте дружинники городской пожарной охраны заявляли, что все евреи одинаковые и надеяться на них не следует³³, а в Минске предсказывали, что разоблачение врачей-евреев это только начало и что вскоре будут вскрыты другие диверсии. Своего апогея огульные обвинения достигли на заводе металлоконструкций, где призвали «мстить всем жидам за их преступления», что являлось подстрекательством к погромам³⁴.

²⁹ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 324, л. 170.

³⁰ Там же, д. 352, л. 13.

³¹ ГАОО Гродненской области, ф. 1, оп. 29, д. 12, лл. 16, 18.

³² НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 352, л. 14.

³³ ГА Брестской области, ф. 1, оп. 10, д. 170, л. 6.

³⁴ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 324, л. 217.

Отмечалось, что евреи якобы не работали физически и вели «паразитический» образ жизни, при этом предлагалось уволить евреев из всех медицинских учреждений, заведений торговли и пищевой промышленности и подвергнуть трудовому перевоспитанию. Отказать евреям в доверии предлагали в Гродненском педагогическом институте: «удалить из больниц, аптек, продуктовых магазинов и складов», «ограничить прием в партию и в десять раз усилить бдительность в отношении тех евреев, которые занимают ответственные посты»³⁵. На Гомельском хлебном комбинате задавались вопросом: «Неужели не хватает белорусов и русских, чтобы всю торговую сеть не отдавать в руки евреев?»³⁶

В городском поселке Корма Гомельской области колхозники рассказывали, что они воевали на фронтах гражданской и Второй мировой войны, многое видели и «всегда замечали за этой нацией (евреями. – Л.С.) желание увильнуть от трудностей и устроиться получше». В Бобруйске на лесокомбинате и судоремонтном заводе подчеркивали, что «большинство евреев привыкли жить чужим трудом»³⁷. В паровозном депо станции «Минск–Пассажирский» и Минском телефонном заводе требовали «всю эту нацию» поставить к станку, и «пусть они работают, как мы». Это предложение поддержали рабочие минской фабрики им. Кагановича: активнее провести чистку советского аппарата от еврейских националистов и заставить их оправдывать свою честь физическим трудом – мозолем. Педагоги из Витебска старались теоретически обосновать необходимость перехода евреев к физическому труду: «только физический труд позволил бы евреям избавиться от мелкобуржуазных предрассудков и перевоспитаться в духе дела Ленина–Сталина»³⁸.

Обсуждение сообщения ТАСС приводило многих к выводу о том, что если вредительство возможно в Москве против руководителей партии и государства, то почему его не должно быть на местном уровне? Люди строили предположения о просчетах местных врачей, среди которых было много евреев, об их халатности, непрофессионализме и стяжательстве. От врачей был сделан переход к работникам

³⁵ ГАОО Гродненской области, ф. 1, оп. 29, д. 13, лл. 18-19.

³⁶ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 324, л. 217.

³⁷ Там же, д. 352, л. 2.

³⁸ Там же, д. 324, лл. 14, 164, 165, 182.

торговли, общественного питания и финансов, а от них – ко всем евреям вообще. В Витебске на домостроительном комбинате заявляли, что нет никакой уверенности в том, что таких же подлых убийц нет в «нашей» среде. В Бобруйске на судоремонтном заводе высказывали озабоченность, что если еврейская банда была раскрыта в Москве, то нет гарантии, что они не орудуют в Бобруйске, «где евреев больше, чем в другом советском городе»³⁹. В Минске на галантерейном комбинате им. Фрунзе заявляли об отравлениях мяса, колбасы и других продуктов «жидами города» – заведующими рынков, директорами магазинов и работниками торговых организаций⁴⁰. В Бресте некоторые юристы не исключали возможность, что враг попытается проникнуть и в адвокатуру города. В тресте зеленого строительства работники-евреи опасались репрессий со стороны властей, а некоторые русские, «которые и прежде недолго любили евреев», осмелели и нападают на них – в гостинице, парикмахерской, магазинах, транспорте и других общественных местах⁴¹.

Жертвами массового психоза чуть не стали сами белорусы, которых население принимало за евреев. На станции Мотыкалы в Брестской области рабочие приняли за еврея начальника снабжения строительного поезда № 825 белоруса Н. Быковского, который в результате дефекта речи не выговаривал букву «р», и со словами «вы хотели убить наших руководителей» напали на него⁴². В 3-й клинической больнице Минска нападению подвергся белорус врач-хирург, доцент А.Я. Барель, человек слабого телосложения, низкого роста и с большим носом. Один из больных прижал его к стене и бил со словами: «Жидовская морда, ты будешь меня оперировать как следует или зарежешь?»⁴³

Характерной особенностью большинства публичных выступлений была их выраженная эмоциональная окраска. Эпитеты, которые использовали выступавшие, носили оскорбительный характер. Многие из них были заимствованы из арсенала периодической печати, радиопередач, лекций и докладов, которые готовили пропагандисты партий-

³⁹ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 352, л. 3, 12.

⁴⁰ НАРБ, д. 324, л. 162.

⁴¹ Yad Vashem Archive, P-21/4-83.

⁴² ГА Брестской области, ф. 1, оп. 10, д. 170, л. 160.

⁴³ Запись беседы с доктором медицинских наук Марком Юрьевичем Тайцем в Иерусалиме 4 окт. 1996 г. // Архив автора.

ных комитетов и лекторы Общества по распространению политических и научных знаний и лекционных бюро при исполкомах местных Советов⁴⁴. Можно выделить следующие группы эпитетов:

– международные: «наймиты империализма, которые стали хуже фашистских зверей»; «агенты иностранных разведок, осквернившие честь деятелей науки»; «продажная банда шпионов и диверсантов»; «орудие американских разбойников» и др.;

– общечеловеческие: «злейшие враги человеческого рода»; «подонки человеческого общества»; «рабовладельцы-людоеды»; «убийцы-злодеи», «потерявшие человеческий облик»; «хищные человекообразные звери» и др.;

– профессиональные: «врачи-отравители»; «палачи в белых халатах»; «ученые-убийцы»; «наглые вредители»; «врачи-прохвосты»; «пресмыкатели перед буржуазной наукой и образом жизни»; «врачи-бандиты», «врачи-душители», «врачи-изверги», «врачи-террористы» и др.;

– личные: «омерзительные бандиты»; «гнусные сволочи»; «подколотные гады»; «поганая сволочь»; «бандиты-нелюди»; «национальные предатели»; «жиды-пройдохи», «банда уродов» и др.

Иллюстрацией могут служить примеры, заимствованные из информации для ЦК КПСС, подготовленной секретарями ЦК Компартии Белоруссии Николаем Патоличевым и Михаилом Зимяниным. Подсобная рабочая на строительстве общежития Минского медицинского института Алевтина М. говорила: «Я просто не знаю, что и сказать от гнева. У меня на глазах слезы. Я чувствую, что подобные выродки есть в Минске, и особенно среди евреев. Надо казнить этих предателей рода человеческого!» Варвара А. из колхоза им. XI съезда ВЛКСМ Вилейского района Молодеченской области в своем выступлении сказала, что у нее сердце обливается кровью и нет слов, чтобы выразить негодование. Она потребовала самого сурового наказания «убийцам и их хозяевам»⁴⁵.

Большинство терминов, которые использовались в кампании зимы и весны 1953 г., были опробованы во время чисток 1930-х гг. Они отложились в обыденном сознании, стали привычными, удобными штампами. Разнообразие вносили новые действующие лица – империа-

⁴⁴ По состоянию на 1 августа 1952 г. в БССР насчитывалось только внештатных лекторов более 40 тыс. чел. (см. *Советская Белоруссия*, 17 авг. 1952 г.).

⁴⁵ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 324, лл. 166, 216.

листические США, государство Израиль и организация «Джойнт». В отличие от кампании 1948–1949 гг., когда слова «еврей» и «еврейский» подменялись замысловатыми и не вполне понятными широким слоям обывателей терминами «космополит» и «космополитизм», в 1953 г. вещи называли своими именами. Слово «еврей» стало тождественным понятиям «сионист» и «националист», и именно их режим открыто называл своими непримиримыми врагами. Евреев обвиняли в недостаточной преданности родине и групповщине, отсутствии понимания русской души и русского характера. Исключение составляли некоторые формулировки, обнаруживавшие несостоятельность при первом беспристрастном рассмотрении. Приведем только один пример. Министр юстиции РСФСР В. Беляев в своей статье в «Правде» назвал арестованных врачей слугами рабовладельцев-людоедов из США и Англии⁴⁶. Высказывание стало очень популярным в печатной и устной пропаганде и не подвергалось сомнению. В то же время оно было абсурдным по своему содержанию, поскольку американские и английские государственные деятели не были ни рабовладельцами, ни тем более людоедами. Выброс эмоций, резкие выражения и самые сильные эпитеты по адресу арестованных врачей организаторы кампании считали уместными и необходимыми для достижения поставленной цели. Это помогало скрыть отсутствие фактического материала, которого не хватало у обвинения, и настраивало общественное мнение на нужное отношение к будущим жертвам.

Сообщение ТАСС о врачах-вредителях оказало мощное воздействие на обывательное сознание. Люди боялись вредительства в медицинских учреждениях, а подозрительность и страх стали обычным явлением. Врачи и администрация туберкулезного диспансера Полесской области протестовали против «выродков», которых нельзя назвать врачами.

В Витебске на фабрике «Знамя индустриализации» люди высказывали предположения о том, что врачи сделают с рядовыми гражданами, если профессора в Москве позволяют себе так подло поступать с руководителями партии и правительства. В Орше работницы артели «Красный Октябрь» заявляли, что после раскрытия предательской банды к врачам вообще страшно обращаться. Диспетчеры железнодорожной станции Витебск предлагали органам

⁴⁶ В. Беляев. «Бдительность – драгоценное качество советских патриотов» // *Правда*, 10 февр. 1953 г.

государственной безопасности проверить работу детских учреждений, где «слишком часто делают какие-то уколы (прививки. – Л.С.)», из-за которых дети болеют, и заменить воспитательниц-евреек на русских и белорусок⁴⁷.

Вскоре появились «свидетели», которые рассказывали о просчетах евреев-медиков, их недобросовестном отношении к исполнению своего профессионального долга и тяжелых последствиях неправильного лечения. Такая деликатная тема, как здоровье человека, во внимание не принималась. В Мозыре главный врач городской поликлиники Додельзон якобы выписал больному мышьяк с неизвестной целью. В родильном доме Бреста отсутствовали многие медикаменты, которые можно купить за деньги из-под полы. Из этого делали вывод, что «без евреев там не обошлось». В железнодорожной поликлинике Бреста больному Сергею М. поставили неправильный диагноз, когда же тот прошел повторный рентген в другом месте, то выяснилось, что он здоров. Работница из Минска Раиса О. заявляла, что, несмотря на крайнюю нужду в медицинской помощи, она никогда не обратится к «врачам-жидам». О своем горе рассказал машинист Минского паровозного депо Виктор М. Когда у него заболела трехлетняя дочь, он обращался ко многим медикам и дошел до Министерства здравоохранения БССР, где, по его словам, засели одни евреи. Никто не смог ей помочь, и девочка умерла⁴⁸. Служащие из Калинковичей рассказали, что больных госпитализировали в клинику министерства путей сообщения, где их губил профессор-вредитель Александр Г.⁴⁹

В женской консультации Гродно посетительницы отказывались идти на прием к гинекологам-евреям под тем предлогом, что они «паразиты» и не заслуживают доверия; в областной отдел здравоохранения жаловались жители, которые просили очистить инфекционную больницу от врачей-евреев и заменить их русскими⁵⁰. С требованиями проверить работу евреев-медиков выступили рабочие, колхозники и служащие Минской, Могилевской, Витебской, Брестской, Барановичской и Гомельской областей республики.

⁴⁷ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 352, л. 15.

⁴⁸ Там же, д. 324, лл. 162, 165; ГА Брестской обл., ф. 1, оп. 10, д. 170, лл. 1, 3,

⁴⁹ НАРБ, д. 352, лл. 19-20.

⁵⁰ ГАОО Гродненской области, ф. 1, оп. 29, д. 12, л. 16.

В областной больнице Бреста на собрании коллектива работников приводились примеры халатного отношения евреев к своим обязанностям. В частности, говорилось о больших недостатках в работе терапевтического и центрального поликлинического отделений, которыми заведовали врачи Герценштейн и Кру, о том, что больным приходилось подолгу дожидаться приема. Назывались фамилии Горфункель и Каплан, которые «возомнили» себя незаменимыми специалистами. Из Гродно сообщали, что у хирурга областной больницы Марголина больные боятся оперироваться⁵¹. В Минске недоверие выражали директору НИИ ортопедии и травматологии Министерства здравоохранения БССР профессору Моисею Наумовичу Шапиро и его заместителю по научной части профессору Борису Яковлевичу Ципкину; заведующему хирургическим отделением 3-й клинической больницы Минска Юрию Ильичу Тайцу перед операцией некоторые больные просили посмотреть им в глаза⁵².

Резонанс, вызванный сообщением ТАСС, оказался настолько велик, что привел к заметному росту антисемитизма. Министр МГБ БССР Баскаков сообщал в Центральный комитет Компартии республики, что 13 января 1953 г. в 12 часов дня на площади им. Ленина в Пинске во время вещания из Москвы у репродукторов собралось до двухсот человек, раздавались возгласы о том, что если бы евреев расстреливали, то они бы этого не делали⁵³. На автомобильном заводе в Минске рабочие говорили о том, что евреи-врачи по «указке» американо-английских фашистов сознательно губили людей, которые обращались к ним за исцелением, и что история не знает таких вероломных методов убийства, какие применяли «человекообразные звери» к своим пациентам. На минском станкостроительном заводе им. Кирова заявляли, что вся еврейская нация не стоит одной светлой жизни Жданова и

⁵¹ См. *Заря* (Брест), 8 апр. 1953 г. Статья была написана в марте 1953 г., но по недосмотру редакции опубликована с опозданием в несколько недель, когда ситуация в «деле врачей» коренным образом изменилась.

⁵² Запись беседы с М.Ю. Тайцем 2 янв. 1997 г. // Архив автора.

⁵³ В годы войны в гетто Пинска оказалось 27 тыс. чел., включая евреев из окрестных местечек и деревень (20 тыс. 200 евреев в 1939 г.), из них 8 тыс. чел. нацисты расстреляли в августе 1941 г., 17 тыс. 913 чел. – в октябре 1942 г. и последних 150 евреев-специалистов – в декабре 1942 г. Всего в Пинске, по материалам ЧГК СССР, погибло 59 тыс. 081 чел., включая 20 тыс. 300 чел. военнопленных, а 2734 чел. были угнаны в Германию // ГАРФ, ф. 7021, оп. 90, д. 24, л. 2.

Щербакова, а в Бобруйске в механическом цехе завода им. Сталина призывали организовать открытый судебный процесс над врачами-евреями⁵⁴.

Из различных мест БССР сообщали в Минск, что связи с «делом врачей» рост антиеврейских настроений среди населения значительно усилился. Определенная часть жителей республики считала, что гибель в Минске главного режиссера Московского государственного еврейского театра Соломона Михоэлса – это свидетельство вины евреев. Виктор С., работник отдела технического контроля Минского тонко-суконного комбината, говорил, что Михоэлса убили сами евреи, для того чтобы скрыть его разоблачение как врага народа. Игорь Т., считал факт гибели Михоэлса свидетельством того, что корни шпионской организации еврейских националистов находились в Минске⁵⁵. Из Гродно, Лиды и Волковыска информировали, что отношения между белорусами и евреями обострились и дали себя знать традиции польского антисемитизма, разжигавшегося в Западной Белоруссии до 1939 г. В Гродненской литографии был вывешен плакат «Бей жидов – спасай Россию!», а учитель городской средней общеобразовательной школы № 2 Виктор П. заявлял, он настолько ненавидит евреев, что готов «задавить их собственными руками»⁵⁶.

Особый случай произошел в Минске, где на имя секретаря Ворошиловского РК КП(б)Б В. Ермака пришло анонимное письмо от рабочих инструментального завода с угрозами в адрес руководителей этого предприятия. В письме указывалось, что после ознакомления с хроникой ТАСС они, рабочие, не могут успокоиться и требуют изгнать с завода «паразитов-евреев», которых ненавидят. При этом подчеркивалось, что если райком партии не хочет для себя неприятностей, то он должен выполнить это требование в течение пяти дней. В противном случае рабочие обещали «убрать» евреев самостоятельно. 16 января 1953 г. Ермак сообщил секретарю ЦК Компартии республики М.В. Зимянину и министру МГБ БССР М.И. Баскакову, что в письме речь шла о секретаре партийной организации Минского инструментального завода Моисее Шлемовиче Расовском, члене КПСС с 1928 г.,

⁵⁴ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 324, лл. 159, 180, 182; д. 352, л. 1.

⁵⁵ Там же, д. 324, лл. 164, 181.

⁵⁶ Директором Гродненской литографии работал Моисей Гиршевич Гофмеклер. См. ГАОО Гродненской области, ф. 1, оп. 29, д. 13, л. 17; д. 100, л. 129.

заместителе директора завода Евеле Давидовиче Гоbermane, члене КПСС с 1930 г., и начальнике электрического цеха беспартийном Николае Рафаиловиче Мельцере⁵⁷.

Местные органы власти беспокоило такое развитие событий. Из Брестской, Бобруйской, Витебской, Молодеченской, Полоцкой и других областей приходили запросы в ЦК Компартии Белоруссии и Совет министров республики с просьбой разъяснить, какие формы и методы массово-политической работы с населением допустимы для того, чтобы противодействовать растущим проявлениям антисемитизма и национализма. Были проведены проверки государственных учреждений, отраслей промышленности, науки и культуры, в которых было занято наибольшее количество евреев. В Гродно в феврале 1953 г. состоялось совещание руководителей медицинских учреждений под руководством секретаря обкома партии Н.Е. Авхимовича. На нем присутствовали работники областной, городской и инфекционной больниц, фельдшерско-акушерской школы, Дома ребенка, детских садов, яслей и санитарно-эпидемиологической станции. Выступавшие говорили, что шпионы могут быть любой национальности и что это требует повышения бдительности. Авхимович интересовался, кто и как из сотрудников названных учреждений здравоохранения области высказывался после сообщения ТАСС от 13 января 1953 г., какие отзывы были среди населения о работе врачей-евреев (хирургов И. Марголина, С. Тейтельбаума, медсестры М. Иоффе и др.). В заключение он подчеркнул, что ЦК партии изучает состояние кадровой политики в медицинских учреждениях и что необходимо «принять меры»⁵⁸.

Предвзятое отношение властей заставило многих евреев самим подумать о переходе на другую должность или место работы. Увольнения и даже ареста опасался доцент Минского медицинского института Кацман, который хотел оставить работу консультанта в Лечебной комиссии при ЦК КПБ. Для этого, по его словам, он объявил «итальянскую забастовку» – не приходил в лечкомиссию под предлогом плохого самочувствия, занятости на основном месте работы и пр.⁵⁹ Главный врач Гродненской психиатрической больницы Каплан просил областной отдел здравоохранения освободить его от зани-

⁵⁷ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 352, л. 4.

⁵⁸ ГАОО Гродненской области, ф.1, оп. 29, д. 29, лл. 4-18.

⁵⁹ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 324, л. 158.

маемой должности и перевести на другую работу⁶⁰. Аналогичные сообщения поступали из Бреста, Витебска, Орши, Могилева, Слуцка, Чашников и других мест Белоруссии.

10 февраля 1953 г. арестовали Марию Вейцман, уроженку Пинска, врача областной системы Госстраха, родную сестру первого президента Израиля Хайма Вейцмана. В представлении МГБ говорилось, что Мария Вейцман среди своего окружения проводила сионистскую агитацию и с враждебных позиций критиковала советскую действительность. Арестованную допрашивали обо всех ее шести сестрах и четырех братьях. Уже после смерти Сталина, 20 марта 1953 г., Вейцман заставили признать, что она «злорадствовала» по поводу кончины Жданова и «высказывала пожелания смерти Сталину». 12 августа 1953 г. Особое совещание при министре МВД СССР определило Вейцман наказание в виде пяти лет исправительно-трудовых лагерей, но на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. об амнистии признало необходимым освободить ее от наказания и из-под стражи⁶¹.

Обвинения в шпионаже и призыв к бдительности

13 января 1953 г. газета «Правда» поместила редакционную статью «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». В ней говорилось, что врачи-изверги находились на службе иностранных разведок, которым они продали душу и тело, став их наемными и платными агентами. Утверждалось, что большинство врачей-террористов были куплены филиалом американской разведки международной еврейской организацией «Джойнт». Для большинства, впервые услышавшего о ней, уточнялось, что это шпионская сионистская организация, которая прикрывается благотворительностью и опирается на «растленных» еврейских буржуазных националистов. Целью «Джойнта» якобы являлось истребление советских руководителей и развязывание Третьей мировой войны. Так кампании официально был придан антиеврейский характер. Тема предательства интересов родины и еврейского антипатриотизма присутствовала в большинстве выступлений. Наветы и домыслы выступающих о коварстве евреев и их связи

⁶⁰ ГАОО Гродненской области, ф. 1, оп. 29, д. 12, л. 19.

⁶¹ Г. Костырченко. *В плену у красного фараона*. Москва, 1994 г., с. 351-354.

с американскими и английскими империалистами проявились здесь в полной мере. Много говорилось о «кровавых» долларах, на которые «купились» ученые-медики, о том, что евреи, пострадавшие в годы войны от нацизма, начали служить американским фашистам.

В некоторых выступлениях ударение делалось на то, что белорусские и американские «жиды» имели тесные связи еще до Второй мировой войны. Мария Х., бухгалтер восстановительного поезда из Бреста, заявила, что «жиды» всегда поддерживали связь с Америкой. В пример она привела еврейский погром 1937 г., когда Западная Белоруссия входила в состав Польши. Тогда американские евреи возместили убытки жертвам погрома и построили жилье, а после войны под видом помощи они вербовали за доллары прислужников из евреев. Секретарь комитета комсомола Брестского педагогического института О. сказал, что 99% евреев, проживающих в СССР, ориентировались на США, надеясь, что американские империалисты создадут им условия для занятия частным предпринимательством, поэтому за доллары евреи готовы творить самые гнусные дела⁶².

Домохозяйка Елена Б. из Гродно отметила, что она давно знает «еврейскую нацию», которая ненавидит русских, считает их ничтожными людьми, и поэтому неудивительно, что они связались с американцами⁶³. Студентка Пинского учительского института Варвара В. потребовала принять самые строгие меры к шпионам, чтобы они в дальнейшем «не гадили нашу русскую землю»⁶⁴. Железнодорожник Геннадий Н. подчеркнул, что агенты американской разведки забрались в самое сердце советской страны, а Валентина В., работница фабрики им. Дзержинского из Минска, недоумевала, почему «эту банду» раскрыли так поздно, ведь в Москве знали, что евреи связаны с Америкой, получали оттуда письма и посылки, что к хорошему привести не могло. Она предложила сократить до предела эти связи. Электрик Минского тонкосуконного комбината Кондратий Д. пошел еще дальше, заявив, что в случае войны Советского Союза с Соединенными Штатами Америки евреи станут «первыми предателями родины»⁶⁵.

⁶² ГА Брестской области, ф. 1, оп. 10, д. 170, лл. 1, 19.

⁶³ ГАОО Гродненской области, ф. 1, оп. 29, д. 12, л. 18.

⁶⁴ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 324, л. 160.

⁶⁵ Там же, лл. 164, 214.

Ряд выступавших граждан увязывали тему шпионажа с результатами Второй мировой войны, когда бывшие союзники по борьбе с нацизмом стали противниками. На Минском автомобильном заводе говорили, что империалисты напрасно полагали, будто после окончания войны Советский Союз ослабеет, наоборот, он вышел обновленным и более сильным. Испугавшись могущества СССР, они решили подорвать его путем вербовки предателей, которые начали убивать советских людей. В гальваническом цехе Минского мотовелозавода заявляли, что люди не забыли старую войну, а шпионы хотели навязать новую, принести горе и страдание: «Американские и английские заправилы должны знать, что советская родина сильна, она будет цвести и крепнуть». По-своему оценили московские события на Минском автомобильном заводе, где подчеркивали, что связь с Америкой «страшнее бактериологической войны в Корее»⁶⁶. Чрезвычайно актуальной стала тема бдительности, подсказанная средствами массовой информации. Основные газеты и журналы Белоруссии поместили статьи корреспондентов «Правды» Б. Плотникова и А. Липатова «Ротозей – пособники врага»⁶⁷ и Н. Козева «О революционной бдительности»⁶⁸. Одновременно с ними появились местные импровизации. Брестская «Заря» поместила запись лекции агитатора Г. Тарабчука на машинно-тракторной станции городского поселка Маларита⁶⁹, озаглавленной «Быть бдительным», а «Советская Белоруссия» – статью без подписи «За революционную бдительность во всем и везде»⁷⁰. Подобные публикации носили откровенно пропагандистский характер, призывали укреплять советскую разведку и карательные органы, соблюдать государственную тайну и проявлять политическую бдительность. Отсутствие фактического материала и бездоказательность, по мнению организаторов кампании, должны были заменить высокий ранг их авторов. Со статьей «Бдительность – драгоценное качество советских патриотов» выступил министр юстиции РСФСР В. Беляев⁷¹, а председатель Верховного суда БССР

⁶⁶ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 324, лл. 167-168, 181.

⁶⁷ См. *Правда*, 31 янв. 1953 г.

⁶⁸ Там же, 6 февр. 1953 г.

⁶⁹ См. *Заря*, 6 марта 1953 г.

⁷⁰ См. *Советская Белоруссия*, 13 марта 1953 г.

⁷¹ См. *Правда*, 10 февр. 1953 г.

Е. Болдырев – со статьей «Бдительность – наше оружие»⁷².

Партийные комитеты республики внимательно следили, как развиваются события, и сообщали руководству республики о настроениях людей. Заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Бобруйского ОК КПБ Чулицкий писал в Центральный комитет КПБ о том, что население области делает правильный вывод о необходимости повышения политической бдительности на всех участках работы, о готовности противостоять проискам империалистов и покончить с самоуспокоенностью⁷³. Работник отдела кадров Брестского отделения Белорусской железной дороги Федорцов заявлял, что коммунисты ослабили бдительность и сами виноваты в случившемся. Начальник политического отдела железной дороги Устинов приводил слова машиниста поезда Ильи К. о том, что в ответ на злодеяния американских наймитов необходимо быть всегда начеку как на работе, так и в быту⁷⁴. Секретарь Гродненского ОК КПБ Королев приводил слова Ульяны Б. из колхоза им. Ворошилова: «Пусть “проклятые отравители” знают, что советские люди не утратят бдительности и не позволят мешать своему счастливому труду»⁷⁵. Анатолий Х., слесарь артели им. Крупской, удивлялся: «Сколько лет вредила эта группа врачей, а мы и не видели – всем нам нужно быть бдительными и помогать органам выявлять таких негодяев»⁷⁶.

С другой стороны, сообщалось об упреках в адрес работников министерства государственной безопасности, которое не раскрыло «заговор» своевременно. В Минске об этом говорили на тракторном заводе электросварщик Андрей К., секретарь парторганизации инструментального цеха Дмитрий С. и начальник кузнечного цеха Василий П. На автомобильном и велосипедном заводах задавались вопросом о том, что могло случиться, если бы органы МГБ раскрыли заговор врачей не в 1953 г., а через пять лет?⁷⁷ В Бресте старший стрелочник железной

⁷² См. *Советская Белоруссия*, 4 марта 1953 г.

⁷³ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 352, л. 1.

⁷⁴ ГА Брестской области, ф. 1, оп. 10, д. 170, л. 1-2.

⁷⁵ ГАОО Гродненской области, ф. 1, оп. 29, д. 12, л. 14.

⁷⁶ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 352, л. 2.

⁷⁷ Там же, д. 324, лл. 181, 206.

дороги Петр Л. сокрушался, что органы безопасности недостаточно бдительны и слабо еще контролируют деятельность отдельных людей⁷⁸.

Власти постарались использовать тему бдительности максимально, вплоть до призывов (негласно, через доверенных лиц) повысить производительность труда. Комбайнер Брагинской машинно-тракторной станции Максим С. выступил с инициативой в ответ на «наглые действия наемных убийц» еще честнее трудиться на благо родины и выполнить задачи, поставленные XIX съездом КПСС. Работник городской типографии в Бресте Н. Князев призвал мобилизовать усилия для выполнения плановых заданий и достойно встретить день выборов в местные Советы в марте 1953 г.⁷⁹ На Мозырском городском промышленном комбинате рабочие пообещали честно трудиться и повысить производительность труда на 150%, а отдельные работники взяли обязательство выполнять ежедневные нормы на 200%. Токарь из Молодечно Е. Полякович заявил, что обязуется выполнять дневные задания на 150–160%, и призвал следовать его примеру⁸⁰.

В Полесской области колхозник хозяйства «Первомайск» Давыдовский говорил о необходимости повседневно укреплять родной колхоз, а Ольга Туровец из колхоза «Мичуринец» Петриковского района, заявила, что «назло врагам и во славу родины» она обязуется от каждой свиноматки вырастить за год по 14 поросят. По ее мнению, это должно внести вклад в повышение экономического и жизненного уровня трудящихся и укрепить могущество родины⁸¹.

Неблагодарность за спасение в годы войны

Одним из главных обвинений евреев в нелояльности режиму стали последствия Холокоста. Евреев винили, что в годы войны они были пассивны и не принимали участия в сопротивлении врагу, а после победы забыли о роли советского государства в спасении их от полного уничтожения. Евреев упрекали в том, что они не ценят доброго отношения советской власти, забывают о бедственном положении евреев в капиталистических странах и т. д. На обойной фабрике в

⁷⁸ ГА Брестской области, ф. 1, оп. 10, д. 170, л. 1.

⁷⁹ Там же, л. 6.

⁸⁰ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 324, лл. 215-216.

⁸¹ Там же, д. 352, лл. 20-21.

Минске говорили, что героический русский народ вынес на своих плечах тяготы и невзгоды Великой Отечественной войны, а евреи в это время были в тылу и наживали капитал, обманывали, обмеривали, обвешивали рабочих и пытались губить советских руководителей. В пример приводился А. Лапидус, который сначала «отсиживался в кустах», а потом стал заведующим финансово-хозяйственным сектором Минского ОК КПБ. Помощник мастера обойной фабрики Устин Х. добавлял, что «евреи воевали в Ташкенте»⁸².

О том, что евреи скомпрометировали себя во время войны и после ее окончания, говорили в Витебском педагогическом институте и в строительном поезде⁸³. В Гродно жена офицера Советской армии домохозяйка Ольга Ш., услышав сообщение ТАСС по радио, возмущалась, что евреи в годы войны укрывались в тылу, не вели активной борьбы с фашизмом, а теперь творят свои чудовищные преступления⁸⁴. Гавриил А. из колхоза им. Молотова Витебского района говорил, что евреи забыли, как с ними обращались немцы, а токарь авторемонтных мастерских из Мозыря Кирилл Д. продолжал, что «наймиты», погубившие Жданова и Щербакова, хуже «фашистских зверей»⁸⁵.

Уборщица гальванического цеха на мотовелозаводе Минска Зинаида Б. сожалела, что в годы войны немцы евреев «не дорезали». Рабочий конвейера на Минском заводе металлических конструкций Владимир П. признавался, что после «разоблачения» врачей стало ясно, что по жестокости и вероломству евреи превзошли нацистов, которые в годы войны уничтожали советских людей в лагерях смерти Освенцим и Майданек⁸⁶.

В 1953 г. власти с подозрением и предубеждением относились к людям, находившимся в годы войны на временно оккупированной территории. Во внимание не принималось, что белорусы и русские, в отличие от евреев, не подвергались преследованию нацистов по расовому признаку. Сам факт спасения евреев в условиях оккупации вызывал подозрения в сотрудничестве с врагом. На этом основании евреи были причислены к сомнительным элементам, «засорявшим»

⁸² НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 324, лл. 163-164.

⁸³ Там же, д. 352, л. 14.

⁸⁴ ГАОО Гродненской области, ф. 1, оп. 29, д. 12, л. 15.

⁸⁵ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 352, лл. 15, 19.

⁸⁶ Там же, д. 324, лл. 207, 211.

учреждения, учебные заведения и предприятия. В феврале и марте 1953 г. Гродненский ОК КПБ сообщал в Минск, что городской отдел народного образования «до невозможности» запустил учет педагогических кадров. В качестве примера приводились супруги Соломон и Бузя Жуковские. У Соломона, который в 1941–1943 гг. находился в гетто, не сохранилось документов об образовании, а свидетельских показаний земляков о его работе в местной школе с 1923 по 1939 г. оказалось недостаточно. На этом основании его отстранили от преподавания общественных дисциплин в школе. Основанием для недоверия к Бузе Семеновне стало ее пребывание в течение двух лет в Германии в концлагере⁸⁷. Начальника планового отдела литейно-механического завода Вайнштейн обвинили в том, что в 1941–1943 гг. она находилась в гетто, а затем была вывезена в Германию, где до 1945 г. «работала на немцев»; якобы за игнорирование партийных решений был уволен директор фабрики пианино в Борисове Абрам Жлобин⁸⁸. Подобные примеры «засоренности» руководящих кадров и материально-ответственных лиц в 1953 г. приводились по Свислочскому, Берестовицкому, Желудокскому и Щучинскому районах, а также на заводе сельскохозяйственного машиностроения в Лиде и на чугунно-литейном заводе в Волковыске и других местах.

В связи с «делом врачей» страдали не только евреи. Яшу Этингера, приемного сына доктора медицинских наук, профессора Лазаря Ситермана, убитого нацистами, увела из Минского гетто его няня, белоруска Мария Петровна Хорецкая. Русский врач Владысик помог ей вписать Яшу в свой паспорт. В 1950 г. Якова Яковлевича Этингера арестовали, при этом следователь сказал, что спастись «просто так» из гетто было нельзя, значит, нянька служила в полиции, за что Марию Хорецкую тоже арестовали⁸⁹. Подозрения властей усиливались, когда некоторые евреи устанавливали связи с родственниками за границей. Огласку получил случай увольнения в феврале 1953 г. старшего лаборанта кафедры госпитальной хирургии Минского медицинского института Софьи Мостовой (Гольдштейн). Основанием послужила история, начавшаяся летом 1944 г. Софья получила посылку от еврейской организации “Folk Orden” из Бруклина, направленной через “Russian

⁸⁷ ГАОО Гродненской области, ф. 1, оп. 2, д. 151, л. 32.

⁸⁸ Там же, оп. 29, д. 4, л. 88.

⁸⁹ Я.Я. Этингер. *Это невозможно забыть*. Москва, 2000 г.

Relief". Она написала благодарственное письмо и просила разыскать ее тетю Иду Миллер. Письмо попало в газету «Утро свободы», и родные нашли друг друга. Несмотря на то что в корреспонденции из Соединенных Штатов говорилось о благодарности Иды Миллер советским властям за спасение евреев в годы Второй мировой войны, предоставление им возможности получить образование и другой помощи, переписка Мостовой и Гольдштейн была признана «враждебной деятельностью»⁹⁰.

Предложения о наказании виновных

Неотъемлемой частью большинства выступлений были требования наказать виновных. Они не отличались разнообразием и подавались в форме просьб, обращений и требований «трудящихся» к властям воздать виновным по заслугам. Значительная часть выступавших видела выход в изоляции евреев и депортации в отдаленные районы страны или за ее пределы. По этому поводу высказывались самые разные предложения. Одни говорили, что «евреев следует отправить в Биробиджан, где необходимо образовать з а к р ы т у ю (разрядка моя. – Л.С.) еврейскую республику». Другие считали, что евреев нужно поселить на отдельном острове и заставить там трудиться. Третьи утверждали, что евреи неисправимы и лучшим решением проблемы будет депортация на Ближний Восток. Подобные заявления оглашались публично в самых широких аудиториях: колхозах, промышленных предприятиях, государственных учреждениях, учебных заведениях БССР. На Бобруйском лесокомбинате отмечали, что правительство предложило евреям Биробиджан, но не приняло мер, чтобы они там жили. Евреи отказались и поселились в Москве, Ленинграде, Минске, Бобруйске и других промышленных и культурных центрах, что стало нетерпимым⁹¹.

В колхозе им. Кирова Витебской области говорили, что всех евреев нужно собрать на определенной территории, где бы они жили и обманывали друг друга⁹². С ними соглашались сборщики Минского

⁹⁰ Из письма министра здравоохранения БССР И.А. Инсарова от 27 февр. 1953 г. на имя первого секретаря ЦК КПБ Н.С. Патоличева // НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 366, л. 58.

⁹¹ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 324, л. 214.

⁹² Там же, д. 352, л. 15.

завода металлических конструкций: «согнать» в одно место и образовать запретную зону под названием «Еврейская республика». Директор СШ № 2 Гродно А. Акулич уточнял, что евреи заслуживают высылки в отдаленные районы СССР подобно крымским татарам и поволжским немцам, которые были изменниками в годы войны, а в Доме народного творчества Гродно говорили, что поскольку евреи хотели отторгнуть от Советского Союза Крым, то все они заслуживают выселения в Нарымский край⁹³. Рабочая Минской обоевой фабрики В. Янковская предлагала всех оставшихся в СССР евреев изолировать на отдельном острове, а секретарь парторганизации завода «Двигатель революции» в Гомеле Е. Назаренко уточнял, что таким местом для «пройдох-евреев» должна стать Земля Франца-Иосифа в Северном Ледовитом океане⁹⁴.

Другая, меньшая по своему числу, группа выступавших доказывала, что евреев необходимо выдворить за пределы Советского Союза. Домохозяйка Елена Б. из Гродно говорила, что евреи мешают развитию советского общества и от них необходимо избавиться путем депортации⁹⁵. В Бресте работники железной дороги убеждали, что евреям место только в Палестине⁹⁶, а на галантерейном комбинате им. Фрунзе в Минске, что «если бы руководители Коммунистической партии и правительства знали настроение рабочего класса, то они давно бы изгнали всех евреев в Палестину»⁹⁷.

Многие из выступавших требовали смертной казни и даже уточняли форму исполнения приговора – расстрел или повешение. На Бобруйском лесокombинате говорили, что суд должен со всей строгостью закона наказать врачей-вредителей, ни одного из них не оставив в живых. Мария Т., старшая прачка жилищно-коммунальной конторы Минска, требовала «от имени матерей, потерявших в годы войны своих мужей и детей» казнить врачей-предателей через повешение и выражала надежду, что правительство СССР в этом не откажет. Шофер из Минска Леонид Ш. говорил, что русский медведь все терпит, но придет время, когда он поднимет свою могучую лапу и уничтожит всех врагов

⁹³ Нарымский край – особо тяжелый в климатическом отношении район Сибири, традиционное место высылки опасных государственных преступников со времен царской России // ГАОО Гродненской области, ф. 1, оп. 29, д. 12, л. 16.

⁹⁴ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 324, лл. 163, 217.

⁹⁵ ГАОО Гродненской области, ф. 1, оп. 29, д. 12, л. 17.

⁹⁶ ГА Брестской области, ф. 1, оп. 10, д. 170, л. 2.

⁹⁷ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 324, л. 163.

народа; лекальщик тонкосуконного комбината Алексей М. требовал предать врачей-отравителей «самой позорной и мучительной смерти»⁹⁸.

Ряд выступлений отличался особыми кровожадностью и садизмом. Заведующий базой отдела рабочего снабжения Белорусской железной дороги Емельян Г. считал, что расстрелять «гадов» мало, им нужно избрать самую жестокую кару⁹⁹. В Гродно учащийся заочной средней школы Петр И. предлагал линчевать евреев, а врач Серафима С. и пенсионерка Мария К. говорили, что если бы им разрешили, то они задушили бы «этих жидов» собственными руками¹⁰⁰. В Минске мастер-контролер мотовелозавода Гавриил О. требовал «резать их на куски». На заводе металлоконструкций электросварщик Петр З. предлагал запереть евреев в железную клетку, «как обезьян», морить голодом и издеваться до тех пор, пока они будут живы. Бухгалтер Поликарп М. считал, что с «отравителями» поступать нужно так, как излечивались в старину от фурункулов – выжигать каленым железом. Экскаваторщик Алексей Ф. предлагал поломать врагам руки и ноги, а только потом казнить. С ним не соглашался рабочий-сборщик Николай С., который говорил, что советские люди не мучители, и предлагал просто сделать в головах «маленькие дырочки». Другие рабочие этого предприятия считали, что следует не ограничиваться казнью врачей, а подвергнуть репрессиям их родственников. Слесарь Тихон М. был еще более категоричен: «стереть с лица земли семьи предателей родины»¹⁰¹.

Несогласие евреев с выдвинутыми обвинениями

Большая часть еврейского населения Белоруссии отнеслась к сообщению ТАСС от 13 января 1953 г. с большим недоверием. Областные, городские и районные комитеты партии информировали, что евреи в основном молчали и не участвовали в обсуждении событий, отказывались вступать в прения и игнорировали митинги и собрания. Заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Витебского обкома КПБ Тузов писал в Центральный комитет Компартии республики о том, что целые группы евреев отказывались

⁹⁸ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 324, лл. 164-165, 166, 214.

⁹⁹ ГА Брестской области, ф. 1, оп. 10, д. 170, л. 2.

¹⁰⁰ ГАОО Гродненской области, ф. 1, оп. 29, д. 12, лл. 13-15.

¹⁰¹ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 324, лл. 169, 207, 210-212.

знакомиться с хроникой ТАСС¹⁰². Из Минска поступило сообщение, что в Министерстве финансов БССР работники-евреи не выразили своего негодования действиями «врачей-отравителей», а в артели «Красный обувщик» Фрунзенского района, 90% рабочих которого были евреи, внешне сохранялось полное безразличие. На швейной фабрике им. Крупской начальник цеха Мительман ушла во время публичного чтения статьи «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей» из газеты «Правда». По ее адресу работницы заявляли, что Мительман боится народа и скрылась, когда стали читать про «жидов-отравителей»¹⁰³. Из Гомеля докладывали, что евреи области и города не разделяли всеобщее возмущение «подлыми действиями врагов» из группы врачей-профессоров, старались не вступать в разговоры с посторонними. В Пинске на II курсе вечернего университета марксизма-ленинизма при горкоме партии 13 января 1953 г. евреи не явились на занятия¹⁰⁴. В коммунальном банке Витебска служащие-евреи на вопрос о том, кто слышал сообщение ТАСС по радио, отвечали, что радио они не включали, а один служащий добавил, что, кроме хорошего концерта, ничего не транслировали. На фабрике «Знамя индустриализации» рабочие-евреи цеха индивидуального пошива, наоборот, заявили присланному агитатору, что они уже сами ознакомились с материалами «Правды» и зачитывать их снова нет необходимости. Когда же, несмотря на это, сообщение ТАСС было зачитано, никто из них не выступил и не внес никаких предложений¹⁰⁵.

Осведомители МГБ БССР докладывали об убеждении части евреев в том, что арестованные врачи были вынуждены дать свои показания под давлением. Работники магазина № 20 Городокского района сожалели, что врачи сознались в том, что им инкриминировали: «Если бы не признались, то и дела бы не было», а в ряде общеобразовательных школ Витебска заявляли, что «если кто-то и виноват, то это профессора-медики Виноградов и Егоров (русские. – Л.С.)»¹⁰⁶.

Во многих сообщениях подчеркивалось, что в тех местах, где евреи составляли большинство работников, они при обсуждении названных

¹⁰² НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 352, л. 16.

¹⁰³ Там же, д. 324, л. 159.

¹⁰⁴ Там же, лл. 160, 182, 218.

¹⁰⁵ Там же, д. 352, л. 16.

¹⁰⁶ Там же, л. 17.

событий переходили на идиш. Секретарь партийной организации института биологии Академии наук БССР Иванов заявлял, что в то время как сотрудники ботанического сада возмущались действиями банды шпионов и убийц под маской профессоров-врачей, их коллеги-евреи разговаривали между собой только на еврейском языке или отмалчивались¹⁰⁷. Аналогичные сообщения поступали из Бобруйска, Барановичей, Молодечно, Воложина, Речицы, Могилева и других мест.

Часть евреев, пытаясь оправдаться перед лицом незаслуженных обвинений, напоминали, что евреи горячо любят советскую власть, честно и самоотверженно трудятся на благо любимой родины. В подтверждение они приводили известные факты о количестве евреев среди лауреатов Сталинской премии в науке, технике, культуре и искусстве, а также о большом процентном соотношении в пользу евреев среди музыкантов, художников, шахматистов¹⁰⁸. Другие искали альтернативные источники информации.

В начале 1953 г. уполномоченный Министерства связи СССР по Белоруссии Косов докладывал руководству республики об усилении антисоветского радиовещания. В это время вещание на БССР вели более 30 коротковолновых западных станций, которые глушили только два пункта – в Минске и Барановичах. По мнению Косова, этого было недостаточно, и он предложил план строительства и финансовое обоснование системы противодействия иностранному радиовещанию в областных и крупных районных центрах республики¹⁰⁹. Среди тех, кто «ловил» зарубежные «голоса», был Ноах Ладин из Речицы. Он закрывал ставни своего дома и слушал передачи из Израиля, переписывался с дядей Ицхаком из Соединенных Штатов Америки. В январе 1953 г. парикмахер из Барановичей Яков Виноградский называл сообщение ТАСС «сказкой» и говорил, что вечером он будет слушать «голос», который передает более правдивую информацию. В материалах МГБ о Виноградском отмечалось, что тот сожалеет, что в 1945 г. не уехал в Палестину, и называет себя «дураком»¹¹⁰.

Безусловно, евреи не могли повлиять на ситуацию, разоблачить ложные обвинения, но, несмотря на это, высказывали свое несогласие,

¹⁰⁷ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 324, л. 166.

¹⁰⁸ УВА, Р-21/4-83.

¹⁰⁹ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 352, л. 107.

¹¹⁰ Там же, д. 324, л. 160.

искали аргументы против официального навета. Власти отмечали, что «отдельные лица еврейской национальности» проникнуты духом еврейского буржуазного национализма, что они не только не осуждают участников «террористической группы», но и стараются их выгородить. Заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Бобруйского обкома Компартии Белоруссии Чулицкий докладывал, что евреи города не соглашались с обвинениями по «делу врачей» и пытались вести контрпропаганду. Инженер-электрик Дина Гольдштат определяла сообщение ТАСС как «новое дело Бейлиса»; категорически отрицал террористический акт со стороны московских врачей секретарь комсомольской организации артели «Прогресс» Янкель Гайстер и т. д.¹¹¹

Среди разных слоев населения, как интеллигенции, так и рабочих, получило распространение мнение, что публикация в «Правде» послужит началом широкомасштабной акции с большими последствиями. На кафедре биохимии Минского медицинского института преподаватели и профессора-евреи считали, что близятся массовые аресты – повторение репрессий 1937 г. С ними соглашались евреи, работавшие консультантами в поликлинике Лечебно-санаторного управления при ЦК КПБ, отмечавшие, что произведенные аресты приведут к новым арестам многих врачей. В артели «Красный голевик» заявляли, что «дело врачей» специально сфабриковано, чтобы опорочить евреев и начать массовые гонения. В Барановичах утверждали, что материалы «Правды» – это неправда, которая распространяется нарочно, чтобы настроить людей против евреев и опорочить память Соломона Михоэлса. В Орше говорили, что начался поход против евреев, которых увольняют с работы для того, чтобы потом уничтожить¹¹².

Евреи обращали внимание, что власти не случайно подчеркивали роль Соединенных Штатов Америки в «деле врачей». Хана Синильникова из Гродно считала, что правительство хочет очернить евреев, потому что у некоторых из них есть родственники в Америке, а также что арестованные в Москве врачи – это специалисты, а не террористы, которых подвергли избиениям и заставили себя оговорить¹¹³. Рабочий из Бобруйска Воротынский (еврей) заявлял, что правительство

¹¹¹ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 352, л. 3.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же, д. 324, л. 160.

пытается скрыть от мировой общественности издевательства над евреями в Советском Союзе и поэтому распространяет сведения о том, что они якобы ведут против советского государства подрывную работу; продавщица Шухман из Витебска была убеждена, что нападки на США объясняются тем, что «в Америке люди живут хорошо, а у нас – плохо»¹¹⁴.

Для обвинения в антипатриотизме или даже пособничестве иностранной разведке не требовалось совершать противоправные действия или заниматься подпольной антисоветской работой, достаточно было иметь родственников за границей или состоять в прошлом в некоммунистической организации. 18 марта 1953 г. против Самуила Близнянского, директора промышленного комбината городского поселка Шерешёво Пружанского района, было выдвинуто обвинение в сионистской деятельности и связи с «Джойнтом». До 1939 г. Близнянский являлся членом организации «Ха-шомер ха-цаир», а после окончания Второй мировой войны вместе с соседями Лифшицем, Хедрицким, Ароновичем и другими поддерживал связь с родственниками за границей, которые время от времени присылали посылки и письма. Шахно Пружанского, заведующего складом промышленного комбината в городском поселке Антополь Дрогичинского района, исключили из партии за сокрытие социального происхождения и связь с родственниками (отец и брат жены), проживавшими за границей¹¹⁵.

Вместе с тем часть евреев приняла участие в организованной властями кампании и поддержала миф о «врачах-отравителях», покушавшихся на жизнь партийных вождей. Это были в основном функционеры режима или люди, лишённые гражданского мужества. Некоторые из них давно утратили связь с еврейством и стеснялись своего происхождения, кого-то удалось запугать неизбежными репрессиями. Партийные органы использовали в своих целях некоторых евреев, в основном занятых физическим трудом рабочих промышленных предприятий, строительных объектов, мастерских и артелей, которые брали на себя смелость выступать от имени еврейского народа. На Минском автомобильном заводе отдельные рабочие «от имени всех евреев» требовали беспощадно уничтожать «гадов», позорящих честных евреев-тружеников. На заводе им. Кирова в Витебске отмечали,

¹¹⁴ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 352, лл. 3, 17.

¹¹⁵ ГА Брестской области, ф. 1, оп. 10, д. 101, лл. 158, 161-162.

что советская власть спасала евреев в годы войны от смерти, а в ответ арестованные врачи отблагодарили презрением к «нашему народу». Из Гомеля приводили высказывания рабочих-евреев, утверждавших, что из-за «таких прохвостов» не могут спокойно жить и работать честные евреи, которые вынуждены испытывать на себе неприязнь окружающих¹¹⁶. Секретарь Гродненского ОК КПБ Королев докладывал в ЦК КПБ, что определенная часть евреев области осуждает террористическую группу, действия которой ложатся пятном на «всю еврейскую национальность». Врачи больницы в Лиде говорили, что врагов и шпионов нужно казнить за тот позор, которому они подвергли весь еврейский народ¹¹⁷. Из Витебской области сообщали, что некоторые рабочие и служащие евреи подчеркивали, что советское правительство многое сделало для спасения еврейского населения от нацистов в годы Второй мировой войны. Тем не менее общее число евреев БССР, оказавшихся на стороне режима, было незначительным, и каждый такой случай имел особую ценность для партийных органов, которые старались предать гласности имена соглашателей.

Часть евреев заблуждались, веря пропаганде и полагая, что главным виновником событий являлись американский империализм, «Джойнт» и сионисты. Так, К. и П. из Минска проклинали «во веки веков» сионистов и агентов империализма – «смертельных врагов еврейского народа». Учительница О. из д. Люкшаны Суражского района говорила, что американцам продались врачи, которые получили образование и были материально обеспечены советским государством, а поэтому они заслуживают самого сурового наказания¹¹⁸. Елизавета С. требовала, чтобы евреи не только СССР, но и всего мира объединили свои усилия в борьбе за роспуск «античеловеческой» и «фашистской» организации «Джойнт»¹¹⁹. Другие заблуждались, считая, что разоблачение врачей связано с угрозой жизни Сталина. Демонстрируя свою растерянность, они публично заявляли о своей преданности и верности вождю и его делу. Из Витебска, Могилева, Житковичей, Мозыря и Гомеля приходили письма, в которых говорилось, что в момент, когда перестало биться сердце дорогого учителя и советские люди «осиротели», евреи

¹¹⁶ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 324, лл. 167, 218.

¹¹⁷ ГАОО Гродненской области, ф. 1, оп. 29, л. 18.

¹¹⁸ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 352, л. 16.

¹¹⁹ YVA, P-21-4-85.

обязаны удвоить бдительность и бороться за мир, что на всем свете нет правительства лучше советского, партии справедливее, чем партия Ленина–Сталина¹²⁰.

К особой группе можно отнести евреев, по собственной инициативе обращавшихся в советские средства массовой информации, партийные и государственные инстанции с требованием сурово наказать «врачей-отравителей». Они писали, что террор «докторов-убийц» – это удар в спину всему еврейскому народу и что если бы «отравителей» отдать на суд евреям, то они их разорвали бы «в клочки».

В адрес Ильи Эренбурга поступали письма, в которых авторы призывали писателя как советского гражданина и патриота заступиться за советских евреев, не имевших ничего общего с бандой «предателей и убийц», нанести сокрушительный удар по «нездоровым разговорам» и настроить евреев на новые трудовые успехи. Эти обращения имели свое значение, если учесть, что после гибели Михоэлса и роспуска Еврейского антифашистского комитета в 1948 г. Илья Эренбург остался, по сути дела, единственным национальным авторитетом, к которому евреи могли обратиться за сочувствием, помощью и поддержкой. 14 января 1953 г. группа анонимных авторов писала, что труженики-евреи, отдающие все силы и знания делу построения коммунизма, полны глубочайшего возмущения деятельностью «человекозверей». Они просили Эренбурга, учитывая его авторитет и заслуги, заклеить гнусную деятельность врагов народа, которые наложили черное пятно на все еврейское население Советского Союза¹²¹. Дмитрий Аронович 16 января 1953 г. писал Эренбургу, что всегда видел в нем воплощение самого честного и талантливого, что есть в еврейском народе. Будучи на фронте, он неоднократно зачитывал своим солдатам перед боем статьи Эренбурга, которые вдохновляли их на борьбу с нацистами, что, вернувшись домой после трех ранений, он узнал о гибели своих 17 родственников в гетто. Однако, по словам Ароновича, это не шло ни в какое сравнение с ударом от сообщения о врачах-отравителях¹²². Некоторые спрашивали писателя, насколько обоснованы слухи о предстоящих всеобщих репрессиях против евреев, и в случае если это правда, просили защитить, как поступили в свое

¹²⁰ YVA, P-21/4-75; 21/4-77; 21/4-80.

¹²¹ Там же, P-21/4-71.

¹²² Там же, P-21/4-74.

время писатели Владимир Короленко и Максим Горький¹²³. Другие советовали повлиять на ЦК КПСС, который должен дать специальную директиву на места о приеме на работу евреев, несправедливо уволенных в связи с «делом врачей»¹²⁴.

Организационные меры властей

После сообщения ТАСС ЦК Компартии Белоруссии начал проверку работы всей системы министерства здравоохранения республики. Проверялись состав работников научно-исследовательских институтов министерства и его кадровая политика в целом, работа по откликам на «сигналы» и жалобы населения о неправильных методах лечения. Совещания с руководящими партийными работниками городов и районов и руководителями медицинских учреждений состоялись в областных комитетах партии. Гродненский и Могилевский ОК КПБ провели совещания с заведующими отделами здравоохранения и главными врачами городских и районных больниц, Полоцкий ОК КПБ – совещание секретарей первичных парторганизаций, а Молодеченский обком принял постановление об улучшении подбора, расстановки и воспитания медицинских кадров области.

Вслед за этим начались проверки самих медицинских учреждений. Первыми стали лечебные заведения Минска, а также 1-я и 2-я областные и детская больница Гомеля, лечебные учреждения Речицкого района. Особое внимание уделялось повышению политической бдительности медицинского персонала. В январе 1953 г. третий пленум ЦК Компартии Белоруссии подверг резкой критике Витебский и Минский ОК КПБ за ошибки, которые привели к случаям проникновения в медицину «сомнительных людей». О том, что именно стояло за обтекаемыми формулировками, можно понять, если обратить внимание на состав местных медицинских кадров по национальной принадлежности. В 1953 г. в Витебске из 271 врача 142 были евреи, в Витебском медицинском институте из 30 заведующих кафедрами 11 – евреи, из 10 доцентов 7 – евреи, среди 733 студентов евреи насчитывали свыше 15%¹²⁵. В Минской области в это же время

¹²³ Из письма Самуила Мардушенко Илье Эренбургу // YVA, P-21/4-83.

¹²⁴ YVA, 21/4-80.

¹²⁵ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 324, лл. 78-80; д. 352, л. 17.

работали 457 врачей, из которых 263 – белорусы, 78 – русские, 99 – евреи и 17 – другие национальности. Кроме них, 111 евреев занимали должности среднего медицинского персонала¹²⁶. В целом состояние кадров Министерства здравоохранения БССР по национальной принадлежности и их динамика в 1944–1953 гг. хорошо видны на примере ее районного звена:

Таблица

**Национальность заведующих районными
отделами здравоохранения в БССР в 1944–1953 гг.**

Год	Всего	Белорусы	Русские	Другие	Евреи	
					кол-во	%
1944	172	88	57	7	20	12,0
1946	173	97	58	–	18	10,4
1949	165	74	55	24	12	7,3
1953	165	81	60	17	7	4,2

Составлено по: НАРБ, ф. 4, оп. 109, д. 1, лл. 215-226;
д. 5, л. 29; д. 13, л. 42; д. 16, л. 61.

Приведенные данные подтверждают тенденцию замены евреев неевреями даже в наиболее трудоемком среднем звене управленцев-медиков. К 1953 г. среди 12 заведующих областными отделами здравоохранения не осталось ни одного еврея, а в самом Министерстве здравоохранения Белоруссии из 28 работников продолжали работать только два еврея¹²⁷. В начале февраля 1953 г. в Минске состоялось республиканское совещание работников здравоохранения, в котором приняли участие около 600 чел. С докладами об опыте работы выступили заместитель министра здравоохранения БССР Сержанин, заведующая районным отделом здравоохранения из г. Добруш Гомель-

¹²⁶ НАРБ, ф. 1, оп. 9, д. 129, л. 36.

¹²⁷ Там же, д. 32, л. 258.

ской области Криводубская, главный врач сельской больницы Сенненского района Витебской области Боборенко, главный врач районной больницы г. Дисна Полоцкой области Гурленя и др. На совещании, наряду с обязательными сообщениями об увеличении к концу пятилетки (1955 г.) количества больничных коек в республике на 25%, отмечалось, что еще не обеспечено должное руководство медицинскими учреждениями, не изжиты грубость, невнимательность к больным. Подчеркивалось, что важную роль в борьбе с беспечностью и благодушием призвано играть широкое развертывание критики и самокритики¹²⁸.

После медицинских учреждений было решено проверить состояние идеологических кадров. Местные партийные комитеты, которым поручили организовать необходимые инспекции, выявили, что главными носителями недостатков оказались в основном работники с еврейскими фамилиями. В отчете о работе лекторской группы ЦК КПБ за 1952–1953 г. говорилось о большом количестве лекций, прочитанных на низком теоретическом уровне. В числе худших назывались кандидат исторических наук, преподаватель Гомельского педагогического института Е. Лерман (не указывал, что СССР вступил в полосу постепенного строительства коммунизма), лектор Брестского ОК КПБ А. Мамро и внештатные лекторы Гомельского ОК КПБ Б. Лифшиц, Р. Беляев, Г. Рахлин и И. Фабрикант. Их не отличала «большевистская страстность», допускались схематизм, отвлеченность и отсутствие связи с решениями XIX съезда КПСС¹²⁹. По мнению проверявших, не были насыщены глубоким содержанием и пронизаны духом воинствующей партийности лекции в Минской, Молодеченской, Барановичской и Гродненской областях республики. Особой критике подвергались пропагандисты, которые не делали акцент в своих выступлениях на происках сионизма, вероломстве еврейских националистов, «Джойнте» как орудии американской разведки и пр. Приведем некоторые примеры.

5 марта 1953 г. рецензенты Н. Лобатенко, В. Шабловский, Е. Касперович (лекторы ЦК КПБ) докладывали Н. Патоличеву, что лектор Яков Рубин избегал говорить о «Джойнте» как о еврейской международной организации и не разоблачал империалистов США. Рубина упрекали в

¹²⁸ См. *Звезда*, 5 февр. 1953 г.

¹²⁹ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 326, лл. 179, 181.

том, что он, читая лекции о международном положении, не рассказывал об усилении классовой борьбы в странах народной демократии, обходил молчанием процесс сионистов в Чехословакии, «ни единым словом не обмолвился» о разоблачении врачей-убийц, о провокациях в Тель-Авиве против СССР. По сообщению «Правды» от 15 февраля 1953 г., на территории дипломатической миссии СССР в Тель-Авиве 9 февраля 1953 г. была взорвана бомба, в результате чего ранения получили жена посланника К. Ершова, жена сотрудника миссии А. Сысоева и сотрудник миссии И. Гришин. Президент и МИД Израиля осудили этот террористический акт и приняли меры к розыску и наказанию преступников. Несмотря на это, отношения между двумя странами были прерваны. В заключение подчеркивалось, что Рубин не разоблачал Израиль как центр сионизма, шпионажа и диверсий, не призывал слушателей к борьбе с ротозейством и к усилению революционной бдительности. 13 марта 1953 г. та же группа рецензентов подвергла острой критике лекции преподавателя Высшей партийной школы при ЦК КПБ Г. Бейлинсона, которого также обвинила в недостатке критики американских империалистов и их сионистской агентуры в СССР и странах народной демократии. Кроме того, Бейлинсона упрекали в том, что он был недостаточно резок в отношении арестованных врачей, не призывал к борьбе против благодушия и беспечности¹³⁰.

Продолжением темы стала статья в газете «Звезда» от 17 марта 1953 г., озаглавленная «Лекционную пропаганду – на уровень новых задач». В ней говорилось о необходимости вновь разъяснить населению, что чем значительнее успехи, тем более коварным и жестоким становится враг и к тем более острым средствам борьбы он прибегает. Это была интерпретация известного тезиса, сформулированного Сталиным в марте 1937 г. на Пленуме ЦК ВКП(б), о том, что по мере приближения советского общества к построению коммунизма классовая борьба внутри страны будет обостряться, а давление империалистического окружения усиливаться¹³¹. Причинами назывались пережитки буржуазной идеологии и частнособственнической психологии. Напоминалось, что, поскольку империалистический мир поддерживает скрытых врагов советской власти, необходимо устранить питательную

¹³⁰ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 352, лл. 124-125.

¹³¹ И.В. Сталин. *О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников*, 3–5 марта 1937 г. Москва, 1937 г., с. 23.

среду для шпионов и диверсантов. В статье содержалось требование значительно повысить уровень лекционной пропаганды, организовать систематическое чтение на предприятиях, в колхозах и совхозах массовых популярных лекций, докладов с разъяснением положений труда Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», решений XIX съезда КПСС по вопросам внутренней и внешней политики. Вслед за этим начались гонения. Одних заставляли оправдываться и писать покаянные письма, просить снисхождения у властей, обещать исправиться, других понижали в должности или переводили на новую работу, третьих объявляли профессионально непригодными и увольняли. Самой печальной была участь тех, кого увольняли за проявление политической близорукости.

27 марта 1953 г. Рубин и Бейлинсон в объяснительной записке на имя Патоличева признавали справедливость критики в свой адрес. Они писали, что проявили беспечность, поступили не так, как учила их партия, и готовы принять любое взыскание. Для того чтобы избежать увольнения, они соглашались с тем, что еврейские буржуазные националисты – злейшие враги трудящихся, что «заправили» сионистов открыто «якшались» с гитлеровскими преступниками и что еврейский народ никогда не забудет, что именно СССР спас его от полного истребления в годы Второй мировой войны. В заключение лекторы подчеркивали искренность своего покаяния и просили предоставить возможность восстановить доверие партии, родины и народа, которым они пользовались до сих пор¹³².

Многие евреи, имевшие отношение к вопросам идеологии и пропаганды, были уволены. 23 января 1953 г. в Гродно под предлогом недобросовестного отношения к своим обязанностям, выразившемся в «передаче искажавших советскую действительность фактов», редактору «Последних известий» областного Комитета по радиоинформации Софье Лайхтман объявили выговор, а заведующего сектором информации областного комитета партии Бориса Марголина освободили от работы¹³³. 25 января в Калинковичах уволили ответственного секретаря районной газеты «Сцяг камунізму» Якова Лейфмана за то, что «протаскивал» на страницы газеты низкие по идейному содержанию материалы¹³⁴. 3 марта 1953 г. в Лиде за проявление «политической

¹³² НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 352, лл. 127-129, 133-134.

¹³³ ГАОО Гродненской области, ф. 1, оп. 29, д. 16, л. 38; д. 17, л. 116.

¹³⁴ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 352, л. 33.

слепоты и беспечности» отстранили от работы Давида Фишмана, который в своей лекции, по мнению проверяющих из Политического управления Белорусского военного округа, принизил роль СССР в разгроме нацистской Германии. В чем именно это выразилось, в документе не уточнялось¹³⁵. В Минске за «грубые ошибки» уволили штатного лектора Минского ГК КПБ Гершмана¹³⁶, а на киностудии «Беларусьфильм» отказали в приеме в партию Исааку Тульману, что отразилось на его служебной карьере¹³⁷.

Евреи Белоруссии в полной мере почувствовали на себе недоверие власти. Под разными предлогами их увольняли с работы, не продвигали по службе, ограничивали возможность занимать престижные должности. Их детям искусственно создавались препятствия в получении образования. Одновременно продолжали распространяться утверждения о братстве советских народов и равных возможностях, которые дала им советская власть. В 1953 г. в Белоруссии не осталось евреев среди секретарей, заведующих отраслевыми отделами и их заместителей, инспекторов, консультантов и инструкторов ЦК Компартии республики. Не было евреев и в республиканской Высшей партийной школе, среди секретарей областных, городских и районных комитетов КПБ и ЛКСМБ. Евреев не осталось ни в руководстве Президиума Верховного Совета и Совета министров БССР, ни среди председателей исполкомов районных, городских или областных Советов, редакторов областных и республиканских журналов и газет. Евреев удалили из министерства просвещения республики, из руководства областными отделами народного образования, их не осталось даже среди директоров педагогических училищ. По понятным причинам, их не оставили в центральном аппарате МВД и МГБ БССР, среди начальников областных, городских или районных управлений МВД и МГБ. Подобная же картина была характерна для министерства иностранных дел, министерства юстиции, Верховного суда и Прокуратуры БССР (исключение составили районные прокуроры – 5 евреев из 173 чел.)¹³⁸

¹³⁵ НАРБ, ф. 1, оп. 29, д. 18, л. 8.

¹³⁶ Там же, ф. 4, оп. 62, д. 326, л. 181.

¹³⁷ Запись беседы с Семеном Исааковичем Тульманом 15 ноября 1995 г. в Иерусалиме // Архив автора.

¹³⁸ Подсчитано по: НАРБ, ф. 4, оп. 109, д. 32, лл. 255-258.

Это недоверие режима не прошло незамеченным, оно рождало у населения сомнения в патриотизме евреев. Двусмысленное положение евреев сохранилось и в последующий период, когда руководители КПСС и советского государства официально осудили культ личности Сталина и обещали обеспечить национальное равноправие всем народам страны.

Завершение кампании

«Дело врачей» прекратилось так же неожиданно, как и началось. При этом власти предприняли шаги скрыть подлинных организаторов кампании и объяснить случившееся. 6 апреля 1953 г. вслед за газетой «Правда» и всеми центральными периодическими изданиями страны белорусские газеты поместили краткую информацию МВД СССР о том, что врачи были арестованы неправильно, а обвинения, выдвинутые против них, оказались сфабрированными, что они освобождены, а виновные привлечены к строгой ответственности¹³⁹. Многие евреи восприняли это известие не только как прекращение общей клеветнической кампании, но и как устранение угрозы им лично. Нотариус из Речицы Софья Лапицкая вспоминала, что когда 4 апреля 1953 г. она зашла к своей подруге адвокату Зине Марголиной в Гомеле, то застала ее в слезах возле радио. Сначала Софья испугалась и спросила, что случилось. На что подруга предложила ей послушать сообщение ТАСС о реабилитации «врачей-отравителей». После этого они плакали вместе¹⁴⁰.

6 апреля 1953 г. передовая статья «Правды», озаглавленная «Советская социалистическая законность неприкосновенна», задавалась вопросом: как могло это все случиться? Ответ предлагался немедленно. В числе виновных назывались бывшие руководители МГБ СССР, проявившие «слепоту и ротозейство», и медицинская экспертная комиссия, давшая неправильное заключение о методах лечения Жданова и Щербакова. Далее говорилось, что советский народ с чувством глубокого удовлетворения принял известие о невинности врачей и может спокойно работать, зная, что его права надежно защищены советской социалистической законностью. Признавалось,

¹³⁹ См. *Звезда*, 4 апр. 1953 г.

¹⁴⁰ Запись беседы с Софьей Абрамовной Лапицкой 29 дек. 1997 г. // Архив автора.

что показания врачей были получены при помощи недопустимых методов следствия. Список освобожденных включал многие имена, не упоминавшиеся ранее. Двое из арестованных (М.Б. Коган и Я.Г. Этингер) умерли в ходе следствия. Всю вину за организацию «дела врачей» приписали заместителю министра МГБ СССР М.Д. Рюмину, которого через некоторое время расстреляли. В том же контексте пресса осудила обвинения, выдвинутые против Соломона Михоэлса, что было необычным в условиях советской действительности и подало надежду на существенные перемены в будущем.

7 апреля 1953 г. темой передовой статьи в «Правде» стала дружба народов, которая определялась как великое завоевание социалистической революции и источник силы и могущества советского многонационального государства. При этом подчеркивалось, что, в отличие от капиталистических стран, где реакционные эксплуататорские классы разжигают националистические страсти, культивируют шовинизм и национальную ненависть, в Советском Союзе воплощены в жизнь великие гуманистические идеи равенства и братства народов, как больших, так и малых¹⁴¹. В целом после 4 апреля 1953 г. тема заговора, вредительства, шпиономании, вероломства, скрытых врагов народа, большинство из которых носили еврейские имена и фамилии, исчезла. Страницы периодических изданий как Белоруссии, так и других республик заполнили новые заголовки, отражавшие повседневные проблемы: «С весны заботиться о кормовой базе животноводства», «За высокие урожаи яровой пшеницы», «Как мы организовали работу в тракторной бригаде?», «К чему приводит ослабление контроля над учебой?», «Труд – неиссякаемый источник нашей силы и богатства» и др.

В июле 1953 г. были возобновлены дипломатические отношения между СССР и Израилем, из тюрем и лагерей выходили тысячи политических заключенных и среди них немало евреев, осужденных за национализм и псевдоантисоветскую деятельность. Многие уволенные с работы во время кампании по борьбе с космополитизмом получили возможность вернуться, возникла надежда на отмену запрета на еврейскую культуру. В 1954 г. вышла в свет небольшая книга для детей Шолом-Алейхема, а в августе 1955 г. в журнале «Новый мир» появились стихотворения Арона Вергелиса в переводе с идиша. В декабре

¹⁴¹ «Советская идеология дружбы народов» // *Правда*, 7 апр. 1953 г.

1955 – январе 1956 г. были образованы комиссии по изданию литературного наследия Переца Маркиша, Лейбы Квитко и Давида Бергельсона, казненных в последние годы жизни Сталина. Писателям на идише, вернувшимся из тюрем и лагерей, позволили напечатать некоторые свои произведения в польской прессе на идише. Однако параллельно выпады против евреев в повседневной жизни и в дискуссиях на тему о дальнейшем развитии литературы и искусства не прекращались.

Таким образом, в конце 1952 и начале 1953 г. была предпринята новая попытка антиеврейской кампании в СССР. Это была тщательно спланированная акция. Тот факт, что в ее основу была положена юдофобия, свидетельствует, что остальные средства давления и устрашения уже были использованы режимом. В отличие от предыдущей кампании борьбы с космополитизмом в 1946–1949 гг., когда слово «еврей» почти не упоминалось, а казнь руководителей Еврейского антифашистского комитета и ведущих деятелей еврейской культуры СССР в августе 1952 г. хранилась в тайне, шельмование евреев с января 1953 г. стало открытым. Январь-март 1953 г. были для евреев ужасными, они жили в атмосфере подозрительности и ненависти, в постоянном страхе за себя и своих близких. Короткий период между концом Второй мировой войны и смертью Сталина оказался для них временем глубочайших потрясений. После страданий и шока Холокоста многим пришлось пережить резкий переход от иллюзий восстановления национальной жизни и даже возможности свободной поддержки еврейского государства к болезненному разочарованию, открытой антисемитской кампании. Эта затронуло не только тех, кому было присуще еврейское самосознание, но и тех, кто уже частично ассимилировался. Пример Белоруссии наглядно показывает, как именно в эти годы использовался мощный пропагандистский аппарат государства (периодическая печать, радио, устная агитация и пр.), настраивавший общественное мнение. Заранее были пресечены все попытки усомниться в подлинности сообщения ТАСС от 13 января 1953 г., заступиться за обвиняемых, а в их лице и евреев вообще. Внутренняя ситуация в СССР не позволяла говорить о презумпции невиновности. Подавляющее большинство выступавших на организованных властями массовых митингах, собраниях и лекциях, требовало наказания «заговорщиков», массовых увольнений с работы с последующей депортацией всех евреев. Условия для расправы практически были

уже созданы, объяснение причин найдено, почва подготовлена, силы погромщиков обозначены. Оставалось только дать сигнал, но его не последовало. Началу репрессий помешала смерть диктатора, в противном случае трудно предположить, что могло бы остановить беду.

Опубликовано:

“Byelorussian Jewry and the Doctors’ Plot” // *East European Jewish Affairs*. Vol. 27(2), 1997, pp. 39-53.

“The Non-Jewish Reaction to the ‘Doctors Plot’ in Belorussia in the Light of New Documents (January-March 1953)” // *Shvut*, No 9 (25), 2000, pp. 67-92.

Как это было в Могилеве

Могилев в течение ряда столетий был вторым по значению городом Белоруссии. Евреи по праву считались коренным населением этого старинного белорусского города, несмотря на то что не принадлежали к титульной нации. Составляя одну из наиболее энергичных групп населения, евреи приложили немало сил, чтобы Могилев рос, благоустраивался и приобрел славу промышленного, культурного и научного центра европейского уровня¹. Выгодное расположение Могилева послужило основанием для планов переноса сюда столицы советской Белоруссии в 30-е гг. XX в. В городе был возведен аналог Дома правительства, комплекса административных зданий высшего руководства республики, — точная копия сооружения архитектора Иосифа Лангбарда в Минске. Однако после событий 17 сентября 1939 г., когда новая граница отодвинулась к Белостоку и Бресту, от этой идеи отказались.

Еврейская община в Могилеве, как и во всей БССР, организационно перестала существовать задолго до Второй мировой войны. Закрытие синагог и запрет иврита, ликвидация всех типов еврейских национальных, политических, культурных и образовательных учреждений несоветского образца стали закономерным результатом утверждения сталинской модели социализма. Превентивные аресты и карательная практика ОГПУ/НКВД были призваны обеспечить стерильность нового общества. В январе 1939 г. в Могилеве проживало 99 тыс. 420 жителей, из которых евреи составляли 19 тыс. 715 чел., или 19,8%². К июню 1941 г. еврейское население Могилева увеличилось за счет естествен-

¹ *История Могилевского еврейства. Документы и люди*: В 2 кн. Книга первая / Сост. Александр Литин. Минск, 2002 г.

² *Distribution of the Jewish Population of the USSR, 1939* / By Mordechai Altshuler (ed.), p. 39.

ного прироста и в значительной степени беженцев из Польши – 3 тыс. 570 чел.³ В дополнение к этому в 17 местечках, окружавших Могилев, перед началом советско-германской войны проживало 22 тыс. 687 евреев, что составляло 28,5% от общего населения Беларуси⁴.

Открытым до сих пор остается вопрос: сколько евреев погибло в период оккупации Могилева, продолжавшейся с 26 июля 1941 г. до 28 июня 1944 г.? В августе 1941 г. немецкие власти провели регистрацию населения Могилева, ее итог – 6 тыс. 437 евреев и 25 тыс. 200 неевреев. Вследствие мобилизации, эвакуации, гибели во время воздушных налетов и боев за город, ухода части жителей в деревню и террора первого месяца оккупации население Могилева сократилось более чем в три раза. В отличие от Минска и Западной Белоруссии, Могилев не включили в Генеральный комиссариат «Белорутения», и он оказался под военным управлением на правах прифронтового города. Гетто в Могилеве не имело большого хозяйственного значения и поэтому просуществовало недолго⁵. Поначалу могилевские евреи находились в гетто Подниколье, рядом с еврейским кладбищем, а потом в Дубровенке (пригород Могилева). С сентября по ноябрь 1941 г. оттуда евреев вывозили на уничтожение в окрестности деревни Казимировка, а также в сам Могилев – всего около 7 тыс. 500 чел.⁶

В целом, по оценке Даниэля Романовского, сотрудника «Яд ва-Шем», численность евреев Могилева, включая тех, кто был убит при обороне города и района, в 1941 г. составила около 9 тыс. чел., или 44% от еврейского населения до войны⁷. Эта оценка в значительной степени отличается от подсчетов, сделанных израильским исследователем доктором Шаломом Холавским (11 тыс. 700 чел.)⁸ и профессором

³ “Jewish Refugees from Poland in Belorussia, 1939–1940”. Documents / Introduced and annotated by E. Ioffe and V. Selemenev // *Jews in Eastern Europe*, No 1 (32), 1997, p. 55.

⁴ M. Altshuler. *Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust: A Social and Demographic Profile*, p. 45.

⁵ Д. Романовский. «Сколько евреев погибло в промышленных районах Восточной Белоруссии в начале немецкой оккупации (июль – декабрь 1941 г.)?» // *Вестник Еврейского университета*, № 4 (22), 2000 г., с. 154, 163.

⁶ *Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Белоруссии, 1941–1944 гг.* Минск, 2001 г., с. 63.

⁷ Д. Романовский. Указ. соч., с. 165.

⁸ Sh. Cholavsky. *B e-sufat ha-kilayon: yahadut Belorussiya ha-mizrakhit be-milkhemit ha-olam ha-shniya*. Yerushalaim, 1988, p. 290.

Белорусского государственного педагогического университета Эммануилом Иоффе (14 тыс. чел.)⁹.

Военные действия и годы оккупации причинили огромный человеческий и материальный урон Могилеву. На день освобождения в городе оставалось менее 10 тыс. чел., и среди них не было евреев. В отчете о работе ЦК КП(б) Белоруссии за 1946 г. говорилось, что – наряду с Минском и Гомелем – в Могилеве из 1 млн 869 тыс. кв. м жилья осталось только 438 тыс. кв. м, или около 23% довоенного жилого фонда из 6 653 зданий сохранилось только 3 220¹⁰.

После освобождения республики уцелевшие евреи начали возвращаться в родной город и приняли активное участие в его восстановлении. По решению ЦК КП(б)Б в Могилев и Могилевскую область была отозвана большая группа медицинских работников, находившихся в эвакуации в разных городах страны. Из Киргизии (г. Фрунзе) приехал бывший заведующий областным отделом здравоохранения Махлин, Могилевский городской отдел здравоохранения возглавил Е. Шубик, вернувшийся из Сталинграда. Руководство Горецким районным отделом здравоохранения принял Г. Сегаль (Саранск), Климовичским – С. Певзнер (Чебоксары), Костюковичским – Иоффе (Джалал-Абад, Киргизия), Кричевским – Новоселок (Пенза), Мстиславским – Комиссаров (Бугуруслан), Осиповичским – Г. Левин (Иваново), Пропойским – Г. Кугель (Уральск), Хотимским – М. Герман (Свердловская область), Чаусским – И. Дрейзин (Новосибирск), Шкловским – Л. Левин (Сталинград) и др.¹¹

Сразу после окончания войны государственный антисемитизм в Белоруссии еще не достиг своего апогея. При подборе кадров в структуры управления начального и среднего звена еврейское происхождение кандидата не являлось заметным препятствием. Евреи были не только среди партийных и советских чиновников, но и управляющих банками, директоров учебных заведений, начальников отделов народного образования и здравоохранения, директорами предприятий и учреждений, однако сразу в 1944 г. их были еще единицы, что наглядно представлено в следующей таблице:

⁹ Э.Г. Иоффе. *Страницы истории евреев Беларуси*. Минск, 1996 г., с. 114.

¹⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 88, д. 718, лл. 4, 20.

¹¹ НАРБ, ф. 4, оп. 41, д. 219, л. 293.

Таблица 1

**Национальный состав руководящих кадров Могилева
и Могилевской области в декабре 1944 г.**

Должность	Всего	Белорусы	Русские	Евреи
Председатель исполкома	17	16	–	1
Зав. торговым отделом	12	9	–	3
Зав. финансовым отделом	17	16	–	1
Зав. отделом здравоохранения	16	6	1	9
Зав. отделом нар. образования	17	13	3	1
Управляющий отд. Госбанка	16	11	2	3
Редактор районной газеты	14	10	–	4
Секретарь райкома ЛКСМБ	15	11	4	–
Районный прокурор	14	8	6	–

Составлено по: НАРБ, ф. 4, оп. 109, д. 1,
лл. 87-96, 111-122, 123-146, 150-158, 161-169.

Главной причиной того, что в первые полгода после освобождения Могилева евреи составляли абсолютное меньшинство на руководящих должностях города и области стал нацистский геноцид, погубивший коренных могилевчан-евреев. Остались только те, кто успел эвакуироваться, не погиб на фронте или в партизанском отряде. Марк Янкелевич Карасик был назначен заместителем председателя облисполкома, Яков Наумович Островский – заведующим областным земельным отделом, Зяма Соломонович Глатман – заведующим отделом коммунального хозяйства, Борис Александрович Борисов – начальником отдела архитектуры, Борис Борисович Корневский – заведующим отделом транспорта, Лев Сергеевич Чернухин – главным арбитром области¹². В 1945 г. среди руководителей Могилева и Могилевской области насчитывалось всего 777 чел., включая 726 белорусов, 30 русских, 13 евреев и 7 представителей других национальностей. В целом по

¹² НАРБ, ф. 7, оп. 3, д. 1627, л. 70.

Белоруссии доля евреев в партийном и советском руководстве областей в 1945 г. равнялась 2,9%, в областных комитетах партии – 8,1%, в Центральном комитете КП(б)Б – 8%, а в числе руководителей республиканских хозяйственных организаций – 10,2%¹³.

Весной 1946 г. Елизавета Эберлин из газеты «Эйникайт»¹⁴ посетила Могилев. В ее репортаже утверждалось, что среди 60 тыс. жителей Могилева евреи составляли не менее 12 тыс. чел. Приводились примеры сотрудничества могилевчан разных национальностей на фабриках, заводах, в институтах и учреждениях. Директором Могилевского труболитейного завода работал Израиль Райхлин, кожевенного завода им. Сталина – Абрам Кузник, кирпичного завода, возобновившего работу за короткий срок, – Михаил Зильберман¹⁵. Е. Эберлин совершила поездку по Могилевской области и всюду видела «радостную картину восстановления новой жизни». В пригороде Климовичей возобновил работу еврейский колхоз «Энергия», членов которого своевременно эвакуировали в советский тыл в июле 1941 г. Нацисты сожгли колхоз, вырубili сады и опустошили поля, но после освобождения под руководством председателя колхоза Лайвандта евреи «отстроили дома и обзавелись хозяйством». В этом им помогли соседние белорусские колхозы, предоставившие 28 лошадей, 25 коров и хозяйственный инвентарь. Каждой из 24 семей евреев-колхозников дали корову, от двух до трех свиней и домашнюю птицу. Семья конюха Мойши Шафрана получила за свой труд в конце 1945 г. 1 200 кг зерна, 1 000 кг картофеля и 10 тыс. руб., не отстали от этой семьи и заработки других¹⁶.

В Кричев приехал врач Израиль Гиршон, по инициативе которого в городе до войны открыли больницу. Летом 1941 г. Гиршон ушел на фронт, работал в госпиталях, а его семью эвакуировали в Куйбышев. На месте своего дома Израиль увидел пустырь, но «советская власть

¹³ НАРБ, ф. 4, оп. 109, д. 1, лл. 87-96; д. 5, л. 51.

¹⁴ «Эйникайт» – газета выходила с июня 1942 г. по август 1943 г. в Куйбышеве и с августа 1943 г. по ноябрь 1949 г. в Москве, орган Еврейского антифашистского комитета. Несмотря на заявленный национальный характер, она в значительной мере являлась советским пропагандистским изданием. В то же время газета отличалась высоким литературным уровнем и сдержанностью в критике «классово враждебных» еврейских течений за рубежом и сионизма, что стало поводом для репрессий в ходе разгрома еврейской культуры в СССР в 1948–1953 гг.

¹⁵ См. «Эйникайт», 11 мая 1946 г.

¹⁶ ГАРФ, ф. 8114, оп. 1, д. 1131, лл. 539-540.

помогла отстроить дом», и старый врач, несмотря на возраст, продолжал работать. В Быхов возвратился Рувим Шуб, девятый ребенок в семье, он рано познал нужду, но получил образование и выдвинулся на руководящую работу. Всю войну Рувим провел на фронте, отличился в боях, получил шесть правительственных наград, а после победы земляки избрали его председателем горисполкома Быхова¹⁷.

Статья Е. Эберлин «Евреи на Могилевщине» носила пропагандистский характер и была написана по заказу Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) в Москве для еврейских общин в Нью-Йорке, Лондоне, Торонто и Израиля. В ней отсутствовали данные о страшных потерях среди могилевских евреев в ходе нацистского геноцида и о препятствии властей увековечению памяти погибших, не упоминалось о послевоенных принудительных займах, военном налоге, голоде и эпидемиях. Автор обошла молчанием, что большая часть из 12 тыс. евреев Могилева после 1945 г. не были его довоенными жителями. В городе поселились евреи из 16 районов области, где местечки были уничтожены нацистами вместе с их еврейским населением. Однако даже если принять во внимание половину из приведенных сведений, то роль евреев в восстановлении Могилева и Могилевской области очевидна¹⁸.

Сразу после войны, переживая шок Холокоста, многие евреи испытывали иллюзии по поводу возрождения национальной жизни. Они полагали, что советская власть не будет препятствовать восстановлению связей с родными за рубежом и сделает все необходимое для скорейшей адаптации к мирной жизни жертв нацистского геноцида. Мирон Эвенчук (23 года) пережил немецкий плен, скрыв еврейство, бежал в лес, воевал, был награжден медалью «Партизану Великой Отечественной войны». После освобождения Могилева он работал шофером, получил телеграмму от дяди из Нью-Йорка, и между ними установилась переписка. С просьбой разыскать родственников в Канаде на имя Соломона Михоэlsa обратился В.А. Безмозгин. Эвакуировавшись из Могилева в 1941 г., он утерял адреса близких в Монреале и

¹⁷ ГАРФ, ф. 8114, оп. 1, д. 1131, л. 541.

¹⁸ Этот материал был использован при подготовке тайного следствия над членами ЕАК. 14 января 1952 г. оперуполномоченная 1-го отдела Четвертого управления МГБ СССР капитан Жаркова определила статью «Евреи на Могилевщине» как представляющую оперативный интерес на том основании, что в ней перечислялись передовые предприятия города – труболитейный, кожевенный и кирпичный заводы, рассказывалось о кадрах специалистов и их руководителях.

надеялся, что Михоэлс как председатель Еврейского антифашистского комитета в силах ему помочь. Врач Р.М. Кунис из Хотимска Могилевской области интересовался возможностью найти родных в Бостоне и некоторых других городах Америки. Вся его семья погибла в годы войны, и он полагал, что возобновление родственных связей поможет ему пережить эту потерю¹⁹. Через непродолжительное время политическая ситуация в стране изменилась и любые контакты с границей были использованы в лучшем случае как непатриотизм, а в худшем – как шпионаж.

Еврейская молодежь Могилева, как и ее белорусские сверстники, имела возможность получить высшее образование только в педагогическом вузе, долгое время единственном в городе. Поэтому те, кто выбрал профессию инженера, медика, архитектора, юриста, конструктора, художника, экономиста и т. д., вынуждены были ехать на учебу в Минск, Москву, Ленинград, Киев и другие города страны. Соотношение еврейских и нееврейских студентов в Могилевском педагогическом и учительском институтах почти не отличалось от аналогичного в других областных педагогических вузах, а прием еврейских абитуриентов со временем даже увеличился. В 1947 г. евреи-студенты педагогических вузов Могилева занимали 3-е место после белорусов и русских, что представлено в следующей таблице:

Таблица 2

Национальный состав студентов высших и неполных высших педагогических учебных заведений Могилева на 20 октября 1947 г.

Название	Всего	Белорусы	Русские	Другие	Евреи	
					кол-во	%
Могилевский пед. институт	530	391	79	8	52	9,8
Могилевский учительский институт	212	183	23	3	3	1,4
<i>Итого</i>	742	574	102	11	55	7,4

Составлено по: НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 571, л. 168.

¹⁹ ГАРФ, ф. 8114, оп. 1, д. 1174-а, лл. 26, 164.

Количество поданных заявлений в вузы и прием на I курс отражали «спрос и предложение» культурного и образовательного «рынка» республики после войны. Национальный состав педагогических институтов республики во второй половине 1940-х гг. отражен в следующей таблице:

Таблица 3

**Национальный состав студентов I курса
в педагогических вузах БССР в 1947/48 уч. г.**

Название	Всего	Белорусы	Русские	Другие	Евреи	
					кол-во	%
Минский педагогический им. Горького	273	153	41	3	76	28,0
Витебский педагогический	104	58	31	2	13	12,5
Гомельский педагогический	182	102	26	8	46	25,3
Гродненский педагогический	164	83	64	8	9	5,5
Могилевский педагогический	136	96	28	2	10	7,4
Могилевский учительский	128	109	14	2	3	2,3
<i>Итого</i>	987	601	204	25	157	15,9

Составлено по: НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 571, л. 167.

Эти данные показывают, что среди абитуриентов, принятых на I курс в педагогические высшие учебные заведения БССР в 1947/48 уч. года, евреи составляли в целом 15,9%, а также что их количество по отдельным городам республики, как правило, значительно уступало аналогичному показателю среди студентов других национальностей.

Больше всего евреев-педагогов в 1947–1948 гг. было в Минске (28%), Гомеле (25,3%) и Витебске (12,5%), а меньше всего – в Гродно (5,5%). Могилев занимал при этом срединное положение (7,4%). Подобное распределение можно объяснить несколькими факторами.

Все указанные города до 1917 г. входили в так называемую черту еврейской оседлости с многочисленным еврейским населением. Немецкая оккупация областных центров сопровождалась тотальным уничтожением евреев, поэтому в первые послевоенные годы немного еврейской молодежи обучалось в вузах. Гродно нацисты захватили уже 24 июня 1941 г., тогда как Витебск – 11 июля, Могилев – 26 июля, а Гомель – 19 августа. Минск был захвачен 28 июня 1941 г., поэтому довоенных минчан среди еврейских студентов столицы Белоруссии было меньшинство.

Во второй половине 1940-х гг. евреи играли заметную роль в экономике, просвещении, научно-исследовательской работе, культуре и искусстве БССР. Но среди руководителей областных и городских управленческих структур их количество оставалось мизерным. Из 161 председателя горисполкомов республики было только два еврея (Минск и Могилев), а среди председателей облисполкомов ни одного. В конце 1940-х гг. началось поэтапное отстранение евреев от важных должностей и затруднение продвижения уже работавших на ответственные посты. К 1949 г. среди председателей районных, городских и областных исполкомов Советов республики уже не осталось ни одного еврея²⁰. О динамике этих перемен в целом по республике можно судить по следующей таблице:

Таблица 4

**Национальный состав
руководящих кадров БССР в 1944–1949 гг.**

Год	Всего	Белорусы	Русские	Украинцы	Другие	Евреи	
						кол-во	%
1946	4569	2818	1229	174	69	279	6,1
1948	4605	2879	1172	192	63	299	6,5
1949	4420	2748	1185	247	–	240	5,5

Составлено по: НАРБ, ф. 4, оп. 109, д. 5, л. 35;
д. 13, л. 2; оп. 29, д. 539, л. 24.

²⁰ НАРБ, ф. 4, оп. 109, д. 1, лл. 87-96; д. 5, л. 51.

1948–1953 гг. – это «черные годы» для советских евреев, время кампании по борьбе с еврейским буржуазным национализмом и «безродным космополитизмом». Пробным камнем для ее развязывания послужило «дело Ключевой–Роскина», советских микробиологов, активно работавших над проблемой биотерапии рака. Их деятельностью заинтересовался Национальный раковый институт США, который в сентябре 1945 г. обратился с предложением о сотрудничестве. Подобное предложение, исходившее от державы, вчерашней союзницы в войне с нацизмом, казалось естественным и выгодным. Профессор Г.И. Роскин и член-корреспондент Академии медицинских наук Н.Г. Ключева с санкции своего куратора А.И. Микояна выразили согласие сотрудничать. В США были переданы рукопись книги Ключевой и Роскина «Биотерапия злокачественных опухолей» и ампулы круцина – антиракового препарата. Однако в 1946 г., с началом холодной войны, ситуация изменилась. 16 июня 1947 г. ЦК ВКП(б) по инициативе Сталина появилось закрытое письмо, в котором Ключеву и Роскина заклеямили как «продавших родину антипатриотов», а Министерство здравоохранения СССР учредило «суд чести», которому предало ученых-микробиологов²¹.

В Беларуси, как и по всей стране, были проведены закрытые партийные собрания в вузах и научно-исследовательских институтах в связи «делом Ключевой–Роскина». За ними последовали городские собрания партийного и комсомольского активов. Первый секретарь ЦК КП(б)Б Николай Гусаров в сентябре 1947 г. сообщал секретарю ЦК ВКП(б) Андрею Жданову, что среди части интеллигенции, профессоров, преподавателей, студентов, научных сотрудников и учителей средних и начальных (!) школ республики имелись факты раболепия и низкопоклонства перед буржуазной наукой, культурой и техникой. Отмечались недостаток большевистской критики, благодушие и ротозейство в воспитательной и учебной работе. Не стал исключением и Могилевский педагогический институт. В нем целый ряд руководителей кафедр обвинили в неспособности организовать преподавание дисциплин на соответствующем идеологическом уров-

²¹ Г.В. Костырченко. *Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм*, с. 291-294.

не. Примечательно, что главным субъектом этой критики стали евреи. В отставании от современности обвинили заведующего кафедрой географии профессора Шенберга, а заведующую кафедрой литературы Левитину – в том, что она якобы руководствовалась личными симпатиями в ущерб интересам дела. Заведующий кафедрой естествознания Крубич-Лебедев оказался виноватым в том, что «неоднократно оговаривался репликами, чуждыми советской современности», а преподаватель английского языка Шульман «не скрывал лучшие бытовые условия жизни за границей»²².

Достоянием судебной практики стали дела должностных лиц, пытавшихся решить спорные вопросы в пользу истца, когда, казалось, не возникало сомнений в их законности и объективности. В декабре 1947 г. народный суд Могилева вынес приговор начальнику отдела архитектуры и главному архитектору Могилева Александру Исааковичу Штейрину, осудив его на пять лет лишения свободы. Штейрин выдавал документы гражданам на право снятия с учета домов в горсовете Могилева лишь на основании карточек, заполненных в период немецкой оккупации. Таким образом, с учета оказались сняты 28 домовладений, что позволяло их хозяевам получить право на новое строительство²³.

Отдельную страницу в истории Могилева занимает «дело врачей» 1953 г. В противостоянии со странами Запада антиеврейская карта оказалась важным идеологическим оружием. Ее использовали для борьбы с национализмом, космополитизмом и сионизмом, против евреев выдвинули обвинения в шпионаже в пользу империалистических стран. Для начала более решительных действий не хватало массированного воздействия на обыденное сознание, и эту роль отвели «делу врачей». Целью кампании должна была стать не только ликвидация группы талантливых и независимых ученых-медиков и запугивание интеллигенции в целом, но и формирование образа еврей-изувера вместо малопонятного массам «космополита».

В связи с сообщением ТАСС от 13 января 1953 г. заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Могилевского

²² НАРБ, ф. 4, оп. 51, д. 103, лл. 76-77; д. 567, л. 215.

²³ Там же, оп. 62, д. 72, л. 50.

обкома КПБ К. Власов подготовил в ЦК КПСС информацию, в которой говорилось, что митинги в городе о медицинском «терроре» врачей-отравителей были «как никогда многочисленны». В медицинских учреждениях Могилева начались собрания с требованием повысить бдительность и улучшить обслуживание больных. Могилевский ОК КПБ провел совещание руководителей областного и городского отделов здравоохранения по подбору, расстановке и воспитанию специалистов. Проверка кадров проводилась как в самом Могилеве, так и в семи районах области. Упор делался не только на медицинских, но и торговых, кооперативных организациях, где процент занятости евреев был традиционно высок²⁴.

Огромное значение придавалось периодической печати, посредством которой в отсутствие альтернативных источников информации власти манипулировали общественным сознанием. 19 февраля 1953 г. «Могилевская правда» вслед за республиканскими газетами перепечатала статью Яна Марека из журнала «За прочный мир, за народную демократию» (№ 6, 1953 г.) под заголовком ««Джойнт» – филиал американской разведки». В ней утверждалось, что сионистский «Джойнт» целиком зависит от американских секретных служб и очень щедр, когда речь идет о троцкистах, меньшевиках, эсерах, бундовцах и буржуазных националистах, членах кулацких партий, шпионах и предателях. После этого «Могилевская правда» перепечатала фельетон «Простаки и проходимцы» из «Правды». В нем в роли проходимцев выступали евреи, а простаков – те, кто им верил и брал на работу. Подобные «фельетоны», открыто называвшие фамилии, имена и отчества «вредителей» и «жуликов», захлестнули столичную и провинциальную прессу. Термины «сионисты», «бундовцы», «националисты», «вредители» стали синонимами слова «еврей».

Секретарь ЦК КПБ Михаил Зимянин послал зимой 1953 г. в Москву рапорт «О мерах партийных организаций Белоруссии в связи с раскрытием и арестом группы врачей-вредителей». По его словам, после сообщения ТАСС от 13 января количество сигналов, писем трудящихся о неблагополучии с кадрами в некоторых советских, хозяйственных органах, учреждениях здравоохранения, культуры,

²⁴ НАРБ, ф. 4, оп. 62. д. 352, л. 55.

науки и промышленности резко возросло. Понятие «некоторые» позволяло своей неконкретностью выгодно использовать ту или иную нишу в пропагандистской кампании. Зимянин заверил ЦК КПСС, что «белорусские товарищи» примут все необходимые меры для усиления воспитания, трудящихся в духе преданности партии Ленина–Сталина²⁵. Одной из подобных мер стал возврат персональных дел коммунистов, имевших взыскания в предшествующие годы, среди которых было много евреев. Бюро Могилевского обкома КПБ представило первому секретарю ЦК КПБ Н.С. Патоличеву докладную записку «О либеральном отношении Могилевского обкома партии при рассмотрении персональных дел коммунистов». В качестве примера в ней приводился случай отмены Бюро решения Могилевского горкома партии об исключении Л.М. Гарелик из кандидатов в члены КПСС за утерю кандидатской карточки. Любовь Гарелик, бухгалтера областного управления розничной торговли, обвинили в том, что при вступлении в партию она скрыла судимость, указав в анкете время заключения как работу в советском учреждении. Народный суд Могилева в 1941 г. приговорил Гарелик к полутора годам тюрьмы и двум годам поражения в правах за рассказанный антисоветский анекдот. В 1942 г. девушку досрочно освободили в связи с поданной ею просьбой добровольно направить ее на фронт. Люба участвовала в боях, была ранена и контужена, а в 1945 г. вступила в кандидаты в члены ВКП(б). В 1948 г. партийные чиновники объявили ей выговор за утрату кандидатской карточки, но в 1953 г. посчитали это «либерализмом» и потребовали исключения ее из партии²⁶.

Январь-март 1953 г. были для евреев ужасными – они жили в атмосфере подозрительности и ненависти, постоянном страхе за себя и детей. Зимой 1953 гг. прокатилась волна арестов среди еврейских верующих, отказывавшихся подчиняться запретам, посещавших *миньяны* (группы для общественного богослужения) и соблюдавших традицию. Предлогом часто служил факт прослушивания зарубежного радио. «Голос Израиля» в Могилеве слушали Зелик Косовский, Роман Аксельрод и еще два верующих, один из которых был *шойхетом*

²⁵ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 324, лл. 77-80.

²⁶ Там же, д. 351, лл. 61-64.

(резником). Своего радиоприемника у них не было, они ходили к соседям-неевреям, от которых и поступил донос. На допросах следователи добивались признания в том, что арестованные «продавали советских людей». Косовский получил 10 лет исправительно-трудовых лагерей, а его товарищи – по 20 лет. Зелик Косовский провел в лагерях на Севере пять лет, после реабилитации вернулся в Могилев, жил на ул. Первомайская, 90, работал слесарем-инструментальщиком, умер в 1988 г., а три его сына репатриировались в Израиль в начале 1990-х гг.²⁷

Кампания в связи с «делом врачей» закончилась так же неожиданно, как и началась. 7 апреля 1953 г. «Могилевская правда» вслед за другими газетами страны поместила краткую информацию МВД СССР о том, что арест врачей оказался ошибкой, а обвинения, выдвинутые против них, – сфабрикованными, что они освобождены, а виновные привлечены к строгой ответственности. Однако недоверие и подозрения в обществе к евреям еще долго давали себя знать. Часть уволенных восстановили на прежней работе, однако большинство лишились прежних должностей навсегда. Официальная интерпретация событий была дана Н.С. Хрущевым на XX съезде КПСС в 1956 г. и оставалась неизменной вплоть до конца 1980-х гг.²⁸

Прямым результатом кампании против «убийц в белых халатах» стало резкое ограничение приема еврейской молодежи в высшие учебные заведения по сравнению с неевреями. Рассмотрим это на примере Могилевского педагогического института. Если принять во внимание, что высшее педагогическое образование в послевоенный период было наиболее массовым и доступным, а среди абитуриентов находились не только жители областных городов, но и районных центров, а также «глубинки», то анализ состава принятых на I курс вузов показателен. Общая картина приема в 1954 г. в педвузы Белоруссии представлена в следующей таблице:

²⁷ Письмо Романа Аксельрода из Нацрат-Илита от 9 мая 1999 г. // Архив автора.

²⁸ «О культе личности и его последствиях»: Доклад первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева XX съезду КПСС 25 февраля 1956 г. // *Реабилитация. Политические процессы 1930–1950-х гг.* Москва, 1991 г., с. 53.

Таблица 5

**Национальный состав студентов I курса в педагогические
высшие учебные заведения БССР в 1954/55 уч. г.**

Название института	Всего	Белорусы	Русские	Другие	Евреи	
					кол-во	%
Минский пед. им. Горького	450	363	57	11	19	4,2
Минский педагогический и иностранных языков	300	219	57	13	11	3,6
Витебский педагогический	425	320	51	11	43	10,1
Гомельский педагогический	250	168	45	24	13	5,2
Гродненский педагогический	300	235	37	2	26	8,7
Могилевский педагогический	326	258	37	1	30	9,2
<i>Итого</i>	2 051	1 563	284	62	142	6,9

Составлено по: НАРБ, ф. 4, оп. 73, д. 66, л. 197.

Из приведенных данных (ср. табл. 3 и 5) следует, что общий процент евреев, принятых на I курс в педагогические вузы республики, упал с 15,9% в 1947 г. до 6,9% в 1954 г. В Минский государственный педагогический институт им. Горького в 1954 г. на все факультеты приняли всего 4,2% евреев вместо 28% в 1947 г.(!), а в Минский институт иностранных языков – 3,5%. В Гомельском педагогическом институте снижение являлось таким же: 25,3% и 5,2% соответственно. Менее заметно оно произошло в Витебском пединституте: 12,5% и 10,1% соответственно. На этом фоне незначительное увеличение набора студентов-евреев в Могилевский пединститут с 7,4 до 9% не оказывало существенного влияния на общую картину по республике.

С одной стороны, такое положение объяснялось предвзятым отношением к еврейским абитуриентам и падением престижа педагогического образования в связи с низким материальным обеспечением школьных учителей, с другой – выросла смена из белорусских учащихся. Как известно, в годы оккупации школьники (неевреи) систематически не учились, тогда как в эвакуации дети (всех национальностей) в основном посещали школу. Среди абитуриентов 1954 г.

уже не было фронтовиков и бывших партизан, имевших право на прием вне конкурса, что отличало все учебные заведения после войны.

Таким образом, в 1944–1953 гг. евреи Могилева, уцелевшие после Холокоста, активно включились в восстановление родного города и области. Отсутствие опытных работников заставляло прибегать к помощи специалистов независимо от их национальности, и евреи были востребованы. Однако конец 1940 – начало 1950-х гг. оказались временем глубочайших потрясений, заключительным периодом диктаторского режима Сталина. В это время евреи Могилева пережили резкий переход от страданий и шока Холокоста, иллюзий восстановления национальной жизни к болезненному разочарованию и открытой антисемитской кампании. Отсутствие национальной жизни преподносилось как преимущество интернационального начала над национальным – необходимым условием объединения всех народов для преодоления последствий войны. Настоящее отношение властей проявлялось на примере трудоустройства. Нееврейская среда ревностно следила и болезненно реагировала на любые промахи и просчеты. Это заставляло евреев наиболее ответственно относиться к своим обязанностям, стараться предугадать последствия того или иного шага и не допускать нарушения буквы закона. Евреи смогли приспособиться к послевоенной действительности, изменили профессии и стали «нужными людьми». Своими знаниями и эрудицией они заслужили опеку «хозяев» производства и учреждений культуры и науки. Вместе с тем они оказались не в состоянии противостоять тотальной политике национального нивелирования, предполагавшей ассимиляцию в рамках государственного курса по созданию новой общности людей «советский народ».

В настоящее время ничто не напоминает о евреях и еврейской жизни в Могилеве. Этим город ничем не отличается от большинства других городов Беларуси, имевших богатые иудейские традиции, исчезнувшие в результате нацистского геноцида и послевоенной советской ассимиляции. Нескольким тысячам евреев города, вступившим в третье тысячелетие, приходится заново открывать свое прошлое. Объективное изучение истории Могилева невозможно без того, чтобы учитывать еврейскую страницу как самого города, так и Беларуси в целом.

Опубликовано:

Л. Смиловицкий. «Евреи Могилева: от трагедии Катастрофы к послевоенной ассимиляции, 1944–1953 гг.» // *Гісторыя Магілёва. мінулае і сучаснае*. № 2: Сборник докладов участников третьей международной научной конференции 22–23 мая 2003 г. Могилев, 2003 г., с.127-138.

Евреи в юридической системе Беларуси

Национальный состав сотрудников юридической системы и правоохранительных органов Беларуси никогда не становился предметом академического исследования. Все, что касалось кадров государственных учреждений и особенно структур, призванных контролировать исполнение законов, охранять права собственности и владения имуществом, разрешать конфликтные ситуации между обществом и личностью, другими субъектами права, долгие годы считалось секретным. Советская государственная политика была основана на русификации и требовала соблюдения союзных интересов за счет отдельных национальных республик. Назначение и ротация сотрудников юридической сферы проводились по принципу идеологической преданности, а затем уже профессиональной выучки. Обнародование сведений о национальной принадлежности работников суда и прокуратуры, министерства внутренних дел и министерства государственной безопасности показывает непропорциональное соотношение русских, евреев, представителей других национальностей и белорусов в юридической системе БССР.

После войны формирование кадров исполнителей правоохранительной системы имело свою специфику. Начиная с июля 1944 г. на освобожденной территории необходимо было срочно создать органы государственной власти, провести призыв молодежи в Красную армию, мобилизовать ресурсы для завершения войны, подготовить переход республики к мирному строительству, начать восстановление экономики и культурной жизни и одновременно противостоять части населения, сотрудничавшей с нацистами в годы оккупации. Это требовало проверенных и надежных специалистов с юридическим образованием. Евреи, бывшие партийные и советские работники, юристы с

довоенным стажем, участники партизанского движения, демобилизованные воины, считались лучшими кандидатами на эту роль.

После освобождения народное хозяйство Беларуси находилось в состоянии разрухи. Транспорт, средства связи, инфраструктура, жилищный фонд почти полностью отсутствовали, наблюдался острый дефицит товаров первой необходимости, медикаментов и продовольствия, низкий жизненный уровень. Трудные социальные условия привели к высокому росту преступности. На обстановку в республике влияла массовая иммиграция населения: одни возвращались в родные места из эвакуации, другие демобилизовались из армии, третьи прибывали как репатрианты из Германии и других стран Европы. В 1946 г. в Беларусь приехало свыше 200 тыс. чел., среди которых скрывались бывшие уголовные элементы, пособники нацистов, люди, за годы войны отвыкшие от созидательного труда и не желавшие устраиваться на работу. Обстановку усугублял голод как результат засухи и неурожая 1946 г., поразивших многие районы страны.

В западных областях республики действовали подпольные отряды Армии Крайовой с целью восстановить польские границы 1939 г.¹, на юго-западе Беларуси, в основном в Брестской и Пинской областях, – группы Украинской повстанческой армии². Криминальную обстановку усугубляли воровские и грабительские банды, пытавшиеся создать сеть организованной преступности. Армия недовольных пополнилась после проведения советскими органами неоправданных экономических мероприятий в Западной Беларуси: ликвидация индивидуального сектора, запрет частной инициативы и предпринимательской деятельности, преследование национальной, культурной и религиозной жизни, навязывание идеологического единomyслия. И без того крайне низкий, уровень жизни подрывали навязанные населению принудительные займы и облигации для восстановления народного хозяйства.

В октябре 1949 г. органы милиции переподчинили, передав из Министерства внутренних дел СССР в Министерство государственной безопасности СССР, что значительно усилило репрессивный аппарат

¹ Я. Сямашка. *Армія Крайова на Беларусі*. Мінск, 1994 г.; В. Ермалович, С.Жумарь. *Огнем и мечом: Хроника польского националистического подполья в Белоруссии, 1939–1953 гг.* Минск, 1994 г.

² Ю. Віцбіч. *Антыбальшавіцкія паўстанні і партызанская барацьба на Беларусі*. Нью-Ёрк, 1996 г.; *Антысавецкія рухі ў Беларусі, 1944–1956 гг.*: Даведнік. Мінск, 1999 г.

государства. Не оправдала себя и всесоюзная амнистия 1953 г., которая только резко обострила внутренний кризис. По указу Верховного Совета ССР «Об амнистии» от 27 марта 1953 г. из мест лишения свободы вышло немало лиц, не отказавшихся от преступной деятельности. В ряде исправительно-трудовых учреждений Указ был применен ошибочно, и на свободе оказались многие особо опасные рецидивисты. Резко возросли бандитизм, разбои, изнасилования, кражи, злостное хулиганство. В итоге преступность в БССР выросла почти на 60%³.

В 1944–1953 гг. отношение государства к национальной политике в области правоохранительных структур, суда и прокуратуры трансформировалось. Евреев и представителей других национальных меньшинств неуклонно заменяли белорусы и русские. С началом кампании по борьбе с космополитизмом (1949 г.) евреев начали вытеснять из милиции, госбезопасности, учреждений судебной системы. Для еврейской молодежи были установлены негласные жесткие квоты при приеме в Минский юридический институт и школы, выпускников-евреев лишали распределения, не принимали на работу и увольняли под разными предлогами. Значительное количество специалистов-евреев в эти годы вынуждено было перейти из прокуратуры в адвокатуру, стать юрисконсультами, нотариусами и арбитрами. Оставшейся части, в основном ветеранам, коммунистам с большим довоенным стажем, бывшим партизанам и работникам МВД, МГБ, предстояло постоянно подтверждать лояльность Системе, беспрекословно выполнять ее требования. Парадоксально, но эти люди, сами подвергаясь национальной и профессиональной дискриминации, должны были выступать в роли защитников политики КПСС и советского государства.

Выбор профессии

Сима Львович, 1924 г. р., из Старых Дорог, будучи в эвакуации в Казахстане, в 1942 г. поступила в Ленинградский юридический институт, находившийся в эвакуации в Дзямбуле. После окончания вуза в 1946 г. девушку по ее просьбе направили в Мозырь помощником

³ *История милиции Беларуси, 1917–1994 гг.* / А.Ф. Вишневецкий и др. Минск, 1995 г., с. 107-111.

прокурора по гражданским делам Полесской области, куда эвакуировались ее родители.

Хана Будовля, 1924 г. р., из Слуцка эвакуировалась в Казахстан. В 1942 г. начала работать секретарем народного суда Приишимского района, после окончания трехмесячных юридических курсов в Алма-Ате в 1943 г. служила нотариусом, а потом ревизором Управления НКВД Северо-Казахстанской области. Хана получала литерную карточку обеспечения промышленными и продовольственными товарами областного комитета партии и помогала семье. Однако после освобождения Белоруссии решила вернуться домой. Ее отговаривали, убеждали, что она «бросает хлеб и уезжает за крошками», но девушка послала заявление в приемную комиссию Минского юридического института, в котором писала, что хочет «посвятить свою жизнь борьбе за справедливость». В 1945 г. Будовлю приняли на I курс института⁴.

Рая Каплан из Минска, 1930 г. р., мечтала поступить на исторический факультет, но перспектива работать учителем в деревне ее не прельщала. Брат-фронтовик учился в Минском юридическом институте и сказал, что «истории там хватает», это и определило профессиональный выбор девушки.

Дарья Плоткина из Бобруйска после окончания школы в 1948 г. поступила в Ленинградский государственный университет, будучи увлеченной ораторским искусством и эрудицией известного советского юриста академика А.В. Венедиктова, преподавателя этого университета. В 1949 г. по семейным обстоятельствам Плоткина перевелась в Минский юридический институт.

Раиса Эпштейн решила стать юристом по примеру своей подруги Ирины Шмеклер, выпускницы Минского юридического института, с которой она в 1944 г. работала в Штабе партизанского движения Белоруссии. Раиса хотела стать следователем. Эта профессия казалась ей романтической, важной, позволявшей быть на переднем крае борьбы за социальную справедливость⁵.

Алиса Минц была родом с Украины, ее отец, кадровый военный, служил в Белоруссии. В представлении Алисы профессия юриста означала быть «честным, эрудированным и порядочным человеком».

⁴ Письмо Ханы Будовля из Хайфы от 12 марта 1999 г. // Архив автора.

⁵ Запись беседы с Раисой Гитлиной (Эпштейн) в Иерусалиме 14 декабря 1997 г. // Там же.

Выбор вуза Татьяной Файнберг оказался случайным. Она хотела поступать на химический факультет Белгосуниверситета, но по состоянию здоровья остановила свой выбор на Минском юридическом институте, где учился ее брат Петр (Пейсах) Метер.

Александр Эйдлин из Мстиславского района Могилевской области поступил в Ленинградский юридический институт им. Калинина еще до войны. В декабре 1945 г. он демобилизовался из армии и продолжил учебу. После окончания вуза Александр женился и переехал в Мозырь по месту жительства супруги. Эйдлин работал инспектором по нотариату и адвокатуре в Управлении юстиции Полесской области. Но эта должность не приносила молодому специалисту удовлетворения, и он стал адвокатом, а вскоре был избран заведующим Мозырской коллегией адвокатов и заместителем Полесской областной коллегии адвокатов⁶.

Майя Идова (Драпкина) выбрала профессию юриста по примеру своего отца⁷. Лев Смиловицкий из Речицы последние два года своей срочной службы в Красной армии (1945–1947 гг.) провел в качестве водителя в военной контрразведке «Смерш»⁸. Борьба со шпионажем и разоблачение вредительства казались ему необходимым условием для возврата к мирной жизни. В 1948 г. он поступил на юридический факультет в МГУ, однако из-за стесненных жилищных условий предпочел Минский юридический институт, где студентам-фронтовикам предоставляли общежитие⁹.

⁶ После ликвидации Пинской области в январе 1954 г. А. Эйдлин работал юрисконсультom в областном отделе социального обеспечения, был удостоен звания «Заслуженный юрист БССР», в 1989 г. выехал с семьей в Израиль.

См. Письмо Александра Эйдлина из Нацрат-Илита от 26 мая 2000 г. // Архив автора; Майя Идова (Драпкина) выбрала профессию юриста по примеру своего отца Б.Л. Драпкина.

⁷ Борис Львович Драпкин работал наборщиком в типографии «Полеспечать» в Гомеле, выпускник Минского юридического института, до 1941 г. работал судьей; во время войны был председателем военного трибунала армейского корпуса, после 1945 г. – член суда Гомельской области, с 1955 г. – в адвокатуре, умер в 1991 г. См. Письмо Майи Идовой из Нацрат-Илита от 15 марта 1999 г. // Архив автора.

⁸ «Смерш» («Смерть шпионам!») – Главное управление советской военной контрразведки было учреждено в апреле 1943 г.; в мае 1946 г. преобразовано в особые отделы, подчиненные МГБ СССР.

⁹ Запись беседы с Л.М. Смиловицким в Минске 22 дек. 1988 г. // Архив автора.

Зелик Фейгин из Ветки Гомельской области хотел учиться в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО) и в 1948 г. сделал запрос, принимают ли туда евреев, но ответа не получил. Профессию юриста он считал престижной, юристов с высшим образованием почти не было. На Зелика повлиял и пример старшей сестры Фиры, закончившей Ленинградский юридический институт¹⁰.

Рая Рабинович из Гомеля сделала свой выбор почти случайно. Ее отец Иосиф погиб на фронте, девушка хотела учиться, но на помощь семьи рассчитывать не могла. Ее мечтой была профессия врача, но в медицинском вузе нужно было провести шесть лет, в юридическом институте – четыре года, что и стало решающим фактором. Рая поступила в Минский юридический институт в числе первых в ноябре 1944 г.¹¹

Яков Гринберг из Барановичей увлекался философией. После демобилизации из армии в 1948 г. он хотел поступить на философский факультет Белгосуниверситета. Однако его родители высказались против, считая, что профессия философа в советском обществе мало применима к жизни и в качестве альтернативы предложили ему профессию юриста. В процессе учебы у Якова появился интерес к праву, юрист, в его понимании, стоял на страже правопорядка и был причастен к общественной и политической жизни страны¹².

Национальная самоидентификация

После окончания войны русификация государственного управления приобрела невиданный размах. В Беларуси русский язык открыто доминировал над белорусским, формально был равноправным. Практика довоенных лет, когда в республике статус государственного языка, наряду с русским и белорусским, имели польский и еврейский (идиш), ушла в прошлое¹³. Забвению был предан опыт работы

¹⁰ Запись беседы с Зеликом Фейгиным 25 окт. 1998 г. в Иерусалиме // Архив автора.

¹¹ Запись беседы с Раисой Рабинович (Левицкой) в Бней-Браке 22 дек. 1997 г. // Там же.

¹² Письмо Якова Гринберга из Хайфы от 30 февр. 1998 г. // Там же.

¹³ A. Greenbaum. "The Fate of the Belarussian and Yiddish in the Soviet and Post-Soviet Periods" // *East European Affairs*. Vol. 30, No 2, 2000, pp. 71-76.

национальных судебных округов, в которых делопроизводство осуществлялось на языках национальных меньшинств. В начале 1930-х гг. в БССР действовали шесть еврейских судебных округов: Минский, Могилевский, Гомельский, Бобруйский, Витебский и Мозырский¹⁴. При судебных округах существовали национальные участки (камеры) народных судов, которые рассматривали не только гражданские, но и уголовные дела¹⁵. В Гомельском округе в еврейских народных судах работали адвокаты Розинский, Штейнер, Фейгельсон, Плисецкий, Слободов и др., прокурором Гомеля был Моисей Бернштейн.

После войны белорусский язык еще допускался в ряде мест для работы с населением, но делопроизводство велось преимущественно по-русски. При этом использование только в государственных учреждениях исключительно белорусского языка истолковывалось как белорусский национализм¹⁶. Идиш, которым перед войной владело более 70% евреев Белоруссии, утратил свои прежние позиции. Закрытие еврейских школ в 1938 г., ликвидация еврейских творческих союзов до предела сузили среду идиша, а нацистский геноцид в годы войны физически сократил количество его носителей.

Многие юристы-евреи предпочли изменить имена, фамилии, а по возможности и запись о национальности в документах. Меир Баринбаум во время службы в армии переименовал имя на «Дмитрий». В 1947 г. он поступил в Минскую юридическую школу, выдержав высокий конкурс (600 заявлений на 90 мест). Как отличнику ему разрешили сдавать только один экзамен – по русскому языку¹⁷. Исаак Добкин, работая в военной прокуратуре, стал Игорем. Сменили свои имена в эвакуации родители Марии Гальпериной, студентки Минского юридического института. Отец Марии, Пейсах Сролевич Гальперин, стал Павлом Сергеевичем, а ее мать Шпринца Викторовна – Маней

¹⁴ А.Т. Лейзеров. «Национальные меньшинства в БССР, 1920–1930-е гг.» // *Актуальные вопросы государства и права*. Вып. 1. Минск, 1992 г., с. 140.

¹⁵ И.И. Мартинович. «Национальные камеры в истории судопроизводства БССР» // *Вести Белорусского государственного университета им. Ленина*. Сер. № 2. Минск, 1990 г., № 2, с. 68.

¹⁶ А.Ю. Бодак. *Национальная политика в БССР, 1943–1955 гг.*: Автореф. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Минск, 1997 г., с. 4-5.

¹⁷ Запись беседы с Меиром Баринбаумом в Иерусалиме 8 нояб. 1997 г. // Архив автора.

Павловной¹⁸. Хана Рохленко из Гомеля, будучи в эвакуации в Свердловской области, при получении паспорта назвалась Анной. Заместитель начальника управления юстиции по Гомельской области Гиршел Флейшер стал Григорием, заведующий юридической консультацией Бенъямин Мордухович Розинский – Борисом Марковичем. Заведующий Мозырской коллегией адвокатов Александр Эйдлин до поступления в Минский юридический институт был Ароном, а заведующая социально-правовым кабинетом женской консультации 3-й городской клинической больницы Минска Раиса Семеновна Каплан – Рашелью Самуиловной. Муж нотариуса Розы Крачковской из Гомеля сменил имя Абрам-Лейб на «Александр»¹⁹.

Отношение к идишу и еврейской традиции у студентов и выпускников юридических учебных заведений, молодых специалистов и юристов со стажем разнилось. Одни сохранили любовь к родному языку, пользовались им в быту, чему способствовала атмосфера в семье, позиция родителей, учеба в еврейской школе. Однако это необходимо было скрывать от окружающих. В доме Гени Шмуйловны Левиной (Кригель) в Речице, сын которой Лев был следователем прокуратуры в Гродно, собирался *миньян* (группа для общественного богослужения). Когда зажигали субботние свечи, ставни окон предварительно всегда закрывали²⁰. Свекр заведующей социально-правовым кабинетом Рашели Каплан, Хаим Нисонович, посещал синагогу и отмечал еврейские праздники, несмотря на то что его невестка работала юристом, а сын Моисей был коммунистом. Соблюдали субботу и выпекали мацу в семье юрисконсульт Белорусской железной дороги Вениамина Чернова из Бобруйска. Со своими родителями Вениамин всегда говорил на идише. Свободно владели идишем адвокат из Мозыря Сима Львович, которая до войны успела окончить три класса еврейской школы в Старых Дорогах Минской области, и Роза Крачковская, проучившаяся в еврейской школе Гомеля четыре года. Любил идиш и свободно владел разговорной речью юрисконсульт отдела социального обеспечения в Бресте Александр Эйдлин, однако

¹⁸ Письмо Марии Гальпериной из Кирьят-Гата от 29 мая 1999 г. // Архив автора.

¹⁹ Письмо Розы Крачковской из Нацрат-Илита от 25 февр. 2000 г. // Там же.

²⁰ Письмо Леонида Левина из Бруклина от 25 февр. 2001 г. // Там же.

позволить себе говорить на нем он мог, только приезжая к родным в Мстиславский район.

Другие, наоборот, стеснялись своего еврейства, боялись говорить на идише, опасаясь негативных последствий. Родители адвоката Якова Гринберга пользовались идишем только в случаях, когда хотели что-то скрыть от своих детей. Сам Яков считал его языком без будущего, который рано или поздно уступит место русскому, как сближающему разные народы. Не говорила на идише Майя Идова, работавшая юрисконсультком фанерно-спичечного комбината в Гомеле. Ее родители не пытались сохранить национальный язык и отдали дочь в белорусскую школу²¹. Глубоко коснулась ассимиляция адвоката из Гомеля Раи Рабинович. По ее словам, во время учебы в Минском юридическом институте она не чувствовала своего еврейства. Даже не придавала значения известию об образовании государства Израиль в 1948 г., но убийство Соломона Михоэlsa ее потрясло. Приступив к самостоятельной работе в коллегии адвокатов, на многое она взглянула другими глазами, постоянно сталкиваясь с типичными наветами «евреи во всем виноваты», «не хотят честно трудиться», «евреи не воевали» и т. д.²² Юрисконсульт Мария Гальперина из Гродно после начала кампании по борьбе с космополитами и арестов еврейских писателей стала бояться идиша. Услышав на улице идиш, старалась держаться подальше. Даже во время проведения первой Всесоюзной переписи населения в 1959 г., будучи в поезде, Мария назвала себя белорусской из опасения негативной реакции соседей по вагону²³.

Большинство студентов тянулись к еврейской культуре. Они охотно посещали спектакли «Тевье-молочник», «200 тысяч» и др., которые давала на идише труппа Белорусского государственного еврейского театра (БелГОСЕТ). Нотариус из Речицы Софья Ладина свидетельствует, что во время учебы она вместе с сокурсниками, евреями и неевреями, посещала все спектакли БелГОСЕТа. Смерть Михоэlsa в январе 1948 г., приехавшего в Минск на сдачу спектакля «Константин Заслонов», вызвала у многих предчувствие надвигающейся беды.

²¹ Вместе с тем пассивное знание идиша у нее сохранилось. Репатриировавшись в Израиль в начале 1990-х гг., она восстановила идиш и говорит на нем. См. Письмо Майи Идовой из Иерусалима от 29 апр. 2000 г. // Архив автора.

²² Письмо Раи Рабинович из Бней-Брака от 11 янв. 2001 г. // Там же.

²³ Письмо Марии Гальпериной из Кирьят-Яма от 25 июня 2000 г. // Там же.

Народный артист СССР Михоэлс был одновременно художественным руководителем Московского ГОСЕТа и председателем Еврейского антифашистского комитета. Официальной версии о том, что трагедия произошла из-за автомобильной аварии в районе стадиона «Динамо» не верили. Расследовать происшествие приезжал из Москвы начальник следственного отдела Генеральной прокуратуры СССР Л.Р. Шейнин²⁴.

В последующие годы на фоне господства русского и белорусского языков отношение властей к идишу не изменилось. Проводимая политика ассимиляции делала невозможным его существование, так же как и еврейской традиции и национальной культуры. Сопротивление грозило обвинением в буржуазном национализме, отрыве от семьи советских народов и антисоветчине, что могло повлечь за собой арест и лишение свободы. При этом запрет на пользование национальными языками явно не декларировался и по-прежнему провозглашался советский интернационализм²⁵. Большинство евреев-юристов приняли условия национального нигилизма, навязанные им режимом, как безальтернативные.

Распределение выпускников

Трудоустройство после окончания вуза имело исключительную важность. Как правило, это были второстепенные должности в отдаленных районах Беларуси или за ее пределами. Далеко не всегда на получение престижной вакансии влияли успехи в учебе. Многим студентам-евреям выдали свободные дипломы, что означало самостоятельный поиск места работы. Для некоторых это оказалось чрезмерным испытанием и привело к перемене профессии. На выбор специализации при трудоустройстве часто влияли субъективные факторы.

²⁴ Лев Романович Шейнин (1906–1967) – советский юрист, писатель и драматург, киносценарист. В 1939 г. возглавлял следственный отдел Прокуратуры СССР, в 1945–1946 гг. участвовал в работе Нюрнбергского трибунала, в 1949 г. снят с должности без объяснения причин, в 1951 г. арестован по делу В.С. Абакумова, затем обвинялся в организации антисоветской группы еврейских националистов, в 1953 г. освобожден, занимался писательской деятельностью.

²⁵ А.В. Люцко. *Деятельность КПБ по подбору, воспитанию и расстановке кадров, 1946–1950*. Минск, 1975 г.; Г.В. Корзенко. *Научная интеллигенция Беларуси в 1944–1990 гг.* Минск, 1995 г.

Софья Липкина стала нотариусом, потому что хотела работать поблизости от места жительства. Мать Липкиной, Хана Пугач из Речицы, тяжело болела и нуждалась в уходе. Это было единственная вакансия не только городе, но и в районе. В нотариусы, юрисконсульты, адвокаты шли многие девушки, пришедшие в институт со школьной скамьи и не обладавшие необходимым жизненным опытом. Те, кто оказался больше уверен в себе, выбирали профессию следователя, работника прокуратуры. Рахель Каплан поехала работать по распределению в Барановичи в 1952 г. юрисконсультот отдела пищевых и промышленных товаров при городском Совете депутатов. Она отработала два года, вернулась в Минск и устроилась в социально-правовой кабинет женской консультации. В течение многих лет Каплан была народным заседателем в суде Ленинского района Минска.

Многие студенты к началу 1950-х гг. получили свободные дипломы, особенно девушки, что в тех условиях означало безработицу. Без распределения оставили Майю Идову, которая с большим трудом нашла место юрисконсульта фанерно-спичечного комбината в Гомеле. Без распределения оказался инвалид войны Вениамин Чернов, устроившийся после долгих поисков юрисконсультот на железной дороге²⁶. Марии Гольдиной (Гальпериной) в 1952 г. вместо Любанского района Минской области предложили поехать следователем в Сибирь, а когда она отказалась, предоставили трудоустроиваться самостоятельно²⁷.

В 1951 г. почти все студенты-евреи, за исключением группы фронтовиков, получили свободные дипломы. Алиса Минц, у которой родители жили в Минске, смогла найти работу только в Могилеве с помощью друзей отца, кадрового военного. Она начала работать в скромной должности юрисконсульта протоколно-правовой группы областного исполнительного комитета (облисполкома), а с 1952 г. – государственным арбитром²⁸.

В 1952 г. в Минском юридическом институте существовали негласные правила распределения выпускников старших курсов. Сначала деление шло на евреев и неевреев. Внутри еврейской группы –

²⁶ Письмо Вениамина Чернова из Твери от 26 июня 1999 г. // Архив автора.

²⁷ Письмо Марии Гольдиной (Гальпериной) из Кирьят-Яма от 18 марта 1999 г. // Там же.

²⁸ Письмо Алисы Минц из Ашкелона от 9 февр. 1999 г. // Там же.

соответственно на мужчин и женщин, где мужчины имели преимущество. Почти всем из них были сделаны предложения по специальности, но не связанные с работой в правоохранительных органах (адвокаты, юрисконсульты, реже прокуратура и местные органы юстиции при исполкомах городских Советов и т. д.). Выпускниц-евреек под предлогом нехватки мест распределяли по алфавиту, независимо от того, насколько успешно они учились. Девушки, фамилии которых начинались на «л», «м», «н» и последующие за ними, получили свободные дипломы. Даша Евнина (с фамилией на «е») попала в приоритетную группу и была направлена в Брянскую областную прокуратуру, а ее подруга Рива Паперно – отличница, не получившая красный диплом из-за одной четверки, осталась вне распределения. Для Ривы это стало серьезным испытанием, так как из-за тяжелого материального положения она едва смогла окончить институт. Через некоторое время Паперно посчастливилось, и она нашла место преподавателя основ Конституции СССР и немецкого языка в сельской школе поселка Талька Пуховичского района. Понимая бесперспективность своего трудоустройства по специальности, она поступила на заочное отделение в Минский институт иностранных языков, получила второе высшее образование и затем преподавала английский в школе²⁹. Фаина Окунь из Червеня после трех лет бесплодных попыток найти работу по специальности сменила профессию и стала бухгалтером³⁰.

Выпуск 1953 г. в Минском юридическом институте составил 241 чел., среди них больше всего было русских – 113 чел. и белорусов – 72 чел. Евреи занимали третье место – 34 чел., за ними шли украинцы – 18 чел., татары – 2 чел., поляки и греки – по 1 чел. Комиссия по распределению направляла лучших выпускников в органы юстиции, прокуратуры БССР, Российской Федерации и Литовской ССР, прокуратуру железнодорожного транспорта, милицию и в распоряжение Совета министров БССР для исполкомов республики³¹. Однако многие евреи оказались без мест работы. Свободные дипломы получили сестра и брат Татьяна Метер (Файнберг) и Пейсах Метер. Татьяна

²⁹ Письмо Дарьи Евно (Плоткиной) из Рамат-Гана от 5 марта 1999 г. // Архив автора.

³⁰ Письмо Цодика Рытова из Нетании от 4 марта 2001 г. // Там же.

³¹ НАРБ, ф. 4, оп. 53, д. 38, л. 166.

нашла работу учителя истории в школе г. Хойники Мозырского района, а Пейсах уехал в Мончегорск Мурманской области РСФСР, где устроился юрисконсультom на комбинат «Североникель», а затем стал заместителем секретаря парткома. Татьяну через два года приняли корректором в газету «Боевые крылья» штаба Военно-воздушных сил Белорусского военного округа³².

К началу 1950-х гг. устроиться по специальности евреям-юристам не помогала даже протекция. Раиса Эпштейн в 1949 г. отказалась от распределения в г. Молотов (Пермь) по семейным обстоятельствам и два года не работала. В 1951 г. устроиться на работу юристом стало уже невозможно. В учреждениях, куда она обращалась, отказывали под надуманными предлогами. Муж Раисы, Анатолий Гитлин, в это время был преподавателем Минского института иностранных языков. Его студенткой оказалась дочь министра юстиции БССР Ивана Подуты. Несмотря на то что жена Подуты была еврейкой, министр отказался содействовать. Отец Раисы, Меир Эпштейн, директор Минского протезного завода, связался с заместителем прокурора БССР Прудковичем, которому помогал в изготовлении протеза, когда тот потерял ногу. Прудкович не предложил ничего выше технической должности в отделе кадров прокуратуры. Не сыграло свою роль и то, что Раиса пережила гетто, бежала в партизанский отряд, работала в Штабе партизанского движения. После долгих мытарств Эпштейн удалось устроиться в фабрично-заводское училище завода им. Ворошилова воспитателем, лектором, затем она возглавила заводскую комсомольскую организацию³³.

Синекурой после окончания вуза считались аспирантура, военная прокуратура и военный трибунал. Они заранее отбирали для себя кандидатов. В 1949–1953 гг. ни одного из евреев – выпускников Минского юридического института туда не взяли. Это являлось откровенной дискриминацией, потому что среди еврейских студентов были одаренные молодые люди, обладатели дипломов с отличием, общественные активисты, секретари комсомольских организаций, председа-

³² Татьяна Файнберг в течение 10 лет работала в газете «Боевые крылья», а затем – младшим редактором в издательстве «Польмия». См. Письмо Татьяны Файнберг из Кирьят-Шмона от 26 июня 1998 г. // Архив автора.

³³ Запись беседы с Раисой Гитлиной (Эпштейн) в Иерусалиме 14 дек. 1997 г. // Там же.

тели профкомов, коммунисты, участники Второй мировой войны. Несколько евреев получили назначения зональными прокурорами, прокурорами-криминалистами, заместителями прокурора района или города, еще несколько человек – служащими в областном аппарате прокуратуры. Но ни один еврей впоследствии не был выдвинут на самостоятельную должность даже районного прокурора.

Профессиональная деятельность

Большинство евреев-юристов проявили себя знающими и ответственными специалистами, получив самостоятельный участок работы. Зиновий Фейгин стал следователем прокуратуры Пружанского района Брестской области в августе 1952 г. Весь штат состоял из прокурора (чуваша Петра Михайлова), его заместителя (русского Валентина Таскина), следователя, секретаря-машинистки (еврейки Эсфири Хазан³⁴), уборщицы и конюха. До прибытия Фейгина его должность в течение полугода оставалась вакантной. Помощник прокурора был наполовину глухим, но, несмотря на это, совмещал свою работу с обязанностями следователя, поэтому Фейгин получил сразу 12 уголовных дел, находившихся в разработке. Он проводил допросы, обыски, очные ставки, предъявлял обвинения, заключал под стражу. В основном дела были имущественными, хищения главным образом касались кооперативной собственности. Транспортным средством служил один конь, приходилось много ходить пешком, и областная прокуратура выделила Фейгину деньги на велосипед³⁵.

Лазарь Шпарберг из Толочина начал карьеру адвоката в Могилевской области в 1949 г. Он выступал защитником обвиняемых по уголовным делам, представителем истца или ответчика по гражданским делам, писал кассационные и надзорные жалобы, помогал составлять

³⁴ Эсфирь Хазан приняли на работу в прокуратуру как супругу секретаря районной газеты «Ленинский путь». Чета Хазан в годы войны воевала в партизанах. Сам Хазан участвовал в деятельности Компартии Западной Белоруссии (КПЗБ), был членом исполкома Международной организации помощи рабочим (МОПР), работал до войны в Бельгии, странах Латинской Америки.

³⁵ Запись беседы с Зеликом Фейгиным 12 нояб. 1997 г. в Иерусалиме // Архив автора.

заявления в суд и следственные органы³⁶. Раиса Рабинович приехала по распределению в Гомель, где затем трудилась без перерыва 35 лет. Большинство дел, которыми ей приходилось заниматься, были уголовными – бандитизм, хулиганство, дела немецких пособников, баптистов. Рабинович вела много гражданских дел: разводы, раздел имущества, домовладения, передача родительских прав и т. д.³⁷

Социально-правовая служба

В Минске кабинеты социально-правовой службы существовали с довоенного времени в трех крупных клинических объединениях. Они оказывали юридическую помощь беременным женщинам и молодым матерям. Во второй половине 1940 – начале 1950-х гг. в народных судах было только по одному судебному исполнителю. Каждый из них оформлял заявления в суд о расторжении брака, признании отцовства, помогал разыскивать отцов, уклонявшихся от уплаты алиментов, выступал в народных судах по вопросам защиты прав матери и ребенка. В последующий период эти функции отошли к судебной системе. Социальная служба с необходимой юридической поддержкой существовала в родильных домах. Помощь оказывалась матерям-одиночкам в получении прописки и места или комнаты в общежитии, установлении связи с профсоюзными, местными и партийными комитетами на работе или в учебном заведении, оформлении документации на получение государственного пособия, подаче просьбы на единовременное или постоянное пособие и т. д.

Важная часть работы – юридическое оформление отказа некоторых матерей от новорожденных: проведение разъяснительных бесед, получение отказных расписок, регистрация детей в ЗАГС (отделах записей актов гражданского состояния при местных Советах), устройство младенцев в Дом ребенка. Если бездетные семьи усыновляли детей, это также оформлялось через райисполком при помощи сотрудников социально-правовой службы. В дополнение к этому на них возлагали

³⁶ Письмо Лазаря Шпарберга из Ашкелона от 1 февр. 1998 г. // Архив автора.

³⁷ Запись беседы с Раисой Рабинович (Левицкой) в Бней-Браке 22 дек. 1997 г. // Там же.

функции юрисконсульта в медицинских учреждениях, больницах или поликлиниках.

В разные периоды только в Минске было от 15 до 18 работников социально-правовых кабинетов. Большой известностью пользовалась заведующая кабинетом женской консультации 6-й поликлиники Третьей городской клинической больницы Раиса Каплан. Городской отдел здравоохранения регулярно направлял к ней молодых юристов-стажеров. На одном месте Каплан проработала 37 лет³⁸. Социально-правовым кабинетом при детской консультации в Минске заведовала Фаина Лифшиц, которая перешла в детскую поликлинику, а потом в течение многих лет была юристом при Минском городском родильном доме на ул. Володарского. Руководство кабинетами Минска осуществляла Александра Дулевич, в Пинске работала Хобод. Аналогичные юридические службы при медицинских учреждениях действовали во всех областных городах и крупных промышленных центрах Беларуси.

Нотариусы

Определенная часть евреев, получивших высшее и среднее юридическое образование, служили в нотариальных конторах. Главная функция их состояла в проверке обстоятельств, связанных с действиями, которые клиенты намеревались совершить, и разъяснении им последствий этих действий. В отличие от адвоката нотариусы имели дело с двумя сторонами, если это не касалось составления завещания. Они призваны были выявить и зафиксировать согласованную волю клиентов, а не защищать их интересы.

В первые послевоенные годы приходилось вести много наследственных дел, так как осталось имущество, владельцы которого погибли на оккупированной территории или в эвакуации, и вставал вопрос, кому его наследовать. Нотариусами становились в основном девушки, окончившие специальные курсы, юридическую школу или институт. Софья Ладина, 1927 г. р. из Гомеля, после окончания Минского юриди-

³⁸ Рашель (Раиса) Каплан получала письма с благодарностью от своих подопечных, фотографии. Многие усыновители годами поддерживали с ней отношения даже после ее отъезда в Израиль.

ческого института стала первым нотариусом в Речице. В начале своей профессиональной деятельности она обслуживала одновременно Речицкий и Лоевский районы, проводила учебные семинары и консультировала работников сельских советов и городской поселок Василевичи, имевших право совершать нотариальные действия. Софья оформляла сделки купли-продажи, завещания, свидетельства на право наследования имущества, в том числе лица, находившегося за границей, поддерживала связь с иностранной юридической коллегией в Москве. В ее обязанности входила выдача свидетельства о смерти, установление степени родства, идентичности фамилий, имен и отчеств из-за ошибок при регистрации или из-за того, что люди зачастую меняли их в годы войны, чтобы выжить в условиях оккупации, на основании копий актовых записей о рождении, браке, смерти. Например, в архивном фонде уполномоченного Управления по эвакуации населения в списках граждан, эвакуированных в Бузулукский район Чкаловской области РСФСР, от 25 мая 1942 г. значилась семья Чечиков из Речицы: отец Израиль Аронович Чечик, 1892 г. р., мать Эстер Файвелевна Чечик, 1897 г. р., и дети Дора, Миша и Галя. Однако у детей вместо отчества Израилевичи, было указано – Ивановичи³⁹.

В послевоенные годы в Белоруссии нотариусами работали: Роза Каплун – в Чечерске, Ида Зунина – в Слуцке, Мария Шерман – в Калинковичах, Мария Крымская – в Логищине, Мария Плоткина – в Гомеле, Софья Юдина – в Орше, Хана Лейкина – в Могилеве, Полина Рябенская – в Витебской области, Елизавета Давыдова и Цирульникова – в Гомеле, Нина Левина – в Борисове⁴⁰, Сара Гильман – в Новогрудке и др.⁴¹. Оплата труда нотариусов оставалась невысокой, но работать приходилось много и требования предъявлялись серьезные. Законы бюрократии проявляли себя при любом государственном устройстве, и житейская мудрость «без бумажки (справки, документа) ты букашка, а с бумажкой – человек» не теряла своей актуальности.

³⁹ Государственный архив Оренбургской области, ф. Р-2144, оп. 1, д. 16, л. 193.

⁴⁰ Александр Розенблум. *Память на крови. Евреи в истории Борисова*, с. 22.

⁴¹ Запись беседы с Софьей Ладиной в Холоне 29 дек. 1997 г. // Архив автора.

Арбитраж

Немало юристов-евреев в послевоенные годы работали в системе арбитража, который играл роль третейского суда. Система арбитража существовала в Белоруссии с 1931 г. и решала спорные вопросы и возникающие конфликты между двумя сторонами. При социализме, когда средства производства были национализированы, а общественная и кооперативная собственность имели во многом условный характер, деятельность арбитража была зависимой. Несмотря на строгую регламентацию всего процесса восстановления народного хозяйства и поддержку любой экономической инициативы только после предварительного одобрения централизованных инстанций, конфликтные ситуации все же возникали (в частности, при распределении первоочередных кредитов, их использовании, выборе приоритетного направления развития и т. д.). Арбитражному суду предстояло найти способ примирения между субъектами хозяйственного права. Стороны редко избирали арбитров, больше полагаясь на их назначение в порядке, предусмотренном законом.

В Беларуси государственный арбитраж существовал при Совете министров республики и при исполнительном комитете каждой области. Работа в арбитраже требовала высокого профессионализма и глубоких знаний, так как требуемые решения касались крупных хозяйственных объектов с большим финансовым оборотом. Юристы-евреи, обладавшие опытом в этой сфере, пользовались заслуженным авторитетом. Как правило, арбитрами становились те, кому не удалось сделать карьеру в прокуратуре, кто разочаровался в следовательской работе, а иногда и просто не мог трудоустроиться. Здесь можно было остаться в стороне от общественной жизни и чувствовать себя относительно комфортно в период идеологических кампаний. Почти треть всех арбитров республики составляли евреи. Так, главным арбитром Гомельского областного арбитража был Арон Абрамов, а главным арбитром Государственного арбитража при Совете министров БССР – Лесник и др.

Алиса Минц в 1951 г. после окончания вуза год была юрисконсультom протокольно-правовой группы при Могилевском облиспол-

коме. Эту работу она нашла с большим трудом, а в 1952 г. ее взяли в областной арбитраж. Однако на этом карьере Алисы закончилась. Несмотря на свои деловые качества и профессиональные успехи (отмены решений арбитража с ее участием почти не было), она проработала там до пенсии, хотя за это время в Могилевском облисполкоме сменились три главных арбитра⁴².

Материальное вознаграждение за труд юристов согласно уравнительному характеру принципов социализма было минимальным. Это объяснялось, с одной стороны, отсутствием средств в условиях затратной экономики, а с другой – тем, что препятствовало социальному расслоению. Секретарь суда получал 335 руб. в месяц (в ценах 1946 г.), районный народный судья – 690 руб., член областного суда – 950 руб. Для сравнения: зарплата начинающего школьного учителя составляла 450 руб., а квалифицированного рабочего – 800 руб. После денежной реформы 1947 г. и отмены карточной системы в СССР уровень зарплат несколько вырос. Должностной оклад следователя районной прокуратуры стал насчитывать 800–850 руб., оклад районных прокуроров и судей – 1300–1500 руб., зарплата технических сотрудников суда и прокуратуры – всего 500–600 руб. Для сравнения: доценты высших учебных заведений получали 3000–3500 руб.

Исключение составляли адвокаты, труд которых оплачивали клиенты. Для них границы месячного заработка были установлены намного выше, чем для прокуроров и судей. Но свои заработки адвокаты сдавали в общую кассу президиума коллегии адвокатов (как правило, 30% суммы). Из оставшихся 70% удерживали подоходный налог и другие отчисления, включая облигации государственных займов. Получить гонорар с клиента нередко было нелегко. Много судебных дел проводилось без оплаты в соответствии с требованием статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса БССР. Иногда суд выносил решение взыскать гонорар с осужденного, получить который было проблематично. Особенно страдали от этого адвокаты в районных центрах и сельской местности, поэтому многие из них оставили адвокатуру. Работники суда и прокуратуры считались государственными служащими, и частная практика для них была закрыта. Случаи подношений, подарков, угощений, не говоря о взятках, сурово наказы-

⁴² Письмо Алисы Минц из Ашкелона от 9 февр. 1998 г. // Архив автора.

вались вплоть до отстранения от работы, исключения из партии и отдачи под суд. Работа в милиции оплачивалась намного лучше. Младший лейтенант системы МВД получал больше заместителя прокурора района. Сотрудникам милиции платили за звание и выслугу лет. С другой стороны, на командную, офицерскую должность евреев не брали, а на рядовую (патрульно-постовая служба, участковые инспекторы, вневедомственная охрана и пр.) евреи отказывались идти сами, даже если такие предложения поступали.

Отсутствие материальной заинтересованности у людей, обязанных стоять на страже закона, не приносило им удовлетворения, искусственно занижало роль квалифицированного труда, обесценивало интеллектуалов, приводило к текучести кадров, непрофессионализму работников, создавало условия для коррупции и в целом негативно сказывалось на работе советской судебной системы и правоохранительных органов.

Партийная принадлежность

Членство в КПСС имело принципиальное значение для профессионального успеха и карьеры на государственной службе. Оно было непременным условием для членов областного суда, народных судей и их заместителей, прокуроров всех рангов, следователей и ответственных работников министерства юстиции. Беспартийными могли быть адвокаты, юрисконсульты и нотариусы. Они не имели перспективы роста по карьерной лестнице, и предполагалось, что необязательностью их членства в партии можно соблюсти «плюрализм» и «независимость» при выборе объективных решений в ходе судебного разбирательства, конфликтной ситуации и пр. В то же время многие из них, сохраняя веру в идеалы строительства социализма и коммунизма, находились под влиянием официальной пропаганды, разделяли марксистскую идеологию и стремились вступить в КПСС совершенно искренне.

Зелик Фейгин подал заявление о приеме в партию через два года после окончания института (1952 г.) и считал это для себя честью. Он полагал, что все хорошее в стране — заслуга партии. Александру Эйдлину предложили вступить в партию после его назначения заместителем заведующего отделом социального обеспечения Брестской обла-

сти⁴³. Председатель Гомельского областного суда Борис Драбкин, коммунист с довоенным стажем, сохранил веру в правоту КПСС вплоть до ее роспуска в 1991 г.⁴⁴ Юрисконсульт мясокомбината в Гомеле Анна Рохленко вступила в партию под нажимом непосредственного начальника, который дал ей рекомендацию и сказал, что юрист на предприятии обязан быть в КПСС. Ее поколение воспитывалось в духе преданности советскому государству, партии и лично Сталину, хотя многие и догадывались о природе репрессий⁴⁵.

Партийные инстанции неизменно контролировали работу судебной системы и правоохранительных органов. В состав городских и областных комитетов Компартии Беларуси входили специальные отделы, курировавшие прокуратуру, суды, МВД, ГБ и исправительные учреждения и оказывавшие негласное влияние. Не только судьи, прокуроры, но даже следователи зависели от них при назначении на должность или утверждении на сессии, проходя через «сито» партийно-государственного аппарата, в принятии служебных решений. Были случаи, когда указания по телефону давались даже в совещательной комнате суда перед вынесением приговора.

Адвоката Абрама Берштейна в 1949 г. отчислили из Гомельской коллегии адвокатов за то, что на процессе он осмелился просить суд об оправдательном приговоре для подсудимого. Дмитрий Шулькин в 1952 г. имел большие неприятности за резкое выступление в суде против милиции, которая избивала его подзащитного. Шулькина очень волновала еврейская тема. Он читал на идише, мог рассказать еврейский анекдот, спеть песню, привести еврейскую поговорку. Раису Рабинович вызвали в Гомельское областное управление юстиции (облюст) и посоветовали отказаться от критики органов внутренних дел, иначе ее ждет освобождение от занимаемой должности⁴⁶. Когда в 1951 г. Могилевский областной суд по кассационной жалобе адвоката

⁴³ Запись беседы с Зеликом Фейгиным 12 нояб. 1997 г. в Иерусалиме // Архив автора.

⁴⁴ Борис Драбкин тяжело пережил роспуск КПСС в августе 1991 г. Сдав в райком партии в Гомеле свой партбилет, он разволновался, упал и долго болел, умер в 1992 г. См. Письмо Майи Идовой из Нацрат-Илита от 22 марта 2001 г. // Там же.

⁴⁵ Письмо Анна Рохленко из Шломи от 23 марта 2001 г. // Там же.

⁴⁶ Запись беседы с Раисой Рабинович (Левицкой) в Бней-Браке 22 дек. 1997 г. // Там же.

Лазаря Шпарберга прекратил уголовное дело по малозначительности, это вызвало резкое недовольство районного судьи Гавриленко. Шпарберг и впоследствии утверждал, что был прав по сути и форме. Конфликт произошел в самом начале его карьеры, случись это несколькими годами позже, по его словам, он бы «хорошенько» подумал, прежде чем вызвать недовольство судьи⁴⁷.

Отношение к обвиняемым-евреям

В большинстве случаев отношения между юристами-евреями и обвиняемыми-евреями определяло то, что они находились по разные стороны судебной системы. Однако так было не всегда. Некоторые судьи, пользуясь полнотой власти, не стеснялись выражать свои антипатии. Когда обвиняемым был еврей, ему давали максимум наказания, предусмотренного статьей Уголовного кодекса. Не упускали возможность показать свою «объективность» и некоторые прокуроры-евреи, выступавшие по делам, где проходили их соплеменники. Лазарь Шпарберг в 1953 г. был занят групповым делом, одной из участниц которого была еврейка. Давая заключение в Верховном суде БССР по 2-й инстанции, прокурор-еврей указал, что обвиняемая меняла свои показания, и потребовал вынести более суровое наказание⁴⁸.

Статистика правонарушений показывает, что евреи, как правило, являлись законопослушными гражданами. Они дорожили своей работой, трудились честно и добросовестно. Это не исключало того, что и среди евреев, говоря языком того времени, встречались «жулики, рвачи, хапуги и воры». Однако, по сравнению с другими национальными группами, евреи давали минимальный процент уголовных преступлений. Крайне редко они участвовали в убийствах при отягчающих обстоятельствах, преступлениях, связанных с насилием в семье или усугубленных алкоголем и пр. Всего в республике за пять лет было привлечено к уголовной ответственности 177 тыс. 205 чел., из которых 92 тыс. 435 чел. было арестовано, их национальный и социальный состав представлен в следующей таблице:

⁴⁷ Письмо Лазаря Шпарберга из Ашкелона от 1 февр. 1998 г. // Архив автора.

⁴⁸ Там же, 12 февр. 1998 г.

Таблица 1

**Национальный и социальный состав арестованных
по уголовным делам в Белорусской ССР в 1944–1949 гг.**

Национальность	Кол-во	%	Социальный статус	Кол-во	%
Белорусы	53205	57,5	Рабочие	14135	15,2
Русские	15904	17,2	Колхозники	13309	14,3
Поляки	14822	16,3	Служащие	9605	10,3
Украинцы	4663	5,0	Единоличники	23453	25,3
Другие	3841	4,0	Лица без опр. занятий	31933	34,9

Составлено по: НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 38, л. 12.

Данные таблицы показывают, что евреи по количеству правонарушений даже не были выделены в отдельную графу. Вместе с «другими» они составили всего 4%. Характерными были растраты, хищения, несоблюдение финансовой дисциплины, нарушение правил торговли, злоупотребление служебным положением, халатное отношение к своим обязанностям. Лев Левин, проработавший в прокуратуре Гродненской области многие годы, вспоминает только два «еврейских» случая, которые расследовали старшие следователи областной прокуратуры. Первый был связан с крупным хищением в строительной организации и приписками больших объемов невыполненных работ. Одним из главных обвиняемых проходил еврей – руководитель этой организации. Вину доказали, и суд приговорил его к лишению свободы, меру избрали в соответствии с содеянным. Второй случай – по обвинению в нарушении закона и правил о валютных операциях. В числе обвиняемых проходили два еврея-дантиста, которые скупали золото у частных лиц для изготовления зубных коронок. Их приговорили к исправительным работам по месту работы с удержанием процента заработной платы⁴⁹.

⁴⁹ Письмо Льва Левина из Бруклина от 3 апр. 2001 г. // Архив автора.

В 1952 г. по результатам ревизии арестовали директора Витебской сплавной конторы А.Е. Бломштейна⁵⁰. В 1953 г. судебная коллегия по уголовным делам Полесского областного суда с участием прокурора Нодельмана и адвокатов Гольдмана, Розинского, Залана и Лентяевой установила виновность руководителей лесного хозяйства (леспромхоза) в Хойниках Абрама Бабицкого и Кирилла Судзиловского в хищении государственного имущества. В том же году судебная коллегия Верховного суда БССР по уголовным делам признала виновными в расхищении государственных средств Иосифа Вольпера, Льва Дубелера и Григория Бенедиктова⁵¹.

Распространенными были обвинения евреев в нелегальной предпринимательской деятельности. В 1949 г. за ведение частной практики арестованы и осуждены директор белорусского отделения Художественного фонда СССР Залман Гайтельбунд, начальник оформительских мастерских этого фонда Соломон Райхман и старший бухгалтер Цодик Брудно⁵². К экономическим преступлениям отнесли и манипуляции в связи с денежной реформой в СССР 1947 г. В Минске Сару Круткович осудили на 10 лет за то, что она через подставных лиц внесла по нескольким сберегательным книжкам 17 тыс. руб. облигаций государственного займа 1938 г., а Бенциона Финкельштейна – за скупку облигаций госзайма ниже номинальной стоимости⁵³.

Вся советская юридическая система, включая суд и прокуратуру, имела ярко выраженный обвинительный уклон. На первый план выдвигалась задача не выяснения истины (виновности или невиновности), а недопустимость подобного происшествия в дальнейшем. Оправдательные приговоры случались исключительно редко, и их расценивали как профессиональную неудачу. Оправдание считалось результатом недобросовестного исполнения обязанностей следователем и прокурором, повлекшим арест невиновного человека. За это полагалось дисциплинарное взыскание как за серьезный должностной проступок.

Сроки наказания не соответствовали правонарушениям и были сильно завышены. В 1947 г. в Рогачеве за злоупотребления на рабочем месте приговорили к 10 годам лишения свободы председателя артели

⁵⁰ НАРБ, ф. 4, оп. 53, д. 38, л. 168.

⁵¹ Там же, лл. 43, 295.

⁵² НАРБ, ф. 1, оп. 22, д. 14, лл. 22-25.

⁵³ Там же, лл. 32, 180.

«Объединение» Этту Вольпову⁵⁴. Абрама Шика в 1948 г. осудили за «спекуляцию кожевенными изделиями». Шик, бывший актер БелГОСЕТ, остался без работы после роспуска театральной труппы и устроился сапожником в артель «Экономия». При обыске в его квартире обнаружили 15 пар подошв, за которые народный суд Ворошиловского района Минска лишил его свободы на пять лет. Заведующего магазином в Дзержинске Гирша Окуня обвинили в том, что он в целях «личной наживы» завысил цену на трехгранные напильники и закройные ножницы на один рубль, и за это дали срок три года⁵⁵. В 1949 г. в Борисове за нарушение правил торговли к четырем годам заключения приговорили заведующую магазином отдела рабочего снабжения Рахель Кисельман, а в Минске отдали под суд директора ремесленного училища № 9 Израиля Гринберга⁵⁶.

Часто в евреях видели источник потенциальных финансовых злоупотреблений только на том основании, что они старались работать сообща и поддерживать друг друга. В 1947–1950 гг. министра местной промышленности БССР Кагана заподозрили в том, что он необоснованно уволил директора Борисовского завода «Красный металлист» Фурсова, назначив на его место «по знакомству» бывшего директора Могилевского труболитейного завода Райхлина, снятого с работы за злоупотребление служебным положением. Министра лесной промышленности Лахтанова обвинили в приеме на работу Хеймана, уволенного из Осиповичского леспромхоза. В Полоцком городском пищевомпроме «собралось» 90 евреев, то же самое отметили ревизионные органы в Минском тресте столовых и ресторанов, Гомельском горпищепромте и других организациях. Это было расценено как упущение местных партийных и советских руководителей в кадровом вопросе, позволившее «жуликам» и «проходимцам» проникнуть на государственную службу. В подтверждение этого приводились сведения о том, что растраты и хищения в Министерстве торговли БССР в 1947 г. составили 5 млн 200 тыс. руб., а в системе Союза потребительской кооперации (Белкоопсоюза) – 20 млн 100 тыс. руб.⁵⁷ Крайне неблагоприятная обстановка сложилась в Верховном суде БССР, где многие

⁵⁴ НАРБ, ф. 4, оп. 30, д. 51, л. 168.

⁵⁵ Там же, ф. 1, оп. 22, д. 15, л. 29.

⁵⁶ Там же, д. 14, л. 186.

⁵⁷ Там же, ф. 4, оп. 29, д. 539, лл. 51, 61.

юристы-евреи чувствовали открытое неприязненное отношение к себе со стороны председателя Верховного суда Шардыко и его заместителя Зайцева.

Нуждающиеся в правовой защите предпочитали выбирать адвокатов-евреев за их грамотность и профессионализм, уровень общей культуры и наличие, как правило, высшего юридического образования. Людям, попавшим в беду по своей или чужой вине, как правило, национальность адвоката была безразлична. Они искали юриста, способного помочь в критической ситуации. Именно по этой причине многие еврейские адвокаты пользовались популярностью. Однако это не исключало конфликтных ситуаций между евреями, представлявшими разные службы правоохранительной системы. В 1953 г. в Бресте адвокату Марии Крымской поручили дело 15-летнего юноши, отец которого погиб на фронте, а мать работала учительницей. Молодого человека обвиняли в совершении тяжкого преступления – разбойном нападении с применением огнестрельного оружия с целью грабежа. Изучив материалы дела, Крымская пришла к выводу об отсутствии состава преступления. Имели место только озорные действия, не подлежащие уголовной ответственности. В руках у юноши был игрушечный пистолет, цели грабежа не было, дело происходило днем в людном месте. Свое мнение Крымская высказала следователю Лехчиной (еврейке), которая возмутилась и обратилась к прокурору города Михайлову. Прокурор проявил грубость и пытался отстранить адвоката от ведения дела. Крымская подала жалобу на эти незаконные действия прокурору Брестской области, хотя коллеги ее отговаривали. Михайлов принес извинения, и дело о «разбое» закрыли за отсутствием состава преступления⁵⁸.

Юристы-евреи оказывали помощь тем, кто не мог воспользоваться своими правами из-за бюрократизма чиновников, равнодушных даже к заслуженным людям. К Михаилу Альтшулю, работавшему в Бобруйской юридической консультации, обратился Семен (Шолом) Зорин, бывший командир отряда № 106 Ивацевичского партизанского соединения. Его неоднократные заявления в местные советские и республиканские органы о предоставлении благоустроенного жилья оставляли без внимания. Михаил, как и Семен, был инвалидом войны I группы

⁵⁸ Письмо Марии Крымской от 8 февр. 1999 г. из Кирьят-Гата // Архив автора.

(оба они потеряли ногу). Чиновники не принимали во внимание заслуги Зорина, спасшего в семейном отряде десятки людей, обреченных на гибель на оккупированной территории. Альтшуль составил обстоятельную жалобу, и просьба Зорина была удовлетворена⁵⁹.

Отношение к адвокатам-евреям часто обуславливалось предвзятостью: их не выдвигали на престижные участки работы, предпочитали не выбирать в президиум коллегии адвокатов, не назначали начальниками юридических консультаций, членами областного суда. Главной причиной этого была не профессиональная конкуренция, а политическое недоверие, вызванное идеологическими установками.

Абрам Шифрин из Борисова, после того как его комиссовали из армии по ранению, окончил в 1946 г. краткосрочную юридическую школу в Минске. Он приступил к работе в адвокатуре Борисова, проявил себя и стал заведующим юридической консультацией. В 1948 г. из минюста приехал ревизор, увидевший, что в консультации работают три еврея (Шифрин, Зархина, Левин) и один русский. Зархину и Левина уволили под предлогом профессиональной непригодности, а Шифрина – за отсутствие надлежащего контроля, несмотря на то что он был членом партии и инвалидом войны. Через некоторое время Шифрину удалось устроиться на Борисовскую фабрику пианино юрисконсультантом (единственный еврей и четыре русских) и возглавить юридический отдел⁶⁰.

До конца 1950-х гг. в Гомеле, Минске и Могилеве евреи составляли около 60% от числа адвокатов юридических консультаций. Несмотря на это, только немногие из них смогли продвинуться по служебной лестнице. Исключение составили Борис Маркович (Беньямин Мордухович) Розинский – председатель уголовной коллегии Гомельского областного суда, заведующий юридической консультацией, а затем председатель областной коллегии адвокатов Гомеля; Семен Чернявский – член Гомельского областного суда из Мозыря с 40-летним адвокатским стажем; Ефим (Хаим) Бурдевицкий – долгие годы начальник юридического отдела Президиума Верховного Совета БССР и др.⁶¹

⁵⁹ *Еврейский камертон*: Приложение к газ. «Новости недели» (Тель-Авив), 27 мая 1999 г.

⁶⁰ Oral History Department Contemporary Jewry Institute, Hebrew University of Jerusalem, file 217/63, pp. 9-13.

⁶¹ Письмо Григория Розинского из Петах-Тиквы от 21 янв. 2001 г. // Архив автора.

224

Родственники за границей

Изоляция советского общества в послевоенные годы привела к тому, что любые родственные связи за пределами СССР считались предосудительными. Это было вызвано не только неприятием международного сообщества социализма сталинского образца. Режим опасался, что человеческие контакты даже на обыденном уровне с родственниками за границей нарушат непроницаемость «железного занавеса», за которым можно проводить советские эксперименты по моделированию нового общественного устройства. Опасность представляли не только родные и близкие, но даже знакомые и друзья, имевшие иностранное подданство. Это негласное правило распространялось на всех советских граждан, независимо от образования, профессии и возраста. Особенно жесткий контроль осуществлялся за государственными служащими, среди которых работники правоохранительной системы имели особый статус.

Получение писем, посылок, подарков из-за границы служило достаточным поводом для увольнения или исключения из партии, что ставило человека вне общества и могло сломать судьбу. Поэтому, когда «непрощенные» родные проявляли заботу о тех, кто сумел пережить Холокост в Советском Союзе, важно было проигнорировать это обращение или публично отказаться от этой помощи (посылки и т. п.). Юрисконсульт Мария Гольдина из Бреста скрывала, что ее отец Пейсах Израилевич имеет родственников в Америке, а адвокат Бенъямин Розинский – что его родной брат Залман живет в Палестине (Петах-Тиква), куда нелегально выехал с семьей в 1925 г.⁶² У арбитра Могилевского арбитража Ханы Будовля в Монреале (Канада) жил дядя – брат матери Фрумы Давидовны. После войны от него пришло письмо, на которое побоялись ответить. Родственники отца Ханы Будовля, Бориса Вульфовича, из Польши прислали посылку, которую пришлось отказаться получить⁶³.

Если «порочащие связи» с заграницей становилось достоянием гласности, могли серьезно наказать за «неискренность». Мужа юрисконсульты Софьи Фарберовой, которая получила в 1946 г. по доверен-

⁶² Письмо Григория Розинского из Петах-Тиквы от 21 янв. 2001 г. // Архив автора.

⁶³ Письмо Ханы Будовля из Хайфы от 12 марта 1998 г. // Архив автора.

ности посылку из Америки, адресованную мужу ее сестры (!), в 1947 г. уволили из армии без полагавшихся льгот⁶⁴. Адвоката Залмана Зискинда в 1949 г. отстранили от работы в юридической консультации при народном суде в Горках без права дальнейшей профессиональной деятельности, когда стало известно, что ему приходили посылки из Америки. В 1953 г. Управление юстиции Могилевской области предложило уволиться «по собственному желанию» адвокату Борису Гольдину на том основании, что в Палестине проживают родители его супруги. Во внимание не принималось, что они уехали за 15 лет до того, как их дочь вышла замуж. Несмотря на абсурдность обвинения, Гольдин счел опасным оспаривать решение. В случае неудачи ему грозило увольнение по статье, что в значительной степени затруднило бы поиски работы по специальности. После смерти Сталина Гольдина восстановили в коллегии адвокатов на общих основаниях. Но возвращение далось ему нелегко, так как некоторые из коллег были этим недовольны из-за снижения их заработка. Впоследствии Гольдин стал заведующим юридической консультацией Могилева⁶⁵.

В марте 1953 г. уволили с работы и отчислили из органов Прокуратуры БССР следователя Зельвинского района Гродненской области Исаака Зака и следователя прокуратуры Бобруйского района Левина на том основании, что их семьи имели связь с родственниками в Америке. На следователя Хотимского района Могилевской области Е. Эпштейна поступило анонимное письмо, в котором сообщалось, что его дядя Абрам Кисин был осужден в январе 1952 г. как еврейский националист⁶⁶. Этого оказалось достаточно, чтобы отстранить Эпштейна от работы и вынудить сменить профессию.

В марте 1953 г., когда в Москве разразилось так называемое «дело врачей-отравителей», евреи – сотрудники юридической системы – оказались между молотом и наковальней. С одной стороны, они представляли учреждения, которые получили команду преследовать советских евреев как предателей родины, а с другой – никогда не забывали о собственном еврействе. Юристы-евреи испытывали двойст-

⁶⁴ Письмо Софьи Фарберовой из Хадеры от 5 мая 2001 г. // Архив автора.

⁶⁵ Письмо Лазаря Шпарберга из Ашкелона от 1 февр. 1998 г. // Там же.

⁶⁶ Абрам Лейбович Кисин был приговорен Верховным судом БССР к 25 годам исправительно-трудовых работ не только за «участие в еврейской организации», но и за хищение кооперативной собственности в особо крупных размерах. См. НАРБ, ф. 4, оп. 53, д. 38, л. 289.

венное чувство. Они были обязаны исполнять профессиональный долг и руководствоваться советскими мифами и догмами, следовать предлагавшимся стереотипам, надуманным антисемитским аргументам властей, искать оправдание тем действиям, которые их заставляли выполнять. Хана Будовля работала консультантом Управления юстиции Могилевской области, а с 1950 г. – старшим ревизором. Она проверяла работу народных судов, составляла обзоры судебной практики, проводила семинары. Однажды начальник управления откровенно признался, что если бы не «пятая» графа (национальность), то он назначил бы ее своим заместителем. В январе 1953 г. по требованию ревизора из Москвы Будовлю без объяснения причин освободили от должности старшего ревизора судебного отдела управления и перевели в коллегия адвокатов по «собственному желанию», где она проработала 35 лет⁶⁷.

Отношения некоторых юристов, работавших со своими еврейскими коллегами, стали неприязненными, включая запугивания, оскорбления и угрозы. Сима Львович вспоминает, что в январе 1953 г. одна из членов Полесского областного суда заявила ей, что «мечь народа будет безграничной». В связи с «делом врачей» был отстранен от работы старший помощник прокурора по делам следствия Качаровский, которого перевели на рядовую работу прокурором следственного отдела. Постоянное недовольство высказывал сотрудникам-евреям и прокурор Полесской области Захаров⁶⁸.

Начальник Управления юстиции Полесской области Соловьев в феврале 1953 г. требовал от председателя областной коллегии адвокатов Петра Платонова освободить от должности Александра Эйдлина как «не заслуживающего доверия». Однако Платонов, сам бывший работник военного трибунала, оказался человеком независимым и не подчинился⁶⁹. Родные и близкие юристов-евреев так же подвергались гонениям. Отец юрисконсульта Анны Рохленко Арон работал главным бухгалтером на заводе «Изоплит» в Новобелице. Несмотря на 20 лет стажа и прекрасную деловую репутацию, в феврале 1953 г. его уволили по постановлению партийного бюро предприятия, хотя он и не состоял в КПСС⁷⁰.

⁶⁷ Письмо Ханы Будовля из Хайфы от 23 дек. 2000 г. // Архив автора.

⁶⁸ Письмо Симы Львович из Нацрат-Илита от 5 марта 1998 г. // Там же.

⁶⁹ Письмо Александра Эйдлина из Нацрат-Илита от 26 мая 2000 г. // Там же.

⁷⁰ Письмо Анны Рохленко из Шломи от 27 марта 2001 г. // Архив автора.

Софья Фарберова, работавшая юрисконсультom Главного управления министерства местной и топливной промышленности БССР, вспоминала, что январе-феврале 1953 г. напряжение в обществе нарастало ежедневно. Когда Софья приходила в поликлинику по месту жительства в Минске, она видела в глазах «простых людей» испуг. Когда же кампания прекратилась, многие не стеснялись выражать свои искренние чувства. Софья вспоминала, что, когда 6 апреля 1953 г. она возвращалась из служебной командировки, начальник поезда, совершенно незнакомый человек, бросился ее обнимать⁷¹. Таким образом, все разговоры о еврейском буржуазном национализме, происках «Джойнта», американской разведки, попытки опорочить советских людей, растлить молодежь не увенчались успехом и принесли обществу большое облегчение.

Опубликовано:

L. Smilovitsky. "Jews in Belorussia's Judicial System, 1944-1953" // *East European Jewish Affairs*, Vol. 32, No 1, Summer 2002, pp. 65-99.

⁷¹ Письмо Софьи Фарберовой из Хадеры от 5 мая 2001 г. // Там же.

В органах прокуратуры

Органы прокуратуры были сформированы в числе первых государственных учреждений после освобождения республики летом 1944 г. Их состав и методы работы являлись отражением всей модели социализма советского образца. Прокуратура поддерживала обвинения в суде от имени государства, возбуждала и расследовала уголовные дела, осуществляла надзор за работой суда, органами дознания, исполнением приговоров и соблюдением законности при отбывании наказания. Прокурор Республики избирался на пять лет и был подотчетен Верховному Совету БССР. Областные, городские и районные прокуроры назначались на тот же срок. При областной прокуратуре существовала коллегия, в которую входили прокурор области (председатель), два его заместителя, начальник отдела общего надзора и начальник следственного отдела. Формально прокуроры считались независимыми при отправлении своих полномочий, а компетенция, организация и порядок их работы определялись законом. В то же время действия прокуратуры не подлежали критике в средствах массовой информации, устной и печатной пропаганды. Единственной инстанцией, контролировавшей ее деятельность, были партийные комитеты, подчиненные ЦК Компартии республики и, в свою очередь, ЦК ВКП(б)¹.

¹ *Очерки по истории государства и права БССР*. Минск, 1958 г.; *История государства и права Белорусской ССР*. Т. 2. Минск, 1973 г.; А.Ф. Вишневский. *Очерки истории государства и права Республики Беларусь, 1917–1995 гг.* Минск, 1995 г.; *Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах*. Мінск, 1998 г.; А.Ю. Бодак. *Национальная политика в БССР, 1943–1955 гг.*: Автореф. ... канд. ист. наук / Институт истории АН Беларуси (Минск, 1997 г.).

Восстановление органов прокуратуры

Сразу после окончания войны юристы-евреи были представлены в органах прокуратуры главным образом бывшими руководителями особых отделов партизанских отрядов, сотрудниками военных трибуналов и теми, кто вернулся из эвакуации². Рахель Левину летом 1944 г. отозвали из эвакуации телеграммой Совета народных комиссаров БССР и направили на должность следователя, а с 1945 г. она уже работала прокурором Рогачевского района Гомельской области³. Самуила Грозовского⁴ после окончания Саратовского юридического института направили прокурором Гресского района Бобруйской области. Бориса Драбкина⁵ отозвали в Гомель из Закавказья, заместителем прокурора в Барановичах в 1946 г. стал бывший заместитель начальника особого отдела партизанской бригады им. Гризодубовой Александр Крупеня⁶. Национальный состав самого многочисленного – районного звена прокуратуры представлен в следующей таблице:

² Л. Смиловицкий. *Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг.*, с. 30.

³ Рахель Левина (1907 г. р.) – бывшая портниха станции Птичь Полесской области, окончила Минский юридический институт в 1935 г., работала прокурором Быховского и Климовичского районов, в 1941–1944 гг. была прокурором района в Сталинградской области, имела грамоты и поощрения. См. НАРБ, ф. 4, оп. 53, д. 11, л. 22.

⁴ Самуил Грозовский (1908–?) – бывший чернорабочий из местечка Узда, а затем слесарь завода им. Кирова в Минске. Окончил военно-политическое училище Западного фронта в Спасске, воевал политруком мотострелкового батальона; после ранения в 1943 г. учился в Саратовском юридическом институте. См. НАРБ, ф. 4, оп. 53, д. 11, л. 169.

⁵ Борис Драбкин (1907–1990) – бывший наборщик типографии «Полеспечать» в Гомеле, выпускник Минского юридического института; до войны был председателем уголовной коллегии Гомельского областного суда; в июне 1941 г. назначен членом военного трибунала Днепро-Двинского речного пароходства, служил начальником военного трибунала гарнизона Грозного, членом трибунала Закавказского фронта (из трудовой книжка Бориса Львовича Драбкина) // Архив автора.

⁶ Давид Колпеницкий. *Четвертый погром: Рукопись*. Нес-Циона, 2001 г. // Там же.

Таблица 2

**Национальный состав районных прокуроров БССР
по областям в июле–декабре 1944 г.**

Название области	Всего	Белорусы	Русские	Другие	Евреи	
					Кол-во	%
Бобруйская	16	11	3	1	1	6,6
Барановичская	17	5	9	2	1	6,6
Брестская	14	8	5	1	—	—
Витебская	17	12	4	1	—	—
Гомельская	15	7	6	1	1	6,6
Гродненская	16	5	10	1	—	—
Минская	21	17	1	2	1	5,0
Могилевская	15	8	6	1	—	—
Молодечненская	12	6	5	1	—	—
Пинская	13	—	11	2	—	—
Полоцкая	13	7	5	1	—	—
Полесская	13	6	6	1	—	—
<i>Итого по БССР</i>	182	92	71	15	4	2,3

Составлено по: НАРБ, ф. 4, оп. 109, д. 1, лл. 111-122.

Из приведенных данных (см. табл. 2) следует, что белорусы и русские составляли подавляющее большинство районных прокуроров – 163 – республики в 1944 г., соответственно – 50,5% и 39,0%, прокуроры других национальностей – 8,2%, а евреи – всего 2,2%. Прокуроров-евреев не было в восьми областях из 12: Брестской, Витебской, Гродненской, Могилевской, Молодечненской, Пинской, Полоцкой и Полесской.

Однако это не свидетельствовало об их дискриминации. Многие довоенные работники прокуратуры не успели эвакуироваться. Большая часть оставленных для организации подпольной агентурной сети в тылу противника и тех, кого забросили в составе диверсионных групп и спецподразделений НКВД на оккупированную территорию, погибли. Однако вскоре это соотношение изменилось в пользу евреев – см. следующую таблицу:

Таблица 3

**Национальный состав работников Прокуратуры БССР
в 1944–1948 гг., %**

Национальность	1944 г.	1945 г.	1947 г.	1948 г.
Белорусы	51,4	55,9	49,9	48,6
Русские	40,1	34,5	33,5	32,7
Украинцы	4,1	2,9	3,1	3,6
Евреи	2,2	4,5	12,4	13,1
Другие	2,2	2,2	1,1	2,0

Составлено по: НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 539,
лл. 78-80; оп. 109, д. 1, л 1-4, д. 5, л. 21.

Данные табл. 3 свидетельствуют, что национальный состав прокуратуры не был стабильным. Среди ее сотрудников сокращалось количество белорусов, русских, украинцев за счет евреев. В 1944–1948 гг. доля белорусов уменьшилась с 51,4 до 48,6%, русских соответственно – 40,1% и 32,7%, а украинцев – 4,1% и 3,6%. Этот процесс, очевидно, шел стихийно. На смену практикам в прокуратуру приходили дипломированные специалисты – выпускники высших и средних юридических учебных заведений. После войны право первоочередного приема в вузы, техникумы и училища имели участники Великой Отечественной войны, инвалиды и отличники учебы. Обладателей золотой медали, то есть имевших отличные отметки по всем предметам за курс средней школы, принимали без вступительных экзаменов⁹.

⁹ *Нарысы гісторыі Беларусі*, Мінск, 1995 г. Ч. 2, с. 360.

Подготовка кадров прокуратуры

В Минском юридическом институте большинство студентов-евреев прошли фронт, имели правительственные награды и большой жизненный опыт, среди них: Аркадий Тарлер, Леонид Сонкин, Захар Будницкий, Яков Наймар, Григорий Фольб, Иосиф Баркан, Давид Шулькин, Исаак Бурштейн, Семен Мадорский, Айзик Карон, Мотик Гершиков, Абрам Островский, Лев Смиловицкий, Александр Лис, Пейсах Метер, Борис Гольдин, Михаил Гольдфарб, Григорий Флейшер, Гозенпуд, Детинко, Шехтман, Ледвич и др., а также инвалиды войны: Арон Ольшанский, Александр Березняк, Владимир Кодкин, Абрам Марон, Вениамин (Беньямин) Чернов, Лазарь Шпарберг, Борис Дымент, Эммануил (Моня) Моделевич, Аркадий Рутман, Владимир Ленский, Цалик Рабинович, Абрам Ивинский, Самуил Шапиро, Григорий Скир, Лев Котляр, Славин, Лихтерман и др. Они были молоды, полны энергии, планов, мечтали скорее приступить к самостоятельной работе. Некоторые скрывали свою инвалидность, чтобы их не считали неполноценными. Евреи зарекомендовали себя хорошими студентами, занимались общественной работой, поддерживали дружеские отношения с сокурсниками белорусами и русскими.

Во второй половине 1940-х гг. евреи составляли значительную часть выпускников Минского юридического института, что отразилось на общей картине национального состава прокуратуры, адвокатуры и судебно-следственных органов. Разница могла быть еще значительнее, если бы не всесоюзное распределение молодых специалистов. Белорусов оставляли в республике за счет выпускников других национальностей. Выпускников, недовольных предложенным местом работы, лишали распределения, и им приходилось трудоустраиваться самостоятельно, что было нелегко. Дарья Евнина и Евгений Эльперин получили распределение на работу в Брянскую область, Владимир Ленский и Рафаил Марголин – в Смоленскую область, Пейсах Метер – в Мурманскую, Полина Рябенская и Абрам Вольфсон – в Оренбургскую, Исаак (Айзик) Каран, Семен Мадорский, Лев Шпилькин – в Кемеровскую область (Российская Федерация).

Евреи чаще белорусов и русских получали распределение на низовую работу в отдаленные районы БССР. Льва Левина в 1950 г.

направили помощником прокурора Желудокского района, а Исаака Зака – следователем прокуратуры Зельвенского района Гродненской области. В то же время их однокурсника-белоруса, гораздо более слабого студента, направили на должность помощника прокурора по гражданско-судебному надзору Гродненской области¹⁰.

В Брестской области стали работать следователями прокуратуры: Донхин (Березовский район), Шиндлер (Кобринский), Гозенпуд (Ивацевичский); в Пинской области – Зелик Фейгин (Пружанский район), Тумаркин (Жабчицкий); в Минской области – Абрам Пивинский, Михаил Гитлин и Славин (Руденск); в Могилевской области – Е. Эпштейн (Хотимский район); в Гомельской области – Яков Шапиро, Иосиф Лихтерман; в Витебской области – Макс Замалин; заместителями районного прокурора: Афанасий Халипский и Самуил Шапиро (Гродненская область), помощниками прокурора: Абрам Рейзин (Гродно), Лев Циркин (Слуцк), Коваленко (Ошмянский район) и др. Евреев привлекали в основном на второстепенные должности – следователей, помощников прокуроров и их заместителей, служащих областной прокуратуры. Редко им поручали самостоятельную работу даже на уровне отдельного района. С 1944 по 1948 г. число районных прокуроров-евреев выросло по республике всего с 4 до 8 чел., в то время как общее количество этих должностей было 177. Начиная с осени 1948 г. прием абитуриентов-евреев в юридические учебные заведения резко сократили¹¹.

Условия работы в прокуратуре

Партийные и советские инстанции нередко вмешивались в деятельность органов прокуратуры и пытались навязать свое решение. Они настаивали на обвинительном характере заключений при принятии судебных решений, отказывались учитывать важные смягчающие

¹⁰ Письмо Льва Левина из Бруклина от 2 марта 2001 г. // Архив автора.

¹¹ Докладная записка на имя первого секретаря ЦК КП(б)Б Н.И. Гусарова «О ненормальном укомплектовании минских юридического, политехнического, медицинского институтов, института народного хозяйства БССР в 1947/1948 учебном году». См. НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 571, л.34; «О состоянии учебно-воспитательной и научной работы в Минском юридическом институте»: Постановление Минского ОК КП(б)Б от 3 ноября 1949 г. См. НАРБ, ф. 4, оп. 62, д.72, лл. 377-386.

обстоятельства, занимались администрированием. Противозаконный характер этих действий мешал нормальному ходу следствия и надзору. Многие дела были надуманными, тенденциозными и не соответствовали законодательству, неудачи перекладывали на прокуратуру. В августе 1947 г. состояние прокуратуры республики обсуждалось на бюро ЦК Компартии Белоруссии. В центральном аппарате прокуратуры и на периферии были выявлены «политически сомнительные» и «разложившиеся» работники, неспособные отстаивать интересы партии и государства. Из системы прокуратуры уволили 85 чел., из них четырех работников отдали под суд. Прокурор БССР И.Д. Ветров получил взыскание за неправильный подбор кадров, ошибки при осуществлении прокурорского надзора и неправильную реакцию на критику¹².

На 1 января 1948 г. штаты прокуратуры республики были заполнены на 93,9%. Ее деятельности препятствовал недостаточный образовательный и профессиональный уровень сотрудников. Несмотря на то что партийная прослойка составляла 80%, высшее и незаконченное высшее образование имели только 29,7% работников прокуратуры. При проведении курсовой подготовки часть из них отчислили из-за малограмотности¹³. В 1948 г. заместитель прокурора республики В. Гончаров докладывал секретарю ЦК КП(б)Б Михаилу Зимянину о результатах проверки культурного уровня кадров прокуратуры. В Гомельской, Гродненской, Минской, Могилевской, Молодечненской и Полоцкой областях многие прокуроры и следователи не разбирались в международной обстановке, не читали политической, юридической и художественной литературы¹⁴. Для исправления создавшегося положения 25 сотрудников с опытом партийно-советской работы направили на курсы подготовки прокурорских работников в Ленинград, 69 чел. определили на учебу в Минский юридический институт, 85 чел. – в вечерние университеты марксизма-ленинизма, 426 работников суда и прокуратуры зачислили в заочную республиканскую юридическую школу¹⁵.

¹² НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 539, лл. 79, 81.

¹³ Там же, л. 86.

¹⁴ Там же, оп. 53, д. 11, л. 263.

¹⁵ Там же, оп. 29, д. 539, лл. 82-83; А.В. Люцко. Указ. соч.

Профессиональная деятельность

Евреи хорошо зарекомендовали себя на практической работе. В Пинской области старшим помощником прокурора области по надзору за следствием и дознанием работал Илья Куперман, а Елизавета Лехчина – старшим следователем прокуратуры Пинска. Зиновий (Зелик) Фейгин был заместителем прокурора этого города, а Ефим (Хаим) Качеровский – начальником следственного отдела прокурора области по делам следствия, Сима Львович – помощником прокурора по гражданским делам. В Брестской области начальником отдела по уголовно-судебному надзору прокуратуры был назначен Ледвич. В Минской области помощниками прокурора работали Эммануил Моделевич, Лев Мархасин, Григорий Скир, Лев Гальперин, Абрам Ивинский, Борис Кузнецов (без обеих ног), Анатолий Живов (Березинский район). В Гродненской области Самуила Шапиро назначили старшим помощником прокурора области по делам несовершеннолетних, в Могилевской области Сару Гипкину – заместителем прокурора Дрибинского района, Афанасия Халипского – прокурором Могилевского района, Арона Хазанова – Копыльского района; в Гомельской области заместителями районных прокуроров были Иосиф Вольфсон, Борис Плоткин, Исаак Фрадин, Анна (Хана) Брегман, Броня Школьников и Полина Циблина; в Бобруйской области помощником прокурора области работал Самуил Грозовский, а Геллер – начальником уголовно-судебного отдела областной прокуратуры; в Витебской области Макс Замалин работал старшим следователем, Григорий Миньков – заместителем прокурора Бешенковичского района, Абрам Гусаков – прокурором Полоцкого района; Айзик Рохленко стал прокурором Белорусской железной дороги (в 1949 г. переведен в Саратов, РСФСР) и т. д. Они не боялись ответственности, справлялись с поставленными задачами, выполняли поручения точно и в срок, проявляли инициативу.

В начале 1950-х гг. ввели должность прокурора-криминалиста. В его обязанности входило внедрение в следственную практику новых средств и научных методов расследования. Криминалисты были снабжены набором технических средств и препаратов для фотографирования и копирования, работы со следами и т. д. Они выезжали на место происшествия для осмотра, обнаруживали и изучали улики, проводили

следственные действия, поддерживали тесные отношения с экспертными учреждениями, помогали в проведении экспертизы и пр. Прокурорами-криминалистами работали в Гродненской области Лев Левин, в Брестской – Леонид Гозенпуд, в Гомельской – Яков Шапиро и др. За хорошую работу Шапиро назначили начальником следственного отдела прокуратуры Гомельской области.

Профессиональная компетентность, добросовестное и творческое отношение сотрудников-евреев к своим обязанностям вызывали уважение. Руководители на местах искали возможности их поощрения. Отличившимся юристам предоставляли ведомственное жилье вне очереди, присуждали премии, выделяли льготные путевки в дома отдыха и санатории, прикрепляли к закрытым распределителям дефицитных продовольственных и промышленных товаров. Лев Левин из Речицы Гомельской области, участник войны, выпускник Минского юридического института, в 1950 г. получил назначение на должность помощника прокурора Желудокского района Гродненской области. Это был небольшой сельскохозяйственный район, где жене Левина, тоже юристу, места не оказалось. Заместитель прокурора республики Гончаров дал понять, что если Левин не приступит к работе, то ему как коммунисту и молодому специалисту будет испорчена карьера. Жена и дочь Льва остались в Минске, а он выехал к месту работы. Как помощник прокурора Левин поддерживал государственное обвинение, давал заключения по гражданским делам, проверял жалобы. Вскоре его назначили следователем прокуратуры Гродненского района. Закон наделял следователя прокуратуры правом давать милиции и ОБХСС (отделы по борьбе с хищениями социалистической собственности) поручения по конкретным делам. Левин был активен, работал, не считаясь со временем, готовил дела так, чтобы их не возвращали на доследование, не допускал незаконных арестов и оправдательных приговоров. Расследованные им дела вместе со статистическим отчетом прокуратуры ежемесячно направлялись в прокуратуру области¹⁷.

Прокурор Гродненского района Казаков в виде поощрения «выбил» для Левина квартиру в строящемся 8-квартирном доме райисполкома.

¹⁷ В июле 1952 г. в деревне, куда Левин приезжал на следствие, на него было совершено покушение. Председатель местного колхоза пригласил следователя остановиться в его доме. Ночью в окно стреляли. Пуля попала в кровать, на которой в первую ночь спал Лев, а накануне покушения поздно вечером уехал на попутной машине, никого не предупредив.

Для этого Казаков специально встречался с каждым из трех секретарей райкома партии, и семья Левиных воссоединилась. В 1954 г. Льва назначили прокурором по надзору за милицией от прокуратуры Гродненской области. Он проверял законность задержания граждан, обоснованность отказа в возбуждении уголовных дел, объективность хода следствия, административную практику, вскрывал сокрытие преступлений от учета и другие нарушения. Левин стал признанным авторитетом в своей области, обучал следователей-стажеров, передавал профессиональный опыт, публиковал статьи о практике расследования уголовных дел, об умышленных убийствах при отягчающих обстоятельствах в журнале «Следственная практика СССР». В 1955 г. его назначили прокурором следственного отдела Гродненской области, затем – начальником общего надзора прокуратуры области, но дальше уже не повышали. В этой должности он проработал более 25 лет и ушел на пенсию¹⁸.

Устранение евреев из прокуратуры

Идеологические кампании в Советском Союзе в конце 1940 – начале 1950-х гг.¹⁹ привели к тому, что национальный состав прокуратуры стал более однородным. Многие евреи, почувствовав к себе предвзятое отношение режима, не захотели оставаться на прежних должностях. Одни перешли на работу в юридические консультации, стали арбитрами, нотариусами, юрисконсультами на промышленных предприятиях и в учреждениях. Другие были уволены или переведены на низовую работу.

В 1949 г. прокурора Червенского района Иосифа Шапиро, имевшего заслуженный авторитет, райком партии направил председателем отстающего колхоза. Когда через два года Шапиро вывел колхоз в передовые, его снова решили перевести на другое место. Однако

¹⁸ Лев Левин вышел на пенсию по собственному желанию в 1987 г., его 41 раз поощряли прокурор области, прокурор БССР и Генеральный прокурор СССР, наградили Почетной грамотой Верховного Совета БССР (1982 г.), знаком «Почетный работник прокуратуры» (1985 г.), присвоили классный чин старшего советника юстиции. См. Личное дело Леонида Левина // Архив автора.

¹⁹ Y. Gilboa. *The Black Years of the Soviet Jewry, 1939-1953*. Boston, 1971; G. Kostyrchenko. *Out of the Red Shadows: Anti-Semitism in Stalin's Russia*. New York, 1995; *Реабилитация. Политические процессы 1930–1950-х гг.* Москва, 1991 г.; «Идеологическая чистка второй половины 40-х годов: псевдопатриоты против псевдокосмополитов» // *Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал* / Под ред. Ю. Афанасьева. Москва, 1997 г., с.90-149.

колхозники отказались поддержать это решение. Шапиро уехал в Минск, где стал работать в юридической консультации²⁰. В ноябре 1949 г. поступил донос на прокурора Рогачевского района Рахель Левину, которую обвинили в том, что ее окружали родственники и знакомые, которые якобы мешали исполнению профессиональных обязанностей. Левина имела репутацию хорошего работника, знающего свое дело. Она была членом райкома КП(б)Б и депутатом районного Совета. Уволить Левину представлялось хлопотным, и административный отдел ЦК КП(б)Б перевел ее прокурором в Буда-Кошелевский район²¹. Заместителю прокурора Гомельской области Абраму Глантману в 1952 г. предложили перейти на работу в Речицу, что означало явное понижение по службе. Глантман отказался отправиться в районный центр в 60 км от Гомеля, где не было работы для его супруги врача-невропатолога, уволился из прокуратуры и устроился юрисконсультom на обувную фабрику²².

Распространенным методом устранения евреев-юристов служил отказ в приеме на работу после вынужденного перерыва по семейным обстоятельствам. Рождение ребенка, перемена места жительства, учеба, состояние здоровья и прочие причины могли привести к утере работы по профессии. Отделы кадров советских учреждений имели негласные директивы не превышать допустимые «еврейские» квоты и под любыми предлогами отказывали в трудоустройстве. Обращения в органы печати, советские и партийные инстанции ни к чему не приводили. За редким исключением могли помочь только личные связи, когда удавалось временно «закрыть глаза» на прием работника-еврея, да и то с большим понижением по сравнению с прежним местом работы. Ася Качеровская в 1948 г. окончила Минский юридический институт и первые два года работала помощником прокурора Минска по делам несовершеннолетних, а затем следователем прокуратуры Сталинского района Минска. После рождения дочери в 1950 г. она уволилась и больше не работала в прокуратуре в столице. Ася переехала в Гродно и устроилась юрисконсультom на швейную фабрику, где проработала 35 лет²³. О процессе устранения евреев из системы прокуратуры

²⁰ Письмо Цодика Рытова из Нетании от 4 марта 2001 г. // Архив автора.

²¹ НАРБ, ф. 4, оп. 53, д. 11, л. 26.

²² Письмо Изи Барбарова из Нетании от 22 марта 2001 г. // Архив автора.

²³ Письмо Аси Исаевны Качеровской из Нью-Йорка от 8 апр. 2001 г. // Там же.

республики на районном и городском уровне свидетельствует следующая таблица:

Таблица 4

**Национальный состав районных
и городских прокуроров в БССР в 1948–1953 гг.**

Годы	Всего	Белорусы		Русские		Евреи		Другие	
		КОЛ-ВО	%	КОЛ-ВО	%	КОЛ-ВО	%	КОЛ-ВО	%
1948	177	99	60,0	61	34,5	8	4,5	9	5,1
1949	167	102	61,0	51	30,5	6	3,5	8	5,0
1950	173	110	63,6	50	29,0	6	3,4	7	4,0
1953	226	147	65,0	52	23,0	5	2,2	22	9,7

Составлено по: НАРБ, ф. 4, оп. 53, д. 38, лл. 141-153.

Увеличение количества прокуроров с 173 в 1950 г. до 226 чел. в 1953 г. объясняется введением дополнительной должности прокурора-криминалиста в областях, крупных городах и ряде районов республики.

Власти отстраняли от руководства неевреев, которые поддерживали или поощряли своих подчиненных-евреев. Чаще всего это делалось без объяснения причин, хотя главный мотив подобных шагов был очевиден. Михаил Алексеев считался опытным прокурором Гродненской области, справедливым и требовательным человеком. Под его началом успешно работали помощник прокурора Гродненского района Самуил Шапиро, помощник прокурора Гродно Абрам Рейзин, следователь прокуратуры Зельвенского района Исаак Зак, помощник прокурора Ошмянского района Коваленко, прокурор уголовно-судебного отдела области Лев Левин, начальник следственного отдела областной прокуратуры Ефим Качеровский и др. Предлогом для смещения Алексеева стал конфликт с первым секретарем Гродненского ОК КПБ. Прокуратура вскрыла многочисленные факты покупки колхозами масла в потребительской кооперации и сдачи его на молокозаводы области вместо молока. Сдача

государству молока, особенно поздней осенью, зимой и ранней весной была проблемой. Прокурора Алексеева обвинили в создании помех выполнению государственного плана и отправили на пенсию, несмотря на хорошее здоровье и далеко не преклонный возраст (56 лет).

В то же время режим нуждался в преданных исполнителях, которым можно было поручить трудоемкий участок работы. Евреи, не претендовавшие на скорое продвижение по служебной лестнице, как нельзя лучше подходили на эту роль. В 1948 г. Самуила Грозовского, работавшего прокурором Гресского района, назначили помощником прокурора г. Бобруйска по гражданским судебным делам. Прокурор области характеризовал его с положительной стороны, отмечал его добро-совестность и скромность²⁵. В 1953 г. прокурор БССР А. Бондарь защитил от нападок начальника уголовно-следственного отдела прокуратуры Бобруйской области Геллера. Обком партии требовал понижения его в должности и перевода помощником прокурора Осиповичского района. Бондарь поддержал заведующий административным отделом ЦК КП(б)Б А. Рудак, согласившийся, что для претензий Бобруйского ОК КП(б)Б нет достаточных оснований²⁶. Решению Рудака помогла характеристика Геллера, представленная Бондарем, где он высоко отзывался о профессиональных качествах своего подчиненного. Анализ служебных характеристик тех лет представляет специфический источник информации. С одной стороны, применялся формальный штамп, которым пользовались при составлении представлений на подчиненных, с другой – следовало представить факты в таком виде, чтобы в случае негативных последствий (служебных взысканий, понижения в должности, увольнения, ареста) можно было оправдаться и отвести удар. Положительная характеристика евреев, занимавших даже незначительные административные, хозяйственные, не говоря уже о партийных и советских должностях, требовала удвоенной осторожности и предусмотрительности.

Положение в прокуратуре в начале 1950-х гг.

К лету 1953 г. в системе Прокуратуры БССР всего работали 1406 чел., из которых евреи составляли 211 чел. (15,9%). Учитывая, что общее число евреев по отношению к местному населению составляло менее

²⁵ НАРБ, ф. 4, оп. 53, д. 11, л. 169.

²⁶ Там же, д. 37, л. 32.

1%, их участие в работе прокуратуры было заметным. По отдельным областям соотношение евреев и неевреев, занятых на разных должностях в составе прокуратуры республики к лету 1953 г., выглядело следующим образом:

Таблица 5

**Количество евреев в составе Прокуратуры БССР
по областям и в столице на 1 июня 1953 г.**

Область	Всего	Евреи	
		кол-во	%
Бобруйская	103	14	13,6
Барановичская	116	13	11,2
Брестская	106	8	7,5
Витебская	136	22	16,2
Гомельская	130	26	20,0
Гродненская	118	15	12,7
Минская	114	24	21,1
г. Минск	60	8	13,3
Могилевская	126	20	15,9
Молодечненская	91	10	11,0
Пинская	88	13	14,8
Полоцкая	104	14	13,5
Полесская	86	16	18,6
<i>Итого</i> в БССР	1 378	203	14,7

Составлено по: НАРБ, ф. 4, оп. 53, д. 38, лл. 141-153.

Наибольшее число евреев работало в прокуратурах Минской (21,1%), Гомельской (20,0%), Полесской (18,6%), Витебской (16,2%) и Могилевской (15,9%) областей, что имело свое объяснение. Минск как столица республики традиционно требовал много юристов. В их услугах

нуждались различные управленческие структуры, министерства, ведомства, партийные комитеты и хозяйственные организации. До войны крупные города, областные и районные центры Белоруссии имели значительное еврейское население. На 1 января 1939 г. в Минской области проживало 104 тыс. 704 еврея, или 27,11% от всего населения республики, в Гомельской – соответственно 62 тыс. 146 евреев (24,53%), Полесской – 24 тыс. 141 (32,08%), Витебской – 68 тыс. 950 (20,05%), Могилевской – 69 тыс. 454 (21,95%)²⁸. За исключением Минска, часть еврейского населения восточной части БССР успела эвакуироваться и вернулась после освобождения республики, а их дети поступили в учебные заведения. В западной части республики евреев почти не осталось. Кадры прокурорских работников направлялись туда из Минска, восточных областей, регионов РСФСР, поэтому Брестской (7,5%), Барановичской (11,2%), Гродненской (12,7%) и Молодечненской (11,0%) областях евреев-юристов, включая сотрудников прокуратуры, было меньше. Исключение составляла Полесская область с центром в Мозыре, которая находилась между восточными и западными районами БССР. Первые послевоенные годы ее дополнительно укрепляли кадрами правоохранительных органов, чтобы противостоять террористической деятельности украинского национального подполья, совершавшего рейды из соседних Ровенской и Волынской областей УССР²⁹.

В профессиональном отношении в начале 1950-х гг. евреи были широко представлены во всех сферах деятельности прокуратуры. Чаще всего они занимали должности следователей (24,6%), помощников районных прокуроров (20,8%), в аппарате областных прокуратур (18,7%), очень мало – районных прокуроров (2,5%), так это была номенклатурная должность. Партийные комитеты города и области, от которых требовалось согласие на утверждение предложенной кандидатуры, воздерживались от этого шага, имея строгие инструкции ЦК КПБ и ЦК КПСС. Значительное присутствие следователей-евреев (24,6%)

²⁸ *Distribution of the Jewish Population of the USSR, 1939* / By Mordechai Altshuler (ed.), pp. 38-40; M. Altshuler. *Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust: A Social and Demographic Profile*. Jerusalem, 1998.

²⁹ Ю. Стасевіч. «Беларуская партызанка, 1944–1952 гг.» // *Беларускі Голас* (Таронта), 1975 г. красавік, № 232; Юрка Віцбіч. *Антыбальшавіцкія паўстанні і партызанская барацьба на Беларусі*. Нью-Йорк, 1996 г.; *Антысавецкія рухі ў Беларусі, 1944–1956 гг.* Мінск, 1999 г.

объясняется рядом причин, но прежде всего тем, что эта работа отличалась большой трудоемкостью и ответственностью. После окончания юридических учебных заведений на эту должность направлялись выпускники, имевшие лучшие знания и большой жизненный опыт. Как правило, те, кто прошел фронт и воевал в партизанских отрядах, способные принимать самостоятельные решения. Отличившихся сотрудников могли выдвинуть на должность помощника или заместителя районного прокурора. Однако это была уже «красная линия» – дальше евреев не выдвигали.

Евреи занимали должности, начиная от оперативных сотрудников и следователей прокуратуры, помощников районных, городских и областных прокуроров, до сотрудников областного аппарата, заместителей и районных прокуроров; см. следующую таблицу:

Таблица 6

**Национальный и профессиональный состав
работников Прокуратуры БССР на 1 июня 1953 г.**

Должность	Всего	Белорусы	Русские	Евреи	
				кол-во	%
Оперативные сотрудники	653	383	171	99	15,1
Сотрудники обл. прокуратуры	198	99	62	37	18,7
Прокуроры (обл., городов, р-нов)	204	147	52	5	2,5
Помощники районных прокуроров	72	36	21	15	20,8
Следователи прокуратуры	224	126	43	55	24,6
<i>Итого</i> по БССР	1 351	791	349	211	15,6

Составлено по: НАРБ, ф. 4, оп. 53, д. 38, лл. 141-153.

Перспектив служебного роста у евреев не было. Немногим удавалось возглавить отделы городской или областной прокуратуры, некоторым поручали заведовать отделами общего надзора или оперативного учета

городской или областной прокуратуры. Исключительными считались случаи, когда еврея ставили во главе отдела по надзору за местами заключения и отдела по надзору за следствием в МВД и ГБ. Некоторое количество евреев было занято в аппарате областной прокуратуры в качестве сотрудников бухгалтерии, статистики, хозяйственных работников. Пределом считалась должность заместителя прокурора района. В 1949–1956 гг. ни один еврей не был прокурором города или области в республике. Поэтому большинство молодых специалистов, выехавших по месту распределения, стремились отработать положенные три года и поменять специальность, переехать в Минск или в родные места.

Частичная либерализация прокуратуры

Смерть Сталина в марте 1953 г. привела к общим изменениям внутривластной ситуации в стране, которые требовали перестроить работу прокуратуры и правоохранительных органов. Последовали меры по укреплению законности и правопорядка. В сентябре 1953 г. упразднили Особое совещание при Министерстве внутренних дел СССР, которое практически без суда и следствия выносило такие меры наказания, как высылка, арест и применение «высшей меры социальной защиты» – расстрел. Ликвидировали воинские прокуратуры и трибуналы войск министерства государственной безопасности, возобновился порядок, по которому лишить свободы граждан можно было только по решению суда³¹.

В середине 1950-х гг. деятельность органов Прокуратуры БССР была сосредоточена на укреплении законности и усилении борьбы с преступностью. В порядке общего надзора осуществлено 14 тыс. 743 проверки и на выявленные нарушения принесено более 10 тыс. протестов. Количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности, сократилось на 16% (22 тыс. 733 чел. – в 1953 г. и 19 тыс. 77 чел. – в 1954 г.). Резко уменьшилось число обвинений в хищении социалистической собственности. Если в 1953 г. по этой статье привлекалось 6 434 чел., то в 1954 г. – 4 600 чел., что на 28,6% меньше. В результате на 11% снизилось количество жалоб от граждан на действия прокуратуры³².

³¹ *Нарысы гісторыі Беларусі*, ч. 2, с. 346.

³² НАРБ, ф. 4, оп. 53, д. 50, л. 5.

Приметой времени стал отказ от обвинительного уклона. Больше внимания стали уделять правам обвиняемого и презумпции невиновности. В 1953 г. отменили приговоры народных судов в отношении 13,6% осужденных, улучшилось качество рассмотрения уголовных дел народными судами Брестской, Гомельской, Могилевской, Молодечненской областей. В 1953 г. пересмотрено 32,3% всех принятых судебных решений. На 1 июня 1955 г. областными комиссиями по реабилитации рассмотрено 13 тыс. 631 дело, по которым были осуждены 23 тыс. 367 чел.³³ Данные о реабилитации после смены политического руководства в стране представлены в следующей таблице:

Таблица 7

**Реабилитация осужденных за «контрреволюционные»
преступления в Белоруссии в 1953–1955 гг.**

Принятое решение	Всего	
	дел	чел.
Полностью реабилитированы	176	312
Изменен состав преступления по статьям	223	367
Сокращен срок наказания	4 719	7 901
Применен Указ об амнистии от 27 марта 1953 г.	1 580	2 250
Заменена ссылка на поселение	87	137
Отказано в пересмотре решения	6 808	13 130
Возвращено на доследование	38	80

Составлено по: НАРБ, ф. 4, оп. 53, д. 50, л. 95.

Вместе с тем реабилитация жертв политических репрессий и массовое досрочное освобождение незаконно осужденных из мест заключений стали возможны только после XX съезда КПСС в 1956 г. В

³³ Из доклада министра юстиции БССР Ивана Ветрова о работе судов и органов юстиции в республике за 1953 г. См. НАРБ, ф. 4, оп. 53, д. 50, л. 27.

состав реабилитационных комиссий часто входили работники юридической системы и правоохранительных органов, партийные и советские деятели, многие из которых сами были оправданы и вышли из заключения в недавнем прошлом. В итоге до 1962 г. в Белоруссии было реабилитировано 29 тыс. 12 чел. Однако в дальнейшем этот процесс замедлился в связи с переменной оценки сталинизма после прихода к руководству страной Л.И. Брежнева³⁵.

Таким образом, в течение первого послевоенного десятилетия, охватившего период после освобождения Беларуси в июле 1944 г. до XX съезда КПСС в феврале 1956 г., сотрудники прокуратуры – евреи прошли несколько этапов. Сначала, при формировании органов прокуратуры республики, они были востребованы как квалифицированные специалисты, способные организовать и возглавить работу на местах, решать насущные вопросы и передавать свой практический опыт. Еврейские юноши и девушки, многие из которых воевали в рядах Красной армии и в партизанских отрядах, пошли учиться в юридические учебные заведения, составив от 30 до 40% всех студентов. Воспитанные на стереотипах сталинской модели социализма, они мало чем отличались от сверстников-неевреев. Юристы-евреи вынуждены были так же принимать существующее положение и адаптироваться к нему. Большинство из них не знали идиша или не пользовались этим языком, не соблюдали еврейские традиции. Работая в органах прокуратуры, евреи, с одной стороны, были составной частью карательной системы и обязались отстаивать ее интересы, а с другой – сами страдали от политики государственного антисемитизма. В любом случае они не заслужили доверия режима. Евреям поручали второстепенные и наиболее трудоемкие участки работы, ограничивали в продвижении по службе.

Начало холодной войны в 1946 г. и последовавшая за ней международная изоляция СССР привели к росту государственного антисемитизма. Резко ограничили прием евреев на юридические специальности, чинили препятствия профессиональному росту, предпринимали необоснованные понижения в должности и увольнения.

³⁵ Н.С. Хрущев. «О культе личности»: Доклад на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 г. // *Известия ЦК КПСС*, № 3, 1989 г., с. 152; *Очерки истории милиции Белорусской ССР, 1917–1987 гг.* Минск, 1987 г., с. 258, 260; В.Н. Земсков. «ГУЛАГ. Историко-социологический аспект» // *Социологические исследования*, № 6, 1991 г., с. 26, № 7, 1991 г., с. 8.

От победы над Германией
до смерти великого кормчего (1945-1953 гг.).

После смерти Сталина в марте 1953 г. общая либерализация в стране не коснулась национального строительства. Облик еврея из прокуратуры, выступавшего от имени государства, противоречил стереотипу, созданному официальной политикой и средствами массовой информации. В последующие годы это приводило к дальнейшему вымыванию евреев из прокуратуры, вынуждало их менять специализацию или вообще оставлять профессию юриста.

Опубликовано:

Leonid Smilovitsky. "Jews in Belorussian Public Prosecutors's Offices, 1944-1956" // *East European Jewish Affairs*, Vol. 33, No 2, Winter 2003, pp. 97-112.

В органах милиции

После освобождения Белоруссии встала задача возобновления системы органов государственной власти, мобилизации ресурсов для завершения войны, создания условий перехода к мирному строительству, восстановления экономики и культурной жизни. Проведение мероприятий, направленных на это, встретило сопротивление части местного населения, сотрудничавшей с нацистами в годы оккупации. Для формирования правоохранительной системы следовало привлечь людей, которые могли бы справиться с осуществлением этих задач. Евреи, в прошлом партийные и советские работники, юристы с довоенным стажем, участники партизанского движения, демобилизованные воины, хорошо подходили на эту роль. Их нельзя было заподозрить в коллаборационизме, поскольку, пережив трагедию нацистского геноцида, пройдя испытание фронтом, они были преданы советскому государству и с готовностью откликнулись на его призыв¹.

Национальный состав милиции

Министерство внутренних дел БССР приступило к работе на частично освобожденной территории республики (Гомельская, Могилевская, Витебская и Полесская области) уже в конце 1943 г. От общего числа сотрудников, работавших в нем до войны, осталось всего 30%. Основными источниками пополнения штата органов внутренних дел стали бывшие партизаны, местные жители и сотрудники из других

¹ *Трагедия евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг.*: Сб. материалов и документов / Под ред. Раисы Черноглазовой. Изд. 2-е, доп. Минск, 1997 г., с. 17-29; Л. Смиловицкий. *Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг.*, с. 13-20.

областей СССР, прибывшие в Беларусь. Особое внимание обращалось на комплектование отделов МВД западных районов республики. К январю 1945 г. штаты милиции были заполнены на 83%, а к сентябрю 1948 г. – на 92%⁶.

Евреев в милиции традиционно было немного. Основные доступные им должности относились к рядовому и сержантскому составу. В некоторых случаях главным мотивом службы в милиции стало желание выместить обиды, накопленные за годы оккупации. Их семьи погибли в Холокосте, родные местечки разрушены или полностью утратили еврейское население. Борис Фридман, пришедший в милицию из 3-го отряда бригады им. ЦК КП(б)Б, устроил самосуд над семьей полицая, надругавшегося над его сестрой Хасей-Сарой, которая после этого покончила с собой. Летом 1945 г. на станции Зябки Глубокского района Борис убил виновного и всех членов его семьи⁷.

Арона Шера в июле 1944 г. в составе группы партизан «строем направили» в распоряжение городской милиции Пинска. Там ему, как наиболее грамотному и бывшему советскому офицеру, поручили организовать работу областного государственного архива, находившегося в ведении Управления МВД Пинской области⁸. Партизана Давида Эпштейна из Ляховичей командировали на борьбу с «бандформированиями» (нацистскими пособниками) в Давид-Городокский район, а оттуда – на учебу в среднюю школу НКВД в Минск. В школе Эпштейну предстояло сделать выбор: милиция или госбезопасность? Давида зачислили на милицейский курс. В 1946 г. ему присвоили звание лейтенанта и назначили оперативным уполномоченным Слуцкого районного отдела внутренних дел⁹.

Использование евреев – партизан и фронтовиков – при формировании отделов внутренних дел Белоруссии в 1944–1945 гг. было

⁶ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 38, л. 86; В.Ф. Панібудьласка. *Братское сотрудничество Белорусской ССР с союзными республиками*. Минск, 1974 г.

⁷ Б. Фридман был отстранен от работы в милиции, арестован и осужден, однако через год вышел на свободу; репатриировался в Израиль в 1957 г. См. Письмо Моше Цимкинда из Реховота от 10 мая 2001 г. // Архив автора.

⁸ Письмо Арона Шера из Ашдода от 17 мая 2001 г. // Там же.

⁹ Письмо Давида Эпштейна из Нетании от 8 апр. 2001 г. // Там же.

типичным. Участковыми инспекторами и оперативными уполномоченными работали бывшие партизаны Гирш (Цви) Шефет – в Пинске, Хаим-Рувим (Миша) Выменец – в Гольшанах Ошмянского района, Игнас Фельдон, Меир-Иосиф Ицкович, Абрам Лавит и Эстер Микулицкая – в Лиде, Пинхус (Пиня) Ожинский – в Полоцке, Григорий и Михаил Склюты, Фискович – в Воложине, Дов Коган – в Новогрудке; Абрам Шмуйлович, Михаил Меламед и Михаил Бакшт – в Ивье, Борис Фридман и Зиновий Мильхман – в Глубокском районе. Из отряда им. Щорса бригады им. Куйбышева в милицию поступили: Яков Пастернак (оперуполномоченным в Ганцевичах), Арон Каливач (Телеханы), Арон Южук, Лейзер-Мейше Кауфман и Шмуэль Кожушник (Пинск). Из отряда № 4 бригады им. ЦК КП(б)Б: Моисей Цимкинд, Михаил Итман и Абрам (Бомка) Генихович (Глубокое), Захар Зимак (Погост-Загородский) и др. Из Советской армии в милицию пришли: Хаим (Ефим) Рахлин (Житковичи), Залман Фрадкин и Шимон Гинзбург (Минск), Яков Юдович (Мозырь и Калинковичи), Яков Цеслер (Слуцк), Хаим Нисневич (Борисов), Исаак Кац (Слоним), Хаим Менделевич (Червень), Яков Маркман (Пинск) и др.¹⁰

На органы МВД в послевоенные годы помимо чисто милицейских функций были возложены несвойственные им задачи. Они не только отвечали за охрану общественного порядка, безопасность на транспорте и занимались оперативно-розыскной деятельностью. Милицию привлекали для фильтрации репатриантов, борьбы с «незаконным использованием» земли, экономическим саботажем, неуплатой налогов, контроля над жизнью верующих, для борьбы с инакомыслящими (критиками колхозного строя, советской внутренней и внешней политики и пр.). Непопулярными среди евреев оставались должности участковых милиционеров и уполномоченных, которые по роду своей деятельности должны были тесно взаимодействовать с местным населением, подверженным антисемитским настроениям. Во второй половине 1940-х гг. национальный состав белорусской милиции выглядел следующим образом:

¹⁰ Архив автора.

Таблица 8

**Национальный состав сотрудников МВД БССР
на 1 января 1947 и 1948 г., %**

Национальность	1947 г.	1948 г.
Белорусы	59,4	59,0
Русские	29,2	29,4
Украинцы	5,6	5,3
Евреи	4,4	4,3
Другие	1,4	2,0

Составлено по: НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 38, лл. 16-17; оп. 29, д. 539, л. 81.

Данные табл. 8 свидетельствуют, что к 1948 г. белорусы и русские составляли 88,4%, а вместе с украинцами – 93,7% сотрудников милиции в Белоруссии, тогда как евреи и представители других национальных меньшинств – только 6,3%. Евреям было труднее продвинуться по службе. Они редко получали назначение выше начальника районного отделения внутренних дел (РОВД) и начальника паспортного стола. Евреи, как правило, не любили спиртное и, как следствие, оказывались менее сговорчивыми в нарушении служебного долга. Милиция оставалась более привлекательной для местных жителей, которые могли негласно использовать службу в личных интересах.

Роль евреев в работе милиции

На профессиональной деятельности милиционеров сказывался их низкий образовательный уровень. Сотрудники с высшим образованием, окончившие специальные учебные заведения или курсы, не говоря уже об академии, были редкостью. Низкая зарплата, отсутствие жилья, бытовая неустроенность, ненормированный рабочий день, постоянные отвлечения на выполнение задач, не связанных с работой милиции, мешали сохранять кадры, повышать интеллектуальный уровень сотрудников. Данные об уровне образования, специальной подготовки, стажа

работы и партийности милиции в республике во второй половине 1940-х годов представлены в следующей таблице:

Таблица 9

**Уровень образования и специальной подготовки
сотрудников МВД БССР на 1 января 1948 г., %**

Уровень образования	Показатель	Уровень специальной подготовки	Показатель
Высшее и н/высшее	2,1	Средние школы МВД	3,6
Среднее	11,3	Школы начальствующего состава, институты, техникумы	2,0
Н/среднее	37,4	Военные институты, академии, школы и училища	3,5
Начальное	49,2	Без специальной подготовки	90,9

Составлено по: НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 539, лл. 79, 83-84, 86.

Таблица 10

**Состав сотрудников МВД БССР по стажу работы
и партийности на 1 января 1948 г., %**

Стаж работы	Показатель	Партийность	Показатель
До 1 года	20,0	Член КПСС	24,5
От 1 до 3 лет	30,7	Кандидат в члены КПСС	7,7
От 3 до 5 лет	30,3	Член ВЛКСМ	18,1
От 5 лет и более	18,0	Беспартийный	49,7

Составлено по: НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 539, лл. 79, 83-84, 86.

Приведенные данные (см. табл. 9) свидетельствуют, что во второй половине 1940-х гг. 49,2% личного состава МВД имели только начальное образование, среднее и незаконченное среднее – 48,7%, а высшее и незаконченное высшее – всего 2,1%. Низкий уровень образования негативно сказывался как на решении оперативных задач, охране общественного порядка, борьбе с преступностью, проведении профилактической работы с населением, так и на репутации местных властей в целом. В известной степени недостаток образования должна была компенсировать идеологическая работа. Членство в партии поощрялось: коммунисты составляли почти третью часть личного состава милиции – 32,2%, а комсомольцы – 18,1% (см. табл. 10). Дополнительно к этому в 1948 г. ЦК КП(б)Б направил на работу в МВД 150 коммунистов¹³.

Для повышения общего уровня и профессиональных знаний милиционеров Белоруссии была разработана целая система мероприятий. В вечерних школах для взрослых министерства просвещения получали среднее образование около 900 сотрудников милиции. В Минске открыли двухгодичную юридическую школу и девятимесячные юридические курсы, а для подготовки руководящих и оперативных кадров – офицерскую школу МВД, в Бобруйске – школу начальствующего состава. Сотрудников направляли на курсы повышения квалификации, в учебные заведения с отрывом и без отрыва от службы. В 1948 г. на заочных отделениях Минского юридического института обучалось 18 милиционеров, в педагогических институтах и училищах – 49. В систему заочного обучения школ милиции было вовлечено 286 чел., на учебу в офицерские школы МВД СССР направлено 86 чел.¹⁴

Ведущая роль в работе по обучению сотрудников МВД принадлежала педагогам-евреям. Для чтения лекций и проведения практических занятий привлекались лучшие преподаватели, доценты и профессора. Уголовное право читали профессор Трахтенберг и доцент Гарелик, гражданское право – доценты Гавзе и Кульберг, историю государства и права – Бабицкий и Рудницкий, уголовный процесс и судопроизводство – Фарфель, гражданский процесс – Борисов, логику – Левин, статистику – Добкин, всеобщую историю – профессор Лифшиц

¹³ НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 539, л. 85.

¹⁴ Там же, л. 86.

и Гурвич, основы марксизма-ленинизма – Ханина, доценты Якуб и Марголин, политическую экономию – доцент Баран и др.¹⁵

Милиция Белоруссии страдала от текучести кадров. В 1946 г. из ее рядов было уволено 47% сотрудников, в 1948 г. в систему МВД было принято 4 724 чел., а уволено 3 817 чел.¹⁶ После освобождения республики в органы нередко попадали люди случайные, неспособные справляться с поставленными задачами, а иногда и морально неустойчивые, скомпрометировавшие себя. Работа в милиции давала ощущение власти и вседозволенности, что в условиях общей подозрительности и шпиономании приводило к грубым нарушениям законности. В августе 1948 г. оперуполномоченный РОВД Россонского района Витебской области Юшкевич задержал душевнобольную гражданку Абрамзон и добивался от нее признания в шпионской деятельности. Он ударил Абрамзон рукояткой нагана, и ее в тяжелом состоянии поместили в больницу. За это Юшкевич получил всего десять суток административного ареста. В период с 1944 по 1949 г. за нарушения закона и уголовные преступления было арестовано и предано суду военного трибунала 1 660 милиционеров¹⁷.

В то же время еще одна причина обусловила значительную смену сотрудников белорусской милиции. Многие евреи, пережившие гетто и воевавшие в партизанских отрядах, разочаровались в политике советской власти после освобождения. Их надежда на возрождение национальной жизни и еврейского местечка оказалась иллюзией, и это повлияло на решение многих евреев покинуть СССР под видом бывших польских граждан. В то время этот путь оставался единственным легальным каналом для того, чтобы оказаться за пределами страны. Из Белоруссии в Палестину уехали работавшие в милиции Лейзер-Мейше Кауфман, Шмуэль Кожушник, Ицхак Южук, Арон Каливач, Меир Ицкович, Игнас Фельдон, Эстер Микулицкая, Абрам Генихович, Дов Коган, Григорий и Михаил Склюты, Моисей Цимкинд, Борис Фридман и др.¹⁸

¹⁵ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 72, лл. 378-384.

¹⁶ *История милиции Беларуси (1917–1994 гг.)* / А.Ф. Вишневский и др., с. 103.

¹⁷ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 38, лл. 20, 140.

¹⁸ Н. Бугай. «1920–1950-е годы: переселения и депортации еврейского населения в СССР» // *Отечественная история*, № 4, 1993 г., с. 175-185; M.Sicron. *Immigration to Israel, 1948–1953* / Falk Institute and Central Bureau of Statistics in Jerusalem, Special Series, No 60.

Некоторые из них, для того чтобы попасть в Палестину, пережили настоящую «одиссею». Цви Шефет, бывший участковый милиционер из Пинска, в 1945 г. отправился сначала в Польшу, оттуда – в Германию, затем перебрался в Италию и Францию, и только потом ему удалось достичь *ишува* (Эрец-Исраэль). Абрам Лавит, воевавший в отряде «Искра» бригады им. Кирова, стал бойцом отряда милиции по борьбе с бандитизмом в Лидском районе. В 1945 г. Абрама направили в служебную командировку в Польшу и Германию, откуда он решил не возвращаться в Советский Союз. Лавит снял форму и перешел в западную зону оккупации Берлина, поселился среди евреев в фильтрационном лагере Шлахтензее. Американцы, проводившие проверку, рекомендовали ему сменить имя и фамилию. Абрам взял девичью фамилию матери Арлюк и вымышленное имя Арнольд¹⁹.

Другая часть евреев решила посвятить себя охране общественного порядка в БССР и медленно продвигалась по служебной лестнице. Ефим Рахлин, начав карьеру оперативным уполномоченным, стал заместителем начальника уголовного розыска Житковичского района. Арона Вайсмана назначили заместителем начальника РОВД Речицы, а Фискович занимал аналогичную должность в Воложине. Капитан Абрам Столпер стал начальником РОВД Полоцкого района, капитан Гинзбург – командиром отряда конной милиции в Минске. Майор Яков Маркман возглавил детский приемник-распределитель в Пинске, Залман Фрадкин – отдел железнодорожной милиции Минска. Начальниками паспортных столов городских и районных отделов внутренних дел работали Исаак Кац (Слоним), Игнас Фельдон (Лида), Крупецкий (Пинск) и др. Давиду Эпштейну, заместителю начальника уголовного розыска в Слуцке, предлагали перейти в Бобруйское областное управление МВД и т. д.²⁰

До марта 1947 г. Министерство внутренних дел БССР занималось не только охраной общественного порядка, но и борьбой с политичес-

¹⁹ Лавит–Арлюк проживает в Мюнхене с 1945 г., имел строительный бизнес, сейчас на пенсии; член руководства ряда еврейских организаций борцов с нацизмом в Германии и Израиле, его автомат ПППШ демонстрируется в экспозиции музея «Бейт лохамей ха-гетаот» (Дом-мемориал борцов гетто расположен на севере Израиля). См. Запись беседы с А. Лавитом–Арлюком в Иерусалиме 10 июня 2000 г. // Архив автора.

²⁰ Архив автора.

ким бандитизмом. На уровне уголовной преступности сказались последствия войны и оккупации. В республике скрывалось много дезертиров и уклонявшихся от призыва в Советскую армию, репатриантов, не ослабевал наплыв лиц без определенных занятий из других районов страны. Положение обострялось действиями групп польских и украинских националистов, совершавших кражи, грабежи и убийства.

В республике в 1944–1947 гг. было совершено 39 диверсий и 252 нападения на государственные учреждения и предприятия, 575 террористических актов и 735 других «бандпроявлений»²¹. Аппарат МВД в западных областях усилили за счет оперативного состава восточных районов и прикомандирования оперативных работников из других республик страны. Из партийного и советского актива были организованы истребительные батальоны и бригады содействия милиции. В Лиде Гродненской области создали штаб по борьбе с бандитизмом. В результате проведенных мероприятий в республике было ликвидировано 92 подпольные организации, которые включали в себя 1 170 чел. Кроме того, было арестовано 12 тыс. 458 бывших полицейев, нацистских пособников и им сочувствующих, а также 26 тыс. 306 дезертиров из Советской армии и 91 тыс. 345 чел., уклонявшихся от призыва.

Борьба с уголовным миром и националистическим подпольем стоила больших жертв. В январе 1945 г. в г. Глубокое Витебской области при задержании преступника погиб секретарь районного отделения НКВД Зиновий Мильхман, в Пинском районе – милиционер Арон Южук²³. В 1946 г., возвращаясь с задания, попал в засаду и погиб следователь НКВД Гомельской железной дороги Гирш Каганович. В сентябре 1948 г. бандиты расстреляли финансового агента Городищенского района Барановичской области Александра Абрамовича²⁴.

Общую картину деятельности милиции по борьбе с организованной преступностью дает следующая таблица:

²¹ НАРБ, ф. 4 оп. 62, д. 38, л. 7; «Аб пасляваенным партызанцы» // *Беларускі Голас* (Таронта), 1963, кастрычнік, № 110; *Война в тылу врага. О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны*. Москва, 1974 г., вып. 1; В. Гуленко. «Бандеровцы воевали в Беларуси 11 лет» // *Свободные новости*, 1992, март, № 5 (28), 1992 г.

²³ НАРБ, ф. 4, оп. 51, д. 29, л. 18.

²⁴ Там же, л. 215.

Таблица 11

**Ликвидация организованных преступных групп
в БССР в 1944–1947 гг.**

Организованные преступные группы	Всего		Ликвидированы	Арестованы	Явились с повинной
	групп	чел.			
Антисоветские подпольные организации и группы	92	1 170	132	1 038	–
Уголовные группы, связанные с националист. организациями	670	8 502	2 008	5 491	1 003
Уголовные группы	196	769	64	652	53
Бандиты-одиночки	–	7 270	4 911	2 093	266

Составлено по: НАРБ, ф. 4 оп. 62, д. 38, л. 4-8.

Милиционеры-евреи получили ранения при исполнении служебного долга в Скидельском, Лидском, Вороновском, Ошмянском районах Гродненской области, Ивановском, Лунинецком, Малоритском, Сморгонском районах Брестской области, Друйском, Браславском, Россонском, Поставском районах Витебской области, Логойском, Молодечненском, Столбцовском и Клецком районах Минской области. Общее количество потерь белорусской милиции, военнослужащих и активистов за первые послевоенные пять лет приведено в следующей таблице:

Таблица 12

**Потери сотрудников МВД БССР,
Советской армии и партиактива в 1944–1949 гг.**

Кадровый состав	Общие потери	Убиты	Ранены	Пропали без вести
Сотрудники МВД и милиционеры	128	96	27	5
Офицеры войск МВД и СА	46	25	9	12
Сержанты и рядовые МВД и СА	105	82	22	1
Советские и партийные активисты	358	290	36	32
Другие граждане	615	538	72	5
<i>Всего</i>	1 252	1 031	166	55

Составлено по: НАРБ, ф. 4 оп. 62, д. 38, л. 4-8.

После передачи функций борьбы с политическим бандитизмом в западных областях органам министерства госбезопасности, МВД БССР осуществляло борьбу с бандитизмом только в восточных областях, а с уголовной преступностью – во всех регионах республики. С марта 1947 г. по январь 1949 г. в восточных областях удалось ликвидировать 72 организованные преступные группы (322 чел.), арестовать 224 пособника и укрывателя уголовных элементов²⁵. Несмотря на это, террористические акты продолжались и в начале 1950-х гг. Только в одном Желудокском районе Гродненской области в октябре 1950 г. совершено 17 нападений, в Брестской области – 3 убийства, Молодечненской – 4, Полоцкой – 8. В Дуниловичском районе убили уполномоченного Асаевича, в Видзовском районе – комсомольца Устина и его отца, в Поставском районе еще двух человек, в Кобринском районе смертельно ранили агитатора Клещева и уполномоченного по проведению заготовок Семенюка, в которого стреляли из автомата через окно, когда он беседовал с крестьянами²⁶.

²⁵ НАРБ, ф. 4 оп. 62, д. 38, лл. 4-8.

²⁶ Там же, оп. 88, д. 583, л. 137.

Работа милиции была сопряжена со многими трудностями. К евреям, сотрудникам правоохранительных органов, относились как представителям власти, стремившейся навязать новый жизненный уклад²⁷. В Браславском районе Витебской области Сигизмунд Угоренко в декабре 1945 г. заявлял: «Какие мы равноправные граждане? Сделайте что-нибудь против, и вас тут же НКВД посадит», а Андрей Матышенок из Миорского района диктовал детям переложение гимна СССР в антисемитском духе²⁸:

Союз нерушимый республик голодных.
Власти жидовской разрушим оплот.

Одновременно в милиционерах-евреях видели людей с полномочиями, которые могли заступиться за «своих». В ряде случаев они действительно помогали вселиться в свои дома евреям, вернувшимся из эвакуации, устроиться на работу, пресекали произвол при выделении продуктовых карточек, нормированных товаров и т. д. На этой почве у них даже возникали конфликты с руководителями по службе. В 1946 г. майор Залман Фрадкин, начальник отдела железнодорожной милиции в Минске, получил нарекания со стороны заместителя министра МВД республики Красненко. На одном из совещаний он назвал Залмана «жидом», который помогает возвращать евреям имущество после войны. Фрадкин подал рапорт и заявил, что не желает работать под началом антисемита. Последовал приказ о переводе из Минска в Полоцк, и после отказа подчиниться Залмана арестовали. На суде все были уверены в оправдательном приговоре. Это следовало из выступлений свидетелей, адвоката и позиции прокурора. Несмотря на это, суд приговорил «виновного» к году лишения свободы. Супруга Фрадкина Фаина Левина подала жалобу на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина и добилась у него приема. Через несколько месяцев Фрадкина освободили, но уволили из системы МВД²⁹.

²⁷ Е.Ю. Зубкова. «Сталин и общественное мнение в СССР, 1945–1953 гг.» // *Сталин и холодная война*. Москва, 1998 г., с.274-290.

²⁸ РГАСПИ, ф.17, оп. 88, лл. 80-84.

²⁹ Залман Фрадкин (1902–1972) – уроженец м. Стрешин, после увольнения из органов милиции работал в отделе торговли Минского городского исполкома. См. Запись беседы с Майей Фрадкиной в Иерусалиме 14 марта 2000 г. // Архив автора.

Милиционеры-евреи использовали служебное положение для противостояния антисемитизму на бытовом уровне. Давид Эпштейн вспоминает, что в 1948 г. во время его дежурства поступила жалоба о том, что около магазина в центре Слуцка нетрезвый хулиган кричал: «Бей жидов – спасай Россию!» Эпштейн задержал нарушителя и привел его в отделение милиции. Им оказался заведующий льносеменной станции Слуцкого района Н., член ВКП(б). Дело было передано в суд, который приговорил хулигана к пяти годам лишения свободы³⁰. Старший лейтенант Яков Маркман на станции Лунинец отвел хулигана-антисемита в глухой тупик и нокаутировал его³¹.

В ночь с 12 на 13 января 1948 г. по приказу Сталина министр государственной безопасности БССР Лаврентий Цанава организовал в Минске тайное убийство председателя Еврейского антифашистского комитета, народного артиста СССР, главного режиссера Московского еврейского театра Соломона Михоэлса. Официальной версией трагедии было объявлено дорожно-транспортное происшествие. Действительные причины убийства скрыли и Михоэлса похоронили с большими почестями в Москве, но уже осенью 1948 г. его объявили еврейским националистом. Следственная часть МВД БССР получила негласные указания обязательно задавать вопрос об отношении к гибели Михоэлса всем евреям, находившимся под следствием. Аналогичные рекомендации были даны негласным информаторам органов внутренних дел. Ицик Фефер на допросе 31 мая 1949 г. показал, что Айзик Платнер при встрече с ним сказал, что, как и другие евреи в Минске, не верит в случайность трагедии, что Михоэлса убили, чтобы «снять голову у еврейской общественности», и что он пал жертвой антисемитизма, процветающего в СССР³¹. В ноябре 1948 г. был распущен Еврейский антифашистский комитет, а его члены арестованы и отданы под суд. Культуру на языке идиш, единственную разрешенную в СССР форму еврейской национальной жизни, ликвидировали.

Милицию привлекали к выполнению не только надзорных, но и карательных функций по отношению к тем, кто покушался на

³⁰ Письмо Д. Эпштейна из Нетании от 8 апр. 2001 г. // Архив автора.

³¹ Письмо Захара Зимака из Акко от 26 февр. 2001 г. // Там же.

³¹ Из протокола допроса И. Фефера 31 мая 1949 г. // ЦА КГБ РБ, д. 9959, т. 2, лл. 133, 140; *Неправедный суд. Последний Сталинский расстрел*: Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета / Отв. ред. В.П. Наумов. Москва, 1994 г.

государственную, кооперативную или колхозную собственность, к неплательщикам налогов, уклонявшимся от сельскохозяйственных поставок, и т. п. При этом не делалось различия между национальной принадлежностью нарушителей. Вместе с белорусами, русскими, поляками, украинцами страдали и евреи. Народный суд Стародорожского района Минской области в октябре 1951 г. приговорил Наума Александрова к двум годам лишения свободы без поражения в правах за то, что он самовольно накошил сена на колхозном лугу, а при изъятии его оказал сопротивление депутату сельсовета и председателю колхоза³².

В январе 1953 г. в д. Бакуны Пружанского района Брестской области в колхозе «Комсомолец» арестовали Сару Левину, 17 лет, работавшую на очистке семенного ячменя. Бригадир обнаружил у девушки 8 кг зерна, которые она спрятала в обеденный перерыв в бурки³³. Виновную судили по Указу Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении ответственности за хищение государственного и колхозно-кооперативного имущества», по которому эти действия были квалифицированы как систематическое хищение на основании признания Левиной, что она выносила 8 кг не за один, а за несколько раз. Наказание по этой статье составляло от 8 до 20 лет. Учитывая чистосердечное признание, ей дали восемь лет. Областной суд снизил срок наказания до пяти лет, что было неслыханно в практике тех лет. Прокурору Пружанского района в райкоме партии объяснили показательный характер приговора – так как колхозы только создаются, нужно показать неприкосновенность их собственности³⁴. Всего в 1945–1953 гг. в Белоруссии за невыполнение поставок сельхозпродукции привлекли к ответственности 3 185 чел., из которых к лишению свободы от года и до десяти лет приговорили 2 465 чел.³⁵, а за неуплату налогов было осуждено 2 123 чел.³⁶

³² НАРБ, ф. 4, оп. 53, д. 32, л. 102.

³³ Бурки – самодельная обувь, изготовленная из солдатского сукна и автомобильных покрышек, широко использовалась в сельской местности после окончания войны.

³⁴ Запись беседы с Зеликом Фейгиным в Иерусалиме 12 нояб. 1997 г. // Архив автора.

³⁵ НАРБ, ф. 4, оп. 53, д. 38, лл. 248-249.

³⁶ Там же, л. 24; М. Касцюк. «Сталинщина и Беларусь» // *Беларускі гістарычны часопіс*, № 1, 1995 г., с. 9-15, №2, 98-107.

В конце 1940-х гг. министерство внутренних дел было подвергнуто дополнительной национальной чистке. Упор делался на превосходство славянской прослойки, которая и без того доминировала. Евреев увольняли без особых оснований, не принимая во внимание их профессиональный уровень, послужной список и отношение к своим обязанностям. Многие сотрудники, прошедшие партизанские отряды и воевавшие в действующей армии, увольнялись по формальному признаку, чтобы снизить число небелорусов. Немотивированное увольнение ставило в затруднительное положение руководителей на местах, которые не могли ничего изменить. В Слуцке в июле 1950 г. с формулировкой «за невозможностью дальнейшего использования» уволили инспектора городской пожарной охраны Вайнштейна, заместителя начальника уголовного розыска Эпштейна и милиционера Якова Цеслера. Заступничество начальника РОВД Слуцка майора Скачкова ни к чему не привело³⁷. В других случаях формальным поводом для увольнения служил донос сослуживцев, даже если повод был явным вымыслом. Арона Шера в Пинске в 1948 г. уволили после письма начальника архивного отдела Ф.М. Круглова. В нем утверждалось, что Шер якобы передавал материалы представителям польской контрразведки³⁸. Уволенным было трудно найти новое место даже по другой специальности. Часто им отказывали дать характеристику. Майор Скачков в доверительной беседе сообщил своему бывшему подчиненному Эпштейну, что плохую характеристику «не позволяет дать совесть», а за хорошую характеристику накажут. Вскоре уволили и супругу Эпштейна (бухгалтера-ревизора военторга) за то, что ее муж был изгнан из милиции³⁹.

О тенденции «выравнивания» национального вопроса говорят данные привлечения новых кадров, отбора кандидатов на учебу в милицейские школы и курсы повышения квалификации оперативных работников, продвижения по службе. В 1950 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о подборе коммунистов и комсомольцев для работы в органах МВД БССР. Через райкомы партии и комсомола было

³⁷ Письмо Давида Эпштейна из Нетании от 8 апр. 2001 г. // Архив автора.

³⁸ Письмо Арона Шера из Ашкелона от 20 марта 2001 г. // Там же.

³⁹ Д. Эпштейн после долгих поисков места работы смог устроиться рабочим на мелькомбинат № 6 г. Слуцка, где проработал 40 лет вплоть до своего отъезда в Израиль в 1990 г. См. Письмо Давида Эпштейна из Нетании от 8 апр. 2001 г. // Там же.

проведено более 15 тыс. бесед, на врачебно-медицинские комиссии направлено 1 520 коммунистов и 1 925 комсомольцев. Среди них белорусы составили 1 070 чел., русские – 391 чел., украинцы – 107 чел., а также по несколько представителей от татар, чувашей, казахов, башкир, удмуртов, коми, осетин, мордвин и только один еврей⁴⁰. Аналогичная политика проводилась и при подборе кандидатов для министерства обороны. В 1951 г. в училища Военно-воздушных сил СССР было отобрано 22 чел. (19 белорусов, 1 русский и 2 еврея), а в училища Военно-морского флота – 15 чел. (12 белорусов, 2 русских и 1 еврей)⁴¹.

После смерти Сталина власти предприняли попытку укрепить репрессивный аппарат режима⁴². 6 марта 1953 г. МВД и МГБ объединили в одно Министерство внутренних дел СССР, во главе которого стал Л.П. Берия. Новое руководство решило упрочить позиции в союзных республиках за счет выдвижения сотрудников титульной нации. В Минской области из милиции уволили 40% небелорусов. Неоправданная замена коснулась руководящих кадров МВД. В 1953 г. в Витебской области было произведено 69 новых назначений, в Гомельской – 82, в Минской – 96, в Могилевской – 57. В аппаратах ОБХСС перестановки коснулись от трети до половины всех сотрудников. На их место выдвигались люди по принципу личной преданности, карьеристы, которые часто плохо разбирались в оперативно-служебной деятельности. Это приводило к нарушению нормальной работы милиции, неуверенности сотрудников в своей дальнейшей судьбе⁴³.

Замена оперативного и начальствующего состава проводилась без согласования с местными органами власти и должна была вывести МВД из-под контроля правительства. В июне 1953 г. Берия обвинил ЦК КПБ и Совет министров БССР в неправильном подборе и расстановке

⁴⁰ Справка об итогах выполнения постановления ЦК ВКП(б) от 23 октября 1950 г. См. НАРБ, ф.4, оп. 53, д. 25, лл. 127-129.

⁴¹ Из Справки о выполнении постановления ЦК ВКП(б) от 19 апреля 1951 г. о наборе кандидатов в высшие военные училища СССР. См. НАРБ, ф. 4, оп. 53, д. 25, лл. 111-112.

⁴² *Тайны кремлевского двора: хроника кровавых событий: Сб. материалов о репрессиях в Белоруссии, 1920–1950 гг.* / Сост. О.Н. Аврамченко, П.В.Акулов. Минск, 1993 г.; У. Адамушка. *Палітычныя рэпрэсіі 20-50ых гадоў на Беларусі*. Минск, 1994 г.

⁴³ *История милиции Белоруссии, 1917–1994 гг.* / А.Ф. Вишневский и др., с. 119.

кадров для того, чтобы «раскрыть заговор» и сместить руководство республики. Однако в июне 1953 г. в Москве Л.П. Берия отстранили от руководства и предали суду⁴⁴. Арест высших руководителей министерства внутренних дел вызвал смешанные чувства. Люди, умудренные «советским» опытом жизни, высказывали самые разные догадки. Врач из Бреста Д.П. Айнберг говорил, что в «нашей стране» трудно разобраться, кто прав, а кто виноват. Он не исключал возможности, что после Берии будет арестован и министр МВД БССР Круглов. С подобным мнением был согласен милиционер г. Малорита Ефим Струнец: «В органах все что-нибудь не так. То кого-то посадят, то выпустят. Берию тоже, наверное, скоро выпустят»⁴⁵. После разоблачения Берии характер административно-командной системы в СССР в целом не изменился. Однако появились робкие надежды на либерализацию государственного и общественного строя и переход страны на путь демократического развития. Служба безопасности была выделена из системы МВД, а милиция заняла свое место в системе правоохранительных органов.

Таким образом, в 1944–1953 гг. евреи приняли активное участие в восстановлении и деятельности органов Министерства внутренних дел Беларуси. За это время отношение режима к ним менялось. Сразу после освобождения республики евреи были востребованы как лояльные граждане, на которых можно было положиться в налаживании мирной жизни, борьбе с преступностью и розыске пособников нацистов. Евреи, служившие в милиции, в своем большинстве были грамотными и преданными сотрудниками, они воевали на фронте и в партизанских отрядах, имели правительственные награды. Почти все они были уроженцами Белоруссии и оставались пристрастными к событиям в республике в годы оккупации.

Работа в милиции привлекала не всех. В послевоенные годы служба в органах МВД на должностях, доступных евреям, в отличие от судебно-правовой системы, юриспруденции и прокуратуры, не требовала специального образования. Рабочий день милиционеров не был нормирован и плохо оплачивался. Борьба с преступностью, общение с неблагополучными слоями населения требовали постоян-

⁴⁴ *Реабилитация. Политические процессы 1930-1950-х гг.* Москва, 1991 г., с.19-67.

⁴⁵ Из информации об откликах трудящихся Брестской области на постановление Пленума ЦК КПСС «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Л.П. Берия» 7 июля 1953 г. // ГА Брестской области, ф. 1, оп. 10, д. 168, л. 56.

ного напряжения. Поэтому среди евреев было мало желающих получить должность участкового инспектора или нести патрульно-постовую службу, а в офицерские училища и школы начальствующего состава МВД их не направляли.

Евреи-милиционеры не оставались равнодушными к проявлениям бытового антисемитизма и охотнее откликались на подобные жалобы. Среди них находились люди, готовые интегрироваться в систему МВД на условиях режима. Они были исполнительными, добивались хороших профессиональных показателей, умели находить контакт с окружающими, пользовались авторитетом. Но дальше должности начальника паспортного стола, следователя или заместителя начальника районного отделения милиции их не продвигали. Власти учитывали настроение обывателя, не желавшего видеть евреев в роли блюстителей порядка. Указы исполкомов Советов были непопулярными и вызывали недовольство. Если исполнителями оказывались евреи, это создавало невыгодный имидж «чужой власти», даже если речь шла о борьбе с пьянством, хулиганством, мошенничеством или воровством.

В конце 1940-х гг. евреев начали планомерно устранять из министерства внутренних дел, как и из других государственных учреждений. Это подавалось как необходимость выдвижения национальных кадров. Вместе с тем подлинные мотивы подобной политики были понятны. Увольнения осуществлялись в атмосфере идеологических кампаний и борьбы с космополитизмом, буржуазным национализмом и сионизмом. Политику «сверху» хорошо восприняли «снизу». Иметь евреев в милиции стало «хлопотно». Руководители на местах не могли позволить себе (или были ограничены) сохранять откровенность в присутствии сотрудников-евреев. После смерти Сталина в марте 1953 г. новое политическое руководство страны продолжало проявлять недоверие к евреям. Органы внутренних дел на долгое время стали почти закрытыми для них. Это подтверждало преэскапизм курса советского государства и отражало общую национальную политику режима.

Опубликовано:

L. Smilovitsky. "The participation and role of Jews in the Belorussian Militia, 1944-1953" // *Shvut*, No 12 (28), 2004-2005, pp. 47-66.

В органах госбезопасности

Служба государственной безопасности существовала все годы войны в рамках Народного комиссариата внутренних дел (НКВД БССР)¹. В связи с оккупацией территории республики в 1941 г. ее распустили только формально, а бывший нарком НКВД Л.Ф. Цанава² стал начальником Особого отдела НКВД Западного фронта. Белорусские «чекисты» действовали в рамках Белорусского штаба партизанского движения в Москве. Они собирали сведения и анализировали политическую, военную и идеологическую обстановку на оккупированной территории, направляли диверсионные отряды в тыл противника, создавали и контролировали деятельность особых отделов партизанских бригад и отрядов, предпринимали контрмеры противодействия немецкой контрразведке и гестапо.

В апреле 1943 г., в ходе подготовки освобождения Беларуси, было принято решение образовать Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ БССР) на базе НКВД СССР, руководителем которого снова был назначен Л. Цанава. Задачи НКГБ отличались

¹ НКВД БССР образован в декабре 1920 г., в июле 1934 г. включен в состав Объединенного главного политического управления СССР (ОГПУ) с задачей обеспечения «революционного» порядка и государственной безопасности, охраны граждан, социалистической собственности, работы ЗАГСов, пограничной и пожарной охраны; Главное управление милиции. В 1934–1941 гг. в ведение НКВД БССР от других ведомств были переданы конвойные войска и исправительно-трудовые учреждения, тюрьмы, автомобильный транспорт, архивные органы, Управление картографии.

² Цанава (Джанджгава) Лаврентий Фомич (1900–1955) – генерал-лейтенант, родился в с. Хут-Сопели Гегечкорского района Грузии, в 1928–1933 гг. – начальник особого отдела стрелковой дивизии, помощник начальника ОГПУ Грузинской ССР, в 1935–1937 гг. – секретарь Потинского РК ВКП(б) Грузии, в 1937–1938 гг. – заместитель наркома земледелия Грузии, с 17 декабря 1937 г. по 9 марта 1941 г. – народный комиссар внутренних дел БССР, начальник Особого отдела НКВД Западного фронта (1941–1943 гг.).

многоплановостью и диктовались сложными послевоенными условиями, они предусматривали:

- учет настроений населения, определение симпатий и антипатий к политике и мероприятиям советской власти;

- борьбу с пособниками нацистов, националистическими формированиями Армии Крайовой (АК) и Организацией украинских националистов (ОУН);

- борьбу с дезертирами и уклонявшимися от призыва в Красную армию;

- обеспечение условий для деятельности советских органов власти;

- борьбу с инакомыслием, контроль за поведением репатриантов, фильтрацию новоприбывших;

- оказание содействия в работе Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК СССР)³, подсчет потерь и материального ущерба, розыск виновных, определение и вскрытие мест захоронений, запись свидетельских показаний о геноциде мирного населения.

В обновленном виде НКГБ (с 1946 г. – МГБ) отвечал за разведывательную работу за границей и внутри страны (среди гражданского населения и иностранцев), соблюдение секретности в армии, розыск, наружное наблюдение и предварительную разработку подозрительных лиц, охрану государственных объектов и следственную часть по особо важным делам. Но главным направлением работы госбезопасности был поиск не внешнего, а внутреннего врага, способного подорвать устои государства.

Это была элитная организация, пользовавшаяся полным доверием советского режима. Преданность его сотрудников преподносилась в форме верности рабоче-крестьянскому государству, Коммунистической партии и лично товарищу Сталину. При формировании штатов к сотрудникам предъявлялись особые требования. Они касались набора новых кадров, профессионального обучения, идеологической подготовки и обеспечения всем необходимым. На первых порах национальная принадлежность не играла определяющей роли. Нужны были люди, готовые к беспрекословному выполнению заданий нередко в опасных

³ Чрезвычайная государственная комиссия по выявлению и расследованию злодеяний и преступлений немецко-фашистских захватчиков и их соучастников и нанесенного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным учреждениям, государственным предприятиям и учреждениям СССР была создана 2 ноября 1942 г. под председательством Н.М. Шверника и действовала до конца 1945 г.

условиях, с риском для жизни, часто инкогнито.

Евреи подходили на эту роль по ряду причин. Их нельзя было заподозрить в сотрудничестве с оккупационным режимом, поскольку они сами являлись его жертвами. Многие из евреев, пережив Холокост, влились в партизанское движение. Но были и довоенные сотрудники, которых отозвали из эвакуации. Нина Давидовна Гриншпан работала в Калинковичах в районном отделении НКГБ БССР с октября 1939 г. С началом войны девушку эвакуировали в Курганскую область, где назначили секретарем Щучинского районного отделения госбезопасности, а потом перевели инспектором отдела кадров в Челябинское областное управление НКГБ. В октябре 1944 г. после освобождения Беларуси Гриншпан отозвали в республику для работы в аппарате Управления наркомата госбезопасности в Минске, а через год назначили помощником оперуполномоченного и включили в следственную группу. Нина Давидовна вспоминала, что МВД ловило воров и жуликов, хулиганов, а МГБ – врагов народа. В МГБ БССР были отделы: оперативный, следственный, информационный и контрразведка («Смерш»). Евреи друг с другом в «органах» старались не общаться, чтобы не было повода сказать, что они собираются вместе и «шушукуются»⁴.

Многие евреи, имея личные счеты с пособниками нацистов, искали сотрудничества с новой властью для наказания виновных. Узники гетто и партизаны из Несвижа Ишай Мазин и Давид Фарфель приступили к работе в органах безопасности 18 июля 1944 г. Фарфель вспоминал, что часто они засиживались на работе допоздна, а то и до самого утра. Начались аресты предателей и пособников: «огромные детины, всякие темные личности ползали на коленях, умоляя о пощаде»⁵. Следователь Виленский сначала назвался украинцем, а потом признался, что он еврей и делом своим занимается ради мести... Первое время Давид и Ишай работали в три смены, но с прибавлением дел вынуждены были перейти на график без выходных. Аресту подлежали лица, сотрудничавшие с немцами, и дезертиры. Суд проходил следующим образом: судья, офицер в звании майора, приезжал в Несвиж один раз в две-три недели, занимал самое большое помещение и начинал «присуждать» от 7 до 10 лет, пять лет минимум,

⁴ Запись беседы с Ниной Давидовной Гриншпан 5 янв. 2003 г. // Архив автора.

⁵ David Farfel. *In the Nesvizh ghetto and Naliboki forest*. Tel Aviv, 2018, pp. 137, 139.

и так за пару часов он «раздавал» сотни лет⁶.

Большая группа евреев находилась на руководящей партийной работе в БССР и с нападением Германии была оставлена для организации подполья в тылу противника. Они стояли у истоков партизанского движения, возглавляли контрразведывательные органы (особые отделы) партизанских отрядов, бригад и соединений. В 1941–1943 гг. в диверсионных, партизанских отрядах и на подпольной работе находились секретари Бешенковичского райкома партии Ефим Боровский, Петриковского – Хаим Варгафтик, Осиповичского – Рувим Голанд, Железнодорожного райкома Гомеля – Исаак Григорьев, Луинецкого – Илья Завин, Дриссенского – Давид Лившиц, Рогачевского – Самуил Свердлов, Могилевского горкома партии – Иосиф Хавкин, Давид-Городокского – Айзик Рохлин, Жлобинского – Моисей Шапиро, Копаткевичского – И. Штейн, Новобелицкого – И. Юдин. По специальным заданиям ЦК КП(б)Б и ЦШПД в районы, оккупированные немецкими войсками, были направлены секретарь Жлобинского райкома партии Петр Тамков, Чашничского – Михаил Зубрицкий, Шарковщинского – Яков Зеличенко, Ильянского – Михаил Белов, Клецкого – Липа Вайнер, Буда-Кошелевского – Броня Гейфман, Речицкого – Соломон Егудкин, Шкловского – Шлема Кеслер, Чаусского – Дмитрий Коган, Ельского – Иосиф Кравец, Минского – Израиль Лапидус, Суражского – Дмитрий Левин, Городищенского – С. Лесничий, Туровского – Кирилл Линкович, Мирского – Гирш Мараховский, Чечерского – Фрейда Марголина, Старобинского – И. Мурашко и др.⁷ Эти люди выступали экспертами, аналитиками, консультантами, к их советам прислушивались, рекомендации ценили.

Общее количество евреев в системе безопасности после войны было мизерным. Сотрудников-ветеранов становилось все меньше, а новых принимали с большими ограничениями. Часть еврейских «чекистов» командировали в другие районы Советского Союза. Национальный состав государственной безопасности Министерства внутренних дел республики во второй половине 1940-х гг. был следующим:

⁶ David Farfel. *In the Nesvizh ghetto and Naliboki forest*. Tel Aviv, 2018, pp. 137, 139.

⁷ *Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны*: Краткие сведения об организационной структуре и личном составе. Минск, 1983 г.; Материалы Белорусского штаба партизанского движения. См. оригинал источника в НАРБ, ф. 4, оп. 33-а, д. 95, лл. 30-35, 64-77, копии находятся в Yad Vashem Archives, М-41/150.

Таблица 13

Национальный состав ГБ БССР на 1 января 1947 и 1948 г., %

Национальность	1947 г.	1948 г.
Белорусы	17,3	20,5
Русские	71,3	69,4
Украинцы	5,9	5,7
Евреи	2,1	1,9
Другие	3,4	2,5

Составлено по: НАРБ, ф. 4, оп. 9 д. 539, л. 81.

Данные табл. 13 показывают, что среди сотрудников белорусской службы безопасности в начале 1948 г. в значительной степени преобладали русские – 69,4%. Их число намного превышало белорусов – 20,5% и украинцев – 5,7%, не говоря уже о представителях других народов – 2,5% и евреев – 1,9%. Прежде всего это объяснялось тем, что республиканские органы госбезопасности никогда не играли самостоятельной роли и рассматривались союзным центром только как представители МГБ СССР на местах. Подтверждением этого являлось и то, что министром госбезопасности Белоруссии с 1938 по 1951 г. был грузин Лаврентий Цанава. Небелорусы всегда преобладали среди «чекистов» в республике, несмотря на незначительное их уменьшение в разные периоды. Они были невосприимчивы к национальной идее, такими людьми легче было управлять, перемещать из одних регионов в другие, противопоставлять белорусским выдвиженцам.

Штаты государственной безопасности были укомплектованы сотрудниками (начало 1948 г.) почти полностью по сравнению с остальными правоохранительными органами – МВД, судом и прокура-

турой республики: штат госбезопасности – на 93,5%, тогда как в милиции – на 88,5%, прокуратуре – на 92,5% и судах – на 92,8%. Однако это не исключало ведомственных чисток. В 1946–1947 гг. из системы госбезопасности Белоруссии было уволено 454 сотрудника, из которых 32 арестовали и предали суду. Намного отличался и уровень партийной прослойки в госбезопасности. Считалось, что «чекистами», или «контрразведчиками», могли быть только доверенные лица партии. Если в милиции кандидатами и членами ВКП(б) состояли только 32% сотрудников, в органах суда – 76,4%, прокуратуре – 80%, то в госбезопасности – 90%⁸.

Однако это не означало, что в службу безопасности подбирали людей «особого склада». Идеологические установки МГБ не оставляли места некоммунистам. Исключалось не только какое-либо инакомыслие, но даже разночтение в понимании директив центральных органов. Поэтому незначительный процент в рядах госбезопасности тех, кто не являлся членом партии, свидетельствовал только о молодом пополнении, а не о других причинах, препятствовавших вступлению в ряды «гвардии Ленина–Сталина». Компартия Белоруссии являлась составной частью ВКП(б) или, как тогда говорили, ее «национальным отрядом». Строгие квоты на вступление в ряды партии, предусмотренные для всех категорий граждан: мужчин, женщин, рабочих, колхозников, служащих, военных, учащихся и пр., – на госбезопасность не распространялись.

Большое внимание уделялось повышению образовательного уровня сотрудников госбезопасности. Сразу после войны он был невысоким. Очень не хватало людей с высшим и даже законченным средним образованием. Нужно было организовать профессиональные курсы, разработать новые методики преподавания специальных дисциплин с учетом послевоенной специфики и т. д. Общий уровень образования оперативного состава госбезопасности республики по сравнению с сотрудниками милиции, судебно-следственных органов и прокуратуры во второй половине 1940-х гг. был следующим:

⁸ НАРБ, ф. 4, оп. 9, д. 539, л. 80.

Таблица 14

**Образовательный уровень сотрудников госбезопасности,
милиции, суда и Прокуратуры БССР на 1 января 1948 г., %**

Название	Образование	
	высшее и н/высшее	среднее
Госбезопасность	4,9	34,1
Милиция	1,9	13,1
Суд	16,5	83,5
Прокуратура	29,7	70,3

Составлено по: НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 539, л. 79-81.

Недостаток образования препятствовал выполнению служебных обязанностей. Без специальной подготовки и необходимого культурного уровня трудно собирать и анализировать информацию, адекватно оценивать ситуацию, принимать самостоятельные решения. Большинство сотрудников госбезопасности были молодыми людьми, прибывшими после службы в Советской армии, и только немногие из них служили в «Смерш».

Задачи, которые режим ставил перед службой безопасности, требовали уделить серьезное внимание проблеме образования и специальной подготовки. К концу 1948 г. весь оперативный состав охватили различными формами учебы. В Высшей партийной школе при ЦК КП(б)Б в Минске занимались 4 чел., в вечерних университетах марксизма-ленинизма при областных комитетах партии – 392 чел., в партийных школах и кружках – 919 чел. При парткоме ГБ БССР был организован семинар для руководящего состава, слушателями которого стали начальники отделов и управлений – 34 чел. В школы МГБ СССР и на курсы усовершенствования начальствующего состава направили 112 чел. Для новоприбывших, не имевших опыта специальной подготовки, проводилась «чекистская» учеба без отрыва от работы по 2–4 часа в неделю. Всего по городским и районным отделениям Управления госбезопасности республики спецподготовкой занимались

749 чел. В дополнение к этому организовали занятия по радиослужбе – 90 чел., английскому – 45 чел. и польскому – 14 чел.⁹ Для повышения общеобразовательных знаний создали пять учебных групп, которые объединяли 102 слушателя с начальным и незаконченным средним образованием. Подобную учебу организовали в управлениях госбезопасности по Брестской, Витебской, Гродненской, Гомельской, Могилевской, Пинской областям для 337 чел. В целом всеми видами учебы было охвачено 2 тыс. 798 сотрудников госбезопасности¹⁰.

Сразу после войны силы госбезопасности выявляли нацистских пособников, которые в большинстве случаев признавались в одном и том же: служил, но охранял зерносклад или комендатуру, естественно, умалчивая о расстрелах и истязаниях. Им давали по 25 лет и отправляли в лагеря. Лет через 10–15 перечитывали эти же признания и отпускали по амнистии. Однако со временем находились новые немецкие документы – и дела начинали снова пересматривать: разыскивали свидетелей, сопоставляли факты. То, что узнавали, часто повергало в ужас. Но самое страшное было то, что некоторые каратели спокойно жили рядом, создав новые семьи и сменив имена.

В Гомеле вышли на след Семена Лапицкого, нацистского пособника из «Белой команды», которая была сформирована гестапо под Чечерском. Сначала она являлась в деревни под видом советских десантников в белых маскхалатах якобы узнать, связан ли кто с партизанами и где они. А на следующий день бандиты врываются уже как полиция и расстреливали тех, на кого накануне нашли компромат. Руководил этой командой некто Буглай, а командиром взвода был Семен Лапицкий из Ветковского района. В 1939 г. Лапицкий был осужден. С приходом немцев он поступил на службу в Светиловичскую полицию, где «хорошо себя зарекомендовал», за что и был взят в «Белую команду». Лапицкого нашли в 400 км от Иркутска под фамилией Тиханович, где он работал зоотехником в колхозе, жил с новой женой¹¹.

По делу Мозырской тюрьмы, территорию которой немцы превратили в гетто, проходили Подолинский и Глушец. Они уже отбыли наказание за то, что служили в охране, и вышли на свободу. Подолин-

⁹ НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 539, л. 84-85.

¹⁰ Там же.

¹¹ Запись беседы с Юрием Федоровичем Кудрявцевым в Гомеле 15 авг. 2003 г. // Архив автора.

ский вообще не постеснялся приехать в Мозырь, где устроился работать на узел связи. Однако было установлено, что оба они участвовали в расстрелах, в том числе и в самом массовом 7 января 1942 года, когда были убиты 350 человек. Глушеч забрался в казахский город Аркалык, но его все равно отыскивали. Когда во время следственного эксперимента их привели на место расстрела, Глушеч упал на землю, забился в истерику и закричал: «Простите меня, люди!» Нашли и десятерых полицейских из известной своими зверствами Словечанской полиции, сумели доказать множество преступных эпизодов. Известен случай, когда за день каратели сожгли шесть деревень¹².

Арестовали фольксдойче Деншера, который устроился учителем немецкого языка в одну из школ Душанбе. Деншер попал в немецкий плен в первые дни войны, его взяли переводчиком в службу безопасности СД-7а. Потом были Брянск, Орел, Воронеж, Гомель, Бобруйск, Минск. Он сознался в участии в десятках карательных операций, сотнях расстрелов, в лесных облавах на людей, которые уходили из сожженных деревень. Рассказывал о том, как отправляли молодежь в Германию, а их родителей расстреливали и сжигали. Даже вспомнил, как однажды мать бросилась к нему просить за сына и как он ее застрелил. Говорил спокойно и хладнокровно: «В Унече стрелял, в Гомеле вешал». Когда немцы отступали, он в Бобруйской тюрьме расстреливал арестованных партизан и подпольщиков. 500 человек оттуда погнали в Минск и в районе Марьиной Горки недалеко от шоссе всех сожгли в сарае... Последним эпизодом стал Тростенец. Деншер искал спрятавшихся в бараках людей и добивал. Два человека тогда все-таки спаслись, и они стали свидетелями по делу Деншера. Один случайно оказался под трупами, там и пролежал, пока полиция не ушла, а второй прыгнул в выгребную яму с фекалиями. Говорил, когда выбрался – вся кожа слезла¹³.

Одной из главных задач, поставленных перед органами госбезопасности Беларуси, была борьба с националистическим подпольем. В 1944–1945 гг. в западных областях действовала польская Армия Крайова, а на юге и юго-западе республики – ОУН и УПА¹⁴. Они

¹² Запись беседы с Юрием Федоровичем Кудрявцевым в Гомеле 15 авг. 2003 г. // Архив автора.

¹³ Там же.

¹⁴ ОУН – организация украинских националистов, в январе 1944 г. ее съезд принял решение о восстании в тылу Красной армии; УПА – украинская повстанческая

совершали террористические акты против партийного и советского актива, диверсии на шоссейных и железных дорогах, призывали население не участвовать в выборах, в работе любых советских учреждений, не подписываться на государственные займы, не платить налоги, избегать призыва в Советскую армию, срывать хозяйственные мероприятия, саботировать выезд польского населения с территории Беларуси, препятствовать возвращению белорусов из Польши и др.

К Армии Крайовой, ОУН и УПА примкнули нацистские пособники и дезертиры. В Пинской области руководителем одного из полевых отрядов Армии Крайовой был некто Гузаревич, который и до войны занимался грабежами, а потом служил в немецкой полиции. В 1944 г. он бежал в лес и стал во главе отряда из 500 чел., состоявшего из дезертиров, уголовников, бывших полицейских и им сочувствующих. Одним из «полевых командиров» УПА, совершавших рейды в Брестской, Пинской и Полесской областях, был некто Олесик. До войны он отбывал срок в тюрьме, а с приходом нацистов возглавил комендатуру в Кожан-Городке Брестской области, активно участвовал в антиеврейских погромах и убийствах¹⁵.

Действия антисоветского подполья терроризировали население в освобожденных районах. В течение первых трех месяцев 1946 г. в западных районах БССР было отмечено более 50 выступлений повстанцев, совершено 120 убийств, 190 грабежей и 18 разбоев, осенью 1946 г. – 838 нападений, включая 43 диверсии и 120 поджогов. В 1947 г. общими усилиями министерства госбезопасности, внутренних дел и Советской армии при содействии местного населения отрядам АК и УПА был нанесен значительный урон: арестованы сотни участников незаконных формирований, захвачены тысячи единиц автоматического оружия, винтовок и пулеметов¹⁶.

В целом после окончания войны было изъято, сдано населением и собрано на полях бывших военных действий большое количество оружия, взрывчатых веществ и оборудования:

армия, боевые отряды ОУН. Центр ОУН находился в лесах Ровенской области Украины, откуда ее отряды совершали кольцевые рейды по территории Беларуси.

¹⁵ *Антысавецкі рух у Беларусі, 1944–1956 гг.* Минск, 1999 г., с. 12.

¹⁶ *История милиции Белоруссии, 1917–1994 гг.* / А.Ф. Вишневский и др., с. 107-110.

Таблица 15

**Оружие, снаряжение и боеприпасы, изъятые органами
ГБ, МВД БССР с октября 1943 по январь 1949 г.**

Вид	Кол-во
Минометы	85
Пушки	1
Пулеметы	3 062
Автоматы	5 522
Винтовки	47 020
Пистолеты	3 452
Обрезы	147

Вид	Кол-во
Типографии	2
Радиоприемники	48
Рации	14
Пишущие машинки	16
Ротаторы	1
Телефонные аппараты	19
Коммутаторы	1

Вид	Кол-во
Гранаты	9 809
Охотничьи ружья	15
Холодное оружие	160
Патроны	1 108 323
Мины	8 787
Артиллерийские снаряды	607
Взрывчатые вещества	2 801 (кг)

Составлено по: НАРБ, ф. 4 оп. 62, д. 38, л. 6.

Изъятие такого большого количества оружия и боеприпасов способствовало росту безопасности в республике, помогало стабилизации жизни. Подобная работа продолжалась и в последующие годы. Главным образом это делалось при раскрытии арсеналов незаконных вооруженных формирований, конфискации при задержании или добровольной сдаче оружия населением после получения информации от осведомителей.

В ходе проведения боевых операций по ликвидации незаконных вооруженных формирований Армии Крайовой и Украинской повстанческой армии во второй половине 1940-х гг. погибли или пропали без вести, были ранены сотни сотрудников правоохранительных органов:

Таблица 16

**Потери сотрудников ГБ, МВД БССР, Советской Армии
и партийного актива в 1944–1949 гг. в боях с АК и ОУН**

Сотрудники правоохранительных органов	Убито	Ранено
Работники госбезопасности и милиции	49	37
Офицеры войск ГБ, МВД и СА	12	11
Сержантский и рядовой состав отрядов ГБ, МВД и СА	97	58
Советский и партийный актив	26	5
Бойцы истребительных батальонов	25	31
<i>Всего</i>	209	142

Составлено по: НАРБ, ф. 4 оп. 62, д. 38, л. 6.

Окончание войны с Германией создало принципиально новую ситуацию, когда многие ее участники, прошедшие тяжелые испытания в борьбе с нацизмом, рассчитывали на либерализацию советского общества. Они не раз были на грани жизни и смерти, познакомились с жизнью в других странах Европы и хотели перемен. Неприятие политики режима в послевоенные годы принимало разные формы – от отказа участвовать в выборах, саботажа мероприятий властей и до вооруженного сопротивления. Только в 1948 г. по ст. 72 «контрреволюционная агитация и пропаганда» в БССР было осуждено 247 чел., а за другие «контрреволюционные» преступления – 213 чел.¹⁷

¹⁷ Из Справки о количестве осужденных за 1948 г. См. НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 38, л. 320.

Наиболее сложной ситуация оставалась в западной части республики. Пинская область считалась наиболее «засоренной». К 1949 г. там насчитывалось 600 «кулацких» хозяйств, проживало более двух тысяч семей репрессированных, до 400 бывших немецких пособников и полицейских, около 200 украинских и белорусских «националистов», 600 родственников «бандитов» и «бандпособников», 4 450 чел. оказались членами религиозных сект. Под подозрением находились 18 тыс. репатриантов, из которых 700 чел. прибыли в республику из американской зоны оккупации, 3 тыс. – из английской и французской, остальные из Чехословакии, Германии, Польши и других стран¹⁸.

Органы безопасности информировали власти о большом числе жителей Пинской области, состоявших в переписке с заграницей, 16 тыс. 470 чел., среди которых много евреев. С Соединенными Штатами Америки переписывались и получали посылки 1 тыс. 678 чел., с Англией – 1 тыс. чел., Аргентиной – 900 чел., Польшей – 9 тыс. чел., Германией – 800 чел., Канадой – 820 чел., остальные – с Францией, Италией, Бразилией, Палестиной и другими странами. Среди получавших корреспонденцию из-за границы были члены партии и ответственные советские работники. Директор лесозавода им. 25-летия Октября Абрам Гендлер переписывался с Палестиной и Италией. Из США получали письма и посылки заведующий ателье мод Моисей Домнич, председатель артели «Красный обувщик» Яков Ткач, управляющая домами Пинска Дора Гительман, заведующий транспортной конторой Облмногопромсоюза Давид Косовский и др.¹⁹

Много усилий требовали фильтрация новопривывших в республику, контроль за поведением репатриантов и борьба с инакомыслием. С 1945 г. по 1 января 1949 г. на территорию Белорусской ССР прибыли 249 тыс. 322 репатрианта, включая 33 тыс. 933 детей. Это были вернувшиеся из Германии и бывших оккупированных ею стран Европы. В период военных действий не все они были вывезены принудительно, часть отправились на работу в Германию добровольно, сотрудничали с нацистами, а после окончания войны хотели скрыть свое прошлое. Репатриантов нужно было проверить, убедиться в подлинности имен и фамилий, выяснить, чем они занимались на оккупированной территории, сотрудничали ли с оккупационными влас-

¹⁸ НАРБ, ф. 4, оп. 51, д. 1569, л. 21.

¹⁹ Там же.

тями и пр. В случае отсутствия убедительных документов их временно изолировали и проводили «филтрацию» (проверку). За четыре года после окончания войны таким способом были проверены 214 тыс. 99 чел., выявлено и направлено в места ссылки 2 тыс. 676 бывших полицейских, власовцев и других немецких пособников. В дополнение к этому на специальное поселение были отправлены (граждане СССР) – 451 чел. и разыскано незаконно покинувших места ссылки – 670 чел.²⁰

Не все репатрианты после возвращения приняли политику советского режима. Многие критически высказывались о советской действительности, отмечали высокий уровень жизни и роль материальной заинтересованности при организации труда за рубежом. В 1945 г. Вера Латун и Анна Обухович из деревни Чурыково Дриссенского района Витебской области, прибывшие из Германии (г. Дрезден), говорили о высокой немецкой культуре и развитой технике: «Ой, какая наша деревня отсталая, не дома у нас, а халупы». Анна Петровская из колхоза им. К. Маркса говорила, что не вернулась бы из Германии, если бы знала, что будут восстановлены колхозы²¹.

Еврейская тема неизменно присутствовала в разговорах репатриантов. Ряд высказываний носили откровенно антисемитский характер. Одни видели в евреях источник бед и сожалели, что геноцид не был доведен нацистами до конца, другие – что евреев допускают до руководящих постов и даже «выбирают в правительство». Е.Д. Зрелик в Мозыре отмечал, что в правительство вместо русских выбирают евреев: «Сколько раз уж выбирали, а хороших руководителей нет, почти всегда сидим без хлеба»²². Евреи, со своей стороны, отмечали национальную дискриминацию в СССР. Захар Каган из Витебска «клеветал», что все советские и партийные работники – антисемиты, и поэтому евреев отстраняют от ответственных должностей. Каган предсказывал, что в дальнейшем положение евреев в стране ухудшится²³.

Органы безопасности боролись с антисоветскими настроениями не только путем репрессий, но и через так называемую «разъяснительную» работу. В 1948 г. были перехвачены частные письма Соломона Минделя, заведующего сектором учета РК ЛКСМБ г. Глуска Могилевской области, Фире Добкиной в Баку. Эти письма, проникнутые песси-

²⁰ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 38, л. 9.

²¹ РГАСПИ, ф.17, оп. 88, д. 660, л. 62.

²² Там же, л. 54-55.

²³ НАРБ, ф. 4, оп. 51, д. 1569, л. 39.

мистическими настроениями, содержали «вредные националистические» высказывания. В одном из них утверждалось, что в Бобруйске существуют два враждебно настроенных лагеря молодежи – еврейской и белорусской. Письма переслали в Бобруйский областной комитет комсомола, который исключил Минделя из своих членов. После признания Соломоном своих ошибок ЦК ЛКСМБ отменил это решение, ограничившись объявлением строгого выговора²⁴.

После тайного убийства по приказу Сталина Соломона Михоэлса в Минске в январе 1948 г. и ареста членов Еврейского антифашистского комитета в ноябре 1949 г. перед МГБ поставили задачу усилить борьбу с «безродными» космополитами». В конце 1940-х гг. еврейская часть населения Беларуси не считалась благонадежной. Евреям, работавшим в службе безопасности, предлагали возглавить борьбу с еврейским национализмом, привлекать осведомителей и противостоять «тлетворному» влиянию сионизма. Такие предложения были сделаны Даниилу Сорокину в Борисове, Израилю Чечiku в Речице, Якову Маркману, Самуилу Брандзбургу и Поздняковой в Пинске, Моисею Цимкиндю в Глубоком, Марии Хейфец в Вилейке, а также следователям военной прокуратуры Минского гарнизона Исааку Добкину и Науму Желудеву, начальнику секретариата Военного трибунала войск МВД Белорусского военного округа Финбергу, старшему помощнику начальника секретариата Военного трибунала войск МВД Белорусского военного округа Майзелю и др. Тем, кто отказывался, грозили взысканиями по службе вплоть до увольнения без права работы по профессии. Льву Замскому в Брестском областном управлении госбезопасности предложили возглавить отдел по борьбе с еврейским национализмом. Ему рекомендовали «внедриться в еврейскую среду», доносить о настроениях потенциальных репатриантов-евреев, собиравшихся воспользоваться Соглашением между БССР и Польшей (1946 г.) о выезде за пределы СССР, чтобы попасть в Палестину. Когда Замский отказался от этого предложения под предлогом незнания идиша и еврейской традиции, его уволили из органов госбезопасности, и он продолжительное время не мог устроиться на постоянную работу²⁵.

Борьбу с «происками сионизма» и «буржуазного национализма» ощутили на себе ряд сотрудников госбезопасности, после того как

²⁴ НАРБ, ф. 63, оп. 7, д. 14-а, л. 190.

²⁵ Письмо Захара Зимака из Акко от 15 марта 2001 г. // Архив автора.

компетентные органы сделали предметом разбирательства их личную жизнь. В 1949 г. работник Брестского областного управления МГБ БССР П.С. Сенкевич встречался с учительницей Рузей Креймерман и обещал на ней жениться. Когда он сообщил об этом в отдел кадров школы госбезопасности, где он обучался, ему посоветовали воздержаться от женитьбы во избежание «возможных недоразумений в будущем», что молодой человек и сделал²⁶.

Более драматично сложилась судьба подполковника Семена Беляева, военного прокурора войск МВД по Смоленской области. Он стал неугоден из-за своих требований соблюдать законность и добросовестно относиться к службе. Провинившихся сотрудников Беляев наказывал в дисциплинарном порядке или привлекал к суду военного трибунала. Для того чтобы устранить неудобного прокурора, недоброжелатели собрали компрометирующий материал на его фактическую жену Гиту Ханину. Женщину арестовали и привлекли по ст. 58-10 УК РСФСР за «антисоветскую пропаганду». Беляева отстранили от должности и уволили со службы. В августе 1949 г. подполковник обратился с письмом к первому секретарю ЦК Компартии Белоруссии Н.И. Гусарову, в котором просил помочь предоставить ему работу в республике, где он вырос, учился, работал и имел репутацию справедливого человека и «принципиального» прокурора²⁷.

Одной из важных функций госбезопасности являлась помощь Чрезвычайной государственной комиссии СССР по расследованию нацистских преступлений на оккупированной в годы войны территории республики. Комиссии предстояло выяснить размеры материального ущерба, причиненного народному хозяйству и учреждениям культуры и науки, гражданам БССР военными действиями и немецкой политикой «выжженной земли». Требовалось подсчитать количество людских потерь, осуществить поиски виновных. Это предполагало определение мест массовых захоронений, запись свидетельских показаний об уничтожении мирного населения. В Беларуси Комиссия содействия ЧГК СССР под председательством П.К. Пономаренко была образована в начале 1944 г. и действовала до сентября 1945 г. В каждой области и районе существовали свои комиссии содействия, которые собирали документальные свидетельства. Акты ЧГК широко использовались на

²⁶ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 75, лл. 345-347.

²⁷ Там же, д. 43, лл. 351-354.

Нюрнбергском процессе, суде над военными преступниками и пособниками нацистов в Минске, Бобруйске, Гомеле и других городах. На начальном (районном) уровне документы ЧГК содержали обширный материал о геноциде евреев с указанием списков расстрелянных, результатов вскрытия могил, показаний местных жителей. Однако при обобщении этих данных областными и республиканскими комиссиями сведения о национальном составе жертв нивелировались и их характеризовали как «советских граждан».

У большинства евреев – сотрудников МГБ на оккупированной территории погибли родные и близкие, и этим объясняется их особый интерес к расследованию. Однако трудно было понять причины нацистского геноцида и объяснить, почему советское государство оставило на произвол судьбы своих еврейских граждан, не предприняло мер по их спасению, почему местное население в своем большинстве осталось равнодушным к уничтожению евреев, своих бывших соседей, сослуживцев и даже родственников. Лев Замский в годы войны служил в «Смерше», а затем был назначен следователем по выявлению немецких карателей, полицейских и соучастников нацистских преступлений в Пинской и Брестской областях. В Борисове делами пособников нацистов в 1944–1952 гг. занимался старший лейтенант госбезопасности Даниил Сорокин²⁸, в Слуцке – заместитель начальника районного отдела капитан госбезопасности Корохов, в Вилейке – Мария Хейфец, в Глубоком – Моисей Цимкинд и др.²⁹

Перемены в жизни советского общества, наступившие после смерти И.В. Сталина, отразились на деятельности службы безопасности. Вначале, в ходе борьбы за «наследство» в руководстве партии и государством, 17 апреля 1953 г. МГБ и МВД СССР были объединены в одно министерство. Это должно было усилить административно-командную систему и не допустить демократизации общества, продлить существование режима личной власти. Органы безопасности ставились сразу над ЦК Компартией Белоруссии и Советом министров республики, подчиняясь непосредственно МГБ СССР в Москве. Однако после переворота в Кремле и ареста Л.П. Берии ситуация изменилась. Служба МГБ, отвечавшая за контроль над всей репрессивной машиной государства, утратила свою прежнюю роль. Пленум

²⁸ А. Розенблюм. *Память на крови. Евреи в истории Борисова*, с. 171.

²⁹ Архив автора.

ЦК КПСС в июле 1953 г. принял решение о децентрализации МГБ СССР. 19 мая 1954 г. на основании Указа Президиума Верховного Совета Белоруссии органы безопасности были выделены из системы министерства внутренних дел и переданы в Комитет государственной безопасности, образованный при Совете министров республики. Этим решением государство вернуло себе право контролировать собственные секретные службы. Советский режим не утратил своего тоталитарного характера, однако были созданы условия для постепенного перехода общества к демократическим институтам³⁰.

* * *

Работа в органах государственной безопасности накладывала на жизнь евреев целый ряд обязательств. Нужно было отказаться от личных интересов, национальной жизни, своего прошлого, а если потребуется, то и семьи. Сотрудники МГБ фактически находились на полном государственном обеспечении, что при дефицитной экономике означало многое. Материальная независимость, обладание неограниченной властью и принадлежность к закрытой корпорации, перед которой открывались все двери, рождали ощущение избранности. МГБ в Советском Союзе можно было сравнить с рыцарским орденом, где вопросы личной преданности и чести, верности служебному долгу ценились выше собственной жизни. Беспрекословное исполнение приказа считалось важнее моральных принципов. Тогда как великий магистр (министр МГБ) распоряжался жизнью подчиненных по своему усмотрению.

Интернационализм в МГБ понимали по-своему. Сначала национальное происхождение не играло определяющей роли. Секретная служба нуждалась в сотрудниках-евреях не только как грамотных и исполнительных работниках, но и как людях, которые были глазами и ушами режима среди своих соплеменников. Они знали идиш, менталитет евреев, особенности поведения в еврейской среде. Еврейские сотрудники службы безопасности выполняли поставленные задачи наравне с неевреями, но старались больше, чтобы не заслужить упрека в своем

³⁰ *Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі*. Беларускі Хельсінскі камітэт, Беларуская Асацыяцыя ахвяр палітычных рэпрэсій: Матэрылы каферэнцыі 27–28 лютага 1998 г. Мінск, 1998 г.

национальном происхождении, а руководство с успехом использовало это в интересах «дела».

К началу 1950-х гг. государственный антисемитизм коснулся службы государственной безопасности, и количество сотрудников-евреев стало быстро сокращаться. Сотрудников-евреев с довоенным стажем, достигших пенсионного возраста, увольняли, а на смену им брали белорусов и русских. Это была целенаправленная политика замены национальных меньшинств в республике представителями титульной нации.

Огромные возможности, которыми была наделена система госбезопасности в условиях сталинского социализма, таили в себе немалую опасность для самого режима и поэтому ограничивались и контролировались высшими партийными инстанциями. Прокуратура, которая формально должна была следить за всеми правоохранительными органами, тоже подчинялась партийным комитетам. Однако в отсутствие правового государства и демократических основ общества это было чревато негативными последствиями. Служба безопасности, выйдя из-под контроля, способна была стать властью в стране, поэтому партийные комитеты периодически устраивали в МГБ кадровые «чистки». В конце 1952 – начале 1953 г. провели очередную «чистку», на этот раз по национальному признаку. Под предлогом борьбы с космополитизмом и делом «врачей-отравителей» из органов МГБ СССР уволили большинство сотрудников еврейского происхождения, несмотря на их профессиональные заслуги.

Таким образом, евреи, занятые в юридической системе и правоохранительных органах Беларуси в первое послевоенное десятилетие, – это бывшие фронтовики и дети фронтовиков, получившие среднее и высшее юридическое образование. Они присоединились к небольшому количеству юристов-евреев с довоенным стажем, вернувшимся из Красной армии и партизанских отрядов, обладавших жизненным опытом и профессиональными навыками.

В начале своего профессионального пути мало кто из новоиспеченных юристов понимал, что представляет собой советская бюрократическая система. Они искренне верили, что профессия юриста позволит им бороться за правду, отстаивать справедливость, защищать права и личное достоинство граждан от врагов советского строя, считали, что советская система является самой демократичной в мире. Они еще не осознавали основной принцип устройства советского режима:

граждане служили государству, а не наоборот принцип, унаследованный от российского самодержавия.

Юристы-евреи видели свое будущее в ассимиляции и стремились быть «как все». Но мало кто из них мог отречься от своего еврейства, поскольку окружающие относились к ним именно как к евреям. В порыве откровенности они слышали от своих коллег-неевреев псевдопохвалу: «ты не такой, как они» или «ты хороший человек, хоть и еврей». Это была трагедия народа, пережившего Холокост, и вместо сочувствия, встретившегося с враждебностью государства, которому служили. Феномен советской власти по отношению к евреям состоял в том, что евреи нужны были режиму не только как исполнители, но и как верные и преданные сыновья. В конце 1940-х гг. советское государство начало избавляться от евреев в юридической системе, как и в других управленческих структурах, поскольку им была подготовлена смена специалистов из неевреев. Идеологические кампании по борьбе с безродными космополитами и «дело врачей» подорвали доверие юристов-евреев к юридической системе. Престиж работы в юриспруденции падал, и чем сотрудники ближе с ней знакомились, тем больше разочаровывались. Многие евреи, работавшие в суде и прокуратуре, ушли из профессии, а те, кто остался, предпочли адвокатуру, арбитраж, нотариальное дело и социально-правовую службу. Это было тупиковое направление, лишавшее юриста перспективы сделать карьеру, но позволявшее зарабатывать на жизнь.

Рукопись.

Л. Смиловицкий. Евреи в госбезопасности БССР, 1944-1953 гг.

БЕЛАРУСЬ И ИЗРАИЛЬ

Образование государства Израиль и отношение к этому в Беларуси

Появление на карте мира Израиля как самостоятельного еврейского государства стало логическим результатом краха нацистской Германии. События в Палестине быстро выплеснулись за пределы Ближнего Востока. Хрупкое национальное, религиозное, экономическое и политическое равновесие между евреями и арабами, искусственно поддерживаемое Великобританией в рамках полученного в начале 1920-х гг. мандата Лиги Наций, грозило нарушиться в любой момент. Возникшая новая расстановка сил требовала учитывать консенсус всех заинтересованных сторон.

Тема отношения Кремля к становлению государства Израиль еще далека до своего раскрытия. Этому препятствует целый ряд причин, включая многолетнюю проарабскую ориентацию советской и постсоветской внешней политики. Что касается Белорусской ССР, ставшей субъектом международного права после 1945 г., то ее позиция вообще не освещалась в научной литературе. Архивы МИДа в Минске, способные пролить свет на формирование политики этой бывшей советской республике на Ближнем Востоке, остаются закрытыми.

Настоящая публикация является первой попыткой обозначить отношение партийного и советского истеблишмента БССР к проблеме образования Израиля и одновременно проанализировать процессы, вызванные этими событиями в среде еврейского населения республики.

* * *

Война заставила советский режим временно ослабить межгосударственные преграды в контактах между людьми. В министерство иностранных дел, Совет по делам религиозных культов при Совете министров БССР, исполнительные комитеты районных, городских и областных органов власти республики стали поступать тысячи запросов от зарубежных евреев, искавших уцелевших родственников. Многие белорусские евреи, преодолевая страх, тоже шли на контакты с заграницей, чтобы возобновить связь с родными, получить материальную помощь или даже организовать свой выезд из Советского Союза.

Пережив Холокост, советские евреи сочувствовали борьбе за образование суверенного Израиля¹. Еврейский антифашистский комитет направил в январе 1946 г. в ЦК ВКП(б) письмо на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова. В письме указывалось на то, что фашистские зверства и антисемитизм внутри страны способствовали росту среди евреев националистических настроений: «Эти настроения дают пищу различным сионистским иллюзиям о возможности разрешения еврейского вопроса только в Палестине, которая будто бы является единственной исторически подходящей страной для еврейской государственности»².

Интерес к событиям в Палестине значительно вырос среди еврейского населения страны весной 1947 г., когда Андрей Громыко, постоянный советский представитель в Организации Объединенных Наций, выступая на сессии Генеральной ассамблеи ООН от имени СССР, впервые признал право евреев на собственное независимое государство. Громыко мотивировал это огромными жертвами, которые понесли евреи в годы нацистского геноцида³.

Белоруссия внесла в победу над нацизмом не меньший вклад, чем Франция или Польша. В Красной армии воевали 1 млн 300 тыс. выходцев из Белоруссии, а в партизанском движении приняли участие

¹ И. Альтман. *Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941-1945 гг.* Москва, 2002 г., с. 387; И. Арад. *Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза, 1941-1945 гг.* Москва-Иерусалим, 2007 г., с. 144-145.

² ГАРФ, ф. 8114, оп. 1, д. 910, лл. 33-35.

³ Y. Ro'i. "The Soviet Recognition of Israel in Light of New Archival Sources" // *New Records - New Perspectives: World War II, the Holocaust and the Rise of the State of Israel: Report on the International Conference, Bar-Ilan University, December, 14-16, 1998.*

десятки тысяч человек⁴. На этом основании Сталин добивался надления БССР, наряду с Украиной и Российской Федерацией, правом соучредительницы Организации Объединенных Наций⁵. Таким образом Советский Союз получил три голоса вместо одного в этой международной организации, призванной решать вопросы послевоенного устройства мира. В Минск начали поступать предложения о взаимодействии и сотрудничестве из разных государств Европы, Азии и Латинской Америки⁶. В частности, в конце лета 1947 г. из Иерусалима поступила просьба Еврейского агентства в Палестине, чтобы Белоруссия в рамках Организации Объединенных Наций выступила против намерения Британской колониальной администрации выслать из Палестины 4 400 еврейских беженцев, прибывших туда через Германию⁷. Пока не удалось выяснить, была ли какая-либо официальная реакция на это письмо.

29 ноября 1947 г. Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию № 181 по разделу Палестинской подмандатной территории на два государства. Арабский мир в лице Лиги арабских государств категорически отверг это решение и после провозглашения независимости Израиля 14 мая 1948 г. объявил еврейскому государству войну. СССР не ограничился декларативным осуждением агрессии арабских стран. По указанию Кремля Чехословакия оказала Израилю весомую помощь поставками трофейного немецкого оружия. Советский Союз первое время не препятствовал и эмиграции из стран Восточной Европы в Израиль. Летом 1948 г. туда прибывало по 10 тыс. человек в месяц лиц призывного возраста. Одновременно, по утверждению Г.В. Костырченко, советская разведка использовала еврейский эмиграционный поток для создания в Израиле своей агентурной сети⁸.

⁴ *Беларусь в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.* / Под ред. А.А. Коваленя, А.М. Литвина, В.И. Кузьменко. Минск, 2005 г., с. 277, 516.

⁵ Белорусская делегация подписала Устав ООН в Нью-Йорке 26 июня 1945 г.

⁶ *История имперских отношений. Белорусы и русские, 1772–1991 гг.* / Сост. А. Тарас. Минск, 2008 г., с. 338.

⁷ НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 583, л. 39.

⁸ Г.В. Костырченко. *Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм*, с. 403. Проверить достоверность этой информации можно только по документам Федеральной службы контрразведки России, унаследовавшей после 1991 г. фонды архива КГБ СССР. Однако они остаются малодоступными для историков, особенно из Израиля.

7 августа 1948 г. в Минск из Женевы пришла срочная телеграмма от специального посредника ООН в Палестине графа Бернадота⁹. В ней выражалась просьба об экстренной помощи 337 тыс. беженцев-арабов, оставивших свои дома после начала военных действий в Палестине и оказавшихся в отчаянном положении¹⁰. Бернадот просил поместить призыв о помощи в белорусских средствах массовой информации и дать ответ не позднее десяти дней, поскольку существовала опасность возникновения эпидемии среди беженцев.

МИД БССР сделал запрос в Москву и получил инструкцию игнорировать это обращение¹¹, поскольку Англия не скрывала своей поддержки арабской стороны.

24 ноября 1948 г. К.В. Киселев¹², глава делегации БССР на 3-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, выступил с речью о положении в Палестине. Он обвинил Великобританию в попытке ликвидировать Израиль как государство при помощи вооруженных сил зависимых от нее арабских стран. Киселев утверждал, что с 1 декабря 1947 г. до 1 марта 1948 г. при попустительстве английских властей в Палестине был убит 381 еврей и 725 евреев ранено. Из сообщения белорусского представителя, которое, безусловно, было согласовано с Москвой, следовало, что в армиях арабских стран воевали офицеры вермахта,

⁹ Фольке Бернадот (Folke Bernadotte af Wisborg), граф Висборгский (1895–1948) – шведский общественный деятель, один из руководителей Международного комитета Красного Креста, специальный посредник ООН, убит 17 сентября 1948 г. в Иерусалиме, очевидно, бойцами «Лехи» («Лохамей херут Исраэль», иврит, букв. «Борцы за независимость Израиля») — еврейской подпольной организации, действовавшей в 1940–1948 гг.

¹⁰ В телеграмме сообщалось, что среди беженцев 30% составляли дети в возрасте до пяти лет, свыше 10% – беременные женщины. Большинство беженцев – арабы (330 тыс. чел.).

¹¹ Письмо министра иностранных дел БССР К.В. Киселева заместителю министра иностранных дел СССР В.А. Зорину от 20 августа 1948 г. в связи с получением от посредника в Палестине Бернадота телеграммы о помощи // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 89, оп. 1, п. 2, д. 13, л. 3.

¹² Кузьма Венедиктович Киселев (1903–1977) – родился в Кличевском районе Могилевской области, окончил Воронежский государственный университет (1928 г.), канд. мед. наук (1936 г.), нарком здравоохранения БССР (1937–1938 гг.), председатель СНК БССР (1938–1940 гг.), директор Государственного медицинского издательства в Москве (1940–1943 гг.), министр иностранных дел БССР (1944–1966 гг.).

выпущенные британцами из лагерей военнопленных в Египте. Киселев выразил сожаление о том, что арабские народы, в защиту которых всегда выступал Советский Союз, сражаются в Палестине на стороне Англии и США¹³. Объявляя огульно, в духе холодной войны, политику Великобритании и США на Ближнем Востоке «империалистической», Киселев игнорировал существенные различия в позиции этих двух стран¹⁴.

В заключение своей речи Киселев призвал евреев и арабов следовать примеру Белорусской ССР, в которой процветает ленинско-сталинская дружба народов. Он предложил немедленно вывести с территории Палестины все иностранные войска и не допустить возобновления там военных действий¹⁵.

Еврейское население республики после войны было далеко не однородным. Евреи западного региона, включенные в состав БССР после раздела Польши в сентябре 1939 г.¹⁶, в большинстве своем не успели эвакуироваться в течение первых двух недель Отечественной войны и погибли в зоне оккупации. Исключение составили несколько десятков тысяч бывших польских евреев, депортированных за Урал накануне вторжения нацистов¹⁷. По соглашениям, заключенным между

¹³ Речь К.В. Киселева на заседании 1-го комитета 3-й сессии Генеральной ассамблеи ООН от 24 ноября 1948 г. См. НАРБ, ф. 907, оп. 1, д. 37, лл. 179-187.

¹⁴ Еще осенью 1945 г. правительство Великобритании отказало Госдепартаменту США в просьбе пропустить в подмандатную Палестину единовременно 100 тыс. евреев из перемещенных лиц на том основании, что в Палестину уже было допущено 373 тыс. евреев (1919–1945 гг.), а ежегодная квота в 18 тыс. чел. не была изменена. В 1946 г. президент США Г. Трумэн повторил эту просьбу и снова получил отказ. См. РГАСПИ, ф. 81, оп. 3, д. 86, л. 89.

¹⁵ Одновременно Киселев предложил ликвидировать институт посредника ООН, поскольку его деятельность противоречила политике мира в регионе. См. НАРБ, ф. 907, оп. 1, д. 37, л. 188.

¹⁶ Бывшие Белостокское, Виленское, Новогородское, Полесское воеводства, где проживало от 350 тыс. до 400 тыс. евреев, вошли в Белостокскую, Брестскую, Барановичскую, Вилейскую, Молодечненскую и Пинскую области БССР.

¹⁷ Выселение поляков, белорусов и евреев накануне войны проводилось НКВД не по национальному признаку, а по принадлежности к слоям потенциальных противников советского строя; из приграничных областей БССР 10 февраля 1940 г. было выслано 50 тыс. 372 чел., 13 апреля 1940 г. – 26 тыс. 777 чел., 29 июня 1940 г. – 22 тыс. 879 чел. и 19–20 июня 1941 г. – 24 тыс. 419 чел. См. НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1900, лл. 1-2; д. 2076, лл. 165-166.

польским и советским правительствами, эти евреи получили возможность выехать в Польшу. К ним присоединились немногочисленные польские евреи, выжившие в партизанских отрядах¹⁸. На смену им в западные районы прибыли евреи с востока республики и страны в целом. Это было главным образом советизированное население, никак не связанное с ранее многочисленными общинами Пинска, Бреста и Гродно, Молодечно, Ракова, Воложина и Вилейки.

Евреи восточной части БССР¹⁹ за два десятилетия социалистических преобразований в значительной степени ассимилировались и интегрировались в советский социум. В годы войны часть из них уцелела благодаря тому, что имела больше времени на бегство²⁰. Религиозная и светская часть белорусского еврейства были несопоставимы по своему количеству. Первые остались в абсолютном меньшинстве. В Белоруссии также почти не осталось евреев – бывших членов сионистского движения («Поалей Цион», «Ха-халуц», «Бейтар» и др.) или других еврейских партий, как левых, так и правых. Оставшиеся 150 тыс. чел. из почти одного 1 млн евреев республики в границах 1941 г. (без Белостокской области)²¹ глубоко переживали трагедию Холокоста, унесшего только в Белоруссии около 800 тыс.

¹⁸ Самым известным был партизанский отряд им. Кирова братьев Бельских в Барановичской области, насчитывавший около 2 тыс. евреев.

¹⁹ В Гомельской, Витебской, Минской и Могилевской областях к январю 1939 г. проживало 375 тыс. евреев, учитывая среднегодовой прирост, можно предположить, что количество евреев в Восточной Белоруссии к лету 1941 г. выросло до 405 тыс. чел. См. M. Altshuler. "Escape and Evacuation of Soviet Jewry at the Time of the Evacuation" // *The Holocaust in the Soviet Union*. New York, 1993, p. 16; L. Smilovitsky. "A Demographic Profile of the Jews in Belorussia from the Pre-war to the Post-war time" // *Journal of Genocide Research* (New York), vol. 5 (1) 2003, p. 117;

<http://www.jewishgen.org/belarus/newsletter/DemographicProfile.htm>.

²⁰ Минск был оккупирован 28 июня 1941 г., партийное и государственное руководство тайно покинуло город уже вечером 24 июня 1941 г. без объявления эвакуации. В результате в городе погибло почти 100 тыс. евреев, в Витебске – около 20 тыс. из 37 тыс. (оккупирован 11 июля 1941 г.), в Могилеве – 10 тыс. евреев из 20 тыс. (27 июля 1941 г.), в Гомеле – 4 тыс. из 40 тыс. (19 августа 1941 г.). См. Л. Смиловицкий. *Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг.*, с. 13.

²¹ Белостокская область существовала с 4 декабря 1939 г. по 20 сентября 1944 г., когда большая ее часть отошла Польше, а меньшая была включена в состав Гродненской области БССР.

жизней²². Как показывают документы, и среди этих ассимилированных евреев нашлось немало таких, кто с надеждой взирал на образование еврейского государства, рассчитывая, что Израиль станет для них домом.

В поисках объективной информации некоторые из них слушали западные «голоса»: «Голос Америки» и Би-би-си на русском языке, а затем и «Голос Сиона в изгнании» на идише²³, и это, несмотря на все усилия властей по их глушению. Органы государственной безопасности БССР узнавали об этом из доносов осведомителей, оперативной слежки и в ходе допросов арестованных по обвинению в «националистической деятельности». Мордух Спришен и Макс Клячкин в Минске, начиная с мая 1948 г. регулярно «ловили» в эфире передачи из Израиля даже при плохой слышимости. В своем кругу, среди соседей и коллег на работе, они с «восхищением» (так в документе) отзывались об образовании еврейского государства и его борьбе за независимость. Клячкин заявлял, что если бы ему представилась возможность, то он бы, не задумываясь, уехал в Палестину²⁴.

В Борисове группа евреев слушала передачи израильского радио о развитии событий на Ближнем Востоке, хотя и не обсуждала их публично. Некоторые евреи опасались, что образование Израиля приведет к вспышке антисемитизма. Однако, когда СССР первым признал еврейское государство де-юре, многие начали считать, что Сталин относится к Израилю с симпатией²⁵. Посещение 7 сентября 1948 г. Голдой Меир, чрезвычайным посланником и полномочным представителем государства Израиль, Московской хоральной синагоги в праздник Рош ха-Шана (еврейский новый год) имело резонанс и в Белоруссии. Первый секретарь ЦК Компартии республики Н.И. Гусаров докладывал секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову, что в связи с этим

²² Л. Смиловицкий. «Евреи Белоруссии в первое послевоенное десятилетие» // *Вестник Еврейского университета*. № 9 (27), 2004 г., с. 213-236.

²³ Регулярное вещание на русском языке Би-би-си начала в марте 1946 г., «Голос Америки» – в 1947 г. Официальное вещание Радио Израиля началось в июле 1948 г., а с марта 1950 г. «Голос Сиона в изгнании» (Kol Zion le-Golah) стал транслировать программы на идише.

²⁴ Протокол допроса М.А. Спришена от 14 марта 1951 г. // ЦА КГБ РБ, д. 14037, т. 4, л. 62.

²⁵ Свидетельство И. Левина // Archive of the Oral History Department, Contemporary Jewry Institute, Hebrew University of Jerusalem, 217/63, p. 9-13.

в Минске слышались публичные восхваления государства Израиль и наблюдались факты «подстрекательства» к коллективному выезду евреев в Палестину²⁶.

Желая оценить распространенность сионистских настроений в республике в 1947–1948 гг., Совет министров БССР запросил мнение местных органов власти. В ответ чиновники партийных и советских органов Гомельской, Витебской, Могилевской и Минской областей отметили усиление в республике «националистических настроений», «восхваление» и идеализацию еврейского государства. Особенно подчеркивалось затушевывание «явно выраженного» буржуазного характера нового государства и антидемократической политики в отношении трудящихся, как евреев, так и арабов²⁷.

Вениамин Чернов из Бобруйска вспоминал, что в 1947–1948 гг. в скупых сообщениях советских газет он искал информацию о том, как сражались братья-евреи. Чернов считал, что в случае победы евреи смогут найти в Палестине свою родину, где они будут свободными и равноправными людьми²⁸. События в Палестине обсуждались в Речице, Жлобине, Слуцке, Лельчицах, Витебске и Гомеле. Евреи возмущались бездействием международной общественности в ответ на «проделки кровавых арабских банд». Высказывалось мнение, что набор добровольцев вызвал бы живой отклик у советских людей «еврейской национальности», нашлись бы деньги и желающие защищать молодое еврейское государство²⁹.

Работник Минского тракторного завода Рувим Хайкинсон, бывший армейский офицер-разведчик, в письме в адрес Еврейского антифашистского комитета в Москве предлагал использовать свой опыт в борьбе Израиля за независимость³⁰. Моисей Митлин из Гомеля изъяснял

²⁶ ГАРФ, ф. 8114, оп. 1, д. 910, л. 329.

²⁷ L. Smilovitsky. "Jews under Soviet Rule: attempts to renew Jewish Life during the post war reconstruction period: Case of Belarus, 1944–1953" // *Cahiers du Monde Russe* (Paris), French Research Centre D'études des Mondes Russe, Caucasiens Etc. Centre-Européen. Special issue devoted to WWII Aftermath in Soviet Union / April–September 2008. Vol. 49/2-3, pp. 502, 506-507.

²⁸ Письмо В. Чернова из Твери (Израиль) от 5 февр. 1998 г. // Архив автора.

²⁹ Письмо Евгении Гольдштейн из Афулы (Израиль) от 1 сент. 1998 г. // Там же.

³⁰ Письмо Р.Н. Хайкинсона от 17 мая 1948 г. // Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941–1948 гг. Документированная история / Под ред. Шимона Редлиха. Москва, 1996 г., с. 281.

желание, чтобы в Советском Союзе больше внимания уделяли освещению событий в Палестине, и спрашивал, что представляет собой сионизм и его идеология? Почему не изучается иврит?³¹ Художник Марк Житницкий поместил в белорусском сатирическом журнале «Вожык» (Минск) ряд карикатур на врагов Израиля³².

В адрес органа ЕАК газеты «Эйникайт» в Москве поступали письма из Белоруссии, в которых члены артелей и кооперативов (сапожных, швейных, трикотажных, строительных и др.) обращались с просьбой сообщить им адрес посла Израиля в СССР, чтобы с его помощью выехать на постоянное место жительства в Палестину³³.

Повышенный интерес к Израилю и вопросу о репатриации проявляли религиозные евреи Белоруссии. В октябре 1946 г. в Минске дома у Алтера Затурянского собрались руководители и активисты минских *миньянов* (групп для общественного богослужения): Спришен, Паллер, Лурье, Теплец, Дозорцев, Ханелес, Штерн и Борушанский. Все они были едины во мнении, что евреи Белоруссии должны «держаться курс на Палестину», поскольку в Советском Союзе у евреев нет своих школ, традиции, языка, еврейская молодежь обречена на ассимиляцию. Звучали голоса с предложением открыть *иешиву* (еврейское религиозное высшее учебное заведение). Теплец отметил, что долгое время он был грешником, так как состоял в Коммунистической партии. Его поддержал Дозорцев, который сказал, что сдал в райком партии членский билет и «повернул обратно к еврейскому народу». Верующие согласились, что Биробиджан – это «не то, что нужно», и необходимо образовать еврейскую федерацию. Тот вечер они закончили тостом со словами «*Ле-шана хабаа бе-Иерушалаим*» («В следующем году в Иерусалиме»)³⁴.

Судя по следственным делам МГБ, весной 1947 г. Самуил Паллер читал верующим письма из Палестины. В декабре того же года Яков Лурье в честь солидарности с государством Израиль на своей квартире

³¹ Yad Vashem Archives (= YVA), М-35/4, р. 2.

³² Б. Житницкая. *Жизнь, прожитая с надеждой*. Рамат-Ган, 1998 г., с. 92.

³³ Письмо М.З. Равича из Минска от 18 авг. 1948 г. См. ГАРФ, ф. 8114, оп. 1, д. 10, л. 54.

³⁴ Протокол допроса М.А. Спришена от 2 марта 1951 г. // ЦА КГБ РБ, д. 14037, т. 4, л. 32.

организовал «сборище евреев», которые «клеветали» на экономическое и политическое положение евреев в стране, призывали к эмиграции. В октябре 1947 г. дома у раввина Якова Бергера прихожане утверждали, что в отношении советских евреев ведется политика дискриминации, нет доверия к советской власти, что многие хотят эмигрировать³⁵.

Яков Лурье радовался возрождению Израиля, утверждая, что в СССР проводится неправильная политика в отношении евреев, произвольно закрыты еврейские театры, отсутствуют еврейские газеты, творческие союзы и научные учреждения. Зять Лурье, Лазарь Фейгельсон, якобы сравнивал жизнь советских евреев с «мертвецами» и восхищался жизнью в Палестине³⁶. Безусловно, сведения, полученные из доносов или добытые на допросах в сталинской тюрьме, не могут считаться достоверным источником. Однако другая часть евреев Белоруссии радовалась образованию государства Израиль в бывшей подмандатной Палестине.

В конце 1947 г. еврейские активисты вышли за рамки «кухонных разговоров». В связи с резолюцией ООН от 29 ноября 1947 г. о разделе Палестины Минская религиозная община выступила с инициативой подготовить Обращение к еврейскому населению БССР, которое поручили составить Теплецу и Лурье. Через неделю проект был готов. В нем говорилось о страданиях еврейского народа, об отсутствии собственной культуры, ставилась задача установить связь с еврейскими общинами Москвы, Ленинграда и Киева. Предлагалось также переименовать Минскую общину в Республиканскую, созвать съезд раввинов Белоруссии, обязать раввина Якова Бергера сплотить еврейское население вокруг синагоги, привлечь интеллигенцию, которая от нее оторвалась, возродить культуру евреев, которая за последние 30 лет в СССР была уничтожена³⁷.

³⁵ Обвинительное заключение от 29 мая 1951 г. на Я.Д. Лурье, М.А. Ханелеса, С.М. Паллера и М.А. Спришена // ЦА КГБ РБ, д. 14037, т. 4, лл. 348-354.

³⁶ Показания А.М. Ципрук. См. Заключение заместителя прокурора БССР А. Вербицкого от 19 мая 1958 г. по делу арестованных из Минской синагоги в 1951 г. // Там же, л. 642.

³⁷ Обвинительное заключение от 29 мая 1951 г. на Я.Д. Лурье, М.А. Ханелеса, С.М. Паллера, М.А. Спришена // Там же, д. 14037, т. 4, лл. 350-351.

В ознаменование образования государства Израиль было решено провести торжественное собрание. С этой целью от имени синагоги Ханелес и Гельфанд попытались арендовать помещение Белорусского театра оперы и балета, однако получили отказ на том основании, что вечер намечался с произнесением религиозных благословений и молитв³⁸.

Осведомители МГБ сообщали, что некоторые евреи после образования «еврейского буржуазного государства» активизировали свою «сионистскую деятельность». Вопросы внутренней и внешней политики они обсуждали с антисоветских позиций, распевали песни «националистического характера».

В апреле 1948 г. руководство Белоруссии направило в ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР сообщение об активизации контактов еврейского населения республики с границей³⁹. В письме сообщалось, что переписка белорусских евреев приняла «массовый» характер. По неполным данным, свыше 10 тыс. семей имели связь с землячествами и комитетами помощи в США и 3 890 чел. – с различными общественными объединениями и частными лицами в Палестине, а также с кибуцами (из перемещенных лиц) в Западной Германии, Австрии и Италии, еврейскими объединениями в Канаде, Англии и Аргентине. В письме подчеркивалось: есть основания полагать, что под прикрытием частной переписки, которая якобы инспирировалась и финансировалась иностранными разведывательными органами, поднимался круг вопросов, который выходил за ее пределы. Имелись в виду списки членов еврейских общин с адресами разыскиваемых родственников, сообщения об экономическом и политическом состоянии БССР, ценах на продовольственные и промышленные товары, уровне зарплаты, политических настроениях и пр. В оплату за предоставление такой информации поступают продуктовые и вещевые посылки. Только в Минске в 1946 г. было получено из США за 1946 г. 1 050 посылок, за 1947 г. – 1 924 посылки, а за три месяца 1948 г. – 1 405 посылок. Часть

³⁸ Протокол допроса М.А. Ханелеса от 1 февр. 1951 г. // ЦА КГБ РБ, д. 14037, т. 2, лл. 68-72.

³⁹ Письмо первого секретаря ЦК КП(б)Б Н. Гусарова И.В. Сталину и В.М. Молотову от 13 апр. 1948 г. // *Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953: Сб. документов / Составитель Г.В. Костырченко; под ред. А.Н. Яковлева. Москва, 2005 г., с. 130-133.*

посылок через подставных лиц получали члены ВКП(б), в том числе некоторые руководящие работники. В письме делался общий вывод о том, что в «результате возросшей антисоветской активности еврейского националистического элемента» в республике получили распространение эмиграционные настроения – выезд в США, Палестину, Польшу и другие страны как легальным, так и нелегальным путем. Гусаров от имени белорусского партийного и советского руководства просил у Сталина и Молотова указаний: как следует поступить?⁴⁰

Ситуация в Белоруссии не была исключением. По мнению профессора Якова Рои, многие евреи обдумывали эмиграцию в Израиль с первых дней его основания и, ободренные поддержкой Израиля Советским Союзом, обращались в государственные органы с просьбой разрешить им добровольно принять участие в войне на стороне Израиля. Это были в основном студенты высших и средних специальных учебных заведений, а также бывшие солдаты и офицеры Красной армии, воевавшие на фронтах Отечественной войны. Некоторые сравнивали Войну за независимость с гражданской войной в Испании (1936–1939 гг.), очевидно, пытаясь тем самым убедить власти в легитимности своего обращения. Однако эти заявления не только не были удовлетворены, но и через непродолжительное время стали основанием для репрессий против их авторов⁴¹.

Советское правительство не только никогда не признавало за своими евреями права на репатриацию в Израиль, но и предпочитало отрицать наличие желающих эмигрировать. В декабре 1951 г. министр иностранных дел СССР Андрей Вышинский на встрече с главой МИДа Израиля Моше Шаретом утверждал, что в Советском Союзе нет каких-либо групп советских граждан, которые хотели бы по своей воле покинуть его и переехать на жительство в Израиль. По словам Вышинского, советские евреи «дышат другим воздухом» и, в отличие от прочих стран, обладают полным равноправием, занимают важные посты в любых сферах деятельности, включая государственную службу, интегрированы в советскую жизнь, и «ни один из них не помышляет об

⁴⁰ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 148, лл. 126–131.

⁴¹ Y. Ro'i. *The Struggle for Soviet Jewish Emigration, 1948–1967*. Cambridge, 1991, pp. 28–31, 36–37.

эмиграции в Израиль или любую другую страну»⁴². Всего за период с 1948 по 1951 г. было удовлетворено только десять заявлений советских граждан на эмиграцию в Израиль.

Когда Сталин понял несостоятельность планов сделать Израиль своим сателлитом на Ближнем Востоке⁴³, он «отомстил» советским евреям серией преследований, которые прекратились только с его смертью. Тогда, между 1948 и 1953 гг., был распущен ЕАК, закрыты еврейские учреждения культуры, а деятели культуры репрессированы, прошла кампания по борьбе с «безродными космополитами» и началось «дело врачей».

В начале 1950-х годов по Белоруссии прокатилась волна арестов евреев, которая коснулась и религиозных кругов. В 1951 г. за «националистическую и сионистскую» деятельность арестовали часть организаторов общины: Моисея Ханелеса, Якова Лурье, Самуила Паллера, Мордуха Спришена, Лазаря Фейгельсона (январь-март 1951 г.), Моисея Гельфанда (февраль 1952 г.). В Лиде в 1951 г. арестовали Якова Двилянского. Суд не принял во внимание, что Двилянский воевал в партизанском отряде, выводил узников из гетто в лес, а после освобождения Белоруссии в июле 1944 г. вступил в Красную армию. Якова осудили на 10 лет лагерей⁴⁴. В Могилеве арестовали Зелика Косовского и двух его товарищей, один из них был *шойхетом* (резником). Из-за неимения своего радиоприемника они ходили к соседям-белорусам слушать «Голос Израиля», а те на них донесли. В ходе допросов следователи добивались признания, как Зелик и его товарищи «продавали советских людей»⁴⁵. Главного бухгалтера первой советской больницы Гомеля Голубева репресси-

⁴² *Советско-израильские отношения: Сб. документов. Т. 1. 1941–1953 гг. Кн. 2, май 1949–1953 гг., с. 314–315, 320–321.*

⁴³ Генри Моргентгау (1904–1980) – видный политический деятель США, посетивший Тель-Авив в октябре 1948 г., отмечал: «...Если в Израиле будет достигнут мир, то он станет единственным государством в Средиземноморском бассейне, на которое мы можем рассчитывать как на оплот обороны против коммунизма» // РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 446, л. 270.

⁴⁴ А. Саулкина. «Он жил с любовью к земле Израиля» // *Авив*. No 4. 1999 г., с. 15.

⁴⁵ Зелик Косовский получил 10 лет лагерей, а его товарищи – по 20 лет каждый, был реабилитирован только в 1958 г. Косовский возвратился в Могилев и работал слесарем; умер в 1988 г., а три его сына репатрировались в Израиль в 1991 г. См. Письмо Романа Аксельрода из Нацрат-Илита (Израиль) от 9 мая 1999 г. // Архив автора.

ровали за прослушивание иностранных радиопередач и за то, что на его квартире собирался миньян⁴⁶.

Одновременно в орбиту МГБ по подозрению в сионистской деятельности попали: Левик Глузкин, Алтер Затурыанский, Шлема Бернштейн, Самсон Жлобинский, Иосиф Плимак, Нафтоли Каган, Семен Шурин, Зерах Каплан, Зисель Соловейчик, Михаил Хасин и Рахиль Спришена, которые избежали тюремного заключения. В качестве свидетелей были допрошены: Александр Лейкин, Василий Реут, Яков Борушанский, Борис Генкин, Илья Рабинович, Арон Перельман, Абрам Токман, Иосиф Соркин, Абрам Гинзбург, Борис Сегаль, Абрам Вигадиер и Шимен Шнейдер⁴⁷. Путем угроз и запугивания следователи сумели собрать сведения, на основе которых были сфабрикованы дела о существовании в БССР еврейского националистического подполья, действовавшего в интересах Израиля и США.

Даже иметь родных или знакомых за рубежом стало опасным. При этом не имело значения, когда именно и при каких обстоятельствах эти люди там оказались. Родственники за границей не были редкостью у белорусских евреев. У Моисея Ханелеса два дяди, Абрам и Зелик, жили в Питтсбурге (штат Пенсильвания, США), а племянник, Абрам Ханелес, – в Палестине⁴⁸. У Якова Лурье в Иерусалиме находились тесть и теща, Лазарь и Эйдля Генкины⁴⁹. У Моисея Спришена в Нью-Йорке жили двоюродные братья Абрам и Зелик, которые уехали в США еще до революции, Лазарь и Эйдля Генкины покинули СССР до начала Второй мировой войны, а Абрам Ханелес – после ее окончания. Лазарь служил резником при синагоге, добивался выдачи заграничного паспорта, и через шесть лет его ходатайство было удовлетворено. Племянник Моисея Ханелеса, Абрам, воевал в партизанском отряде, а потом служил в милиции. В 1946 г. он выехал в Палестину как бывший польский гражданин. Переписка носила семейный характер, родственники и знакомые присылали своим близким в Белоруссию талесы, календари, молитвенники, мацу, кошерное вино.

⁴⁶ Письмо Розы Крачковской из Нацрат-Илита (Израиль) от 20 мая 1998 г. // Архив автора.

⁴⁷ Список лиц, привлекавшихся МГБ БССР по делу Минской синагоги в 1948–1952 гг. // ЦА КГБ РБ, д. 14037, т. 4, л. 490.

⁴⁸ Протокол допроса М.А. Ханелеса от 6 февр. 1951 г. // Там же, д. 14037, т. 2, лл. 107-109.

⁴⁹ Протокол допроса Я.Д. Лурье от 5 февр. 1951 г. // Там же, д. 14037, т. 1, лл. 78-83.

Наличие родственников в Израиле и других зарубежных странах служило наиболее распространенным предлогом увольнения евреев с работы, препятствием при устройстве на новое место, причиной отсутствия служебного роста. В Могилеве заведующего юридической консультацией адвоката Бориса Гольдина уволили на том основании, что родители его жены уехали в Палестину. Власти не смутило, что отъезд родственников Гольдина состоялся в 1933 г.⁵⁰ В ноябре 1949 г. отстранили от должности инспектора отдела кадров Минского областного управления кинофикации А.М. Гутеня, супруга которого поддерживала переписку с «лицами», проживавшими в США и Израиле. Органы МГБ отказали Гутеню в допуске к секретной работе, что послужило основанием для администрации его уволить⁵¹.

В то же время другая часть евреев республики оказалась под влиянием официальной пропаганды. Эти люди считали сионизм проявлением реакционной буржуазной идеологии, которая компрометировала евреев в глазах советской власти и титульной нации. Опасаясь за свое будущее, эти люди требовали бороться с сионизмом, который, с их точки зрения, вел авантюрную политику. В августе 1948 г. из Пинска в газету «Эйникайт» писал читатель Д.М. Самурин, который отмечал, что с началом войны между евреями и арабами в Палестине на стороне сионистов оказалась большая часть евреев Белоруссии. Автор подчеркивал, что даже у части евреев-коммунистов появляются мысли о Палестине как о еврейском государстве. Самурин требовал провести широкую разъяснительную работу в прессе по борьбе с сионизмом и еврейским клерикализмом⁵².

Инженер Белгоспроекта Хаим Переплетчиков опасался, что разговоры о Палестине, будучи «вредной и глупой фантазией», не приведут ни к чему хорошему. Юрий Златкиш, главный инженер проектной конторы Министерства промышленных стройматериалов БССР, считал, что те, кто занялся проблемой решения еврейского вопроса путем образования еврейского государства, «выжил из ума». Златкиш советовал им прекратить заниматься «этим делами»⁵³.

⁵⁰ Письмо Лазаря Шпарберга из Ашкелона (Израиль) от 12 февр. 1998 г. // Архив автора.

⁵¹ НАРБ, ф. 4, оп. 62, д. 76, л. 68.

⁵² ГАРФ, ф. 8114, оп. 1, д. 1056, л. 81.

⁵³ Протокол допроса Александра Исаевича Лейкина от 13 дек. 1948 г. // ЦА КГБ РБ, д. 7052, лл. 151–156.

Таким образом, провозглашение независимости государства Израиль во второй половине 1940-х гг. совпало с изменениями политической роли БССР на мировой арене. Будучи целиком зависимыми от общесоюзного центра, дипломаты из Минска сохраняли только видимость самостоятельного поведения. Сначала они осудили английский колониализм и арабскую агрессию, а когда курс Сталина изменился, выступили единым фронтом с коллегами из Москвы и Киева против США и «сил международного империализма». Никогда не признавая Израиль как историческую родину белорусских евреев, руководство Белорусской ССР, как и Кремль, рассматривало тему эмиграции как вмешательство в свои внутренние дела.

Еврейское же население республики, наоборот, с воодушевлением восприняло появление Израиля – независимого еврейского государства. Это стало центральной темой разговоров не только в синагогах и миньянах, но и на рабочих местах, в семьях и на товарищеских встречах.

Все слои белорусского еврейства: атеисты и верующие, рабочие, интеллигенция и государственные чиновники, военнослужащие и даже партийные аппаратчики – осознали, что имеют общий национальный «знаменатель». Главными источниками информации о положении в Палестине им служили официальная советская печать и зарубежные радиоголоса, прослушивание которых строго запрещалось. Государственная граница снова оказалась на замке, и это обстоятельство сделало невозможной массовую эмиграцию. Вместе с тем часть белорусских евреев рассматривала вероятность такого шага. Главным образом это имело отношение к оставшимся жителям западных районов республики, входивших до сентября 1939 г. в состав Польши. В их сознании сохранилась память о еврейских общинах, религиозной и национальной жизни, ставшей невозможной в Советском Союзе. После смерти Сталина репрессии против евреев сменились политикой неофициальной дискриминации еврейской интеллигенции и растущей пропагандой против сионизма и иудаизма.

Опубликовано:

Л. Смиловицкий. «Отношение руководства Белорусской ССР и ее еврейского населения к образованию Государства Израиль» // *Вестник Еврейского университета* (Москва-Иерусалим), № 14 (32), 2011 г., с. 108-120.

История Беларуси, отраженная в Израиле: обзор архивных коллекций документов и материалов

Представить себе историю Беларуси за последние триста лет без еврейской составляющей невозможно. Население белорусских земель в течение столетий не по своей воле оставалось под игом литовских князей, польских королей и русских царей. Царская администрация одинаково пренебрежительно относилась ко всему, что выходило за пределы великорусской державности.

Белорусам и евреям нечего было делить. Если на Украине евреи «делали» деньги, то белорусские «литвакес»¹, запертые в границах черты оседлости, в основном боролись за выживание и отдавали предпочтение еврейской учености. Вопиющее имущественное неравенство между евреями и белорусами отсутствовало, и это позволило избежать межнационального антагонизма. Мифы о том, что все евреи – богоубийцы, религиозные фанатики и эксплуататоры, а позднее легенды о мировом еврейском заговоре против основ христианства не получили здесь широкого распространения. Устоявшиеся добрососедские отношения между евреями и белорусами исключили межнациональные эксцессы, сотрясавшие империю во время первой русской революции, в 1905–1907 гг. погромы обошли стороной большинство белорусских губерний.

Эпоха, наступившая в марте 1917 г., после низложения русского царя, круто изменила белорусскую историю. В период новой смуты сами евреи нередко оказывались по «разные стороны баррикад»,

¹ Литвакес (*litvæk*, идиш) – группа ашкеназских евреев и исторически связанное с ними ортодоксальное течение в иудаизме на территории большей части современной Белоруссии, Литвы, Латвии, в некоторых прилегающих районах России, Украины и Польши, которые обладали некоторыми отличительными особенностями менталитета.

несмотря на то что большинство из них стремилось остаться в стороне от противоборства красных и белых. Однако это удавалось с трудом.

В ходе революции и гражданской войны Беларусь стала ареной массовой эмиграции. Евреи уезжали, спасаясь от налетов погромщиков, экономической разрухи, подавления частной инициативы и преследований верующих.

Одним из центров эмиграции всегда была Палестина, находившаяся сначала под турецким владычеством, а затем под контролем Великобритании (с 1922 г.). У глубоко верующих людей основным мотивом эмиграции служило желание жить на земле, заповеданной в Торе. Они собирали пожертвования для «Общества вспомоществования евреям земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине». Однако обретение общего дома как убежища для всего еврейского народа откладывалось на неопределенное время, до прихода мессии, пока не появились сионисты, призывавшиеся возродить Землю Израиля своим трудом.

Большевики осуждали эмиграцию по собственным соображениям. «Бунд» и другие национальные еврейские партии, перешедшие на их сторону, возглавили борьбу с сионистами. Советская власть обещала осчастливить евреев бывшей империи, подарить равноправие, обеспеченную и безопасную жизнь.

Эмиграция из БССР была насильственно прервана в 1930-е годы. Белорусские евреи оказались запертыми в сталинском Советском Союзе и лишены связи с мировыми еврейскими центрами. За два десятилетия социалистических преобразований (1919–1939 гг.) евреи в значительной степени были ассимилированы и интегрированы в БССР.

Вторая мировая война радикально изменила общую демографическую картину. Из почти 1 млн евреев республики до войны (в границах 1941 г.) уцелело менее 150 тыс. чел.² В Беларуси также почти не осталось евреев – участников сионистского движения («Поалей Цион», «Ха-халуц», «Бейтар») или других еврейских партий, как левых, включая «Бунд», так и правых. При этом даже среди ассимилированных евреев нашлось немало таких, кто с надеждой взирал на образова-

² Л. Смиловицкий. «Евреи Белоруссии в первое послевоенное десятилетие» // *Вестник Еврейского университета*, № 9 (27), 2004 г., с. 213-236.

ние еврейского государства, рассчитывая, что Израиль станет национальным домом и для них³.

В первые послевоенные годы (1944–1946 гг.) тысячи белорусских евреев покинули БССР как бывшие польские граждане. После смерти Сталина к ним присоединились немногочисленные родственники. Среди уроженцев Беларуси – первый (Хаим Вейцман, 1874–1952 гг.), третий (Шнеур-Залман Шазар, 1899–1973 гг.) и десятый (Шимон Перес, 1923–2014) президенты Израиля, два премьер-министра Израиля: Менахем Бегин (1913–1992) и Ицхак Шамир (1915–2012), основоположник современного языка иврит Элиэзер Бен-Иегуда⁴ и составитель первого русско-ивритского словаря Эвен Шошан⁵.

По сведениям израильского демографа Вячеслава Константинова⁶, из БССР с 1959 по 1978 г. по израильской визе выехали 4,2 тыс. евреев (часть из них в Вене изменила маршрут и отправилась в США). С 1979 по 1988 гг. из БССР в Израиль прибыли 1,7 тыс. евреев, а с 1989 г. по 1 октября 2010 г. – 75 тыс. евреев и членов их семей, подпадавших под Закон о возвращении⁷. В целом, суммируя все потоки еврейской эмиграции из Беларуси в государство Израиль, можно утверждать, что в наши дни белорусская диаспора в Израиле составляет не менее 100 тыс. чел. Все эти люди, безусловно, являются носителями исторической памяти⁸.

³ L. Smilovitsky, “Jews under Soviet Rule: attempts to renew Jewish Life during the post war reconstruction period: Case of Belarus, 1944–1953” // *Cahiers du Monde Russe* (Paris), French Research Centre D'études des Mondes Russe, Caucasiens Et Centre-Européen. Special issue devoted to WWII Aftermath in Soviet Union/ April-September 2008, vol. 49/2-3, pp. 502, 506-507.

⁴ Лазарь Юдович Перельман (1858–1922) – род. в д. Лужки Витебской губ.

⁵ Авраам Розенштейн (1906–1984) – род. в Минске.

⁶ Вячеслав Константинов, выпускник финансово-экономического института в Ленинграде, отделение статистики (1980 г.), в Израиле с 1990 г., защитил докторскую диссертацию по теме «Еврейское население бывшего СССР в XX веке» при Еврейском университете в Иерусалиме (2005 г.), в настоящее время ст. научный сотрудник Института Брукдейла при «Джойнте» (Иерусалим).

⁷ Закон о возвращении (1950 г.) предусматривает автоматическое получение гражданства каждым евреем, прибывшим в Израиль, но не распространяется на лиц, занимавшихся деятельностью, направленной против еврейского народа, или представляющих угрозу общественному порядку и безопасности страны.

⁸ Э. Иоффе. *Белорусские евреи в Израиле*. Минск, 2000 г.

Архивы

Белорусский материал в современном Израиле разбросан по многочисленным большим и малым архивам и научным исследовательским центрам, которые поражают своей пестротой. Это собрания по истории еврейского государства и диаспоры, политических партий и национальных движений – рабочих, кибуцных, молодежных, еврейского театра и кино, разнообразных течений иудаизма, еврейского воспитания и педагогики, музеев и университетов, мемориальных комплексов и т. д.

Единственный путеводитель по архивам Израиля, изданный израильской Ассоциацией архивов (Israel Archives Association) почти 40 лет назад, включил перечни основных фондов двадцати архивов – государственных, муниципальных, научных и общественных, а также краткую информацию об еще 10 архивах⁹. Справочник Ассоциации архивов (на иврите) содержит развернутые сведения о 26 архивах, упоминания о четырех архивах и адреса членов-сотрудников десятков израильских архивов¹⁰. Сегодня в интернете на портале этой Ассоциации размещены сайты 44 израильских архивов.

Главными архивами в Израиле являются: Государственный архив, в котором хранятся также документы периода подмандатной Палестины; Центральный архив сионизма; Центральный архив истории еврейского народа; архив Яд ва-Шем; архив Армии обороны Израиля; Архив труда (история еврейского рабочего движения); Архив Владимира Жаботинского (по истории движения сионистов-ревизионистов и еврейским подпольным организациям в подмандатной Палестине); Архив Хаима Вейцмана; архивы кибуцных движений в Мерхавии и Эйн-Хароде и архивы иешив (Мир, Воложин, Столин, Карлин и др.)¹¹. Важные сведения, отражающие белорусскую страницу еврейской истории, можно без труда отыскать в Национальной библиотеке Израиля в Иерусалиме. Ее

⁹ *Guide to the Archives in Israel* / Alsberg P.A. (ed.), Jerusalem, 1973.

¹⁰ *Israel Archives Association. Directory*, Haifa, 1996.

¹¹ Для сравнения: *Архивная иудаика России, Украины и Белоруссии: Материалы для указателя литературы* / Сост. Е.И. Меламед. СПб., 2001 г. и *Документы по истории и культуре евреев в архивах Беларуси: Путеводитель* / Под ред. М.С. Куповецкого, Э.М. Савицкого и Марека Вэба, Москва, 2003 г.

рукописный отдел содержит около 150 *пинкасим* (летописей общин)¹², а также архивы известных ученых и писателей.

Если в 1930–1940 гг. архивную систему в Израиле создавали преимущественно архивисты из Германии, а в 1950–1970 гг. им на смену пришли уроженцы Польши, то сегодня это специалисты из бывшего Советского Союза – архивисты, библиографы, историки, музейные работники. Большинство документов в архивах Израиля становятся общедоступными через 20 лет. Если они касаются политической жизни, то через 30 лет, а материалы спецслужб и личные бумаги – через 50 лет. Однако в 2010 г. срок хранения документов в секретных архивах Израиля продлили с 50 до 70 лет. Это имеет отношение к военным материалам и отчетам секретных служб с момента основания государства. В них описываются все основные события истории государства, включая Войну за независимость (1948 г.) и Шестидневную войну (1967 г.), Войну Судного дня (1973 г.), войну в Ливане (1982 г.) и др.

В качестве примера можно привести архив «Натива» («Лишкат ха-кешер», или «Бюро по связям»)¹³, который до конца 1990-х гг. формально входил в число израильских разведслужб. Однако его резидентам в Советском Союзе было запрещено заниматься сбором разведывательной информации или антисоветской деятельностью. После прихода к власти М.С. Горбачева (1985 г.) «Натив» начал работать легально. При израильских культурных центрах распространялась информация о положении на Ближнем Востоке, истории и традициях еврейского народа. Вместе с тем «Натив» критиковали за то, что он подменял МИД Израиля, Министерство просвещения и Сохнут. По понятным причинам доступ исследователей к архиву «Натива» ограничен.

До 1991 г. в распоряжении историков были только косвенные сведения, вынуждая их анализировать положение советского еврейства на основании материалов официальных советских источников, воспоминаний и свидетельств очевидцев событий тех лет. Большой интерес к советологии позволял получать щедрое финансирование на научные исследования, выпускать книги, защищать диссертации (Матитьягу

¹² *Пинкас* (от греч. *пинакс*; букв. «доска») – летопись еврейской жизни, которую вели на иврите до начала XX в. общины, благотворительные учреждения или ремесленные цехи.

¹³ Существовая с 1952 г., «Натив» был призван укреплять национальное самосознание евреев в СССР, координировать усилия за их выезд в Израиль.

Минц, Яков Рои, Бенъямин Пинкус, Шимон Редлих, Ицхак Арад, Мордехай Альтшулер и др.). С распадом Советского Союза и открытием его архивов возникла совершенно иная ситуация, которая позволила историкам познакомиться с первоисточниками, скопировать и привезти многие документы и материалы в Израиль.

Центральный архив народа Израиля (Иерусалим)

Больше всего материала, связанного с историей Беларуси, накопилось в Центральном архиве народа Израиля. Собирать его начали еще в подмандатной Палестине, когда в 1938 г. в Иерусалиме был открыт Общий архив еврейской истории. В нынешнем виде он существует с 1969 г.¹⁴ Одной из основных целей этого архива является сбор и каталогизация наиболее ценных сведений о жизни евреев диаспоры.

Фонды Центрального архива складывались из оригинальных и копийных материалов. Здесь хранятся документы сотен еврейских общин, международных организаций, а также из частных коллекций. Оригинальные архивные материалы размещены на полках, общей протяженностью шесть километров, а библиотека Центрального архива насчитывает 11 тыс. томов.

«Русская коллекция» Архива отражает жизнь свыше 950 еврейских общин, сведения о которых были почерпнуты в 40 архивах бывшего СССР. Это не менее 2 млн кадров микрофильмов и ксерокопии документов XVI–XX вв. Среди них можно встретить материалы «Общества распространения просвещения среди евреев России» (1863–1929 гг.), «Общества достижения полноправия евреев России» (1905–1907 гг.), молодежного движения «Гехалуц» (1917–1922 гг.), Центрального управления еврейских общин в России (1918–1919 гг.) и др.; фонды комитетов различных еврейских политических партий: «Поалей Цион» (1916–1921 гг.), «Социалистическая еврейская рабочая партия» (1917 г.), «Бунд» (1918–1921 гг.) и др. Редкие документы, касающиеся жизни евреев в Беларуси, скопированы в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, включая материалы «Еврейского историко-этнографического общества» (1908–1929 гг.), «Обще-

¹⁴ Central Archives for the History of the Jewish People (CAHJP) at Hebrew University, location: Hi-Tech Village 3/4, Giv'at Ram Campus, Hebrew University of Jerusalem.

ства переселения евреев в СССР» (ОЗЕТ), еврейского отделения «Ассоциации бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев» и др. Их дополняют материалы из архивов российских министерств внутренних дел, финансов, военного, торговли и образования, мировых судей на территории Беларуси и Украины, а также частных архивов польских дворянских семей и др.

Материалы о Белоруссии в архивах стран Балтии, Украины¹⁵, России¹⁶, как правило, не востребованы местными исследователями, поскольку они не заняты белорусскими сюжетами. Здесь же, в Центральном архиве народа Израиля в Иерусалиме, «белорусские» документы из самых разных источников собраны в одном месте, как единое целое. Удалось, например, приобрести пинкас из Ракова, который хранился у отца писателя Ури Финкеля¹⁷ – последнего раввина Ракова Гирша-Шломо Финкеля (освещал на иврите события в общине за 1810–1913 гг.). Писатель добавил к пинкасу заключительную главу на идише о событиях последних десятилетий и долгие годы хранил в тайнике уже при советской власти. После смерти Финкеля пинкас Ракова переправили в Израиль.

В каталоге документы Архива разделены по географическому принципу, в соответствии с границами на 1939 г., поэтому вся западная часть Беларуси включена в раздел «Польша»¹⁸.

Картотека оформлена на языке документа, а основные ее разделы делятся на общие, например USSR [Belarus], по населенным пунктам (города, местечки), международным организациям – «Общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России» (ОРТ), «Всемирный еврейский союз» (Alliance Israélite Universelle), «Еврейское

¹⁵ Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИАУ) в Киеве.

¹⁶ Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (РГИА), Российский государственный архив древних актов (РГАДА) и Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) в Москве.

¹⁷ Ури Финкель (1896–1957) – уроженец Ракова, писатель, литературовед и публицист, получил традиционное воспитание, работал в еврейском отделении Института белорусской культуры, перевел с русского языка на идиш несколько учебников для средней школы.

¹⁸ *Sources on Polish Jewry at the Central Archives for the History of Jewish People* / Compiled and edited by Hanna Volovici, Witold Medykowski, Hadassah Assouline and Benyamin Lukin, Avotaynu Foundation, 2004.

колониционное общество» (ЕКО), «Общество здравоохранения евреев» (ОЗЕ) и др., персоналии (по фамилиям).

RU – ксерокопии из архивов России–СССР–СНГ,
PL – описаны белорусские материалы, полученные из Польши,
НМ – микрофильмы,
НМФ – микроафиши,
CD – цифровые фото.

Примерами могут служить:

RU-523

Россия [Белоруссия]. *Канцелярия генерал-губернаторов Витебского, Могилевского и Смоленского*. Переписка МВД об уничтожении посылок с воззваниями к евреям о восстановлении Иерусалимского храма, получаемых из Лейпцига (1837 г.)

НИАРБ, Минск, ф. 1297, оп. 1, д. 10464.

НМФ/774

Россия [Белоруссия]. *Третье отделение собственной канцелярии Его Императорского Величества*. Дело о переселении неимущих евреев Белоруссии, желающих заниматься земледелием, в Тобольскую и Омскую губернии (1836–1839 гг.).

ГАРФ, ф. 109, 1 экс. (экспедиция), д. 176.

НМФ/782

Россия [Белоруссия]. *Третье отделение собственной канцелярии Его Императорского Величества*. Дело о расследовании деятельности хасидов в Витебской и Могилевской губерниях (включая Любавичского ребе Менделя Шнеерсона), 1841–1847 гг.

ГАРФ, ф. 109, 1 экс. (экспедиция), д. 14.

НМФ/787

Россия [Белоруссия]. *Третье отделение собственной канцелярии Его Императорского Величества*. Записка о преданности белорусских евреев русскому престолу и их экономическом положении, 1848 г.

ГАРФ, ф. 109, 1 экс. (экспедиция), д. 163.

RU-1122

Россия [Белоруссия], губернии Минская и Могилевская. Материалы санитарно-эпидемиологического отряда ОЗЕ по оказанию помощи

жертвам погромов в Бобруйском и Гомельском районах (документы начальницы отряда Бэлы Ланис: служебная переписка, сведения об оказании помощи, опросные карты, циркуляры, постановления, протоколы межведомственных совещаний; 1917–1922 гг.). *Оригиналы.*

RU-1453

Коллекция публикаций о еврейском театре в России. БелГОСЕТ: рецензии, статьи, объявления о выступлениях и спектаклях.

Личные фонды:

Р-1: Дубнов Семен (1886–1940 гг.), письма, рукописи, фотографии, открытки, научные и газетные публикации.

Р-166: Михоэлс Соломон (1915–1948 гг.), документы и фотографии по теме иудаики.

Р-216: Гордин Аба (1880–1964 гг.), философ, журналист, теоретик анархизма в послеоктябрьской России.

Р-238: Поляков (семья), (1748–1907 гг.), банкиры, держатели концессий на строительство железных дорог в России.

Р-257: Зайчик Исаак (1919–2004 гг.), эпидемиолог, филокартист, коллекция фотографий, почтовых карточек и слайдов.

Поиск в электронном каталоге Архива можно вести по следующим позициям или их сочетаниям: страна, община, дата события, название и описание темы или ключевого слова, фамилия, организация¹⁹.

В Центральном архиве народа Израиля в течение последних 20 лет проект поиска и копирования архивных материалов СНГ, включая документы по истории Беларуси, координирует Вениамин Лукин. За этот период коллекции Архива пополнились более чем тремя миллионами страниц документов в микрофильмах и ксерокопиях. С обзорами выявленных и скопированных материалов, которые включают сведения о Беларуси, можно познакомиться по сделанным публикациям²⁰.

¹⁹ См. <http://sites.huji.ac.il/archives>

²⁰ B. Lukin, A. Peri. "Israeli Archives with Material on Russian Jewish History: The Central Archives for the History of the Jewish People" // *Jews in Eastern Europe*, no.1 (1996), pp. 65-81; and in 2003: B. Lukin B. "The Creation of a Documentary Collection on the History of Russian Jewry at the Central Archives for the History of the Jewish People" //

Центральный сионистский архив (ЦСА, Иерусалим)

Белорусские материалы прослеживаются в собраниях Центрального сионистского архива и охватывают период с 1880 по 1970 г. Это было время становления и роста сионистского движения во всем мире, развития еврейского очага в Палестине. Они содержатся в документах Всемирной сионистской организации, Еврейского агентства, Еврейского национального фонда и Керен ха-Йесод (Фонд образования Израиля), а также архивах Всемирного еврейского конгресса и других органов. ЦСА располагает личными документами лиц, принимавших активное участие в сионистском движении, развитии Палестины и Израиля. ЦСА имеет более полумиллиона фотографий, 50 тыс. карт и планов, более 18 тыс. плакатов и листовок, 13 тыс. газет и журналов, библиотеку и коллекцию микрофильмов, более трех тысяч документальных фильмов и видеосюжетов, поступивших от фонда Стивена Спилберга из США. Сайт архива помещен в интернете²¹.

Материалы, имеющие отношение к истории Беларуси, содержат следующие коллекции:

DOCUMENTS ON THE HISTORY OF ZIONISM IN VARIOUS COUNTRIES
F-7: Russia, 1898–1941

THE JEWISH COMMUNITY (ORGANIZATIONS, INSTITUTIONS, LOCALITIES)

J-89: “Magen” – Society for Helping Those Who Suffer For Zionism in Soviet Russia
(Tel Aviv).

J-122: Collection of Documents for a Memorial Anthology on Minsk, 1917–1984.

J-124: Association of Zion Prisoners in 1970–1995.

Judaica in the Slavic Realm, Slavica in the Judaic Realm: Repositories, Collections, Projects, Publications. Z. Baker (ed.), (N-Y, 2003), pp. 17-36.

²¹ См. <http://www.zionistarchives.org.il/ZA/pMainE.aspx>

CM-440: Selected files on Zionist activities (Police Department of the Russian Ministry of Interior) and Collection of illegal leaflets and bulletins held by the police, 1889–1917.

THE PHOTOGRAPH COLLECTION

*Ariyeh Rafaeli Zenzipper*²² Collection on the History of Zionism in Russia about 7,000 photographs on Zionist activity in Russia, the USSR and Eastern Europe, 1884–1937, including portraits and photographs of Zionist activists in prison and exile in the 1920s.

LIBRARY

contains over 100,000 volumes in various languages, relating to the history of Zionism (including anti-Zionist publications) and the history of Palestine in the modern era²³.

Научные центры

Яд ва-Шем

Документы и материалы, связанные с трагедией евреев Беларуси в период Второй мировой войны, собраны в *Яд ва-Шем* – Национальном мемориале Катастрофы (Холокоста) и героизма в Иерусалиме²⁴. Мемориал, который ежегодно посещает более 1 млн чел., включает Долину разрушенных общин²⁵, сад и аллею Праведников народов мира²⁶, международный научный институт, школу изучения Холокоста, исторический музей, Зал имен, художественный музей, видеоцентр, архив и библиотеку.

²² Ценципер (Рефаэли) Арье (1900–1977) – уроженец Освея, Витебская губ., историк сионистского движения в России; прибыл в Эрец-Исраэль в ноябре 1926 г.

²³ *Guide to the Archival record groups and collections*, Jerusalem 2003.

²⁴ Яд ва-Шем.

²⁵ Долина общин – мемориал на площади 1 га, где на 107 стенах из отвесных каменных глыб, которые образуют карту Европы, выбиты названия более пяти тысяч еврейских общин, уничтоженных во время Холокоста (включая свыше 300 городов и местечек Беларуси).

²⁶ Открыты в честь неевреев, рисквавших своими жизнями ради спасения евреев (всего на 1 января 2010 г. – 23 тыс. 226 чел. из 44 стран, в том числе из Беларуси – 608), их имена и место проживания выбиты на мемориальной стене, установленной в саду.

Архив Яд ва-Шем располагает самым большим в мире количеством документальных материалов по теме Холокоста – 125 млн листов и 350 тыс. фотографий, а также 100 тыс. аудио- и видеосвидетельств уцелевших в годы Второй мировой войны. В библиотеке собрано свыше 90 тыс. названий книг на разных языках и тысячи периодических изданий.

В архиве собрана уникальная база данных на 2,5 млн убитых евреев. Списки погибших переведены на иврит, английский и русский языки.

На сайте Яд ва-Шем можно найти истории, связанные с такими памятными для Беларуси местами, как Бельнич, Березино, Бобруйск, Быхов, Грозно, Дзержинск (Койданово), Дараганово, Дрибин, Камень, Чашники, Чаусы, Чериков, Черневка, Червень, Хиславичи, Хотимск, Кличев, Климовичи, Копысь, Крупки, Лахва, Лапичи, Лиозно, Липень, Логойск, Лудза, Ляды, Марьина Горка, Мозырь, Мстиславль, Новогрудок, Пропойск, Пуховичи, Рясно, Смолевичи, Сухари (Чаусский район), Шамово (Мстиславский район):

www1.yadvashem.org/untoldstories/bobruysk/commemoration.html

Все эти сюжеты содержат описание событий, фотодокументы, памятники на местах захоронений и записи видеосвидетельств.

Тема Беларуси отражена в таких фондах Яд ва-Шем:

М-1 Q: Historical questionnaires

М-29: FR Bundesarchiv-Militaerarchiv, Freiburg

М-31: Righteous among the Nations (Праведники народов мира)

М-33: Чрезвычайная Комиссия по расследованию фашистских преступлений на оккупированных территориях Советского Союза (ЧГК СССР)

М-35: Еврейский антифашистский комитет в СССР (Москва)

М-41: сведения из архивов БССР

М-46: Совет по делам религиозных культов при Совете министров БССР, Совинформбюро, Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС)

О-3: Testimonies Department of the Yad Vashem Archive

О-32: Testimony collection from Soviet Union

О-33: Collection of Various Testimony, Diaries and Memoirs

О-33 C: Records Testimonies

О-37 1: Sheerit Hapletah- list of Survivors

O-41: Register of Holocaust Victims
O-49: Collection of Maps
O-75: Letters and Postcards
P-21: Ilya Ehrenburg Collection
TR-1: International Military Tribunal (IMT), Nuernberg
TR-3: Eichmann Trial
TR-10: Judicial Documentation from Trials of Nazi Criminals
VT: Video Testimonies

Наиболее значительной является коллекция М-41, составленная из документов, полученных из Беларуси, Германии и Польши, всего – 3902 единицы хранения (files), в том числе на русском языке – 3524 ед. хр., или 90,3%, на польском – 490 (12,5%), на немецком – 229 (5,9%) и на идише – 5 ед. хр.

Поиск в М-41 удобно вести при помощи ключевых слов²⁷, географических названий, фамилий и имен собственных.

Архив Яд ва-Шем после 1991 г. пополнился огромным количеством «русских» материалов, недоступных прежде историкам. Ими занята большая группа специалистов, прибывших из СССР. «Русский» проект, объединяющий архивы от Балтики до Киргизии, Казахстана, Дальнего Востока, координирует Маша Ионина (Левина), а работу в архивах Беларуси и Балтийских стран – Белла Нохем (Киршнер). Им помогает бывшая сотрудница Пинского краеведческого музея Рита Марголина.

Центр по исследованию и документации евреев Восточной Европы²⁸

Одна из наиболее содержательных коллекций по истории Беларуси была сосредоточена в Центре по исследованию и документации евреев Восточной Европы. Открытый в 1956 г. при Еврейском университете в Иерусалиме, к 2003 г. Центр собрал почти 200 тыс. томов книг и сотни

²⁷ Основными ключевыми словами служат: «демография», «общинная, социальная, экономическая и религиозная жизнь», «занятия и ремесла», «ежедневная жизнь», «оккупация», «гетто», «коллаборация», «партизаны», «конфискация имущества», «спасения», «дети», «праведники народов мира», «сопротивление», «увековечение памяти» и пр.

²⁸ The Center for Research and Documentation of East-European Jewry. The Avraham Harman Institute of Contemporary Jewry, the Hebrew University of Jerusalem, Mt. Scopus.

комплектов газет и журналов СССР и СНГ. Приоритетной целью стала публикация документов. Первым вышел сборник на русском языке «Еврейские публикации в Советском Союзе, 1917–1960 гг.» под редакцией Хоне Шмерук (Иерусалим, 1961). Затем появились издания на иврите под редакцией Мордехая Альтшулера: «Публикации на русском языке о евреях и еврействе в Советском Союзе в 1917–1967 гг.» (Иерусалим, 1970), «Еврейство Советского Союза в освещении прессы на идиш в Польше в 1945–1970 гг.» (Иерусалим, 1975). В 1994 г. Центр издал первый в своем роде труд доктора Авраама Гринбаума: «Раввины Советского Союза между двумя мировыми войнами»: Биобиблиографический лексикон. Далее – «Зеркало на камне» (Иерусалим, 1964) по истории литературы на идише в Советском Союзе; антология произведений на идише репрессированных в СССР еврейских писателей, книга «Письма идишистских писателей Советского Союза» (Иерусалим, 1979), где впервые были опубликованы многие письма, находящиеся в архивах США.

В ходе изучения демографии и социальных процессов в СССР были выпущены монографии: «Евреи в переписи населения в Советском Союзе в 1959 г.» (Иерусалим, 1963, английский язык, иврит) и «Евреи в переписи населения в Советском Союзе в 1939 г.» (Иерусалим, 1993, англ. яз.), а также сборник документов и материалов на русском языке «Советские евреи пишут Илье Эренбургу» (Иерусалим, 1993).

В 1960 г. началось издание двух серий: «Евреи и еврейский народ» и «Материалы из советской печати (за 1960–1985 гг.)». Они включали в себя сообщения, статьи, заметки, корреспонденции из советской периодической печати, собранные в результате анализа 30 ежедневных газет и более 60 журналов на русском, украинском и белорусском языках. Каждый сборник насчитывал более 200 страниц.

Далее увидели свет семь томов материалов из советской печати: «Евреи и еврейский народ; 1948–1953 гг.» (1973 г.). Начиная с 1970 г. Центр собирал сведения о независимых еврейских изданиях: «Еврейский самиздат» (1970–1985) (тт. 1–27, 1974–1992 гг.) и «Петиции, письма и обращения евреев СССР» (тт. 1–10, 1968–1978 гг.), «Анти-еврейские процессы в Советском Союзе» (1969–1975 гг.), которые включали обвинительные заключения, приговоры, свидетельские показания и даже протоколы судебных заседаний.

Центр изучал историю еврейских сельскохозяйственных поселений в БССР до 1939 г.²⁹ Демографическим изменениям в СССР посвятили свои работы М. Альтшулер³⁰ и А. Гринбаум³¹.

С 1970 по 1978 г. выходил ежегодник «Изучение и исследование проблем евреев Советского Союза», а с 1985 г. – журнал «Евреи в Восточной Европе» (три раза в год на английском языке)³². Авторами его стали исследователи из разных стран, включая уроженцев Беларуси (Аркадий Зельцер, Даниил Романовский, Леонид Смиловицкий, Альберт Каганович и др.).

На основе коллекций Центра были защищены докторские диссертации: (Ш. Клес «Сионистская деятельность в Советском Союзе во время советско-германской войны 1941–1945 гг.», И. Литвак «Евреи Польши в Советском Союзе во время второй мировой войны», М. Бейзер «Евреи Ленинграда между двумя мировыми войнами», А. Зельцер «Евреи Северо-восточной Белоруссии между мировыми войнами, 1917–1941 гг.»).

Архив Центра после своего расформирования в 2005 г. был передан Центральному архиву народа Израиля.

Центр диаспоры

Специальные проекты посвящены истории Беларуси, Польши, еврейско-польских и еврейско-белорусских связей³³.

Центр был открыт в 1964 г. в рамках факультета гуманитарных наук

²⁹ Хоне Шмерук защитил докторскую диссертацию «Евреи и сельскохозяйственные поселения в Советской Белоруссии, 1918–1932 гг.».

³⁰ М. Альтшулер. *Советские евреи после второй мировой войны*. Нью-Йорк, 1987, *Советские евреи накануне Катастрофы: социальный и демографический портрет*. Иерусалим, 1998.

³¹ А. Гринбаум. *Еврейские научные и просветительские учреждения в Советской России в 1918–1953 гг.* Иерусалим, 1978.

³² “Jews in Eastern Europe” in continuation of Jews and Jewish Topic in the Soviet Union and Eastern Europe; “Jews in Russia and Eastern Europe” in continuation of “Jews in Eastern Europe”.

³³ The Institute was established in 2004 and collaborates with academic and public institutions and organizations in Israel and throughout the world in promoting its activities: publication of books, encouragement of young scholars through the distribution of prizes and grants, organization of conferences and sponsorship of academic events, responsibility for Polish language instruction at the University, and the planning of study tours to Eastern Europe.

при Тель-Авивском университете по инициативе профессора Шломо Сименсона, который возглавлял его до 1992 г. Сотрудники Центра изучают историю и культуру еврейского народа в разных странах мира. Центр проводит международные научные конференции и симпозиумы, публикует книги по истории еврейской диаспоры. Выходят академические журналы и альманахи на английском языке и иврите: «Gal-Ed»³⁴, «Michael»³⁵, «Shvut»³⁶.

Два проекта были инициированы д-ром Леонидом Смиловицким:

Проект 1. *История местечка в Беларуси, как модель еврейской жизни в XIX–XX вв.*

Исследование распадается на два этапа – до и после событий 1917 г. В первой части главное внимание уделено демографической структуре, проблемам занятости, труда и ремесел, образования и религиозной жизни. Во второй части анализируются перемены, наступившие после захвата власти большевиками, последовавшей за этим гражданской войной, волной эмиграции за пределы Беларуси в США, Палестину и другие страны (1918–1929 гг.). Рассматриваются вопросы советизации населения, участия евреев в партийном и государственном строительстве, переселении в Крым, борьба режима с религией и сионизмом, работа школы на идише, состояние здравоохранения, сталинские репрессии (1936–1939 гг.). Проект опирается на документальные материалы, почерпнутые в архивах Израиля, России и Беларуси, а также в периодической печати, воспоминаниях и свидетельствах³⁷.

³⁴ This bilingual publication is the flagship of the Institute, and as the only academic journal on the subject of Polish Jewry to publish studies in both Hebrew and English, it enjoys international prestige and recognition.

³⁵ A bilingual (English and Hebrew) academic journal, which is a compilation of various articles in the research of Jewish History in the Diaspora. Every volume deals with a specific topic.

³⁶ Academic magazine of studies in Russian and East European history and culture (English and Hebrew).

³⁷ Результаты исследования частично опубликованы в ряде монографий и научных публикаций: <http://www.jewishgen.org/Belarus/newsletter/authors.htm>
http://souz.co.il/clubs/read.html?article=2722&Club_ID=1

Проект 2. *Евреи в БССР, 1944–1953 гг.*

Период с 1944 по 1946 г. характеризуется активным участием уцелевшей части белорусского еврейства в восстановлении и реконструкции разрушенной войной экономики республики, ее культурной и научной жизни, в которых евреи играли часто ключевую роль. В то же время, начиная с 1946 г., подозрительность и недоверие к еврейскому населению в БССР достигли своего апогея к 1953 г. Евреев обвинили в буржуазном национализме и безродном космополитизме. Культуру на идише, которая оставалась последним проявлением национальной жизни, запретили, все еврейские организации, союзы и объединения (творческие, научные, просветительные и др.) распустили. Пик этой кампании пришелся на 1953 г. – «дело врачей». Однако этот временной промежуток между окончанием войны и смертью Сталина оказался поворотным моментом, пробудившим самосознание даже тех евреев, которые, пережив ужасы Холокоста, испытывали иллюзии по поводу возрождения еврейской национальной жизни в Беларуси.

Архив Центра диаспоры

Материалы, собранные в Архиве, включают оригиналы и копии. Это корреспонденция и выдержки из прессы и книг, фотографии и картины. Коллекции документов расположены по географическому принципу, учреждениям и организациям, а также личным собраниям, всего 40 тыс. единиц хранения (files), которые содержат около 250 тыс. документов, поступивших из стран еврейской диаспоры. На сегодняшний день в компьютерную базу данных Архива введено около 13 тыс. документов. Фонд делится на следующие категории:

A – Institutions and Organizations

P – Private bequests and personal archives

T – Territorial collections (items with no distinct provenance, grouped according to country of origin)

D – Publications of Institutions and organizations (statutes, protocols, reports, pamphlets, bulletins, etc.)

K – Catalogues of publishers and antiquarians dealing with Jewish studies

M – Microfilms

Белорусская тема в документах и материалах отмечена в следующих коллекциях:

A-9: The Jewish Association for the Protection of Girls and Women, London, 1894–1925

A-21: “Let My People Go”: a collection of Pamphlets and newspaper clippings concerning world Jewry’s effort on behalf of Soviet Jewry, 1953–1975

A-31: Israel Foreign Office: analysis of Soviet press, 1940s–1960s.

P-11: The Abram Pribluda³⁸ Bequest: Jews in the Soviet Union

P-12: The Yitzhah Eliashix Bequest: Hebrew journalism in Poland, Russia and Eretz Yisrael, 1899–1919

P-20: The Perets Markish³⁹ Bequest

P-51: The Moshe Goldblatt⁴⁰ Bequest: (actor and director, and manager of the Jewish theater in the Soviet Union), 1917–1974

P-55: The Julius Brutskus⁴¹ Bequest: (historian who specialize in the history of Jews in Ancient Russia, a leader of the Jewish Health Organization [O.Z.E.], Zionist author and journalist)

³⁸ Абрам Соломонович (Аврум Шлема Менделевич) Приблуда (1900–1978) – советский еврейский языковед-ономаст, историк и библиограф, юрист, специалист по кооперативному и налоговому праву, писал на идише и русском языке.

³⁹ Перец Давидович Маркиш (1895–1952) – еврейский поэт и писатель, писал на идише, руководитель Еврейской секции Союза писателей СССР, член президиума Еврейского антифашистского комитета, расстрелян.

⁴⁰ Гольдблат Моше (Моисей Исаакович; 1896–1974, Хайфа) – режиссер и актер театра на идише, засл. артист РСФСР (1935 г.), нар. артист Казахской ССР (1943 г.), засл. деятель искусств Украинской ССР (1945 г.), репатриировался в Израиль (1972 г.).

⁴¹ Бруцкус Юлиус (1870–1951) – общественный деятель и историк, министр по еврейским делам в правительстве Литвы (1921 г.), один из основателей партии сионистов-ревизионистов, эмигрировал из Германии во Францию (1933 г.), бежал в США, затем переселился в Палестину.

P-60: The Yehuda Slutski⁴² Bequest: sources and research on the history of the *Haganah* and the *Yishuv*; the history of the Russian Jews in the 19–20 centuries; the history of the Jewish press in Russia

T-31: The territorial collection “USSR”: 191 items (documents, memoirs, letters, photographs, etc.), 1821–2000

Inventory 808, 871 (I–III), T-31/102, T-32/221
The Hirsh Smoliar Bequest

Всеизраильская Ассоциация по изучению еврейских общин в диаспоре

Для поощрения исследования жизни евреев в диаспоре и распространения на русском языке знаний по еврейской истории и иудаизму в 1957 г. была образована Ассоциация по изучению еврейских общин в диаспоре⁴³.

Наиболее фундаментальным проектом Ассоциации стала Краткая еврейская энциклопедия, изданная в Иерусалиме на русском языке (1971–2005 гг.).

В 1972 г. открылось книжное издательство «Библиотека-Алия», выпустившее на русском языке около 250 книг по еврейской истории, литературе, философии и религии⁴⁴.

Ассоциация финансируется частными и общественными организациями, такими как Мемориальный фонд еврейской культуры, «Джойнт», Фонд «Ави Хай» и др. (председатель правления Эли Валк).

Библиотеки и научные центры

С материалами, отражающими историю Беларуси, можно познакомиться в библиотеках, крупнейшими из которых являются Нацио-

⁴² Слуцкий Йехуда (1915–1978) – израильский историк, писатель, издал «Сефер Бобруйск» («Книга Бобруйска», 1967, в 2 томах, а также книгу «Тну'ат ха-Хаскала бейхадут Русия» («Движение Хаскала среди российского еврейства», 1978).

⁴³ Первым председателем Ассоциации стал уроженец Двинска Шауль Авигур (1899–1978), в настоящее время ее возглавляет Элиягу Валк, бывший первый посол Израиля в Беларуси (1993–1997 гг.).

⁴⁴ В конце 1990-х гг. в связи появлением в Израиле частных и общественных издательств, выпускавших книги на русском языке, «Библиотека-Алия» резко сократила свою деятельность.

нальная библиотека Израиля (с 1892 г.)⁴⁵ и Русская библиотека в Иерусалиме (с 1991 г.)⁴⁶.

Иерусалимский Центр еврейской прессы на русском языке

Белорусский материал отражен в коллекции Центра, которую начали собирать в 1992 г. В нем сведены 1700 периодических изданий на русском языке, выходившие с 1860 по 2005 г. в Америке, странах Европы, Азии и подмандатной Палестины. Масштабы проделанной Центром работы огромны. Основатель Центра д-р В. Карасик⁴⁷. После его смерти газетный фонд поступил в Центральный архив еврейского народа, который приступил к каталогизации собрания. Предложение выделить коллекцию в отдельный раздел пока не нашло поддержки⁴⁸.

Русское еврейство в зарубежье (Иерусалим)

Сведения о белорусской эмиграции можно почерпнуть в публикациях научно-исследовательского центра «Русское еврейство в зарубежье», который изучает историю более 4 млн евреев, покинувших Российскую империю, СССР и СНГ за два последних столетия. Центр возник по инициативе д-ра Михаила Пархомовского в 1992 г. На сегодняшний день издано более 20 книг, посвященных вкладу русскоязычной эмиграции: писателей, поэтов, критиков, литературоведов, издателей, книготорговцев, деятелей искусства, шахматистов, ученых, общественных деятелей, меценатов.

Первые пять томов составили серию «Евреи в культуре русского зарубежья», следующие – под общим названием «Русское еврейство в зарубежье». Они включают книги о русских евреях в Англии (т. 7),

⁴⁵ В Национальной библиотеке Израиля фонд книг на русском языке насчитывает 50 тыс. томов, в электронный каталог внесены издания с 1984 г.

⁴⁶ 100 тысяч единиц хранения, почти все книги и периодические издания, выходящие в Палестине, Израиле и многих странах мира на русском языке. Библиотека составляет «Указатель книг, изданных на русском языке в Израиле», начиная с конца XIX в. и до наших дней (www.isrusbook.com), более чем 6 тыс. изданий.

⁴⁷ Карасик Владимир (1941–2006) – ученый-геофизик, автор трех монографий, 60 научных работ.

⁴⁸ *Еврейские периодические издания на территории бывшего Союза ССР, 1988–1994 гг.* / Сост. В. Карасик. Тель-Авив, 1995 г.

Франции (тт. 8 и 9), Палестины/Израиля (тт. 11, 14, 17, 19), Америки (тт. 12, 15, 18, 20), Германии и Австрии (т. 16) и др. Отдельным изданием вышла монография М.А. Пархомовского «Евреи России в зарубежье: Очерки истории».

Труды Центра открыли новое направление в иудаике и являются одним из основных источников знаний о русском зарубежье. Традиционным стало проведение научных конференций, семинаров, лекций на базе Центра, участие в международных форумах, разработке учебных программ по данной теме⁴⁹.

Центр документации еврейского национального движения в СССР

Историю белорусского «отказа»⁵⁰ можно обнаружить в материалах Центра документации еврейского национального движения в СССР, который был образован в апреле 2002 г. в рамках Ассоциации «Храни и помни» силами бывших узников Сиона⁵¹. Среди основателей Центра: Аба Таратута – директор, Эдуард Марков – заместитель, д-р Михаэль Бейзер – научный консультант⁵². В июне 2010 г. архив Центра, составленный из 250 коллекций, вместе с подробным научно-поисковым аппаратом был передан в Центральный архив истории еврейского народа в Иерусалиме.

«Тезна»

Не лишает своего внимания историю Беларуси и культурно-просветительное общество «Тезна»⁵³. Основанное в Иерусалиме в 1994 г., оно позиционирует себя как объединение, отстаивающее общие гуманитарные ценности. Общество издает журнал «Время искать» на русском языке, посвященный общественной и политической мысли, истории и культуры и адресованный, главным образом русскоязычной

⁴⁹ Некоторые материалы Центра размещены в интернете:

www.echo.oranim.ac.il; www.litcatalog.al.ru/periodics/evkrz.html

⁵⁰ Отказники – советские граждане, получившие официальный отказ на выезд из СССР.

⁵¹ Узники Сиона – лица, подвергавшиеся репрессиям за сионистскую деятельность.

⁵² Центр поддерживает сайт в интернете под названием «Запомним и сохраним»: http://www.angelfire.com/sc3/soviet_jews_exodus/index.shtml

⁵³ *Тезна* – «смоковница, древо познания добра и зла», иврит.

интеллигенции. «Теэна» первой опубликовала перевод с идиша на русский язык главы из книги Ехезкеля Котика «Мои воспоминания»⁵⁴ с подробным описанием типичной еврейской жизни в местечках Беларуси (на примере Каменец-Литовска). Только спустя годы увидел свет полный перевод на русский язык этого произведения, получившего высшую оценку Шолом-Алейхема⁵⁵.

Информационные сайты

Центр по изучению проблем ксенофобии и антисемитизма при Тель-Авивском университете: www.tau.ac.il/Anti-Semitism/

Центр по изучению России и стран СНГ/Балтии при Тель-Авивском университете: <http://www.tau.ac.il/~russia/>

Jewish News Agency (in Russian): <http://www.aen.ru/ru/>

Russian Jewish history: <http://www.berkovich-zametki.com/>

Центр по изучению истории евреев России и Восточной Европы (Москва): www.crjs.ru

Belarus Special Interest Group in USA: www.jewishgen.org/belarus/

Объединение выходцев Беларуси в Израиле:

http://souz.co.il/clubs/club.html?Club_ID=1

Центр по изучению и преподаванию иудаики на русском языке «Сефер»: <http://www.sefer.ru>

Сионизм и отказники в СССР: <http://www.soviet-jews-exodus.com/>

Всеизраильская Ассоциация узников гетто и уцелевших в Катастрофе (Израиль): <http://www.netzulim.org>

Таким образом, внушительный объем «белорусского» материала, собранного в архивах Израиля более чем за полвека, никак не отражается на развитии научных контактов между нашими странами. Возникшая ниша до сих пор остается незаполненной. За прошедший период не было предложено ни одного проекта между научными учреждениями Израиля и Беларуси (Институт истории Академии наук). Отсутствуют программы обмена студентами, преподавателями университетов. Первая и последняя научная конференция по еврейской истории Беларуси состоялась в Минске в мае 1994 г.⁵⁶

⁵⁴ См. *Время искать* (Иерусалим), № 6, 2002 г., с. 166-196.

⁵⁵ Е. Котик. *Мои воспоминания*. Москва–Иерусалим, 2009 г., 368 с.

⁵⁶ *Еврейская культура и ее взаимодействие с белорусской и другими культурами*: Материалы науч. конф., май 1994 г. *Беларусіка–Albaruthenica*, Минск, 1995 г.

Единственным обоюдным достижением можно считать сохранение памяти о жертвах Холокоста на территории Беларуси в годы Второй мировой войны, хотя «белых пятен» в этой области более чем достаточно. Забвение общей истории несправедливо по отношению к целым поколениям евреев и белорусов, живших рядом не одно столетие, и особенно очевидно на фоне достижений России, Украины и стран Балтии и Молдавии, которые активно разрабатывают еврейский пласт своего исторического прошлого.

Необходимость нового прочтения нашей общей истории давно назрела. Работы непочатый край, с чего начать? Было бы разумно создать межгосударственную комиссию по совместному изучению исторического прошлого еврейского и белорусского народов, издавать сборники документов, монографии, открыть выставки и музейные экспозиции, сайт в интернете. Одним из перспективных направлений мог бы стать проект исследования местечка черты оседлости как феномена национальной жизни и взаимоотношений с соседями.

Отдельными совместными проектами могут стать подготовка и издание коллективных трудов «История евреев в Беларуси», «Катастрофа евреев в Беларуси в годы Второй мировой войны», «Энциклопедия евреев в Беларуси» и др. Опыт реконструкции прошлого Белоруссии на примере взаимодействия еврейских и белорусских общин послужит моделью для тех, кто захочет посвятить свое время изучению истории родного края.

Опубликовано:

L. Smilovitsky. "Israeli Reflections on the History of Belarus: A Review of Archival Collections and Research Centers": Report at the International Conference "*Returning to Europe: Belarus' Past and Future*" on November 12-14, 2010 / Institute of Civic Space and Public Policy of Lazarski University in Warsaw (s. 50-62); Tom zbiorowy Ed. by Siobhan Doucette, Andrej Dynko, Ales Pashkevich. Warsaw, Oficyna wydawnicza Uczelni Lazarskiego, 2011.

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

Раввин Арье-Лейб Шифман из Пуховичей

В 1891 г. в Турове накануне праздника *Симхат Тора* в семье шойхета Мейше бер Шифмана и Гитл-Цивье родился первенец, которому дали имя Арье-Лейб. За ним у четы Шифман появилось еще шестеро детей, но Арье-Лейб выделялся особой одаренностью. Когда мальчику исполнилось семь лет, раввин Исер-Залман Мельцер¹ взял его под личную опеку. В 1904 г. в 13-летнем возрасте Арье-Лейба по рекомендации Мельцера приняли в иешиву Радуни, созданную раввином Хафец Хаимом², с которой Арье-Лейб был связан в течение 18 лет.

Мейше и Гитл не довелось узнать, как сложится судьба их детей, и внуков они не дождались – вскоре после погрома в Турове 1920 г. умерли. Когда Арье-Лейбу исполнилось 30 лет, Исер-Залман Мельцер познакомил в своем доме сына туровского резника с его будущей женой – Рохл Лидер, дочерью раввина Копыля Израиля-Янкива Лидера. Свадьбу сыграли в 1922 г., еще через несколько месяцев Арье-Лейб получил *смиху* (диплом раввина) и право возглавить общину в

¹ Исер-Залман Мельцер (1870–1953) – раввин, основал иешиву в Слуцке (1894 г.), выехал в Палестину (1924 г.), возглавил иешиву «Эц хаим» в Иерусалиме, участник создания системы ортодоксального религиозного образования, возглавлял объединение иешив в Палестине, председатель «Совета знатоков Торы» (Агудат Исроэль), автор комментариев к сочинениям Маймонида.

² Хафец Хаим – Исроэль Меир ха-Козн (Каган, наст. фамилия Пупко; 1838–1933), один из ведущих галахических авторитетов нового времени и наиболее почитаемых предводителей ортодоксального еврейства, возглавлял иешиву в Василишках (1868 г.), основал иешиву в Радуни, автор знаменитого труда «Хафец Хаим» («Жизнелюб», 1873).

местечке Грозово³. Однако пробыла там молодая чета недолго – раввин Телушкин из Пуховичей эмигрировал в Америку, и его место оказалось вакантным.

Самостоятельная жизнь

Арье-Лейб приобрел репутацию вдумчивого и отзывчивого человека, владеющего премудростями еврейской учености. Образцом поведения для него служили моральные и этические законы Хафеца Хаима. Поэтому не случайно в 1922 г. Шифман получил одновременно два приглашения – от верующих Марьиной Горки и Пуховичей занять место руководителя общины и направлять их духовную жизнь.

Марьиная Горка представляла собой городской поселок – центр Пуховичского района в 63 км от Минска с населением около 6 тыс. жителей, пятую часть из которых составляли евреи. Здесь действовали железнодорожная и почтовая станции, сельскохозяйственный техникум. Свой выбор Арье-Лейб остановил на Пуховичах – местечке в семи километрах от Марьиной Горки, меньшему по размерам, но с богатой историей и традициями. Еврейская община Пуховичей вела свое начало с XVI в. В 1923 г. здесь проживало 1 214 евреев⁴, или более половины всего населения. На одну церковь в Пуховичах приходилось три синагоги. Евреи торговали в полусотне лавочек и магазинов, четыре раза в год проводились ярмарки. Отношения с белорусами были хорошими. Жители окрестных деревень покупали у евреев все необходимое для жизни, регулярно делали заказы еврейским ремесленникам. Большим достатком не отличались ни те, ни другие, поэтому и делить особенно было нечего. В порядке вещей считались взаимопонимание и выручка.

Евреи Пуховичей жили по заведенным давно правилам и распорядку. Шойхетом был Эли Арун, который одновременно исполнял обязанности моэля, совершая ритуальные обрезания новорожденным мальчикам. В Марьиной Горке за это отвечал Райцке. Евреи предпо-

³ Грозово – бывшее местечко Слуцкого уезда Минской губернии, ныне село Копыльского района Минской области, в 1897 г. – 928 жителей, из которых 765 евреи, в 1923 г. – 686 евреев.

⁴ *Еврейское население СССР. Движение за время с 1897 по 1923 г. и распределение по республикам и поселениям.* Вып. 1 / Под общей редакцией З.Л. Миндлина. Москва, 1927 г., с. 34.

читали называть друг друга прозвищами, а не по фамилии. После приезда в Пуховичи чета Шифман квартировала у Хаима дер Карликара (Хаим-карлик), а потом у Довида дер Крамера (Давид-лавочник). Водноса в местечке звали Нохим дер Клог (Нохим-бедолага). Был и свой юродивый – Меир дер Мешугенер (Меир сумасшедший). Одиноким и беспомощным человек, он кормился подаванием, а члены общины по очереди оказывали ему посильную помощь. В Пуховичах всегда собирали аудиторию слушателей *магиды* (проповедники), они имели прозвища того места, откуда происходили родом или где постоянно проживали. Хватало бедняков и нищих, были свои жадины и люди щедрые, дававшие на благотворительность. *Шадхоним* (сваты) и *клемеры* (музыканты) помогали устраивать свадьбы, а смешанные браки считались редкостью⁵.

В Пуховичи приезжали разные *орхим* (гости), и дом Шифманов был всегда открыт. Каждое лето у них останавливалась семья раввина Лидера из Минска. Когда раввин Аарон Телушкин решил перебраться на постоянное место жительства в Америку, он заехал проститься в Пуховичи. Цилиа, дочь Арье-Лейба, вспоминала, что после этого посещения отец был встревожен и сказал, что в Америку не поехал бы, что хочет в Палестину, что если это не удастся, то власти соберут оставшихся раввинов и духовных лиц на Соловках. Гостей члены общины приглашали к обеду по очереди. Если кто-то нуждался в ночлеге и оставался вечером после *майрев* (вечерней молитвы), то раввин Шифман приводил такого человека к себе домой. Трапеза полагалась два раза в день, поэтому обедали вечером. В Пуховичах действовало несколько синагог, мелаеды вели занятия в *хедерах* (еврейских религиозных начальных школах для мальчиков). На *швуэс* (*Шавуот*, праздник дарования Торы) хозяйки угощали блинчиками, и прежде всего они доставались гостям, чтобы хватило, а потом уже своим домашним.

1920-е гг. были далекими от достатка. Однако раз в неделю на *шабес* (субботу) у всех на столе находились *халес* (хала) и кусочек мяса. Принято было делиться друг с другом, чтобы встретить царицу-субботу как подобает евреям. В 1933 г. голодали все, но даже тогда соседи делились отрубями и кислой капустой. В Пуховичах у четы

⁵ Письмо Цили (Цивьи) Дынкиной из Нью-Йорка от 26 февр. 1999 г. // Архив автора.

Шифман родились дети: девочка Циля (Гитл-Цивья) в 1924 г. и мальчик Мейше-Бер в 1927 г.

Параллельно с этой жизнью существовала советская власть. Все дела Пуховичей вершил сельсовет, где заседали тоже евреи – дети прихожан синагог. Они заставляли верующих отправлять детей в государственную школу, требовали закрыть хедеры. Шифману угрожали, что если его дочь не будет посещать школу в субботу, то его отдадут под суд. Циля вынуждена была ходить по субботам в школу, но при этом перевязывала руку, чтобы не писать, или пропускала занятия под разными предлогами. Директор школы, чтобы утвердиться как коммунист, устраивал антирелигиозные вечера для родителей. Но, поскольку Арье-Лейб не являлся, он заставлял Цилю декламировать атеистические стихи Харика, Кульбака и других пролетарских еврейских поэтов⁶.

Большое несчастье случилось в Пуховичах в 1924 г. – сильный пожар, и почти все местечко выгорело. Огонь уничтожил не только жилые дома, хозяйственные постройки, школу, но и синагогу, *микву* (резервур для ритуального омовения). В этих условиях молодой раввин проявил лучшие организаторские качества. Он установил связь с американским Обществом выходцев из Пуховичей и заручился их поддержкой. Деньги из Америки переводились на имя Арье-Лейба, принявшего на себя ответственность за прихожан всего местечка. В сжатые сроки были отстроены дома верующих и две синагоги: общая для молитвы и *бейт-мидраш* – место учебы и изучения Торы, кошерная бойня, новая миква, привели в порядок еврейское кладбище у реки. После этих событий авторитет раввина значительно вырос⁷.

Репрессии

Независимый и рассудительный раввин оказался помехой сельсовету. Арье-Лейб отказывался от сотрудничества с ним и на все имел свое мнение. Будучи в Пуховичах неформальным лидером, раввин стал фигурой, которую властям захотелось устранить. Общая государственная политика ограничения прав верующих на рубеже 1930-х гг.

⁶ Письмо Цили Дынкиной из Нью-Йорка от 20 мая 2000 г. // Архив автора.

⁷ “Remembering Rabbi Arie Leib Ben Meishe Ber Shifman” // *The Jewish Press*, Oct. 5, 1990.

развязала им руки. В начале 1930-х гг. Арье-Лейба арестовывали дважды по обвинению в сокрытии нетрудовых доходов и паразитическом образе жизни. Первый раз это произошло в 1933 г., когда поздно вечером к Шифманам явился председатель сельсовета Пуховичей и сказал: «Ребе, я пришел за Вами». Его увели и продержали ночь в погребе, требовали золото и доллары, которые родственники пуховичских евреев жертвовали на синагогу и нужды общины. Коммунисты, убедившись, что раввин самый бедный из своих прихожан и, кроме книг, у него ничего нет, отпустили. Потом от Шифмана потребовали отказаться от звания раввина и объявить об этом через одну из республиканских газет – «Советскую Белоруссию» или «Звязду». В периодической печати уже появились такие «признания» духовных лиц из разных местечек Белоруссии, которых удалось запугать. Домой к раввину зачастил фининспектор с требованием открыть источник доходов семьи. Две сестры Арье-Лейба жили в Минске и присылали ему 15 руб. в месяц, квитанции на которые раввин предъявлял проверяющему.

Через год история с задержанием и вымогательством в НКВД повторилась, и снова без результата для властей. В 1936 г. Шифману вместе с семьей приказали в 24 часа покинуть Пуховичи под предлогом, что местечко находится в 95 км от советско-польской границы, а все подозрительные и нелояльные лица должны удалиться за 101 км. Раввина разлучили с его общиной, к которой он прикипел душой, заставили срочно уехать, без вещей и книг, которые остались на съёмной квартире.

Ближайшим местом, где разрешалось остановиться, оказались Осиповичи⁸. Шифман нашел комнату, поселил семью и отправился на поиски работы в Смоленск. Арье-Лейба приняли в синагогу и устроили на должность бухгалтера, где он фактически исполнял обязанности раввина. Летом 1937 г. Шифман нашел относительно благоустроенное жилье на улице Нижнепрофинтерновская, д. 14/1 и забрал семью. Однако оставаться вместе долго им не было суждено.

⁸ Осиповичи – бывшее местечко Минского уезда Минской губернии, ныне город, центр района Минской области, в 1923 г. здесь проживало 2 856 евреев.

Последний арест

17 октября 1937 г. Шифмана вызвали повесткой в НКВД на допрос, который длился весь день, и предложили стать негласным информатором органов государственной безопасности. В противном случае угрожали привлечь к ответственности как политического преступника. Следователь отпустил его на сутки домой все обдумать и посоветоваться с женой. Арье-Лейб ответил, что ему незачем возвращаться, потому что вера и убеждения не оставляют ему выбора. 19 октября в два часа ночи к Шифманам постучали. Обыскали все углы, трясли каждый *сэйфер* (книгу), забрали два мешка с рукописями, письма родных, переписку с раввинами Котлером, Мельцером, Хафец Хаимом и другими.

7 ноября 1937 г., в годовщину Октябрьской революции, объявили общую амнистию. Однако на политических заключенных она не распространялась. Домой к Рохл неожиданно пришел молодой человек, нееврей, с приветом от Арье-Лейба. Он показал записанный на теле адрес Шифманов и сообщил, что есть надежда на освобождение мужа. По рассказу незнакомца, он находился с ним в общей камере. Она была переполнена, и арестованные вынуждены были все время стоять. Раввин держался достойно, утешал слабых, обнадеживал павших духом. Из тюремного пайка он брал только хлеб, а похлебку и махорку отдавал другим. Шифмана жалели и «давали место», то есть расступались и позволяли два часа в день полежать. Это была последняя весточка от родного человека.

Когда 27 ноября 1937 г. Рохл, Циля (13 лет) и Мейше-Бер (10 лет) стояли в общей очереди в тюрьму Смоленска с передачей, к ним подошел начальник тюрьмы и спросил: «Шифман?» Рохл и дети хором ответили: «Да!» Начальник уточнил: «С бородой?» Жена и дети подтвердили, они ожидали, что вот-вот в дверях появится Арье-Лейб, его отпустят и все вместе вернутся домой. Но услышали неутешительное: «Осужден на 10 лет без права переписки. Выселен в отдаленные лагеря». Ночью Рохл тайком увезла детей к родственникам в Гомель – было известно, что вслед за вынесением приговора мужу в течение короткого времени забирают жену, а детей отправляют в специальный детский дом, где могут даже поменять имя и фамилию.

Следствие и суд

Арье-Лейб бен Мейше бер Шифмана судила «тройка» Управления НКВД Смоленской области под председательством Антонова. Обвинение имело несколько пунктов, но все они сводились к осуществлению раввином активной контрреволюционной деятельности среди населения, клевете на советскую власть, поддержанию контактов с заграницей, выражению сочувствия Тухачевскому и Троцкому и возбуждению прихожан против местных властей.

В ходе следствия, которое длилось с 20 октября по 12 ноября 1937 г., были допрошены восемь свидетелей. Арье-Лейба обвиняли в том, что он переписывался с родственниками в Литве и США, жаловался на тяжелое материальное положение семьи и просил помощи, получал чеки для Торгсина⁹. В Вильнюсе (Литва) проживал брат Шифмана – Иешуа (Овсей), в Ньюпорте (США) – тетя Рахиль Ароновна Перепелочкина, в Минске – сестры Фрейдл, Ханке и Рива. Сначала Шифман отрицал переписку, но после предъявления перехваченных писем вынужден был признать. Письма послужили главным основанием для обвинения в клевете. Другое обвинение гласило, что, будучи самым влиятельным членом еврейской общины *миснагдим* (противники хасидизма) в Смоленске, он стремился превратить ее в контрреволюционную организацию. Третьим было мнимое укрывательство от налогов. Четвертым – организация верующих Смоленска с требованием создать условия для соблюдения иудейских традиций. Раввин организовал сбор подписей верующих с просьбой разрешить устройство кошерной бойни и миквы для женщин. Сбор подписей был истолкован как попытка контрреволюционного заговора.

Пятое обвинение состояло в апелляции Шифмана к новой редакции советской Конституции 1936 г., которая декларировала право всех народов Советского Союза открыто исповедовать свою религию. Это следствие истолковало как призыв к сопротивлению и свержению существующего строя.

Шестое обвинение гласило, что Арье-Лейб выражал сочувствие «врагам народа» Тухачевскому, Якиру, Уборевичу, Путне, Фельдману

⁹ Торгсин (торговля с иностранцами) – система магазинов в 1930-е гг. дефицитными товарами в обмен на иностранную валюту, золотые и серебряные монеты царской чеканки и изделия из драгоценных металлов.

и другим жертвам репрессий и высоко о них отзывался. В дополнение к этому он якобы восхвалял Троцкого и утверждал, что при нем евреям жилось бы лучше.

Седьмое обвинение состояло в толковании раввином положений древнееврейских текстов в контрреволюционном духе.

Свидетели, проходившие по делу Шифмана, были прихожанами Смоленской синагоги и членами «двадцатки»¹⁰ – Аарон Фукс, Мовша Харит, Михаэль Долгин, Самуил Пергамент, Залман Сонин, Мендель Махлин, Хаим Кольнер, Зелик Кац и Липа Шевелев. Первому следователю Кириенко не удалось добиться нужных показаний. Тогда за дело взялся следователь Свиридов, и свидетели сделали необходимые признания.

Из материалов следствия, которые хранятся в архиве Управления ФСБ по Смоленской области, видны незаурядные личные качества и независимое поведение раввина Шифмана на допросах. Он не скрывал своих убеждений, считая, что в противном случае его жизнь утратит смысл.

Шифмана приговорили к расстрелу 13 ноября 1937 г., который привели в исполнение 19 ноября того же года. Место захоронения неизвестно и по сей день. Как правило, осужденных на высшую меру «социальной защиты» расстреливали в подвалах тюрьмы НКВД на ул. Дзержинского, напротив южной стороны крепостной стены Смоленского кремля. Ночью тела тайно вывозили либо на Козьи горы, либо на специальное кладбище на южной окраине города. Иногда расстреливали в овраге Реадовки, но это случалось в большинстве случаев до 1937 г., а после только эпизодически. В годы оккупации нацисты проводили в Реадовке массовые экзекуции евреев и русских. Сейчас на этом месте насыпан курган, разбит мемориальный парк и установлена статуя «Скорбящая мать». Однако упоминания о евреях как жертвах сталинских репрессий нет.

Остается неизвестной, и судьба архива раввина Шифмана. Начиная с 1920-х гг., он писал «в стол», не надеясь на прижизненную публикацию. При аресте были изъяты книги, девять папок рукописей и

¹⁰ «Двадцатка» – минимальное количество верующих, необходимое по Закону 1929 г. для регистрации религиозного объединения и передачи ему молитвенного здания, члены «двадцатки» несли личную ответственность за все мероприятия, проходившие в синагоге.

других документов. Книги были сожжены, а документы и рукописи бесследно исчезли.

Война

Рохл с детьми поселилась в Гомеле. Они придумали себе легенду, в которой не осталось места репрессированному Арье-Лейбу. Рохл устроилась кассиром в продовольственный магазин, а Циля и Мейше учились в школе. Перед войной Циля поступила в Ленинградский государственный университет и окончила I курс. Когда объявили о войне, она немедленно приехала в Гомель. Город бомбили, Циля с братом прятались в бомбоубежище, и всякий раз, покидая квартиру, она клала в карманчик единственное семейное фото, сделанное в Пуховичах в 1925 г., в память об отце. Во второй половине августа 1941 г. Шифманы эвакуировались из Гомеля в числе последних. Мейше болел, и его с температурой под 40° Рохл и Циля под руки вели к эшелону. Сначала был Харьков, а когда немцы приблизились, бежали дальше и оказались в Средней Азии. Там они пережили эвакуацию, Циля окончила педагогический институт в Ленинабаде¹¹ и получила диплом учителя математики. Мейше учился в Ленинградском электротехническом институте, эвакуированном в Ленинабад. После снятия немецкой блокады с города на Неве институт вернулся на прежнее место, и вместе с вузом перебрался в Ленинград Мейше. В ноябре 1945 г. к нему приехали Циля и Рохл, и семья воссоединилась.

Трагически сложилась судьба родных Шифманов в Минске и Вильнюсе. В отличие от Гомеля, куда нацисты пришли только 19 августа 1941 г., Минск оккупировали уже через неделю после начала войны – 28 июня 1941 г. Высшее партийное и государственное руководство республики покинуло город без объявления об эвакуации 24 июня, что рядовым гражданам запрещалось. Самовольно оставить город приравнялось к дезертирству и влекло за собой наказание по законам военного времени. В результате в Минском гетто оказались 100 тысяч евреев, судьба которых была предрешена. В Минске жили сестры Арье-Лейба – Фрейдл, Ханке и Рива, дом которых на улице Опанского находился в черте гетто. Многие завидовали – не нужно

¹¹ Ленинабад – город в Таджикистане на реке Сыр-Дарья (до 1936 г. – Ходжент, после 1991 г. – Худжанд).

переселяться, искать квартиру, переносить вещи, ведь использовать транспорт запрещалось, можно было взять только то, что несешь на себе. В гетто очутились Рива с мужем Шмуэлем Хургиным и их дети Мейше и Гителе, мать Шмуэля и его племянница Эмалия со своей мамой. Отец Эмалии – Моисей Хургин, врач, в момент вступления немцев в Минск находился на работе и не нашел семью. Ему посчастливилось выбраться из окружения, и после долгого пути он попал в Новосибирск.

Рива и Эмалия, в числе других узников, стали свидетелями экзекуций нацистов в Минске. После этого Рива сошла с ума и отказалась принимать пищу – она умерла от голода. Эмалия бежала к партизанам и оказалась единственным человеком, кто смог рассказать о судьбе родных в Минском гетто. Во время побега на дороге возле леса Эмалия видела Ханке и ее грудную Гителе, которые были мертвы. Фрейдл тоже погибла в гетто, она была инвалидом (хромая), и ее убили прямо в доме.

В гетто Вильнюса погибли брат Арье-Лейба Иешуа с женой, дочкой Брайнеле и сыном Мейшеле. Всего на оккупированной территории Белоруссии и Литвы погибло 12 родственников раввина Шифмана, других его сестер и брата с семьями нацисты убили в Польше.

После войны

В 1947 г. Циля вышла замуж за военного врача Давида Дынкина, который четыре года провел на передовой, спасая раненых в госпиталях. После женитьбы Дынкин демобилизовался из армии и стал гражданским врачом в Ленинграде. Давид не только вошел в семью Шифман, но и стал религиозным человеком. В течение двадцати пяти лет он был лечащим врачом известных ленинградских раввинов Лубанова¹² и Эпштейна¹³. К нему обращались многие верующие синагоги, и он никому не отказывал.

¹² Абрам Рувимович Лубанов (1888–1973) – раввин, общественный деятель, в 1930-е гг. жил в здании Хоральной синагоги Ленинграда под видом сторожа, раввин ленинградской Хоральной синагоги (1943–1973 гг.), арестован (1951 г.), после освобождения с середины 1960-х гг. (после ампутации ноги) руководил общиной, не выходя из дома.

¹³ Мойше-Мордхе Гиршевич Эпштейн (Пинский) (1875–1977) – раввин, окончил иешиву «Томхей тмимим» в Любавичах, раввин в Могилевской губ. (1900–1920-е гг.),

У Цили и Давида родились два мальчика: Шимен-Залман и Лейбе, которым они тайно сделали обрезание. После войны в Ленинграде существовала подобная возможность, но в результате можно было потерять работу. Первого сына обрезали в 1949 г. в комнатухе общежития учителей, где жили молодые супруги. Они пригласили мозля из синагоги, закрыли на ключ дверь, занавесили окна и громко включили радио. Давид сам держал ребенка, и все прошло благополучно. В 1957 г., через восемь лет, тот же мозль сделал *брис* и второму сыну. К тому времени Цили и Давид уже имели собственную квартиру, но сценарий повторился – замкнулись, опустили шторы и включили громко музыку.

Реабилитация

До 1977 г. Цили оставалась на фамилии Шифман в надежде, что случится чудо и кто-то еще найдет их и расскажет правду об отце. В 1979 г. она подала официальное заявление о реабилитации, несмотря на то что после смерти Сталина прошло уже четверть века. Из прокуратуры Смоленской области сообщили, что уголовное дело в отношении Арье-Лейба Мовшева в порядке надзора было изучено и в президиум Смоленского областного суда направлен протест с вопросом о его реабилитации. О результатах рассмотрения протеста Шифманам должны были сообщить из областного суда, а дату смерти и место захоронения раввина указать в Управлении КГБ по Смоленской области¹⁴. В марте 1979 г. Смоленский областной суд отменил постановление «тройки» УНКВД от 13 ноября 1937 г. и прекратил дело за отсутствием состава преступления¹⁵.

Казалось, спустя более сорок лет правда восторжествовала, и Арье-Лейб бен Мейше бер Шифман был посмертно реабилитирован. В свидетельстве о смерти, выданном городским ЗАГСом 28 декабря 1979 г., родственники прочитали, что смерть их отца и деда наступила

раввин Ленинграда (с начала 1930-х), арестовывался (1937, 1950 гг.), неофициальный раввин хасидской общины Ленинграда (1954–1976 гг.), выехал в Израиль в 1976 г.

¹⁴ Письмо старшего помощника прокурора Смоленской области по надзору за следствием в органах государственной безопасности А.Е. Старостенкова от 22 янв. 1979 г. // Архив автора.

¹⁵ Письмо председателя Смоленского областного суда Н.С. Шаденкова от 23 марта 1979 г. // Там же.

«в местах заключения», но в графе «причина смерти» была сделана запись «не установлено»¹⁶. Другими словами, родным раввина предлагали строить догадки: умер ли их близкий человек от голода, надорвался на работе, погиб в результате «разборок» заключенных или от несчастного случая? Что угодно, но только не расстрел... С этой полуправдой им пришлось жить до 1994 г., когда удалось познакомиться с копией уголовного дела Арье-Лейба в архиве Федеральной службы безопасности Смоленска.

Несмотря на все мучения и пытки, раввин Шифман не признал себя виновным – это был незаурядный поступок мученика. Большинство людей, на которых обрушивалась машина следствия, «ломались» на допросах. Они наивно полагали отказаться на суде от своих показаний под предлогом, что обвинения до предела абсурдны, а следователи-палачи их пытали. Разгадка состояла в том, что в театре под названием «советское правосудие» прокуратура, следствие и суд были заодно и приговор известен заранее. В ходе фарса «следствия» требовалось получить новую информацию о потенциально недовольных людях и выявить подробности для обвинительного заключения, составлявшегося задним числом.

В Америке

Шифман-Дынкины прожили в городе на Неве до 1983 г., когда после трех лет «отказа» они получили разрешение эмигрировать в Америку. Рохл, Циля и Давид с детьми поселились в Нью-Йорке и продолжили вести еврейскую жизнь, но теперь уже открыто. Давид и младший сын Лейба остались ортодоксальными евреями, а старший сын Шимен-Залман женился на американской еврейке и перешел в консервативный иудаизм. До отъезда внуки Арье-Лейба окончили Ленинградский политехнический институт – один по астрофизике, а другой по биофизике. В Америке знания пригодились, Лейба и Шимен нашли работу в качестве математиков-аналитиков.

Вдова раввина Шифмана Рохл скончалась в 1995 г. в возрасте 92 лет. Память Арье-Лейба семья пыталась сохранить. В 1990 г. на кладбище в Нью-Йорке Шифманы установили памятник на его символической могиле, проставив годы жизни Арье-Лейба Мовшева

¹⁶ Копия свидетельства о смерти Шифмана Лейба Мовшева, выданная 28 декабря 1979 г. бюро ЗАГС г. Смоленска // Архив автора.

Шифмана: 1890–1937 гг. Документов никаких не сохранилось, и поэтому с определением даты рождения произошла ошибка. В 1994 г. из анкеты, заполненной в НКВД Смоленска в момент ареста, стало известно, что он родился в 1891 г.

В Израиле в мемориальном Институте памяти жертв нацизма и героев Сопротивления Яд ва-Шем Циля и Давид заполнили для Зала имен специальные Листы памяти на 12 своих родных, погибших в Холокосте. В Иерусалиме в иешиве имени Хафец Хаима висит доска памяти Арье-Лейба бен Мейше бер Шифмана. Прожив только 47 лет, раввин Шифман сохранил идеалы, воспринятые в юности в иешиве в Радунь, которым он неуклонно следовал сам и учил других. Спустя почти семьдесят лет после насильственной гибели раввина из Пуховичей они сохранили свою силу.

Опубликовано:

L. Smilovitsky. "Rabbi Arye-Leyb ben Meyshe ber Shifman from Pukhovichi" // *Journal of Federation of East European Family History Societies*, Salt Lake City (USA), vol. 12, 2004, pp. 26-29.

Резник Иегуда Пинский из Речицы

Насколько будет правильным утверждать, что нынешнее религиозное возрождение в бывших советских республиках – это чудо, наступившее, когда его уже не ждали? Несмотря на массовый атеизм, режиму так и не удалось ассимилировать все еврейские семьи, через которые проходил невидимый фронт борьбы за сохранение традиции, соблюдение субботы, кашрут, чистоту семьи, возможность обрезания, мацу к Песаху, молитву в миньяне и право обучать детей Торе. Каждая такая семья, по сути, была уникальным оплотом в неравном противостоянии, а ее духовные руководители – настоящими подвижниками. История жизни таких людей и отстаивания ими своих убеждений очень поучительны. Сделаем одну из таких попыток на примере Иегуды Гиршевича Пинского, резника и мозля, последнего негласного руководителя иудейской общины в Речице Гомельской области.

Иегуда родился в Озаричах Бобруйского уезда Минской губернии в 1896 г. в семье потомственных хасидов. Четыре поколения его предков жили в Озаричах. Отец, Цви-Гирш, 1858 г. р., ученик ребе Магараша, был шойхетом и мозлем в этом местечке. Следуя родительскому примеру, Иегуда прошел курс Любавичской иешивы «Томхей Тмимим» у ребе Шмуэля Шнеерсона, вернулся в Озаричи и принял по наследству должность мозля, шойхета. У Иегуды было семь братьев и две сестры – все они учились в Любавичах, а потом разъехались по разным городам России, Украины и Белоруссии, но сохранили веру предков, придерживались традиции и стали духовными наставниками еврейских общин, подвергаясь преследованиям за свои убеждения: Шолом-Йосеф (1883–1942) был шойхетом в Павлограде и в Павловске, умер во время блокады; Шмуэль-Ицхак (1889–1962) – шойхетом в Лозовой, Киеве и Малине; Моше-Мордехай (1875–1977) – неофициальным раввином в Ленинграде; Хася-Рохл (1894–1955) вышла замуж за шойхета в Копцевичах, около Петрикова; Шнеур (1898–1989) переехал в 1923 г. в

Москву, давал уроки Торы в частных домах и синагогах, работая слесарем, электриком, механиком; Хаим-Исроэл (1903–1978) переселился в Палестину в 1928 г. и стал одним из основателей кибуца «Рамат Рахель» в Иерусалиме, а во время Войны за независимость Израиля в 1948 г. – начальником укрепленного района юга Иерусалима (мошава Германит, Тальпиот); Барух-Берл (1907–1942), поэт, сионист по убеждениям, стал инженером-экономистом и умер во время блокады Ленинграда; Элизер (1913–1942) учился в подпольных иешивах Полоцка и Киева, стал знатоком Торы и хасидизма, раввином. В 1930-е годы он руководил подпольными хабадскими иешивами на Украине (Житомир, Бердичев, Киев) и считался одним из наиболее перспективных последователей Любавичского ребе, но погиб вместе с семьей в годы оккупации; Малка (1915–2001) работала инженером-конструктором, вышла замуж за Зелика Зайчика, который в погонах офицера Красной армии в 1943 г. встал под хупу в центральной синагоге в Москве. Зайчик впоследствии стал одним из ведущих в СССР специалистов промышленности по производству холодильных установок.

Сам Иегуда окончил иешиву «Томхей Тмимим» в Любавичах в 1913 г. и удостоился чести получить диплом раввина (смиху) из рук Цви-Гирш Хейна из Чернигова, авторитетного раввина. Одновременно Иегуда занимался шхитой и делал обрезание новорожденным. Это было предреволюционное время, события же 1917 г. привели к невиданным переменам. Большевицкий переворот в Петрограде повлек за собой гражданскую войну, которая запылала на просторах бывшей Российской империи, началась иностранная интервенция. «Белые», «красные», «зеленые», монархисты, социалисты, анархисты, люди с криминальным прошлым не упускали возможности выместить свое недовольство на евреях, просто поживиться за их счет.

В это время двоюродный брат Иегуды, Натан Пинский, должен был по поручению Любавичского ребе отправиться в Палестину для организации иешивы Хабада, но бабушка запротестовала, и Натан уехал преподавать в Херсон. Это был очень способный человек, не успевший раскрыть свои дарования. В 1919 г. город оккупировали греческие войска в составе одной из многочисленных армий интервентов на юге России. Они согнали евреев в два больших сарая и подожгли. В огне погибли десятки человек, и среди них Натан Пинский.

В 1925 г. Любавичский ребе Йосеф-Ицхак Шнеерсон направил Иегуду в Узбекистан в качестве своего *шалиаха* (посланца). В то время

с той же целью представители ребе разъехались по территории всего Советского Союза. Это были негласные вдохновители хасидизма, ответственные за будущее общин. Они старались поддержать иудейскую традицию, обеспечить потребности верующих, участвовать в решении многочисленных проблем, возникавших между общинами и властями. Через год, в 1926 г., Иегуду послали в Джанкойский район Крыма, где он, исполняя одновременно обязанности раввина, шойхета и мозля, жил до начала советско-германской войны. Сохранилось его письмо от 1927 г. Любавичскому ребе о положении еврейских верующих сельскохозяйственной колонии Нейлохин, которое опубликовано в книге «История Хабада в Советской России, 1917–1950 гг.», изданной в 1989 г. в Бруклине. В письме Иегуда Пинский настоятельно просил помощи, чтобы открыть микву для верующих. Эвакуацию резник пережил в Азербайджане, там умерла его жена. После победы над нацистской Германией он вернулся в Симферополь, где и находился в качестве официального раввина до 1947 г. Полномочия его фактически были шире, потому что раввинов после войны было мало, и к Иегуде обращались верующие других районов Крыма.

В послевоенные годы политика советского государства в отношении верующих всех конфессий ужесточилась, но евреи почувствовали это больше других: ограничение гражданских прав, отказ режима признать Холокост геноцидом и вклад евреев в борьбу с нацизмом, искусственные препятствия поддержанию верующими заповедей иудейской традиции, запрет регистрации новых общин, восстановления прежних и открытия новых синагог и молитвенных домов – все это вписывалось в негласную программу советского государственного антисемитизма. «Компетентные органы» предложили раввину стать осведомителем и сообщать о недовольных. Иегуде напомнили арест его отца Цви-Гирша в 1936 г. по обвинению в ритуальном обрезании (*брит-мила*), после которого младенец через месяц умер. Родители ребенка, подстрекаемые активистами евсекции, подали в суд. В Озаричах устроили показательный процесс. Цви-Гирш вел себя очень достойно, сказав: «Что вы хотите, если все прошли через мое обрезание?» Несмотря на это, отца Иегуды осудили на три года, не приняв во внимание его преклонный возраст – 75 лет. Перед высылкой из Озаричей, сидя на телеге, Гирш вместо напутствия обратился к жителям: «Идн, идите сюда, я в последний раз хочу зарезать птицу, если кому-то нужно». В мозырской тюрьме мозль получил письмо от

родителей младенца с просьбой простить их, поскольку ни один рождавшийся у них ребенок не выжил. Умер Цви-Гирш в Бобруйске в 1938 г.

Сотрудники МГБ напомнили Иегуде арест его двоюродного брата, Нохима-Гилеля Пинского, который из Гомеля переехал под Москву, в Егорьевск, в 1936 г. организовал артель евреев-мебельщиков, соблюдавших субботу. Через полтора года артель разогнали, а Нохима арестовали по обвинению в контрреволюционной деятельности на националистической основе. Но ему повезло, потому что в 1938 г. Николая Ежова сменил Лаврентия Берия. Новый нарком НКВД СССР нуждался в демократическом имидже и дал команду пересмотреть наиболее одиозные дела. Арест и содержание под стражей Нохима признали незаконными, и его освободили.

Иегуда Пинский отказывался, говорил, что доноительство несовместимо с его убеждениями, ведь люди делятся сокровенным, и докладывать об их настроениях властям было бы аморально. Но доказывать что-либо означало «жаловаться Сталину на Сталина». Раввину угрожали арестом и высылкой, и Иегуда срочно покинул Крым. Он направился к брату Шнеуру в Москву, где тот работал слесарем, электриком, механиком и одновременно давал уроки Торы в частных домах и синагогах. В 1941–1945 гг. Шнеур воевал, а после войны вернулся в Москву, где стал одним из духовных руководителей общины любавичских хасидов. Можно вспомнить эпизод, который во многом характеризует Иегуду. Ему надо было купить железнодорожный билет в Ленинград. Очереди в послевоенные годы были громадными, он выстоял такую, а дело было зимой, но оказалось, что на нем билеты закончились. Перед Иегудой стояла женщина (нееврейка), которая надолго отлучилась и появилась перед кассой в последний момент. К удивлению всех, Иегуда уступил ей последний билет. Это поразило даже кассиршу, которая выделила ему «бронь».

В Ленинграде Иегуда остановился у своего старшего брата Моше-Мордехая Эпштейна (Пинского), очень авторитетного человека, получившего смиху от Рогачевского гаона ребе Иосифа Розина. В 1913–1919 гг. он был раввином в Боровичах Могилевской губернии, а с начала 1920-х – неофициальным раввином в Ленинграде, пережил арест в 1950 г. Находясь в заключении, принципиально говорил на идише, общаясь через переводчика. Когда ему захотели сбрить бороду, ответил, что лишится ее только вместе с головой. В 1954–1976 гг.

Эпштейн оставался негласным главным раввином хасидской общины Ленинграда (отказался от официального предложения властей занять должность главного раввина города, чтобы не быть «свадебным генералом» для иностранных гостей). Иегуда попросил у Эпштейна совета в поисках нового места работы. Ему предложили Пензу, где община была недовольна местным шойхетом. Последний взмолился и заявил, что если Пинский останется, то его многочисленная семья погибнет от голода. Шел 1948 год, страна еще не оправилась от военных потрясений, разрухи, материальное положение оставалось тяжелым. Иегуда отдавал себе отчет, на что будет обречен шойхет, если он останется. Это было несовместимо с его убеждениями, и в ту же ночь он уехал. Дальше был Челябинск, где он прожил два года (1949–1950 гг.). Только в начале 1950-х гг. он вернулся в Белоруссию и поселился в Брагине. Представление о нравственном облике раввина дает случай, который получил большую огласку. Однажды Иегуду попросили выполнить шхиту, зарезав овцу. Когда пришло время получить плату за работу, выяснилось, что верующий не принадлежит к общине Брагина. Иегуда вернул деньги и попросил вручить их местному шойхету, которому вознаграждение причиталось по праву. Так требовала заповедь *маасиг гзуль* (не пересекать границу дозволенного), которую Иегуда и выполнил.

После смерти Сталина еврейские верующие Речицы Гомельской области пригласили Иегуду Пинского к себе. Долгие годы они не имели духовного наставника, испытывали большие затруднения в шхите и нуждались в разрешении споров в повседневной жизни. Речица считалась городом, где по послевоенным понятиям проживало много верующих – параллельно действовали четыре миньяна. Пришлось выполнять роль шойхета, преподавать *Гемору*, *Хумаш* и *Галаху*. Наряду с этим Иегуда не оставлял и самообразования – четыре раза проштудировал Талмуд. Это была очень большая работа, объем которой может оценить только имеющий представление об иудейской традиции.

В Речице Иегуда женился на Хаве, и они стали жить на улице Комсомольской (бывшей Тюремной), д. 7. Все годы он оставался верным жизненным принципам, выработанным в молодости. Когда племянник Натан Пинский пригласил его на свадьбу в Москву, Иегуда вынужден был отказаться под предлогом, что даже временное отсутствие резника помешает речичанам соблюдать кашрут.

В 1964 г. у Иегуды случился инсульт, сын Хавы Лева привез его в Москву на консультацию к невропатологу. После необходимых медицинских процедур резнику стало лучше, и врачи разрешили ему вернуться домой. В Речицу Иегуду сопровождал сын Шнеура Израиль, но полностью оправиться от недуга больному не удалось. Исполнять свои обязанности шойхета он уже не мог, с трудом держал в руках перо и бумагу. 6 января 1966 г. Иегуда умер. Его похоронили в соответствии с традицией на еврейском кладбище в Речице. Это была большая потеря для верующих, которые понимали, что они расстаются с целой эпохой прежней жизни. На *мацеве* (могильном камне) была сделана трогательная надпись на иврите, в которой говорилось: «Здесь покоится Иегуда Пинский (1897–1966), праведник, человек прямой и богобоязненный, хозяин чистого сердца и тонкой души, чуткий, способный к самопожертвованию, преданный Торе и Б-гу. Да будет имя его благословенно, а память благодарна и красочна на все времена». Могила Иегуды Пинского находится рядом с захоронением последнего речицкого цадика (праведника) Шнеерсона, умершего в 1909 г., надпись на мацеве гласила, что «Шолом-Бер Шнеерсон, сын Иегуды-Лейба Шнеерсона, раввин и праведник, честный, богобоязненный и справедливый человек, посвящавший день и ночь изучению Священного писания и служению Творцу, отдававший всего себя передаче знаний избранным. И были слова его всегда живыми».

У Иегуды Пинского остались дети и внуки: старший сын Борис, выпускник Института железнодорожного транспорта в Москве, служил офицером в Кунгуре, где находятся сталактитовые пещеры, под Пермью; младший Лева был автомехаником, дочь Рахель сегодня в Америке, а внуки – в Перми и Севастополе. Наш рассказ будет неполным, если не уделить несколько слов племяннику Иегуды Пинского Израилю, который сопровождал дядю из Москвы в Речицу. Израиль, сын Шнеура, 1931 г. р., выпускник Московского института тонких химических технологий им. Ломоносова (1954 г.), работал в Воронеже на шинном заводе, в Институте авиационных материалов в Москве, соблюдал традицию и долго находился в «отказе». Он по-своему воплотил чаяния молодых евреев, воспринявших эстафету довоенного поколения верующих. У них существовала внутренняя тяга к корням, в семьях многих говорили на идише, они изучали иврит, Талмуд, Гемору и Хумаш. На них не смогли повлиять ни улица, ни общее нееврейское окружение. Они не замыкались исключительно на

национальной идее, дружили с евреями и неевреями, но преимущество отдавали тем, кто уважал традицию.

В 1949 г. Израиль Пинский с друзьями приветствовали визит Голды Меир в Советский Союз. На их глазах в 1957 г. в Москве проходил Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Любое появление израильской делегации вызывало повышенный интерес. Израильтяне казались людьми особыми, потому что представляли свободных евреев из Палестины. Пачка израильских сигарет, которую однажды подарили племяннику Иегуды, вызвала эйфорию. В Эрец-Исраэль семья Пинских приехала в 1971 г. и поселилась в Иерусалиме. Израиль и его жена Батья сумели привить уважение к истории и традиции еврейского народа своим детям, которые продолжают их дело. Старший Давид, 1968 г. р., живет и преподает в Кфар-Хабаде, младший Гиршл, 1971 г. р., представлял Любавичского ребе сначала в Риге, Москве, а теперь в Санкт-Петербурге.

Как сегодня подвести итог жизни Иегуды Пинского, последнего еврейского резника Речицы? Он не искал славы, сверял свои помыслы и поступки с заповедями Торы и учил этому других. Будучи глубоко религиозным человеком, Иегуда не стремился к земным благам, отдавая предпочтение моральным ценностям. За свои семьдесят лет он повидал и испытал многое, но ни разу не усомнился в правильности выбранных ориентиров. Это, наверное, является главным в жизни человека, того, кто захочет разобраться в противоречиях и трагизме эпохи, именуемой советским периодом в истории Белоруссии.

Опубликовано:

Мишпоха (Витебск), № 11, 2002 г., с. 49-52.

Сара из Ивацевичей

Сара родилась 9 сентября 1925 г. в семье Бенциона и Мирьям Копелянских. Бенцион, уроженец Клецка, изучал экономику, политику, право в Высшей торговой школе в Варшаве. Это был красивый мужчина, высокий и стройный, всегда хорошо и стильно одетый. Почти все родные Бенциона в 1900 г. уехали в Америку, а он решил остаться в Белоруссии.

После свадьбы молодая пара переехала в Ивацевичи, чтобы помогать Якову Рожанскому, отцу Мирьям, в конторе по заготовке лесоматериалов, прессованной соломы и фуража. После смерти Якова это дело унаследовали Бенцион Копелянский и Хаим Рожанский, брат Мирьям.

В семье Копелянских говорили на двух языках – идише и польском, Бенцион выписывал периодические издания из Палестины на иврите, включая газету «Давар». Журналы и подшивки газет переплетали и давали читать друзьям. Из Варшавы Бенцион не возвращался без подарков; дочери он привозил сладости, а жене – отрезки на платье, в том числе шерстяную материю и даже серебряные пуговицы.

Дом Копелянских состоял из трех больших комнат, вместительной кухни и подсобных помещений. Это было хорошее добротное здание из дерева, как и большинство строений в Ивацевичах. Самым большим сокровищем в семье считался диплом Бенциона с 29 подписями профессоров. Диплом висел в столовой, и Сара им очень гордилась.

Сосновые леса, которые окружали Ивацевичи, были замечательными. Сара с друзьями ходили в лес, подвешивали к деревьям гамаки, читали книги или просто дурачились. Иногда они шли на мельницу, где играли в прятки, катали тележку по рельсам вверх и вниз.

После 1921 г. в Ивацевичи переселили поляков из Познани, чтобы изменить демографическую картину «мяста», где большинство составляли белорусы. Отношения между евреями и поляками, белорусами и украинцами сохранялись дружеские. В основном люди жили заботами о завтрашнем дне.

В конторе Бенциона и Хаима в основном работали украинцы. Они рубили лес в Телеханах и Святой Воле, доставляли его в Ивацевичи по железнодорожной ветке. Потом лес грузили на платформы и отправляли по всей Польше, где шло оживленное дорожное строительство.

Счастливое детство

Евреи – это были сапожник, портной, парикмахер, кузнец, аптекарь, пекарь и их семьи – составляли в Ивацевичах меньшинство. Однако, несмотря на малочисленность общины, действовала синагога, имелся раввин. Еврейского кладбища не было, хоронили в Коссово. В синагоге Сара появлялась редко, но обязательно на Йом Кипур и Рош ха-Шана. На Пасхальный седер у Копелянских собирались родственники, дяди и тети с детьми и домочадцами. На Пурим малышам дарили сладости, веселились.

По субботам Хомские приглашали Сару на *чолнт* (мясное жаркое с овощами и картофелем), который казался ей необыкновенно вкусным. Старик Хомский отличался истовой религиозностью и без конца молился. Дядя Хаим, брат Мирьям, часто после школы водил племянницу в молочный бар, где она участвовала в «шоколадной» лотерее. Через дорогу находилась аптека, где Шапиро, низкорослый старик в очках (для Сары все были тогда стариками), готовил микстуры по рецептам доктора Козловского. Сара просиживала у него часами, помогая расфасовывать порошки с лекарствами. В аптеке она запомнила длинные шкафы, полные белых банок с латинскими надписями. Шапиро говорил, что Сара – невеста его сына, который учился в Варшавском университете.

Ежедневно после польской школы Сару ждал частный учитель, который приходил даже во время школьных каникул. Они изучали Танах, Хумаш, «Палестинографию», грамматику иврита, разбирали даже произведения Раши. Мама привила дочери страсть к чтению. Любимыми писателями Сары стали Сигрид Унсет, Джек Лондон, Харвуд, Кнут Гамсун, Ромен Ролан, а также польские и русские классики, книги которых она «пожирала» в долгие зимние вечера.

Так продолжалось до 12 лет, когда пришла пора поступать в Слонимскую гимназию. 1937 год. Дорога до Слонима по тем временам занимала около часа на поезде.

Гимназия Куницы считалась лучшим учебным заведением города. Все учащиеся и педагоги были евреи, и Сара чувствовала себя как

дома. Четыре часа в неделю они изучали иврит, остальное время преподавание велось на польском языке. В Слониме действовали еврейские организации, шла оживленная общественная жизнь.

Страшная хроника

Прихода немцев все очень боялись, так как ничего хорошего от Гитлера не ждали. Положение могла спасти только Красная армия, поэтому, когда 17 сентября 1939 г. пришли Советы, все радовались и бросали солдатам цветы. Бенцион добровольно отказался от своей конторы и сделал запрос в Ленинград, чтобы продолжить образование. Вскоре он перебрался в Барановичи и поступил на работу в банк, где предложили неплохую должность, а мама осталась в Ивацевичах.

Саре нужно было продолжать учебу. Ее лучшими подругами стали Двошка (Двора) и Ванда Гвоздович. «За польским часом» в школе было принято дискутировать, высказывать свое мнение, делиться наблюдениями. При Советах отвечать урок нужно было по хрестоматии и без каких-либо отклонений. Учащиеся не привыкли к этому, и однажды Сара пожаловалась. Софья Исааковна, учительница русского языка и литературы, выслушала ее и ответила: «А у нас по-другому. И так будет!»

Немцы появились в местечке уже на второй день войны, 24 июня 1941 г. У евреев они отняли дома, скот, хлеб, одежду и другое «богатство». В Ивацевичах устроили две тюрьмы и полицейский участок, был издан приказ о введении комендантского часа. Несколько раз меняли состав полиции. Сначала ее организовали из поляков, но из-за нелояльности немцы ее распустили, а руководство расстреляли. Потом в полицию набрали белорусов, которых вскоре заменили украинцами.

Накануне войны Сара приехала к матери на каникулы. Немцы выгнали ее с родителями из дома, где они устроили штаб воинской части. Бенцион, Мирьям и Сара поселились вместе с другими еврейскими семьями в маленькой гостинице на десять номеров. На этой улице жили одни евреи, около двухсот человек. Однако не все были коренными жителями – еврейское население Ивацевичей значительно выросло за счет беженцев из других районов Польши, захваченной немцами в сентябре 1939 г.

Евреям приказали нашить на одежду желтые круги материи. Аптекарь Шапиро отравился. Бенциона, как уважаемого человека, знав-

шего немецкий язык, назначили старостой. Гетто устроили на окраине поселка, на улице, которая шла параллельно центральной магистрали Ивацевичей и вела к железнодорожной станции, ее огородили колючей проволокой. Узников выводили на уборку или стройку, погрузочные и разгрузочные работы на станции. Питание было скудным – 200 г хлеба в день. В гетто приходили крестьяне из окрестных деревень, которые говорили: «Отдайте нам все, вас и так убьют...» Спаситься можно было только в лесу, но для этого нужно было найти партизан. Сара дружила с Ионой Яновичем, брат которого до войны уехал в Палестину. Мать Ионы просила девушку отговорить сына от ухода в лес – не верила, что там можно выжить.

В феврале 1942 г. евреев из Ивацевичей пешком погнали в Коссово (15 км). Начался буран, люди валились с ног, некоторые отморозили руки и ноги. Тетя Фейга отморозила пальцы, потому что отдала Саре свои варежки. В Коссово не смогли принять столько новоприбывших, и через два дня они вернулись обратно. Немцы заставили евреев собрать все золото, включая зубные коронки. Сара запомнила кучку драгоценностей на столе в их комнате – отец все должен был передать немцам.

В поле за поселком приготовили яму десять метров в длину и пять в ширину. Часы узников были сочтены. Один из немецких начальников благоволил отцу Сары. Бенцион нравился ему деловыми качествами, рассудительностью и уравновешенностью. Немец предлагал спасение, но Копелянский не согласился без жены и дочери, а мама Сары – без своих сестер и братьев. Было решено погибнуть всем вместе. Бенцион попросил только, чтобы его убили первым. По свидетельству Нины Лавренчук, когда Бенцион стоял на краю ямы, он крикнул убийцам: «Нас похоронят, но смерть найдет и вас. Вороны выклюют вам глаза». Акция уничтожения в Ивацевичах состоялась рано утром 11 августа 1942 года. Евреев раздели донага, поставили на край ямы, а потом открыли огонь из автоматического оружия. В акции приняли участие литовские добровольцы из карательного батальона «СС» и местные украинцы-полицайи. После расстрела одежду и личные вещи казненных евреев присвоили немцы и полицейские.

Спасение Сары

Накануне массового убийства к Копелянским пришла пожилая полька Былина, которой они часто помогали, и предложила спасти

Сару. Былина и ее взрослые незамужние дочери никогда прежде с девушкой не общались. Они были истовыми католичками. Мирьям не хотела отпускать дочь, но Бенцион настоял. Сара пробыла у Былины пять дней. Днем она сидела в саду среди высоких вьющихся бобов, а ночью ее пускали в дом. Утром 11 августа 1942 г., лежа на соломенном матрасе, она слышала выстрелы, которые оборвали жизнь ее родителей. Украинская полиция была в доме по соседству, а немецкая охрана с высокой платформы круглые сутки сторожила лесопилку неподалеку. До Сары старушка прятала молодого врача из Варшавы Беатиса. Это был всеобщий любимец, который всем в Ивацевичах помогал бескорыстно. Беатис наладил связь с партизанами, и они обещали его забрать. Связные из леса опоздали на несколько дней. За доктором пришла полиция, среди которых врач узнал своих бывших пациентов, — его забили палками.

Сару в Ивацевичах хорошо знали, и, чтобы изменить ей лицо, Былина заложила девушке под верхнюю губу горох, повязала платок на голову, нарядила в широкую юбку и вышитую крестьянскую накидку. После этого заставила Сару натереть ноги золой и в таком виде отправила в путь. Когда Сара покидала дом своей спасительницы, она заметила Зельду Лайт, дочь местного булочника, которая пряталась в наружном туалете. Девушки встретились взглядами, и Зельда помахала рукой. Сара ничем не отличалась от деревенских сверстниц, она шла босиком с корзиной пустых молочных бутылок в руке. Для того чтобы проводниц не уличили в спасении еврейки, они соблюдали дистанцию. Проходя мимо домов, Сара видела знакомых, которые провожали ее взглядом, но никто не остановил.

Сара и ее проводницы благополучно прошли до поселка Постарынь и, когда они пересекли мост, переброшенный через реку Гривда, оказались в безопасности. Лагерь отряда им. Щорса был разбит в лесу Волчьих нор. Немцы охотились за партизанами, и тем приходилось часто менять дислокацию. Партизаны спросили у Сары, что она умеет делать, и, когда узнали, что девушка помогала фасовать порошки в аптеке и немного разбиралась в дозировке лекарств, определили в санитарную часть. Доктор Любович пообещал, что партизаны построят для Сары отдельный шалаш. Тогда она допустила первую оплошность и спросила: где можно найти простыни? Эта наивность развеселила партизан и еще долго служила источником для шуток.

Положение женщин в лесу было особым. Самым простым было найти покровителя, «привязаться» к одному мужчине, который о ней

позаботится. Для Сары это было немыслимо, она потеряла родителей только неделю назад и ни в коем случае не могла идти этой дорогой. Она быстро приобрела репутацию недотроги, и ее оставили в покое. Одежда девушки превратилась в лохмотья, она научилась довольствоваться малым. Иногда выручали подруги, которые делились тем, что их парни приносили из походов в деревни.

52-я рота отряда им. Щорса, где оказалась Сара, была смешанной, а 54-я состояла почти целиком из евреев. Каждую ночь еврейская молодежь отправлялась на очередное задание. Они нападали на немецкие посты и патрули, минировали железнодорожные пути – наносили ощутимый ущерб врагу, внушая страх и держа его в постоянном напряжении. Но и немцы преследовали их при первой возможности.

Во время одной из облав санитарный взвод Сары получил приказ найти место для ночлега. Раненые на носилках, врач, повар и несколько молоденьких санитарок остались на болоте под прикрытием высокого тростника. Категорически было запрещено разжигать костры и громко разговаривать, людям выдали сухой паек из хлеба, сала и лука. На третий день Сара и ее товарищи услышали шум, немецкие голоса и лязг металлических котелков на одном из островков. Выдалась бессонная ночь, а под утро врач обнаружил в бинокль группу немцев, приближающихся к ним. Все приготовились к самому худшему. Повар вымазал себе лицо грязью и окунулся в болотную жижу. Сара попрощалась с жизнью и закрыла глаза, чувство беспомощности и страха сковали тело. В последний момент произошло чудо – в пяти метрах от них каратели изменили направление, и пошли в сторону других островов. Так взвод продержался пять дней, пока его не вернули к основным силам.

Жора Кремень, соученик Сары по школе «Тарбут», был членом боевой группы. В одной из операций он потерял возлюбленную, которая, истекая кровью, умерла у него на руках. Дисциплина в отряде была суровой. По приговору партизанского трибунала расстреляли отчаянного храбреца Федю, когда он изнасиловал женщину в соседней деревне. Смертью карали за неподчинение приказу и потерю оружия. Расправились с еврейским юношей, у которого во время перехода винтовка незаметно выскользнула из санок. Он вздремнул на мгновение, и это стоило ему жизни. Расстреляли и молодую еврейку Раю, когда застали ее спящей на охране землянки командира отряда. Исполнить приговор вызвался партизан, с которым у Раи была мимо-

летняя связь. Это был настоящий уголовник, который избежал тюрьмы с приходом немцев, а потом подался к партизанам.

Когда командиром отряда стал Егоров, он распорядился перевести в другое место всех, кто не имел прямого отношения к боевой деятельности. Сара оказалась в числе тех, от кого задумали избавиться. Кроме нескольких пожилых женщин, в ее группе все оказались евреи, и им приказали отправиться в отдаленный район. После недельного изгнания еврейскую группу вернули обратно – Егорова отозвали в Москву, а по дороге его самолет потерпел крушение.

Военные будни

Однажды сразу после возвращения с задания арестовали Мишу Дьячкова. Миша, бывший пациент Сары, любил литературу, они вместе читали стихи и обсуждали прочитанные книги. Миша с гауптвахты послал за Сарой, у которой попросил стакан водки. Весь спирт был подкрашен марганцовкой, и Сара выпросила у повара стакан спирта под свою ответственность. Через час ее вызвали в штаб, где вокруг стола сидели командиры с суровыми лицами.

Был жаркий летний день. Сара стояла перед грозными мужчинами босиком в своих жалких отрепьях. Она пыталась объяснить, что Миша ее бывший больной, которому она доверяла и не видела вреда в том, чтобы поддержать после возвращения с задания. Оказалось, что Дьячков после принятия спиртного, захмелел и «обматерил» партизанских начальников. Если бы не присутствие в этот момент в отряде уполномоченного Центрального штаба партизанского движения, прибывшего с инспекцией из Москвы, неизвестно, дожила ли бы Сара до утра. Врачу Блумовицу приказали отстранить ее от работы в амбулаторном пункте и отправить на кухню.

Кухня считалась не самым почетным местом в отряде. Рацион партизан зависел от того, насколько успешными оказывались хозяйственные вылазки. Чаще всего обед состоял из картошки, лука, капусты и других овощей, которые варили в больших котлах, с огромными кусками сала. Сара вынуждена была питаться печеным на костре картофелем, так как не могла переносить тяжелую пищу.

Время от времени партизаны добывали «языка» и тогда вспоминали о Саре, которая становилась переводчиком. Во время одной вылазки в плен попал молодой бельгийский солдат, призванный в вермахт. Он был сильно напуган и очень обрадовался, когда Сара заговорила с ним

по-французски. Пленного накормили и угостили сигаретами, но после допроса расстреляли.

В августе 1944 г. в Гомеле партизаны прошли переформирование. Сара в числе остальных была удостоена медали «Партизану Отечественной войны». Девушка хотела учиться, но понимала, что, пока идет война, это неосуществимо. После окончания краткосрочных курсов она стала медицинской сестрой в специализированном госпитале.

Познань стала последним местом расположения госпиталя. Это были бывшие казармы, оставшиеся от немецких летчиков. Там впервые после школы Сара встретила молодого человека, которому позволила за собой ухаживать. Это был Виктор Немировский, 26-летний капитан ВВС, авиационный инженер-строитель из Одессы. С Виктором было очень интересно, он декламировал наизусть русских классиков и рисовал акварелью. Когда Сара заболела желтухой и попала в госпиталь, Виктор почти ежедневно навещал девушку, и их отношения стали доверительными.

Сара поправилась, они стали встречаться чаще. Девушка была близка к тому, чтобы связать жизнь с Немировским и остаться в России, но этому помешала семья. Тетя Маня, ее муж, кузены Изя и Сема, вернувшиеся из ссылки и эвакуации, были убеждены, что жить в Советском Союзе нельзя. Сара была слишком искренна, она не таилась, говорила то, что думала, и это могло плохо кончиться.

После долгих сомнений Сара согласилась. К двадцати годам она пережила столько горя, видела столько смертей, потеряла столько любимых и дорогих людей, что хватило бы на несколько человеческих жизней. С тяжелым сердцем она решила расстаться с Виктором, которого успела полюбить.

Встреча с Адамом

Сара остановилась у своего дяди бухгалтера и начала искать себе занятие. Все решила случайная встреча с женщиной, с которой они вместе были в партизанах. Знакомая работала в приюте для еврейских сирот, которые пережили войну в католических монастырях и польских семьях. Сара стала помогать приюту. Собирая детей, она познакомилась с Адамом. Он был старше Сары всего на один год, но тоже успел хлебнуть много горя. Адам прошел несколько концентрационных лагерей, в числе которых были “Langbilau”, “Annaberg”, “Blechhammer” и “Wadenburg”, выжил чудом. Это был молодой, красивый, стройный

парень с застенчивой улыбкой. Он часто выезжал в сельскую местность в поисках еврейских детей.

Польшу Сара и Адам покидали тайно. Они перешли границу с Чехословакией, а потом уже из Австрии попали в Германию. В Мюнхене Сара два года работала в женской еврейской организации. Она переписывалась со школьной подругой, которая оказалась в Австралии, и та прислала им с Адамом вызов.

Сара и Адам поженились, и у молодых родился сын Боб. В Австралию супруги прибыли 1 мая 1949 г. после десяти недель путешествия через Панамский канал. Начало было трудным, но они были счастливы и полны сил. Адам нашел работу в “General Motors”, делал коробки передач для автомобилей, а Сара получила место воспитательницы в еврейском детском саду, так как знала иврит.

Одна из родительниц вместе с Адамом решила открыть собственное дело – мастерскую по пошиву легкой женской одежды. Дальше помог случай. Адам купил жене и маленькому сыну путевку в летний лагерь, где Сара неожиданно встретила довоенного знакомого своего отца, Хаима Мильштейна. С его помощью Адам расширил производство. Он покупал лучшие машины, освоил выпуск женского трикотажа. Вскоре на фабрике появились сотни наемных работников. Когда конъюнктура изменилась, Адам продал предприятие и купил супермаркет.

К тому времени отец Адама смог выехать в Израиль из Казахстана, как и двоюродные братья Сары, и они с мужем навещали их почти каждый год. В Мельбурне в 1954 г. у Сары и Адама родилась Барбара. Дочь выросла и после окончания факультета искусств поехала путешествовать по миру. Она посетила Америку, Англию, Францию, но «застряла» в Израиле. Иерусалим покорила ее своей красотой и людьми.

Сара тоже поступила учиться в Мельбурнский университет. Она изучала историю живописи, английскую и русскую литературу, британскую историю и философию. Языки давались легко. К идишу, польскому, ивриту и русскому она добавила немецкий, английский, французский и итальянский. Сара проработала гидом в Художественном музее Мельбурна 27 лет.

Старший сын Боб окончил университет в Мельбурне и занялся производством фильмов. Он стал преуспевающим продюсером и создал много телефильмов, документальных и игровых. Недавно он завершил работу над документальным фильмом об аборигенах Австралии. У него два сына и внучка. Барбара живет в Иерусалиме, у нее уже четыре сына в возрасте от 8 до 23 лет.

Адам был не только преуспевающим деловым человеком, но и занимался благотворительностью. Он считал, что деньги должны «работать», а не рождать бездельников и праздную жизнь. Это был труженик, который искренне верил, что еврейское счастье должно быть построено еврейскими руками. Адам жертвовал средства на стипендию в Еврейском университете в Иерусалиме, был членом Попечительского совета института им. Вейцмана в Реховоте, поддерживал репатриацию вновь прибывших в Иерусалиме. Дважды на свои средства он организовывал летние лагеря отдыха для детей из малообеспеченных семей, участвовал во многих других благородных акциях.

В 1990-е гг. Адам тяжело заболел. Это было эхо войны. Время, проведенное в нацистских концлагерях, отняло у него здоровье, скоро его не стало. Стремясь увековечить имя мужа, Сара пожертвовала крупную сумму Тель-Авивскому университету, чтобы назначить три стипендии в честь Адама для тех, кто занимается подготовкой докторских диссертаций.

Сегодня Саре за 80. Она заражает своим жизнелюбием. В 1995 г. вместе с детьми и внуками она приехала в Ивацевичи. Местечко стало городом с населением в 25 тыс. человек, но евреев там уже нет. Удалось разыскать Нину Лавренчук, которая рассказала, как погибли Бенцион и Мирьям Копелянские. Не удалось выяснить судьбу Былины и ее дочерей, протянувших руку помощи Саре и Зельде Лайт.

Сара не может забыть даже на один день то, что случилось в годы войны, как и свои многочисленные вопросы: где тот предел, после которого один человек становится палачом, а другой спасителем? Что нужно сделать, чтобы трагедия не повторилась? Ответы придется искать нам, а для этого хорошо знать и помнить уроки прошлого.

Опубликовано:

L. Smilovitsky. "The Story of Sarah from Ivatzevichi" // *Journal of Federation of East European Family History Societies*, Salt Lake City (USA), vol. 14, 2006, pp. 70-79.

Семья Гузман из Речицы

Есть много охотников переписывать историю, чтобы сделать ее более привлекательной, но нужно ли это нашим потомкам? Вряд ли они будут благодарны за такую «медвежью услугу». Прошлое не стоит приукрашивать по многим причинам, но главным образом потому, что тогда оно перестает быть поучительным. Горькое непонимание, ошибки и просчеты, неоправданные жертвы и многие напрасные усилия изобилуют в истории любого народа. Однако у евреев на протяжении веков к этому добавлялись еще и искусственные препятствия. Они не имели своего государства и жили на правах гостей в той или иной стране, от них требовали больше и давали им меньше, заставляя при этом отвечать за чужие грехи. Возможно, поэтому наш народ смог сохраниться в процессе исторического естественного отбора?

Наиболее успешным считается опыт изучения истории, ее общих понятий через конкретное и личное. Сегодня я хочу взять на себя смелость рассказать короткую историю из жизни еврейской семьи Гузман из Речицы Гомельской области. Пережитое ими по-своему неповторимо, но в то же время и типично для большинства евреев Белоруссии 1940–1950-х гг.

Семья Хаима Борисовича и Софьи Абрамовны Гузман ничем не выделялась среди прочих речичких жителей. Супруги имели скромные и традиционные еврейские профессии. Софья работала воспитательницей детского сада на ул. Карла Маркса (бывшей Михайловской), Хаим – бухгалтером гвоздильного (метизного) завода «Интернационал» и городского хлебозавода Речицы. Когда началась война, они эвакуировались. В 1942 г. главу семьи призвали в армию. Знание немецкого языка позволило Хаиму Гузману стать переводчиком в полковой разведке. Там же ему предложили изменить имя «Хаим» на «Ефим». Во время одной из ночных вылазок в поиске «языка» под Жлобином его тяжело ранило. Осколки в легком остались на всю жизнь, Хаим лишился двух ребер. Несмотря на это, инвалидность ему не дали. Солдата отправили в Речицу и положили в госпиталь, который был развернут на базе СШ № 1. Стояла осень 1944 г. Молодость взяла

свое, и Гузман пошел на поправку, встал на ноги, научился заново ходить. Хаима комиссовали, и он приехал к семье, которая находилась в эвакуации в д. Исаклы Куйбышевской области. Грамотных и ответственных людей было мало, все мужчины ушли на фронт, в тылу остались дети и инвалиды, поэтому Хаима/Ефима, учитывая его специальность и опыт, поставили работать ревизором районного отделения потребительской кооперации.

Закончилась война, можно было успешно продолжать жить на нагретом месте. Появились новые знакомые, друзья, полезные связи, но родина тянула назад, и в 1946 г. Гузманы возвратились в Речицу. Ефим Борисович поступил бухгалтером на прежнее рабочее место – завод «Интернационал». Потом произошел случай, о котором долго в семье предпочитали не упоминать. Иллюзии первых послевоенных лет расслабили евреев. Нашлись те, кто полагал, что за все пережитые страдания им теперь воздастся, что в память о нацистском геноциде и массовых убийствах, активном участии евреев в борьбе с врагом на фронте, в партизанских отрядах, самоотверженной работе в тылу им вернут право на национальную жизнь, откроют еврейские школы, снимут фактическую опалу с языка идиш, откроют синагогу. В числе таких наивных людей оказался и Ефим. Он купил талес, который ему предложили из «американской посылки», и стал посещать миньян, поскольку синагогу открыть не разрешили. Миньянов после войны в Речице было несколько. Они действовали по разным адресам: на улицах Ленина, Калинина, Мичурина и Пролетарской. Их посещали Овецкий, Ольбинский, Шушкин, Пинский, Чечик, Смиловицкий, Каганович, Горелик, Гуревич, Высоцкий, Гафт и др. Мацу пекли тайком на улицах Кладбищенской и Калинина (бывшая Александровская), д. 73, у маслозавода (хозяина звали Хоня). Привозили муку и увозили готовую продукцию ночью, чтобы не было лишних свидетелей, чтобы даже евреи не заметили, среди которых тоже были доносчики.

Своего постоянного шойхета в Речице не было. На традиционные еврейские праздники его приглашали из Гомеля. Залман-Довид, уроженец Стрешина, после эвакуации приехал в Калинковичи, откуда навещался в Речицу и выполнял заказы верующих. Шойхетами в разное время были Зиновий Пинский, Гершл Цивлин. Желавшие собирались на Кооперативной улице (бывшая Казарменная, ныне Конева). Некоторые евреи-коммунисты посылали туда своих детей или жен. О невыходе на работу в субботу не могло быть и речи. Но

встречались и такие, кто при любых обстоятельствах ухитрялся соблюсти традицию. Маляр Янкель Куперман в Йом Кипур набирал ведро краски и делал вид, что работает. Заведующий снабжением мебельного комбината Речицы Залман Гуревич запирался в своем кабинете под видом срочной работы и не выходил оттуда до конца дня. Евреи шутили: «Как переводится слово “коммунист”?» «Кому плохо». Слово «нист» на идише означает «плохо», так и получается «кому» + «нист» = «коммунист». В 1947 г. походы в миньян стали известны, и Гузмону начальство предложило прекратить это «безобразие».

В 1952 г. Хаима перевели на завод машин сельского машиностроения (Сельмаш) в Западную Белоруссию, г. Лиду Гродненской области. В это время шла советизация этой части республики. Ставилась задача доказать преимущества коллективной собственности ведения хозяйства на земле. Организовывались колхозы, но без техники они не могли ничего сделать. Завод Сельмаш в Лиде считался своего рода «передовой», его курировали отдел промышленности ЦК Компартии и Совет министров республики. В свою очередь, вопрос был «на контроле» в Москве. Часто проводили проверки и ревизии. Специалистов не хватало, потребности в кадрах не удовлетворялись и все время росли, а из учебных заведений выпускников присылали редко. Руководство предприятия поручило Гузмону организовать курсы бухгалтеров, где он одновременно исполнял роль заведующего и преподавателя. Благодаря ответственному отношению к делу, требовательности и принципиальности с этой задачей он справлялся. Конечно, в ущерб себе и семье, но кто тогда обращал на это внимание? Не доедать, не досыпать, отказывать себе в элементарном считалось нормой. Однако проработал Ефим Борисович там недолго – в начале 1953 г. разразилось пресловутое «дело врачей».

После публикации сообщения ТАСС 13 января 1953 г. об аресте в Москве группы врачей-вредителей, покушавшихся на жизнь руководителей КПСС и Советского государства, еврейских изменников искали всюду, и не только в медицинских учреждениях. Подозрительным считалось даже то, что в одной «конторе» работали больше одного-двух евреев. Ведь известно, что евреи всегда заодно, у них особое отношение к окружающим и властям. Не раз они замечались в «критиканстве», а значит, были способны усомниться в достижениях советской власти. Задеть еврея всегда было проще – их немного, они не такие, как белорусы и русские. И внешне, и по языку, и вера у них другая. Среди евреев больше трезвых, и спить их нельзя, а с трезвым

человеком всегда труднее договориться – легче запугать. Да и кто может быть лучше в образе врага, на которого удобно свалить собственные грехи или «головотяпство»? Так в который раз евреи стали без вины виноватыми. Скоро Софья и Ефим Гузман почувствовали это на себе. Мужу припомнили вслух перемену имени. В роли обличителя главного бухгалтера неожиданно выступил директор Сельмаша Даниил Шапиро, захотевший в столь опасный момент подстраховаться. Вечером он пришел на квартиру подчиненного и сказал, что поступила директива соответствующих органов о невозможности оставить на руководящей работе двух евреев. Шапиро сделал вывод, что кто-то из них должен уйти, и это должен сделать именно Гузман. Спорить было бесполезно, и тот подал заявление об увольнении по собственному желанию. Это была наиболее приемлемая формулировка, так как уволить работника по статье (за административное, служебное правонарушение или уголовное преступление) означало конец карьеры. Нейтральное «по собственному желанию» при благоприятных обстоятельствах позволяло удержаться на плаву. Ефим Борисович ушел, но как кормить семью? К счастью, «дело врачей» вскоре ушло в прошлое.

В марте 1953 г. Сталин умер, и кампания против евреев была остановлена. Ее не объявили «химерой», это было бы слишком. Ограничились уже известным приемом – заговором врагов, главным из которых летом 1953 г. нашли «английского шпиона» Лаврентия Берия, занимавшего пост первого заместителя Председателя Совета министров и метившего на должность Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя правительства Союза ССР. В соответствии этим перестроился и директор Шапиро, который опять пришел домой к Гузманам и предложил мировую: «Свои люди – сочтемся!» Особого выбора не было, попасть в разряд «меченых» режимом было неразумно, нужно было соглашаться. Главного бухгалтера восстановили в прежней должности. Никто не извинился, манеры такой не было. Одни сделали вид, что ничего не произошло, другие были готовы расценить этот шаг директора как демонстрацию отеческой любви родной партии к передовикам производства, которых несправедливо обидели. Потекли будни, но обида осталась.

Прошли годы. Софья и Ефим состарились и отошли от дел. Дочь Гузманов Алла вышла замуж и поменяла фамилию на Шкоп. Она унаследовала профессию мамы и тоже стала воспитательницей в детских дошкольных учреждениях. Из Речицы Алла никуда не уезжала, прожила там всю жизнь, всех знала, все видела и понимала. Когда в

ноябре 1989 г. в городе был организован клуб еврейской культуры «Ами» («Народ мой»), она стала одной из наиболее активных его членов, а в 1998 г. возглавила его. Заседания клуба сначала проходили на частной квартире, а потом в помещении, предоставленном во Дворце культуры и техники «Нефтяник». В 1993 г. Речицкий городской исполком зарегистрировал клуб «Ами» как еврейскую общественную организацию, а в апреле 1994 г. это сделал и Гомельский облисполком, предоставив клубу право юридического лица, печать и счет. Тогда же собрали средства для увековечения памяти трех тысяч евреев Речицы – жертв нацистского геноцида. Пожертвования присылали и бывшие речичане из Израиля. Надпись на монументе из черного гранита сделали лаконичной: «3000! За что?» Это был второй памятник, первый (скромный обелиск) поставили в 1973 г. в городском сквере на улице Фрунзе. Но там никакого упоминания о евреях не было: «Мирным жителям города Речицы, погибшим в годы Великой Отечественной войны».

В наши дни клуб «Ами» занимается культурной и просветительной деятельностью, его члены изучают иврит и идиш, проводят встречи, посвященные еврейской истории и традиции, помогают отбирать детей для программы НААЛЕ-16, ведут запись в сохнутовские детские лагеря; еврейская ветеранская организация насчитывает 59 чел. Много делается для благотворительных целей: организована патронажная служба, помогают неимущим, больным и наиболее нуждающимся (лекарства, бесплатные обеды, продуктовые и вещевые посылки).

Какое будущее ожидает евреев Речицы? Еврейской Речицы фактически не стало, послевоенное время вытеснило тех, кто в течение столетий составлял ее гордость и славу, умножал успехи, передавал накопленную мудрость новым поколениям. Сегодня здесь еще проживают 450 евреев, не менее 300 из них являются пенсионерами. В этом отношении речичане повторили судьбу земляков других местечек Белоруссии, навсегда утративших еврейский след. Трудно представить Речицу без евреев, но пока остается их хоть немного, они будут напоминать о нелегком пути, пройденном евреями вместе с белорусами, умение жить, сохраняя достоинство и доброе имя ушедшего поколения. Этому делу служит Алла Шкоп, по-своему воспринявшая родительскую инициативу – скромных тружеников Софьи и Хаима Гузманов.

Опубликовано:

Еврейский камертон (Тель-Авив), 31 января 2002 г.

Еврейская девушка из госбезопасности Мозыря

Не знаю, как Мозырь обойдется без меня, но я без Мозыря не смогу. Я никогда никому не завидовала, и все, что мое, казалось лучше. Как говорили в нашем детстве: «Трактор советский – слабенький, но “свой”!» Это не смешно, потому что было частью гордости людей, которые в жизни прежде видели только соху и плуг. Помню довоенную байку 1920-х гг. – когда у Пилсудского оставался один самолет, он отвечал: «Хоть едны, но мицны!» То же и со мной – я бы не поменяла свою ситцевую кофточку на шелковую. Хотите верьте, хотите нет, честное слово, что это, эгоизм? Не хочу менять, дарить – мое пусть останется моим. Вот такая я плохая, правда? Вы считаете, что это нормальное чувство индивидуализма? Я абсолютно необразована, давно не училась и забыла человеческую речь (правильную, литературную. – Л.С.).

*Запись беседы с Асей Семеновной Грищенко
в Мозыре 15 авг. 2002 г.// Архив автора*

Семья

В ее метрике (свидетельстве о рождении) в 1922 г. записали: «Эстер Шлемовна Дубинская», а потом она стала Асей. Папа Шлейме родился в 1898 г. и был всю жизнь *шнайдером* (портным). Мама Лейке Рогинская родилась в 1903 г. в д. Капличи, за Калинковичами. Когда девочке исполнилось 15 лет, отец Лейке, деревенский кузнец, привез ее в Мозырь и устроил у своих знакомых Ривы и Гершла Дубинских, которые владели маленькой пекарней. Дубинские справлялись своими силами, чужих не нанимали, но после долгих уговоров согласились взять ученицу. Лейке стала помогать трем дочерям Ривы и невестке печь булочки и коржи.

За год до появления Лейке в доме Дубинских сына Ривы и Гершла – Шлейме послали в Киев. Там портняжничал муж сестры Гершла, взявшийся посвятить молодого родственника в секреты традиционного еврейского ремесла. О наивности и непосредственности ученика свиде-

тельствует такой случай. Проработав год, Шлейме получил отпуск и засобирался домой, в Мозырь. Заработок выдали в золотых монетах царской чеканки, которые он отказывался брать и просил рассчитать «бумажками» (ассигнациями), потому что боялся потерять монеты. На это ему ответили примерно в таком же духе: «Бери, какие есть – других нет!»

В доме Гершла и Ривы Дубинских молодые люди встретились и полюбили друг друга. В Киев они поехали уже вместе. Лейке продолжила печь коржи и булочки, а еще через год сыграли свадьбу в Мозыре и молодые стали жить вместе с родителями. Гершл был специалистом по фракам, а Шлейме шил вещи попроще – пиджаки, брюки, пальто. Дом был большой, но кроватей не хватало, и на них спал тот, кто первый займет место. Остальные устраивались на печке, сундуке, лавках. Рива оставалась неграмотной, но деньги сосчитать умела. Ум у нее был природный и цепкий, когда привозили необходимые ингредиенты для выпечки: муку, сахар, изюм, корицу, мак – она все держала в голове, ничего не записывала и не забывала, как «разведчица».

В 1919 г. в Мозыре у Лейке и Шлейме родился первенец – Борис. Это был смысленный и способный мальчик, который не доставлял больших хлопот родителям. Его не приходилось заставлять учиться – сам делал это с удовольствием. Он любил языки, свободно владел не только идишем и русским, белорусским, но и немецким, а потом самостоятельно выучил испанский. Писал стихи на идише и по-русски, сочинял пьесы, подражая своим любимым поэтам Пушкину и Маяковскому. Поэтому никто не удивился, когда в 1937 г. Борис поступил в Ленинградский юридический институт им. Короленко, который окончил в феврале 1941 г. Самостоятельную работу начал в Калининвичах, куда получил назначение помощником прокурора.

В 1930 г. отдали учиться в первую Сталинскую школу маленькую Эстер-Асю. Это была образцовая белорусская десятилетка, располагавшаяся в специально построенном каменном здании взамен трех небольших неприспособленных помещений, что были раньше. В школе работали учебные кабинеты физики, химии, истории и по другим предметам. Там же учились младший брат Израиль (1923 г. р.) и сестра Муся (1927 г. р.). Израйля дома называли Сролик, на улице – Изя, а в документах – Исаак. Это был мальчик, который из любой ситуации мог найти выход. В 1939 г. Ася получила аттестат зрелости и поступила на

литературный факультет института им. Покровского в Ленинграде. Но в 1940 г. вышел закон о платном обучении, и родителям содержать двух студентов вдалеке от дома стало не по силам. Кто-то должен был уступить. Борис сказал, что готов перевестись на заочное отделение и пойти работать, но Ася не согласилась и отказалась от учебы. Война спутала все карты, и больше о высшем образовании она не мечтала.

Довоенный Мозырь

По переписи населения 1939 г. в Мозыре проживало 17,5 тыс. жителей, из которых евреи составляли 6 307 чел., или 36% всех горожан. В 1935–1938 гг. он был центром Мозырского округа, а в 1938–1941 гг. – Полесской области. Мозырь принадлежит к древним городам Белоруссии, еврейская община в нем существовала не одно столетие. Впервые он упоминается в летописи в 1155 г. как город Киевского княжества, а в эпоху Речи Посполитой был центром Мозырского повета в составе Новогрудского воеводства. В 1766 г. в Мозыре проживало 896 евреев, в 1801 г. он стал уездным городом Минской губернии (878 христиан и 774 еврея), в нем насчитывалось семь иудейских купцов, тогда как купцов-христиан не было. В 1897 г. евреи составляли 6 631 чел. из 8 076 жителей Мозыря.

Горожане – в основном это были шляпники, сапожники, портные, жестянщики, лубяночники (делали выгнутые полукруглой формы чемоданчики из фанеры) и др. – занимались кустарными промыслами. В конце 1920-х гг. по указке сверху возникли артели (кооперативы). Шлейме, папу Аси, записали в артель портных, куда он вынужден был отнести свою швейную машину. Лейке, мама Аси, говорила (для отвода глаз?), что она этим очень довольна: «Дома хоть чисто будет, а то вечно неубрано». Считалось, что коллективом выжить будет легче – открыли клуб «Красны саматужнік», проводили собрания, вечера отдыха. Работала художественная самодеятельность, ставили буффонады – справлялись своими силами, ведь приезжих артистов когда дождешься? Пели, танцевали, собственные стихи читали. Собрания созывали часто – День Парижской коммуны или 8-е Марта, события в Китае, Испании, а как торжественно отмечали 1-е Мая и годовщины Октябрьской революции 7-го ноября! Заведующий клубом Арье Бабицкий, человек небольшой грамотности, делал доклад, читая по бумажке: «Мы женщины, в день 8 Марта...» Потом все посмеивались, вспоминая, как Арье стал «женщиной»...

В Мозыре из существовавших до революции шести синагог перед войной оставалось только два молитвенных дома. Еврейская община официально прекратила свое существование в 1934 г., хотя многие верующие продолжали соблюдать традицию. Брайне Рогинская, бабушка Аси по маминой линии, была очень набожной. Не успев зажечь свечи в субботу, она просила это сделать детей, полагая, что для них это грехом не будет: «Не понимают – не пристанет». В Йом Кипур к концу поста Шлейме забирал ее из синагоги и приводил домой на ужин. В субботу бабушка никогда не держала в руках денег – «борони Боже». Самый вкусный обед был на Пасху в первый день, когда в доме Брайне собиралась вся семья. На столе стояли *цимес* (овощное рагу), тушеная фасоль, *монэлах* (маковки в меду), *гефилтэ фиш* (фаршированная рыба) и другие лакомства, которые удавалось попробовать не часто. На седер собирались все близкие родственники, Шлейме читал «Агаду» на иврите, что было предметом общей гордости. Долгое время родители Аси жили с бабушкой и дедушкой.

В довоенном Мозыре улицы были по-прежнему грязными, освещались фонарями, да и то не везде. В Калинковичи ездили на фаэтонах. На городской рынок крестьяне привозили товары зимой на санях, а летом – на «колесах» (телегах), после которых все улицы были усеяны соломой. Базар располагался на центральной площади, которая в наши дни носит имя Ленина. После дождя бурные потоки воды сбегали с соседних холмов на базарную площадь. Если это был ливень, то его последствия вызывали переполох – вода смывала продавцов вместе с их товаром. Во избежание подобных «сюрпризов», сделали мостик и отвели воду. Мостик стал бойким местом, и его быстро облюбовали торговцы. Каждый пятачок заранее распределяли: одна торговка сидела вплотную к другой. Зимой, чтобы согреться, держали в ногах ведро с горячими углями. Мостовая была из булыжника, на ней стояла лошадь с телегой, с которой снимали товар и тут же продавали. Яйца, молочные продукты, яблоки, ягоды всегда имели спрос, а цены? В нашем сегодняшнем понимании дешевые, ягоды – по копейке стакан!

Евреи жили в основном дружно, не ссорились часто, измен не было, детей не нужно было уговаривать учиться. Подражали друг другу так, что иногда это доходило до смешного. Однажды к празднику в артель портных Шлейме привезли черный бархат – большую роскошь по тем временам, портные пошили женам (с их согласия) платья одного

фасона, потому что все хотели «как у всех» – выделяться считалось «непатриотично».

Начало войны и эвакуация

Каждое лето в Мозырь, расположенный на реке Припять, приезжали отдыхать родные и знакомые из разных уголков Белоруссии и других мест, включая Москву и Ленинград. Привлекали мягкий климат, прекрасные песчаные пляжи, лес. В парке над рекой у лодочной станции всегда толпился народ. Воскресенье 22 июня 1941 г. началось обычно. Даже когда из уличного динамика начал выступать с речью Вячеслав Молотов и прозвучало слово «война», мало кто изменил свои планы на выходной день. Все, кто собрался на пляж, в лодках переправлялись через Припять. Только через несколько дней, когда у городского военкомата выстраивалась и быстро таяла очередь призывников, а затем Левитан начал называть города, оставленные Красной армией под натиском немцев, стало очень тревожно. Над городом появились «юнкерсы», недостижимые для советских зениток, пассажирское движение по Припяти прекратилось. Из сотрудников милиции и госбезопасности создавали мобильные группы для организации сопротивления и формирования партизанских отрядов на оккупированной территории, но после первых стычек с противником большинство групп оказались рассеянными, и их бойцы долго скитались по лесам в поисках линии фронта, которая быстро удалялась от Мозыря.

Дубинские отдавали себе отчет, что для евреев жить «под немцами» смертельно опасно, и быстро собрались в дорогу. Лейке с дочерьми Асей и Марией покинула город 6 июля 1941 г., в тот день, когда ее мужа Шлейме и старшего сына Бориса взяли в армию. Нацисты захватили Мозырь 22 августа 1941 г., и многие имели возможность уехать, в отличие от западных районов Белоруссии, куда оккупанты пришли через несколько недель, а то и дней после начала войны.

Лейке с детьми очутилась в станице Чернышково под Сталинградом, где они прожили до лета 1942 г., пока война не пришла к новому порогу. Уезжая, Дубинские оставили у квартирной хозяйки два письма: отцу и жениху Аси Семену Грищенко, от которого накануне получили телеграмму: «Встречайте, еду!» Телеграмма задержала Дубинских в Сталинграде на трое суток, они очень хотели встречи и покинули город только в последний момент. Решили отправиться как

можно южнее, потому что не осталось теплой одежды. Ехали на открытой платформе, плыли по Волге и через 28 суток попали в Узбекистан, на станцию Каган, недалеко от Бухары.

По счастливому стечению обстоятельств Сролик-Исаак сумел разыскать старшего брата Бориса в Орле. В этот город эвакуировали Полесский драматический театр из Мозыря, и Сролик услышал, что в городском военном трибунале служит некто Дубинский. Так братья встретились. Борис еще носил гражданское платье со значком Калинина на лацкане пиджака и казался совершенно невоенным человеком, походил внешне на Илью Эренбурга – носил в карманах блокноты, карандаши, тетради в «трубочку». Сролик в военкомате получил для него воинское обмундирование.

Работа в НКВД–МГБ

В «органы» на работу Ася попала случайно. Первое время в эвакуации она была учетчицей в тракторной бригаде. Шлейме, ее отца, по состоянию здоровья списали на нестроевую службу и как специалиста по пошиву «кителей-шинелей» направили в Ижевск. Он сделал вызов Лейке, Асе и Марии, которые приехали к нему. В городе находилось много колоний с заключенными, и добрые люди посоветовали Асе поискать работу в администрации местного управления НКВД. На ее счастье, там она встретила земляка из Белоруссии – Михальчика из Негорелого под Минском (ныне Дзержинский район), и ее приняли. Важным аргументом стало наличие среднего образования – окончивших 10 классов до войны было мало. Девушку оформили экономистом, а выполняла она работу секретаря одной из колоний НКВД. Дубинская отвечала за переписку, оформляла проездные документы для конвоиров, сопровождавших заключенных к месту работы.

Через некоторое время открылась вакансия в военной цензуре. Ася быстро усвоила специфику необычной работы. Корреспонденцию с фронта и на фронт проверяли полностью, без исключения. Когда «треугольнички» (конверты были редкостью) приносили на проверку, они именовались уже не письмами, а «документами». Почту доставляли мешками, в комнате сидело не менее 30 девушек, которые занимались перлюстрацией. Ежедневно Ася вместе с другими перечитывала огромное количество писем, делала пометки, выписки, сортировала и составляла отчеты для руководства.

Девушки-цензоры руководствовались перечнем о том, что разрешается пропускать, а что нет, фиксировали компрометирующие материалы. Не вызывало возражений, если корреспонденты сообщали о том, что живут хорошо, воюют, победоносно продвигаются вперед, «привет-поклоны», которые часто занимали половину самого письма (документ «А»). Целая группа запрещенных сведений относилась к морально-политическим настроениям, оценке текущих событий, критике недостатков партийного и советского руководства на местах и в центре, к ошибкам и просчетам командования, к тяготам повседневной жизни в тылу, нищете колхозной жизни, низкому уровню здравоохранения, высокой смертности, голода и т. п. Эти запреты и ограничения к пересылке объяснялись тем, что солдата перед лицом врага «нельзя расстраивать». Если критика носила общий характер, необходимо было зачеркнуть отдельные места черной тушью (документ «Б»). Буква «К» означала конфискацию письма с возможными последствиями для отправителя или получателя. По зачеркнутым местам делали специальные выписки с кратким содержанием «крамолы», обобщали и направляли на имя министра государственной безопасности. Внешний вид «специальных донесений», как они именовались, был безукоризненным. Их печатали на пишущей машинке или писали от руки каллиграфическим почерком без единой пометки. На конверте ставили штамп «проверено цензурой» с номером посередине. Этот номер соответствовал личной подписи контролера. Если цензор совершал оплошность, его легко находили и привлекали к ответственности.

В декабре 1944 г. Ася Дубинская вернулась в Мозырь. Соседи рассказали, как нацисты расстреливали, вешали и топили евреев. Был массовый грабеж еврейских домов, немцы составили списки, где кто жил. Потом устроили гетто на ул. Ромашов Ров и стали свозить в Мозырь евреев из окрестных мест. Для того чтобы избежать издевательств, кто-то пытался прятаться, а некоторые сводили счеты с жизнью. В конце 1941 г. большая группа евреев собралась в доме № 19 на ул. Пушкина, по соседству с Дубинскими. Бросили жребий, Хая Гофштейн взяла факел и подожгла дом. В огне погибло около сорока человек и среди них: Гофштейны – Эля, Фейга, Соша, Эйер, Хая, Шлема и Роза, Гофманы – Элиягу и Малка, Нисель Гутман, Домнич, Зарецкие Броха и Берка, Израиль Каган, Мовша Рабинович, Соня Рогинская, Гнейша Сандомирская, Ицхак Фарбер, Фаня Шехтман и др.

В январе 1942 г. полторы тысячи узников Мозырского гетто выгнали за город и расстреляли возле деревни Бобры. Всего за время войны в Мозыре погибли 4 700 жителей, в большинстве евреи. Документы об этом хранятся в Национальном архиве Республики Беларусь в Минске¹ и Зональном государственном архиве в Мозыре².

После окончания войны кто-то захотел построить дом на месте массового самосожжения, но отказался от этой затеи. При подготовке фундамента были обнаружены многочисленные человеческие кости, и до сих пор это место пустоует.

В доме Дубинских на ул. Пушкина жили три сотрудника Народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ) – два оперуполномоченных и один милиционер. Узнав, что Ася работала в военной цензуре в Ижевске, они сказали: «Пошли к нам!» Специальной проверки ей как бывшей работнице аппарата НКВД не требовалось, и ее приняли в Управление НКГБ (после 1946 г. – МГБ) Полесской области. Деятельность Управления была распределена по отделам. Отдел «А» занимался учетом, отдел «О» имел дело с религией, отдел графологической экспертизы разыскивал в основном анонимщиков и мошенников, которые подделывали чужую подпись, отдел № 5 занимался оперативной работой. Каждый район Полесской области, как и по всей республике в целом, имел собственное отделение МГБ. Ася была занята в секретариате областного Управления, через ее руки проходила вся входящая и исходящая корреспонденция.

Спецдонесения в Минск визировал начальник управления МГБ Полесской области полковник Иван Воронович. Уроженец Брагинского района, он был женат на московской еврейке Ландман, дочери партийца с дореволюционным стажем. В феврале 1945 г. подполковник госбезопасности А. Шило сообщал, что в ходе «обработки» исходящей гражданской корреспонденции из Туровского района Полесской области было зарегистрировано массовое прохождение писем с сообщениями о распространении эпидемических заболеваний. Из приведенных примеров следовало, что в деревнях Ричев и Сторожовцы люди болели тифом, много умирало молодежи, люди долгое время жили в землянках и куренях. Отправители писем жаловались, что местная власть не дает сена и нечем кормить корову, «замазывает всем глаза»,

¹ НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 12, л. 2; ф. 845, оп.1, д. 12, л. 32.

² ЗГА, ф. 310, оп. 1, д. 15, лл. 4, 12, 14.

что помогают офицерским семьям, но это только на бумаге, а на деле ничего нет. Все присылаемые продукты получает только «верхушка», даже 100 г хлеба в день не дают.

Асе взрезалось в память письмо некой Еремейчик: «Дорогой муж, нам очень трудно жить. Мы сильно пострадали от немца. Все наше погибло и сгорело, остались голые и босые, но на нас никто не обращает внимания. Кто был у немцев и вернулся домой (репатрианты – Л. С.), им снова стало хорошо, потому что на них внимание обращает местное руководство. Им и жалованье, они и картошки себе при немцах наедали. Им хорошо живется, несмотря на то, что это семьи полицейских³. Нам тогда Петр грозил кулаком и сейчас не хотел отдать хлеб, только благодаря председателю колхоза отдали шесть копеек. Справку твою получили, ходили в сельсовет, но помощь не оказали». Отправитель Чижик делилась с родными в письме, что семья живет в курене, сотки обрабатывают коровой, потому что лошади из колхоза не дали, получают их только те, кто поит бригадира водкой. Подкупить бригадира нечем, ибо сами они живут плохо – на работу гонят и не спросят, кушали люди сегодня или нет: «Им до этого дела нет, они сами сытые».

Много писем было с жалобами на несправедливое бремя «военного налога». В апреле 1945 г. жительница Поддубная сокрушалась, что она была не в состоянии уплатить 245 руб. военного налога, сдать мяса – 46 кг, яиц – 45 шт., молока – 80 л, что никакого внимания не уделяется семьям военнослужащих: «Мама ходила в военкомат, но ничего не добилась». Якубовская из д. Бичи Озеранского сельсовета писала: «Живем очень плохо. Как видно, придется голодать, уже у людей просим очистки от картошки, сушим их и готовим блины. Если вы не приедете за нами, то погибнем с голоду». Житковец из д. Дворец сообщал об отсутствии соли в течение всего 1945 г., в Давид-Городке некоторые учителя покупали соль на рынке по цене 100 руб. за 1 кг. Одна маленькая девочка писала брату в Германию: «Дорогой братик, мы долгое время живем без соли. Несоленая пища, если бы ты знал, какая невкусная! Пришли мне хоть щ е п о т о ч к у (разрядка моя – Л.С.) в конверте, если у тебя нет, то попроси у повара».

³ Имеются в виду семьи участников Белорусской краевой обороны и тех полицейских, которые не принимали участия в карательных операциях нацистов. Накануне освобождения Беларуси летом 1944 г. они воспользовались предложением партизан перейти с оружием в руках на их сторону и были амнистированы.

Большинство евреев, переживших Холокост, были активными участниками партизанского движения. Многие имели личные счета с пособниками нацистов и искали сотрудничества с советской властью для наказания виновных. Большая группа евреев перед войной была на руководящих должностях в БССР, и с нападением Германии их оставили для организации подпольной работы в тылу противника. Они стояли у истоков партизанского движения, возглавляли контрразведывательные органы («особые отделы») партизанских отрядов, бригад и соединений.

Количество евреев в системе безопасности после войны было мизерным (4,3%). Сотрудников-ветеранов почти не осталось, а новых принимали с большими ограничениями. Часть чекистов из евреев была командирована в другие районы Советского Союза. Среди сотрудников белорусской службы безопасности в 1947–1948 гг. значительное большинство составляли русские (69,4%), которые намного опережали белорусов (20,5%), украинцев (5,7%), не говоря уже о представителях других народов (2,5%). Республиканские органы рассматривались союзным центром только как представители МГБ СССР на местах. Далеко не случайно министром госбезопасности Белоруссии с 1938 по 1951 г. был грузин Лаврентий Цанава. Небелорусы всегда преобладали среди «чекистов» в республике, несмотря на незначительное их уменьшение в разные периоды времени. Они были далеки от национальной идеи, ими легче было управлять, перемещать из одних регионов в другие, противопоставлять местным выдвиженцам⁴.

В Полесском областном управлении МГБ в 1946–1953 гг. работали: Борис Финберг (секретарь отдела № 5), Исаак Шевелев (начальник отделения), Броня Королинская (помощник уполномоченного), Софья Шварц, Сара Фруман, Пайкина (машинистки). Многие сотрудники МГБ в Мозыре были женаты на еврейках. Кто из них оставался евреем в душе, а кто только по паспорту, утверждать трудно. На публике все считали себя «советскими людьми», верными учениками и соратниками партии Ленина–Сталина, преданными патриотами Родины, готовыми выполнить любой ее приказ. Но власти, не всегда афишируя, продолжали считать их евреями, не упуская случая от них избавиться.

Служба безопасности разыскивала нацистских пособников, часть из которых делала своими негласными осведомителями и даже

⁴ НАРБ, ф. 4, оп. 9 д. 539, л. 81.

резидентами, имевшими сеть информаторов. Иногда дело доходило до абсурда, когда человека, пережившего гетто, подозревали в коллаборационизме и добивались от него признания: «Все погибли, а ты выжил – почему?!» Среди следователей были свои изверги. Петр Аточкин из Полесского управления похвалялся тем, что рукояткой пистолета «доставал» у подсудимых зубы.

Несмотря на все это, работа в МГБ Асю устраивала. Зарплата была приличной, в дополнение к ней – паек, обмундирование, положение в обществе («никто обидеть не посмеет»). Молодой женщине выдали табельное оружие – пистолет «ТТ», который она предпочитала держать в сейфе, опасаясь «как бы чего не вышло». Ася все про всех знала, другое дело, что сотрудники органов государственной безопасности были связаны подпиской о неразглашении служебной тайны. Подписка приравнивалась к присяге военнослужащих. Большим недостатком было то, что почти ежедневно приходилось засиживаться на службе допоздна, иногда до двух часов ночи. Домой ее провожали сотрудники, если выпадало по дороге, но чаще ходил встречать муж Сеня. Однажды он уснул дома в кресле одетым. Терпение лопнуло, и Семен отправился к начальнику с требованием уволить жену. Вместо этого ему предложили стать заведующим хозяйством в областном управлении МГБ. Существовала как раз вакансия, а Семен вполне подходил на эту роль: боевой офицер, капитан, бывший командир батальона в 5-м Донском казачьем корпусе генерала Доватора. Так супруги Грищенко получили возможность каждую ночь возвращаться домой вместе.

Особое внимание служба безопасности уделяла верующим. Сразу после войны евреи Мозыря были в числе первых в республике, кто поставил вопрос о регистрации иудейской общины и открытии синагоги. Престарелый раввин Залман Глуховский и представитель общины Меер Гофман собрали подписи почти ста верующих под обращением к Мозырскому городскому исполкому с этой просьбой. К концу 1947 г. евреи Мозыря насчитывали 4,5 тыс. чел., что составляло 26% от всего городского населения. Одно из уцелевших зданий бывшей синагоги на улице Набережная (Розы Люксембург) занимал хлебозавод, второе полуразрушенное – находилось на окраине города на улице Кимберовка, а третье на ул. Прорезной было занято под жилой дом. Встретив отказ, верующие купили на свои средства деревянный сруб и начали «самовольное строительство» молитвенного дома. Мозырские чекисты информировали об этом уполномоченного

Совета по делам религиозных культов при Совете министров БССР по Полесской области Кишкурно. В итоге председатель исполкома Мозыря Волчков наложил запрет, недостроенное здание у верующих конфисковали и передали артели «Вперед» для производственных целей⁵.

После ухода из органов МГБ

Ася Дубинская (Грищенко) пережила в Мозыре все события, отразившиеся на жизни советских евреев в сложные и противоречивые годы – 1940-е и начало 1950-х. С началом холодной войны в 1946 г. «еврейская карта» превратилась в удобный инструмент воздействия в противостоянии советского руководства и стран Запада. 1948–1953 гг. стали пиком кампаний по борьбе с еврейским буржуазным национализмом и «безродным» космополитизмом. Культуру идиш, единственную допущенную в СССР форму еврейской национальной жизни, запретили. Все еврейские учреждения, литературу, периодическую печать, творческие союзы, театр ликвидировали. Некоторых еврейских писателей, поэтов, актеров и режиссеров арестовали. После «заговора врачей» 1953 г. все белорусское еврейство, как и евреи Советского Союза в целом, попало под подозрение. Январь-март 1953 г. были для евреев ужасными, они жили в атмосфере подозрительности и ненависти, постоянном страхе за себя и детей. Короткий период между окончанием Второй мировой войны и смертью Сталина оказался временем глубочайших потрясений. Это затронуло не только тех, кто сохранял еврейское самосознание, но и практически ассимилированных евреев.

Пребывание Аси в органах безопасности завершилось в апреле 1954 г. По новому административно-территориальному делению БССР из 12 областей было оставлено шесть. В числе упраздненных оказалась и Полесская, большинство районов которой, включая Мозырь, присоединили к Гомельской области. Местное управление МГБ, как и другие областные учреждения, было расформировано, и начались поиски работы. Неевреи нашли применение относительно скоро, а евреи оказались предоставлены сами себе. Мозырь как бывший областной центр оказался «запружен» уволенными служащими. Для Аси, не

⁵ The Central Archive for the History of Jewish People in Jerusalem, RU 152; НАРБ, ф. 952, оп.1, д. 13, л. 13.

желавшей расставаться с родным городом, настали трудные времена. Как еврейке ей не могла помочь никакая протекция. Более полугода женщина, мать двоих детей, обивала пороги разных присутственных мест и организаций. Помог только случай, когда родители соученицы ее дочери устроили ее... в торговлю.

Ася стала работать младшим продавцом небольшого продовольственного магазина, через полгода получила повышение до старшего продавца, а еще через два года окончила курсы в Гомеле и была назначена его заведующей. Торговой «жилки» у Аси не было, но сказались природный ум, ответственность за порученное дело и умение работать с людьми. Так уж повелось, что все, за что она бралась, выходило. Промелькнули годы, выросли дети, умер муж, подошло время пенсии, и тут грянула «перестройка».

Возрождение еврейской жизни

1989 г. стал переломным. Распад Советского Союза был близок, хотя большинство людей об этом не догадывались. Слово «еврей» перестало быть зазорным, разрешили восстановление еврейской культурной жизни, появились первые национальные общества, благотворительные организации, возникла еврейская пресса на русском языке, сняли запрет с идиша и иврита. Одни восприняли это с удивлением, другие – как должное. В Мозыре одно время рассказывали как анекдот: двое белорусов беседуют между собой на остановке автобуса, один говорит: «Призывали бить жидов и спасти Россию (СССР), а что получилось? Евреи сами уехали, а Россию не спасли, Советский Союз развалился».

О существовании «Хеседа» в Мозыре Грищенко узнала после звонка двоюродной сестры: «Посылки дают». По сути, это был предлог, чтобы собрать вместе оставшихся евреев. Что почувствовала Ася Семеновна, когда через 50 лет после всего, что произошло с евреями, расстрелянными, униженными, отринутыми, лишенными сочувствия и поддержки властей, не имевшими права на собственную культуру и язык, боявшихся даже называть детей традиционными именами, она переступила порог еврейского общества? На стене висел маленький бело-голубой флажок с магендовидом, пожилые люди обменивались репликами на идише, обсуждали актуальные темы, события в Израиле, а на лицах не было испуга. Увиденное поразило ее воображение

настолько, что, по словам Аси Семеновны, у нее за спиной «выросли крылья».

Теперь она Дубинская/Грищенко не пропускала ни одного мероприятия в клубе еврейской культуры. С удовольствием посещала встречи с приехавшими земляками из Израиля, аплодировала еврейским самодеятельным артистам. Газеты «Авив», «Берега», «Еврейское слово», журнал «Мишпоху» читала от «корки до корки» и видела там свое отражение. Ася Семеновна начала вспоминать идиш, который полвека прятался в тайниках памяти, но не умер, а дождался своего часа. А какой заряд жизненной энергии имели еврейские праздники: Рош ха-Шана, Йом Кипур, Суккот, *Ханука* (праздник света), Песах? Когда-то это определяло весь ритм жизни общины, а теперь – лучший повод вспомнить о достойном прошлом и рассказать детям и внукам, показать искусство еврейской кухни и почувствовать надежду. В «Хеседе» давали поручения, которые Ася Семеновна с удовольствием выполняла. Несмотря на свой возраст (1922 г. р.), она бодра духом и с неизменным оптимизмом смотрит на жизнь. Находит силы ухаживать за другими, курирует женщину, которая уже с трудом выходит из дома, покупает ей лекарства и продукты, ведет переговоры с врачами. Недавно внучка родила правнука, Ася и здесь успевает – погулять с малышом, приготовить обед. Когда Асе Семеновне говорят, что слишком много работает, она только шутит: «Значит, весело живу!» Время для нее «мчится без оглядки, хотя минуты порой кажутся бесконечными». За происходящее в Израиле она переживает, но верит в его победу: «Как иначе, ведь мы евреи!»

Современный Мозырь неузнаваемо похорошел. В 2001 г. его избрали местом проведения Всебелорусского ежегодного праздника урожая «Дожинки», благодаря чему исторический центр обновили. Остались прежними только место и память. Ася Семеновна Грищенко, урожденная Дубинская, – часть этой памяти, хотя вряд ли сама отдаст себе в этом отчет. Прошлого не вернуть, но представить себе объективно историю Белоруссии без евреев невозможно. Об этом важно помнить всем, кто живет сегодня и вступит в жизнь завтра.

Опубликовано:

Мишпоха (Витебск), № 13, 2003 г., с. 114-119.

Майя Львовна Иосем из Минска

Семья Иосем – одна из многих еврейских семей в Белоруссии, по которым прошелся неумолимый каток советской власти. Исток, жизненные коллизии ее членов и настоящее крайне типичны и закономерны и поэтому до недавнего времени не были широко известны. Автору этих строк случайно довелось познакомиться с Майей Львовной, которая рассказала историю своей семьи.

Прадедушка по материнской линии Давид Вишневский имел крепкое хозяйство. До выселения евреев из сельской местности в 1882 г. арендовал у помещика землю в Гродненской губернии. Потом семье пришлось перебраться в местечко Городище Минского уезда (ныне Барановичский район Брестской области). В эпоху Речи Посполитой оно относилось к Новогрудскому воеводству, где в 1766 г. существовал кагал из 422 евреев. Когда в 1905 г. возникла угроза погрома, местные крестьяне защитили семью Вишневских.

Давид Вишневский был очень набожным, соблюдал все *мицвот* (заповеди), знал иврит, все свободное время учил Тору. У него родилось девять детей: Рахиль, Малка, Циля, Люба, Самуил, Иосиф, Абрам, Моисей, последняя младшая дочь умерла в младенчестве. Детей рано приучили к труду, девочки учились шить с восьми лет. У всех были свои обязанности по дому. Младшим, чтобы доставали до русской печи, подставляли скамеечку. С началом Первой мировой войны семья бежала из Городища в местечко Мир. Давида должны были призвать в армию, но он противился этому как мог: не представлял, как нести службу, не нарушая субботы, как соблюдать кашрут? Чтобы избежать призыва, ему посоветовали пить отвар табака. Из-за этого начался туберкулез, и медицинская комиссия признала его негодным к службе. Но в 1916 г. началась «испанка» – страшная эпидемия гриппа, унесшая тысячи жизней, в том числе и Давида. Семья переехала в Минск, где пережила революцию, немецкую и польскую оккупацию 1918 и 1920 гг.

История любви

Малка, средняя дочь Давида, отличалась редкой красотой. Когда Минск оккупировали польские части, то вся улица уполномочила ее пойти к польскому офицеру уговаривать предотвратить бесчинства легионеров. Офицер любезно принял Малку, уделил ей внимание, был галантным и обещал помочь. Однако когда он услышал фамилию просительницы, резко переменялся. Оказалось, польский начальник сам был Вишневским, и подобное сходство страшно оскорбило его шляхетскую гордость. Потом за Малкой ухаживал сын владельца хлебопекарни и материально помогал ее семье. Будущий жених уехал в Москву, где поступил в театр, и звал с собой Малку. Старшие уговаривали девушку выйти замуж. Неизвестно, как бы все сложилось, но тут появился Лейба Борух Иосем из Городища и спутал все карты.

Лейба рос вместе с Малкой, и в детстве они дружили. После Рижского мирного договора Беларусь разделили на две части, и семья Иосем оказалась отрезанной от Минска. Непонятно, каким образом Лейбе стало известно о намечающемся замужестве Малки, но он тайно пересек границу. Шел 1923 г., молодому человеку как бывшему рабочему лесосплава, бежавшему из «панской» Польши в советскую Белоруссию, открыли «зеленую улицу». Лейбу зачислили сначала на рабфак, а через год приняли на инженерно-мелиоративный факультет Государственной академии сельского хозяйства им. Октябрьской революции в Горках. Лейба убеждал Малку, что с артистом семейная жизнь непрочная и в Москву ехать незачем. В это время у девушки объявился новый «сумасшедший» поклонник, который не давал ей прохода, размахивал наганом и обещал в случае отказа убить себя и ее. Малка уехала в Горки и вышла замуж за Лейбу. Хupu не делали, брак был гражданским, и бабушка Хана (мамина мама), которая была очень религиозной, долго его не признавала зятем, считая, что внучка живет в грехе.

У молодых родились две дочки: Роза (1929 г. р.) и Майя (1934 г. р.); после того как Лейба окончил вуз, семья перебралась в Минск. Лейба Борух стал Львом Борисовичем, окончил аспирантуру, защитил диссертацию и получил приглашение преподавать в Белорусском политехническом институте им. Сталина. Одновременно он работал старшим инженером «Белгоспроекта» и руководил строительством

центрального водопровода в Минске. Семья жила в доме сотрудников БПИ на ул. Энгельса, д. 36, в том месте, где после войны открыли кинотеатр «Пионер». На первом этаже была квартира профессора Кравцова, рядом – семьи доцентов Максимова и Вербицкого.

Репрессии

Малка и Борис любили друг друга, их отношения были искренними и чистыми, однако счастье оказалось недолгим. Наступила страшная пора массовых репрессий. Люди пропадали без вины виноватые. Органы ОГПУ/НКВД «обнаруживали» организации, враждебные советской власти, во всех отраслях народного хозяйства, учреждениях образования, среди представителей научной и творческой интеллигенции. Это позволило развернуть кампанию массовых чисток, носивших превентивный характер. В 1937–1938 гг. газеты пестрели сообщениями о разоблачении агентов иностранных разведок, троцкистов, правых уклонистов, национал-фашистов и пр. Арестовывали потенциально недовольных, людей, которые имели критическое мышление, или когда нужно было выполнить «разнарядку» на количество «врагов народа», спускаемую сверху.

Знакомый Иосема в НКВД рассказал, что всех более-менее заметных людей служба безопасности взяла на учет, что завели дело и на Льва Борисовича, советовал уехать в глубинку, а лучше подальше от Белоруссии – на Дальний Восток, в Сибирь. Житейски умные люди так и поступали, а в это время брали другого человека. Но Иосем не послушал, считая, что к нему это не относится, поскольку он ни в чем не виноват. Льва Борисовича арестовали 19 ноября 1937 г. Его обвинили по статьям 68 и 71 УК БССР в том, что он являлся агентом польской разведки, занимался шпионской и диверсионно-вредительской деятельностью. Основанием для абсурдного обвинения послужил факт нелегального перехода Львом Иосемом в 1923 г. границы со стороны враждебного государства и наличие родственников за рубежом. Мать Льва Борисовича и сестра Рахиль Литвак оставались в Городище, а брат Яков – в Барановичах, которые относились до 1939 г. к Польше. Сестра Ида Гельман (Гельмановская) переселилась в г. Чарльстон (США), а брат Ехиель уехал в Южную Африку.

Когда в дом специалистов на ул. Энгельса пришли люди с синими петлицами, старшая дочь Роза восьми лет лежала в больнице со скарлатиной. Младшей Майе едва исполнилось три года, она так крепко

спала, что не проснулась с приходом незваных гостей, Лев/Лейба попросил ее не будить – это ошибка, и он утром вернется.

Однако больше Льва Борисовича никто не видел. Малка после ареста мужа будто окаменела. С одной стороны, она оказалась очень сильным человеком, не плакала, не унижалась, а с другой – старалась всеми силами огородить детей от страшной правды, сказала, что папа уехал в командировку. Соседи были очень порядочными, никто из них не подал виду и не проговорился. Розу и Майю любили, Малке сочувствовали. Она носила передачи в тюрьму – продукты, теплые вещи, ведь Лейбу увели в чем тот был. Все принимали, но свиданий не разрешали под предлогом, что приговор был десять лет без права переписки. На самом деле Льва Борисовича Иосема постановлением комиссии НКВД и прокурора СССР от 17 декабря 1937 г. приговорили к высшей мере наказания и привели его в исполнение уже через 10 дней в Минске.

Весной 1938 г. Малка Давидовна поехала в Москву, пробиваться к Сталину, говорить о том, что никакой Лев не шпион. Она взяла с собой Майю, ходила по разным инстанциям. К Сталину, конечно, она не попала, но какой-то высокий чин пожалел: «Не ходите никуда, возвращайтесь домой и сидите тихо, потому что вас заберут, а дети останутся сиротами». Малка восприняла это серьезно и ожидала ареста. Майю и Раю она отправила к сестрам Циле и Рахили в Любань, чтобы девочки не попали в детский дом.

Малка начала шить легкие женские платья, поступила в артель «Новый путь» и стала надомницей. Немного помогали родные, и особенно муж сестры Любы Петр Голяс, директор школы в Орше. Малка не умела торговаться. На рынке она платила первую цену, которую называли, потому что считала, что труд на земле тяжелый и должен быть вознагражден и если крестьянин называет цену, то нельзя ему отказывать. Малка не могла отказать, если просили займы, всегда делилась последним.

Начало войны

Все соседи Иосем говорили, что поскольку Минск столица, его не отдадут, стоит переждать. Несмотря на это, Роза с первого дня войны твердила, что нужно уходить. В Москве жил брат Малки, который был готов принять сестру и детей, но они медлили, надеясь увидеть Льва Борисовича. Где он будет их искать, если они уйдут в «никуда»? От

бомбежек спасались на пересечении улиц Советской и Энгельса. Бегали туда на несколько часов и вещей не брали. Малка имела при себе только два детских летних платья, сумочку с документами и небольшой суммой денег, обручальное кольцо мужа. На четвертый день взрывной волной оторвало дверь бомбоубежища. Когда дым рассеялся, находившиеся там люди увидели в проеме колонну милиционеров, которая двигалась строем по проезжей части Советской улицы. У каждого милиционера в руке был чемоданчик. Минск горел, Малка с детьми вернулись домой и увидели, что в квартиру зайти нельзя – снесло крышу. Во дворе стояла грузовая машина, где уже сидели соседи, и Малка посадила туда Розу и Майю. Когда ехали, Майя видела, что за машиной долго бежала большая собака, хозяева которой уезжали. Маленькая Майя заплакала – у нее дома оставались куры. Одну девочка считала «своей» – она была совсем ручной и клевала просо с руки. На детское сознание это произвело гнетущее впечатление и сохранилось на всю жизнь.

Водитель вывез их за город километров за десять, выгрузил и сказал, что нужно вернуться за новой партией. Этот человек спасал беженцев по собственной воле, не выполняя ничей приказ и ни у кого не испрашивая разрешения. Никто даже не спросил его имени. Властям было наплевать, они удрали заранее, бросив в сейфах Дома правительства в Минске знамена, печати, документы, списки актива, ордена. Люди пошли в сторону Могилева по шоссе, а потом начался воздушный налет. Беженцев расстреливали на бреющем полете. Немецкие летчики отлично видели, что это мирные жители, но не остановились. Мама накрыла детей зеленым одеялом со словами: «Если погибать, то всем вместе». Одеяло оказалось под цвет травы, и, наверное, это тоже спасло. «Когда все стихло, я впервые увидела убитых, мертвые тела лежали вокруг. Мы вышли раздетыми без вещей, и тут можно было подобрать необходимое, но не смогли. Потом мы уже боялись идти по главной магистрали и пробирались проселочными дорогами», – рассказывает Майя.

Эвакуация

Рядом с Иосем оказались соседи Рубинчики: муж, жена и две девочки-подростки, которые до войны жили напротив в полуподвале. Они дружили, и когда осенью 1937 г. Лев Борисович получил премию на работе, то купил сестрам Рубинчик пальто, потому что те очень

нуждались. Это Рубинчик, отец девочек, втянул Малку в кузов машины, когда там уже не оставалось мест, а потом на Могилевском шоссе, когда Майя уставала, нес ее на руках. Однажды по дороге беженцев нагнала машина с красноармейцами, которые предложили подвезти. Две девушки 16–17 лет согласились, с ними просилась и Роза Иосем, но ее не взяли, сказав, что мест нет. В следующей деревне крестьяне рассказали, что это были переодетые немецкие диверсанты. Можно догадаться, что они сделали с несчастными...

Железнодорожный путь отремонтировали, и эшелон двинулся. Детская память сохранила отдельные яркие картины, но их последовательность нарушилась, а географические названия не запомнились. Было еще несколько налетов, все выскакивали из вагонов, разбегались кто куда и прятались за насыпью. Когда эшелон останавливался, дети бежали просить еду у красноармейцев, а Майя и Роза стеснялись, и только когда военный состав уходил, искали на насыпи между шпалами сухарики... Через две недели поезд прибыл в один из районных центров России, где Малка даже нашла работу, но вскоре фронт приблизился и туда. Немецкие самолеты разбрасывали листовки, в которых обещали, что час «освобождения» русского народа от жидов и коммунистов близок. Семье Иосем пришлось двигаться дальше – ехали на телеге, плыли на пароходе, пока не попали в село Дуброво Оханского района Пермской области.

Жизнь эвакуированных

Поселили их в бараке при льнозаводе. Там уже находились семьи эвакуированных из Ленинграда – жены военнослужащих с аттестатами за мужей-фронтовиков. Стало голодно, люди, прибывшие через Пермь, рассказывали, что на рынке продавали котлеты, в которых можно было обнаружить... человеческий ноготь. Это подтверждало страшные слухи о таинственном исчезновении людей, каннибализме. Малка, Роза и Майя очень нуждались, но спасало то, что местные жители делились с ними продуктами, какой-никакой одеждой, разными мелочами, без которых трудно обойтись в быту. Малку взяли охранником на льнозавод, дали ружье, но больше для бутафории, потому что она не умела и боялась стрелять. На время уборочной страды эвакуированных привлекали в колхоз. Здесь Малка быстро стала своей, потому что знала сельскую работу – выросла в местечке.

Утром, когда офицерские жены из Ленинграда отправлялись на прогулку, а Малка на льнозавод, деревенские жители кивали: «Смотри, жида пошли...» «Почему жида?» – спрашивала Малка, которую это больно задевало. «Потому что не работают!» – слышала она в ответ. На самом деле в деревне никогда не видели живых евреев. Малка трудилась наравне с другими, и «жидовку» в ней не признавали. Весной 1942 г. дали участок земли, они разбили огород, и стало легче. На 13-летнюю Розу оставляли детей, когда родители отправлялись на работу, – больше 10 человек. Их нужно было накормить, развлечь, помирить. Питание было скудным, и у Розы началось малокровие. Однажды во сне у нее пошла носом кровь, и когда Малка пришла с ночной смены, то обнаружила, что девочка едва не истекла кровью, которой была пропитана подушка.

Снова выручило шитье, кто-то принес швейную машинку, и за это Малка обшивала всю деревню. Рассчитывались, кто чем мог, и благодаря этому семья выжила. Потом Малку позвали работать в детдом для ленинградских сирот. Майя и Роза запомнили кастрюлю перлового супа, который Малка получила за первый день работы, и как за мгновение супа не стало.

Возвращение в Минск

После освобождения Белоруссии в июле 1944 г. Малка рвалась домой. Она еще надеялась на встречу с мужем, хотела узнать о судьбе матери, которая не успела эвакуироваться. Написала родным в Оршу и Любань. Ответы пришли одновременно – в первом говорилось, что Циля и Рахиль погибли в Любани, а во втором, из Орши, что Люба жива. Вся деревня Дуброво уговаривала Иосем не ехать – Минск лежал в развалинах, было голодно, неизвестно, найдет ли она работу. Для того чтобы вернуться из эвакуации, требовался вызов. Малка написала на условный адрес: горисполком, председателю артели «Новый путь» – там она работала до войны, и, как ни странно, получила ответ. Вызов пришел от председателя артели Еселевича. Он жил с женой и дочкой на ул. Мясникова в маленькой квартирке на две комнаты в частном секторе. Несмотря на это, они приютили Малку с детьми и даже нашли какой-то «дом-развалюху» с удобствами на улице. На это у Иосем ушли все накопленные за войну 10 тыс. руб. Однако вскоре, зимой 1946 г., на эту жилплощадь заявил права какой-то партизан с беременной сестрой. Пришлось уезжать. Следующая квартира была на ул. Коммунально-

Набережной, в том месте, где сегодня Троицкое предместье. Район был бандитский, в доме напротив жили воришки, рядом – семья, глава которой сотрудничал с оккупантами, а затем погиб в штрафном батальоне. С другой стороны жил Чернушевич, отец которого был репрессирован в 1937 г., а жена спилась. На втором этаже жили Мельцеры, к которым все желающие приходили смотреть телевизор со своими стульями, а на первом этаже жила семья полиция, которого расстреляли «наши», когда вернулись. Рядом был район гетто, где эти люди выменивали за пару картошек золотые вещи. Самые тяжелые три года после освобождения Минска (1944–1947 гг.) в домах на Коммунально-Набережной никто не работал. Там проедали и пропивали деньги, нажитые за счет евреев. Эти люди говорили, что спасали евреев, но потом всех мужчин с улицы забрали по обвинению в сотрудничестве с нацистами. Женщины их спились, и дети стали «пропащими».

Соседи Йосем были «русскими», и это отразилось на знании идиша. Роза в школе и институте учила немецкий, а после распределения работала в Жлобине и квартировала в еврейской семье, освоила идиш. Майя, по ее словам, осталась «калекой»: вместо немецкого она учила английский, с евреями в быту не общалась, и идиш прошел мимо нее. Однажды Малка принесла домой еврейский алфавит и предложила начать учить, но Майя отказалась: «Зачем он нужен?» Это было время гонений на космополитов, под которыми понимали евреев, и выделяться было опасно. По улицам Минска еще ходили старухи, которые размахивали руками, громко и с вызовом говорили на идише или с жутким акцентом по-русски. Спустя годы Майя пыталась восполнить этот пробел. Она просила своего мужа Вениамина Абрамовича Лиса помочь ей, но получила отказ – ему было удобно так секретничать с друзьями.

Однако своего еврейства Майя не стеснялась. Возможно, потому что отступать было некуда, она смело давала сдачи. За слово «жидовка» била по морде. Никто ее этому не учил, просто такой был бешеный характер. Роза, наоборот, смотрела поверх голов и не общалась с теми, кто ей был неинтересен. В 1949 г. в Минске закрыли знаменитый еврейский театр БелГОСЕТ. Это была трагедия для интеллигентных людей, только единицы из работников устроились по специальности в белорусские театры. Большинство обратились к

забытым профессиям портных и сапожников, превратились в черно-рабочих и дворников.

Охота на врачей

«Дело врачей» в 1953 г. Майя запомнила на всю жизнь. Во дворах и задворках Минска аршинными буквами жирно мелом хулиганы писали «Бей жидов – спасай Россию!» И никто это не стирал очень долго. Зимой 1952 г. Майю положили во 2-ю советскую больницу вырезать миндалины. Простудиться было немудрено – квартира Иосем находилась в полуподвале, и зимой на подоконнике в стакане замерзала вода. Народ в палате лежал «сволочной», и еврейская тема не сходила с уст. Каждый старался поучаствовать, вспоминая истории, где евреи были во всем виноваты. Когда вышло сообщение ТАСС от 13 января о врачах-отравителях, то зачитать его из «Правды» заставили Майю. Излишне говорить, какую боль и стыд при этом она испытала. Майя не верила написанному, потому что помнила об отце и других репрессированных. Участковый врач Сара Швец жаловалась, что пациенты отказываются от ее услуг, тогда как раньше чуть ли не боготворили. Мужа Сары, инженера, посадили в 1949 г. за то, что он осмелился заявить: людей нужно сначала накормить, а потом требовать выполнять план. Евреи ходили, втянув головы в плечи.

В жизни Иосем был эпизод, который заставил переволноваться. Накануне 1 Мая 1949 г. неожиданно принесли повестку из МГБ, и Малка решила, что это за ней, наступила ее очередь, и она не вернется, как муж. Малка сварила большую кастрюлю борща, потушила картошку, испекла пирог, тихо собрала узелок и, не попрощавшись, ушла. К счастью, тревога оказалась ложной. Малку вызвали как свидетеля – перед праздником она купила на рынке отрез на пальто по завышенной цене. Ей показывали альбом фотографий людей, которые жили за счет перепродажи вещей и были на примете. Малка узнала продавца, но не призналась, а дома на вопрос «почему?» ответила, что купила по собственной воле, а подставлять другого человека непорядочно.

Роза и Майя были советскими детьми, воспитанными в духе «не как есть, а должно быть», не воспринимали негатив. Начитавшись книг, они жалели, что родились поздно, хотели работать в ЧК, чтобы уничтожать «врагов народа». Когда в 16 лет Малка призналась дочерям, что их отца арестовали в 1937 г. как польского шпиона и

осудили на 10 лет без права переписки, но он невиновен, они ей не поверили. Девушки заявили, что при советской власти людей ни за что не сажают, значит, Лев Борисович был шпионом и предателем. Когда Малка пыталась убедить, что это не так, то слышала от детей расхожую фразу: «Лес рубят – щепки летят». Малка выдержала и это, она не стала хлестать Майю и Розу по щекам за то, что те называли неповинного отца «щепкой».

После Сталина

Смерть Сталина, казалось многим, погасила последнюю надежду. Сталина считали единственным защитником, и вот его не стало, евреи готовились к худшему. В школе рыдали все: физик-еврей, учительница химии, биолог, учительница русского языка и литературы, директор Нисимбаум. Все, кроме Галки Смирновой, генеральской дочки, которой, видимо, папа успел открыть глаза. Но когда объявили о реабилитации врачей в апреле 1953 г. – счастьем не было границ. Майе казалось, что торжество правды настолько велико, что теперь и отец вернется.

Когда в 1953 г. Майя окончила школу и захотела пойти по стопам отца, Малка встретила с бывшим довоенным соседом профессором Кравцовым и спросила о возможности поступления дочери в Белорусский политехнический институт. Это была не просьба о протекции, а желание выслушать совет. Ответ Кравцова ошеломил: «Лев Борисович пошел не по тому пути. Если Майя сдаст все на “пять”, тогда мы... подумаем». Подали документы в самый непрестижный вуз республики – Институт народного хозяйства, но не приняли и туда. В 1953 г. приняли в этот вуз только одну девушку с еврейской фамилией, да и то золотую медалистку.

После 1956 г. шла полоса реабилитаций. Сначала медленно, а потом все увереннее. Иосем решили, что сидеть сложа руки больше нельзя. Но не все придерживались такого мнения. Малку отговаривали. Роза Абрамовна, заведующая артелью «Новая жизнь», предостерегала: «Времена меняются, нужно сидеть тихо, можно потом пожалеть». В октябре 1957 г. Малку вызвали в «Большой дом» на проспекте Сталина, сотрудник республиканского КГБ выдал справку о реабилитации. Это была выписка из постановления Военного трибунала Белорусского военного округа о том, что дело против Льва Борисовича

отменено за отсутствием состава преступления. Еще через полтора года, в апреле 1959 г., ЗАГС Ленинского района Минска выдал свидетельство о смерти, где говорилось, что причиной смерти стал инфаркт миокарда 13 февраля 1942 г. Однако о том, что отца Майи расстреляли в декабре 1937 г., спустя месяц после ареста, оставалось тайной еще почти 20 лет!

Малке Давидовне объяснили, что она может получить два оклада по месту работы мужа. Однако потрясение было настолько велико, что в положенные сроки она не могла обратиться, а потом вынуждена была восстанавливать свое право на компенсацию через суд. В начале 1960-х годов Иосем как семье репрессированного выделили двухкомнатную малогабаритную квартиру на ул. Харьковская. Это были две смежные комнаты на первом этаже. Когда начался отопительный сезон, котельная в подвале издавала такой гул, что Майя ночью уходила спать в ванную комнату. На все жалобы и просьбы приходили отписки, и тогда они решились написать в Минский горком партии. В нем говорилось, что отца замучили в 1942 г. в лагере (тогда еще не было известно о расстреле Льва Борисовича в 1937 г.), а местные власти сейчас медленно «добивают» семью репрессированного. Это возымело действие, и узел отопления отремонтировали.

Во второй половине 1980-х гг. началась «перестройка», и Майя Львовна читала все толстые журналы. «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов» и другие были полны публицистики. Надежды на перемены казались осязаемыми, вслух разрешили говорить то, что находилось под запретом более полувека. Был принят закон, по которому прямые родственники репрессированного имели право лично ознакомиться с уголовным делом. Но решиться на это не было сил, вдруг отец не выдержал пыток и назвал кого-то? Когда, наконец, в 1996 г. Майя Львовна собралась с духом и обратилась в «компетентные органы», чтобы познакомиться с делом отца, ей отказали, сославшись на то, что живы еще дети тех, кто был виноват в аресте. Через восемь лет она повторила эту попытку и получила формальную отписку.

В 1952 г. Роза окончила физико-математический факультет БГУ с «красным» дипломом вместе с еще одним студентом – Киселевским. Два человека на весь курс! Киселевского приняли в аспирантуру, и он впоследствии стал академиком, президентом АН БССР. Розу отправили учителем в школу в Жлобин, где она отработала четыре года, а потом, для того чтобы получить минскую прописку, пошла на завод.

До середины 1960-х гг. отношение Майи к немцам было ужасным, и она не делала разницы между ними и нацистами. На это мама говорила, что немцы тоже люди, и они по-своему страшно пострадали от Гитлера. Она не соглашалась: как можно такое говорить, когда в гетто погибли все родные? Не могла слышать не только немецкую речь, но даже музыку немецких композиторов. Если в кино Майя видела немецкую форму и собак, то ей чудилось, что она видит евреев, которых гонят на убой.

На перемену отношения к немцам оказало влияние несколько обстоятельств. Знакомство с послевоенными немцами по работе, рассказ соседской девушки и Шестидневная война в Израиле. Впервые живых немцев она увидела в 1964 г., когда в Минск приехали специалисты из ГДР устанавливать оборудование в вычислительном центре. Это были молодые ребята, настроенные антифашистски, веселые и открытые. Казалось, что они выделяли евреев среди коллег – относились более внимательно, уважительно.

Одна знакомая рассказала, как накануне расстрела ее спас немец. Он выделил ее по каким-то неуловимым признакам (невинная молодость, красота, отчаяние в глазах в ожидании смерти?) и вывел из толпы, посадил на подводу, довез до леса и отпустил со словами: «Если увидишь знакомого – беги. Продадут!» Девушка так и сделала и – уцелела.

В июне 1967 г. советская пропаганда «трубила», что сионисты на Ближнем Востоке превратились в нацистов, захватывают чужие земли, убивают невинных палестинцев, включая детей и женщин. Не верить этому было нельзя, так были воспитаны. Но и верить не хотелось. На помощь приходило рассуждение, что евреи хорошие, но сионистская пропаганда сделала из солдат израильской армии ублюдков, точно так же как нацизм сделал из немецких солдат убийц и извергов. Виновата пропаганда, а не люди, значит, и немцы могут быть хорошими? Вот такой перевертыш, и Майя перестала ненавидеть немцев.

После войны Малка стала соблюдать еврейские традиции. В синагогу не ходила, но зажигала свечи, держала отдельную посуду на Песах, соблюдала посты, хорошо читала и грамотно писала на идише. До трех лет она не знала ни одного слова по-русски, но потом овладела им и говорила без акцента.

В 1946 г. Майя была в пионерском лагере и после окончания смены увезла тайком простенькое «вафельное» полотенце. Стыд от этого жжет ее до сих пор.

У Майи возникло обостренное чувство сострадания. Она переводила деньги в фонд помощи туркам-месхитинцам. Две посылки с вещами отправила жертвам землетрясения в Армении, как только услышала сообщение по ТВ. Вечером передали, что не нужно этого делать – государство само позаботится, и она подумала: «Вот дура!». Но потом пришло теплое письмо из одной армянской деревни с благодарностью. Она хранит это письмо. Посылала деньги инвалидам-афганцам, в Фонд расстрелянных в Куропатах под Минском, фонду «Мемориал» в Москве на памятник жертвам массовых репрессий, фонду «Детям Чернобыля», на строительство онкологической больницы в Боровлянах. Покупала по мелочам билеты организаций, оказывавших помощь, участвовала в благотворительных телемарафонах, даже в фонд «Уникум», спасавший цирковых лошадей, отработавших свой срок, отправляемых на убой под предлогом, что их не на что кормить и содержать.

С устройством на работу у Майи были проблемы. В 1960 г. она окончила математический факультет Белгосуниверситета, но мешали еврейский нос и дурной характер – была слишком гордой. Через профессора Одельского нашли ученика отца, который мог взять к себе. Назначили время, пришла и должна была сказать, что она дочь Льва Борисовича Иосема. Секретарша в приемной попросила подождать недолго. Вдруг ей показалось, что она торгует памятью папы, и – ушла. Потом знакомые мамы пытались устроить ее на приборостроительный завод им. Кирова. Главный металлург предприятия был еврей, он пригласил Иосем и сказал выписать пропуск. В отделе кадров на Майю посмотрело «рыло» и даже не спросило, какая у нее специальность, сказало, что свободных мест нет. Это огромный завод, там всегда нужны люди. Она почувствовала, что разревется, повернулась и ушла. До этого были безуспешные попытки попасть преподавать в школу. В районо говорили: придите весной, а весной – осенью. Потом отказали в приеме на работу в вычислительный центр на Тракторном заводе, и это при том, что за дипломную работу на выпускном курсе и на государственном экзамене по математике она получила «отлично». Единственная временная работа, которая у нее оказалась, должность медицинского статистика в поликлинике с зарплатой 42 руб. в месяц.

Однажды Майю прорвало, и в приемной главного врача поликлиники она сказала прилюдно, что в Советском Союзе есть белые «негры», которые не имеют равных прав, унижены и дискримини-

рованы, как индейцы в Америке. Почему в Конституции СССР не записано, что есть такой народ евреи, которые не должны учиться, потому что им не дадут работать по специальности? Иосем пожалела Вера Лойко, муж которой Михаил Гершман, участник войны, работал лектором Минского ГК КПБ. С его помощью девушку приняли в Минскую счетоводно-бухгалтерскую школу при ЦСУ БССР.

Когда спустя годы племянницы спрашивали у Майи, почему она, такая красивая и умная женщина, так долго не выходила замуж, она отвечала: «Отца забрали и замучили, как я могла?» Долго ждала, не верила.

В доме Майи Львовны Иосем до сих пор хранится чашка из фаянса с нацистским орлом и свастикой, на которой указан 1942 г. Чашку ее маме передала в 1946 г. жена военного за хорошо выполненный заказ. Никто тогда не обратил на это внимания – посуда была в большом дефиците, свастика на тыльной стороне оставалась долгое время незамеченной. Майя увидела ее только в 1950 г., когда училась в старшем классе школы.

Какая у нее была на это реакция? «Радость», – объяснила мне Майя. Они хотели уничтожить нас как евреев, а убили их, и осталась только одна чашка. Это реликвия, и она хранит ее как свидетельство Победы. Чашка не лежит на антресолях, Иосем держит в ней соль, и каждый раз, по ее словам, она давит этого «орла».

Малку Давидовну Вишневскую похоронили в 1971 г., а на надгробии написали, как Марию Давыдовну – родные опасались, что еврейское имя послужит причиной осквернения могилы.

В 1987 г. Майя Львовна Иосем потеряла мужа Вениамина Абрамовича Лиса, сестра Роза Львовна (Иосем) Штейн в 1991 г. уехала в Израиль, и стало очень одиноко. В «Хесед» Майя пришла в 1995 г., начала посещать общину прогрессивного иудаизма в 1996 г. Атмосфера еврейства Майе очень понравилась. Всю жизнь она прожила вне еврейской среды, и поэтому все было новым. Ее еврейская сущность раскрылась, оказалось, что проблемы, которые всегда вставали перед ней, характерны и для других евреев. Она слушала на одном дыхании лекции Якова Зиновьевича Басина, во время которых, по выражению Майи, «у нее раскрылись уши и глаза». Она была счастлива, потому что очутилась среди своих.

Запись беседы

Л. Смиловицкого с Майей Львовной Иосем в Минске 7 августа 2003 г.

Мои встречи с Айзиком Платнером

Мы не были знакомы лично. Когда я родился, Исаак Хаимович (Айзик) Платнер досиживал в лагере последний год перед своим освобождением как антисоветчик, «враг народа» и американский шпион. Сталина уже три года как не было, но тень его витала над страной, оставленное наследие продолжало мучить. Потом были хрущевская «оттепель» и брежневский «застой». К концу 1980-х гг., когда Коммунистическая партия Советского Союза затеяла «перестройку», обернувшуюся самоликвидацией режима, о Платнере уже основательно забыли. Это имя помнили только уцелевшие коллеги по писательскому цеху и немногие довоенные жители республики.

Изучая еврейскую страницу истории Белоруссии, я много работал в архивах и встречался с людьми, которые после десятилетий вынужденной немоты позволили себе быть откровенными. Отказ от старых догм, развенчание ложных истин, возвращение забытых и оклеветанных героев своего времени – вот фон, на котором шла болезненная переоценка ценностей. Многие узлы поломанных судеб удалось распутать, вернуть из забвения. В этой связи я вспоминаю свои четыре заочные встречи с одним из самобытных идишских поэтов и литераторов еще недавнего прошлого.

Встреча первая

Когда я собирал материал о судьбе еврейской секции Союза советских писателей БССР, Харики, Аксельроде, Кульбаке и др., мне подсказали адрес вдовы Айзика Платнера Доры Ильиничны (Деборы Гилельевны Платнер-Рутштейн). Наша встреча состоялась, и то, что я услышал, не могло оставить равнодушным. Летом 1937 г. центральная еврейская газета «Октябрь», издававшаяся в Минске, поместила статью за подписями Изи Харика и Лазаря Кацовича, которая подвергала

Платнера необоснованной и несправедливой критике. Айзик приехал из Америки, а вокруг искали шпионов. И он стал одной из первых мишеней, нашли ошибки и грехи, исключили из Союза писателей, хотя и с разрешением работать, но где ее, работу, теперь искать? Старые знакомые отвернулись, шарахались, как от чумного. Еврейские писатели забеспокоились: кто следующий?

«Американский шпион», а на самом деле талантливый еврейский поэт Айзик (Исаак) Платнер родился в семье портного в Соколове-Подляски Седлецкой губернии, в Польше. С 1919 по 1921 г. он жил в Литве, потом уехал в Америку, печатался в журнале «Хаммер», в газете «Морген фрайхайт». Первая книга стихов «Вос дер тог дерцейлт» («Что день рассказывает») вышла в Нью-Йорке в 1930 г.

Большая депрессия 1929–1933 гг., поразившая мировую экономику, делала таким привлекательным Советский Союз, который издалика казался раем для трудящихся. В 1932 г. Платнер посетил СССР, много ездил по стране, но остался в Минске. Где же еще? В течение столетий польские и белорусские евреи составляли единое целое. Минск – столица БССР, еврейская жизнь была ключом, на идише работали творческие союзы, школы и вузы, музеи и театры, выходили книги. Платнера пригласили в еврейскую редакцию Белорусского радиокомитета, литературным редактором в газету «Октябрь» и журнал «Штерн». Здесь издавали его книги. Словом, был уважаемым человеком.

Исаак Хаимович не вспоминал в кругу семьи о злополучной статье Изи Харики и Лазаря Кацовича. Он был человеком мудрым, о многом догадывался. Это была вынужденная акция, чтобы уцелеть остальным. Не арестовали, а только «исключили», оставили без работы. Но нужно было соблюдать правила игры, а это уже всерьез. Вскоре Харик сам пришел к Платнеру с тревогой: «У тебя хоть жена обеспечена, у нее есть профессия и работа (заведующая кафедрой английского языка БГУ им. Ленина), а что будет делать моя Дина с двумя малышами?» И как в воду глядел, в сентябре 1937 г. Исаака (Изи) Давидовича Харики, члена-корреспондента АН БССР, председателя еврейской секции Союза писателей республики, главного редактора газеты «Октябрь», арестовали и вскоре расстреляли. Потом забрали и Дину Звуловну, отняли детей, дальнейшая судьба которых неизвестна.

Вторая встреча

В 1995 г., работая в Центральном архиве КГБ в Минске с документами об убийстве Соломона Михоэлса 13 января 1948 г., я обнаружил свидетельство Ицика Фефера о том, что именно Айзик Платнер первым усомнился в версии автокатастрофы. Смерть Михоэлса потрясла советское еврейство. В Москву хлынул поток телеграмм соболезнований, подписанных известными деятелями, включая Альберта Эйнштейна и Марка Шагала. Газета «Правда» вышла с пространным некрологом, в котором Михоэлс был назван «активным строителем советской художественной культуры», «крупным общественным деятелем, посвятившим свою жизнь служению советскому народу». Платнер считал, что Михоэлса убили намеренно, чтобы «снять голову у еврейской общественности», что он пал жертвой антисемитизма. На похоронах 16 января в Москве Илья Эренбург многозначительно произнес, что Михоэлс погиб на том месте, где уже были истреблены десятки тысяч евреев. Полина Жемчужная, жена В.М. Молотова, кивнув на покойного, прошептала: «Это было убийство». Перец Маркиш в день похорон сочинил поэму «Михоэлс – неугасимый светильник».

Эти наблюдения оказались пророческими. Уже осенью 1948 г. Михоэлса объявили еврейским националистом. Еврейский антифашистский комитет в Москве (ЕАК) распустили, а его членов отдали под суд. Культуру на языке идиш, единственную разрешенную в СССР форму еврейской национальной жизни, фактически запретили.

Почему Платнеры не уехали в Польшу сразу после войны, как поступали многие польские евреи, пользуясь государственным соглашением между СССР и ПНР? Только потому, что он не хотел еще раз испытать долю эмигранта? В Польше не задерживались, там хватало своих антисемитов, да и советские порядки, которые при Сталине насаждали в странах народной демократии, были не слаще. Нужно было двигаться дальше, в Палестину. Айзик искренне надеялся, что еврейская жизнь в Белоруссии после ужасов Холокоста обязательно наладится. Не дождался...

Третья встреча

Еще через два года, во время командировки в Белоруссию, я держал в руках следственное дело Айзика Платнера. В постановлении на арест 8 июня 1949 г. говорилось, что Исаак Хаимович Платнер, 1895 г. р., уроженец Польши, еврей, прибыл в СССР из Америки как иностранный турист. Вспомнили, что Айзик когда-то был членом «Поалей Цион», делегатом Сионистского конгресса в Вене (1919 г.). На этом основании ему приписали воспевание сионизма, голословно изобличали в антисоветской националистической деятельности и шпионаже в пользу американской разведки. Поэт якобы по заданию Михоэlsa и ЕАК пересылал в США свои произведения, в которых извращал советскую действительность, клеветал на состояние советской культуры в БССР, партийные и советские органы, которые препятствовали развитию еврейской культуры в республике.

Страшнее обвинения нельзя было придумать. Следствие длилось более года и завершилось несправедливым приговором – 25 лет каторги. В 1955 г., еще находясь в лагере Тайшет в Иркутской области (Юго-Восточная Сибирь), Исаак Хаимович писал в своей жалобе в Главную военную прокуратуру СССР, Президиум ЦК КПСС и Союз писателей СССР, что все обвинения построены на лжи и клевете. Работники МГБ ходили за ним как тени. Подсылали людей с провокационными вопросами, а после ареста оскорбляли и запугивали. Министр МГБ БССР Цанава поставил условие: «Если скажешь то, что мы требуем, будет лучше. Иначе заберем твою семью!» Следователи не давали спать, избивали до потери сознания, принудили поэта оклеветать себя и других, превратили в шпиона. Айзик писал: «Я не изменял Родине, я радовался ее успехам и достижениям, трудился в тылу во имя победы над фашистами. Мне уже 60 лет, я физически разбит (прошу это не оглашать, чтобы не огорчать семью). Не допустите, чтобы акт несправедливости и беззакония оставался в силе!»

Айзик был настоящим патриотом. После исключения из Союза писателей в 1937 г. он не опустил руки. В 1939 г. Платнер перевел с немецкого на идиш сказки братьев Гримм, сделал для Минского ГОСЕТа обработку пьесы Аврома Гольдфадена «Цвей кунилемлех» («Два простофили», *идиш*). В 1940 г. вышла книга его стихов «Солнце на пороге». С началом войны Платнеры эвакуировались в Мордовию,

жили в Саранске, Айзик работал в радиокомитете. Осенью 1942 г. семья переехала в Ярославль, где поэт тоже работал на радио. Вернулись Платнеры в Минск в сентябре 1944 г. Казалось, все налаживалось. Новые произведения поэта рассказывали о страданиях евреев в годы войны и об их героической борьбе. В 1947 г. выходит книга стихов Платнера «С любовью и верой» на идише, а в 1948 г. – стихи в переводе на белорусский язык «Сваей краіне» и новеллы «Самае дарагое». И тут арест...

Четвертая встреча

Палач и жертва. По иронии судьбы вскоре после смерти Сталина имена Платнера и Цанавы оказались рядом в запретном «Списке политически вредной и устаревшей литературы», подлежавшей изъятию и уничтожению, которое рассылалось Главным управлением по охране литературных и военных тайн в печати (Главлит) при Совете министров БССР. Лаврентий Цанава (Джангава) генерал-лейтенант, министр госбезопасности БССР (с июня 1943 по 3 ноября 1951 г.), доверенное лицо Л.П. Берии, державший в страхе всю республику, сам оказался за решеткой. Начиная с 1953 г. все упоминания о Цанаве, портреты и книги были запрещены, включая двухтомник «Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков» (Белгосиздат, 1950–1951), подписанный его именем. Разумеется, никто, кроме компетентных инстанций, о таком совпадении не догадывался.

Справедливость была восстановлена только летом 1956 г., когда вслед за реабилитацией поэта в Главлите появился новый «Список авторов, все произведения которых возвращены читателям» – всего 58 имен, в том числе: Г. Каменецкий, Н. Кампман, А. Левин, А. Платнер и др. Таких списков потом стало много.

Возвращение

В 1956 г. Исаака Хаимовича освободили из лагеря с формулировкой «за недоказанностью обвинений». Он вернулся в Минск и, несмотря на тяжелую болезнь, начал много и плодотворно работать. В 1957 г. вышла книга его стихов в переводе на белорусский язык «Соль жыцця», несколько сборников для детей: «Мой агарод», «Палаючае сэрца», «Вяселая іголка». В последние годы Айзик писал о друзьях:

Зелике Аксельроде, Гирше Каменецком, Эли Кагане, Мойше Кульбаке. Переводчиками его стихов и прозы были белорусские писатели М. Аврамчик, Э. Агнецвет, Р. Бородулин, П. Глебо, В. и А. Вольские, Н. Кислик, П. Макаль, А. Звонак, М. Лужанин, М. Хведарович, Н. Чернушевич и др. На русский язык переводили: П. Антокольский, Ю. Вронский, Л. Озеров, П. Кобзаревский, Я. Хелемский, Е. Аксельрод, Д. Бродский, А. Белов, Ф. Якобсон, В. Тушнова, А. Гангова. Не стало поэта 26 июля 1961 г.

«Как молоды мы были, как искренне любили, как верили в себя...» – эти строки хорошо известны целому поколению наших родителей, искреннее надеявшихся на скорые и счастливые перемены для своих детей, для нас. Как все обернулось, мы знаем.

С 1961 по 1986 г. книг Платнера почти не издавали, а на идише – вообще нет. И не только Айзика, но и других его собратьев по еврейскому творческому цеху. Официальные запреты заменила отговорка – нет денег. В Союз писателей пришли новые люди, у которых были свои приоритеты. Вдова поэта издала еще несколько книг мужа: «Дар сэрца» (1962 г.), «Песні пра хлеб» (1986 г.), ряд книжек для детей. В журнале «Неман» (№ 11, 1986 г.) напечатали его повесть на русском языке «Из-под земли». В нескольких номерах журнала «Идише культур», выходящем в США, в 1995 г. были опубликованы подборки стихов Платнера, а в Израиле в детском журнале на идише «Кинд ун кейт» под редакцией Бориса Сандлера в 1997 г. напечатаны детские стихи Платнера.

Скупые строки биографии и творческие вехи Айзика Платнера можно найти в литературных энциклопедиях и справочниках разных стран. Все они, в основном, повторяют одно и то же, формально и по сути верно. Но только познакомившись с воспоминаниями Джессики Платнер, дочери поэта, читатель приоткроет для себя личную трагедию Поэта, его семьи и эпохи.

У Джессики прекрасный слог, хотя она и напоминает читателю, что не является литератором. Напрасное беспокойство – сколько вокруг профессионалов от пера, которые пишут скучно, вяло или заумно? Здесь – наоборот. Наблюдательность, умение подметить характерную деталь и описать ее, неподдельная искренность и задушевность. Это природное, от отца, такому не научишься.

В свое время Джессика, учитывая родительский опыт, выбрала для себя безопасную профессию – биолог и почвовед, занималась геобота-

ником торфов в одном из проектных институтов Минска. Однако художественная литературная нотка в ее душе осталась. Джессика прекрасно поет на идише и декламирует стихи, может сплясать... но только для своих, чтобы не вышло за пределы близкого круга.

Усилиями преданной дочери были отмечены 90-, 100- и 110-летие Исаака Хаимовича. Многие годы Джессика собирала воспоминания об отце его друзей и коллег. Записывала и хранила эти свидетельства. Так родилась эта книга. И вот она выходит в Иерусалиме в канун 115-летия Поэта и 75-летия ее автора. Пожелаем же ей успеха. Мазл тов!

Опубликовано:

Л. Смиловицкий. Предисловие к книге Джессики Платнер

«Эта жизнь обернулась вот так». Иерусалим: Достояние, 2010 г., с. 7-13.

Марк Тайц на параде физкультурников 1945 г.

Кандидатов на участие в физкультурном параде в Москве подбирали из разных вузов Белоруссии. Девочек найти было проще, а ребята в дефиците. Из медицинского, педагогического, политехнического, но больше всего, по понятным причинам, из физкультурного института (ИФК). На пятую графу не смотрели, главное, чтобы кандидат был здоров и имел спортивную выправку. Белорусская делегация оказалась очень представительной, не менее трехсот человек. Подбирали равное количество юношей и девушек, поскольку многие номера нужно было исполнять в паре.

Как Марк попал в Институт физкультуры? Семнадцатилетний юноша, бывший узник Минского гетто (июль 1941 – 7 декабря 1942 г.), боец партизанского отряда им. Чкалова Барановичского соединения (декабрь 1942 – июль 1944 г.), он вышел из леса и в начале августа появился в Минске. Сразу было не до поступления. Пришлось зарабатывать на жизнь, родители Тайца приехали в Минск только к началу зимы. Он ремонтировал электропроводку в Доме правительства, а вечерами доучивался в средней школе, чтобы получить аттестат зрелости. В декабре 1944 г. прием во все вузы БССР закончился, а при ИФК еще действовали двухмесячные подготовительные курсы.

За подготовку участников парада отвечал Губанов, заведующий кафедрой гимнастики Института физкультуры. Из своих студентов он подобрал человек тридцать и создал экспериментальную группу. Марк с детства был спортивным пареньком и попал в этот состав. Губанов разучивал с тридцаткой гимнастические и акробатические упражнения, а потом каждый из учеников передавал комплекс своей десятке. Марк, например, поднимал девушку на одной руке. Лучше всего у него получались упражнения с кольцами.

На девятом километре от Минска располагался военный городок, стадион и казармы. Солдат отправили в летние лагеря, а вместо них поселили студентов. Три месяца, с мая по июль включительно, никого

никуда не выпускали. Лето стояло дождливое, небо затянуто облаками – загореть трудно. После завтрака звучала команда обнажиться до пояса, и гоняли до обеда. Короткий отдых и – снова за тренировку. И так на открытом воздухе весь световой день, по десять часов.

Педагоги Белорусского театра оперы и балета разучивали с ними танцы. Кормили отлично. Все тогда было по карточкам: «детская», «рабочая», «служащих», а начальство получало дополнительное, или так называемое «литерное» питание. Каждый участник будущего парада получал два (!) литера «Б». Трехразовое питание, от пуза – гоняли ведь целыми днями, нагрузки давали приличные, поэтому и кормили так, чтобы были силы и не показались в Москве худыми.

Никого не заставляли, дело добровольное. Но никто и не отказывался. Сидишь летом за городом, тебя кормят-поят, и нужно прыгать и бегать по стадиону. Жили все в комнатах на 10 человек. Постели меняли регулярно, одежду студенты стирали и гладили самостоятельно. После гетто и партизанского отряда Марк воспринимал это как санаторий. Никто не говорил о войне. Тема гетто не поднималась. Да и кому это было тогда интересно? Кровь, смерть, потеря близких, пожарища, но все это в прошлом, а впереди – вся жизнь!

Ежедневно на девятый километр приезжал Михаил Зимянин, секретарь ЦК ЛКСМБ, тоже бывший партизан. Несколько раз навестил сам «хозяин» – первый секретарь ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко (в годы войны начальник Центрального штаба партизанского движения СССР). Всесоюзный парад с участием БССР стал первым послевоенным событием такого рода, и нельзя было ударить в грязь лицом.

Зимянин привез комсомольские значки нового образца и торжественно вручал. С 1922 г. значок был круглым, в центре красная звезда, а на ней буквы КИМ (Коммунистический интернационал молодежи). Таким он и оставался до 1947 г., когда слово «КИМ» заменило «ВЛКСМ» (как известно, сам Коминтерн распался еще в 1943 г.). Зимянин лично пристегнул Тайцу значок «КИМ». Дело в том, что Марку как одному из наиболее грамотных первокурсников поручили редактировать стенную газету. Зимянин ее смотрел, иногда что-то правил. Газета выходила регулярно – один раз в неделю.

Евреев в белорусской делегации на парад, по словам Марка, было прилично. В тридцатке Губанова, которая обучала остальных, насчитывалось шесть еврейских юношей и девушек. Марк вспоминает, что

«нашего брата» хватало и в сводном отряде. В основном эвакуированные, а из бывших узников и партизан он оказался чуть ли не единственным. Перед отъездом из Минска для участников парада сформировали отдельный эшелон. До Москвы ехали три дня (770 км), тогда как скорый поезд покрывал это расстояние за ночь. Состав из Минска двигался вне расписания и пропускал встречные эшелоны на полустанках. Все друг друга знали, за три месяца репетиций лица запомнились. Ехали долго, но времени не теряли. Днем одеяла стелили на крыши и загорали, «трепались», играли в карты.

Перед поездкой студентов приодели, чтобы в столице за них стыдно не было. Выдали брюки, пиджаки, рубашки. На полустанках кто-то умудрялся поменять обнову на спиртное. Здоровые ребята, три дня в пути, делать нечего. Жизненный опыт был богатый. Не скучали.

В Москву приехали 9 августа 1945 г., расселили их в казармах какой-то кавалерийской части. Огромные залы, по несколько сотен человек в каждом, двухъярусные нары.

Физкультурные парады в Москве с участием представителей всех союзных республик проводились в СССР со второй половины 1930-х и имели ярко выраженную политическую направленность. В 1937 г. парад был посвящен советской Конституции, в 1938 г. – выборам в Верховный Совет, в 1939 г. – решениям XVIII съезда ВКП(б). Последний предвоенный парад физкультурников состоялся 21 июля 1940 г., а уже на следующий год большинство его участников, сражаясь на фронтах Великой Отечественной войны, погибли или попали в плен...

Потом четыре долгих года войны и поражение Германии. Не успел в Москве завершиться Парад Победы 24 июня 1945 г., как началась подготовка к новому, физкультурному параду, 12 августа. Участников набралось свыше 23 тыс. чел., продолжительность – 4 час. 40 мин. Грандиозное, красивое зрелище, чтобы поднять дух людей и порадовать.

Парад назначили через четыре дня после вступления в войну с Японией (8 августа 1945 г.). Случайно? Или хотели продемонстрировать силу и могущество страны, располагающей неисчерпаемыми людскими резервами? Накануне, 6 и 9 августа 1945 г., авиация США применила атомное оружие при бомбардировке японских городов Хиросима и Нагасаки, но парад ведь готовили заранее.

По сценарию честь открытия предоставили колонне бывших спортсменов – Героев Советского Союза. Для них специально сшили белые костюмы, выдали белые фуражки и полуботинки. Поскольку в армии такая форма отсутствовала, потребовалось специальное разрешение наркома обороны одеть «батальон героев» в нестандартную форму в порядке исключения.

Красную площадь укрыли зеленым войлоком от солдатских шинелей. Делегация из Белоруссии исполняла спортивные номера на фоне березок, которые несли за спинами спортсменов. Это выглядело очень эффектно. От березок группа Тайца побежала в сторону Мавзолея. Их место занял танцевальный коллектив из артистов белорусских театров. Рубашки шелковые с ярким белорусским национальным орнаментом. Пока танцоры выступали, Марк и его товарищи успели переодеться за березками и присоединились к артистам.

Все было рассчитано досконально – каждый номер длился несколько минут. В финале все делегации выступили вперед. В центре – команда РСФСР, справа – Украина и слева – БССР. Когда они построились перед Мавзолеем, место Тайца оказалось во втором ряду, а впереди – «беленькие» хлопчики-белорусы. Это тоже было продумано.

Весной 1944 г. приняли новый гимн Советского Союза на музыку Александрова и слова Михалкова и Эль-Регистана, который участники парада заранее разучили. Грянул оркестр, и все участники подхватили его молодыми голосами. Там были слова о Сталине, великом и мудром (с 1956 г. гимн исполнялся уже без слов).

Расстояние от трибуны Мавзолея до первой шеренги не больше пяти метров! Совсем близко. Все Политбюро ЦК КП(б)Б во главе со Сталиным, а также В.Н. Меркулов, А.И. Антонов, Г.К. Жуков, М.И. Калинин и др. Среди приглашенных стояли генерал армии Дуайт Эйзенхауэр, его сын лейтенант Джон Эйзенхауэр, которые официально были гостями маршала Жукова, а также посол США в СССР Аверелл Гарриман.

«Вождь народов» доставал Эйзенхауэру только до плеча. В июне 1944 г. Дуайт Эйзенхауэр командовал высадкой англо-американского десанта в Нормандии и открыл второй фронт в Европе. После капитуляции Германии он возглавил американскую зону оккупации (с мая по ноябрь 1945 г.). Отношения между военными были дружескими, и Жуков пригласил Эйзенхауэра в Москву. Был и достойный повод – Сталин наградил Эйзенхауэра в числе очень немногих (всего 19 чел.)

орденом «Победа». Указ Верховного Совета СССР об этом был обнародован 5 июня 1945 г., нужно было вручить.

Вот как вспоминал парад Дуайт Эйзенхауэр: «Пять часов стояли мы на трибуне Мавзолея, пока продолжалось представление. Спортсмены были одеты в яркие костюмы, и тысячи людей исполняли движения в едином ритме. Народные танцы, акробатические номера и гимнастические упражнения исполнялись с безупречной точностью и огромным энтузиазмом. Оркестр, как утверждали, состоял из тысячи музыкантов и непрерывно играл в течение всего пятичасового представления. Генералиссимус не обнаруживал никаких признаков усталости. Казалось, он наслаждался каждой минутой представления. Сталин пригласил меня встать рядом, и с помощью переводчика мы разговаривали с перерывами в течение всего спортивного представления»¹.

Это был последний спортивный парад на Красной площади. В дальнейшем Всесоюзные парады физкультурников стали проводиться только на стадионах. Крупнейший по тому времени стадион «Динамо» в Москве с 1946 г. стал ареной марш-парадов и массовых гимнастических спектаклей.

Свое представление о физкультурном параде 1945 г., этом красочном зрелище, можем составить и мы благодаря фотографиям, хранящимся в Российском государственном архиве кино- и фотодокументов. Сразу по следам события издательство «Искусство» выпустило красочный альбом «Всесоюзный парад физкультурников в Москве 12 августа 1945 г.» (Москва, 1946 г.).

Парад закончился, и все отправились гулять по столице, а молдавская делегация уехала домой в тот же день вечером. Многие из товарищей Тайца потом не досчитались своих вещей. Так их «почистили». Белорусская делегация оставалась в Москве еще сутки. Ребята и девчата ходили по городу в том, в чем были на параде – белых брюках (или спортивных трусах), парусиновых туфлях и расшитых рубашках с коротким рукавом.

Обратно ехали так же долго, пропуская все встречные поезда, обсуждали пережитые впечатления – память на всю жизнь.

В физкультурном институте Марк долго не задержался. Отправился поступать в Минский медицинский институт, выдержал экзамены на «отлично», и был зачислен на первый курс.

¹ В. Карпов. *Маршал Жуков. Опала*. Москва, 1994 г., с. 104.

* * *

Марк Тайц после окончания Минского медицинского института в 1950 г. работал хирургом в Полоцке, поступил в аспирантуру при Институте физиологии АН БССР, защитил кандидатскую (1961 г.) и докторскую (1972 г.) диссертации; изучал радиационную нейробиологию, опубликовал 150 научных работ, выступал на международных конференциях и симпозиумах. В 1991 г. наш герой вместе с семьей репатрировался в Израиль и живет в Иерусалиме.

Опубликовано:

Л. Смиловицкий. «Парад физкультурников». *Секрет* (Тель-Авив), № 850, 15 августа 2010 г., с. 44.

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

Черта еврейской оседлости – неотъемлемая часть истории Беларуси

(Евгений Анищенко. *Черта оседлости. Белорусская синагога в царствование Екатерины Второй*. Минск, 1998)

Во второй половине 1990-х гг. еврейская тематика продолжала привлекать внимание профессиональных историков¹, и подтверждением тому монография д-ра Евгения Анищенко. Автор – научный сотрудник Института истории Национальной Академии наук Беларуси. Настоящая работа представляет собой первый серьезный опыт в республике осмыслить на академическом уровне сложные экономические и политические процессы в Северо-Западном крае Российской империи в конце XVIII в., имевшие отношение к евреям. Ничего подобного до сих пор не было сделано на Украине и в России, большая часть территории которых также была включена в так называемую черту еврейской оседлости². Показательно, как белорус Анищенко оценивает историю становления и развития черты оседлости, раскрывает особенности хозяйственного развития края, знакомит

¹ Leonid Smilovitsky. “Revival of the Historiography of Belarus's Jews, 1992–1995” // *Shvut*, Tel Aviv University, № 3(19), 1996, pp. 209-219.

² Черта оседлости (1791–1917 гг.) – граница территории в России, за пределами которой евреям запрещалось селиться и постоянно проживать, исключение составляли только купцы первой гильдии, врачи, юристы, представители свободных профессий и некоторые другие незначительные по своей численности слои еврейского населения; черта оседлости охватывала 15 губерний: Царства Польского, Литвы, Белоруссии, Бессарабии, Курляндии и большей части Украины.

читателя с малоизвестными страницами жизни евреев на территории Виленской, Гродненской, Полоцкой, Могилевской и Минской губерний.

Черта оседлости стала наиболее тягостным проявлением национального неравноправия евреев среди других народов Российского государства. В XVIII–XX вв. был принят целый ряд законодательных актов, ограничивавших гражданские и национальные права евреев России. «Временные правила» 1882 г. запрещали евреям селиться вне городов и местечек, покупать землю, совершать торговые операции с недвижимым имуществом в сельской местности. В 1887 г. ввели ограничения на прием евреев в средние и высшие учебные заведения. Количество евреев в учебных заведениях в пределах черты оседлости не ограничивалось 10% от общего количества учащихся, вне черты оседлости эта норма снижалась до 5%, а в Москве и Петербурге – до 3%.

С конца 70-х годов XIX в. евреев перестали назначать на должности государственной службы, они не могли быть мировыми и волостными судьями, избираться городским головой, а число евреев в составе гласных городских дум не могло превышать одну треть всего состава. Евреям запрещалось участвовать в выборах органов земского самоуправления и их работе, в армии они не могли занимать офицерские должности, быть писарями, санитарами, интендантами, нести пограничную службу. Заслуга отмены черты еврейской оседлости принадлежала Временному правительству, это произошло 20 марта (2 апреля) 1917 г.

Обращение автора к еврейской теме по-своему закономерно. Занимаясь сюжетами докторской диссертации, посвященной Генеральному межеванию в Белоруссии XVIII в., Е. Анищенко открыл для себя активное участие евреев во всех основных направлениях хозяйственной жизни края³. Продолжительное время любые свидетельства об этом игнорировались советскими историками, поставленными в жесткие идеологические рамки. Только после 1991 г., когда Советский Союз распался и Республика Беларусь обрела независимость, возникли необходимые условия объективно осветить прошлое. Первые опыты в

³ Генеральное межевание – измерение, описание, картографирование земельных площадей и угодий с учетом административного деления, состава населенных пунктов, количества налогоплательщиков: носило особенно интенсивный характер в 1765–1850 гг., охватив 35 губерний империи на территории более 300 тыс. десятин. См.: Я.К. Анішчанка. «Генеральнае межаванне на Беларусі». Мінск: Беларуская навука, 1996 г.

этом направлении д-р Анищенко сделал в целом ряде статей, опубликованных в научных и популярных изданиях⁴.

Источниковедческая база монографии впечатляет. Это, прежде всего, ранее неизвестные документы, почерпнутые автором из Национального исторического архива Республики Беларусь, архивов Российской Федерации, Литвы и Польши. Используя их в сочетании с известными работами Ю. Гессена, С. Дубнова, Л. Леванды, И. Оршанского, Х. Коробкова, П. Марека и других ученых, автор показывает место белорусских евреев в общем контексте истории восточно-европейского еврейства. Вместе с тем круг современных исследований по этой теме, выполненных за пределами Белоруссии и стран СНГ, у д-ра Анищенко ограничен. Это не вина, а беда автора, который, как и большинство белорусских историков, вынужден находиться в отрыве от новинок по иудаике своих коллег в странах Европы, Америки и Израиля. Примером могут служить труды Шмуэля Эттингера⁵, Шауля Штампфера⁶ и Хенца-Дитриха Лоева⁷.

⁴ Я.К. Анішчанка. «Яўрэй ўсходняй Беларусі ў канцы XVIII ст. паводле ўрадлівага ўліку (крыніцазнаўчы аспект)» // *Весці АН Беларусі*: серыя гум. навук 1993 г., № 4, с. 59-68; Яго жа. «Фінансавая рэвізія кагалаў Гродзенскай губерні ў пачатку XIX ст. і яе вынікі» // *Весці АН Беларусі*: Сер. гум. навук, 1995 г., № 1, с. 45-55; Яго жа. «Межканфесійныя канфлікты ў Беларусі напярэдадні першага падзелу Рэчы Паспалітай» // *Весці АН Беларусі*: сер. грамадскіх навук 1995 г., № 3, с. 51-59; Яго жа. «Шклоўскія фльшываманетчыкі» // *Беларуская мінуўшчына*. 1995 г., № 2, с. 48-51; Яго жа. «Арганізацыя кагалаў на Беларусі падчас першага падзелу Рэчы Паспалітай» // *Беларускі гістарычны часопіс*. 1995 г. № 3, с. 13-24; Яго жа. «Адносіны духавенства і вернікаў на Беларусі ў 60–70-ыя гады XVIII ст.» // *Весці АН Беларусі*: грамадскіх навук 1996 г., № 2, с. 56-63.

⁵ «Формирование основных принципов и тенденций политики русского правительства в отношении евреев после разделов Польши» // Shmuel Ettinger, *Jews and Russia: Collected Works*. Jerusalem, 1993, pp. 86-154.

⁶ Shaul Shtampfer, "The 1764 Census of Polish Jewry" // *Annual of Bar-Ilan University Studies in Judaica and the Humanities, XXIV–XXV*, Ramat-Gan, 1989, pp. 41-59; "The 1764 Census of Lithuanian Jewry and What It Can Teach Us" // *Papers in Jewish Demography* 1993. Selected proceedings of the Demographic Sessions held at the 11th World Congress of Jewish Studies in Jerusalem, June 1993, *The Avraham Harman Institute of Contemporary Jewry, The Hebrew University of Jerusalem*. Jerusalem, 1997, pp. 91-121; "The Lithuanian Yeshiva". Volozhin, Slobodka, Telz // *Zalman Shazar Center for Jewish History*. Jerusalem, 1995 (hebrew).

⁷ Heinz-Dietrich Loewe, "The Tsars and the Jews: Reforms, Reaction, and Anti-Semitism in Imperial Russia, 1772–1917" // *Chur*, Switzerland, 1993.

Монография состоит из семи частей (глав), введения и заключения, имеет географический и именной указатели. Автор поставил перед собой непростую задачу сделать эту работу не только достоянием строгой научной аудитории, но познакомить с ней как можно более широкий круг тех, кто интересуется историей. С этой целью он старался изложить материал в популярной, насколько это было возможно, форме, и здесь ему помогло незаурядное чувство юмора. Введение монографии Анищенко сопровождал двумя дополнительными частями, которые обозначил как интермедию – «Неверные пари в саду терпимого Эдема» и прелюдию – «Торговля на границе с поркой невинных». Эти части отделены от основного текста и описывают проникновение евреев в Белоруссию, отдельные области которой входили в состав Речи Посполитой, Великого княжества Литовского и Российской империи в XVI–XVIII вв. Приводятся оценки роли евреев и отношения к ним со стороны Ивана Грозного, польского короля Августа II, Елизаветы I и Екатерины II. Как известно, позиция России по отношению к евреям определялась враждебностью ее правителей к иудаизму и евреям, несмотря на отсутствие еврейского населения. Накануне разделов Польши и присоединения Белоруссии к России евреи по-прежнему сохраняли статус нетерпимых и нежелательных лиц. Властям предстояло определить их особое положение в составе новых подданных.

Д-р Анищенко старается показать природу взаимоотношений между евреями, белорусами, поляками и русскими. По первому разделу Речи Посполитой в 1772 г. к Российской империи отошла восточная часть Белоруссии (92 тыс. кв. км) с населением 1 млн 300 тыс. чел., включая около 100 тыс. евреев, которые были разбросаны по разным городам и местечкам, но в основном проживали в Могилеве, Гомеле, Витебске и Полоцке. Евреи занимались ремеслами – были портными, сапожниками, скорняками, плотниками, каменщиками, кожевенниками, кузнецами, ювелирами. Императрица повелела переписать евреев и «учредить» кагалы⁸.

⁸ В 1793 г. Россия и Пруссия произвели второй раздел Речи Посполитой, по которому к России отошла центральная часть Белоруссии по линии Браслав–Мир–Пинск с городами Борисов, Минск, Слуцк, Несвиж и Туров, где вскоре была образована Минская губерния. В ходе третьего раздела Польши в 1795 г. к России были присоединены почти все земли Западной Белоруссии с городами Гродно,

В сентябре 1772 г. Екатерина II объявила, что за всеми новыми российскими подданными сохраняются прежние социальные права и свобода вероисповедования. Евреев впервые уравнивали в выплате поголовных податей с остальными группами населения. Обещание веротерпимости и охраны имущественных прав различных групп населения должно было предотвратить связанные с оккупацией социальные потрясения и обеспечить преемственность администрации.

Реакция на это местных властей оказалось неоднозначной. Могилевский губернатор М. Коховский, выступая от имени помещиков, возложил на евреев ответственность за голод и дороговизну. Он назвал евреев «тунеядцами и бесполезными людьми в обществе», которые живут обманом, присвоением труда крестьян и ростовщичеством. Ему возражал могилевский купец Б. Шпеер, который в начале 1773 г. в докладной записке на имя императрицы опровергал утверждения о том, что евреи «низки, пронырливы, лукавы и неопрятны», доказывая, что белорусские сыны израилены ничем не отличаются от других правоверных Европы и Азии. Причину отчужденности евреев он выводил из «необузданности, суеверия и самовольства». Шпеер предложил кагалную реформу и более рациональное налогообложение. От новой власти ожидалось, что она прекратит принудительные военные постои, наделит евреев правами русского мещанства, урегулирует долги между иудеями и христианами. Но этого не случилось. После многих доработок и согласований власти закрепили высшую власть губернского кагала. Анищенко приходит к выводу о том, что в Белоруссии кагалная олигархия сохранила свое господство над единоверцами, став одновременно надежным партнером режима и добросовестным плательщиком налогов. В самой белорусской синагоге возник раскол, известный как противостояние между хасидами и миснагидами⁹.

Неизменной составляющей, накладывавшей отпечаток и на повседневную жизнь, и на статус белорусской еврейской общины в целом, оставалась проблема винокурения (пропинация). Ей посвящена специальная глава «В жерновах пропинации». Винокурение, наряду с торговлей, ростовщичеством, посредническими услугами, ремеслен-

Брест-Литовск, Новогрудок, большая часть литовских земель и Курляндия. Полосу белорусской территории западнее Гродно и Волковыска захватила Пруссия.

⁹ I. Lurie, A. Zeltser, "Moses Berlin and the Lubavich Hasidism: A Landmark in the Conflict between Haskalah and Hasidism" // *Shvut*, 5 (21) 1997, pp. 32-64.

ным производством, долгое время по-прежнему служило одним из основных источников дохода общины. Не в последнюю очередь это стало основанием для традиционных обвинений иудеев в спаивании христиан. Несостоятельность этого мифа хорошо показана автором. После первого раздела Речи Посполитой производство и продажа алкоголя оставались на прежнем «вольном основании» у обывателей белорусского края. Приходилось платить договоренную сумму казне, после чего можно было переуступить это право отдельным лицам за вознаграждение.

В уездах виноделием промышляли помещики. Участие русских дворян в этом предприятии было разорительным: на вино перерабатывалось до 30% урожая хлеба. В роли исполнителей (подрядчиков) помещики использовали евреев, которые за невыполнение своих обязанностей отвечали конфискацией имущества. Голод и неурожай, военные реквизиции, неумение грамотно вести хозяйство, пороки барщины выдавались за происки евреев. Еврейские корчмы оказались конкурентными, а потому вредными для дворян. В уездах их объявили опасными и нежелательными, обвинив евреев в том, что вместо денег они соглашались принимать от крестьян хлеб, пеньку, холст, лен, скот. Однако царское правительство предпринимало попытки введения казенной винной монополии, что также озлобляло местных дворян. Ссориться с помещиками самодержавие не желало, и эти трения неизменно оборачивались против евреев, на которых обе стороны списывали свои беды.

Интересный материал представлен о подготовке и ходе городской реформы. В Белоруссии только шляхта и евреи пользовались свободой передвижения. Евреи преимущественно занимались торговыми операциями и посредничеством, что претило шляхетскому званию и чести. Поэтому разрешенная запись в мещанство и купечество открывала городские ворота именно еврейству, которое не замедлило этим воспользоваться. В 1784 г. в Могилевской губернии из 15 тыс. 593 евреев, обложенных государственным сбором, в купечестве числилось 10%, тогда как среди христиан из 7 тыс. 522 чел. купцов было 5,5%. В Полоцкой губернии еврей-купцы уступали в процентном отношении христианам – 6,5% и 7,5%. В 1787 г. в Витебске и его уезде насчитывалось 126 христиан-купцов и 159 купцов-иудеев, 518 мещан-христиан и 996 мещан-евреев. В 1802 г. в Минске и Минском уезде торговали 41 еврейский и 55 христианских купцов, проживало 1 176

христиан и 2 675 иудеев мещанского звания. Однако христианские верхи городов не хотели терпеть в торговых рядах и городском самоуправлении «презренных жидов». Так рождался неразрешимый конфликт. К городским выборам и должностям евреев допустили по официальной квоте, имущественному цензу, в виде исключения.

В то же время запись в купечество и мещанство расколола само еврейство. «Учреждение о губерниях» 1775 г. предусматривало разделение жителей городов на купцов и мещан. Записавшиеся в купечество должны были платить налог в размере 1% от объявленного капитала и освобождались от несения военной службы. В 1782 г. купцам и мещанам запретили проживать в деревне и предписали немедленно переселиться в города. В 1783 г. все евреи, не записавшиеся в купечество, были причислены к мещанам. Между общинной организацией евреев, ответственной за уплату налогов и поведение своих членов, и интеграцией евреев в общей социальной структуре возникло противоречие. Большая часть евреев оказались неимущими и только формально числились мещанами, что позволяло выталкивать их обратно в сельскую местность. Полученными свободами воспользовались немногочисленные состоятельные купцы-евреи. Так разрешенное сверху городское устройство превратилось в очередное гонение.

Евреи в Беларуси представляли собой обособленную социальную группу, в отношении которой самодержавная власть не отважилась на радикальные изменения. В Петербурге желали скорейшей и полной ассимиляции евреев, но одновременно считались с требованиями помещиков, шляхты и горожан, не согласных с политикой уравнивания евреев в правах. Отсюда непоследовательность и противоречивость поведения режима в еврейском вопросе. Анищенко считает, что у правительства отсутствовал четкий план преобразований в еврейском вопросе, что большое значение имели конъюнктура и личное благоволение императрицы. По нашему мнению, ссылка на «человеколюбие» Екатерины II объясняется не столько ее «просвещенным абсолютизмом», сколько опасением, что признание евреев полноправными подданными произведет тяжелое впечатление на московских юдофобов. Дворяне, духовенство и горожане-христиане присоединенных территорий Белоруссии были верны давней польской антиеврейской традиции. Их отношения с евреями в вопросах экономики и повседневной жизни были запутаны конфликтами, конкуренцией и сотрудничеством. Как центральное правительство, так

и местная администрация были озабочены извлечением максимальной пользы из экономической деятельности евреев, игравших одну из главных ролей в развитии края. Помимо этого действовали и другие факторы – влияние прусского и австрийского законодательств о евреях, отличавшихся своим либерализмом, и обсуждение проектов о «гражданском исправлении» евреев, которое велось в Польше во время «четырёхлетнего сейма» (1788–1792 гг.).

Двусмысленность существования еврейской общины в Белоруссии в конце XVIII в. по-своему устраивала обе стороны. Еврейство сохраняло кагалную автономию, групповую самостоятельность и возможность придерживаться традиции. Власти получали дополнительный предохранительный клапан, когда в случае провала своих реформ можно было направить общественный протест на «жидов». Образ врага-еврея сплетен равными стараниями дворян, городских верхов и самого государства. Русский царизм старался сохранить сословное устройство, где евреям отводилась роль изгоя, фальшивомонетчика, виновника социальных бед – роста цен, нищеты крестьян и т. п. Автор показывает, как осуществлялись «санитарные» меры, для того чтобы не допустить евреев вглубь России. 23 декабря 1791 г. государыня Екатерина подписала указ о том, что права «гражданства и мещанства» предоставляются евреям только в белорусских губерниях, Екатеринославском наместничестве и Таврической области. Сами евреи признавали предвзятость происшедшего, называя себя преступниками без преступления. Так было положено начало существованию черты еврейской оседлости. Можно согласиться с выводами автора о том, что, с одной стороны, лейтмотивом ограничительного законодательства царизма стало стремление монополизировать реализацию и переработку продуктов сельского хозяйства в руках дворянства, а с другой – невозможность установить гражданское равноправие в обществе, где элементарные человеческие права не гарантировала даже прихоть всемогущего монарха.

Подводя общий итог, необходимо сделать несколько уточнений. В подзаголовке монографии Е. Анищенко указано: «Белорусская синагога в царствование Екатерины Второй». Имеется в виду белорусская синагога как совокупность еврейских общин под управлением кагалов на всем пространстве белорусского ареала, которые существовали в Польше и Великом княжестве Литовском в XVI–XVIII вв. и в Российской империи в 1772–1844 гг. К сожалению, во введении автор

не дал обзора источников, не указал степень разработанности темы, не охарактеризовал архивные фонды, с которыми ему пришлось работать, как принято на Западе. Правда, это характерно для многих историков в Белоруссии, которые пытаются таким образом установить монополию на объявленную тему и не допустить к ней конкурентов, что, безусловно, снижает научный уровень исследования.

Понятно, что названная тема очень широка и осветить ее в одной монографии невозможно. Однако автор не оговорил во введении, какие именно вопросы им опускаются и почему, а на какие обращено основное внимание. Мы находим мало сведений о положении синагоги, жизни верующих, кровавых наветах, уровне благосостояния и демографическом анализе еврейского населения, их быте, взаимоотношениях с крестьянством. В то же время отдельные главы (части) книги перегружены фактическим материалом, идет настоящий каскад фактов, примеров, цитат, сравнений, но не хватает обобщений и авторских оценок. Наряду с этим заключение монографии представляет собой резкий контраст с основным текстом. Его четкие положения и выводы поданы в сжатой, понятной и почти тезисной форме.

Все сказанное не умаляет значимости работы, проделанной Евгением Анищенко. Настоящее исследование – это первая серьезная монографическая работа о положении евреев в XVIII в., выполненная за последние 60–70 лет в Беларуси. Такое глубокое проникновение в тему, доскональное исследование поставленных вопросов, энергия поиска – редкое явление среди белорусских историков. Сочувствие автора-белоруса судьбе евреев как гонимого меньшинства и попытка разобраться в истинных причинах их конфликта с властью подкупают. Можно надеяться, что пример Анищенко будет по достоинству оценен и продолжен его коллегами.

Опубликовано:

“The Pale of the Jewish Settlement: An Inseparable Part of Belarus History” // *East European Jewish Affairs*, Vol. 29, No 1-2 (1999), pp. 151-158.

Скромное обаяние мастеров

(Лев Колосов. *Скромное обаяние мастеров. Вымершие и умирающие профессии*. Лунинац, 2003)

Книга, которую откроет читатель, – лучшее доказательство правила «мал золотник, да дорог». Она посвящена истории профессий и ремесел Лунинаца, небольшого белорусского города в Брестской области. Ремесленники, кустари, умельцы и мастера, населявшие его, составляли единый организм, сложившийся в средние века и шлифовавшийся непрерывно до наступления новой эпохи в способе производства. Одни из профессий хорошо узнаваемы – это дровосеки, извозчики, плотгоны, стекольщики, ювелиры, кузнецы, мельники, трубочисты, хлебопеки, почтальоны. О содержании других можно догадываться – пильщики, столовники, тряпичники, кожушники, жерновщики, ледорубы, золотари, лирники. Третьи для большинства могут быть неизвестными – факторы, камашники, гицели, гонтари, бруковщики, стальмахи, стрехари. Четвертые составляют специфическую группу профессий, имевших отношение к жизни еврейской части обитателей Лунинаца, – мацапеки, шабес-гои, балаголы, резники, раввины. Многие профессии, о которых пойдет речь, обыденные и широко распространенные в прошлой жизни, стали чрезвычайно редкими в наши дни. Большинство исчезло, и их названия ничего не говорят молодому поколению. Насколько далеко мы ушли по пути технического прогресса и в то же время удалились от собственных корней? Лев Колосов, собравший под одной обложкой лаконичные рассказы о почти семи десятках ремесел, специальностей и профессий, создал своеобразную Красную книгу памяти об умельцах местечка в Беларуси.

Книга Льва Колосова удивительно познавательна. Мы узнаем, как видоизменялись ремесла с течением времени, какой инструмент, приспособления, навыки и способы использовали мастера. В Лунинаце были уверены, что хорошее ремесло – это «удочка», которой ловят «рыбу» с пользой для себя и людей. Найти такую «удочку» считалось большой удачей, поэтому профессиональные секреты передавали по наследству. Существовали свои виртуозы и асы, ремесленные дина-

стии, славившиеся на всю округу. Товары из Лунина шли нарасхват не только в близлежащих деревнях и соседних с ним Кожан-Городке и Давид-Городке, Лахве и Турове. Они пользовались устойчивым спросом в Пинске, Бресте и в губернском Минске. Миниатюры из мира ремесленников написаны таким образом, что за ними угадывается не только борьба за хлеб насущный, но и тонкая лирика отношений, симпатий и антипатий. Каждый мастер обязан был быть универсалом, а его работа требовала кропотливости, терпения и сноровки. Автор показал ее не как механическое действие, заученное до автоматизма, а осмысленный труд, который не противоречил природе, а использовал ее себе во благо.

Жизнь ремесленников не была обеспеченной и тем более зажиточной. Низкая производительность труда и штучный товар делали ручную работу дорогой и не всегда выгодной. Внутренняя конкуренция в местечке и соблазны большого города требовали поиска новых возможностей. В Луинце всякое новшество быстро становилось общим достоянием. Выжить помогала уверенность, что без труда мастера не обойдутся, что при любых условиях его труд будет востребован. Языками общения, на которых мастера в Луинце договаривались со своими клиентами, были белорусский, идиш, польский и русский. На белорусском языке говорили основные заказчики из сельской местности. Русский язык достался в наследство от царского времени (1793–1917 гг.), польский считался официальным (1921–1939 гг.), а идиш был языком еврейских ремесленников, составлявших большинство мастеров Лунина.

Еврейские мастера и торговцы сыграли особую роль в жизни Лунина. Они с уважением относились к тем, среди кого жили, но существовали границы, которые не переступали: в синагогу ходили все, авторитет раввина был непререкаем, субботу не нарушали, межнациональные браки редкостью. Сначала Луинец был деревней Пинского уезда Минской губернии, но когда в 1880-е гг. позапрошлого века через него провели Полесскую железную дорогу, ситуация изменилась. Строителей и рабочих обслуживали евреи из Кожан-Городка, Лахвы и Давид-Городка. С 1882 г. власти предоставили им право постоянно проживать в Луинце. Евреи построили дома, синагогу, микву, получили землю под кладбище. В 1897 г. в Луинце стояло 855 дворов, где проживало 3 167 жителей, включая 293 еврея. Грузооборот железнодорожного узла, связывавшего Брест, Гомель, Барановичи и Сарны, составил в 1900 г. 5,5 млн пудов. Были построены

железнодорожные мастерские, две мельницы, русское и еврейское народные училища, церковно-приходская школа и хедеры.

По польской переписи 1931 г. в Лунинце насчитывалось 8 072 еврея. В 1939 г. городок был включен в состав БССР, и жизнь мастеров круто изменилась. Появились запреты на индивидуально-трудовую деятельность, принудительное кооперирование ремесленников, депортация недовольных в Сибирь и другие отдаленные районы СССР. Однако самые тяжелые времена в местечке наступили с немецкой оккупацией Лунинца, которая продолжалась с 10 июля 1941 г. по 10 июля 1944 г. и унесла тысячи жизней. В августе 1941 г. нацисты собрали 1 312 мужчин-евреев под предлогом регистрации и расстреляли их в урочище Могула, а в сентябре 1942 г. они убили уцелевших узников Лунинецкого гетто – 2 932 еврея, включая 1 429 женщин и 1 397 детей. Так ушли в небытие еврейские мастера и умельцы, которые кормили и согревали эту землю своим трудом. Оборвалась преемственность поколений.

После войны в Луинец вернулись не многие еврейские семьи. Синагогу власти не разрешили, и поэтому верующие тайно собирались в миньяне. Религиозные евреи использовали отдельные профессии, сохранившиеся с прошлых времен, чтобы продолжить соблюдение иудейских традиций. Одни собирали утильсырье (тряпичники), другие пошли в колхозные кузницы, третьи клали печи в отстраиваемых домах, четвертые вспомнили ремесло сапожника, портного, шорника и др., что позволяло не нарушать субботы. В конце 1940-х и в 1950-е гг. несколько еврейских семей использовали довоенные польские паспорта, чтобы выехать из Лунинца в Палестину. Они не забыли о своей белорусской родине и основали в Израиле землячество, однако только после 1991 г. эти люди обрели возможность навестить родные края, где прошло их детство. Многие из нас сами вышли из местечек, поэтому не исключено, что, дочитав книгу до конца, у одних читателей возникнет ощущение, что им рассказали историю их собственной жизни. У других она вызовет ностальгию. Технический прогресс «опустил занавес» и подвел черту под всеми достижениями ремесленного производства. Осталась память, значение которой нельзя переоценить, и в этом главное достоинство книги Льва Колосова, сумевшего ярко и правдиво рассказать о наших исторических корнях.

Опубликовано:

Мишпоха (Витебск), № 14, 2004 г., с. 58-59.

Синагоги СНГ в прошлом и настоящем

(Михаэль Бейзер. *Наше наследство: синагоги СНГ в прошлом и настоящем*. Иерусалим, 2002)

Появление книги д-ра Михаэля Бейзера закономерно. Синагоги всегда служили не только религиозным, но и социальным институтом в еврейской истории, а отношение к зданиям синагог отражало политику властей по отношению к евреям. В советский период большинство синагог были закрыты. Их помещения или сносили, или использовали не по назначению и не ремонтировали, в результате чего они ветшали и разрушались. Разгром синагог, начатый большевиками, довершили нацисты. Трагедия Холокоста не только унесла с собой миллионы жизней, но и стерла следы материального присутствия евреев.

Послевоенный период в жизни советского и постсоветского еврейства оказался наименее документированным, что вполне объяснимо. В эти годы процесс национальной ассимиляции приобрел особую силу. Закрытость советского общества делала беззащитными немногочисленные вернувшиеся из эвакуации группы верующих, пытавшихся отвоевать у властей право зарегистрировать общину и открыть синагоги.

В конце 1980-х гг. пространство Советского Союза, на котором возобновил деятельность “The Joint Distribution Committee” (JDC), представляло собой духовную пустыню, почти лишенную следов еврейской истории. С распадом СССР в его бывших республиках власти возвратили часть уцелевших синагог возрождавшимся еврейским общинам. Однако о полноценной реституции в условиях массовой эмиграции, демографического кризиса и разрыва преемственности поколений не могло быть и речи.

Тем не менее по истечении десяти лет в странах СНГ, Средней Азии, Закавказья и Молдовы были отстроены и возвращены к жизни

десятки синагог. Сейчас там функционируют общины верующих, которые изучают Тору, работают благотворительные организации и еврейские школы, отмечаются национальные праздники, проводится значительная работа по укреплению национального самосознания. Все это вызывает удивление у одних людей и законную гордость у других.

Книга д-ра Бейзера дает представление о том, с каким потенциалом российское еврейство подошло к 1917 г. и при каких обстоятельствах он был утрачен. Трудно однозначно определить жанр книги. С одной стороны, это не научная монография в строгом смысле слова, а с другой – не популярное издание или фотоальбом с комментариями о прошлом и настоящем синагог СНГ. Скорее, это удачное комбинирование трех перечисленных подходов, что делает настоящее издание особенно привлекательным и познавательным.

Книга “Legacy: The CIS Synagogues, Past and Present” состоит из двух глав, введения и заключения, примечаний, библиографии и приложения документов. В первой главе «Синагоги в прошлом» охвачен период от начала XX в. до распада Советского Союза в 1991 г. Вторая глава «Возвращение синагог» посвящена проблеме реституции синагогальных зданий, их реконструкции и возврату к нормальной деятельности. Автор вводит читателя в круг проблем, связанных с этим процессом, и останавливается на роли «Джойнта». В двух приложениях можно познакомиться с разнообразными документами о практических шагах этой большой работы, списками возвращенных еврейским общинам синагогальных зданий и действующих синагог СНГ.

Особое внимание привлекает композиция книги. Она составлена таким образом, что позволяет познакомиться с ней самой широкой аудитории читателей. Параллельный текст на русском и английском языках поясняет иллюстрации, которые нет необходимости дублировать для каждого перевода в отдельности. Неизгладимое впечатление производит зрительный ряд, которому отведено центральное место в книге. Он выстроен таким образом, что даже непосвященный читатель быстро понимает, что хотел сказать автор. В подаче иллюстраций Михаил Бейзер использовал метод сравнительного анализа: что было и что стало с синагогой до и после советской власти, кому это было выгодно?

Большинство фотографий заимствованы из The archives of the JDC and the YIVO Institute for Jewish Research in New York, the Jewish National and University Library in Jerusalem, the Center for Jewish Art of

the Hebrew University of Jerusalem, the St. Petersburg Judaic Center, the Central State Historical Archive of St. Petersburg. Используются также фотографии Russian Jewish Congress, the Federation of Jewish Communities of Russia and personal collection of the author и публикуются впервые.

Михаэль Бейзер привел обширный материал в виде архивных документов, периодической печати, ходатайств общин по их регистрации, законодательных актов, постановлений органов власти, проектов реконструкции и ремонта, карт и планов, а также солидный фотоархив, позволяющий визуально проследить этапы реконструкции синагог. Автор сознательно не углубляется в историю и особенности религиозной еврейской жизни в Советском Союзе, руководствуясь тем, что его тема – это здания синагог. В то же время, объясняя судьбу синагог, он бегло описал отношение советской власти к религии и дал оценку политике властей по отношению к религии вообще и иудаизму в частности.

Успеху книги, несомненно, способствовала и личность автора¹. Михаэль Бейзер использовал собственный опыт и наблюдения, накопленные в ходе многочисленных поездок по общинам СНГ, встречи и беседы с верующими-старожилами, руководителями общин и миньянов, бывшими советскими отказниками. Большинство средств, использованных на возрождение синагог, было получено в результате пожертвований, сделанных предпринимателями на территории бывшего СССР. Еврейские коммерсанты и банкиры убеждаются в том, что участие в благотворительности, как и в восстановлении синагог, содействует продвижению их собственных деловых интересов.

Накануне распада Советского Союза по всей стране действовали всего около пятидесяти синагог, а сегодня – это почти сто молитвенных зданий, возвращенных религиозным еврейским общинам в процессе реституции, купленных или построенных заново. В их числе крупней-

¹ Михаэль Бейзер – уроженец Санкт-Петербурга, выпускник физико-математического факультета Ленинградского политехнического института, активист культурного еврейского движения с 1980-х гг. После репатриации в Израиль (1987 г.) защитил докторскую диссертацию по истории советского еврейства, работал в Центре по исследованию и документоведению восточно-европейского еврейства при Еврейском университете в Иерусалиме, редактировал журнал “Jews of East Europe”; автор книг «Евреи в Петербурге» (1989 г.), «Евреи Ленинграда, 1917–1939: национальная жизнь и советизация» (1999 г.); сотрудник «Джойнта», читает лекции по истории российских евреев в Еврейском университете (Иерусалим).

шие синагоги Одессы, Киева, Харькова, Днепропетровска, Кировограда, Нижнего Новгорода, Самары, Казани, многие из которых к настоящему времени уже отремонтированы и восстановлены.

Можно ли надеяться, что правительства бывших советских республик выплатят еврейским организациям компенсацию за утраченное имущество? Вряд ли, пока власти согласны возвращать общинам не более одного здания на город, за исключением крупных еврейских центров (Москва, Санкт-Петербург, Киев, Харьков, Минск и некоторые др.). Многие синагоги расположены там, где уже нет евреев и некому их возвращать. Большинству синагог более ста лет, они находятся в аварийном состоянии, и реституция их нецелесообразна.

Что вообще ожидает возвращенные синагогальные здания завтра? Какую роль будут играть отстроенные синагоги СНГ? Станут ли они, прежде всего, местом молитвы (*бейт-мфила*), изучения священных книг и Торы (*бейт-мидраш*) или местом собраний (*бейт-кнессет*) – куда евреи приходят почувствовать себя частью общины? По мнению автора, это зависит от того, насколько укрепитесь еврейская жизнь в бывших советских республиках. Постсоветское еврейство переживает глубокий демографический кризис, но в то же время его экономическое положение в целом лучше, чем у титульной нации. Многие открывают преимущества своего еврейства, и это укрепляет их национальное самосознание.

Вернуть к жизни в полном объеме бывшее наследие российского еврейства уже не удастся. Однако познакомить современное поколение евреев с духовной традицией предков, дать оценку прошлому и вывести современников в странах диаспоры на исходные рубежи духовной жизни – наша обязанность. Книга д-ра Бейзера как нельзя лучше подтверждает это.

Опубликовано:

L. Smilovitsky. "Homage to the Past or Duty to the future?" // Review of: Michael Beizer. *Our Legacy: The CIS Synagogues, Past and Present*. Gesheharim, Jerusalem-Moscow, 2002. - 175 p., *East European Jewish Affairs*, Vol. 34, 2004, pp. 126-128.

Американский брат. «Джойнт» в России, СССР, СНГ

(Михаэль Бейзер, Михаил Мицель. *Американский брат. «Джойнт» в России, СССР, СНГ*. Иерусалим, 2006)

Вклад Американского еврейского объединенного распределительного комитета («Джойнт») в советскую и постсоветскую еврейскую историю до сих пор остается мало известен широкому кругу читателей, и особенно на «русской» улице. Поэтому идея выпуска издания, приуроченного к двум знаменательным датам – 90-летию «Джойнта» и 15-летию возобновления его деятельности на территории бывшего Советского Союза, была очевидной.

Альбом документов и фотографий, рассказывающих об основных вехах истории «Джойнта» как международной благотворительной организации, отличается качествами исторического исследования. Собранные документы представляют собой самостоятельную коллекцию, систематизированную и снабженную справочным материалом. Успеху издания во многом способствовали удачный параллельный перевод текстов и аннотации документов с языка оригинала. Благодаря этому фотокопии свидетельств, поданных на историческом фоне, стали выглядеть еще более убедительно.

Подобная форма оказалась оптимальным решением, чтобы дать прикоснуться как можно большему числу людей к наследию «Джойнта» за почти сто лет его существования. В роли авторов-составителей выступили доктор Михаэль Бейзер и Михаил Мицель. Решить такую задачу можно было только коллективными усилиями. В подготовке издания: сборе фотографий и документов, подготовке текста, редактировании, переводе на английский язык, оформлении и издании альбома – приняли участие прежде всего директор программ «Джойнта» в СНГ Ашер Острин, руководители Нью-Йоркского и Иерусалимского архивов «Джойнта» Шерри Хайман и Сара Кадош, а

также Лара Трояновская (Нью-Йорк), сотрудник Центрального сионистского архива в Иерусалиме Реувен Кофлер, региональные директоры и представители «Джойнта» Иорам Аберджель, Джонатан Порат, Шмуэль Кеслер, Иосеф Шустер, Менахем Лепкивкер, историки профессор Мордехай Альтшулер, д-р Джонатан Декель-Хэн, искусствовед Гилель Казовский, Ирина Антропова (Москва) и Ольга Стешенко (Киев), художник Михаил Якилевич, литературный редактор Елена Аксельрод и др. Перевод на английский язык выполнил Израэль Элиот Коэн.

Структура книги состоит из пяти глав, отразивших основные вехи в истории этой международной некоммерческой организации: «Война, 1914–1920 гг.», «В Советской России, 1920–1924 гг.», «Агро-Джойнт» 1924–1938 гг.», «Помощь “Джойнта” в отсутствие Джойнта, 1939–1988 гг.» и «Возвращение “Джойнта”, 1989 г.». Авторы для достижения поставленной цели отдали предпочтение принципу наглядности. Редкие и очень выразительные фотографии не оставляют равнодушными даже искушенного читателя. Альбом решает одновременно две задачи – отдать дань уважения сотрудникам «Джойнта» и их памяти, работавшим часто с риском для жизни в условиях, далеких от принятых в цивилизованном мире норм, и демонстрация достигнутых результатов благотворительной активности.

Из многих описаний деятельности посланцев «Джойнта» в России и СССР выбраны яркая история Фрэнка Розенבלата, с его миссией в поддержку евреев Сибири, Урала и Дальнего Востока (1919 г.); Бориса Богина, о которой рассказывают главы «зарубежного подразделения» организации; Гарри Фишера и Макса Пайна, Джозефа Розена и некоторых других. В июне 1920 г. судья из Чикаго Г. Фишер и профсоюзный лидер М. Пайн от имени «Джойнта» подписали в Москве соглашение об образовании «Еврейского общественного комитета помощи пострадавшим от погромов», который мог бы передавать американскую помощь. Читатель узнает и о первых трагических потерях «Джойнта»: профессор Еврейской теологической семинарии из Нью-Йорка Фридландер и реформистский раввин Кантор, распределявшие помощь среди общин евреев Украины, 5 июля 1920 г. были приняты кавалеристами Первой Конной армии за польских офицеров и расстреляны.

Сразу после окончания гражданской войны в России «Джойнт» оказывал неотложную помощь в борьбе с голодом, в организации

детских домов и приютов для сирот, в заботе о пожилых, немощных, инвалидах и беспомощных людях, в охране здоровья. Средства, собранные и перечисленные «Джойнтом», на продукты питания, одежду, предметы первой необходимости, учебники, оборудование в критический момент спасли от голодной смерти и поддерживали десятки тысяч евреев и неевреев. По договору с АРА половина посылок направлялась неевреям. К 1 июля 1922 г. в Белоруссии и на Украине было получено более 90 тыс. посылок.

Гуманитарные, образовательные, профессиональные, культурные программы были лишены политического содержания. Однако люди, получившую эту помощь, сами делали выводы о демократических ценностях свободного мира, что очень беспокоило большевиков.

Особое место в Альбоме занимает рассказ о деятельности «Агро-Джойнта». Работа велась не только в бывшей черте оседлости на территории Украины и Белоруссии, но и среди грузинских, горских и бухарских евреев. Результаты сельскохозяйственной колонизации оказались впечатляющими. В Крыму для еврейских переселенцев выделялись заброшенные земли в безводной части полуострова. Благодаря передовым методам ведения хозяйства и западной технике в эти земли быстро удалось вдохнуть жизнь. Налаживалось искусственное орошение, в поселки проводилось электричество и радио. Впервые в степной зоне внедрялось виноградарство, еврейская молодежь села на тракторы. Всего с помощью «Джойнта» на земле было устроено более 100 тыс. советских евреев. Дальнейшему успеху помешала коллективизация и интернационализация колхозов. В результате молодежь потянулась на учебу в города и стройки первых пятилеток.

Поскольку большая часть советских евреев оставалась городской, «Джойнт» уделял много внимания восстановлению экономической жизни местечек и городов. Ссудо-сберегательные кассы, производственные кооперативы, поддержка всех видов обучения, где еврейская молодежь могла получить образование и производственную специальность, находились в центре его внимания. Тысячи молодых людей из деклассированных и непролетарских семей, чьи родители были объявлены «лишенцами», получили надежду найти место в жизни.

Одним из самых интересных в книге Бейзера и Мицеля является рассказ о несанкционированной помощи «Джойнта» — негласной поддержке еврейской культуры, религиозно-общинной жизни и даже

сионистов. Девизом этой деятельности стали слова из *«Пиркей авот»* («Поучения отцов»): «Без муки нет Торы. Без Торы нет муки».

Фотодокументы из архивов рассказывают о работе, которую «Джойнт» никогда не афишировал и даже скрывал. Оснований для этого было больше чем достаточно, так как могло послужить поводом для обвинений во вмешательстве во внутренние дела СССР. «Джойнт» не занимался политикой, его сотрудники избегали давать оценку действиям советской власти, хотя на их глазах разворачивалась борьба с оппозицией в ВКП(б), разгром сионистов, «Бунда» и уничтожение евсекции. Несмотря на это, «охота на ведьм» не прошла стороной. Самуил Любарский, заместитель председателя «Агро-Джойнта», первый раз был арестован в 1930 г. по «делу агрономов», а второй раз – в 1938 г. в момент изгнания «Джойнта» из СССР по обвинению в шпионаже в пользу Германии и США. Авторы публикуют копию приговора Военной коллегии Верховного суда СССР, приговорившего Любарского 1 сентября 1938 г. к расстрелу.

С началом Второй мировой войны «Джойнт» пытался спасти евреев Европы от смертельной опасности. Нельзя без волнения знакомиться с документами об отправке еврейских беженцев из стран Балтии в 1941 г. Выезд в Палестину стоил 100 долларов, а в Японию – 200. Преимущество было отдано учащимся ишив и членам молодежных сионистских организаций, оплату расходов взял на себя «Джойнт». В конце войны его сотрудники пересылали значительные средства через Красный Крест, которые должны были распределяться на территориях со значительным еврейским населением. На деле это происходило далеко не всегда. В Альбоме мы находим свидетельства Еврейского антифашистского комитета в СССР о расхищении этой помощи, которая не попадала даже к евреям-партизанам Белоруссии и Украины.

В 1953 г. советский режим цинично интерпретировал благотворительную деятельность «Джойнта» как американское вмешательство, прикрытие террористических организаций и шпионской деятельности в СССР. Имя этой организации было увязано с «заговором врачей-отравителей» и стало предметом ненависти широких слоев населения. В Альбоме приведены карикатуры советских художников на «наемных агентов» «Джойнта» и полный текст сообщения ТАСС от 13 января 1953 г. «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». Это совершило переворот в сознании обывателей и поставило советских евреев на грань массовых погромов.

В 1960–1980-е гг. связь «Джойнта» с советским еврейством не прекращалась, несмотря на категорические запреты, исходившие от КПСС. Связь с границей, даже через благотворительные и гуманитарные каналы, воспринималась режимом как нелояльность «лиц еврейской национальности» и потенциальная готовность к измене социалистическому отечеству.

Заключительный раздел книги рассказывает о возвращении «Джойнта» в Россию и постсоветское пространство для помощи больным и старикам, распределения лекарств, организации работы волонтеров, восстановления уцелевших синагог, возобновления еврейского образования, возрождения общинной жизни, поддержки академических программ по иудаике, увековечения памяти о Холокосте и погромах, охраны еврейских кладбищ и мест массовых захоронений. В случаях стихийных бедствий, таких как землетрясение в Армении, Грузии или наводнение в Закарпатье, «Джойнт» оказывал пострадавшим неотложную гуманитарную помощь без различия вероисповедания и национальности.

Полиграфическое исполнение книги соответствует значимости темы. На фото мы видим выразительные портреты и групповые снимки людей, которые с помощью «Джойнта», несмотря на отчаянное положение, сохранили человеческое достоинство. Невозможно пройти мимо деталей, которые красноречиво говорят за себя. Лозунги на старых снимках «Кукуруза – залог урожая!» (до эпохи Н.С. Хрущева), «Свинью – в еврейские колхозы!», «Сталин – наше знамя!» рядом с портретом Шолом-Алейхема могли шокировать, но были лишены отрицательного смысла.

Большинство из почти 200 фотодокументов подвергнуты реставрации. Каждый хорошо читается и несет самостоятельную смысловую нагрузку. Самые старые фотографии отбирались одна из двадцати, а новые (послевоенные) – одна из пятисот. Очень ответственной стала их атрибуция. Еврейские фотографии было очень трудно найти, поскольку подобных категорий в каталогах архивов и музеев СССР/СНГ не было и нет. Авторы рассматривали детали, портреты и плакаты на стенах помещений, подписи на идише, чтобы понять, что именно сфотографировано, кто, когда и где.

Многие фотографии забраковал дизайнер из-за их малого размера, низкого качества или плохой сохранности. В конце концов, при помощи современных технических средств маленькие, часто крошеч-

ные, любительские снимки превратились в полноценные свидетельства. Это позволит широкой аудитории получить представление об ушедшей эпохе советского эксперимента, а исследователям – включить их как исторический источник.

Знакомство с Альбомом наглядно показывает благотворительную деятельность «Джойнта», затронувшую десятки тысяч людей в Советской России, СССР и СНГ. Международное еврейство усилиями «Джойнта» все годы пыталось уберечь своих «русских» братьев от ассимиляции. Результаты этих усилий стали очевидны после 1991 г., с началом массовой репатриации в Израиль. Роль «Джойнта» еще предстоит осмыслить. В этом отношении труд Михаэля Бейзера и Михаила Мицеля – это важный и удачный опыт, который требует своего продолжения.

Опубликовано:

L. Smilovitsy. *“Joint at the Russian ‘field’: matters and people”* // Review of: Michael Beizer, Mikhail Mitsel, *The American Brother. The “Joint” in Russia, the USSR and CIS*, Joint, Jerusalem 2004, 208 p., *East European Jewish Affairs*, No 36 (2) 2006, pp. 246-249.

Евреи Могилева: второе дыхание

(История Могилевского еврейства. Документы и люди: Научно-популярные очерки и жизнеописания / Сост. А. Литин. Минск, 2006)

Главным героем книги выступают могилевские евреи, незаслуженно обойденные послевоенной историей Белоруссии. Идеологические установки, выхолостившие достижения еврейских тружеников в экономике, культуре, науке, искусстве, просвещении, системе управления, финансовой и других сферах, оставили место только абстрактному понятию «жители Могилева и Могилевской области».

Преодолеть «риффы» забвения могли только подвижники, взвалившие ношу, от которой отказались профессиональные историки. Первая часть второй книги о евреях Могилева представляет собой коллективный труд авторов, объединивших усилия, чтобы восполнить один из многочисленных пробелов в истории евреев Белоруссии.

Инициатору и вдохновителю этого проекта Александру Литину, человеку с широким кругозором, беспокойной душой и большой внутренней культурой, удалось собрать широкий круг единомышленников: профессиональных историков и журналистов, краеведов и учителей, библиотекарей, работников культуры и преподавателей вузов, музейных сотрудников, инженеров, врачей – всех, кто остался неравнодушным к истории Могилева и его окрестностей как своей малой родины. Они задались целью вернуть из небытия ушедшее время, забытые имена, подвергнуть анализу иллюзии создания любой ценой общества «всеобщего благоденствия».

Участники благородного начинания по сохранению истории общины совместно искали свидетелей и брали интервью, вели поиск в архивах и библиотеках, писали текст. Их список длинный. Отметим только, что сегодня они живут как в Белоруссии, так и за ее пределами – в России, Украине, Литве, Польше, Германии, Голландии, США и Израиле.

Время освещаемых событий – это немногим более двух десятилетий между мировыми войнами. Период 1920–1930-х гг. необыкновенно важен для понимания пути, пройденного советским еврейством. Большевики, от которых в ходе событий 1917 г. отшатнулась интеллектуальная Россия, сделали ставку на евреев как наиболее грамотной, но бесправной части населения бывшей империи. Не удивительно, что к началу 1930-х гг. евреи добились небывалых успехов почти во всех областях культуры и науки. Однако когда они сыграли предназначенную им советской властью роль в социалистическом строительстве, то стали ей не нужны. Неизвестно, как быстро пошел бы этот процесс отторжения, если бы не Вторая мировая война. Довоенная история имеет исключительное значение для понимания трагедии Холокоста.

Что принципиально нового в первой части второй книги о могилевских евреях? В первую очередь, конечно, время. Не столь давнее, соответственно, уцелело больше архивных материалов, иллюстраций, а главное – воспоминаний.

Первая глава «Общественно-политическая и культурная жизнь» предваряет всю книгу кратким описанием освещаемых далее событий. Сохранена в основном прежняя – первой книги – верстка, когда текст «перебивается» множеством иллюстраций и вставок. Но появились новые рубрики «Из воспоминаний» и «Из могилевских газет», что позволило привести дополнительные сведения, передать дополнительные тонкости и нюансы темы, не ломая авторский материал. С этой целью пришлось географически «отойти» от Могилева в материалах, касающихся еврейского земледелия и местечек.

Новое издание выгодно отличает подробный алфавитный указатель, а вступление и послесловие представлены параллельно на русском и английском языке. Большое количество иллюстраций в виде фотографий, документов и рисунков позволяет глубже погрузиться в описываемую эпоху. В историографии Могилева и Могилевской области ранее не рассматривались вопросы, касающиеся роли еврейской секции при уездном, окружном комитетах Компартии Белоруссии. Широкому кругу читателей очень мало было известно о еврейских организациях, союзах и партиях, сионистах и бундовцах из Могилева. Только поверхностные и отрывочные сведения сохранились о религиозной еврейской жизни и борьбе советской власти с синагогой и хедерами.

Большое впечатление оставляют главы об участии евреев в хозяйственной жизни города и области. Читатели узнают о землеустройстве и еврейских колхозах как несостоявшемся эксперименте, предшествовавшем всеобщей коллективизации сельского хозяйства. Глава о сталинских чистках и репрессиях, исполнителями и жертвами которых большевики сделали евреев наряду с белорусами и русскими, раскрывает трагедию, которая не знала национальных границ.

Уникальной можно считать главу о местечках Могилевщины как наследия черты еврейской оседлости Российской империи. Последствия революции, погромы гражданской войны и изменения экономического уклада размыли основу местечка, а после того как еврейская традиция была поставлена под сомнение, распад общины оказался неизбежным. Глава о роли могилевских евреев в области образования, культуры, науки и здравоохранения показывает, каких высот можно было достигнуть даже в рамках сталинской модели социализма, отрицавшей большую часть общечеловеческого опыта, накопленного в предыдущие исторические эпохи.

Особенностью и достижением книги стали многочисленные воспоминания и материалы из области семейной истории, которой так опасалась официальная советская историография. Куда ни копни – тот был против большевиков, тот – сослан, арестован или расстрелян. Читатели знакомятся с рассказами детей о своих родителях – Соломоне Лурье, Анатолии Лурье, Моисее Бабине, Илье Славине и других, что позволяет чувствовать атмосферу времени.

Задача, поставленная авторским коллективом, оказалась настолько широкой, а собранный материал – богатым и уникальным, что редколлегия уже планирует третий том «Истории Могилевского еврейства» (посвященный репрессиям, Второй мировой войне и послевоенному времени), срок выхода которого зависит от финансирования издания.

Могилевский опыт реконструкции исторического прошлого Беларуси можно принять как пример для подражания. Чем скорее у него появятся последователи из других регионов республики, тем больше следов еврейского присутствия удастся сохранить. Необходимо успеть разыскать, запечатлеть и осмыслить свидетельства народной памяти, без которой невозможно объективно оценить пройденный путь.

Опубликовано:

Мишпоха, № 20, 2007 г., с. 46-47.

Евреи в Речице – далекое и близкое прошлое

(Альберт Каганович. *Речица: история еврейского местечка Юго-Восточной Белоруссии*. Иерусалим, 2007)

Еврейское местечко как феномен национальной жизни, образа мыслей и поведения, отношения к окружающей действительности, взаимоотношения с соседями – это Атлантида, которая исчезла из современной истории совсем недавно, почти на наших глазах. Говорить и писать о местечке легко и трудно одновременно. Его помнит еще старшее поколение людей, многие из которых с гордостью могут воскликнуть: «Я родом из местечка» – и назвать имя своей малой родины. В то же время начать конкретный разговор о далеком и близком прошлом желающих очень мало.

Речице повезло, у нее нашелся свой летописец. В последние дни апреля 2007 года в Иерусалиме увидела свет монография Альберта Кагановича «Речица: история еврейского местечка Юго-Восточной Белоруссии» (Иерусалим 2007 г., 450 с.). Она была задумана пятнадцать лет назад как дань памяти землякам, а выросла в серьезную аналитическую работу. Практическое воплощение этого замысла потребовало долгих четырех лет упорного труда.

Название «Речица» происходит от слова «река» и широко распространено в Белоруссии. Первое известие о предмете нашего разговора относится к XIII в., с середины XIV – это уже местечко Минского воеводства Великого княжества Литовского, затем оно входит в состав Речи Посполитой, а после присоединении к России (1793 г.) становится уездным центром в Минской губернии. В конце XIX в. через Речицу проложили участок Полесских железных дорог и открыли пристань. В 1919–1926 гг. это центр Речицкого района и Речицкого округа БССР, в 1927–1929 гг. – в Гомельском округе, с 1938 г. – в Гомельской области.

Евреи упоминаются как жители Речицы с XVII в., хотя пришли туда раньше. В 1765 г. там проживало 133 еврея, в 1847 – 2 080, 1897 – 5 334 из 9 280 чел. общего населения, или 57,5%. После революции 1917 г. количество евреев Речицы составило 7 386 чел., или 44,6% (1926 г.), и 7 237 чел., или 27,3% (1939 г.). Сегодня – это город областного подчинения в Гомельской области, центр Речицкого района, порт на Днепре, железнодорожная станция на линии Гомель–Калинковичи, узел автодорог на Гомель, Калинковичи, Светлогорск, Жлобин, Лоев и Хойники. Большой современный город, только евреев там почти не осталось.

Книга о судьбе еврейской общины Речицы и окружающих ее местечек Альберта Кагановича обращает на себя внимание обстоятельностью, широтой взгляда на эпоху и события, обоснованными выводами, продуманным планом и доказательной базой. Она написана на стыке научной, краеведческой и семейной истории. Десятки речичан, живущие не только в Белоруссии, но и в Америке, Канаде, Германии, Израиле, поделились с автором своими воспоминаниями, документами и материалами, всем тем, что не отыскать в официальных хранилищах памяти – государственных архивах и библиотеках.

Подобная работа могла оказаться под силу человеку, получившему академическое образование, понимающему особенности еврейской истории Восточной Европы в целом, бывшего СССР и Белоруссии в частности. Альберт Каганович (1964 г. р.), выпускник Еврейского университета в Иерусалиме, защитивший докторскую диссертацию на кафедре иудаики и востоковедения, поставил перед собой задачу, за которую до него не брались. Рассказывая о евреях Речицы в XVII–XX веков, он проследил закономерности и особенности существования евреев Юго-Восточной Белоруссии в целом. В монографии подробно рассматриваются национальная жизнь, традиционное образование, участие евреев в экономической, культурной и научной жизни, благотворительность, отношения с белорусами как титульной нацией, погромы, быт, демографические и социальные процессы, участие в революционном движении, увлеченность коммунистической идеей и ее крах, эмиграция, НЭП, сталинские пятилетки, трагедия нацистского геноцида в годы Холокоста, надежды на возрождение, угасание еврейской общины в послевоенный период.

Обращает на себя внимание корпус источников, использованных автором. Это архивы Белоруссии, России и Израиля, монографии и

сборники документов, периодическая печать, воспоминания современников. Автор искал ответы на свои вопросы в материалах на самых разных языках – русском и белорусском, иврите и идише, английском, польском, немецком. Благодаря незаурядной настойчивости, Каганович сумел добраться до таких кладовых памяти, куда до него не заглядывали. Просеивая, как через сито, противоречивые факты и примеры, историк отбирал наиболее убедительные из них, доказывая читателю, на основании чего он пришел именно к такому выводу.

Трудно выделить наиболее важные разделы книги, настолько органично они составляют общую композицию. Особое внимание привлекают главы, посвященные наименее известным сторонам жизни речичских евреев, – соблюдению традиции и национальному образованию. Читатель узнает о духовных и казенных раввинах, синагогах, *ешиботах* (иешивах) и *хедерах*, станет свидетелем противостояния хасидов и миснагдим (их противников), о благотворительности, сионистах и пожертвованиях на Палестину. В 1912 г. в Речице действовало восемь синагог и молитвенных домов, существовали хасидские дворы сначала Хаима-Шлемы Кома, а затем Шолома-Дов-Бера Шнеерсона. В годы Первой мировой войны город пережил своеобразное религиозное возрождение в связи с прибытием беженцев из Западной Белоруссии; в 1922 г. последние члены речичкой иешивы выехали в Палестину.

Полна драматизма глава, посвященная межвоенному периоду, когда немногим более чем за 20 лет евреи Речицы пережили целую эпоху от самых радужных надежд до их краха в годы сталинских репрессий. Сионисты, бундовцы, левые социалистические еврейские организации, соперничавшие с большевиками, перешедшие на их сторону, а потом объявленные националистами и расстрелянные. Новая экономическая политика, землеустройство евреев, переселение в Крым, индустриализация и культурная революция, расцвет образования на идише и ликвидация еврейских школ, гонения на религию и закрытие синагог – все это, как в калейдоскопе, сменяло друг друга.

Нельзя без горечи читать о судьбе Речицы в годы оккупации. Автор скрупулезно реконструировал хронику гибели общины, начиная от эвакуации и бегства части ее жителей до образования и уничтожения гетто в ноябре 1941 г. Д-р Каганович не обходит молчанием такую неудобную для белорусской стороны тему, как соучастие нацистских пособников из местных жителей Речицы и ее окрестностей. Опираясь

на документы Чрезвычайной Комиссии по расследованию преступлений и злодеяний нацистских преступников и их соучастников (ЧГК СССР), свидетельства людей, переживших Катастрофу, материалы процессов по делу военных преступников 1950–1960-х гг., раскрывает страшные подробности этой трагедии, которые никогда раньше не предавались гласности.

По уточненным данным, в Речице погибло до 1 500 чел., или почти 20% ее довоенного еврейского населения. В период эвакуации умер каждый пятый речичанин-еврей, на фронтах советско-германской войны и партизанах – почти 30%. На этом фоне особенно ярко рассказы о праведниках из белорусов и русских, спасавших в Речице своих соседей-евреев с риском для собственной жизни. На сегодняшний день мы знаем об этом ничтожно мало. Общая беда в том, что поиски и предание гласности подвигов этих людей начались очень поздно, спустя полвека после разгрома Германии, когда большинство свидетелей ушли из жизни и унесли с собой эту тайну.

Отдельное место в книге посвящено вкладу евреев-речичан в борьбу нацистами в действующей армии и тылу противника. Перед нами предстает галерея портретов и судеб людей, преодолевших трудности эвакуации и вернувшихся в город после его освобождения. Бывшие фронтовики стали самой активной частью еврейского населения. В 1946 г. они перезахоронили останки евреев, расстрелянных в противотанковом рве в районе костно-туберкулезного санатория, и установили несанкционированный памятник с надписью на идише. Общий памятник всем жертвам нацистского геноцида в Речице был установлен только в 1994 г. Немецкая оккупация нанесла непоправимый урон еврейскому местечку, после которого оно уже не оправилось. Ограничения и запреты советской национальной политики в послевоенный период подстегнули ассимиляцию. Евреи в Речице, хотя и продолжали занимать многие важные (но не ключевые) должности в администрации, на предприятиях и в учреждениях здравоохранения, просвещения и культуры, утратили прежние позиции в социальной жизни и перестали влиять на ее характер.

Одной из авторских находок можно считать заключительную главу «Речица в лицах». В ней представлена целая плеяда знаменитостей и незаслуженно забытых деятелей, имеющих речицкие корни. Большинство из них провели в городе на Днепре детство и, даже покинув его, передали детям любовь к своей малой родине. Назовем только

некоторых: Израиль Блюмин (1897–1959), доктор экономических наук, профессор МГУ; Натан Варгафтик (1904–1994), доктор технических наук, теплофизик; Гирш Голдовский (1893–1948), идишский поэт, публицист; Михаил Кикоин (1892–1968), известный художник Парижской школы, входивший в круг Модильяни, Шагала, Сутина и Кислинга; Михаил Кобринский (1951 г. р.), доктор педагогических наук, профессор, ректор Белорусского государственного университета физической культуры; Ефим (Хаим) Копелян (1912–1975), известный артист советского театра и кино; Иосиф Ресин (1904–1981), директор спичечной фабрики в Речице, управляющий лесной промышленностью БССР, первый заместитель начальника Главлессбыта при СНК БССР; Александр Шейндлин (1916–1995), действительный член Российской Академии наук, лауреат Ленинской (1959 г.) и Государственной (1976 г.) премий и многие другие.

В этой же главе мы находим имена известных людей, родители которых родом из Речицы и все годы связаны с ней невидимыми узами. Среди них: Леонид Левин (1936 г. р.), действительный член Белорусской Академии архитектуры, автор важных проектов в Минске, мемориальных комплексов «Хатынь», «Прорыв», «Катюша», «Солдатское поле» и др., президент Белорусского объединения еврейских организаций и общин (с 1993 г.); Владимир Ресин (1936 г. р.), доктор экономических наук, действительный член Российской Академии наук, председатель Попечительского совета Российского еврейского конгресса, начальник Главмоспромстроя, первый заместитель мэра Москвы (с 1996 г.); Ицхак Шнеерсон (1881–1969), сын раввина Шнеур-Залмана, участник движения Сопrotивления во Франции (1940–1944), инициатор создания парижского мемориала «Неизвестному еврейскому мученику» (1956 г.), автора труда «Жизнь и борьба евреев в царской России, 1905–1917 гг.» и многих других.

Необыкновенная природа, окружавшая Речицу, притягивала к себе многие еврейские знаменитости. Маркус Каган (Мордехай Бен Гилель ха-Коэн) построил недалеко от города усадьбу и лесопильный завод. В 1897 г. на I Сионистском конгрессе Маркус стал единственным делегатом, кто произнес речь на иврите. Эмигрировав в Палестину (1907 г.), Каган оказался среди основателей Еврейского университета в Иерусалиме и газеты «Гаарец». В речицкой усадьбе Кагана неоднократно гостили такие знаменитости, как историк Семен (Шимон) Дубнов и Ашер-Гирш Гинцберг – писатель, идеолог духовного сию-

низма, известный как Ахад га-Ам. Семен Дубнов любил в Речице не только отдыхать, но и работать. На даче у Кагана он начал писать «Учебник еврейской истории» и свой знаменитый труд «Всеобщую историю евреев».

Одним из больших достоинств книги является ее изобразительный ряд. Автор представил целую коллекцию портретов, семейных фотографий, редких документов, карт (свыше ста). Все это дает наглядное представление об эволюции еврейской жизни на примере Речицы в связи с процессом эмансипации, охватившей Россию во второй половине XX в. после отмены крепостного права, открывшей новые перспективы деловой активности.

Книга Альберта Кагановича снабжена обязательным для научного издания именным и географическим указателями, списком литературы и источников, приложением документов.

Можно спорить о полноте раскрытия темы, подходе к освещению основных событий, связанных с Речицей и местечками Юго-Восточной Белоруссии, оценках поведения тех или иных исторических личностей и простых тружеников, создававших скромным трудом славу родному городу. Нельзя отрицать главного – Альберт Каганович вернул из небытия важнейший пласт прошлого, связанный с еврейской общиной Речицы. Вне сомнения, в недалеком будущем нас ожидают новые работы о жизни еврейских местечек Белоруссии. Курс проложен, остается только пожелать: в добрый путь!

Опубликовано:

Мишпоха (Витебск), № 26, 2010 г., с. 142-144.

Белорусские евреи в Америке

(Давид Мельцер. *Белорусские евреи в Америке*. Нью-Йорк, 2014)

Книгу профессора Давида Мельцера «Белорусские евреи в Америке» (Нью-Йорк, 2014 г.) можно считать своеобразным сюрпризом для читателей, равнодушных к национальной истории Беларуси.

Новая книга вызывает живой интерес. В ней можно познакомиться с впечатляющими достижениями эмигрантов из Беларуси в США, их детьми и внуками, которые помнят о своей родине. Книгу открывают две обзорные статьи «Евреи на белорусской земле» и «Волны эмиграции белорусских евреев». Далее следуют 52 биографических очерка, которые посвящены наиболее знаменитым эмигрантам из Беларуси. Последний раздел отражает жизненный и творческий путь профессора Мельцера и написан его многолетним помощником и другом Генрихом Рутманом.

Давид Мельцер окончил исторический факультет Белгосуниверситета в Минске, с 1949 г. преподавал новую и новейшую историю стран Запада, с 1960 г. – доцент (история южных и западных славян). Автор свыше 260 научных работ, включая десять книг по истории международных отношений и истории Болгарии. Профессор Мельцер – один из немногих историков Советской Беларуси, кому в послевоенные годы удалось защитить докторскую диссертацию и получить звание полного профессора (1976 г.).

Вторым научным рождением Давида Мельцера можно считать его отъезд в США в августе 1992 г. Только здесь он получил возможность изучать то, что его давно интересовало, – историю и культуру собственного народа, писать и говорить об этом публично. В 1996 г. профессор Мельцер совместно с Владимиром Левиным издает «Черную книгу с красными страницами. Трагедия и героизм евреев Беларуси, 1941–1944 гг.». В 2005 г. она вышла в свет в Балтиморе на английском языке (*The Black Book with Red Pages*. VIA Press. Cockeysville, Maryland, 496 pp.). В 2006 г. вышла книга «Желтые звезды на Белой Руси». В 1993–2010 гг. профессор Мельцер – политический обозреватель на

телеканале RTN, вице-президент Белорусского землячества Ассоциации евреев Восточной Европы.

Свою новую книгу «Белорусские евреи в Америке» профессор Мельцер собирал долгие годы по крупицам. В итоге он сумел рассказать историю о 137 знаменитых американских евреях, которые имеют белорусские корни. Среди них – ученые, журналисты, работники искусства, политики, религиозные авторитеты, мэры городов, успешные бизнесмены. Достаточно упомянуть хотя бы некоторых из них, чтобы убедиться, какой человеческий капитал в лице евреев приобрели США и какую потерю понесла Беларусь.

Майкл Бернارد Мьюкейси, генеральный прокурор и министр юстиции (2007–2009 гг.) при президенте Джордже Буше; Майкл Блумберг, один из самых богатых людей США, 12 лет занимавший безвозмездно пост мэра штата Нью-Йорк (2002–1913 гг.); Уэсли Канни Кларк, американский генерал, занимавший во второй половине 1990-х гг. пост Верховного главнокомандующего вооруженными силами НАТО; Стив Баллмер, партнер Билла Гейтса в корпорации «Майкрософт», а с 2008 г. ее генеральный исполнительный директор; Стивен Спилберг, самый известный и высокооплачиваемый кинорежиссер, автор знаменитого кинофильма «Список Шиндлера» (1993 г.); звезда Голливуда Скарлетт Йоханссон; Юрий Форман, чемпион мира по боксу 2009 г., и многие другие.

Рецензируемая книга интересна не только читателям, но и библиографам. Описание судеб знаменитых эмигрантов из Беларуси сопровождаются цитаты из их научных трудов, художественные произведения, мемуары, малоизвестные в Беларуси. В то же время книга Мельцера – это не справочник об американских эмигрантах. Автор рисует живые образы, показывает, как американский мир преображал людей, вырвавшихся из-под великодержавного российского, а потом и советского деспотизма. Завидное упорство и трудолюбие позволили многим из еврейских эмигрантов успешно реализовать свои таланты и способности.

Выходцы из Беларуси и за океаном помнили о своем белорусском прошлом. В конце XIX – первой половине XX в. еврейская литература на идише в США переживала свой расцвет. Из-под кисти Макса Вебера (1881–1961), уроженца Белостока, вышли картины «Суббота», «Талмудисты». Леон Кобрин (1872–1946), родившийся в Витебске, написал рассказ «Янкл Бойле» о трагической любви еврейского юноши и белорусской девушки. После публикации этого рассказа он стал

знаменитым. Залкинд-Залман Шнеур (1887–1959) посвятил своим землякам роман «Шкловские евреи» и сочинение «Шкловские дети». У легендарного актера и режиссера, исполнителя главной роли во всемирно известном фильме «Спартак» Кирка Дугласа над кроватью висела литография Марка Шагала, и, по его признанию, он всегда помнил, что его родители из Беларуси: отец из Чаусов, а мать из Гомеля. Показательно, что некоторые современные образованные американцы уже выделяют белорусских евреев и не называют их, как это было раньше, русскими.

Давид Мельцер последовательно остается на платформе белорусской национальной историографии. Он отказывается от понятия «русские евреи» и даже в заглавии книги декларирует, что она посвящена «белорусским евреям», а в тексте употребляет более точный термин «российские евреи». Для него название родины – это «Беларусь», но не «Белоруссия», как это продолжают писать по-советски российские и пророссийские историки. Книга профессора Мельцера «Белорусские евреи в Америке» по-своему дополняет популярную работу профессора Эммануила Иоффе «Белорусские евреи в Израиле» (Минск, 2000) и дает широкое представление об исходе евреев с белорусской земли и его причинах. Давид Мельцер показывает еврейское лицо белорусской эмиграции в Соединенных Штатах Америки. Эту книгу должны читать и в США, и в Беларуси. Она, как и книга доктора Витовта Кипеля «Беларусы ў ЗША» (Минск, 1993), будет способствовать сближению и взаимопониманию двух стран и их народов. Если Кипель писал об этнических белорусах, то Мельцер – о белорусских евреях. Те и другие справедливо считали Беларусь своей родиной. Доказательством этому служат десятки землячеств, созданных в США евреями, выходцами из разных уголков от Мозыря и Речицы, Турова и Слуцка до Гомеля, Минска, Витебска и Гродно. Некоторые из них существуют и сегодня, другие передали свои архивы YIVO – *Yidisher Visnshaftlekher Institut* (Yiddish Scientific Institute; Исследовательский институт идиша). Перед читателем встает впечатляющая картина белорусского присутствия в США за последние сто лет и весомого вклада выходцев из Белоруссии в становление феномена под названием «американское чудо».

Было бы логично издать названную книгу профессора Мельцера в Беларуси. В этой связи выскажем несколько замечаний, которые необходимо учесть при ее возможном переиздании. Прежде всего, нуждается в уточнении определение статуса ряда населенных пунктов. Вот несколько примеров. Гомельской губернии в 1893 г. еще не было.

Она образована в 1919 г. после провозглашения БССР. Барановичского уезда не существовало, поселение Видзы около Витебска в числе местечек Витебской губернии не упоминается. Возможно, это г. Видзы Новоалександровского уезда Ковенской губернии? Игумен Минской губернии (теперь Червень Минского района) в составе царской России имел статус уездного города, а не местечка. Такой же статус (города) имели с 1861 г. и Горки Могилевской губернии. Пинск входил в Минскую, а не в Гродненскую губернию. Местечко Телеханы находилось в Минской, а не в Гродненской губернии. Клещели, а не Клещель были заштатным городом, а не местечком. Встречаются и досадные опечатки. Фамилия минского художника была Кругер, а не Крегер. Уничтожение евреев Минского гетто произошло не 21 декабря, а 21–23 октября 1943 г. Хаим Сутин присутствовал в США только своими картинами, так стоит ли его включать в число американских эмигрантов? На с. 141 – 1861 г. вместо 1961 г.

Книга написана в научно-популярном жанре, читается легко и доступно. Она не претендует на научный статус. Автор адресует свой труд самому широкому кругу русскоязычных читателей и полагает, что в таком случае сноски на первоисточник не столь важны. Возможно, по этой причине в книге отсутствует общий список использованной литературы, алфавитный, географический указатели и другие атрибуты академических изданий.

Вместе с тем перечисленные недостатки не умаляют достоинства книги профессора Мельцера. Вне сомнения, автор достиг своей цели. Его книга дает представление о взаимосвязи человеческих судеб и свершений. Он исподволь подводит читателя к мысли о том, насколько место рождения и пребывания влияет на достижения творческой личности. Почему евреи Беларуси, оказавшиеся в США, достигли вершин в таких разных ипостасях применения своего таланта? Что бы случилось, если бы трагические события на рубеже XIX и XX вв., антисемитские погромы, революция и гражданская война не вытолкнули десятки тысяч евреев за пределы Беларуси?

В заключение остается только поздравить автора с успешным завершением большого и важного труда, который будет по достоинству оценен благодарными читателями.

Опубликовано:

Леонид Смиловицкий, Захар Шибeko. «Белорусские евреи в Америке» // Секрет: Приложение к газете «Новости недели» (Тель-Авив), № 1085, 15 февр. 2015 г.

Устная история еврейской жизни в сталинскую эпоху

(Анна Штерншис. *Когда Соня встретила Бориса. Устная история еврейской жизни в сталинскую эпоху*. Нью-Йорк, 2017)

Книга профессора Анны Штерншис читается на одном дыхании. Не буду скрывать, что, открывая ее, я руководствовался прежде всего собственным академическим интересом. Когда же перевернул последнюю страницу, то пожалел, что чтение закончилось. Настоящая монография – это закономерный итог всех предыдущих работ автора. В книге затронуты основные моменты, которые позволяют судить о национальной идентичности. Исползволь автор ищет ответ на общий вопрос: что дала и что отняла советская власть у евреев? Что перевесило – достижения или потери?

Автор с успехом использовала свое знание русского языка и идиша, что является немалой редкостью среди историков советского еврейства. Еще важнее понимание автором психологии и менталитета бывших советских граждан. Напомню, что в СССР люди часто опасались заниматься семейной историей, поскольку это могло быть использовано властями против них. Отсутствие правового государства делало людей зависимыми и беззащитными перед режимом – жаловаться было некому.

Основным инструментом для решения поставленной задачи автор избрала устную историю. Значение устной истории в понимании и осмыслении исторических событий человечества трудно переоценить. Устная история – это всегда первоисточник. Но при этом незаписанные свидетельства – это всегда риск. Чему доверять, а что отвергнуть? Такое под силу только опытному исследователю, которому есть с чем сравнивать.

Профессор Штерншис построила свою книгу на основе почти 500 интервью, которые она проводила на протяжении 16 лет с советскими евреями, выехавшими после распада СССР на постоянное место жи-

тельства в Израиль, США, Канаду, Германию, другие страны Западного полушария или оставшимися жить в России, на Украине, в Беларуси, Молдове и странах Балтии.

Опрашивая свидетелей до 1928 г. р., автор понимала, что имеет дело с евреями, выросшими и воспитанными при советской власти. Все они находились в закрытом обществе, где нельзя было услышать альтернативную точку зрения или выразить даже легитимный протест. За три десятилетия существования режима Сталина те, кто имел отношение к частной собственности, верил в сионизм, так или иначе были исключены из экономической, общественной и политической жизни страны, а потом устранены физически (репрессии, Холокост, в силу возраста). Вот почему автор предлагает размышлять над судьбами людей, которые, подчиняясь законам выживаемости, приспосабливались к советской действительности.

Советские евреи, будучи оторванными от мирового еврейства, не имея возможности пополнить свои знания по национальной истории и культуре, долгие десятилетия вынуждены были «вариться в собственном соку» и «пережевывать» то, что осталось от прежних поколений. Однако, несмотря на это, общий дух еврейства в СССР сохранился. Автор, избегая менторского тона, приглашает читателя рассуждать вместе: почему советским евреям так важно было сохранить свою национальную идентичность, даже когда под запретом оказались традиция, кашрут, синагога, обучение детей Торе, родной язык и история своего народа?

Штерншис проверяет, сравнивает и сопоставляет, размышляет и анализирует. Мастерство автора проявляется в том, что читатель делает это незаметно для себя вместе с ней. Вся жизнь советских евреев в эпоху Сталина, которая охватила ровно 30 лет советской истории (1922–1953 гг.), происходила в закрытом обществе, в отсутствие свободного волеизъявления. Однако евреи как национальное меньшинство, в отличие от других народов СССР, оказались наиболее уязвимыми. Они не проживали компактно, были лишены своей истории, культуры, традиции, религии и даже языка. Трагедия советских евреев состояла в том, что разобщенность, на которую обрекал их советский образ жизни, заставляла выживать в одиночку, жить среди неевреев, где можно преуспеть за счет личных, интеллектуальных качеств или профессиональных способностей.

Автор собирает воедино то немногое, что сохранилось у советских евреев после десятилетий советской государственной (открытой и скрытой) политики национальной унификации и интернационализма. И в итоге на наших глазах из отдельных примеров, свидетельств, личных историй возникает коллективный портрет советского еврейства эпохи Сталина. Очень важно, что на протяжении всего повествования Анна Штерншис прослеживает глобальные перемены, которые произошли в советском еврействе до и после Второй мировой войны. Особенно в таких ключевых направлениях, как демография, перемена места жительства, участие в общественной жизни и отношение к государству. Дается ответ на вопрос, почему евреи СССР, которые до войны активно приняли курс государства на ассимиляцию, после 1945 г. изменили свое отношение к национальной культуре, традиции, истории и религии.

Сведения, полученные из интервью, показывают, что на сегодняшний день сохранилось в народной памяти о евреях, живших в Советском Союзе. Такие понятия, как еврейская семья, брак, еврейские мужья и жены, отношение к детям и родителям, получение образования, профессиональное устройство, отношения с нееврейской средой. Убедительно выглядят выводы автора о природе советского антисемитизма и его роли в сохранении еврейской национальной идентичности.

Монографическое исследование А. Штерншис представляет несомненную ценность:

- для западного читателя, поскольку он мало знаком с жизнью советских евреев в сталинскую эпоху;
- для современного поколения евреев на постсоветском пространстве, поскольку раскрывает глаза на поведение их родителей, бабушек и дедушек, вынужденных вести двойную жизнь на работе и дома;
- поскольку показывает ценность устной истории как самостоятельного исторического источника, а не только дополнения или комментария к архивным документам, периодической печати, статистике или мемуарам государственных деятелей;
- так как предлагает методику работы с устными источниками для воссоздания правдивой картины ушедшей эпохи и правильного понимания общих закономерностей исторического развития.

Вне всякого сомнения, книга вызовет большой интерес у самой широкой публики, а в случае перевода на русский язык станет бестселлером.

Опубликовано:

L. Smilovitsky. Review to Anna Shternshis *When Sonia Met Boris: An Oral History of Jewish Life under Stalin*. New York. Oxford University Press, 2017. Pp. xii, 247. *The American Historical Review*, Volume 123, Issue 5, 1 December 2018, pp. 1791–1792,

ИНТЕРВЬЮ

Беларусь и цензура

Соотношение цензуры и свободы слова актуальны для каждого государства. Беларусь не является здесь исключением. Находясь в составе СССР с самого начала его существования (хоть и в разных административных границах), Беларусь и ее население почувствовали на себе всю эволюцию советской системы, когда государство смогло установить всеобъемлющий контроль над жизнью и сознанием своих граждан. Наличие цензуры было одним из таких средств воздействия государства на общество. В каких формах и какими методами осуществлялось это воздействие и насколько цензура влияла на разные сферы жизни послевоенной Белорусской ССР? Эти вопросы исследует *Леонид Смиловицкий* в своей новой книге «Цензура в БССР: послевоенные годы, 1944–1956 гг.», подготовленной к печати в рамках исследований Центра диаспоры при Тель-Авивском университете. Это эксклюзивное интервью с автором является презентацией основных выводов его новой книги читателям “*Belarusian Review*”.

“*Belarusian Review*”: ***Что подтолкнуло вас к тому, чтобы заняться этой темой?***

Леонид Смиловицкий: Отношением к цензуре государство показывает, насколько оно считается со своими гражданами: доверяет им или боится их? Знаете, кто разоблачал цензуру наиболее непримиримо? Коммунисты. Карл Маркс сравнивал цензуру с шарлатаном, вгоняющим сыпь внутрь, не заботясь о том, что она может поразить весь организм. Цензура не уничтожает борьбы мнений, а превращает ее из открытой в тайную, действует не острым ножом разума, а тупыми ножницами произвола.

Однако, захватив власть, большевики немедленно перестроились. Если до революции редактор и писатель вместе боролись с цензором, то в новых условиях: редактор-коммунист и цензор-коммунист сообща боролись с писателем, чтобы использовать его творчество в интересах диктатуры пролетариата. Советская цензура не признавала компромисса, а ее решения не подлежали обжалованию. Если до 1917 г. цензорские изъятия при печати отмечали многоточием, то при советской власти купюры в тексте не выделялись никак, и догадаться о них было нельзя.

“BR”: *Насколько исследована проблема цензура в Беларуси?*

Л.С.: До сих пор о цензуре в Беларуси пишут мало и неохотно. Правда, если учесть, что до 1991 г. было полное молчание, то что-то появилось. Но субъективизм и обличительный пафос газетных репортажей не могут раскрыть природу цензуры. Как действовала эта «машина»? Кто ее приводил в движение? Среди ученых мужей, прикоснувшихся к этой теме, можно назвать только считанные имена – А. Гужаловский, В. Матоха, В. Ракашевич и А. Великий. Но все они писали о цензуре до 1941 г. Что же касается послевоенных лет, то здесь образовался своеобразный вакуум.

“BR”: *Почему?*

Л.С.: Исторические аналогии пугают и изобличают. Я бы и сам никогда не написал эту работу, если бы жил в Беларуси. Только покинув ее пределы, у меня появилась возможность по-настоящему оценить прошлое и настоящее нашей родины. И не потому, что «большое видится на расстоянии». Объективное исследование возможно лишь при условии, что автор не зависит от политической конъюнктуры.

“BR”: *На какие источники вы опирались в работе над книгой и кому она адресована?*

Л.С.: Главным образом это уникальные архивные документы, дополненные сведениями, почерпнутыми в научных и популярных изданиях, статистических сборниках, периодической печати. Их обогатили воспоминания бывших сотрудников цензуры и средств массовой информации, типографий и издательств, журналистов, писателей и художников, которые в силу служебной необходимости

сталкивались с работой Главлита БССР (Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати при Совете министров). При работе с источниками и свидетельствами приходилось снижать эмоциональный фон, чтобы сохранить беспристрастный подход к изложению событий.

“BR”: *В книге есть иллюстрации?*

Л.С.: Изобразительному ряду уделяется особое место. Вниманию читателя представлена коллекция редких документов о работе цензуры, фотографии руководителей Главлита БССР, диаграммы, много статистики по отдельным регионам и республике в целом, приводятся обширные запретительные списки произведений, которые очень красноречивы. В разделе о цензуре сатиры и юмора помещены характерные карикатуры белорусских художников.

“BR”: *Что отличало цензуру в послевоенный период?*

Л.С.: Цензура была многоликой (идеологической, государственной, военной, хозяйственной, ведомственной), и все это причудливым образом переплеталось.

Нельзя было писать ничего об авариях, экономических просчетах, межнациональных конфликтах, отрицательных социальных явлениях. Запретам подвергались не только публикации в области гуманитарных и точных наук, но даже целые направления науки – такие как ядерная физика, кибернетика, биология, генетика, психология, социология. Правомочность существования советского строя не подлежала обсуждению. В пропаганде необычайно высока была роль обмана или, как его называют некоторые авторы, «преднамеренной дезинформации».

“BR”: *Какие особенности имела советская цензура?*

Л.С.: Главная особенность состояла в отсутствии альтернативы. Частных издательств не существовало. Все, что печаталось без разрешения властей, считалось крамолой. Любая информация из-за границы объявлялась идеологической диверсией и преследовалась.

Несмотря на то, что Закона о государственной тайне не было, в Уголовном кодексе существовала статья об ответственности за ее разглашение... Подлинность события не являлась условием для публикации. Всеобщая подозрительность мешала экономической интеграции, гуманитарному сотрудничеству и контактам между людьми. Цензура

вторгалась в творческий процесс деятелей культуры, образования, искусства, науки и даже народного творчества.

Мало этого, Главлит составлял списки книг, запрещенных к продаже, издавал правила и инструкции, обязательные для исполнения всеми органами печати. Без визы цензуры не могло появиться ни одно произведение, вплоть до почтовой марки, визитной карточки, спичечной этикетки или пригласительного билета.

“BR”: *Когда цензура возобновила свою работу в БССР?*

Л.С.: Сразу, когда началось освобождение республики. Из Москвы цензоры вместе с представителями ЦК КП(б)Б и СНК БССР переехали в Гомель, а оттуда в Минск. Были изготовлены печати, анкеты и другие материалы, необходимые для делопроизводства, общей и секретной переписки.

Главлит занимал цокольный этаж левого крыла Дома правительства. Группа по контролю над издательствами размещалась в типографии Академии наук, напротив Дома печати. Были постоянные «точки» Главлита (по одному сотруднику) в Белорусском телеграфном агентстве, а для проверки кинопроката, театров и почтамта существовали разовые инспекции. После смерти Сталина в 1953 г. Главлит БССР передали из-под эгиды Совета министров БССР в подчинение МВД на ул. Володарского, отведя ему весь второй этаж бывшего Управления тыла Белорусского военного округа.

“BR”: *А, «партийное око»?*

Л.С.: Все свои действия Главлит согласовывал с ЦК Компартии Белоруссии. Областные управления цензуры отвечали перед областными комитетами, а районные – перед бюро райкома партии. Не реже трех раз в месяц проводились коллегии областных и городских управлений Главлита с приглашением представителя сектора печати из обкома партии и ответственного лица из министерства государственной безопасности.

Если Главлит располагал армией чиновников-цензоров, то отдел пропаганды – армией редакторов, действовавшей параллельно. Инструкторы комитетов КП(б)Б давали текущие указания, ослушаться которых было невозможно. Все подчинялось главной цели: обеспечить контроль за настроениями граждан, заставить поверить в правоту принятых решений, добиваться их исполнения.

“BR”: *Как подбирали цензоров?*

Л.С.: Большинство новых сотрудников цензуры не были знакомы с ожидавшей их работой. В декабре 1944 г. из 22 цензоров новичками оказались 19 чел. (!) Самый продолжительный стаж работы не превышал у цензоров полутора лет. В республику были направлены московские выдвиженцы.

Процедура «посвящения» предусматривала подписку о неразглашении служебной тайны, которая вместе с допуском к работе с секретными документами подшивалась в «Личное дело». Не разрешалось ни при каких обстоятельствах сообщать то, что стало известно на службе в цензуре (включая родных и членов семей). Лица, оставившие работу в Главлите, немедленно снимались с учета в МГБ.

“BR”: *Цензоров где-то готовили?*

Л.С.: Большинство цензоров были самоучками. Подбирали специалистов с высшим гуманитарным образованием, как правило, филологов, журналистов и историков. Учились цензоры «на ходу»: производственная учеба, участие в семинарах и совещаниях работников печати и сотрудников цензуры и система партийного просвещения.

“BR”: *Одна из наиболее интригующих глав книги названа «Завеса секретности». Что имеется в виду?*

Л.С.: Речь идет о вмешательстве цензуры в повседневную жизнь граждан через перлюстрацию писем, сохранение военных «секретов» и мнимой служебной тайны в сельском хозяйстве, промышленности и строительстве, здравоохранении, экологии.

В публикациях нельзя было встретить сообщения о национальных конфликтах, антисемитизме или проявлениях инакомыслия, о недоедании, инфекционных заболеваниях, детской смертности, уровне уголовной преступности и т. д. Критика недостатков и ошибок допускалась только на начальном и среднем уровне. Это могли быть фельетоны, письма трудящихся и реакция на них властных структур. В то же время цензура не пропускала сообщения о злоупотреблениях служебным положением или расхищением гуманитарной помощи членами высшего эшелона власти.

“BR”: *Как осуществлялась цензура издательской деятельности?*

Л.С.: Внимание к работе типографий было самым пристальным. Здесь совмещались стороны условного треугольника: органы власти – печатная продукция – читатель. Контроль за готовой продукцией облегчался тем, что все этапы издательского процесса находились в одних руках.

Большинство заказов выполняла типография им. Сталина в Минске и областные полиграфические предприятия в Бресте, Гомеле, Могилеве, Вилейке и литография в Гродно. В 1947 г. в БССР насчитывалось 192 типографии, а еще через два года их количество выросло до 207. Собственные типографии имели ЦК КП(б)Б, Совет министров БССР, ВЦСПС, МГБ, МВД, минский обком партии, Академия наук и Белгос-университет, штаб Белорусского военного округа и некоторые промышленные предприятия.

Прежде всего, выпускались произведения классиков марксизма-ленинизма, школьные учебники, агитационно-массовая и историко-партийная литература. Этой продукцией были заполнены все книжные прилавки.

Существовала и так называемая мелкопечатная продукция, которая отличалась бесконечным разнообразием. Это были пригласительные билеты, календари, служебная документация, афиши, программы, либретто и др., количество наименований которых постоянно возрастало, и все это принималось к производству только с визой Главлита.

“BR”: *Что Вам удалось обнаружить о работе спецхранов?*

Л.С.: После войны в БССР насчитывалось шесть хранилищ изъятой печатной продукции. Три из них были при областных библиотеках в Витебске, Гродно и Могилеве и еще три – в Минске: при Государственной библиотеке им. Ленина, Правительственной библиотеке им. Горького и Фундаментальной библиотеке АН БССР. В 1951 г. открыли спецфонд при Белгосмузее истории Великой Отечественной войны для изданий, выпущенных в годы немецкой оккупации, которые хранили наравне с совершенно секретными документами.

Количество посетителей спецхранов было крайне ограничено. Требовалось объяснить: с какой целью нужны материалы, содержавшие «клевету на советский строй»? Такие люди сразу попадали в поле зрения органов безопасности. К сожалению, рамки интервью не позволяют привести интригующие примеры, что именно находилось в

спецхранах республики. Однако в книге это широко представлено со скрупулезным указанием источников.

“BR”: *Насколько часто проверяли фонды библиотек?*

Л.С.: О, это очень интересная тема. «Вредная литература» условно делилась на три основные категории: 1) печатная продукция, изданная в годы оккупации; 2) книги, подлежавшие изъятию в соответствии с приказами Главлита СССР, устаревшие издания, произведения авторов, попавших в опалу, и «врагов народа»; 3) книги, которые еще не успели внести в общие запретительные списки. К последней категории в основном относились белорусские издания, которые выбраковывались Главлитом БССР самостоятельно.

Существовал, например, «Список лиц, все книги которых подлежат изъятию из библиотек общественного пользования и книготорговой сети за период с 1938 по 1950 г.». Каждое десятое произведение имело пометку «художественная литература», иногда с расшифровкой: «поэзия», «драматургия», «проза», «литературная критика». Рассылка этого списка тоже была окутана тайной. Списки поступали на ограниченный срок, а затем передавались на закрытое хранение в отдел секретного делопроизводства при библиотеке.

Они сопровождались лаконичными аннотациями, отмечавшими мотивы, которыми руководствовались цензоры. Встречались и многозначительные примечания, например: «В список книг, подлежащих изъятию, не включать, но изъять из библиотек в оперативном порядке».

Для сохранения ценных изданий, предисловия к которым были написаны «политически себя скомпрометировавшими авторами», делались купюры. Исправления вносили библиотекари под наблюдением цензоров. При удалении предисловий или целых статей нужно было производить вычерки (купюры) на титульных листах, оглавлениях и даже на обложках книг. Исправления делали так, чтобы нельзя было разобрать затушеванные слова или фразу и при этом не портить внешний вид книги.

“BR”: *Как цензура затронула национальную и религиозную политику в БССР?*

Л.С.: Несмотря на то, что после войны все конфессии засвидетельствовали свою лояльность государству, изъятие религиозной литературы осуществлялось повсеместно. В 1947 г. в БССР было унич-

тожено 17 тыс. 343 книги религиозного содержания. Дефицит религиозной литературы приводил порой к курьезам. В 1948 г. в киоски «Союзпечать» республики из Москвы прислали репродукцию картины Рафаэля Санти «Сикстинская мадонна», которую верующие раскупили и использовали как икону. ЦК КП(б)Б распорядился собрать репродукции известной картины и возратить в Москву как товар «нереализованный из-за отсутствия спроса».

В детских хрестоматиях вместо слов «птичка Божия не знает ни заботы, ни труда» (А.С. Пушкин. «Цыганы», 1824 г.) цензоры меняли «птичку Божию» на «птичку милую», а переиздав запрещенные в царское время книги Степняка-Кравчинского, повсеместно вычеркивали восклицания «Господи!» и «Боже мой!».

“BR”: *Имела ли отношение цензура БССР к запретам иностранных источников?*

Л.С.: Да, безусловно. В Минске отдел иностранного контроля находился на Центральном телеграфе, сотрудникам которого нельзя было общаться с иностранцами. Принятые телеграфом материалы поступали в отдел цензорского контроля, где выдавали разрешение на передачу за границу. При этом представителей иностранных СМИ ставили в известность о запрете передачи информации только в тех случаях, когда их сообщения задерживались целиком.

На столичном почтамте просматривались все издания, отправлявшиеся за границу (авиапочта), а на таможне в Бресте – ввозимые по железной дороге. Запрещенные книги изымали, а в бандероли вкладывали извещение о конфискации. Если цензоры не успевали просматривать ввозимую литературу, то адресат ее просто не получал.

Осенью 1947 г. поступило указание при публикации книги порусски не давать оглавление на иностранных языках, как на обложках, так и в тексте, чтобы не указывать оригинальный источник информации. Следующим шагом стал запрет подписки для иностранных представительств (посольств, миссий, атташе и отдельных граждан). Не разрешался вывоз за границу произведений печати, рукописей, схем, географических, топографических или геологических карт, чертежей, рисунков, как и фотокопий, негативов на стекле и пленке с этих материалов.

“BR”: *В литературе нигде не упоминается о цензуре букинистической продажи. Вы об этом пишете в своей книге?*

Л.С.: За букинистическими магазинами цензура следила намного строже, чем за библиотеками. В Беларуси работало три букинистических магазина: в Минске, Витебске и Гродно. Литературу проверяли два раза в неделю! На книгах, прошедших контроль, штамп установленного образца ставили столько раз, сколько книга возвращалась в магазин.

В букинистическом магазине Минска с осени 1945 г. по лето 1947 г. было продано почти 20 тыс. книг. Литературу дореволюционных и советских изданий, представлявшую библиографическую редкость, оценивал лично директор магазина. К середине 1950-х гг. букинистическая торговля представляла жалкое зрелище. Страна, объявившая себя самой читающей в мире, гордившаяся невиданными тиражами и доступностью книги, низвела букинистическую торговлю до уровня, который не играл никакой роли в культурной и научной жизни общества.

“BR”: *Больше всего впечатляет 6-я глава книги «Сфера культуры и искусства». О чем в ней рассказано?*

Л.С.: Речь идет о том, как цензура «терзала» художественную литературу, писателей, поэтов, драматургов, композиторов, музыкантов, художников, скульпторов, артистов. Как «выкручивали руки» интеллигенции с помощью творческих союзов. Всех, пытавшихся заявить о свободе творчества, партия оставляла за порогом литературной жизни. Образно говоря, можно назвать три типа советских писателей: погибшие, задушенные и приспособившиеся. Это не общие рассуждения. Много конкретных имен и примеров.

Художественная литература и искусство превратились в идеальный инструмент пропаганды. Их герои были обречены совершать положительные поступки и проявлять неизменную верность режиму.

“BR”: *Помимо Главлита был еще Главрепертком, что это за организация?*

Л.С.: Полное название Главреперткома – Главное управление по контролю над зрелищами и репертуаром при Совете министров БССР. Вместе с Главлитом его чиновники контролировали Белгосэстраду, Белгосфилармонию, все театры, кинематограф, музеи и выставки,

изобразительное искусство, художественную самодеятельность, грамзаписи, литературные переводы, сатиру и юмор. Обо всем этом рассказывается подробно. Ну, например, существовало правило, по которому концертная бригада Белгосэстрады, прибыв на гастроль, сначала регистрировалась в милиции, а затем шла к уполномоченному Главлита. Цензор, познакомившись с репертуаром, ставил штамп «Разрешается» с указанием срока гастролей в данном районе (городе). Эта процедура повторялась столько раз, сколько мест посещала концертная бригада. По возвращении в Минск маршрутные листы сдавались на хранение в Главлит.

“BR”: *Но были ведь не только запреты, со смертью Сталина начались перемены?*

Л.С.: Не совсем так. Цензура «сменила одежду», но не изменила свою суть. Теперь в утиль отправляли произведения соратников Сталина, на которых переложили ответственность за массовые беззакония. Вместе с «трусами» Цанавы браковали литературу, которая восхваляла вдохновителей и исполнителей массовых репрессий. В числе первых в апреле 1953 г. был изъят сборник статей «Бдительность – наше оружие» (100 тыс. экз.).

Во второй половине 1950-х гг. было реабилитировано большинство белорусских писателей и общественных деятелей, обвиненных в национал-демократизме. Вместе с тем эти сведения по-прежнему вычеркивались из энциклопедий, справочников, документальной и художественной литературы.

“BR”: *О каких общих выводах можно говорить по итогам Вашего исследования?*

Л.С.: Без цензуры существование советского государства как системы насильственного подавления личности и игнорирования экономических законов развития общества было невозможно. Ограничение свободы получения и обмена информацией требовалось, чтобы продлить существование режима.

Исчезли целые пласты знаний и идей, имена многих политических и общественных деятелей и ученых, направления мысли. Забвению были преданы проблемы, прежде волновавшие умы людей. Главлит обеспечивал мнимое единство партии и народа, доводил до обыденного

сознания официальную точку зрения на все вопросы развития государства.

Все аргументы в пользу сохранения цензуры как защитного механизма государства не выдерживают критики. Цензура обеспечила диктат партийных комитетов, камуфляж института Советов в управлении страной и безраздельное господство государства над умами и делами своих граждан. Закат цензуры оказался закономерным с кончиной советского режима, который «надорвался» под грузом своих проблем.

“BR”: *Я знаю, что в конце вашей книги для читателя приготовлена своего рода «конфетка». Что она собой представляет?*

Л.С.: Вы правы. В приложении к монографии я поместил не только наиболее характерные документы, списки произведений с резолюцией Главлита, биографический указатель, перечень газет и издательств, средств массовой информации, словарь сокращений, именной и географический индексы, но и подборку афоризмов, цитат и крылатых выражений о цензуре. Это часть моей коллекции, которую я собираю многие годы.

Опубликовано:

L. Smilovitsky. “Censorship uses the dull scissors of arbitrariness instead of the sharp knife of intellect” // *Belarusian Review*, Spring, 2012, volume 24 (1), pp. 23-26.

Еврейский туризм – как это понимать?

История – как женщина: если относиться к ней без должного уважения, она отомстит. Это неизбежно, и горе тому, кто об этом забудет. Для того чтобы узнать историю своего народа, мне пришлось уехать из Беларуси четверть века назад. Сейчас наметился обратный процесс. Чтобы рассказать, как жили евреи Беларуси, в Минске решили задействовать «еврейский туризм». Казалось бы, радостное явление, которое нужно приветствовать. Но от слов «еврейский туризм» так и веет коммерцией и конъюнктурой.

Туризм как понятие – это временные выезды (путешествия) с развлекательными, оздоровительными, спортивными, гостевыми, познавательными и другими целями без оплаты из местного источника. И это все, что заслужили евреи за 400 лет жизни в Беларуси?

Коммерция памяти не приведет к искомому результату. Конечно, за 30 лет многое изменилось. Если в советские времена слово «еврей» стало фигурой умолчания, а уличить человека в еврействе означало его обидеть, то сегодня в Беларуси слова «еврей» и «еврейский» решили сделать модным брендом. Запретный плод сладок, поэтому все, что связано с евреями, сейчас вызывает интерес.

К лету 1941 г. здесь проживало не менее 1 млн евреев, или 10% населения республики. Но если принять во внимание, что евреи были городской нацией и составляли от 40 до 70% жителей больших и малых городов Беларуси, то роль их значительно увеличивается. Это были учителя, врачи, инженеры, архитекторы, ученые, писатели, музыканты, художники, артисты, военные, партийные и советские работники.

Что мы знаем о том, как жили евреи, как их воспринимали белорусы, как они сами любили Беларусь, что сделали для нее? Как евреи соблюдали традицию, участвовали в экономической, политической, культурной и общественной жизни? Все это невероятно интересно, важно и поучительно. Почему говорят о 800 тыс. евреев как жертвах Холокоста в Беларуси, но не вспоминают про четыре партизанских

отряда, созданных беженцами из Минского гетто? Евреи составляли не менее 70% врачей и медицинского персонала среди партизан Беларуси. В старом музее истории Великой Отечественной войны об этом можно было прочитать на стендах экспозиции (до 2014 г.), а в новом величественном здании музея на проспекте Победителей этого уже нет.

Зададимся вопросом, что осталось в Беларуси от еврейской жизни сегодня? После Холокоста, советизации, борьбы с космополитами, печально известным «еврейским буржуазным национализмом», сионизмом, после нивелирования национальной жизни, скрытых и открытых гонений на еврейскую культуру и науку, запретов ходить в синагогу и регистрировать общины, необъявленной политики государственного антисемитизма. Для историка здесь непочатый край работы. Пишу это как человек, который с 1995 г. регулярно посещает Беларусь в поисках архивного и «человеческого» материала.

Сколько улиц в независимой Беларуси появилось начиная с 1991 г. в память о евреях, которые принесли Беларуси почет и уважение? Улица Шолом-Алейхема в Беларуси есть только одна, но не в Минске, а в Лиде. Да и появилась она в январе 1940 г. случайно. Прежняя улица носила имя Берки Ёсилевича – командира еврейского полка в повстанческой армии Тадеуша Костюшко, который воевал против солдат Суворова. Но чтобы советских деятелей не обвинили в антисемитизме, фамилию одного еврея заменили на другого. Кстати, почти в каждом городе Беларуси до сих пор есть улица Интернациональная. Но кто сегодня помнит, что до 1917 г. почти в каждом городе была улица, которая называлась Еврейской? Только в Минске улицу Еврейскую в 1934 г. переименовали в Коллекторную...

Память о евреях сохранилась в белорусском народном сознании. Старые люди помнят своих соседей. Как евреи умели дружить, работать, помогать, сопереживать, на них можно было положиться. Сохранение памяти прошло несколько этапов. Сначала евреи захотели рассказать о себе (с началом перестройки). Так появились воспоминания, мемуары, семейные истории. Потом о евреях начали вспоминать их белорусские друзья, коллеги, соседи, однокашники, поэты и писатели, люди искусства.

В последние годы наблюдается устойчивый рост интереса к еврейской истории, к внесенному ими вкладу в становление и развитие Беларуси. Способен ли дать ответ на это так называемый «еврейский

туризм»? Или это только развлекательные мероприятия с целью оторвать человека от будней, показать красоту белорусской природы и места, где когда-то жили евреи, угостить национальной кухней?

Насколько правомерно использовать туризм (развлечение и отдых) для рассказа о еврейской истории? Можно ли называть туризмом посещение еврейских могил, мест массовых расстрелов? Или еврейского кладбища, которые в большинстве своем в Беларуси забыты и заброшены? Или развалин синагог как последнего материального свидетельства присутствия евреев в Беларуси?

Терминология здесь исключительно важна. От ее точности зависит понимание поставленной задачи и успех всего дела. Я догадываюсь, что выражение «еврейский туризм» пошло от английского “Jewish Tour”. Но “Tour” («тур») – это путешествие, а не «туризм» (экскурсии, поездки, пикники). На иврите это звучит еще более определенно – *тиюль шораашим*, то есть «возвращение к корням». Поэтому правильно говорить не об еврейском туризме, а о путешествии по памятным местам еврейской истории.

Возрождение общественного интереса к еврейской истории отрадно. Но следует избегать профанации. Чиновники от культуры в Минске, которым пришла в голову эта затея, точнее, они «взяли ее напрокат» в соседних странах (Польше, Украине, Литве, Латвии, Эстонии), чтобы направить поток людей, интересующихся еврейской историей, в Беларусь. Беларусь должна вспомнить своих евреев. Здесь есть что показать и рассказать, чем гордиться, чему поучиться. Но это только «вершина айсберга». Без серьезной, фундаментальной и долговременной работы не обойтись, так как каждый, кто приедет на родину предков, которые жили и умирали за Беларусь, будет удивлен, что в Беларуси ничего не осталось от еврейского присутствия. Нет государственных музеев, школ и газет, энциклопедии. История евреев не изучается в университетах, НЕТ стипендий, грантов, исследовательских проектов. Последняя научная конференция по истории евреев Беларуси проводилась в Минске в 1993 г. Все это должно появиться, на это есть основание и должен быть проявлен государственный интерес.

В еврейской истории есть как светлые, так и темные стороны, много остается неизвестного, непонятого и неизученного. Мы живем в мире, который становится все более прозрачным, доступным, менее предвзятым, а люди общаются друг с другом без посредников. Границы открылись, а понятия правового государства и гражданских свобод

перестали быть пустым звуком. Если кому-то показалось, что привлечение потомков евреев с белорусскими корнями – это «легкие деньги», то это большая ошибка. Дух коммерции и изучение истории родного края нельзя совместить. «Еврейский туризм» не должен стать еврейской колбасой, в которую тайком добавляют свинину, чтобы она стала вкуснее и лучше продавалась. Нельзя допустить профанации изучения истории евреев в Беларуси – большого и нужного дела, которое так долго ждало своего часа. Вот почему я против нелепого термина «еврейский туризм».

Опубликовано:

Л. Смиловицкий. «Еврейский туризм – как это понимать?» // Радио «Свобода» (Прага), 8 июня 2018 г.

Уроженцы Беларуси – лидеры Израиля

Расспрашиваем гостя нового выпуска программы “Intermarium” (30 мая 2018 г., Вильнюс) *Леонида Смиловицкого*. Почему израильские лидеры молчали о Беларуси и вернут ли евреям здания в исторических центрах белорусских городов? *Леонид Смиловицкий* – руководитель проекта «История евреев Беларуси» Центра диаспоры при Университете в Тель-Авиве. С ним беседует *Инга Островцова*.

Инга Островцова: *На территории Беларуси родились четыре президента и четыре премьер-министра Израиля. Как они вспоминали свою родину?*

Леонид Смиловицкий: Все они были родом из Западной Беларуси, которая с 1921 до 1939 г. находилась в составе Польши. Каждый из этих деятелей оставил воспоминания о своей жизни. И все с большим трепетом относились к своей малой родине. Но называли ее не Беларусью, а Восточной Польшей.

И.О.: *Думаю, многие из белорусов будут разочарованы, когда это прочитают. С другой стороны, что делает Беларусь для сохранения памяти об этих людях? Улицы в их честь не называют, зато в каждом городе есть улица Свердлова, одного из главарей красного террора.*

Л.С.: Забывают, что Свердлов и Сталин были ягодами одного поля, а чтобы в г. п. Мир назвать улицу именем Залмана Шазара (третьего президента Израиля) или в Ружанах – именем Ицхака Шамира (восьмой и десятый премьер-министр Израиля), вы представляете, что должно повернуться в головах местного руководства? Ведь это может быть только местная инициатива, а не израильского посольства. Белорусы должны понять, что это за люди, что это важно и нужно, к тому же это перспектива для туризма. Можно сказать, первый шаг в этом направлении сделан. В Ашдоде (Израиль) несколько лет назад поставили

памятник Янке Купале, а в Бресте на ул. Куйбышева – уроженцу этого города Менахему Бегину (седьмой премьер-министр Израиля).

И.О.: *Множество зданий в белорусских городах до Второй мировой войны принадлежали евреям. Есть ли шанс, что их начнут возвращать бывшим собственникам, как это произошло в странах Балтии?*

Л.С.: Это вопрос, который должен быть решен на государственном уровне с учетом норм международного права. Пока ни в Беларуси, ни в России, ни в Украине этого не произошло. Для современного белорусского истеблишмента характерна позиция: это было при большевиках, мы не виноваты и почему мы за их ошибки должны отвечать? Я думаю, что в будущем решение этого вопроса неизбежно, если строить нормальные правовые отношения. И если бы Беларусь пошла по этому пути, она получила бы такие выгодные экономические проекты, которые покрыли бы все расходы.

И.О.: *Вы имеете в виду, что собственники стали бы вкладывать деньги в недвижимость, которую им вернули?*

Л.С.: Если бы Беларусь и Израиль заключили соглашение о реституции, это открыло бы путь для экономического сотрудничества на государственном уровне. Что собственники сделают со зданиями, это уже мелочи. В то же время я очень сомневаюсь, что после войны осталось много документов, на основании которых можно что-то вернуть. Здесь вопрос в политических принципах, а не в тех деньгах, которые Беларусь когда-то сможет выплатить в качестве реституции.

И.О.: *То есть речь идет скорее о жесте доброй воли. А что Израиль мог бы предложить Беларуси в экономическом плане?*

Л.С.: Закон о реституции позволил бы, например, поставить вопрос о режиме большего благоприятствования в торговле и взаимных льготах в налогообложении. Израилю есть что предложить, а экспортирует наша страна в основном передовые технологии и услуги в сфере здравоохранения.

И.О.: *Ну, это довольно дорогие вещи, может, поэтому торговля между нашими странами медленно развивается?*

Л.С.: Я думаю, здесь другие причины. Развитие белорусско-израильских отношений очень тормозят арабские страны. Есть много примеров, когда Беларусь ставят перед выбором: мы или они, поэтому Лукашенко проводит уникальную политику, чтобы со всеми сохранить отношения.

И.О.: *Но претензии к белорусам у евреев есть. Уже не вспоминая об известных высказываниях Александра Григорьевича.*

Л.С.: Я не могу назвать Лукашенко или кого-то из его окружения антисемитом. Но нужно открыто говорить о том, что нам друг в друге не нравится. Зачем прятать скелеты в шкаф? В Литве, например, открыто обсуждается, почему литовцы убивали евреев. Ежегодно в день уничтожения Вильнюсского гетто президент, премьер-министр, депутаты парламента участвуют в траурной церемонии, во всех городских храмах зачитывают списки жертв. Когда Александр Григорьевич последний раз был на Яме? В 2008 г. А тысячи белорусов, которые служили в полиции при немцах, чем занимались? Была, конечно, разница. Белорусов нельзя было раскатать на массовые убийства, как это было в Украине или Прибалтике. Часто называют аргумент: они выполняли приказ. Но каждый мог отказаться участвовать в массовых акциях, за это не убивали. Даже немцев, которые отказывались расстреливать евреев. Их просто отправляли на Восточный фронт.

В Беларуси давно должны быть открыты государственные музеи истории евреев Беларуси, истории Холокоста, истории Минского гетто. Прежде всего, это нужно самим белорусам, поскольку евреи – это неотъемлемая часть белорусской истории. Без евреев Беларусь была бы другой страной и другим народом. Только тот, кто уважает соседа и его память, уважает себя.

Опубликовано:

<http://belsat.eu/ru/news/8-prezidentov-i-premerov-izrailya-proishodili-iz-belarusi-nikogda-ee-ne-vspominali-pochemu/>

Белорусы и евреи всегда между собой легко договаривались

Редакцию Радио «Свобода» в Праге посетил израильский историк *Леонид Смиловицкий*, с которым поговорил *Сергей Шупа*.

Сергей Шупа: *Леонид, чем являются евреи в истории Беларуси и что такое Беларусь в истории евреев?*

Леонид Смиловицкий: Если посмотреть на то, как складывались белорусская нация, государство, экономика, культура и даже язык, можно увидеть, что без участия евреев этого бы просто не произошло. Я не хочу преувеличивать роль евреев в истории Беларуси, но если говорить об объективных процессах, происходивших в Беларуси в начале XX века, вообще обо всей значимости становления государства, нации, формирования культуры, то надо отметить, что все это происходило в процессе взаимодействия и сотрудничества. Эти процессы были искусственно прерваны сначала политикой борьбы с белорусизацией и идишизацией в начале 1930-х годов. Затем пришли русификация, Холокост, а после войны – искусственное нивелирование всей национальной жизни, и не только еврейской, как в Беларуси, так и в других национальных республиках. Была принята на вооружение модель «титულიй нации»: есть титульная нация, а все остальное не существует либо не играет существенной роли.

Во время Второй мировой войны еврейское население Беларуси было почти полностью истреблено – озвучивается цифра 800 тыс. из 1 млн евреев, проживавших в Белоруссии на июнь 1941 г. (вместе с евреями Западной Беларуси и беженцами из Польши). Эта цифра приблизительная, но будем на нее ориентироваться, это 10% населения Беларуси, то есть физически евреи исчезли. После войны те, кто вернулся из Советской армии и из эвакуации, быстро «поняли свое место». Стоит упомянуть и кампании борьбы с космополитами, ограничения и запреты на культурную жизнь (советизации уже оказалось недостаточно, были закрыты журналы, газеты, школы на идише –

все, что касалось еврейской национальной жизни, даже советские по содержанию), разгром Еврейского антифашистского комитета в Москве, убийство Михоэлса. Это привело к тому, что еврейская история Беларуси замерла, и надолго. Но осталось очень много следов: материалы в архивах, неопубликованные воспоминания, письма евреев до войны и в годы войны – так что есть, что изучать. Невозможно написать историю Беларуси без рассмотрения еврейского участия (обратите внимание: не еврейской истории, а еврейского участия) в ней, как и без участия литовцев, украинцев, поляков, цыган, немцев, любых других небольших этносов, национальных меньшинств, как сейчас их принято называть, в истории Беларуси. Хотя евреи здесь были самой многочисленной группой, а если говорить о тонком интеллектуальном слое, который успела «нарастить» – а как известно, «мозги» растут медленно – Беларусь до начала Второй мировой войны и после его потеряла, то роль евреев становится еще более заметной.

С.Ш.: Насколько исследована тема истории евреев Беларуси? Она разрабатывалась на академическом уровне или сегодня приходится все начинать на пустом месте?

Л.С.: До войны существовали целые институты и отделы, которые специально изучали историю евреев по советской методологии, то есть с точки зрения классовых взаимоотношений, участия в революционной борьбе, и избежать этого было нельзя. Привлекалось много статистики, конкретных примеров, материалов этнографии, краеведения, были новации, и эти материалы хорошо собраны в довоенных архивах, которые в значительной мере сохранились. Почему они сохранились? Потому что нацисты убивали евреев, но вывозили еврейские архивы, часть из которых удалось вернуть. Часть архивов успели эвакуировать, поэтому, когда я писал исследование по довоенной истории белорусских евреев, я пользовался архивными материалами.

После освобождения Беларуси в июле 1944 г. и до распада Советского Союза в 1991 г. никаких официальных еврейских структур не существовало, поэтому материал комплексно нигде не собран и его надо искать в архивах «пинцетным» методом. А таким образом много что можно найти, если использовать данные ЦСУ, материалы партархивов, бюро ЦК, пленумов, где рассматривались вопросы, связанные с еврейскими общинами, деятельностью евреев, которые возглавляли определенные структуры министерств, и т. д. И таким «пинцетным»

способом я долгие годы собирал материал; сегодня у нас в Центре диаспоры создан большой архив по всем основным этапам развития истории Беларуси до 1917 г. и после, чему посвящены мои книги.

С.Ш.: *Расскажите о вашем научном вкладе за эти четверть века.*

Л.С.: Когда я приехал в Израиль и открыл для себя тему белорусской иудаики, то, конечно, пошел классическим путем – начал изучать все, что было написано до меня на доступных мне языках, в том числе на иврите. И у меня сложилось определенное убеждение, что эта тема исследована кусками, фрагментами и в ней отсутствует архивный материал, ведь архивы были закрыты, и исследователь смог увидеть их только после 1991 г. Так что мой приезд в Израиль совпал с моментом открытия архивов в Беларуси, и таким образом я оказался в числе первых, кому попали в руки первоисточники. Это уникальные материалы Центрального штаба партизанского движения, бюро ЦК, партийные документы, секретные материалы и расследования и даже компромат на советских и партийных работников. И они сейчас в открытом доступе: пожалуйста, приходи, читай, смотри – огромные докладные записки с подробными расследованиями. Очень много материала.

Конечно, я там искал то, что меня больше всего интересует: как в этом всем присутствует еврейская тема – и эти наработки очень помогли мне в работе над моими книгами. Первая книга была издана в Минске, хотя написана в Израиле: «Евреи Беларуси: из нашей общей истории, 1905–1953 годы» (1999). Вторая книга: «Катастрофа евреев Беларуси 1941–1944 гг.» (Тель-Авив, 2000). Третья книга: «Евреи Турова» (Иерусалим, 2008), в ней на примере Турова я дал портрет белорусского еврейства, не только Полесья, Мозырского округа, но и в целом Беларуси. Следующая книга посвящена истории цензуры в Беларуси (Иерусалим, 2015). Еще одна книга издана в Будапеште и Нью-Йорке и написана на английском: «Еврейская жизнь в Беларуси после войны», *Jewish Life in Belarus. The final decade of the Stalin regime, 1944–1953*/ Central European University Press. CEU Press (Budapest – New York, 2014).

В каждой из этих книг я искал ответ на один и тот же вопрос: какой потенциал был у евреев Беларуси, какое место они занимали в истории Беларуси и что навсегда утеряно в годы Холокоста? Затем – как шел процесс утраты нации и попытки возрождения еврейской жизни после войны? Теперь у меня есть приблизительный ответ на эти вопросы. Если

также интересно знать, что представляет собой белорусское еврейство сегодня и что нас ждет дальше, то есть исчезла нация или нет, я отвечаю так: нация исчезла, но вклад евреев в историю Беларуси настолько существен, что он достоин того, чтобы мы о нем знали, причем на каждом историческом этапе, в чем он, вклад, состоял и какое наследие оставили евреи в Беларуси. Вот об этом надо говорить, а не только о жертвах и о том, как это было ужасно. Я бы хотел как раз поменять акценты и в своих исследованиях об этом говорю.

С.Ш.: *Что потеряла Беларусь с почти полным исчезновением евреев? Какие лакуны остаются незаполненными?*

Л.С.: Потери белорусского еврейства я бы разделил на несколько этапов. Первый этап – 1920–30-е гг. Именно в это время белорусских евреев лишили их национальной, культурной, духовной свободы, если сравнивать с тем, как жили евреи Западной Беларуси в составе Польши (1921–1939 гг.), где, несмотря на официальный, государственный антисемитизм, существовала национальная, культурная, экономическая жизнь, где евреи могли контактировать со всем миром, границы были открыты. В Советской Беларуси границы закрылись после 1929 г., и вся эмиграция прекратилась. Был наложен официальный или неофициальный запрет на религию, на культурную и национальную обособленность, жизнь могла продолжаться только в рамках советской идеологии. Огромные потери произошли еще перед войной. Советская еврейская школа, закрытая в 1938 г. якобы по просьбе родителей, также готовила сталинских соколов, только на еврейский манер. Все, что там было еврейского, это только идиш, но и он вскоре стал неуютен.

Второй сильнейший удар, который был нанесен по белорусскому еврейству, это, конечно, Холокост. 800 тыс. мирных жертв плюс 50–60 тыс. молодых евреев, погибших на фронтах, плюс десятки тысяч, которые не вернулись из эвакуации в Беларусь (погибли там от голода или поехали осваивать Калининградскую область, Сибирь и районы Дальнего Востока после 1945 г.) Первая послевоенная перепись 1959 г. насчитывает в Беларуси всего 150 тыс. евреев.

Следующий этап утраты еврейской самоидентификации – послевоенное время (1940–1970-е гг.), когда национальной культурной и духовной жизни уже не было, синагога запрещена, ивритом никто не занимался и даже на идише евреи на улицах белорусских городов

говорили с оглядкой. Само слово «еврей» стало каким-то неприемлемым, почти неприличным – люди обижались, когда им говорили: «Ты еврей». Так что, на это время пришелся очередной удар по национальному самосознанию евреев.

Четвертый удар – ситуация после распада Советского Союза и в связи с массовой эмиграцией. Уехали десятки тысяч людей – специалистов, интеллигентов не в первом поколении, «мозги». Их никто не останавливал, никто не призывал остаться. Едешь – и езжай себе. Это было тяжелое время для всех. Короче, если не углубляться далее в причины, а сосредоточиться на последствиях: евреев не стало. Евреев не стало в точных науках, в гуманитарных, в естественных, в медицине, в педагогике. И евреи как нация городская – в силу известных исторических причин в сельском хозяйстве евреев не было, не потому, что они боялись работать на земле, а потому, что исторически так сложилось. Кстати, делая небольшой экскурс назад, скажу, что еврейские колхозы составляли более 80% среди сельскохозяйственных кооперативов Беларуси периода НЭПа, до начала массовой коллективизации 1929 г. Евреи НЕ боялись работать на земле, они активно в это пошли. Но занимались они не производством зерна, а скотоводством и производством молочной продукции. Назывались они «коллективы», а на самом деле еврейские коммуны, где все было общее, или фермы с материальной заинтересованностью – кто сколько сделал, столько и получил. Самое главное, что существовали они на принципах самоокупаемости. Тут, конечно, помог и «Джойнт», который поставлял им технику, удобрения, давал кредиты, поддерживал финансово. Факт тот, что они себя оправдывали без искусственных экономических схем. Впоследствии, во время общей коллективизации, из них сделали колхозы сталинского типа.

Итак, евреи уехали, образовались лакуны, и тут вдруг все поняли, что эти пустые места надо заполнять. Кто-то должен прийти в Академию наук, кто-то должен возглавить высшие учебные заведения, кто-то должен лечить... И вот тогда Республика Беларусь почувствовала те огромные потери. На 1989 г., и особенно 1991 г., когда начался массовый отъезд, приходится самый тяжелый период послевоенной истории Беларуси – пока не подросли свои кадры и пока не были физически заполнены эти ниши. Как мы с вами знаем, для того чтобы подготовить ученого, нужно десять лет школы, пять лет университета, три года аспирантуры и т. д. – все эти ступени, короче, не менее двадцати лет

обучения с отрывом от производства. Только после этого он предлагает какие-то идеи, у него появляются ученики, он создает некую школу. Я бы назвал этот период интеллектуально-демографической ямой, от которой Беларусь пострадала больше, чем какая-либо другая республика бывшего СССР, если не брать во внимание Украину. Там тоже уехало много евреев, но чисто по пропорциям они там никогда не занимали такое место в интеллектуальной элите, как в Беларуси. И это как раз тот период, который выпадает из поля зрения социологов и историков.

С.Ш.: После распада Советского Союза и провозглашения независимости Беларуси прошло 25 лет. Как изучалась история белорусских евреев в новом независимом государстве?

Л.С.: Это шло крайне неравномерно. Прежде всего, потому что само государство не оценило важности тех процессов, которые происходили в обществе. Изменилась демографическая структура белорусского общества и белорусской интеллектуальной среды. И если начинать восстанавливать этот потенциал, то нужно в первую очередь обладать всей полнотой информации и видеть всю картину в целом, чего не было в государственных структурах – там решали совсем другие задачи. История евреев Беларуси не изучалась. Во-первых, просто было некому. Во-вторых, не было социального заказа со стороны государства. А те, кто все же изучал историю евреев Беларуси, это любители-одиночки на уровне краеведения, без знания языков и, самое главное, без знания еврейской истории, традиции, еврейской культуры. И это тем более обидно, что в Беларуси сохранилась масса материалов, которые могут помочь восстановить – если не полностью, то достаточно полно – всю прежнюю картину.

Беларусь на сегодняшний день – единственная страна европейского пространства бывшего Советского Союза, в которой нет государственной поддержки изучения истории местных евреев. Наверное, такая же ситуация существует в отношении польской истории Беларуси, татарской, литовской, латышской. Что такое государственная поддержка? Это установка на то, что нужно делать такие шаги, это, во-первых. А во-вторых, нет статьи в государственном бюджете, в которой были бы заложены расходы на развитие музеев, школ, науки, статистики, культуры, истории и др. Нет. На Украине есть, в России есть, в Молдове есть, в странах Балтии есть, о Польше, Чехии и странах дальнего или близкого зарубежья я уже и не говорю. Это естественный процесс,

который давно уже развивается в странах вокруг Беларуси. А в Беларуси есть принцип: мы вам это не запрещаем, и это уже большое достижение, скажите «спасибо». Да, я согласен, но это полдела. Нужно участие государства.

Почему положение таково? Это продуманная политика, которая имеет свое объяснение. Ну, а результат тот, который мы имеем: история евреев Беларуси не написана, не исследована, не изучается фундаментально. Есть только отдельные работы самоотверженных одиночек, которые берутся за освещение каких-то эпизодов – очень важных и нужных в истории евреев Беларуси, но общей панорамы нет, такие работы сегодня отсутствуют. К моему большому сожалению, в Беларуси до сих пор нет государственного еврейского музея, нет энциклопедии истории евреев Беларуси, нет музея Минского гетто и музея Холокоста евреев Беларуси – всего того, что есть в других, соседних с Беларусью странах. Так что приходится об этом сожалеть, но мне как израильскому историку понятно, что работать надо каждый день, не сидеть сложа руки, а постоянно делать свое дело. Не нужно ждать, пока возникнут условия для написания исторического полотна, нужно работать уже сегодня, а после все эти отдельные части сложатся, как мозаика, в одну картину.

С.Ш.: *Белорусы жили рядом с евреями долгие столетия. Как складывались их взаимоотношения? Или существовали конфликты, характерные для других европейских стран?*

Л.С.: Постараюсь ответить на ваш вопрос более-менее компактно, так как тема эта очень обширная.

Концептуально я хочу сказать, что отношения, которые существовали между евреями и белорусами, принципиально отличаются от тех, которые сложились между русскими и евреями. Исторически Беларусь всегда была или частью польского государства, или частью российской, а затем и советской империи, их интегральной частью. Царская администрация относилась к белорусам с презрением как к нации холопов, необразованных крестьян – но православных, с которыми надо работать. Одновременно белорусы подвергались национальному гнету и презрению со стороны поляков, которые тоже считали белорусов неполноценными.

Евреи жили рядом. Их не любили как евреев – религиозный, культурный и национальный конфликт никуда не девался, но не между

белорусами и евреями, а между христианством и иудаизмом. Таким образом, в Беларуси в рамках черты оседлости и те и другие чувствовали себя угнетенными, поэтому им между собой делить было нечего. Не было антагонизма. И белорусские крестьяне (а белорусы не городская нация) жили так же плохо, как и евреи в переполненных городах и местечках. Они вынуждены были друг друга поддерживать и друг другу помогать, взаимодействовать. И сложилась абсолютно уникальная ситуация, когда в Беларуси, в рамках черты оседлости, существовали параллельно две культуры – еврейская и белорусская, которые не пересекались, не было межнациональных браков, но не возникали и межнациональные конфликты.

Еврей-ремесленник обслуживал нужды белоруса-земледелца. Раввин пользовался среди белорусских крестьян таким же уважением, как и христианский священник. Это установленный факт, который никто не оспаривает, – на одной площади стояли и синагога и церковь, только, кажется, расстояние между ними соблюдали – не менее 40 сажен. Все погромы в 1905 г., во время первой русской революции, в Беларуси не имели таких масштабов, как в России. Да и погромщики часто приходили в Беларусь из России, например, в Речицком погроме активно участвовали черносотенцы из Новозыбкова. Погромы провоцировала православная церковь, российские священники, а не белорусы.

Далее. Среди евреев Беларуси не было богатых людей. Банкиров, финансовых тузов, железнодорожных королей, сахарозаводчиков – тех, кто открыто противопоставляет свое материальное благополучие положению основного населения, как, например, на Украине. Белорусские евреи занимались изучением Торы, наукой или ремеслами. Кстати, согласно переписи 1926 г., 96% еврейского населения Беларуси называли своим родным языком идиш, который и языком не считался, это был «жаргон» без письменной традиции. Менделе Мойхер-Сфорим стал первым человеком, который начал писать, издавать и продавать книги на идише. Формирование идиша как литературного языка примерно совпало с аналогичным процессом в белорусском языке, который тоже не считали полноценным. И это развитие было искусственно остановлено. Однако до начала гражданской войны идишизация и белорусизация как языковые и общественные явления проходили параллельно. Советская власть хотела воздействовать на белорусское и еврейское население, говоря на их языке, по-другому просто нельзя было «достучаться», объяснить идеи советской власти.

С.Ш.: *Что такое белорусский антисемитизм? Имеет ли он какие-то специфические черты? Какие у него возможные корни, динамика, интенсивность? Имел ли Холокост в Беларуси какие-то местные особенности?*

Л.С.: Прежде всего интересы белорусов и евреев никогда ни в чем не пересекались. Что же произошло?

После окончания гражданской войны и отмены национальной дискриминации, которая затрагивала еврейство во всех отношениях, были сняты все запреты, и евреи получили равные с другими нациями права как советские граждане. Теперь они могли пойти учиться или работать в любых государственных структурах, включая службу безопасности, партийные органы и комсомол и т. д. И когда 2,5 млн русских, практически весь средний класс, убежали за границу после разгрома белого движения, возникла огромная ниша для среднего класса. Евреи, как наиболее грамотная и социально мобильная часть общества, открытая и подготовленная в деловом отношении, эту нишу немедленно заполнили на уровне управленческого аппарата, администрации. Следует заметить, евреи никогда не были крепостными, имели два выходных дня: субботу и воскресенье – как христианский праздник, то есть при всем гнете, которому подвергались, они сохраняли и некую независимость, обособленность, определенную внутреннюю свободу. Они быстренько пошли учиться – были еврейские врачи, учителя, инженеры, строители, военные...

Начался процесс экономического оживления, период НЭПа, и евреи, конечно, использовали все свои возможности: экономическую инициативность, смекалку – все зашевелилось, все оживо. Когда же это начали сворачивать, то количество евреев в службе госбезопасности, партийных структурах, прокуратуре оказалось непропорционально большим. Посмотрим статистику 1920–1930-х гг. – 40% всех прокуроров, 60% всех секретарей райкомов партии, 80% всех профсоюзных руководителей – евреи. Такие цифры требуют объяснения, которого никто не дает. И это вызывает удивление.

Как повели себя эти люди, когда начался процесс массовой коллективизации, индустриализации, культурной революции, борьбы с национал-демократизмом, этими придуманными «нацдемами», сворачивания белорусизации? Кто были исполнители политики советской власти на местах? Евреи! Их использовали на самой черной работе:

чистка, потом новая чистка, потом чистили тех, кто чистил, и т. д., включая госбезопасность. И уже к середине 1930-х гг. вся эта черная работа в основном была выполнена: белорусизация свернута, идишизация свернута, еврейские школы начали распускать. Отменили официальный статус идиша (до 1938 г. в Беларуси сосуществовало четыре государственных языка: белорусский, русский, польский и идиш; на гербе Белорусской ССР красовались четыре ленточки, на которых лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был написан на четырех языках). Остались только белорусский и русский языки. Но в народной памяти сохранилось, кто проводил репрессии, насаждал большевизм, коллективизацию и т. д. И это все накапливалось. Потом, как известно, в Уголовном кодексе БССР существовала статья за проявления антисемитизма. Сказал кто-то кому-то «жид», спровоцировал конфликт на национальной почве – можно было схлопотать до трех лет тюрьмы. Безусловно, это произвол, ведь, когда евреи называли белорусов как-то неуважительно, им за это не давали срок. И это также отложилось в народной памяти.

Короче говоря, до начала войны имел место бытовой антисемитизм, а также остатки давнего религиозного конфликта между православием и иудаизмом. Все это резко усилилось с приходом нацистов, заявивших, что они ведут борьбу с евреями и коммунистами, а не с белорусским или русским народом, и хотят спасти Беларусь от еврейского засилья. Дали «зеленый свет» расправам. Раздавали еврейское имущество за выдачу еврея – дома, скот, одежду, иногда и того проще – соль, мыло, табак. Однако нацисты испытали большое разочарование, так как не могли «раскачать» белорусов на то, чтобы те по своей воле активно участвовали в Холокосте. Конечно, отдельные примеры были, но массового, национального явления не произошло.

У Янки Купалы есть поэма «Девять осинового колья», написанная в 1942 г. В своей книге «Катастрофа евреев Беларуси», я привожу из нее известную историю, как нацисты привели белорусов расстрелять евреев, а когда они отказались – закопали в землю и тех, и других. В Беларуси есть документы, например, доклад окружного комиссара Пинска в вышестоящую инстанцию, что с местным населением ничего не выходит, нужны специальные карательные отряды; и их привозили из Украины и балтийских стран для выполнения расстрельной работы. Так что, если говорить о государственном антисемитизме, – до войны он в Белоруссии отсутствовал.

На бытовом уровне он никогда не получил такого развития, как в России. После окончания войны все то же «дело врачей», борьба с космополитами, борьба за раскрытие псевдонимов... Но все равно этот процесс искусственно не ускорялся, он присутствовал, он не исчез, но никогда не приобретал таких размеров, как в других местах. И только когда был снят официальный запрет на слово «еврей», когда оно перестало быть зазорным и неприличным, после 1989 г., все вроде бы стало на свои места. Поэтому с полной уверенностью можно утверждать, что исторически сложилась особенность белорусского национального самосознания по тем причинам, которые я постарался в общих чертах обозначить, – толерантность. Так она у белорусов сложилась, выросла, сформировалась, и ее изменить нельзя. Даже нивелировка общей культурной, национальной жизни белорусов и евреев также шла параллельно. И евреи сочувствовали белорусам. И белорусы сочувствовали евреям. Они фактически были моделью для эксперимента, полигоном для ускоренного создания новой общности людей – «советского народа». К тому же, кто руководил Беларусью? Московские начальники в большинстве. Они приезжали, получали директивы и выполняли их. Потеря национальной культурной памяти, духовной жизни – эти процессы у евреев и белорусов шли параллельно.

Белорусы и евреи всегда между собой легко договаривались. Не за счет друг друга, а потому что они постоянно ощущали на себе одинаковое давление сверху – Россия, русификация, московское правительство. И на местном уровне они должны были как-то выживать, «коробочка» была закрыта – я имею в виду границы. Детсья было некуда, надо было выживать, поэтому они между собой договаривались. И евреи, которые потеряли свой язык, свою национальную культуру, свою религию, обычаи, а все, что у них осталось, – это менталитет и генотип, они все равно чувствовали себя евреями. И другие им это напоминали, и запись в паспорте... Очень сложный, болезненный процесс. Но – и это мое глубокое убеждение – в Беларуси было меньше оснований для антисемитизма, чем в других регионах Советского Союза и постсоветского пространства.

С.Ш.: *Какое будущее у белорусского еврейства? Или это уже только тема для исторических исследований?*

Л.С.: Большинство исследователей, занимающихся этой темой, считают, что нужно говорить о потерях, которые понесло еврейство на территории Беларуси и Советского Союза в целом. Сначала я искал ответ на вопрос: какой потенциал потеряла Беларусь в годы войны? Обычно говорили: Холокост, гетто... А что было до этого? Я выяснил для себя. В моих книгах написано. А потом я начал искать ответ на вопрос: а что же дальше? Будущее в чем? Есть оно или нет его? Или все потеряно, и бывшая Атлантида ушла под воду? Нет. Я смотрю на эту ситуацию иначе. Я считаю, что сегодня мы должны говорить не только об исчезновении нации. Необходимо обратить основное внимание на наследие, которое оставили поколения евреев, жившие на этой земле. И эти достижения, этот капитал, они должны перестать быть анонимными. Их следует озвучить. Нужно помнить вклад евреев в историю, в науку, финансы, строительство... Мы должны знать, сколько сделали евреи, и тогда у белорусов откроется второе дыхание, они поймут, что они – не анонимная нация, они поймут свои истоки, когда все формировалось, когда все было непросто. Во-первых, это справедливо, а во-вторых, это объективный процесс, в-третьих, это покажет, что Беларусь – часть европейского сообщества, которая формировалась тоже не сама по себе. Кроме того, это придадо бы авторитет белорусской науке, белорусской политике и белорусскому государству.

Я не имею права обсуждать, что происходит в Беларуси, так как это внутреннее дело Беларуси. Но белорусская история должна перестать быть анонимной. Мы должны назвать всех ее участников и показать место каждого по тому вкладу, который внесли наши народы. Я считаю, что это справедливо, и в моей позиции нет ничего нового. По этой модели идет развитие истории всех других стран. Так что, я думаю, нужно переключить акценты, нужно изменить направление движения в эту сторону. Я к этому призываю, в том числе в моих книгах. Мое глубокое убеждение – история Беларуси очень богата и многообразна. И чем больше будет цветов, тем богаче будет букет. Букет не должен состоять из цветов одного вида. Это простые вещи, которые не надо никому доказывать, они вполне очевидны. Жаль только, что это до сих пор не осуществляется.

Опубликовано:

Interview to Radio Free Europe / Radio Liberty, RFE/RL November 25, 2016 (Prague):

Географический указатель

А

Австрия – 297, 323, 354
Азербайджан – 341
Алма-Ата – 201
Англия – 50, 113-114, 279, 291, 297, 322, 354
Антополь – 169
Аргентина – 279, 297
Аркалык – 275

Б

Баку – 281
Бакуны – 262
Барановичи – 56, 167-168, 203, 208, 230, 348, 377
Барановичская обл. – 120, 174
Барановичский р-н – 375
Башкирия – 133
Белосток – 56, 182
Белостокская обл. – 120
Белыничи – 314
Белынический р-н – 24
Бердичев – 75, 340
Березино – 314
Березинский р-н – 36, 236
Березовский р-н – 234
Берестовицкий р-н – 162
Берлин – 256
Бешенковичский р-н – 236, 270
Биробиджан – 59, 68, 74, 81, 163
Бичи – 369
Бобруйск – 19-20, 23, 39, 46, 51-52, 75, 81, 83, 85, 114, 132-133, 140, 145, 163, 167-168, 201, 205, 241, 254, 275, 281, 283, 314

Бобруйская обл. – 146, 241
Бобруйский р-н – 226
Борисов – 19, 39, 41, 52, 114, 129, 140, 222, 224, 281, 283
Борисовский р-н – 23, 55
Боровичи – 322
Брагин – 343
Брагинский р-н – 368
Бразилия – 279
Браславский р-н – 258, 260
Брест – 56, 108, 146, 152, 156, 160, 164, 182, 223, 225, 265, 292
Брестская обл. – 120, 199, 231, 259, 276
Бруклин – 162
Брянск – 275
Брянская обл. – 209, 233
Буда-Кошелевский р-н – 239, 270
Бузулукский р-н – 121
Бухара – 366
Быхов – 52, 187, 314
Быховский р-н – 46

В

Варшава – 21, 93, 346, 350
Василевичи – 130
Ветка – 46, 120, 203
Ветковский р-н – 274
Видзовский р-н – 259
Вилейка – 128, 281, 283, 291
Вильнюс – 110, 332, 335
Витебск – 19-21, 23, 26, 28, 50, 52, 83, 144, 149, 151, 156, 166, 169-170, 280, 294

Витебская обл. – 46, 55, 117, 146
231, 234, 294
Волковыск – 56
Воложин – 167, 251, 291
Воронеж – 77, 275
Вороновский р-н – 258
Ворошиловский р-н – 222
Восточная Сибирь – 86

Г

Ганцевичи – 251
Германия – 50, 55, 89, 199, 256
275, 279, 287, 306, 323, 354, 370
Глубокое – 251, 257, 281, 283
Глубокский р-н – 251
Глуск – 280
Гольшаны – 251
Гомель – 19-21, 39, 50, 52, 83,
108, 114, 118, 127, 131, 170, 178,
184, 188, 203, 205, 208, 239, 275,
283, 294, 331, 334, 342, 357
Гомельская обл. – 40, 46, 55, 94,
117, 234, 294, 372
Гомельский округ – 45
Горки – 85, 376
Городище – 375, 377
Городищенский р-н – 257, 270
Городок Витебской обл. – 121,
129
Гресский р-н – 230, 241
Гродно – 56, 108, 147, 155-156,
161, 164, 176, 188, 206, 234, 240,
292
Гродненская обл. – 146, 220, 231,
234, 238
Гродненский р-н – 240
Грозново – 314

Д

Давид-Городок – 369
Давид-Городокский р-н – 50, 270

Дальний Восток – 66, 72, 377
Дания – 70
Дараганово – 23, 314
Дворец – 369
Деდიловичи – 114
Джамбул – 200
Джанкойский р-н – 341
Дзержинск (Койданово) – 113,
222, 314
Дисна – 174
Добруш – 173
Дрезден – 280
Дрибин – 314
Дрибинский – 236
Дриссенский р-н – 32, 49, 270
Друйский р-н – 258
Дубровенский р-н – 45
Дубровно – 44
Дуброво – 380
Дуниловичи – 128, 129
Дуниловичский р-н – 259
Душанбе – 275

Е

Египет – 291
Егорьевск – 342
Ельск – 63
Ельский р-н – 270
Елизово – 127

Ж

Жабчицкий р-н – 234
Желудокский р-н – 160, 234, 259
Женева – 290
Житковичи – 52, 63, 170, 251
Житковичский р-н – 256
Житомир – 340
Жлобин – 294, 356
Жлобинский р-н – 36, 270

З

Западная Германия – 83, 297

Западно-Казахстанская обл. – 130
 Зельвенский р-н – 226, 234
 Зембин – 114
 Зябки – 250

И

Ивановский р-н – 258
 Ивацевичи – 346
 Ивацевичский р-н – 234
 Ивенец – 114
 Ивье – 251
 Игумен (Червень) – 19, 129, 209, 251
 Иерусалим – 300, 321, 340, 345, 354
 Ижевск – 366, 368
 Израиль – 83, 89, 113, 175, 179, 187, 194, 206, 287, 305, 338, 354, 374
 Ильянский р-н – 270
 Иркутск – 143, 274
 Испания – 363, 298
 Италия – 256, 279, 297

К

Казахстан – 87, 120, 201, 354
 Калининковичи – 63, 81, 114, 176, 251, 357, 364
 Камень – 314
 Канада – 279, 297
 Капличи – 361
 Караганда – 85
 Кармовичи – 49
 Кемеровская обл. – 233
 Киев – 80, 188, 302, 339-340, 361
 Киргизия – 184
 Китай – 363
 Клайпеда – 143
 Клецкий р-н – 258, 270
 Климовичи – 24, 184, 314
 Кличев – 314
 Княжецкий сельсовет – 45

Кобрин – 114
 Кобринский р-н – 234, 259
 Ковалки – 127
 Кожан-Городок – 276
 Копаткевичский р-н – 270
 Копцевичи – 339
 Копыль – 326
 Копыльский р-н – 236
 Копысь – 314
 Косово – 347
 Костюковичи – 184
 Краснополье – 26
 Кривичи – 128
 Кричев – 24, 184
 Крупки – 314
 Крым – 26, 59, 66, 123, 164, 341-342
 Кубличи – 32
 Куйбышев – 186
 Курганская обл. – 130
 Кфар-Хабад – 345

Л

Латвия – 59, 118
 Лахва – 314
 Лельчицы – 63, 294
 Ленинабад (Худжанд) – 334
 Ленинград – 75, 86, 89, 143, 163, 188, 335, 342-343, 348, 365, 381
 Лепельский р-н – 32
 Лида – 55-56, 176, 251, 256-257, 358
 Лидский р-н – 258
 Лиозно – 314
 Липень – 314
 Литва – 50, 59, 118, 332, 335
 Логойск – 314
 Логойский р-н – 258
 Лозовая – 339
 Лондон – 187
 Лошница – 114
 Лудза – 314

Лунинецкий р-н – 258, 270

Луполово – 47

Львов – 86

Любавичи – 339-340

Любанский р-н – 208

Любань – 381

Люблин – 93

Люкшаны – 168

Ляды – 77, 314

Ляховичи – 128, 250

М

Малин – 339

Малорита – 265

Малоритский р-н – 258

Мартиновка – 24

Марьино Горка – 275, 314, 327

Махновка – 49

Мельбурн – 354

Милославичи – 24,

Минск – 19-20, 22-23, 26, 28, 42, 46, 50, 55, 64, 80-81, 89, 96, 100, 108, 118, 119, 123, 125, 130-135, 137, 140, 143, 147, 157, 163, 166-167, 184, 188-189, 207, 251, 256, 260, 270, 283, 375, 379

Минская обл. – 46, 117, 172, 174, 294

Минский р-н – 270

Мир – 375

Мирский р-н – 270

Могилев – 20, 23, 46, 52, 83, 96, 108, 118, 136, 156, 167, 170, 182, 184, 187-188, 208, 226, 301, 379

Могилевская обл. – 117, 184, 187, 231, 294

Могилевский р-н – 36

Мозырский округ – 63

Мозырь – 19, 20, 23, 52, 114, 152, 161, 170, 202, 205, 251, 275, 280, 314, 361

Молдавия – 59, 89, 325

Молодечненская обл. – 174, 231, 259

Молодечненский р-н – 258

Молодечно – 56, 167, 291

Мончегорск – 209

Мордовская АССР – 133

Москва – 15, 55, 57, 71, 75, 80, 89, 113, 139, 148, 151, 163, 187-188, 290, 302, 340, 342-343, 352, 365, 376, 378

Мстиславль – 44, 184, 314

Мстиславльский р-н – 202, 206

Мюнхен – 354

Н

Наровля – 63

Нарымский край – 164

Негорелое – 366

Несвиж – 269

Новобелица – 227

Новобелицкий р-н – 270

Новогрудок – 56, 251, 314

Нью-Йорк – 21, 187, 337

Ньюпорт – 332

О

Одесса – 353

Озаричи – 63, 339, 341

Орел – 275

Оренбургская обл. – 233

Орша – 44, 156, 378

Оршанский р-н – 49

Осиповичи – 52, 114, 184, 330

Осиповичский р-н – 241, 270

Ошмянский р-н – 234, 258

П

Павлоград – 339

Палестина – 50, 164, 225, 255-256, 279, 281, 288, 304, 322, 328, 340, 346, 349

Панамский канал – 354

Паричи – 46
 Пенза – 343
 Пермь – 344, 380
 Петриков – 63, 339
 Петриковский район – 160, 270
 Пинск – 57, 83, 86, 156, 166, 213, 251, 256, 263, 279, 292
 Пинская обл. – 94, 136, 199, 231, 276
 Пинский округ – 56
 Пинский р-н – 257
 Питтсбург – 300
 Погост-Загородский – 251
 Познань – 346
 Полесская обл. – 55, 117, 145, 160, 201-202, 227, 231, 276, 372
 Полоцк – 20, 23, 52, 83, 142, 145, 251, 260
 Полоцкая обл. – 117, 231, 258
 Полоцкий р-н – 236, 256
 Полтава – 76
 Польша – 50, 55, 80, 157, 183, 225-226, 256, 279, 281, 288, 291, 302, 306, 348, 376
 Поставский р-н – 258
 Прибалтика – 89, 92
 Приишимский р-н – 201
 Пропойск – 184, 314
 Пропойский р-н – 36
 Пружанский р-н – 210, 234, 262
 Пуховичи – 314, 327

Р

Радунь – 127, 338
 Раков – 128, 291, 309
 Реховот – 355
 Речица – 9, 52, 121, 128, 130, 133, 167, 205, 239, 281, 294, 339, 343, 356
 Речицкий р-н – 270
 Речицкий уезд – 40
 Рига – 110, 143

Рогачев – 20, 46, 221
 Рогачевский р-н – 230, 239, 270
 Рогачевский р-н – 44
 Росны – 24,
 Россия, РСФСР – 26, 34, 59, 118, 289, 309, 325, 339
 Россонский р-н – 254, 258
 Руденск – 21, 234
 Рясно – 314

С

Самотевичи – 24
 Саранск – 184
 Свердловск – 132
 Свислочский р-н – 162
 Свислочь – 46
 Святая Воля – 347
 Селиба – 47
 Сенненский р-н – 174
 Сибирь – 86, 92, 377
 Симферополь – 77, 85, 143, 341
 Сирия – 302
 Сиротинский р-н – 36,
 Скидельский р-н – 258
 Слоним – 251, 256, 347-348
 Слуцк – 19-21, 23, 156, 201, 234, 251, 261, 263, 283, 294
 Слуцкий р-н – 261
 Смолевичи – 314
 Смоленск – 330, 332, 337
 Смоленская обл. – 233, 336
 Сморгонский р-н – 258
 Соловки – 328
 Средняя Азия – 92, 94, 123, 334
 Сталинград – 184, 365
 Старобинский р-н – 270
 Стародорожский р-н – 262
 Старые Дороги – 200, 205
 Столбцовский р-н – 258
 Столин – 114, 306
 Суражский р-н – 35-36, 270
 Сухари – 314

США – 86, 113-114, 142, 168, 191,
225-226, 279, 301, 323, 327, 337,
346, 354

Т

Талька – 209
Тбилиси – 89
Телеханы – 251, 347
Тель-Авив – 175
Толпечицы – 45
Торонто – 187
Тростенец – 275
Туров – 9, 63, 326
Туровский р-н – 270

У

Узбекистан – 340
Украина – 26, 34, 59, 80, 84, 89,
92, 118, 289, 309, 325, 339
Унеча – 275
Урал – 92
Уфимская обл. – 121
Ушачи – 127
Ушачский р-н – 32

Ф

Франция – 114, 256, 279, 288, 323,
354
Фрунзе – 184

Х

Харьков – 334
Херсон – 340
Хиславичи – 314
Хойники – 210, 221
Хойницкий р-н – 35
Хотенчицы – 127
Хотимск – 24, 26, 184, 314
Хотимский р-н – 46, 226, 234

Ц

Центральная Азия – 87

Ч

Чарльстон – 377
Чаусский р-н – 270
Чаусы – 184, 314
Чашники – 39, 156, 314
Челябинск – 343
Червень (см. *Игумен*)
Чериков – 314
Черневка – 114, 314
Чернигов – 340
Чернышково – 365
Чехословакия – 175, 279
Чечерский р-н – 270
Чурыково – 280

Ш

Шамово – 314
Шамовщина – 24
Шарковщинский р-н – 270
Шерешево – 169
Шкловский р-н – 270
Шлахтензее – 256

Щ

Щедрин – 23, 38
Щучинский р-н – 162

Ю

Южная Африка – 377
Юревичи – 63

Именной указатель

А

Абезгауз Залман – 102
Аберджель Йорам – 419
Абрамзон – 255
Абрамов Арон – 215
Абрамович Александр – 257
Абрамский Иехезкель – 75
Абрамсон Моше (Григорий Плоткин) – 85
Абчук Авраам – 42
Авербах Л. – 50
Авилов Исаак Фомич – 140
Авраамец – 136
Аврамчик Н. – 394
Авхимович Н.Е. – 155
Агурский Самуил – 23, 38, 50, 53, 101
Адамушко Владимир – 92
Азгур Заир – 101, 109
Айнберг Д.П. – 265
Айхенвальд А. – 50
Аксельрод Е. – 394
Аксельрод Зелик – 55, 58, 126, 389
Акулич Галина – 135
Александров Гилель – 53
Александров Наум – 262
Александрович Хаим – 124
Алексеев Михаил – 240
Алешко Ян – 128
Аллилуева Надежда – 49
Альтшулер Мордехай – 308, 316, 419
Альтшуль Михаил – 223
Андреев А.А. – 122
Анищенко Евгений – 402

Антокольский П. – 394
Антонов А.И. – 399
Антропова Ирина – 419
Арад Ицхак – 308
Аронович – 169
Аронович Дмитрий – 171
Арун Эли – 327
Ашендорф Исроэль – 78

Б

Бабин Моисей – 426
Бабицкий – 254
Бабицкий Абрам – 221
Багрович А. – 92
Бакшт Михаил – 251
Бараг Лев – 109
Баран – 254
Барель А.Я. – 149
Баринбаум Меир – 204
Баркан Иосиф – 230
Баскаков М.И. – 154
Баумволь – 111
Башевис-Зингер Исаак – 43
Бегин Менахем – 300, 457
Безмозгин В.А. – 187
Бейзер Михаэль – 318, 323, 418
Бейлинсон Г. – 175-176
Беккер Мира – 102
Белов Михаил – 270
Беляев В. – 151, 158
Беляев Р. – 174
Бембель – 133
Бенедиктов Григорий – 221
Бен-Иегуда Элизер – 305
Бергельсон Давид – 42, 57, 78, 80, 180

–
Бергер Яков – 296
Березинская – 136
Березкин Григорий – 58, 112
Березняк Александр – 233
Берия Л.П. – 122, 265, 359, 393
Берман Борис (Борух) – 70
Берман-Юрин К. – 50
Бернштейн Давид – 131-132
Бернштейн Моисей – 204
Бернштейн Шлема – 300
Близнянский Самуил – 169
Бломштейн А.Е. – 221
Блюмин Израиль – 431
Блюм-Махлин Бенъямин – 85
Боборенко – 174
Бовшовер Иосиф – 42
Богатырев Анатолий – 111
Богданович Максим – 109
Болдырев Е. – 159
Бомце – 78
Бондарь А. – 136, 141
Борисов – 254
Борисов Борис Александрович – 185
Боровский Ефим – 270
Бородулин Рыгор – 394
Борушанский Яков – 295, 300
Брандзбург Самуил – 281
Брегман Анна (Хана) – 236
Бродский Д. – 394
Бронштейн – 50
Бронштейн Яков – 53, 101, 126
Брудно Цодик – 221
Буглай – 274
Будницкий Захар – 230
Будовля Хана – 201, 225, 227
Бурдевицкий Ефим (Хаим) – 224
Бурстин Целестин – 101
Бурштейн Исаак – 230
Быковский Александр – 49
Быковский Н. – 149
Быховская Брайна Львовна – 22

Быховский Борис – 22
Быховский Вульф Лазаревич – 22
Бядуля Змитрок – 125, 126

В

Вайнер Липа – 270
Вайнштейн – 55, 263
Вайсман Арон – 256
Валк Эли – 321
Варгафтик Натан – 431
Варгафтик Хаим – 270
Вардин И. – 50
Вебер Макс – 434
Вейнерович Иосиф – 110
Вейцман Мария – 156
Вейцман Хаим – 156, 305
Венедиктов А.В. – 201
Венцкович Петр – 128
Вергелис Арон – 78, 179
Вертейм – 122
Верховодко Григорий – 129
Ветров Иван – 136, 235
Вигадиер Абрам – 300
Виленчик Гель – 102
Винер Меер – 78
Виноградов – 166
Виноградский Яков – 167
Винчевский Морис – 42
Вишневский Давид – 375
Власов К. – 193
Вознесенский А.А. – 122
Волобринский Арон – 50, 53
Вольман Самуил – 136
Вольпер Иосиф – 221
Вольские В. и А. – 394
Вольфсон Иосиф – 236
Вольфсон С. – 50
Воротынский – 168
Вронский Ю. – 394
Выдра Рувим – 53

Выменец Хаим-Рувим (Миша) – 251

Вышинский Андрей – 298

Г

Гавзе – 254

Гавриленко – 219

Гайстер Янкель – 168

Гайтельбунд Залман – 221

Галеви Иегуда – 109

Галкин Самуил – 108

Гальперин Лев – 109

Гальперин Моше-Лейба – 43

Гальперин Пейсах Сролевич – 205

Гальперин Шпринца Викторовна – 205

Гальперина Мария – 205, 206

Гангова А. – 394

Ганкин Евгений – 38, 39

Гарай – 128

Гарелик Любовь – 194

Гарриман Аверелл – 399

Гастелович Николай – 110

Гейфман Броня – 270

Геллер – 236, 241

Гельфанд Моисей – 297, 299

Ген Тевье – 78

Гендель – 128

Гендлер Абрам – 279

Генерсон Абрам – 47

Генихович Абрам (Бомка) – 251, 255

Генкин Борис – 300

Генкины Лазарь и Эйдля – 300

Герман М. – 184

Герценштейн – 153

Герцович Яков – 109

Гершиков Мотик – 233

Гершман – 177

Герштейн Лариса – 86

Гессен Владимир – 50

Гилберт М. – 91

Гильбоа А. – 15

Гильдин Хаим – 42

Гильман Сара – 214

Гимельштейн – 125

Гиндин Исаак – 44

Гинзбург – 48, 141

Гинзбург Абрам – 256, 300

Гинзбург Генус – 102

Гинзбург Исаак Лейбович – 102

Гинзбург Шимон – 251

Гинзбург Яков – 48

Гинцберг Ашер-Гирш (Ахад га-Ам) – 431

Гирш (Цви) – 251, 256

Гиршон Израиль – 186

Гительман Дора – 279

Гитлер – 126, 348, 386

Гитлин Анатолий – 210

Гитлин Михаил – 234

Глантман Абрам – 239

Глатман Зяма Соломонович – 185

Глатштейн Яков – 43

Глебко Нина – 133

Глебко Петр – 394

Глузкин Левик – 300

Глускин Мендл – 22

Глускина Гита – 22

Глускина Лея – 22

Глускина Соня – 22

Глуховский Залман – 370

Глушец – 274

Гоberman Евель Давидович – 155

Годинер Шмуль – 78

Гозенпуд – 233, 237

Голанд Рувим – 270

Голдовский Гирш – 431

Головчинер Виктор – 110

Голуб Давид – 102

Голубев – 299

Гольбштейн А. – 79

Гольдберг Мотл – 135
 Гольдберг Шломо – 53
 Гольденберг Шимон – 78
 Гольдин Борис – 226, 233, 301
 Гольдина (Гальперина) Мария – 208, 225
 Гольдины Пейсах и Шпринца – 130
 Гольдман – 221
 Гольдфаден Авром – 392
 Гольдфарб Михаил – 233
 Гольдштат Дина – 168
 Гольдштейн Мойше – 78
 Гольмшток Лев – 53
 Гончаров В. – 235
 Горбачев М.С. – 307
 Гордин Абба – 311
 Гордон Шимон – 79
 Горелик Яков – 48
 Горфункель – 153
 Горький Максим – 21, 172
 Гофштейн Давид – 42, 79
 Грайфер Абрам – 130
 Грибачев Н. – 142
 Григорьев Исаак – 270
 Гринбаум Авраам – 317
 Гринберг Израиль – 222
 Гринберг Яков – 203, 206
 Гриншпан Нина Давидовна – 269
 Гришин И. – 175
 Грозовский Самуил – 230, 236, 241
 Громыко Андрей – 288
 Грубиян Мотл – 78, 111
 Губанов – 397
 Губаревич Константин – 111
 Гузман, семья – 356
 Гурвич – 255
 Гуревич Залман – 358
 Гурштейн Арон – 78
 Гусаков Абрам – 236

Гусаров Николай – 135, 191, 282, 293, 297
 Гутень А.М. – 301
 Гутнер Юда – 48

Д

Давыдова Елизавета – 214
 Дамент Борис – 233
 Дардак Ю. – 50, 53
 Двилянский Яков – 299
 Декель-Хэн Джонатан – 419
 Деншер – 274, 275
 Дер Нистер (Пинхас Каганович) – 79, 80
 Диманштейн Самуил – 16
 Добкин – 254
 Добкин Исаак – 204, 281
 Добкина Фира – 281
 Дозорцев – 295
 Домнич Моисей – 270
 Домосек Лев – 53
 Донхин – 234
 Дорофеев Ю. – 50,
 Драбкин Борис – 230
 Дребнис Я. – 50
 Дрейзен – 141
 Дрейзин И. – 184
 Дрейцер – 136
 Дубелер Лев – 221
 Дубинская (Гищенко) Эстер Шлемовна (Ася Семеновна) – 361
 Дубинские Гершл и Рива – 362
 Дубнов Семен (Шимон) – 43, 311, 431
 Дулевич Александра – 213
 Дунец Хаскель – 50, 53, 126
 Дымшиц Марк – 86
 Дымшиц Юлия – 86
 Дынкина Циля (Шифман Гитл-Цивья) – 327

Е

Евнина Даша – 209, 233
Егудкин Соломон – 270
Егоров – 166
Екатерина II – 408
Ермак В. – 154
Ершов К. – 175
Ёсилевич Берко – 453

Ж

Жданов – 178, 191
Желудев Наум – 281
Жемчужная Полина – 391
Живов Анатолий – 236
Житницкий Марк – 295
Житницкая Бася – 130
Жлобин Абрам – 162
Жлобинский Самсон – 300
Жуков Г.К. – 399
Жуковские Соломон и Бузя – 162

З

Забара Натан – 84
Завин Илья – 270
Зайдель Г. – 50
Зайчик Исаак – 311
Зак Исаак – 226, 234
Закурдяев – 124
Залан – 221
Замалин Макс – 234, 236
Замский Лев – 281
Зархина – 224
Затурянский Алтер – 295, 300
Захаров – 227
Звонак А. – 394
Зевин Шломо-Йосеф – 75
Зеличенко Яков – 270
Зельдин Яков – 78
Зельцер Аркадий – 317
Зельцер Б.Г. – 140

Зильберман Михаил – 186
Зимак Захар – 251
Зимянин Михаил – 150, 154, 193, 235, 397
Зиновьев Григорий – 49, 50
Зискинд Залман – 226
Зискинд Л. – 50
Златкиш Юрий – 300
Зорин Семен (Шолом) – 233
Зрелик Е.Д. – 280
Зубрицкий Михаил – 270
Зунина Ида – 214
Зыглин Яков Шмулевич – 135

И

Ивинский Абрам – 233
Идова Майя – 202, 206, 208
Иосем Лев Борисович (Лейба Борухович) – 376, 378
Иосем Майя Львовна – 375
Иоффе М. – 155, 184
Иоффе Э.Г. – 92, 435
Итман Михаил – 251
Ицкович Меир-Йосиф – 251, 255
Ичковский Карл – 129

К

Каган – 222
Каган Захар – 280
Каган Маркус (Мордехай Бен Гилель ха-Коэн) – 431
Каган Нафтоли – 300
Каган Рафаэль – 23
Каган Эли – 58, 126, 394
Каган Яков – 48
Каганов Исаак – 85
Каганович Альберт – 317, 427-428
Каганович Гирш – 257
Каганович Ципа – 133
Кадош Сара – 418
Казакевич Эммануил – 78

- Казаков – 237
Казовский Гилель (Геннадий) – 419
Каливач Арон – 251, 255
Калинин М.И. – 399
Каменев Лев – 50
Каменецкий Гирш – 50, 111-112, 393
Кампман Н. – 393
Кандеевы, семья – 130
Канторович М. – 141
Каплан – 32, 136, 153, 155
Каплан Зераз – 300
Каплан Рая (Рашель)
Самуиловна – 201, 205, 208, 213
Каплан Сарра – 22
Каплан Хаим Нисонович – 205
Каплун Роза – 214
Карасик Владимир – 322
Карасик Марк Янкелевич – 185
Кардиман М.С. – 46
Карон Айзик – 233
Картанович – 125
Картен Д. – 142
Касперович Е. – 174
Катер – 78
Кауфман Лейзер-Мейше – 251
Кац – 22
Кац Исаак – 251, 256
Кацман – 141, 155
Кацман Эстер – 49
Кацнельсон Арон – 49
Кацович Лазарь – 79, 389-390
Качеровская Ася – 239
Качеровский Ефим (Хаим) – 236
Кашеватский – 78
Квитко Лейб – 80, 180
Кеслер Шлема – 270
Кеслер Шмуэль – 419
Кикоин Михаил – 431
Киппер – 55
Киселев К.В. – 290
Кисель Давид-Хаим Рувимович – 137
Кисельман Рахель – 222
Кисин Абрам – 226
Кислик Н. – 394
Кишкурно – 372
Клюева Н.Г. – 191
Клячкин Макс – 293
Князев Н. – 160
Кобзаревский П. – 394
Кобрин Леон – 434
Кобринский Михаил – 431
Ковалев Павел – 111
Ковалевский Петр – 129
Коган Айзик – 112
Коган Дмитрий – 270
Коган Дов – 251, 255
Коган Илья – 132
Коган Лев – 48
Коган М.Б. – 179
Коганы Залман-Евно, Цивья – 132
Кодкин Владимир – 233
Кожушник – 255
Кожушник Шмуэль – 251, 255
Козев Н. – 158
Колосов Лев – 411
Колышкин – 125
Комиссаров – 184
Константинов Вячеслав – 305
Копелян Ефим (Хаим) – 431
Копелянские, семья – 346
Копытко Иван – 129
Корневский Яков – 142
Кормов – 40
Корневский Борис Борисович – 185
Королев – 170
Короленко Владимир – 172
Королинская Броня – 370
Коршук – 40
Косарева Нина – 133

Косовский Давид – 279
 Косовский Зелик – 195, 299
 Костырченко Г.В. – 288
 Котляр Лев – 233
 Кофлер Реувен – 419
 Коховский М. – 406
 Коэн Исраэль Элиот – 419
 Кравец Иосиф – 270
 Кравцов – 128
 Красненко – 260
 Крачковская Роза – 205
 Креймерман Рузя – 282
 Кренгауз Нина – 142
 Криводубская – 174
 Кристалл Исаак – 142
 Кристолю Любовь – 86
 Кру – 153
 Крубич-Лебедев – 192
 Круглов Ф.М. – 263
 Крупеня Александр – 230
 Крупецкий – 256
 Круткович Сара – 221
 Крымская Мария – 214, 223
 Кугель Г. – 184
 Кузнецов Борис – 236
 Кузник Абрам – 186
 Куликовский – 128
 Кульбак Моше – 42, 53, 126, 329, 389
 Кульберг – 254
 Кунин Исаак – 48
 Кунис Р.М. – 188
 Куперман – 236
 Куперман Янкель – 358
 Курьян Владислав – 128
 Кучар Алесь – 50, 109
 Кушников Арон – 42, 78

Л

Лавит Абрам (Арнольд Арлюк) – 251, 256
 Лавров – 125

Ладин Нехемия (Ноах) – 130, 167
 Ладина Браха – 130
 Ладина Софья – 206, 214
 Лайхтман Софья – 176
 Лапан Мордехай – 86
 Лapidус А. – 161
 Лapidус Израиль – 270
 Лапицкая Софья – 178
 Лапицкий Семен – 274
 Латун Вера – 280
 Лахтанов – 112, 222
 Левин – 254
 Левин А. – 393
 Левин Абрам – 130
 Левин Абрам Менделевич – 140
 Левин В. – 92,
 Левин Г. – 184
 Левин Гершон – 130
 Левин Дмитрий – 270
 Левин И. – 87
 Левин Л. – 184
 Левин Лев – 219, 233, 237
 Левин Леонид – 431
 Левин Я. – 141
 Левина (Кригель) Геня
 Шмуйловна – 205
 Левина Дора – 135
 Левина Нина – 214
 Левина Рахель – 230
 Левина С.А. – 102
 Левина Сара – 262
 Левитан Михл – 17
 Левитин – 192
 Левитин Арье – 86
 Ледвич – 233
 Лежнев Абрам – 39
 Лейзеров А. – 92, 97, 141, 204
 Лейкин Александр – 300
 Лейкина Анна (Хана) – 142, 214
 Лейсин Авраам 43
 Лейсин Иешуа – 43
 Лейфман Яков – 176

–
Лемец – 49
Ленберт Л. – 79
Ленин В.И. – 21, 49
Ленский Владимир – 233
Лентяева – 221
Ленцнер Н. – 50
Лепкивкер Менахем – 419
Лесник – 215
Лесничий С. – 270
Либерберг – 55
Либман Хана – 53
Лившиц – 111
Лившиц Давид – 270
Лидер Израиль-Янкив – 326
Лидер Рохл – 326
Линкович Кирилл – 270
Липай Ольга – 135
Липатов А. – 158
Липкина Софья – 208
Лис Александр Абрамович – 233
Лис Вениамин Абрамович – 388
Литваков – 55
Литваков Моше – 15
Литвинов Лев (Гуревич) – 108-109, 110
Литин Александр Лазаревич – 422
Лифшиц – 254
Лифшиц Б. – 174
Лифшиц Иосиф – 102
Лифшиц Мота – 128
Лифшиц Фаина – 213
Лихтерман Иосиф – 233-234
Лобатенко Н. – 174
Лоев Хенц-Дитрих – 404
Лозинский Самуил – 28
Лойберг Бетя Наумовна – 140
Ломтев – 125
Лужанин М. – 394
Лукашевич Ян – 128
Лукин Вениамин – 311
Лукина Ю.А. – 136

Лундин Калман – 102
Лурье Анатолий – 426
Лурье М. – 50
Лурье Ноте – 42
Лурье Соломон – 426
Лурье Яков – 295-296
Львович Сима – 200, 205, 227, 236
Лэках Семен – 142
Любарский Самуил – 421
Любич – 47
Люблиперман – 136
Любомирский Иошуа – 78
Любошиц Натан – 110

М

Мадорский Семен – 230
Мазин Ишай – 269
Мазо, Арон и Яков – 134
Мазур – 128
Майзель Ю. – 50
Макабоцкий (Маккаби)
Нехемия – 19, 22
Макаль П. – 394
Макс Эрик – 53
Маленков Г.М. – 122
Малинин – 124
Мальтинский Хаим – 78, 111-112
Мамро А. – 174
Мангер Ицхак – 43
Маня Лейб 43
Мараховский Гирш – 270
Марголин – 108
Марголин Борис – 176
Марголин И. – 155
Марголин Рафаил – 233
Марголина Зина – 178
Марголина Фрейда – 270
Марек Ян – 143, 193
Марк Б. – 79
Марк Юдель – 41, 59
Маркиш Перец – 78-80, 180

Маркман Яков – 251, 256, 261, 281
Марков Эдуард – 323
Марон Абрам – 233
Мархасин Лев – 236
Мархлевский Ю. – 28, 33
Матвеев – 125
Матулайтис Станислав – 38
Матышонок Андрей – 260
Махлин – 184
Махлина Рахель – 85
Мацкевич Адольф – 129
Медэн – 45
Меерович Даниэль – 42
Меерович Мария – 109
Мезит Григорий – 49
Меир Голда – 293
Мейерхольд – 108
Меламед – 141
Меламед Михаил – 251
Мелько – 126
Мельник Ноах – 128
Мельцер – 122
Мельцер Д. – 92, 434
Мельцер Исер-Залман – 326
Мельцер Николай Рафаилович – 155
Мельцер Самуил – 120
Менделе Мойхер-Сфорим – 42, 466
Менделевич – 49
Менделевич Хаим – 251
Меркулов В.Н. – 399
Метер (Файнберг) Татьяна – 209
Метер Пейсах – 233
Микоян А.И. – 122, 191
Микулицкая Эстер – 251, 255
Миллер Ида – 163
Мильхман Зиновий – 251, 257
Минаев В. – 14
Миндель Соломон – 280
Минц Алиса – 201, 208, 215-216

Минц Матитьягу – 308
Миньков Григорий – 236
Миронович Исаак – 49
Мительман – 166
Митлин Моисей – 294
Михайлов – 223
Михоэлс Соломон – 80, 109, 122, 154, 168, 179, 187, 206, 261, 311, 391
Мицель Михаил – 418
Млынский Борис – 124
Моделевич Эммануил (Моня) – 233, 236
Модель Михась (Мендель Мовшевич) – 102, 109
Молотов Вячеслав – 121-122, 126, 288, 297, 391
Моргентау Ганс – 79
Мостовая (Гольдштейн) Софья – 162
Мулер Константин – 109
Мурашко И. – 270

Н

Надир Моше – 43
Наймар Яков – 230
Нейфах – 141
Николаева – 45
Никольский Николай – 28
Нисневич Хаим – 251
Новиков – 22
Нодельман – 49, 221
Носевич Фаина – 134

О

Обухович Анна – 280
Овсянкин Петр – 135
Ожинский Пинхус (Пиня) – 251
Озеров Л. – 394
Окунь Гирш – 113, 222
Окунь Фаина – 209
Олевский Борис – 78

–
Оликер – 50
Ольшанский Арон – 233
Орланд Хаим – 42
Осипчук Валентина – 135
Острин Ашер – 418
Островский Абрам – 233
Островский Лев Моисеевич – 101
Островский Яков Наумович – 185

П

Павлова – 49
Пайкина – 370
Пайн Макс – 419
Паллер Самуил – 295, 299
Панченко Пимен – 111
Паперно Рива – 209
Пархомовский М.А. – 323
Пастернак Яков – 251
Патоличев Николай – 144, 150, 194
Певзнер С. – 184
Пейсаховичи Малка и Янкель – 133
Перельман Арон – 300
Переплетчиков Хаим – 301
Перес Шимон – 300
Перец Ицхок-Лейбуш – 42, 57
Перкин Наум Соломонович – 101
Перочинский Борис – 48
Персов Самуил – 80
Петрашень – 40
Петровская Анна – 280
Петровский – 129
Печатников – 49
Пивинский Абрам – 234
Пикель Р. – 50
Пинкус Бенъямин – 308
Пинские, семья – 339-345
Пинский Зиновий – 357

Пинчевский М. – 79
Плавник Мария Исааковна – 126
Платнер Айзик (Исаак Хаимович) – 111-112, 261, 389
Платнер Джессика Исааковна – 394-395
Платнер Дора Ильинична (Дебора Гилельевна Рутштейн) – 389
Платонов Петр – 227
Плимак Иосиф – 300
Плисецкий – 204
Плоткин Борис – 236
Плоткина Дарья – 201
Плоткина Мария – 214
Плотников Б. – 158
Подолинский – 274
Подута Иван – 210
Позднякова – 281
Полесский Вячеслав – 111
Поляковы, семья – 311
Полянкер Гершл – 78
Пономаренко П.К. – 126, 282, 397
Пономаренко Пантелеймон – 55
Порат Джонатан – 419
Последович Макар – 111
Прейгерзон Цви – 85
Прищепов Дмитрий – 62, 70
Протас Нехама – 130
Прудкович – 210
Пружанский Шахно – 169
Пугач (Липкина) Хана – 208

Р

Рабинович Илья – 300
Рабинович Рая – 203, 206, 212
Рабинович Цалик – 233
Равребе Иехиэль – 28, 53
Радек Карл – 50
Райхлин – 112
Райхлин Израиль – 186

Райхман Соломон – 221
Раков Яков Гдальевич – 101
Расовский Моисей Шлемович – 154
Рахлин Г. – 174
Рахлин Хаим (Ефим) – 251, 256
Редлих Шимон – 398
Рейзин Абрам – 234
Рейнгольд И. – 50
Релес Григорий – 38, 49, 111
Ресин Иосиф – 431
Реут Василий – 300
Ривкина Хана – 48
Роговский Мейшке – 127-128
Рожанские, семья – 346
Розен Джозеф – 419
Розенблат Фрэнк – 419
Розенблум С. – 50
Розенштейн Авраам – 22
Розенштейн Рахель – 22
Розенштейн Цви – 22
Розенштейн Шломо – 22
Розинский Беньямин
Мордухович – 204-205, 221, 224
Рои Яков – 308
Романовский Даниэль – 183, 317
Росин Самуэль – 78
Роскин Г.И. – 191
Рохленко Айзик – 236
Рохленко Анна (Хана) – 205, 227
Рохлин Айзик – 270
Рубенчики Абрам и Ёха – 131
Рубин Яков – 53, 174, 176
Рубина – 111
Рубина Цира – 133
Рубинчик – 141
Рубинчик Яков – 41
Рубинчики, семья – 130
Рудак А. – 241
Рудницкий – 254
Русецкий К.П. – 46
Русинов Абрам – 102

Рутман Аркадий – 233
Рытов Цодик – 129
Рябенская Полина – 214, 233

С
Савик – 49
Садан Дов – 86
Садкович Николай – 110
Самурин Д.М. – 301
Свердлов Самуил – 270
Свердлов Я.М. – 456
Сегаль Борис – 300
Сегаль Е. – 184
Сенкевич П.С. – 282
Сергеев Н. – 142
Сержанин – 173
Синильникова Хана – 168
Ситерман Лазарь – 162
Скачков – 263
Скир Григорий – 233
Скюты, Григорий и Михаил – 251, 255
Славин – 233
Славин Илья – 426
Слижков Николай – 46
Слободов – 204
Смиловицкая Галина Израилевна – 9
Смиловицкий Лев Матвеевич – 233
Смиловицкий Мотель-Борух – 9
Смоляр Гирш – 124
Сокольников (Бриллиант) – 50
Соловейчик Зисель – 300
Соловьев – 227
Сонкин Леонид – 233
Соркин Арон – 48
Соркин Иосиф – 300
Сорокин Даниил – 281, 283
Сосис Израиль – 28
Сосновский Михаил – 127
Спришен Мордух – 293, 295, 299

–
Спришена Рахиль – 300
Спровские – 128
Сталин И.В. – 90, 109, 112, 123,
139, 288, 297, 299, 302, 384, 399,
456
Станкевич Станислав – 129
Стерлин – 45
Столин Хаим – 48
Столпер Абрам – 256
Струнец Ефим – 265
Судзиловский Кирилл – 221
Сурвилло – 128
Сысоев А. – 175

Т

Табачников Хаскель – 78
Тайц Марк Юрьевич – 142, 396
Тайц Юрий Ильич – 153
Талалаевский – 79
Тамков Петр – 270
Тарабчук Г. – 158
Тарасевич Михаил – 129
Таратута Абба – 323
Тарлер Аркадий – 233
Тейтельбаум С. – 155
Тейф Моисей – 111, 135
Телесин Зяма – 78, 111
Телушкин – 327
Теплец – 295-296
Тиоцкий Евгений – 111
Ткач Яков – 279
Токман Абрам – 300
Троцкий Лев – 45, 49-50
Трояновская Лара – 419
Тузов – 165
Тульман Семен Исаакович – 177
Тумаркин – 234
Туровец Ольга – 160
Тушнова В. – 394

У

Угоренко Сигизмунд – 260

Уласевич Кондратий – 115

Ф

Фабрикант И. – 174
Файнберг Татьяна – 202
Фалькович Илья – 78
Фарберова Софья – 225, 228
Фарфель – 254
Фарфель Давид – 269
Фейгельман – 122
Фейгельсон Лазарь – 204, 296,
299
Фейгин Зиновий (Зелик) – 120,
203, 210-211, 217, 236
Фейгины Шолом, Любовь, Рая –
120
Фельдман Б. – 50
Фельдман Наум – 124
Фельдон Игнас – 251, 255-256
Фенинберг Эзра – 42
Фефер Ицик – 42, 78-80, 261, 391
Финберг – 281
Финберг Борис – 370
Фининберг Эзра – 78
Финкель Гирш-Шломо – 309
Финкель Ури – 309
Финкельштейн Бенцион – 221
Фискович – 251, 256
Фишер Гарри – 419
Фишер И.З. – 102
Фишер Мовша-Лейба – 131
Фишер Рейза-Гнеса – 131
Флейшер Григорий (Гиршел) –
205, 233
Фольб Григорий – 230
Фрадин Исаак – 236
Фрадкин – 23
Фрадкин Залман – 251, 256, 260
Френкель Ита-Сейна – 130
Фридландер – 419
Фридлянд Ц. – 50

Фридман Борис – 250-251, 255
Фридман Г. – 141
Фриц Давид (Круглянский) – 50
Фруман Сара – 370
Фрумкин – 55
Фурманы Залман и Бруся – 127
Фурсов – 112, 222

Х

Хавкин Иосиф – 270
Хазан Эсфиль – 211
Хайкина Сара – 44
Хайкинсон Рувим – 294
Хайман Шерри – 418
Халипский Афанасий – 234
Ханелес Моисей – 295, 298-299
Ханина – 255
Ханина Гита – 282
Харик Дина Звуловна – 390
Харик Изи – 42, 50, 53, 101, 126, 329, 389-390
Хасин Михаил – 300
Хведарович М. – 384
Хедрицкий – 169
Хейман – 222
Хейфец Мария – 281
Хелемский Я. – 394
Хобод – 213
Ходос Сара – 128
Холавский Шалом – 183
Хоняк – 125
Хорецкая Мария Петровна – 162
Хрущев Н.С. – 81, 89, 139, 422

Ц

Цанава (Джанджгава) Лаврентий – 261, 267, 271, 370, 392-393
Цейтлин Е. – 50
Цеслер Яков – 251, 263
Цивлин Гершл – 357
Цимкинд Моисей – 251, 255, 281
Ципкин Борис Яковлевич – 153

Циркин Лев – 234
Цирлина Полина – 236
Цирульникова – 214
Цукерман – 136
Цыбульский Ян – 128

Ч

Чернин Лейб Бенционович – 82
Чернов Вениамин – 204, 233
Чернов Гирш – 133
Черноглазова Раиса – 92
Чернухин Лев Сергеевич – 185
Чернушевич Н. – 394
Черный Исаак – 48
Чернявский Семен – 224
Чечеткина Ольга – 143
Чечик Израиль Аронович – 9, 214, 281
Чечик Эстер Файвелевна – 214
Чулицкий – 159, 168

Ш

Шабловский В. – 174
Шагал Марк – 391
Шазар Шнеур-Залман – 300, 456
Шамир Ицхак – 305, 456
Шапиро Берта – 136
Шапиро Даниил – 359
Шапиро Иосиф – 238
Шапиро Ламед – 43
Шапиро Моисей Наумович – 153, 270
Шапиро Самуил – 233-234
Шапиро Эли – 22
Шапиро Яков – 237
Шаповалов – 50
Шардыко – 223
Шарет Моше – 298
Шафран Мойша – 186
Шахович – 128
Шварц Софья – 370
Шведик Генах – 78

–
Швец Сара – 383
Шевелев Исаак – 370
Шевелев Липа – 333
Шейман С.М. – 49
Шейндлин Александр – 431
Шейнеман – 129
Шейнин Л.Р. – 206
Шемянские – 127
Шер Арон – 136, 263
Шерман Мария – 214
Шехтман – 233
Шибeko Захар – 436
Шидловский Антон – 128
Шик Абрам – 113, 222
Шиндлер – 234
Шифман Арье-Лейб – 326
Шифрин Абрам – 224
Шифрина И.О. – 140
Шкирятов М.Ф. – 122
Шкляр Сара Семеновна – 121
Школьников Броня – 236
Шкоп (Гузман) Алла – 360
Шлифер Соломон – 81
Шлоссберг Ефим (Хаим) – 102
Шмерук Хоня – 316
Шмуйлович Абрам – 251
Шнеерсон Ицхак – 431
Шнеерсон Йосеф-Ицхок – 23
Шнеерсон Шолом Дов-Бер – 429
Шнейдер Шимен – 300
Шнеур Залкинд-Залман – 434
Шнеур Залман – 43
Шолом-Алейхема – 42, 57, 108,
179, 422, 453
Шпарберг Лазарь – 212, 219, 233
Шпеер Б. – 404
Шпенцер Борис – 101
Шпилькин Лев – 233
Шпрах – 55
Штампфер Шауль – 404
Штейн – 108
Штейн И. – 270

Штейнер – 204
Штейрин Александр Исаакович
– 136, 192
Штенберг – 192
Штерн – 295
Штерншис Анна – 437
Шуб Рувим – 187
Шубик Е. – 184
Шулькин Давид – 230
Шулькин Дмитрий – 218
Шульман – 192
Шульман Иосиф – 110
Шульц – 141
Шурин Семен – 300
Шустер Иосеф – 419

Щ

Щербаков А.С. – 122, 178

Э

Эберлин Елизавета – 186
Эвен Шошан – 305
Эвенчук Мирон – 187
Эйдельман Р. – 50
Эйдинов Арон – 75
Эйдлин Александр – 202, 205-
206, 217
Эйзенхауэр Дуайт – 399
Эйнштейн Альберт – 391
Эльперин Евгений – 233
Эпштейн – 48, 122, 141
Эпштейн Давид – 256, 261
Эпштейн Е. – 226
Эпштейн Раиса – 201, 210
Эренбург Илья – 120, 171, 316-
317, 391
Эскин – 49
Эстельдадт Давид – 42
Этингер Я.Г. – 162, 179
Эттингер Шмуэль – 404
Этус – 125

Ю

Юдин И. – 270

Юдина Софья – 214

Юдины Виктор и Дина – 131

Юдович Яков – 251

Южук Арон – 251, 255, 257

Юшкевич – 255

Я

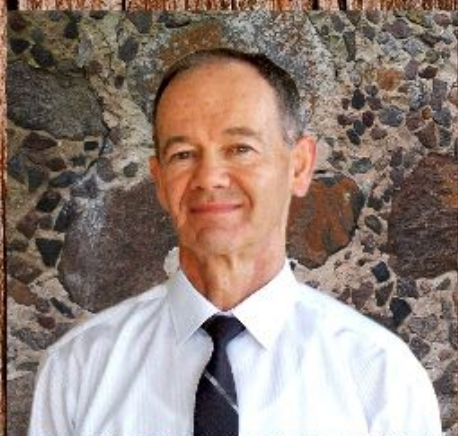
Якир И. – 50

Якобсон Ф. – 394

Якуб – 255

Ясинский – 128

Яцкевич Василий – 128

Леонид Львович
Смиловицкий —
доктор исторических наук,
ст. научный сотрудник
Центра диаспоры
при Тель-Авивском
университете (с 1995 г.),
руководитель проекта
«История евреев Беларуси»,
публикуется в Израиле,
Великобритании, Франции,
США, Германии, Польше,
России и Беларуси.

Автор книг Евреи Беларуси: из нашей общей истории, 1905–1953 гг. (Минск, 1999), Катастрофа евреев в Белоруссии (Тель-Авив, 2000), Евреи в Турове. История местечка Мозырского уезда (Иерусалим, 2008), Jewish Life in Belorussia During the final Decade of the Stalin Regime 1944–1953 (Budapest – New York, 2014); Цензура в БССР: послевоенные годы (Иерусалим, 2015).